

В-42
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

34

1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

В-42
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Византийский временник

34

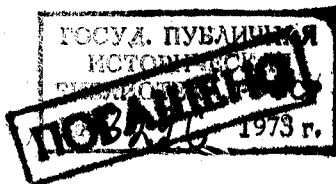

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1973

Редколлегия:

доктор исторических наук *Э. В. Удальцова* (отв. редактор),
действительный член Академии художеств СССР *М. В. Алпатов*,
доктор филологических наук *Е. Э. Гранстрем*,
доктор исторических наук *А. П. Каждан*,
член-корреспондент АН Грузинской ССР *С. Г. Каухчишвили*,
доктор исторических наук *Г. А. Курбатов*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
доктор исторических наук *Е. Э. Липшиц*,
кандидат исторических наук *Г. Г. Литаврин* (зам. отв. редактора),
кандидат исторических наук *Р. А. Наследова* (отв. секретарь),
доктор исторических наук *Е. Ч. Скржинская*,
доктор исторических наук *М. Я. Сюзюмов*.

СТАТЬИ

Е. М. ШТАЕРМАН

ЭВОЛЮЦИЯ АНТИЧНОЙ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ
И АНТИЧНОГО ГОРОДА

Для историка-марксиста не подлежит сомнению, что характер античного города определялся характером античной формы собственности, т. е. единством и взаимообусловленностью коллективной и индивидуальной собственности, гражданского и владельческого статуса, отношением граждан друг к другу как политически и экономически равноправных собственников, участников управления общественными делами и воинов. Город-государство представлял собой их организацию, в одинаковой мере экономическую и политическую, так как в условиях, когда составлявший государство гражданский коллектив являлся собственником земли, государство само было важнейшим участником производственных отношений; его экономические и политические функции теснейшим образом переплетались и последние еще не выделились, так сказать, в чистом виде, как это имело место, например, при домонополистическом капитализме.

Такой характер античного города имел результатом как взаимообусловленность, двойственность экономических и политических связей между гражданами и государством, так и ту исключительную роль политической сферы во всех областях жизни, которая всегда отмечалась всеми исследователями античного мира. Отсюда же в конечном счете происходили и наиболее типичные, основные черты античной системы ценностей и живившейся на ней античной культуры. Хотя античные города всегда были средоточием ремесла и торговли и в ряде случаев эти отрасли хозяйства приобретали самодовлеющее значение, базировались они в основном на землевладении, были в первую очередь организацией землевладельцев. Только владение землей обеспечивало социальный престиж, а в некоторых случаях (например, в городах Римской империи) и пассивное избирательное право, почему всякий мало-мальски обеспеченный торговец и ремесленник приобретал землю, что даже в периоды максимального расцвета ремесла и торговли постоянно восстанавливало землевладельческий характер города.

Античный город имел ряд черт, сближавших его с сельской общиной. И в том, и в другом случае коллектив сочленов являлся верховным собственником земли, составлявшей его территорию. Факт этот несомненен для общественной земли, но может считаться справедливым и для земли, находившейся в частном владении. Отсюда и право контроля над хозяйствованием отдельного собственника, и лежавшее в основе аграрных законов право государства перераспределять землю, и всеобщее убеждение, что народ данного города (а впоследствии император) является истинным собственником земли, предоставленной гражданам лишь в пользование. В античном городе, как и в общине, право на земельный надел и на пользование общественной землей обуславливалось принадлежностью

по рождению или с согласия коллектива владельцев к данной общине или городу. Наконец, в обоих случаях управление политической и экономической жизнью коллектива носило более или менее демократический характер, основываясь на принципе суверенитета народного собрания, т. е. собрания всех правоспособных владельцев, теоретически равных между собой. Органы управления города-государства — совет старейшин, выборные магистраты — генетически восходят к аналогичным органам общинного самоуправления, которые были оттеснены на задний план или деформированы в период господства родо-племенной знати, но затем восстановлены, развиты и усложнены в результате победы демоса или плебса.

Однако античный город имел и довольно существенные отличия от территориальной общины. Видимо, с самого начала элемент частной собственности был развит здесь в гораздо большей степени. Выражалось это не только, а может быть, и не столько в возможности более полного распоряжения наделом, его отчуждения в пользу другого гражданина, сколько в большей гарантированности владельческих прав.

Вообще, как известно, вопрос о собственности в древних обществах принадлежит к одному из самых спорных и темных. Можно ли прилагать здесь те критерии, которые сложились в современном праве? В какой мере следует учитывать правовые нормы и фактические отношения в тех обществах, о которых идет речь, и как соотнести их с нашими критериями? Можно ли считать собственность некоей общей для всех исторических периодов категорией, различающейся лишь по степени своего развития, или в каждой формации она представляет собой нечто особенное? Эти и другие связанные с ними вопросы еще не нашли однозначного решения и, естественно, не могут быть освещены в рамках настоящей статьи. Однако, по-видимому, можно полагать, что даже для римских юристов позднего времени, когда понятие собственности достаточно выкристаллизовалось, оно, в отличие от современных представлений, не связывалось непосредственно с правом отчуждения. Если право отчуждения и включалось в понятие собственности, то вместе с тем могло быть присуще и лицам, собственностью в полном смысле не обладавшим. Например, возможна была продажа участков земли, собственность на которые принадлежала не продающему, а государству, городу или частному землевладельцу и на которые продавец имел лишь те или иные владельческие права (см. Dig., XXI, 11; XIX, 1, 52). То же относится и к рабскому пекулю. Как известно, владевший им раб мог отчуждать входившее в пекулий имущество, вступая в соответственные сделки даже со своим господином, безусловным собственником пекулия. Основная разница состояла в степени гарантирования владельческих прав. Находившийся в чьей-либо собственности земельный участок или имущество свободного не могли быть легально отобраны без постановления суда или иного органа власти, тогда как рабский пекулий или надел, находившийся на государственной, императорской, частновладельческой земле, мог быть изъят по воле собственника. Видимо, такая гарантированность собственности гражданина исконно существовала в городе, что и обуславливало значение компонента частной собственности в том единстве частного и коллективного начал, каким являлась античная форма собственности.

Вторым, видимо, непосредственно связанным с предыдущим отличием античного города от общины было значительно более высокое общественное разделение труда, непрерывно прогрессирувавшее, что вело к интенсивному развитию обмена — от товарного обращения к товарному производству¹. С последним были связаны не только отделение земледелия от

¹ Различие, которое В. И. Ленин проводит между товарным обращением и товарным производством (*В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 328*), следует постоянно

ремесла и растущая дифференциация последнего, но и относительная специализация сельского хозяйства.

Наконец, важнейшим отличительным признаком античного города было его положение суверенного государства, тогда как сельские общины входили в то или иное государственное образование как его составная часть. На их положение неизбежно влияли общий характер системы, элементами которой они являлись, и связи с другими входившими в нее элементами. В таких системах неизбежно возникала многоукладность. Помимо общинной собственности там существовала и иная — царская, храмовая, частная или пожалованная на тех или иных условиях и т. д. с соответственно иными, чем в общине, отношениями, что не могло не оказывать значительного, часто деформирующего и разлагающего, влияния на общину. Напротив, античный город-государство был одноукладен. Здесь существовала только одна, античная, форма собственности, эволюционировавшая согласно ее имманентным закономерностям.

Характер античного города-государства и античной формы собственности обуславливал ряд определявших эти закономерности черт.

1. Прежде всего — двойственный характер связей — экономических и политических — между гражданином и гражданским коллективом, или государством. Внешнее выражение эти связи находили во взаимных обязанностях и правах гражданина и государства. Гражданин был обязан подчиняться не только в сфере чисто политической (соблюдение законов, участие в народном собрании, в военных действиях, отправлении магистратур), но и руководствоваться общими интересами в хозяйственной деятельности. Его долгом было добросовестно возделывать свой земельный участок, который, по римскому закону, мог быть отобран у нерадивого владельца²; разумно управлять имуществом, дабы передать его наследнику приумноженным (бессмысленное расточительство тоже вело к лишению имущественных прав); предоставлять часть своего труда и дохода на коллективные пущды — общественные постройки, празднества, обеспечение города продовольствием, помощь неимущим, помощь соседям в трудоемких работах (последнее занимает важное место в цicerоновской шкале обязанностей)³; продавать основные продукты питания, и в первую очередь хлеб, по ценам, не выше установленных (Dig., XLVIII, 12; L. 4, 1; 18), и т. д.

Права граждан, опять-таки, помимо политических, т. е. участия в народных собраниях, выборе магистратов, проведении законов и т. п., носили и экономический характер. Важнейшим из них было право на обеспечение земельным участком или государственной субсидией, что должно было гарантировать хотя бы в принципе, минимальную экономическую, а следовательно, и политическую независимость, так как, по твердому римскому убеждению, не мог считаться полностью свободным, т. е. полноценным, гражданином тот, кто обеднел настолько, что вынужден работать на другого⁴. Сюда же относится право граждан пользоваться общественной собственностью, будь то *ager publicus* или доходы, прямо или косвенно получаемые благодаря победоносным войнам, за которыми следовали выведение колоний, раздачи, всевозможные операции на захваченных территориях, из которых извлекали выгоду многие граждане.

учитывать при изучении этой эволюции, чтобы, с одной стороны, иметь в виду ее направленность, с другой — не преувеличивать роли товарно-денежных отношений там, где речь может идти только о товарном обращении.

² «Римское частное право». М., 1948, стр. 183, 210.

³ *Cicero. De offic.*, I, 18.

⁴ Например: *Accius. Brut.*, fr. 40; *Macrobius. Saturnal.*, I, 8. Соответственно, свободные, служившие по найму, включались в фамилию нанимателя и считались как бы находившимися на месте рабов (Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, стр. 60—61).

Соответственно обязанность государства заключалась в том, чтобы различными мерами — колонизация, война, перераспределение земли и установление земельного максимума, раздачи, организации крупных общественных работ — обеспечивать граждан. Правом же его было не только в политической, но и в экономической сфере ограничивать отдельных граждан в интересах сохранения и функционирования гражданского коллектива в целом: проводить аграрные законы, регулировать торговлю, ограничивать затраты на роскошь, налагать повинности на имущих в пользу неимущих и т. п. В. И. Ленин определяет свободу гражданскую как свободу в делах личных, семейных, имущественных, а политическую свободу — как свободу народа распоряжаться общенародными, государственными делами⁵. Можно сказать, что граждане античного города в полной мере пользовались второй, тогда как первая была ограничена. Ярким выражением этого ограничения были, между прочим, функции римских цензоров.

2. Второе важнейшее следствие конституирования города-государства — уничтожение или значительное сужение возможностей эксплуатации сограждан. Отмена долгового рабства и запрещение порабощения сограждан исключали эксплуатацию их в качестве рабов. Политическая эмансипация клиентов знатных родов и широкое наделение земель неимущих значительно уменьшили значение эксплуатации клиентов-колонов, которая, видимо, играла большую роль в древнейшем Риме и, по крайней мере на первых порах, сократила число нанимавшихся батраками бедняков. Запрещение законом XII таблиц личных привилегий (табл. IX, 1—2) исключило и такую частую для древних обществ форму эксплуатации, которая возникала из пожалования частному лицу какой-то части государственной территории и прав на повинности ее населения. В результате единственной широкой возможностью присваивать чужой труд становилась эксплуатация рабов-иноплеменников, стоявших вне всех гражданских институтов, что сделало рабство в его «классической» форме необходимым институтом античного города, а самый этот город рабовладельческим, независимо от числа рабов, имевшихся там в тот или иной период. Растущая потребность в присвоении чужого труда могла удовлетворяться тогда лишь за счет развития рабства.

3. Немаловажной чертой античного города-государства, также обусловленной его особенностями, был характер общественных связей, интеграции индивидов в те или иные коллективы и в государство. Некогда в Риме, видимо, большую хозяйственную роль играли как кровнородственные коллективы (роды, включавшие сородичей, клиентов, а, возможно, и происходивших из обедневших сородичей рабов), так и территориальные (паги, трибы, села). Однако в рамках города-государства они свою экономическую роль утратили, сохранив лишь известное значение в культе и политической жизни (например, по свидетельству Цицерона⁶ в пагах шла активная предвыборная агитация).

Такое же положение занимали и более новые союзы — поквартальные и соседские организации, профессиональные и культовые коллегии. Они и их лидеры, игравшие большую или меньшую роль в религиозной и общественной жизни, активизировались в периоды острой политической борьбы, но ни в коей мере не стояли между своими сочленами и государством в том, например, смысле, в каком некогда между клиентом и государством стоял патрон первого. Связь сочленов всех этих новых и старых коллективов с государством была непосредственной. Основной социальной и производственной ячейкой города являлась фамилия, и в более ранние времена ее глава представлял ее перед государством. Но посте-

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 141.

⁶ Cicero. De petition. consul., 8.

пенно ее свободные сочлены — потомки *pater familias*, отпущенники — при известных имущественных ограничениях политически также начали вступать с государством в непосредственную связь. Напротив, рабы, до середины III в. н. э. в известной мере отвечавшие за свои действия перед государством, были по закону Аквилія от такой ответственности избавлены (*Dig.*, IX, 4, 2, 1). Единственным законом для них стала суверенная воля господина, ограничивавшаяся в известной мере традицией и общественным мнением, но не правом⁷. Таким образом, опосредствованным связям в городе-государстве не было места: для свободных она становилась непосредственной, для рабов прерывалась вообще.

4. Поскольку античный полис основывался на земельной собственности граждан, в нем отсутствовали противоречия между городом и деревней. Правда, к концу Римской республики можно отметить известное несовпадение интересов городских низов и мелких сельских собственников, несколько презрительное отношение горожан к «деревенщине» и вместе с тем несколько более высокое положение сельских триб (как известно, отпущенники приписывались тогда только к городским трибам и вели активную борьбу за право вписываться в городские трибы⁸). Но, во-первых, Рим того времени не был уже городом-государством, а во-вторых, моменты эти носили скорее случайный, поверхностный характер, а не являлись выражением действительно глубоких противоречий, возникающих в результате эксплуатации городом села. О полном же их отсутствии в более ранние периоды свидетельствует воплощенный в образе Цинцинната и ему подобных исконный римский идеал гражданина — хорошего земледельца, политического деятеля и воина.

Таковы основные черты античного города-государства в период его расцвета. Однако, несмотря на видимую, так сказать, уравновешенность системы, в ней самой были заложены силы, закономерно приводившие к кризису. Сравнительно высокая степень общественного разделения труда вела к развитию товарного производства, что обуславливало имущественное расслоение граждан, неизбежное в обществе простых товаропроизводителей. Попытки сохранить их экономическую самостоятельность, во-первых, шли в направлении раздела общественной земли, что лишало мелких собственников необходимых им угодий и в конце концов только ускоряло упадок их хозяйств, разорение и закабаление ростовщиками и крупными собственниками; во-вторых, в направлении агрессивных войн за расширение земельного фонда и увеличение материальных ценностей, которые могли быть употреблены на ту или иную форму субсидий бедноте. Однако войны, даже победоносные, лишь временно и весьма неполно удовлетворяли этим требованиям. Конечным же их и гораздо более ощутимым результатом было ускорение имущественной дифференциации, концентрация средств производства и денег в руках одних, обнищание других и развитие рабовладельческого способа производства. Кроме того, войны в конце концов приводили к включению города-государства в качестве победителя или побежденного в новую, большую и сложную систему — античную державу, наиболее полно представленную Римской империей.

В первые века своего существования империя основывалась на городах, и городские собственники составляли ее наиболее широкую и прочную социальную базу. То были века интенсивной урбанизации, возникновения многочисленных городов, основывавшихся на античной форме собственности, которая, таким образом, несмотря на пройденный ею этап

⁷ Е. М. Штаерман. Указ. соч., стр. 162—169.

⁸ Там же, стр. 92.

кризиса и разложения в ряде старых городов-государств и в самом Риме ⁹, снова укрепляется и играет ведущую роль. В эти века она конституируется за счет естественного или искусственно стимулируемого разложения иных, сосуществовавших с нею в империи форм собственности — кровнородственных, племенных, территориальных общин, собственности крупных землевладельцев разных категорий. Провинциальные общины оттеснялись на худшие земли, суммарно отводившиеся им, как связанному круговой порукой коллективу ¹⁰.

Выделение из общин частных владельцев, поссессоров, поощрялось законом, сводившим в первые века империи права общин до минимума. На территориях их селились пришлые элементы, приобретающие земли, чему общины в ряде случаев, видимо, противодействовать не могли и что ускоряло их распад. Когда этот процесс заходил достаточно далеко, т. е. когда появлялся значительный слой поссессоров, община получала квази-муниципальную, а затем и муниципальную организацию. Земли крупных провинциальных собственников зачастую конфисковывались и иногда распределялись между сидевшими на них арендаторами и клиентами, иногда поступали в государственный фонд для выведения колоний или организации императорских сальтусов, которые в свою очередь, если там создавался достаточный слой поссессоров, могли получить городской статус, как, например, Сумелоценна на Рейне ¹¹.

Данные римских агрименсоров и многочисленных надписей показывают, что получавшие статус города поселения конституировались именно как города античные. Они получали территорию, из которой выделялась как общественная городская земля, так и участки граждан, статус которых передавался по наследству. В отличие от общинников, деливших между собой в соответствии с обычаями как отведенную им землю, так и наложенные на них повинности, причем их права на землю не были гарантированы и соответствовали узурфрукту и прекарию, граждане города получали точно измеренный и занесенный в кадастр надел, за повинности с которого отвечали персонально. Города пользовались известным самоуправлением, органы которого были те же, что и в городе-государстве. Аналогичными в принципе оставались также права и обязанности граждан и городского управления и характер объединявших их связей. Подтверждением тому служат хорошо известные данные об огромных затратах магистратов и богатых граждан на нужды городов и дары согражданам, о повинностях по снабжению городов продовольствием, регулировании цен и т. п. Распространение по империи городов стимулировало распространение античного рабовладельческого способа производства, общественного разделения труда, античной культуры. О ведущем характере античного способа производства в эпоху Ранней империи свидетельствует тот факт, что разложение сосуществующих с ним укладов приводило к возникновению хозяйств соответственного типа — рабовладельческих вилл, мелких и средних мастерских. В этот период наибольшее для античного мира значение приобретают экономические связи как между отдельными хозяйствами, так и между отдельными областями империи, хотя значение их и не следует преувеличивать: значительная масса продуктов ремесленного и сельскохозяйственного производства поступала в обращение в результате

⁹ Кризис римской республики в связи с разложением античной формы собственности проанализирован в книге: *С. Л. Утченко. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.*

¹⁰ *Е. С. Голубцова. Очерки социально-политической истории Малой Азии. М., 1962; ее же. Сельская община Малой Азии. М., 1972; Е. М. Штаерман. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961, стр. 30—52; Е. Sereni. La comunità rurale nell'Italia antica. Roma, 1955. Е. Schulten. Die Landgemeinden im Römischen Reich. — «Philologus», Bd. 53, 1894 А. Schulten. Die peregrinen Gaugemeinden im Römischen Reich. — «Rheinisches Museum», Bd. 50, 1895.*

¹¹ *Schriften der röm. Feldmesser, I, 1848, S. 161; CIL, III, № 6358, 6384.*

внеэкономического принуждения — как взимаемая и распределяемая государством натуральная подать или как натуральная рента с принадлежащих государству земель. Натуральным оставалось и хозяйство в крупных сальтусах.

То обстоятельство, что город стал теперь составной частью империи, изменило его положение по сравнению с эпохой городов-государств, что обусловило со временем возрастающую модификацию античной собственности, а значит — и городского строя. Хотя распространение городов связано было с разложением других укладов, последние отнюдь не были вытеснены окончательно. Наряду с античными, продолжали существовать иные производственные отношения. В общинах могли иметь место отношения равных сочленов, или скрытые и явные формы зависимости одних общинников от других, или, наконец, общины зависели от соседних крупных землевладельцев. В экзимирированных императорских и частных сальтусах преобладала эксплуатация мелких держателей разного статуса — посаженных на землю рабов и либертинов, прекаристов, колонов, арендовавших землю по договору или сидевших на ней по обычаю из поколения в поколение, посессоров, обладавших значительно большими правами на свои участки, но также обязанных повинностями собственнику земли.

Даже в тот период, когда преобладание античного уклада казалось абсолютным, эти неоднотипные с ним уклады оказывали на город обратное влияние. Расширение городской территории, необходимое для поддержания равенства граждан-землевладельцев, лимитировалось соседством территорий общин и экзимирированных сальтусов. Владельцы последних, совмещавшие обычно сельское хозяйство с ремесленным производством и добывавшиеся разрешения устраивать на своих землях ярмарки, выступали конкурентами городского ремесла и торговли; они отвлекали часть городского населения на свои земли и сплошь да рядом распространяли влияние не только на соседние села, но и на мелкие города. Отсюда постоянные столкновения администрации императорских и владельцев частных сальтусов с городскими магистратами по поводу земли, организации частных рынков, повинностей населения и т. д.¹² Кроме того, в отношении внегородских территорий императорская власть и ее военно-бюрократический аппарат всегда выступали как власть неперекрывто монархическая, что усиливало и ее позиции в отношении городов, самоуправление которых превращалось в фикцию.

Таким образом, античный город попал в среду, резко отличную от той, в которой существовал город-государство. Для последнего, по крайней мере в принципе, все лежавшее за его пределами было потенциальным объектом захвата, экспансии, необходимой для его воспроизводства и функционирования. В империи, несмотря на постоянную помощь, оказываемую императорами городам, возможности их были ограничены, что не могло не сказаться на жизнеспособности античной формы собственности.

То же изменение среды привело к постепенному разделению гражданского и владельческого статуса. На территории городов появляются группы лиц — *incolae*, — которые владели землей, не будучи гражданами города. С одной стороны, это были граждане других городов, которые вели различные дела вне своей родины и приобретали вне ее земли. Они могли участвовать в народном собрании в качестве особой группы, сепаратно подававшей голоса, по постановлению совета декурионов занимать почетные должности, иногда получать почетное гражданство в не-

¹² Schriften der röm. Feldmesser, I, S. 17, 53, 79, 197; Dig., XXXI, 34, 7; 77, 33; *Plin. Sec.*, Epist., V, 4; AE, 1903, № 243; CIL, IX, № 2827; VIII, № 270; 6357, 8280; II, № 4125.

скольких городах ¹³, но, как бы там ни было, взаимообусловленность гражданского и владельческого статуса становилась фикцией. С другой стороны, к *incolae* могли принадлежать также атрибуированные городу племена, владевшие землей на городской территории, но не имевшие городского гражданства ¹⁴. Их отношения с городами бывали весьма различными. Наиболее состоятельные из них подчас включали в состав граждан при условии отправления магистратур; иногда города облагали их в свою пользу повинностями, назначая им администрацию из числа граждан; иногда, напротив, они пользовались известным самоуправлением, составляя как бы особую общину, в некоторых случаях сливавшуюся позднее с городом. Выступали такие группы и в качестве арендаторов земель городов и граждан. Но, во всяком случае, несовпадение владельческого и гражданского статуса выступает здесь четко. Оно вело к чуждому античным отношениям противоречию между городом и деревней и разделению городского населения на городскую и сельский плебс. Такое разделение обнаруживается уже в некоторых надписях II в. ¹⁵ и юридически, видимо, оформляется в середине III в., когда юрисконсульт Модестин дал разъяснение, что проживающий и работающий в поле не является *incola* (Dig., L, 1, 35). Как известно, к началу IV в. различие между городским и сельским плебсом проводится в законах уже постоянно.

Немаловажное значение имело и постепенное исчезновение городского *ager publicus*, служившего общими угодиями. Он либо сдавался в долгосрочную или краткосрочную аренду, либо обрабатывался самим городом, по свидетельству Плиния Младшего, крайней небрежно ¹⁶. Постепенно эти земли захватывались частными лицами, хотя императоры и их наместники пытались бороться с данным явлением и возвращать захваченные земли городам ¹⁷. Однако приостановить расхищение городских земель не удавалось. Соответственно вспомоществование неимущим осуществлялось уже не в форме наделения их земель, а в форме денежных и натуральных раздач. Характер города как коллектива земельных собственников чем далее, тем более изменялся. Земельными собственниками оставались в основном декурионы, муниципальная знать. Значительная и все возрастающая часть горожан жила ремеслом, торговлей, трудом за плату, раздачами. Постепенно стало размываться и сословие декурионов, многие из которых разорялись из-за переобременения хозяйства все возрастающей потребностью в деньгах, не покрывавшейся доходом от имений, в которых производительность труда рабов и арендаторов, работавших за деньги, возрастала слабо или вовсе не возрастала. Параллельно сходило на нет и демократическое устройство городов. Власть переходила в руки верхушки декурионов, сумевших приумножить свое богатство.

На разложение городского гражданства значительное влияние оказывало и выделение из городских территорий имений сенаторов (Dig., I, 22, 4—6; 23). По мере того, как все большее число крупнейших провинциальных землевладельцев получало сенаторское достоинство, истощался городской земельный фонд, и города лишались наиболее богатых и способных поддерживать их граждан.

Изменяются и формы интеграции индивидов в различные коллективы, и характер их связи с государством. С появлением стоящей над городом императорской власти связь с нею гражданина опосредствуется городом.

¹³ Dig., L, 1, 5; 6, 2; 27, 1—2; 37; CIL, II, № 105, 1936—1964, 5439; VIII, № 1641; X, № 5853.

¹⁴ CIL, V, № 532, 875, 5050; *Chatelain*. Inscr. latin de Maroc., № 116; *Dessau*. Inscr. Lat. Sel., № 6753.

¹⁵ CIL, V, № 5262; IX, № 5428; XI, № 6505.

¹⁶ *Plin Sec.*, Epist., VII, 18.

¹⁷ *Schriften der röm. Feldmesser*, I, S. 79; Dig., XXXI, 78; CIL, X, № 1018, 3917, 5813; AE, 1945, № 85, 1948, № 1.

Через посредство города он выполняет свои повинности и пользуется императорскими «благодетиями». Вместе с тем с ростом числа проживающих в городе неграждан возрастает и роль их организаций — земляческих, культовых, профессиональных (особенно торговых), непосредственно с городом не связанных, живущих своими интересами. Со временем такой же характер приобретают ремесленные коллегии, используемые государством для своих нужд.

Весьма знаменательными были изменения в отношении фамилии. Для города рабы по-прежнему оставались вне его гражданских институтов, городские магистраты вмешиваться в отношения господ и рабов не могли. Но через голову муниципальной организации стала намечаться и укрепляться связь рабов с императорским правительством, начинавшим видеть в них не только подданных *pater familias*, но и подданных государства. Чем дальше, тем больше вмешивается оно в прежде абсолютно замкнутый и автономный мирок фамилии. С одной стороны, императоры, начиная с Августа, в значительно большей мере, чем республиканское правительство, берут на себя функции подавления рабов, ярчайшим примером чему был знаменитый Силанианский сенатусконсульт, действие которого постепенно все более расширялось (Dig., XXIX, 5). С другой стороны, императоры, также начиная с Августа, но особенно во II и III вв., ограничивают произвол господ, частично признают правоспособность рабов, особенно тех, кто фактически уже стал собственником средств производства и имел то или иное право на получение свободы. Проводившиеся в обоих направлениях меры осуществлялись непосредственно представителями центрального правительства — префектом Рима, президами провинций и их аппаратом. Муниципальная организация оставалась в стороне. Все эти изменения в характере общественных связей еще более способствовали упадку ее значения и разложению гражданского коллектива.

В том же направлении действовал и фактор, обусловленный процессами, шедшими не столько внутри городов, сколько в сосуществовавших с ними укладах, но отразившийся также и на городах, а именно — усиление элемента сословности в социальной структуре империи в целом, что было непосредственно связано с разложением старых сословий и классов. Деление граждан на сословия не было органически присуще античному городу. В Риме оно сохранялось, но в период наибольшего развития товарно-денежных отношений, когда сословная принадлежность определялась не только и не столько происхождением, сколько ценом, сословные рамки стали довольно зыбкими. Твердо и неуклонно сохранялось деление, с одной стороны, на граждан и неграждан (но по мере распространения римского гражданства оно сошло на нет) и деление людей на свободнорожденных, либертинов и рабов, причем превращение свободнорожденного гражданина в раба признавалось абсолютно невозможным, за исключением редких случаев соответствующих судебных приговоров. Уже издавна начавшееся расслоение класса рабов приводило к несовпадению классовой и сословной принадлежности известной их части, но оно сглаживалось вольноотпущенничеством, переводившем рабов в сословие либертинов, дети которых уже считались свободнорожденными. Однако к середине II в. н. э. уже столь далеко зашло расслоение свободного гражданства, что правительство легализовало самопродажу в рабство совершеннолетних граждан, санкционируя, таким образом, прежде невозможное сословное изменение их статуса¹⁸. Это был фактический разрыв с одним из основных принципов античной социальной структуры, важнейший шаг на пути к окончательной диссоциации античного, в том числе и городского, гражданства. Конституирование сословий *honestiores* и *humiliores*, в ко-

¹⁸ Dig., I, 5, 5, 1; 24; IV, 7, 9, 4; XL, 3, 3; 4, 2; 12, 7; Cod. Just., V, 9, 10; VII, 16, 5; 17; 28.

торых главную роль снова стало играть происхождение, а не ценз, наносило ему дополнительный удар.

✓ Таким образом, ко времени домината античный город из коллектива самоуправляющихся граждан-землевладельцев с гарантированной свободой и равенством, хотя бы принципиальным, политических и экономических прав превращается в конгломерат слабо связанных между собою корпораций и индивидов, подчиняющихся центральному правительству или насильно удерживаемых в рамках муниципальной организации, в которой распоряжается небольшая верхушка местной знати¹⁹. Этот город утрачивает черты общины, которые были присущи городу, базировавшемуся на античной форме собственности, и вместе с тем еще не обретает свободы от тех рамок, которые для прежней его структуры были естественны, для новой же стали обременительным анахронизмом.

Упадок городов был вызван в первую очередь кризисом античного рабовладельческого способа производства, зашедшего в тупик, разорением муниципальных собственников и ростом крупного землевладения, которое, будучи несовместимым с чисто рабским трудом, предполагало сочетание крупной собственности с мелким хозяйством более или менее зависимых земледельцев. Поэтому параллельно с деградацией муниципального строя на передний план выдвигаются и укрепляются те уклады, которые давали наибольший простор развитию соответственных отношений, а именно экзимирированные салтыусы и свободные или зависимые от земельных магнатов общины. Ярким признаком того было прекращение возникновения новых городов и, напротив, умножение числа сел на государственных и частных землях. С начала III в. правительство, изменив свою прежнюю политику, все более учитывало и охраняло права общин²⁰, что вызывалось не только фискальными соображениями и выгодами, даваемыми круговой порукой, но и насущными потребностями мелкого сельскохозяйственного производства. Оно могло функционировать лишь при наличии общинных угодий, координации работ, взаимопомощи в трудоемких работах и приобретении дорогого инвентаря, а все это требовало усиления власти общинного самоуправления, права общинников принимать или устранять новых сочленов и т. д. Возрастание числа общин, как и числа крупных салтыусов, вело к натурализации хозяйства, автаркичности этих производственных ячеек, ослаблению экономических и усилению политических бюрократических связей, т. е. создавало предпосылки к тому развитию деспотического государства, которое обычно именуется «ориентализацией империи». Как известно, самоудовлетворяющиеся общины и имения слабо связаны друг с другом экономически, и могут быть объединены только политической властью, что и служит базой «восточного деспотизма»²¹. Позднеримское государство, выросшее на этой основе, пыталось вместе с тем сохранить как общину и город. К тому клонились такие меры, как введение круговой поруки за выполнение повинностей и обработку пустующих земель, прикрепление куриалов к их статусу и т. п. Однако, поскольку фактически город уже черты общины утратил, попытки эти были обречены на неудачу.

К тому же искусственная консервация городов в античном смысле этого слова тормозила развитие отношений, более отвечавших сложившимся условиям и дававших больший простор возможному прогрессу.

¹⁹ Процесс перехода власти в руки городской олигархии показан для Греции в кн.: *О. В. Кудрявцев*. Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке н. э. М., 1954, стр. 156—204; для Африки — в кн.: *Г. Г. Дилигенский*. Северная Африка в IV—V веках. М., 1961, стр. 40—148.

²⁰ Dig., X, 1, 7; 3, 7, 1; 4; Cod. Just., III, 37, 1, 1; X, 14, 2; *E. Levy*. West. Roman Vulgar Law. Philadelphia, 1951, p. 119; *E. Kaser*. Das römische Privatrecht. München, 1955, Bd. I, S. 344.

²¹ *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 312; ср. т. 25, стр. 266—267.

В рамках города эти отношения не имели перспектив. Колон здесь, как бы ни было низко его положение, оставался гражданином и не мог попасть в юридическую зависимость от землевладельца, хотя на практике его личная зависимость от последнего становилась все более крепкой, часто оформляясь как отношения «благотетеля» и «благотетельствованного», патрона и клиента, могущественного и «маленького», друга, соседей и т. п.²² С другой стороны, раб, посаженный на землю, не мог приобрести прав, приближавших его к зависимому крестьянину, поскольку в коллективе граждан города никаких прав он иметь не мог, оставаясь только собственностью господина. На территории города не было места сельской общине, так как античная форма собственности знала только индивидуальную и принадлежавшую всему гражданскому коллективу собственность и непосредственную связь гражданина с городом, тогда как община предполагает и иной вид собственности, и иной вид связи ее сочленов с государством. Недаром поэтому в эпоху урбанизации правительство стимулировало разложение общин, и, напротив, по мере того как урбанизация прекращается, множится число сел и различных организаций (родовых, племенных, соседских), которые, видимо, также конституировались как общины. Существование хотя бы уже до пределов деформированного античного города задерживало естественный для создавшихся условий отлив городского плебса в сельские местности, где его труд мог бы найти более целесообразное применение. Положение, сложившееся в издавна урбанизированной и рано попавшей в период застоя и кризиса Греции, как оно отображено в знаменитой Эвбейской речи Диона Хрисостома, стало характерным для всех областей с высокоразвитым муниципальным строем: городские земли в значительной мере оставались необработанными, и вместе с тем в городах скапливалось множество безработной бедноты, содержание которой ложилось дополнительным тяжелым бременем на сограждан.

Таким образом, со всех точек зрения античный город становился тормозом для утверждения отношений, развивавшихся в сосуществовавших с ним укладах. Полный простор им мог открыться только с его уничтожением. Это, конечно, не означает, что гибель античной системы предполагала обязательное разрушение городов вообще. Они могли сохраняться и действительно сохранялись как торгово-ремесленные, административные, культурные центры. Могли в них долгое время оставаться и элементы прежнего устройства — магистратуры, курии, становившиеся составной частью административного устройства тех государств, в состав которых вошли старые города. Как известно, в переходные периоды всегда наличествуют более или менее значительные элементы старого, что, однако, не свидетельствует о сохранении основы старых отношений. Города продолжали существовать, но уже не основывались на античной форме собственности.

Можно полагать, что процесс разложения античной формы собственности и тесно связанный с ним обратный процесс возрождения и укрепления общин и крупных имений на внегородских территориях является важнейшим фактором перехода от античности к феодализму, более показательным и симптоматичным, чем, например, изменения в соотношении удельного веса труда рабов и колонов, изменение положения тех и других и т. д. Проходившие на эти темы дискуссии показали, что соответствующие данные источников или неполны, или могут интерпретироваться весьма различно, причем каждая интерпретация опирается на более или менее убедительные аргументы. Почти для любого периода и для любой области Римской империи, а также долгое время и для сменивших ее го-

²² Е. М. Штаерман. Мораль и религия. . . , стр. 58—67.

сударств мы можем найти сведения о существовании как рабства, так и колоната.

Положение затрудняется и ввиду многозначности последнего термина. Для римских юристов он охватывал всех арендаторов земли, состав которых, со всех точек зрения, был очень пестрым. Их положение, роль в данной социально-экономической системе проследить дифференцированно часто невозможно или очень трудно. Столь же трудно судить о соотношении всех этих форм с рабством. Например, говорят о замене труда рабов трудом колонов, но аргументируют это утверждение в общем недостаточно основательно. Обычно ссылаются на знаменитое письмо Плиния Младшего, в котором он сообщает о своем решении сдать имение издольщикам. Но речь там идет не о переходе от труда рабов к труду колонов, а о переходе от денежной аренды, разорившей прежних съемщиков, к аренде издольной. Мы не имеем никаких оснований полагать, что крупные провинциальные сальгусы типа известных нам по африканским и малоазийским надписям, когда-то были рабскими латифундиями, лишь впоследствии разделенными между колонами, ибо в наше поле зрения они попадают только вместе с последними. С другой стороны, мы видим рабовладельческие виллы, по-видимому, остававшиеся таковыми на протяжении всей эпохи империи, хотя и там нередко часть земли сдавалась в аренду. Мы можем утверждать, что в последние века законодательство уделяет основное внимание колонам и что это свидетельствует о возрастании роли именно их труда. Но весьма спорным будет утверждение, что это относится ко всем типам хозяйств. Вполне вероятно, что данный факт объясняется не общей заменой труда рабов трудом колонов, а тем, что на передний план выдвигаются те уклады, те производственные ячейки, в которых мелкие держатели земли всегда играли ведущую роль, хотя собственники земли при этом владели и большим числом рабов — квалифицированных земледельцев, пастухов, ремесленников, слуг, служащих административного персонала.

Те же трудности возникают и при анализе положения в государствах, сменивших Римскую империю, где мы снова встречаем и разные типы хозяйств, и различные категории колонов и рабов.

Наконец, по-видимому, в попытках точно определить, где во множестве переходных форм кончается рабство и начинается феодальная зависимость, будет неизбежно присутствовать тот же осужденный В. И. Лениным педантизм, который был свойствен аналогичным попыткам «с точностью аптекарских весов» определить, где в хозяйствах пореформенной России кончается крепостничество и начинается «чистый капитализм»²³.

С другой стороны, как известно, смена формаций определяется сменой отношений собственности. Для античного мира определяющей была античная форма собственности, воплощенная в античном городе. И, по-видимому, о принадлежности какого-либо общества к античному рабовладельческому можно судить скорее не по положению рабов и колонов, а по характеру существовавших в этом обществе городов и их соотношению с другими формами собственности. Возможно, исследования, проведенные под соответствующим углом зрения, приблизят нас к решению «вечной» проблемы падения античного и генезиса феодального строя.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 46.

А. А. ЧЕКАЛОВА

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ АРГИРОПРАТЫ В ЭПОХУ ЮСТИНИАНА

Термин «аргиропраты» двояко понимается исследователями. Одни считают, что это были ювелиры, менялы и ростовщики¹, другие относят понятие «аргиропрат» только к менялам и ростовщикам². Спорность трактовки этого термина объясняется тем, что источники обычно не раскрывают понятия «аргиропрат»³. Тем не менее мы склонны присоединиться к первой точке зрения. Во-первых, хотя, как справедливо отметил И. Ф. Фихман⁴, в 136-й новелле Юстиниана и его эдиктах речь идет прежде всего о финансовой и ростовщической деятельности аргиропратов, а термины «аргиропрат» и «трапезит» в них являются синонимами, законодательный материал допускает возможность более широкого толкования термина аргиропрат. Так, в III главе 136-й новеллы говорится, что у аргиропратов часто бывают украшения и серебро, которое они дают в долг или продают (*κόσμου πολλὰ καὶ ἢ ἀργύρου ἐπὶ τῶν τοιούτων δίδομένου ἢ πειρασχομένου*).

О том же свидетельствует, на наш взгляд, и спорное место из жития Иоанна Милостивого, где рассказывается, как некий серебряных дел мастер (*ἀργυροκόπος*), живший в Иерусалиме, пригласил к себе на утреннюю трапезу аргиропратов, приехавших в этот город из Африки⁵. Логичнее всего предполагать, что речь в данном случае идет о людях одной профессии, и, следовательно, термины *ἀργυροκόπος* и *ἀργυροπράτης* можно рассматривать здесь как синонимы.

Интересные данные сохранились у Иоанна Мосха, который описывает, как однажды пекий бедняк, нашедший ценный камень, принес его к трапезиту, являвшемуся одновременно и аргиропратом (*εἰς τὸν τραπεζίτην. Αὐτὸς δὲ ἦν καὶ ἀργυροπράτης*)⁶.

¹ См., например: А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 150—153; E. Cruikshank Dodd. Byzantine Silver Stamps. Washington, 1964, p. 31; A. H. M. Jones. The Later Roman Empire. London, 1964, p. 863—864; В. Н. Залесская. Письменные источники о художественной обработке металла в византийской Сирии. — ПС, 19 (82), 1969, стр. 190; Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, стр. 107—108, 146.

² См., например: E. Panton. Lexique explicatif du Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Asie Mineure. — Byz., 4, 1927—1928, p. 65; И. Ф. Фихман. Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, стр. 27, прим. 98.

³ См., например: L'orfèvre Andronicus et son épouse Athanasie. Vie et récits de l'abbé Daniel, de scète (VI siècle). Text grec, publié par M. L. Clugnet. — «Revue de l'Orient chrétien», V, № 3. Paris, 1900, p. 370—375; А. Панадопуло-Керамевс. Varia Graeca Sacra. СПб., 1909 (далее Varia Sacra), p. 10.

⁴ И. Ф. Фихман. Указ. соч., стр. 27, прим. 98.

⁵ *Leontios von Neapolis*. Leben des Heiligen Johannes des Barmherzigen Erzbischofs von Alexandrien, hrsg. von H. Gelzer. Freiburg und Leipzig, 1893, p. 44—45.

⁶ *Ioannes Moschus*. Pratum spirituale. — PG, t. 87, pars 3 (далее — Mosch), col. 3061.

Таким образом, сводить деятельность аргиропратов лишь к ростовщичеству и обмену денег было бы, нам кажется, ошибкой, хотя именно об этой стороне их занятий сохранилось больше сведений и именно эта деятельность (финансово-ростовщическая) выдвигала их на первый план в экономической жизни византийского города VI в.⁷

В настоящей статье автор не ставит своей целью всесторонне обрисовать деятельность аргиропратов. Его задача несколько скромнее: определить место столичных аргиропратов среди аргиропратов других городов, их роль в государстве, а также их взаимоотношения с другими слоями населения (в частности с аристократией) и с императорской властью.

Аргиропраты существовали во многих городах империи: Александрии, Антиохии, Иерусалиме, Нисибисе и др.⁸ Одним из наиболее благоприятных мест их деятельности являлась столица, о чем свидетельствует, например, Иоанн Мосх. Он рассказывает, как два брата аргиропрата, родом сирийцы, жили в Константинополе из-за своего ремесла⁹. Столичные аргиропраты были, по-видимому, более многочисленны и пользовались большим влиянием, чем их собратья из других городов. В 136-й новелле и IX эдикте Юстиниан прямо указывает, что его постановления составлены по просьбам аргиропратов Константинополя. «Члены корпорации аргиропратов этого счастливого города, — говорится в новелле, — приходят к нам и просят оказать им помощь. . .»¹⁰.

С такой же примерно фразы начинается и IX эдикт, где к тому же упоминается обо всех щедротах, которые оказал столичным аргиропратам Юстиниан¹¹. Таким образом, 136-я новелла и эдикты Юстиниана имеют в виду прежде всего аргиропратов Константинополя. Это подчеркивается еще и тем фактом, что IX, так же как и, по всей вероятности, VII¹², эдикт составлен не на имя префекта претория или комита священных щедрот, а на имя префекта города. Об исключительности положения, которое занимали столичные аргиропраты, свидетельствует и еще одно обстоятельство. Только они имели право нести государственную службу, как явствует из постановления Юстиниана: «Впредь запрещаем нести государственную службу (*militare*) тем, которые состоят при каком-либо эргастии этого благословенного города или провинции, исключая менял (*argenti distractoribus*), ведущих дела в этом благословенном городе»¹³. Значит, следовательно, не распространялся на аргиропратов других городов.

Аргиропраты играли крупную роль в государстве, и это неоднократно подчеркивает Юстиниан в своих постановлениях. По его словам, они принимали участие в сделках, происходивших почти во всей империи (*τοῖς ἐν πάσῃ σφεδὼν τῇ πολιτείᾳ γινόμενοις συναλλάγμασιν ὑπουργούντων*)¹⁴. Самые важные и самые значительные контракты заключались с их помощью, говорится в VII эдикте¹⁵. В чем же состояла их помощь? Главным образом

⁷ Г. Л. Курбатов. Указ. соч., стр. 107.

⁸ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 151—152; В. Н. Залесская. Указ. соч., стр. 190—191.

⁹ Mosch., col. 3066.

¹⁰ Nov. 136, Praef.

¹¹ Ed. IX., Praef.: Τὸ κοινὸν τοῦ συστήματος τῶν ἀργυροπρατῶν τῶν ἐπὶ ταύτης τῆς μεγάλης πόλεως ὄντων ἐκέλευσε τὸ ἡμέτερον κράτος, πρὸς τοῖς ἄλλοις ἅπασιν, οἷς αὐτοῖς περὶ λοσιμύμεθα καὶ νῦν καθ' ἕτερον αὐτοῖς βοηθήσαι τρόπον.

¹² VII эдикт составлен в марте 542 г. на имя Юлиана, который не был ни префектом претория (эту должность занимал тогда Феодот. — E. Stein. Histoire du Bas-Empire, t. II. Paris—Bruxelles—Amsterdam, 1959, p. 784), ни комитом священных щедрот, которым являлся тогда, по свидетельству самого эдикта (cap. VI), Петр Барсима.

¹³ Cod. Just., XII, 35.

¹⁴ Ed. VII, cap. IV.

¹⁵ Ibid., cap. VIII.

в посредничестве и поручительстве. Сделки могли быть самыми разнообразными и касаться как предметов, которые можно измерять и взвешивать, так и всякого другого имущества, движимого или недвижимого, включая дома, землю и даже людей (*certa domus, vel certus ager, vel certus homo*)¹⁶.

Посредничество также носило различные формы. Нередко аргиропраты покупали для других имущество и сами отдавали в качестве залога золото или другие ценности (*πράγματα*)¹⁷. Им поручалась и распродажа имущества с торгов. В данном случае речь могла идти о конфискованном имуществе (как это, вероятно, было при продаже одежд императора Зинона, о чем упоминает Иоанн Антиохийский¹⁸), имуществе человека, умершего без завещания, вынужденной распродаже в результате разорения, наконец, обычной продаже какого-либо имущества, например урожая¹⁹. Но в таких случаях аргиропрат выступал как посредник не только при продаже ценностей, но и их покупке. Кроме того, они бывали оценщиками имущества²⁰.

В VI в. были широко распространены различные виды поручительства аргиропратов. В VII эдикте Юстиниан говорит, что при ведении судебных дел не следует требовать от аргиропратов поручительства другого лица, поскольку они сами обычно являются поручителями и дают клятвы за других (*ὅν ἡ πίστις καὶ ὑπὲρ ἑτέρων ἀρκεῖν νομίζεται*)²¹. Как поручители аргиропраты гарантировали выплату денег или отдачу каких-либо других ценностей, включая движимое или недвижимое имущество²². Нередко гарантировали они уплату долга, срок которого уже истек²³.

Но этим не исчерпывается деятельность аргиропратов, которых источники довольно часто изображают как крупных кредиторов, банкиров средневекового типа²⁴. В своем распоряжении они имели золото, серебро, драгоценности (*εἶδη χρησαμένα*)²⁵, которые ссужали под залог²⁶ или большие проценты²⁷. Размер ссуды был, по всей вероятности, велик. На деньги аргиропратов их должники приобретали как движимое, так и недвижимое имущество (*ἐδάνεισαν εἰς ἀγοράσιαν πράγματων τινῶν κινήτων ἢ*

¹⁶ Cod. Just., IV, 18, 2; G. Platon. Les banquiers dans la législation de Justinien. Paris, 1912, p. 46 s. Это, пожалуй, единственная работа, которая посвящена аргиропратам VI в., однако она страдает неполнотой, так как учитывает в основном Дигесты и Кодекс Юстиниана, не принимая во внимание 136-ю новеллу и VII и IX эдикты, специально посвященные аргиропратам. Статьи Кодекса, между тем, имеют в виду не только аргиропратов, но и других торговцев (см., например, Cod. Just., IV, 18, 2: . . . *argenti distractores et alii negotiatores*); в ряде случаев аргиропраты лишь подразумеваются (Dig., XIII, 5, 27; XIII, 5, 12; XVII, 1, 1, 28 etc.). Автора больше интересуют вопросы юридического характера, чем социально-экономического. Крупным недостатком работы является преувеличение Ж. Платоном роли денежных отношений в VI в. и в более ранний период. По его мнению, роль аргиропратов (которых он называет преимущественно банкирами) была в то время так же велика, как и в современных исследователю Англии и США. «Не было семьи, обладавшей каким-либо состоянием, которая не держала бы текущего счета у своего банкира и не оформляла свои платежи через него», — пишет Ж. Платон (op. cit., p. 1). Вместе с тем в исследовании содержится ряд ценных сведений, в частности об институте *receptu argentarii*, которому автор отводит в своей работе центральное место (op. cit., p. 43—117).

¹⁷ Ed. IX, Praef.

¹⁸ *Excerpta historica iussu imp. Constantini Porphyrogeniti*, vol. III. *Excerpta de insidiis*. Berolini, 1905 (далее — Ex. de ins.), p. 142.

¹⁹ G. Platon. Op. cit., p. 21, s; Dig., XLVI, 3, 88; XVII, 1, 1.

²⁰ G. Platon. Op. cit., p. 21, s; ср.: И. Ф. Фихман. Указ. соч., стр. 17 (об аргиропрате — оценщике приданого).

²¹ Ed. VII, cap. V.

²² Cod. Just., IV, 18.2; G. Platon. Op. cit., p. 46 s.

²³ Ed. IX, Praef.

²⁴ Nov. 136; Ed. VII, IX; М. Я. Сюзюмов. Византийская Книга Эпарха. М., 1962, стр. 128.

²⁵ Nov. 136, cap. III, Ed. VII, Praef.

²⁶ Ed. IX, cap. IV.

²⁷ Nov. 136, cap. IV, V; Ed. IX, cap. V—VI.

ἀκινήτων), о чем неоднократно упоминается в законодательстве²⁸. О семье одного ростовщика рассказывается и в чудесах св. Артемия²⁹.

Константинопольские аргиропраты имели широкие связи. Папирус 541 г. из Афродито рассказывает, как жители этого селения — священник Флавий Виктор и его спутник — во время пребывания в Константинополе произвели заем в 20 номисм у аргиропрата Анастасия. Выплата должна была произойти в Александрии, где Анастасий имел контору (ἀποθήκη) со своим человеком (ἄνθρωπος) по имени Фома³⁰.

Все операции аргиропраты фиксировали в ежедневных записях³¹, и им предписывалось вести тщательный учет дел³². При составлении контрактов составлялись счета (λογισμοί)³³, в которые записывались приход и расход и которые при возбуждении судебного процесса должны были представляться с суд³⁴. Подписанные договаривающимися сторонами счета признавались недействительными лишь в том случае, если была допущена ошибка в счете или при вычислении процентов³⁵.

Аргиропраты выполняли общественные функции³⁶, привлекались к расчетам государственного казначейства³⁷. Во время праздников по приказу императора они выставляли свой товар³⁸.

Среди других торговцев и ремесленников константинопольские аргиропраты занимали особое место. Только они имели право занимать государственные должности, исключая службу в войске (χωρίς ἐνόπλου στρατείας)³⁹. Упомянутый уже Флавий Анастасий был *castrensianus sacrae mensae*⁴⁰. Аргиропраты могли быть и духовными лицами. Так, от VI—VII вв. сохранился моливдовул Павла дьякона, являвшегося аргиропратом⁴¹. В VI в. аргиропраты носили титул *λαμπρότατος* (*clarissimus*), причем Р. Гийан полагает, что речь идет об официальном титуле, а не об эпитете вежливости⁴².

Аргиропраты имели доступ ко двору и играли немалую роль в жизни столицы. Малала, а вслед за ним и Феофан рассказывают о заговоре против императора в 562 г., участниками которого были Аблабий, сын Мелтиада, аргиропрат Маркелл и племянник куратора Эферия Сергей. Аблабий получил от Маркелла 50 либр золота за свое участие. Когда Аблабий открыл план заговорщиков, аргиропрат Маркелл был пойман в тот самый вечер, когда он, собираясь осуществить свой замысел, с кинжалом входил во дворец. В связи с этим заговором источники упоминают аргиропратов Евсевия, Вита и Исакия, который каким-то образом был связан с Вели-

²⁸ Nov. 136, cap. III; Ed. VII, cap. VII.

²⁹ *Varia Sacra*, p. 61—62; А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 153; М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 141—142.

³⁰ *Papyrus grecs d'époque byzantine*, ed. par. J. Maspéro. Le Caire, 1913, t. 2, p. 2—6.

³¹ Ed. VII, cap. I; Ed. IX, Praef.

³² Dig., II, 13, 10, § 1.

³³ Ed. IX, cap. II.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Dig., II, 13, 10, § 1.

³⁷ М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 128. Ср. E. Hanton. Op. cit., p. 66.

³⁸ *Ioannis Malalae Chronographia*. Bonnae, 1831, p. 492.

³⁹ Cod. Just., XII, 35; Nov. 136, cap. II; Ed. IX, cap. VI.

В греческом тексте служба названа *στρατεία*, и М. Я. Сюзюмов (указ. соч., стр. 147), ссылаясь на 136-ю повеллу, утверждает, что трапезиты и их сыновья участвовали в походах. Однако это едва ли возможно, поскольку в Кодексе Юстиниана (XII, 35), и IX эдикте (cap. VI) специально оговаривается служба в войске (*armata quidem militia penitus abstinere*, χωρίς ἐνόπλου στρατείας). По-видимому, *στρατεία*, так же как и *militia*, следует в данном случае относить не к военной, а к гражданской службе, как это и делает А. Джонс (А. Н. М. Jones. Op. cit., p. 864; ср. L. Gagé. Les classes sociales dans l'Empire Romain. Paris, 1964, p. 355).

⁴⁰ J. Maspéro. Op. cit., p. 3.

⁴¹ G. Schlumberger. *Sigillographie de l'empire byzantin*. Paris, 1884, p. 440.

⁴² Р. Гийан. Очерки административной истории Ранневизантийской империи (IV—VI вв.). — ВВ, XXIV, 1964, стр. 48.

сарием (κατὰ Βελισάριον)⁴³. Именно у этого Исакия Маркелл одолжил 50 либр⁴⁴. Итак, аргиропраты субсидируют заговор (что лишний раз свидетельствует об их состоятельности), состоят в связях с первыми лицами двора и имеют к нему непосредственный доступ.

В чем, однако, причина заговора аргиропратов? Ответ на этот вопрос дает законодательство Юстиниана, который не смог разрешить всех вопросов, связанных с аргиропратами, хотя и посвятил им три довольно больших постановления — 136-го новеллу и VII и IX эдикты. В ряде случаев император пошел навстречу аргиропратам. Так он поступил, например, в вопросе о государственных должностях, купленных должниками аргиропратов или их детьми. Аргиропраты просили, чтобы купленные должности рассматривались как приобретенные из занятых денег, а не из собственных средств. По отношению к самим аргиропратам закон именно так и трактовался, и они, естественно, стремились уравнивать себя с другими. Юстиниан признал притязания аргиропратов обоснованными и постановил, чтобы должности, купленные должниками аргиропратов или детьми должников, в случае невозможности возвратить занятую сумму продавались в уплату долга. Исключение составляли лишь должности, приобретенные детьми должников из средств матери или полученные по императорской щедрости⁴⁵.

Согласно VII эдикту, аргиропраты имели преимущество перед другими кредиторами своего должника⁴⁶. Кроме того, они получили право возбуждать процесс относительно имущества, проданного их должниками или находящегося в залоге⁴⁷. Если должник аргиропрата в свою очередь давал кому-нибудь деньги в займы, то аргиропраты имели право на эту сумму и могли возбудить судебный процесс⁴⁸.

Юстиниан подтвердил в 136-й новелле право аргиропратов на получение восьми процентов прибыли⁴⁹. В IX эдикте он, тем не менее, вновь останавливается на размере процентов. Дело в том, что должники аргиропратов, ссылаясь на то, что их кредиторы имеют какую-либо должность (а в этом случае полагалось брать лишь 6%⁵⁰), не соглашались выплачивать восемь процентов. Юстиниан посчитал это недостаточным предложением и вновь подтвердил право аргиропратов на восемь процентов⁵¹. Аргиропраты, однако, претендовали на большее. Он просили императора узаконить проценты, превосходящие норму, под тем предлогом, что им постоянно приходится одалживать деньги. Но Юстиниан в IX эдикте запретил взимание процентов, превосходивших восемь, оставив в силе только те договоры, которые были составлены до этого закона. Лицам, согласившимся на уплату процентов, превышающих норму, предписывалось заплатить проценты полностью и не ссылаться на этот эдикт. Они не имели права включать деньги, заплаченные сверх законных процентов, ни в сумму долга, ни в сумму восьми процентов.

Подобный подход к делу Юстиниан объясняет своим стремлением избежать всякого злоумышления по отношению к прошлому⁵². Специальное оговаривание заключенных ранее сделок (хотя и не основанных на законе), по-видимому, свидетельствует о широком распространении на практике процентов, превосходящих норму. Это подтверждается и упоми-

⁴³ *Malal.*, p. 493—495; *Theophanis Chronographia*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, vol. 1, p. 237; *Ex. de ins.*, p. 173—175.

⁴⁴ *Ex. de ins.*, p. 175.

⁴⁵ *Nov.* 136, cap. II.

⁴⁶ *Ed.* VII, cap. III.

⁴⁷ *Ibid.*, cap. IV.

⁴⁸ *Ibid.*, cap. III.

⁴⁹ *Nov.* 136, cap. IV, V.

⁵⁰ *Cod. Just.*, IV, 32, 26, § 1.

⁵¹ *Ed.* IX, cap. VI.

⁵² *Ibid.*, cap. V.

навшимися выше папирусом 541 г. из Афродито, согласно которому Флавий Анастасий дал на четыре месяца ссуду в 20 номисм с уплатой 8% ⁵³. Между тем 8% являлись нормальными годовыми процентами для лиц, занимающихся ремеслом и торговлей ⁵⁴. Следовательно, тут идет речь о процентах, втрое превышающих норму. Аргиропратам, по всей вероятности, и хотелось узаконить это положение. Запрет Юстиниана брать проценты, превосходящие норму, естественно, был не в их интересах.

Еще более сложным являлся вопрос о сделках аргиропратов с представителями знати. Контракты подобного рода оформлялись довольно просто и часто имели лишь никем не заверенную подпись знатного лица. Бывали случаи, когда вообще не составлялось никаких договоров, т. е. сделка не была письменно зафиксирована. Поэтому займы, которые делали аргиропраты знатым лицам, таили в себе много опасностей. Наследники не признавали займов, сделанных устно или не оформленных специальными чиновниками ⁵⁵. Юстиниан оказался не в состоянии разрешить эти сложности. Его законодательство в данном случае не отличается достаточной четкостью и определенностью. Как он сам говорит, он пытался найти некий средний путь, но этот путь оказался полон противоречий.

С одной стороны, Юстиниан предписал наследникам вернуть взятый без договора долг, который можно доказать или ежедневными записями аргиропратов, подтвержденными клятвой, или словами помощников, или каким-либо другим образом ⁵⁶. С другой стороны, он остановился на полпути при решении вопроса о письменных контрактах, подписанных только знатым лицом. Юстиниан не запретил подобного рода сделок, да, по-видимому, и не мог запретить. Тем не менее он признавал их равными сделкам, оформленным по закону, лишь в том случае, если сам человек или его наследники не отрицают клятвенно подпись должника и если подпись можно подтвердить сравнением с договором, подписанным свидетелями ⁵⁷. Таким образом, возвращение денег было связано с большими трудностями. То же самое можно сказать и относительно залога, который вносили аргиропраты за своих клиентов, не беря с них расписок (*ἀποδείξεις*) ⁵⁸. Юстиниан сделал обязательным письменное оформление всей сделки, связанной с поручительством, но вместе с тем он опять-таки допустил возможность устного заключения контракта (*θεσπίζομεν μὴ ἄλλως αὐτοὺς αἰρεῖσθαι τὰς ἀντιφωνήσεις ὑπεσιέναι, πρὶν ἂν ἑγγράφος αὐτοῖς περὶ τούτων γένηται ἐντολὴ ἅπαν τὸ πρᾶγμα . . . εἰ δὲ γε κατὰ τινα τρόπον ἑγγράφον μὲν μὴ γένοιτο*) ⁵⁹.

Бывали случаи, когда должники долг признавали, но не возвращали его по предлогу некредитоспособности. На деньги аргиропратов они

⁵³ J. Maspéro. Op. cit., p. 2—4.

⁵⁴ Cod. Just., IV, 32, 26, § 1. Помимо 8%, должникам Флавия Анастасия полагалось уплатить еще 4% за два месяца (*μηνῶν δύο διμοιριεὺς τόκους*). Эти два месяца, предполагает Масперо, требовались для того, чтобы переправить деньги из Александрии в Константинополь. По мнению Масперо, 8% потребованных Флавием Анастасием, являлись в данном случае нормой. Добавочные проценты на два месяца исследователь рассматривает как издержки на отправку (J. Maspéro. Op. cit., p. 3—4). А. Льюис и Н. В. Пигулевская рассматривают все 12% как проценты на долг и считают их нормой. По мнению А. Льюиса, деньги вообще одалживались под 12% (A. R. Lewis. Naval Power and Trade in the Mediterranean A. D. 500—1100. Princeton, 1951, p. 44). Н. В. Пигулевская полагает, что в данном случае речь идет о *trajectitia contracta* (Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 60). Однако и по *trajectitia contracta* 12% полагалось получать за год, а не за полгода (Cod. Just., IV, 32, 26, § 1; IV, 33, 1, 2). Завышенными процентами считает 8% на четыре месяца М. Я. Сюзюмов. Однако автор иначе понимает *μηνῶν δύο διμοιριεὺς τόκους*, полагая, что за два месяца следует уплатить 8% (М. Я. Сюзюмов. Указ. соч., стр. 128; ср.: G. Mickwitz. Die Organisationsformen zweier byzantinischer Gewerbe im X Jahrhundert. — BZ, XXXVI, 1936, S. 63—64).

⁵⁵ Ed. VII, Praef.

⁵⁶ Ibid., cap. I.

⁵⁷ Ibid., cap. II.

⁵⁸ Ed. IX, Praef.

⁵⁹ Ibid., cap. I.

приобретали недвижимое имущество (κτῆσιν ἀκίνητον) и записывали его на имя жены или родственника. Более того, когда их собственные должники возвращали им деньги, должники аргиропратов оформляли этот возврат на имя жены или родственника ⁶⁰.

Аргиропратам, естественно, было очень трудно вернуть свои деньги, и они просили Юстиниана дать им возможность возбуждать процессы против родственников должников. Император в VII эдикте разрешил им это, но только в том случае, если выяснится мошенничество со стороны должника ⁶¹. А выяснить это было не так-то просто, как явствует из IX эдикта, в котором Юстиниану вновь пришлось вернуться к тому же вопросу. Аргиропраты опять жалуются на невозможность получить назад свои деньги. Их должники оформляют возврат денег собственными должниками на имя жены под тем предлогом, что долг якобы сделан из ее приданого или каких-либо других денег. Или же, когда должник умирает, его жена тайно получает деньги, принадлежащие аргиропрату. Аргиропраты просили Юстиниана дать им возможность подавать иск на жен своих должников с предоставлением тех расписок, которые они дали должникам своего мужа.

Император предоставил им такое право ⁶², но неизвестно, какую пользу оно могло принести аргиропратам. Речь, по-видимому, может идти только о таких расписках, где указывается, что женщина получила деньги своего мужа, а не собственные. Но, как уже было сказано, должники аргиропратов стремились оформить эти деньги как принадлежащие их женам. В таком случае положение аргиропратов оказывалось очень сложным. К тому же Юстиниан специально оговаривал случай, когда человек, имеющий расписку жены должника аргиропрата, не может представить ее в суд. Если расписка пропала, ее владельцу достаточно было дать клятву, что он ее не имеет, и тогда его следовало оставить в покое ⁶³. Это, бесспорно, открывало знатной женщине возможность подкупа и использования связей для оказания влияния на должника мужа.

Оценивая в целом законодательство Юстиниана относительно аргиропратов, можно сказать, что оно было не в их интересах. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, он шел им навстречу (преимущество перед другими кредиторами, право на имущество, проданное должником аргиропрата, право на получение долга из купленной должником для себя или для сына должности), дело было связано с бесконечными тяжбами. Например, должник всегда мог оспаривать, что должность, купленная сыном должника, приобретена из его средств, а не из средств жены. Характерно, что процессы против должников-аристократов должны были вести аргиропраты, в то время как сами аристократы оставались в стороне ⁶⁴. Но хуже всего обстояло дело с займами, которые давали аргиропраты представителям знати. Даже после законов Юстиниана оформление подобного рода сделок оставалось недостаточно четким, и аргиропратам подчас было практически невозможно вернуть свои деньги. Запрет Юстиниана брать проценты, превосходящие норму, также был невыгоден аргиропратам. Значительное недовольство с их стороны могла вызвать финансовая политика этого императора, который понизил курс основной золотой монеты — солида ⁶⁵. Все это, по-видимому, и послужило причиной заговора, в котором аргиропраты приняли самое активное участие.

⁶⁰ Ed. VII, cap. VII.

⁶¹ Ibidem.

⁶² Ed. IX, cap. VII.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Ed. VII, cap. III, IV.

⁶⁵ *Procopii Caesariensis Opera omnia*, vol. III. *Historia quae dicitur arcana*. Lipsiae, 1963, XXV, 12; Подробно об обезценивании солида см.: *H. Adelson. Light Weight Solidi and Byzantine Trade during the Sixth and Seventh Century*. New York, 1957, p. 20 f., 104 f.

Е. П. НАУМОВ

• К ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ И СЕРБСКОЙ ПРОНИИ

Как известно, различные проблемы истории пронии, столь интенсивно разрабатывавшиеся особенно в литературе двух последних десятилетий¹, все еще вызывают немало разногласий в истолковании источников, а эти споры и полемика в свою очередь приводят к некоторым уточнениям в оценке роли и значения пронии в феодальном строе Византии, Сербии и сербо-греческих княжеств, а также венецианской Зеты. В то же время, пожалуй, в историографии намечается и заметная диспропорция, обусловленная исследованием пронии преимущественно в самой Византии и венецианской Зете. Между тем соответствующим материалам, относящимся к территории Сербской державы Неманичей и образовавшихся после ее распада отдельных сербо-греческих государств, уделяется гораздо меньше внимания, хотя они позволяют выявить новые, фактически почти еще не использованные свидетельства о судьбах пронии, а тем самым способствуют уточнению общей картины развития и распространения данного феодального института в различных государствах Балканского полуострова.

В данной связи следует прежде всего коснуться вопроса о существовании византийской пронии на рубеже XIII и XIV вв. в тех областях Северной и Центральной Македонии, которые были присоединены в конце XIII в. сербским королем Стефаном Урошем II (Милутином). Рассмотрение этого вопроса тем более важно, что рубеж XIII и XIV вв. был связан с заметными изменениями во всей политической структуре Сербского государства². Именно в начале XIV в. в сербских источниках появляются новые термины для обозначения феодальных земельных владений (баштина и прония), впервые зафиксированные в грамоте Милутина Георгиевскому монастырю возле Скопье (1300). В литературе уже было достаточно обстоятельно показано, что преобладающей формой светского феодального землевладения в Сербии была баштина, т. е. вотчина, наследственная полная земельная собственность. Нам известно, что правители Сербии давали светской знати также и условные земельные владения — пронии; этот институт, как и сам термин, заимствован был из Византии.

¹ См., например: Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952; G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954; A. Hohlweg. Zur Frage der Pronoia in Byzanz. — ВЗ, 60, 1967; К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968; G. Ostrogorsky. Die Pronoia unter den Komnenen. — ЗРВИ, т. 12, 1970; «Историја Црне Горе», кн. 2, т. 2. Титоград, 1970, стр. 172, 181—184 (автор раздела Ив. Божич).

² Ср. В. А. Мошин. Византиски утицај у Србији у XIV веку. — «Југословенски историски часопис», т. III, 1937, стр. 151—158.

Однако наряду с этими верными заключениями и общей характеристикой основных черт баштины и пронии в Сербской державе Неманичей, в историографии встречаются и положения, оставляющие все еще не вполне ясными причины появления проний в аграрной системе Сербии и реальное соотношение их с византийскими феодальными институтами. Так, в своей монографии о судьбах пронии Г. А. Острогорский писал, что после завоевания Македонии Неманичами или даже, возможно, «гораздо раньше» система проний «проникла в Сербское государство», более того, она «распространилась и на сербские области, отвечая нуждам феодального Сербского государства»³.

В другом случае Острогорский относил этот вывод и к Болгарии, замечая, что «из Византии система пронии перешла в славянские страны Балканского полуострова, потому что эта система отвечала условиям и потребностям феодального строя в этих землях»⁴.

Между тем имеющиеся источники, как нам кажется, не служат бесспорным подтверждением таких выводов, в особенности тезиса о появлении проний в Сербии задолго до 1300 г. (чуть ли не с середины XII в.)⁵. Поэтому, прежде чем обратиться к сербским памятникам (в первую очередь — к Георгиевской грамоте 1300 г.), мы должны четко сформулировать цель исследования. Действительно ли пронии в этот период (в конце XIII — первой половине XIV в., когда совершались сербские завоевания византийских областей) встречаются как остатки византийского военного и социального строя или же, напротив, на этом этапе их существование и распространение уже соответствовало нуждам и потребностям сербской государственности? Здесь вполне закономерно возникает вопрос, каким именно потребностям сербского феодального строя могла послужить прония, т. е. военное феодальное владение или держание (иногда, видимо, скорее подобие кормления), если сербские баштинники, как известно, были обязаны нести военную службу под знаменами своего сюзерена⁶.

Сербский историк С. Новакович, например, видел различие баштины и пронии в том, что первая была наследственным военным имением, а вторая — личным, не наследственным военным имением⁷.

Разумеется, можно понять, что, исходя из таких представлений о баштине и пронии, Новакович делал вывод, будто король Милутин их «ввел в сербские учреждения с намерением лучше организовать и укрепить сербское войско»⁸. Возможно, приведенные выше высказывания Г. Острогорского о соответствии пронии неким нуждам сербской государственности имеют основой именно эту точку зрения Новаковича. Однако аргументация последнего, как показывают имеющиеся источники и новейшая литература (в том числе и сама монография Острогорского о пронии), не выдерживает критики.

Не говоря уже о том, что тезис Новаковича о принадлежности баштины к военно-государственной организации Болгарского царства не подкрепляется никакими болгарскими свидетельствами. (ввиду почти полного отсутствия таких грамот), следует подчеркнуть, что Г. Острогорский по-дробно осветил судьбы пронии в поздней Византии, убедительно показав, что уже при Михаиле VIII Палеологе (1259—1282) пронии стали *наследственными* владениями византийских аристократов⁹. Иными словами,

³ Г. Острогорски. Пронија, стр. 128.

⁴ Там же, стр. 127.

⁵ Ср. В. Чубрилович. Око проучавања средњовековног феудализма. — «Историски часопис», кн. III, 1952, стр. 196.

⁶ См., например, ст. 42 Законника Стефана Душана.

⁷ С. Новаковић. «Баштина» и «бодар» у југословенској терминологији средњег века. — «Глас Српске Краљевске Академије», XCII (54), 1913, стр. 229.

⁸ Там же.

⁹ Г. Острогорски. Пронија, стр. 62—63, 70—75, 88—91.

это говорит о том, что при наличии баштины в Сербии прония оказывалась ненужной и непривычной именно в качестве наследственного военного владения. Столь же излишней в данном смысле была, быть может, прония и в качестве кормления, невоенного держания, так как в державе Неманичей существовала уже в это же время собственная форма владения для подобной цели — так называемая «держава», которая так же, как баштина и прония, впервые упоминается в Георгиевской грамоте Милутина (1300 г.).

Все это заставляет обратиться вновь к рассмотрению этого чрезвычайно обширного и интересного документа. Проанализируем данные грамоты о пронии с тем, чтобы установить, действительно ли встречающиеся в контексте этой грамоты термины «прония» и «прониар» соответствуют реальной обстановке сербского управления в данных районах Северной Македонии или же они служат лишь остатком прежних византийских привилегий, полученных Георгиевским монастырем и подтвержденных Милутином. Сразу же заметим, что пазванные термины встречаются в тексте грамоты лишь в разделе, посвященном подтверждению прав собственности монастыря на село Речице (в области Полог), которое было даровано монастырю и закреплено за ним несколькими византийскими императорами, болгарскими царями и сербскими королями¹⁰. Как нам кажется, это обстоятельство следует особенно учитывать при истолковании следующих постановлений, относящихся ко всему селу Речице и к отдельным частным владениям, которые были присоединены к селу королем Милутином.

Так, этот щедрый даритель передал монастырю надел мелкого землевладельца Драготы, поскольку «Драготино место в Речицах оказалось царской пронией, а не баштиной Драготиной». В соответствии с этим тогдашний держатель этих земель Манота, зять Драготы, стал подданным обители, ее вассалом — «войником», так как, вновь подчеркивает в грамоте Милутин, «его (т. е. место Драготы. — *Е. Н.*) нашло королевство мое в старых хрисовулах [в качестве] царской пронии, а не [как] драготиноу баштину»¹¹. Мы, следовательно, можем констатировать прежде всего, что речь идет не о прониях и прониарах уже сербского (а не византийского) происхождения, а о прослеживании прав собственности в Положской области по старым византийским актам. Иными словами, данные определения Милутина еще не дают основания согласиться с мнением Г. А. Острогорского, который считает Драготу и его зятя Маноту прониарами, точно так же как и Маноту (уже после передачи этого надела монастырю) — монастырским прониаром¹². Заметим в данной связи, что в грамоте вовсе не говорится о наделении Маноты пронией со стороны Георгиевского монастыря.

Более того, и Драгота не имел пронии во времена византийской власти в Македонии, поскольку в грамоте говорится не о Драготиной пронии, а о «царской пронии». Подлинный смысл этих слов выясняется, на наш взгляд, при сопоставлении с другим разделом грамоты, где снова фиксируются права монастыря на село Речице. «И соединило королевство мое — гласит грамота, — [его] со всеми стасями (т. е. землями Драготы и Маноты, как и другого «войника» Калогергия. — *Е. Н.*), пусть его держит святой Георгий (т. е. монастырь. — *Е. Н.*) невозбранно, а отселе и до века пусть не вступит иной прониар в Речице, кроме св. Георгия. И в Речицах пусть не будет ексоприка (т. е. передачи земли в приданое «па сторону». —

¹⁰ Р. Груић. Три хиландарске повеље. «Зборник за историју Јужне Србије и суседних области», књ 1. Скопље, 1936, стр. 14—15.

¹¹ Там же, стр. 15 («царска прония а не баштина Драготиноу», «царске проние а не Драготиноу баштину»).

¹² Г. Острогорски. Пронија, стр. 127—131.

Е. Н.), и пусть не продается вовне нива или виноградник». После указания штрафа за нарушение этого повеления мы читаем далее в грамоте: «Так же [пусть будет] и по всем селам церковным в Водне и в Нерезях, поскольку [это] церковная прония, а не чья-то баштина»¹³.

Данное постановление, по нашему мнению, необычайно важно. Здесь мы вновь находим противопоставление баштины и пронии, но на этот раз уже «церковной». Это обстоятельство тем примечательнее, что оно подкреплено формулой запрета вступления какого бы то ни было прониара, кроме «св. Георгия»; таким образом, Георгиевский монастырь приравнен здесь к прониару.

Между тем для понимания формулировок грамоты об «ином прониаре» и «церковной пронии», оставленных Г. А. Острогорским без пояснений¹⁴, весьма уместно напомнить о том, что грамотой короля Милутина названные селения (Речице, Водно и Нерези) были пожалованы Георгиевскому монастырю в *полную собственность*, но вовсе не в качестве пронии¹⁵. Если же к этому прибавить и приведенное выше выражение данной грамоты «царская прония», т. е. в буквальном значении (по аналогии с «церковной пронией», т. е. пронией церкви, полученной церковью) — прония, принадлежащая самому византийскому царю, мы, скорее всего, должны будем признать, видимо, несостоятельность и недостаточность приводившихся в литературе толкований этих сведений грамоты 1300 г. о «царской» и «церковной пронии» и «прониаре».

В данном случае, по нашему мнению, разгадка этих непонятных, если применить обычное истолкование, формул заключена в следующем. Обращавшиеся к тексту Георгиевской грамоты исследователи (С. Новикович, Г. Острогорский и др.) расценивали и понимали встречающиеся в ней термины «прония» и «прониар» только в том смысле, какой уже установился и стал общеупотребительным в историографии, т. е. в смысле особого феодального аграрного института, своеобразной разновидности условного землевладения, присущей лишь Византии и некоторым славянским странам Балканского полуострова. Но в реальной действительности поздней Византии и в источниках той поры термин «прония» не всегда имел столь узкое и конкретное значение; напротив, его содержание нередко было «значительно шире»¹⁶. Так, в своем исследовании Г. А. Острогорский сам привел примеры «неточности в терминологии» поздневизантийской феодальной системы, которые свидетельствуют, что именно в церковных и монастырских документах второй половины XIII — начала XIV в. термин «прония» (и его синоним «экономия») идентичен «имению», «владению» (τὸ κτῆμα), поэтому ввиду такой взаимозаменяемости слов в актах появляются «странные» выражения, вроде «церковные пронии» и т.п.¹⁷

Таким образом, и в Георгиевской грамоте 1300 г. слово «прония» означает вовсе не специфически византийскую форму условной собственности, заимствованную также сербским феодальным строем, а только обычное земельное владение, т. е. соответственно приведенным выше выдержкам — «царскую собственность» (или имение), «церковную собственность» (применительно к Речице, Водно и Нерези). Точно так же и термин «проиар» в данном тексте равнозначен «собственнику» (поэтому так именуется в грамоте монастырь св. Георгия), но не держателю условного военного земельного владения.

¹³ Р. Груйић. Указ. соч., стр. 16.

¹⁴ Г. Острогорски. Пронија, стр. 131—132.

¹⁵ Р. Груйић. Указ. соч., стр. 12 (Водно, Нерези), 14 (Речице).

¹⁶ К. В. Хвостова. Указ. соч., стр. 221.

¹⁷ Г. Острогорски. Пронија, стр. 69—70 (прим. 212), ср. стр. 172.

Следовательно, данную грамоту, по нашему мнению, нельзя рассматривать как свидетельство существования проний (как особого феодального института) в присоединенных Сербией районах Северной Македонии и других областях Сербии не только в начале XIV в., но и, естественно, даже ранее.

По всей видимости, даже применительно к присоединенным Милутином районам византийской Македонии можно утверждать, что там число проний значительно уменьшается (если они не исчезают вовсе) вследствие раздачи земель (проний, баштин) греческих феодалов сербскими королями своим вассалам, церкви и монастырям¹⁸. Этот процесс перераспределения земельной собственности, упрощения и приспособления византийской системы землевладения к сербскому аграрному строю, как нам представляется, не дает оснований принять вывод Острогорского, будто на этой территории сербское правительство, обнаружив имения прониаров «и не меняя существующего порядка [вещей], принимает и легализует унаследованную систему византийского землевладения»¹⁹. Известно, что при завоевании королем Милутином Северной Македонии были «прогнаны» те «зломые и лукавые владыки державы греческой», которые находились прежде в этих областях²⁰, и среди них, разумеется, было немало прониаров. Но даже немногочисленные упоминания прежних «прониаров» (лишь в нескольких грамотах Стефана Дечанского и Душана), использованные в книге Острогорского, точно так же не служат свидетельством в пользу тезиса о сербской пронии, как и рассмотренные нами данные грамоты 1300 г.²¹

Более того, не вызывает сомнений и то обстоятельство, что те селения, которые когда-то держали некие прониары (таковы обычно соответствующие формулы, а в грамоте о дарениях Хрели прямо названы «прониары греческие»), преимущественно находились на бывшей византийской территории: в Призренской и Положской областях, а также в районе Струмицы. Иными словами, скудные замечания грамот о прежних владельцах-прониарах, не сопровождающиеся пояснениями об их принадлежности и давности их прав, дают основания и для истолкования их в качестве повторения, подтверждения прежних византийских привилегий, включавших и освобождение церкви и монастырей от вмешательства чиновников и прониаров (наподобие того, как это указано и в грамоте Душана охридскому монастырю Богородицы Перивленты, ок. 1345 г.)²², либо в качестве указания на принадлежность сел и земель византийским прониарам.

В соответствии с этим, на наш взгляд, первым неопровержимым доказательством существования *сербской* пронии как реального компонента феодального строя в державе Неманичей (а не какого-то остатка византийских привилегий и прежних владельческих прав) следует, вероятно, признать только грамоту царя Стефана Душана о земельных пожалованиях Святостефанской (Баньской) обители (1346).

Здесь так же, как и в грамотах первой трети XIV в., речь идет о *бывших* прониях, однако уже, скорее всего, о *сербских* прониарах, вассалах Душана, державших эти селения вплоть до 1346 г., т. е. непосредственно перед актом дарования названных в документе сел Баньскому монастырю.

¹⁸ Ср., например: *Р. Грујић*. Указ. соч., стр. 8—9, 13 (земли Верихи, Апокавка и Лсуна, как и названного выше Маноты и Калогеогрия).

¹⁹ *Г. Острогорски*. Пронија, стр. 128.

²⁰ *Архиеп. Данило и други*. Животи краљева и архиепископа српских. Загреб, 1866, стр. 109.

²¹ См. *Г. Острогорски*. Пронија, стр. 137—139.

²² *С. Новаковић*. Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912, стр. 673; ср. *В. Мошин*. Указ. соч., стр. 151 (о механическом повторении византийских терминов в сербских актах XIV в.).

Так, согласно этому источнику, Душан подтвердил за Баньским монастырем несколько ранее данное им «село Кичике с межами и со всеми правами села того, как держали прежде проиары — прежде пожалования царства моего [этой] церкви». И далее текст гласит: «И еще царство мое даровало в Плаве (Плавской области. — *Е. Н.*) село Улотино с межами и . . . всеми правами села того и с планиной и с ливадами, как держали проиары. . .»²³. Разумеется, и в этом случае можно было бы, пожалуй, предполагать, что перед нами снова появляются владения, которые уже давно не были прониями, поскольку здесь не указаны (забыты?) имена проиаров.

Между тем такое предположение нам кажется малообоснованным и ввиду географического расположения упомянутых селений, которые сохранились до наших дней (село Кичиче — южнее Косовской Митровицы, а Улотино — в верхнем течении Лима, южнее Андриевицы). Иными словами, было бы совершенно невероятным сохранение византийских проиаров на южной кромке собственно сербских областей, граничивших с Византией только в конце XII в. до завоеваний Немани. Все это, вероятно, дает основание для вывода о том, что появление проний в самой Сербии (в отличие от Македонии и других греческих земель) следует связывать, скорее всего, с эпохой завоеваний Душана на юге и интенсивного внедрения византийских институтов и терминов в политическую структуру созданного им Сербо-греческого государства (40-е годы XIV в.)²⁴. Вместе с тем даже в этот период пронии, как нам кажется, еще не получили и не смогли получить значительного распространения в старых владениях Неманичей — Рашке и Зете; по-видимому, все же гораздо больше их было на чисто греческом юге империи Душана, хотя и там (по сравнению с эпохой Палеологов) произошло заметное сокращение их числа ввиду щедрых пожалований Душана в пользу церкви, афонских монастырей, равно как и его сподвижников из рядов сербской, греческой и албанской светской знати²⁵.

О том, что даже во время правления царя сербов и греков Душана прония оставалась фактически лишь второстепенным компонентом в феодальной аграрной системе его державы, вполне красноречиво свидетельствуют постановления изданного им Законника (1349). Не говоря уже о том, что пронии в нем посвящена лишь одна статья (59-я, если не считать постановлений ст. 68 и 106 о проиаре и проиаревиче), мы можем указать хотя бы на частое упоминание баштин на протяжении почти всего текста Законника, на то, что в эти годы стали правилом пожалования в баштину не только отдельных селений, но и целых областей (жуц)²⁶, наконец, на то, что наряду с баштиной и пронией существовала своеобразная разновидность феодального держания — так называемая «держава», т. е. пожалование центральной властью какому-то светскому феодалу округа или области в кормление, во временное управление. Эти постановления Законника, находящие подтверждение и в сохранившихся грамотах первой половины XIV в., показывают, что несомненное преобладание и численное превосходство оставалось, разумеется, за баштиной как наиболее распространенным видом феодальной собственности.

Кстати, даже названная ст. 59 Законника как будто указывает на то, что в имениях среднего (абстрактного) феодала прония служила только дополнением к его баштине, и поэтому тот, кто

²³ С. Новаковић. Законски споменици. . . стр. 631.

²⁴ К сходному выводу пришла и С. П. Боброва (К вопросу об условном землевладении в Сербии. — «Славянский сборник», I, вып. исторический. Воронеж, 1958, стр. 22).

²⁵ Ср. Г. Острогорски. Пронија, стр. 139—140.

²⁶ С. Новаковић. Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354. Београд, 1898, стр. 83 и 102.

«не имел баштины», не мог ничего даровать церкви «от прониарской земли»²⁷.

В то же время, на наш взгляд, было бы опрометчиво полагать, что после распада Сербо-греческого царства даже в южных его областях сохранились в прежнем объеме пронии, дарованные вассалам Душана. Хаос феодальной анархии, ослабление центральной власти и образование новых уделов и государств на этой территории, столь ярко описанные Кантакузином, позволяют прийти к выводу, что пронии (как и церковные владения, государственные земли и светские вотчины) были обычно объектом земельных захватов светской знати (сербов, греков, албанцев), создававшей в 50-х — 60-х годах XIV в. обширные и фактически почти независимые сеньории.

Такое положение дел в бывшей Душановой «Романии», равно как и отсутствие прямых упоминаний прониаров в Серрском уделе царицы Елены и деспота Углеши (1356—1371), дает основание иначе охарактеризовать роль пронии в новом феодальном государстве, нежели это сделал Г. А. Острогорский. В самом деле, в соответствующем разделе своей монографии он, ссылаясь на общее положение о существовании пронии в Македонии (при Душане и Углеше) и, с другой стороны, на передачу (после 1371 г.) афонских имений *византийским* прониарам, заключает, что «войско Серрского княжества было, конечно, преимущественно прониарским», что вельможи Углеши и его брата Вукашина (все!) были «прониарами»²⁸. Однако даже обращение к монографии Острогорского по истории пронии, где он приводит свидетельства сербских и греческих источников (в том числе и времен Углеши), не убеждает нас в правомерности данного вывода о *преобладании* проний в Серрском княжестве. Примечательно, что использованные здесь Г. Острогорским две грамоты Углеши (1369) очень бегло говорят лишь о неких (видимо, все-таки византийских) прониарах, которые вовсе не именуются вассалами Углеши²⁹. Поэтому единственным бесспорным доказательством существования (но не преобладания) проний и прониаров во владениях Углеши остается упоминание (опять-таки в очень общей форме) «прониара» в его грамоте монастырю св. Архангела (близ Габрова, возле Драмы)³⁰.

Заметим, наконец, что преобладание проний в Серрском княжестве нам кажется вообще маловероятным именно потому, что ход исторического развития феодального строя в греческих землях бывшего Душанова царства (во второй половине XIV в.) привел к любопытной взаимосвязи пронии и секуляризационной политики. Как известно, наглядным выражением этого послужила передача византийским правительством (после крушения Серрского княжества) прониарам половины всех имений афонских монастырей в Восточной Македонии. Напротив, недолгая история Серрского княжества не оставила нам доказательств каких-то секуляризационных стремлений, создавая скорее впечатление, что могущество духовных феодалов (как и светских магнатов) осталось здесь непоколебленным, имея своим следствием слабость мелкого дворянства и центральной власти.

²⁷ С. Новаковић. Законик . . . , стр. 50. Кстати, судя по контексту данной статьи (ср. Г. Острогорски. Пронија, стр. 134), следовало бы здесь изменить интерпункцию, ограничивая первую часть статьи лишь запретом продажи и покупки пронии (статья гласила бы: «Пронию не волен никто ни продать, ни купить. Кто не имеет баштины, от прониарской земли не волен никто подложить под церковь» и т. д.). В пользу предлагаемой перестройки говорят, между прочим, и аналогичные построения сложных фраз и целых статей, начинающихся также местоимением «кто» или «и кто» (см. там же, статьи 10, 21, 46, 51, 52, 58, 70, 71, 72, 87, 89, 92, 93, 95—97 и др.).

²⁸ Г. Острогорски. Серпска област после Душанове смрти. Београд, 1965, стр. 63.

²⁹ Ср. Г. Острогорски. Пронија, стр. 143—144.

³⁰ С. Новаковић. Законски споменици. . . , стр. 751. Это свидетельство не приведено в книге Г. А. Острогорского о пронии.

Эти предположения, по нашему мнению, подкрепляются материалами о судьбах пронии в Эпирском княжестве (во второй половине XIV — начале XV в.), которые, к сожалению, практически остались вне поля зрения многих исследователей, обращавшихся к истории названного феодального института ³¹.

В данном случае мы хотим обратить внимание на то, что очень ярким примером секуляризации церковных имений и щедрых раздач проний явилась политика эпирского деспота Фомы Прелюбовича (1367—1384), весьма подробно (и с крайней злобой) обрисованная в Янинской (Эпирской) хронике ³².

Вот некоторые отрывки из этой хроники.

Уже вскоре после призвания (1367) деспота Фомы Прелюбовича жителями Янины Фома «выступил против церкви и изгнал ее пастыря» (митрополита Севастияна), «а принадлежащие церкви села и имения отнял и раздал сербам, бывшим с ним» ³³. Сопоставляя данное сообщение анонимного хрониста с последующими, мы видим, что этих отобранных Фомой земель Янинской митрополии (между прочим, тогда были секуляризованы еще не все ее владения) оказалось недостаточно для наделения верных вассалов Фомы (в числе которых, разумеется, были не только сербы, но и греки, албанцы и вlahи).

Более того, мы можем убедиться в том, что Фома раздавал церковные земли именно в качестве пронии, и потому в правление Фомы в Эпире резко возрастают число и значение проний в системе феодального землевладения.

Недаром Эпирская хроника в перечне «богомерзких» и ненавистных новшеств внутренней политики Фомы называет не только новые налоги и поборы, разные ангарии, монополии, но и «пронию» ³⁴. Между прочим, наглядным доказательством того, что сербские сподвижники и воины Фомы получили от него церковные имения именно в пронию, является тот факт, что после убийства Фомы (1384) они обратились к новому деспоту, Исаву Буондельмонти, с просьбой подтвердить их владельческие права. Но «тогда (в 1386 г. — Е. Н.) деспот Исав, будучи христолюбивым, не последовал советам сербов, когда они заставляли его, чтоб оставил за ними церковные имущества и париков», а избрал нового митрополита, вероятно, вернув ему одновременно и секуляризованные при Фоме (в 1367—1368 гг.) земли ³⁵.

Вместе с тем заслуживает особого внимания и другое сообщение хроники, говорящее не только о названной раздаче земель митрополии сербским феодалам в качестве проний, но как будто и об определенных колебаниях Фомы и изменениях его политики по отношению к этим прониарам, возможно, связанных уже с привлечением Фомой турецких наемников. Так, в разделе, относящемся к 1380—1381 гг., указывается, что Фома — «сколько церковных париков [и] людей осталось от злодейств его, —

³¹ Так, эти свидетельства отсутствуют в монографии Г. А. Острогорского («Прония», стр. 141—142 — о пронии в Эпире по грамоте 1361 г.).

³² Ранее она ошибочно приписывалась мифическим авторам — монахам Комнину и Проклу (см. L. Vranoussis. Deux historiens byzantins qui n'ont jamais existé: Comnènes et Proclo. — «Επιστηρίς τοῦ Μεσαιωνικοῦ ἀρχείου», t. 12, 1965, σ. 23—29).

³³ Г. С. Дестунис. Историческое сказание инок Комнина и инок Прокла о разных деспотах Эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине, деспоте. СПб., 1858, стр. 11—12 (ср. Α. Ι. Βρανούσης. Τὸ Χρονικὸν τῶν Ἰωαννιῶων καὶ ἀνεκδότων δημοτῶν ἐπιστολῶν. — «Επιστηρίς τοῦ Μεσαιωνικοῦ ἀρχείου», t. 12, 1965, σ. 80).

³⁴ Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 15.

³⁵ Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 30—31; Α. Ι. Βρανούσης. Τὸ Χρονικὸν..., σ. 96. Следует отметить разночтение в определении церковной собственности — κτήματα καὶ παροίκους у Вранусиса, κτήματα καὶ προικίσματα в изд. Дестуниса (стр. 31), тогда как в боннском издании — κτήματα καὶ ὑπαρχόντα; см. Historia politica et patriarchica Constantinopoleos. Epirotica. Bonnæ, 1849, S. 233. Следует особо отметить, кстати, что в изданном Л. Вранусисом «народном» сокращенном варианте

[он] их отнял от пронии сербов, но не предоставил [вернул] их церкви, а сам ими завладел»³⁶. Иными словами, мы вправе полагать, что часть бывших церковных земель, переданных прониарам-сербам, Фома отобрал; именно эти владения («парики его церкви»), вероятно, и были переданы им в 1382 г. новому митрополиту — Матвею³⁷.

Между тем остальные секуляризованные имения (как, возможно, после изгнания Фомой Матвея и возвращенные митрополиту земли) оставались во владении прониаров Фомы, как мы видели ранее, еще и в начале правления деспота Исава.

В то же время, естественно, используя приведенные выше сообщения о секуляризации земель Янинской митрополии и раздаче их в пронию (при Фоме Прелюбовиче), мы не должны забывать о том, что под пером анонимного автора (местного монаха) резкие перемены в системе светской феодальной собственности, начавшиеся после воцарения Фомы, выглядят гораздо менее конкретно и определено. Это заставляет нас предположить, что и другие мероприятия аграрной и социальной политики Фомы могут быть в известной мере также связаны с раздачей земель, так или иначе оказавшихся в руках деспота, в качестве проний. Не вызывает сомнений, что аграрная политика Фомы, проводившего курс широкого перераспределения феодального землевладения в Эпире, имела своей целью усиление политической и экономической мощи центральной власти и мелких феодалов (т. е. прониаров-сербов, как, разумеется, и местных дворян) и, тем самым, обуздание и подавление влиятельной светской и духовной знати Эпира (в том числе и путем конфискации и секуляризации ее владений).

Далеко не случайно, что уже в 1368 (или 1367) г. вслед за секуляризацией митрополичьих имений прошла первая волна репрессий Фомы против крупной знати Эпира, «благороднейших архонтов» (Константина Ватаци, Мирсиоанна и др.), завершившаяся бегством некоторых вельмож (в их числе, по словам хрониста, и сербских придворных эпирского деспота) и отпадением нескольких непокорных феодалов — Варды в крепости св. Доната, Иоанна Капсокавада в Араховице³⁸. Все же деспоту Фоме, опиравшемуся на мелких и средних феодалов, удалось удержать власть и продолжать свою прежнюю политику. Так, после страшной эпидемии и мора в Янине (1368) им была проведена серия новых мероприятий: «начал Фома выдавать вдов замуж за сербов и давать им в приданое владения и имущество местных жителей». Он приступил в то же время к ревизии кадастра, описанной следующим образом: «и сначала он объявил эксалиммата (т. е. «вычеркнутые», выморочные земли. — *Е. Н.*), а потом и сирот лишил их собственного имущества»³⁹, в результате чего все эти земли, естественно, были переданы надежным приверженцам деспота (видимо, также и на правах проний).

Любопытно в данной связи отметить, что в использованной П. Успенским Метеорской рукописи Янинской хроники содержится (в качестве своеобразного приложения) также повеление (*δρσις*) турецкого визиря Синан-паши вельможам Янины (1430), представляющее немалый интерес для истории проний в Эпире и сопоставлений пронии с османским тимаром⁴⁰. Это грозное послание, к сожалению, фактически не использу-

хроники указана совершенно другая дата гибели Фомы — май 1383 г. — вместо общепринятого 23 декабря 1384 г. (см. А. И. Врановић. Тò Хроникόν..., с. 94).

³⁶ А. И. Врановић. Тò Хроникόν..., с. 91, 103 (ср. Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 24—25, где, как и в боннском издании, «прония» не имеет совершенно необходимого пояснения «сербов»).

³⁷ Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 27; А. И. Врановић. Тò Хроникόν..., с. 93.

³⁸ Г. С. Дестунис. Указ. соч., стр. 12—13.

³⁹ Там же, стр. 14.

⁴⁰ Ср. Г. Острогорски. Провија, стр. 176; К. В. Хвостова. Указ. соч., стр. 208.

мое исследователями указанных проблем, наглядно свидетельствует не только о существовании пронии в Эпире накануне турецкого завоевания, но и о том, что турецкое правительство не усматривало тогда разницы между византийско-сербской пронией и османским тимаром. Так, Синан-паша, предлагая греческим и сербским вельможам Янины (капитану Стратигопулу, протостратору Воиславу, протасикриту Станице и др.)⁴¹ сдать ему город, обещал, между прочим, что после сдачи Янины «архонты, которые имеют тимары, будут опять-таки иметь их как свои вотчины (τὰ γονικά)»⁴².

Завершая рассмотрение данных свидетельств по истории поздневизантийской и сербской пронии, мы можем отметить, что они расширяют и дополняют известный уже исторической науке материал о развитии и распространении данного феодального института, равно как и о значении этого термина в различных средневековых памятниках⁴³.

⁴¹ Ср. *К. Журечек*. Историја Срба, т. II. Београд, 1952, стр. 147.

⁴² *П. Успенский*. Путешествие в Метеорские и Оссоолимпийские монастыри в Фессалии в 1859 г. СПб., 1896, стр. 427.

⁴³ Хотелось бы, кстати, привести и тот примечательный факт, что прония встречается и расшифровывается в недавно опубликованном налоговом трактате XI в., на что любезно указал нам Г. Г. Литаврин. Там говорится, что прониарское владение — это владение, «дарованное василевсом на срок жизни человека» (*J. Karayannopoulos*. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — «Polychronion», Festschrift Fr. Dölger. Heidelberg, 1966, S. 322, 56—57).

А. П. КАЖДАН, Б. Л. ФОНКИЧ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ АКТОВ ЛАВРЫ
И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Подготовленное Ж. Руйар и П. Колломом первое издание грамот из архива афонской Лавры св. Афанасия ¹ вышло в 1937 г. и сыграло огромную роль в развитии византиноведения. С одной стороны, оно знаменовало утверждение новых принципов публикации византийских документов, а с другой — дало в руки ученых обильный материал для постановки или пересмотра ряда существенных вопросов, касающихся социальной, административной, политической и церковной истории X—XII вв. Уже Ф. Дальгер в подробном разборе издания обратил внимание на реальное содержание многих актов Лавры ², а вслед за тем лаврские грамоты вдохновляли таких византинистов, как Г. А. Острогорский и И. Дуйчев.

Почему же через сравнительно небольшой срок коллектив французских ученых — П. Лемерль, А. Гийу, Н. Зворонос при участии Д. Папахрисанфу — в V томе «Архивов Афона» счел возможным и необходимым переиздать лаврские грамоты ³, составившие в свое время первый том этой же серии? Конечно, критики Руйар и Коллома сумели внести ряд поправок в их чтение, уточнить датировку многих грамот и разъяснить отдельные места в них, — однако все это, нам кажется, не составляло бы настоящей причины для столь стремительного переиздания. Только то обстоятельство, что французские ученые, начавшие как продолжатели Руйар и Коллома, сумели обнаружить новые материалы для восстановления лаврского архива, заставило П. Лемерля и его сотрудников снова вернуться к ранним грамотам Лавры.

Во-первых, А. Гийу во время своей поездки на Афон в 1957 г. (совместно с Ж. Бонпером) и особенно в 1958 г. сфотографировал ряд оригиналов и старых копий грамот, которые либо вовсе не были известны Руйар и Коллому, либо были известны им по поздним спискам ⁴. Во-вторых, удалось найти и сфотографировать два старых лаврских картулярия: один — составленный монахом Кириллом во второй половине

¹ Archives de l'Athos, I. — Actes de Lavra. T. I (897—1178). Édition diplomatique et critique par J. Rouillard et P. Collomp. Paris, 1937 (далее — RC).

² F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden und zu ihrer geschichtlichen Auswertung. — BZ, 39, 1939, S. 23—66.

³ Archives de l'Athos, V. — Actes de Lavra. Première partie: dès origines à 1204. Édition diplomatique par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos avec la collaboration de D. Papachryssanthou. Paris, 1970.

⁴ A. Guillou, J. Bompaire. Recherches au Mont Athos. — BCH, 82, 1958, p. 172—192; A. Guillou. Nouvelles recherches au Mont Athos. — BCH, 83, 1959, p. 553—558.

XVIII в.⁵, другой — написанный монахом Феодоритом и датированный 1803 г.⁶ Наконец, издатели смогли использовать рукописный инвентарь архива Лавры, составленный в 1944—1945 гг. лаврским библиотекарем Пантелеимоном. Все это значительно расширяло круг источников и побуждало к ревизии издания Руйар и Коллома.

Новое издание включает 69 грамот — от 897 до 1196 г., а также шесть документов, помещенных в Приложении, тогда как Руйар и Коллом опубликовали 58 актов. Из этих 58 актов три вовсе не включены в новое издание: RC №№ 5, 44 и 58. Издатели, к сожалению, не оговаривают, почему это сделано, но в письме от 16 августа 1971 г. Лемерль сообщил о руководивших им причинах. RC № 5, решение солунского стратига Катакалона от 943 г. о разграничении владений афонских монахов и жителей кастроны Иериссо, не принадлежит к собственно лаврскому архиву и должно быть помещено в «Актах протата», подготавливаемых Д. Папахрисанфу. RC № 44, императорский сигиллий, текст которого не читается, кроме отдельных слов, и минологимы, был атрибутирован Руйар и Колломом на основании печати Алексею I и датирован по индикту 1090 или 1105 г., однако Лемерль предполагает, что сигиллий принадлежал кому-то из Палеологов — Михаилу VIII или Андронику II; соответственно он должен занять место во втором томе «Актов Лавры»⁷. Не принадлежит к лаврскому архиву и RC № 58 — решение патриарха Харитона, касающееся общеафонских дел⁸.

Далее, два акта перенесены в новом издании в Приложение. Это, во-первых, RC № 14 (=Прилож. № 6), дарственная 1012 г., принадлежащая к архиву не Лавры, а Ивирского монастыря, — в ней Евфимий (Ивир) передает своему духовному сыну Иоанну землю, приобретенную им за три номисмы; во-вторых, RC № 22 (=Прилож. № 3), решение прота Иоанникия, которое издатели считают подделкой.

Таким образом, новое издание содержит (не считая Приложения) 16 документов, отсутствовавших в RC. Один из них (№ 16) был опубликован еще Порфирием Успенским⁹, другой (№ 53) издал Гийу¹⁰. Кроме того, около 20 актов опубликовано теперь по оригиналам и древним копиям в тех случаях, когда Руйар и Коллом могли опереться только на картулярии. Наконец, при отсутствии оригиналов П. Лемерль и его сотрудники имели возможность использовать картулярии Кирилла и Феодорита, остававшиеся недоступными для их предшественников. Все это позволило во многих случаях исправить опубликованный ранее текст, уточнить даты некоторых актов, установить подписи должностных лиц и монахов.

Издание состоит из двух частей: одна содержит текст и ашарат, другая — альбом. Альбом значительно полнее, чем в RC (80 таблиц против 30), причем документы воспроизводятся полностью, а не во фрагментах, даже если они велики по размерам и требуют нескольких таблиц. К сожалению, качество репродукций хуже, чем в первом издании, и при возможности приходится обращаться к альбому RC.

⁵ См. A. Guillou. Les débuts de la diplomatie byzantine: Cyrille de Lavra. — BCH, 82, 1958, p. 610—634.

⁶ См. E. Kourilas. Θεοδώρητος προηγούμενος Λαυριώτης ὁ κωδικογράφος. — BZ, 44, 1951, S. 343—346.

⁷ См. F. Dölger. Op. cit., S. 25, Anm. 2.

⁸ V. Grumel. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople, f. 3, 1947, № 1151. Руйар и Коллом датировали патриаршество Харитона 1177/8 г., Грюмель — 1178/9 г.

⁹ Порфирий Успенский. Восток христианский. Афон. Второе путешествие по св. горе Афонской. М., 1880, стр. 470—472.

¹⁰ A. Guillou. Actes de Lavra I (Supplementum). — BCH, 81, 1957, p. 722—724. Частично издано: Александр Лаврский. 'Αθωϊτικὴ σταθ.—BB, IX, 1902, стр. 128 и сл., № 18.

Текст каждой грамоты предваряется аппаратом, содержащим дипломатическую характеристику (тип акта и дата), развернутый заголовок (лемма), палеографическое описание, изложение содержания, библиографию и комментарий ко всему документу (в том числе обоснование даты, если она не содержится в самом тексте) и к отдельным местам — наиболее сложным или наиболее важным. Всей книге предшествует обширное введение (стр. 3—77), распадающееся на три раздела: «Архивы Лавры и настоящее издание» (П. Лемерль), «Хронология Лавры от основания до 1204 г.» (П. Лемерль) и «Владения Лавры до 1204 г.» (Н. Зворонос). Удобные карты помогают представить себе рост земельной собственности монастыря. Наконец, все имена и термины сведены в единый алфавитный указатель (стр. 375—441) — в отличие от RC, где помещена была серия указателей, относящихся к разным сферам (личные имена, топонимы, административные термины и т. п.).

Текст публикуется по двум системам. Оригиналы и древние копии издаются дипломатически, т. е. с соблюдением разбивки строк, орфографии, знаков и т. п. Только в одном случае (№ 35) издатели сочли необходимым дать полную транскрипцию документа в соответствии с орфографическими нормами — в остальном они ограничивались указаниями нормативного правописания наиболее искаженных слов (в подстрочных примечаниях). Акты, сохранившиеся только в картуляриях, изданы критически. Критический аппарат максимально облегчен — в частности, не указываются (за редким исключением) ошибочные чтения в предшествующих публикациях.

Дипломатическое воспроизведение оригинала осуществляется со столь последовательным ригоризмом, что издатели стремятся даже соблюсти пространственное соответствие между буквой и надстрочным знаком — вопреки нормам правописания, а именно: они пишут $\tilde{\epsilon}\iota\varsigma$ (№ 9.14) или $\tilde{\epsilon}\iota\varsigma$ (№ 44.8). Этот геометрический ригоризм нам кажется чрезмерным: его последовательное осуществление должно было бы привести к сдвигу надстрочных знаков и в ряде других случаев, причем не только с гласной на гласную (например, в № 51 стк. 7—8: $[\pi\alpha]p\tilde{\epsilon}\iota\delta\epsilon$, стк. 14: $\tilde{\omega}\iota$), но и с гласной на согласную [№ 50.89: $\tau\epsilon\lambda\epsilon\sigma\mu\alpha\tilde{\tau}(\omega\nu)$, № 53.39: $\text{'}\tilde{\Lambda}\rho\mu\epsilon\nu(\eta\varsigma)$].

Репродукции грамот отчетливо показывают, сколько героического труда требовалось подчас от издателей, чтобы восстановить связный текст: многие документы дошли в поврежденном виде, с оборванными краями, с выцветшими строками. Иногда приходилось реставрировать фразы по нескольким уцелевшим буквам, в которых угадывались стереотипные формулы. В качестве примера можно указать на судебное решение Иоанна Велисария от мая 1196 г. (№ 67), где, помимо множества дыр на бумаге, чернила левой части свитка почти совсем стерлись, — и тем не менее документ восстановлен в своей основной части.

Критическое издание картуляриев порождало трудности иного рода: конечно, поздние переписчики писали ясно и их списки сохранились неповрежденными, но они сами нередко допускали погрешности — частично по невнимательности, иногда из-за недопонимания текста, частично же из-за неисправности доступных им оригиналов. В картуляриях часты ошибки в дате (несоответствие года и индикта), встречаются искажения имен, извращение смысла. Многое удалось исправить. Отметим важную конъектуру к № 43.12—13, где вместо $\tau\tilde{\omega}\nu\ \mu\epsilon\rho\tilde{\omega}\nu\ \tilde{\epsilon}\kappa\pi\epsilon\sigma\omega\iota\ \sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\omega\varsigma$ (как стоит в картулярии Феодорита и в позднем списке Спиридона, согласно которому акт издан RC № 36) издатели предлагают читать $\tau\tilde{\omega}\nu\ \iota\delta\iota\omega\nu\ \mu\eta\delta\acute{\omicron}\lambda\omega\varsigma\ \tilde{\epsilon}\kappa\pi\epsilon\sigma\omega\iota\ \sigma\tau\acute{\alpha}\sigma\epsilon\omega\nu$, что коренным образом меняет смысл документа: хрисовул Алексея I жалует монастырю амальфитян только запустевшие, выморочные земли, тогда как владельцы, оставшиеся на своих наделах, должны сохранять собственность и платить подати (см. комментарий на стр. 237).

Несмотря на высокое качество издания, гарантированное уже самим составом авторского коллектива, позволим себе несколько поправок и предложений, касающихся прочтения текста.

№ 6.13, 14, 24: λ[β]γ'. Издатели сами (стр. 107) отмечают, что число париков, передаваемых Лавре, стерто. Они восстанавливают вторую цифру в соответствии с числом париков, поименно названных в грамоте. Однако в стк. 14 на фотографии довольно отчетливо видна стигма, и число, видимо, надо восстанавливать не 32, а 36. То, что оно не сходится с числом поименованных крестьян, это уже проблема византийского делопроизводства — недаром документ сохранил следы подчистки.

№ 9.2-3: [τοῦ Στυλαρίου. RC № 10 восстанавливали [Στε]λαρίου, что в какой-то мере подтверждается пометой XVI—XVII вв. на пергаменной копии: Διὰ τὸ Στελειάρι (см. стр. 119).

№ 9.50. Изъятие сигнатуры игумена Симеона из числа подписей под актом 991 г. и перемещение ее в аппарат произведено, нам кажется, без достаточных оснований: трудно, конечно, судить по снимку, уменьшенному по сравнению с оригиналом почти в три раза, но эта подпись не производит впечатления неподлинности.

№ 9.54. Латинская подпись монаха Иоанна должна стоять не на стк. 54, а на стк. 45, после подписи Дорофея (так RC) (ср. стк. 51: подпись Арсения после Илии). Восстановление в этой подписи *inter. . . testes* кажется нам произвольным. Во всяком случае, следовало указать на другую возможность, в частности на предложенное RC: fit (anus), т. е. Amalfitanus.

№ 20.12. Восстановление [με]ταπ[οι]ῆσαι не кажется нам убедительным. Во-первых, не видно места для [με], во-вторых, ниже отсутствует предлог εἰς, который следовало бы ожидать после μεταποιῆσαι. Ср. μεταποιηθέντα εἰς καλλιέλαιον (стк. 18—19).

№ 32.3: строка повреждена. Издатели читают: κ πλεῦ τ(ων) κ τοῖς κοσμοῖς. Однако нам кажется, что ориентировочное восстановление строки возможно. От первой буквы сохранилась лишь верхняя петля, напоминающая скорее δ, чем κ. В соответствии с предыдущей строкой предполагаем: τὸν πν(ευματ)ικὸν διανύοντες ||³ δ[ρόμον]. Далее, вместо πλεῦ явно надо читать πλέον (ср. № 33.110, где сходный почерк). Перед τοῖς κοσμοῖς на фотографии видна не только κ, но, пожалуй, τικῆς κ(αἰ), что в соответствии со стк. 19 можно восполнить [τοῖς βιω] τικῆς κ(αἰ). После πλέον видны два надстрочных знака, оставшиеся, видимо, от ἡ или ἐπὶ. Все это дает осмысленную реституцию: τὸν πν(ευμα)τικὸν διανύοντες ||³ δ[ρόμον] πλέον ἡ τ(ων) [τοῖς βιω] τικῆς κ(αἰ) τοῖς κοσμοῖς ||⁴ ἐνασχολουμένων δέονται τῆς ἐπικουρίας. Несколько смущает, правда, конструкция πλέον ἡ + род.

№ 37.5. Не Σουβλιάνος, а Σουβλίανος.

№ 37.14: τὰς προστασί(ας) τοῦ . γουμ . . . οὐ [± 15] — можно дополнить τοῦ ἡγουμ[ένου] ἀνα[δεξ]αμένους (может быть, ἐπιδεξαμένους?). Это заставляет внести поправку к указателю (стр. 428), где προστασία приравнивается к ἡγουμενία. Естественнее то (более широкое) значение, которое дает «Лексикон» Лампе s. v. charge, т. е. «должность». Ср. τὴν τοῦ πρωτάτου προστασίαν — № 62.35.

№ 37.49: παραθ(α)λ(ασσίτης). Подпись парафаласита на документе об отказе жителей кастроны Адрамери от поземельных претензий кажется неожиданной (хотя, конечно, четкость функций византийского административного аппарата не нужно преувеличивать). Однако на фотографии не видно «решающей» буквы θ. Сокращение выглядит скорее как ξλ'

παρ α, где знак, напоминающий ξ, заменяет аббревиатуру, начинающуюся с κ. Не следует ли читать παρ(ε)κ(λ)λ(ησι)ά(ρχης)? Ср. № 63.5.

№ 39. В грамоте Иоанна Катафлорона от 1079 г. дважды указана его титулатура — в чтении издателей: вест, царский нотарий секрета ближайших, стратиг и анаграфевс (стк. 1, 9). Слово «стратиг» воспроизводится с небольшим отличием: *στρατη(γός)* и *στρατ(ηγός)*. На самом деле различия в написании нет, и η, прочитанная издателями в стк. 1, отсутствует, как и в стк. 9. Отсутствие η делает спорной реституцию *στρατ(ηγός)*. RC № 32. 1, 23 η, издавая документ по поздней копии Спиридона, прочитали: *τῶν οἰκειακῶν στρατευμάτων*, что явно неверно. Ф. Дэльгер, видевший оригинал, восстанавливал *στρατευτής*¹¹. Это чтение, которое сами издатели указывают в примечании, кажется более вероятным, так как царский нотарий и анаграфевс — гражданские должности, стратевт также перечисляется в грамотах среди фискальных чиновников, стратиг же — лицо сугубо военное. Сочетание должности нотария и стратига представляется несколько искусственным.

№ 42.58: *μεσοποταμ(ίαν)*. Не следует ли писать с заглавной буквы, понимая как топоним?

№ 43.18: в копии Феодорита, на которой основываются издатели, стояло *ἀπὸ τὸν Ἀλεκτορόπουλον* (так и RC № 36.23) — они вносят в текст конъектуру *τὴν Ἀλεκτορόπολιν*, понимая это как старое название Элевферополя (стр. 228). Не говоря уже о том, что внесение правки в текст — правки, о которой сами издатели говорят: *si notre correction est bonne*, вряд ли правомерно, ее необходимость кажется нам спорной. В самом деле, в грамоте описываются границы небольшого участка. «Межа начинается от Алекторопула (или Алекторополя)», — таковы первые слова описания. Что *στράτα* — межа, подтверждается актом прота Феоктиста от 1037 г., где мы читаем: *μετρηθὲν ἀπὸ τὴν γονίαν τῆς στρατὸς (sic!) τῶν αὐτῶν κελίων* (№ 30.17—18). Вряд ли межа могла начинаться от города — естественнее вести ее от владений некоего Алекторопула.

№ 51.16. В конце строки как будто можно восстановить: *τ(ῆς) ἱερ[ᾶς] . . .*

№ 56.50: *δισχιλ(ίων)*. В примечаниях или комментарии следовало учесть поправку Г. А. Острогорского: *τρισχιλίων*¹².

№ 57.13: *χαράμων(?)*. Так как текст издается по картулярию Феодорита, а слово это не засвидетельствовано словарями, не следовало ли указать чтение копии Спиридона (RC, № 52.17): *χάραβον* — одинаково непонятное?

№ 59.17: *χωράριον τὸ λεγόμενον . . . ρωτ()* — последнее слово можно восстановить *Ταυέρωτα*.

№ 67.42-43: *Θεόδωρο(ς) ὁ Μ[αδαρί]τ(ης)*. Издатели восстанавливают патроним, исходя из упоминания Феодора Мадарита, повелисима и царского грамматика, служащего в секрете сакелария (№ 67.102—103, № 68.12), . . . но названный в стк. 42—43 новелисим и царский грамматик Феодор М. . . т служил в секрете моря. Видимо, это другое лицо и патроним может читаться иначе: Месарит, Метохит и т. п.

№ 67.95 (ср. № 68.4, 36): *τοῦ Σμυρν(οῦ) κῆρ Ἰω(άννου)* — не следует ли читать *Σμυρναίου*, как в № 67.97, где патроним Василия Смирнея выписан полностью?

Репродукции лаврских грамот позволяют сделать некоторые дополнительные наблюдения относительно писцов оригиналов.

№ 10 (табл. V—VII, 993 г.) написан красивым почерком монаха Евфимия. Нельзя ли отождествить писца грамоты № 10 с еkkлисиархом Лавры 1012 г. Евфимием, подпись которого под актом № 16 (табл. X) выдает ту же руку опытного переписчика?

¹¹ F. Dölger. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956, S. 348, Anm. 4.

¹² Г. Острогорски. Размена посёда и сельака у хрисовулы цара Алексѣя I Комнина светогорској Лавры из 1104 године. — «Историски часопис», 5, 1955, стр. 24 (статья указана в библиографии — см. стр. 288).

Дарственная грамота Евстратия (№ 16, табл. X, 1012 г.) написана монахом Лавры Афанасием. Хотя оригинал сохранился очень плохо, тем не менее характерные особенности почерка этого писца позволяют без труда идентифицировать переписчика № 16 с писцом документа № 27 (табл. XXI, 1030 г.) — проэстом Лавры Афанасием.

Значительное число грамот, оригиналы которых не сохранились или не были обнаружены в последнее время, публикуется по копиям XII—XV вв.: № 1, 12, 15, 21, 23, 37 и др. К сожалению, издатели почти не приводят фотографий этих древних копий (исключение составляют лишь № 1, 20 и 37). Между тем их репродукции могли бы, вероятно, дать интересный материал для истории архива Лавры — точно так же, как и отмеченные в тексте, но почти совсем не присутствующие на таблицах альбома многочисленные дорсальные пометы XI—XVIII вв.

Даты грамот, принятые в РС, как известно, вызвали ряд возражений. В новом издании хронология многих актов уточнена: в одних случаях — благодаря привлечению оригиналов, в других — из-за более внимательного прочтения текста (причем издатели, разумеется, опирались на специальные исследования, появившиеся после 1937 г.). Особенно существенна передатировка № 66 и 69, которые Руйар отнесла ко времени Алексея I и которые издатели датируют соответственно 1184 и 1196 гг. Использование аутентичной копии № 66, подписанной солунским митрополитом Иоанном и содержащей точную дату, блестяще подтвердило гипотезу Г. А. Острогорского¹³. № 69 был правильно датирован уже Ф. Дальгером, и его аргументы воспроизведены издателями (стр. 359). Эта дата, кстати сказать, наводит на следующее соображение. Оба акта — № 66 и № 69 — касаются одной проблемы — владений Лавры в феме Моглена. Копия № 66 была скреплена, как уже сказано, митрополитом Иоанном, которого издатели не без оснований считают Иоанном Хрисанфом, преемником Евстафия Солунского, занимавшим митрополичий престол недолгое время как раз около 1196 г.¹⁴ Нельзя ли предположить, что изготовление копии № 66 совпало с получением императорского распоряжения № 69?

Публикация оригинала № 39 позволила решить спорный вопрос о дате этого акта Иоанна Катафлорона, который РС № 32 отнесли к 1079 г., а П. Лемерль на основании ряда остроумных соображений — к 1069 г.¹⁵ Однако оригинал не подтвердил этого пересмотра, дата РС оказалась верной, — к сожалению, издатели во введении нигде не отметили ошибочности прежней гипотезы Лемерля.

На стр. 266 мы находим (в комментарии) ошибку или опечатку в дате: март XII индикта, конечно, не 1090, а 1089 г.

На стр. 270 издатели, ссылаясь на статью Д. Панахрисанфу (члена авторского коллектива!), датируют кончину севастократора Исаака Компина, брата Алексея I, временем до 1107 г. Но в работе Д. Панахрисанфу другая дата — около 1102 г., и во всяком случае — до 1104 г.¹⁶

Определение характера документа также представляет подчас немалые трудности. Издатели публикуют дарственную монахини Гликерии

¹³ Впервые в работе 1951 г. (Г. Острогорски. Пронија. Београд, 1951, стр. 30—32), которая отсутствует в библиографии. См. еще: Г. Г. Литаерин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 152.

¹⁴ V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin, V, 1. Paris, 1963, № 463. См. V. Laurent. La succession épiscopale de la métropole de Thessalonique dans la première moitié du XIIIe siècle. — BZ, 56, 1963, p. 287 sq. Издатели на стр. 343 дают ошибочную ссылку на эту работу.

¹⁵ P. Lemerle. Notes sur la date de trois documents athonites et sur trois fonctionnaires du XIe siècle — REB, 10, 1952, p. 109 sq.

¹⁶ D. Papachryssanthou. La date de la mort du sébastokrator Isaac Comnène, frère d'Alexis Ier, et de quelques événements contemporains. — REB, 21, 1963, p. 255. Cp. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 592 и сл.

(№ 20), которую в комментарии, хотя и не без колебаний, признают оригиналом (стр. 155), а на подписи к репродукциям (табл. XV—XVII) — копией (хотя и под вопросом). Репродукция, однако, свидетельствует, что все подписи сделаны одной рукой и что перед нами, следовательно, не оригинал, а копия.

Этот вывод, если он справедлив, заставляет еще раз вернуться к сложному вопросу о датировке дарственной Гликерии. Издатели публикуют два документа, относящиеся к этому делу: в первом (№ 16) лаврский монах Евстратий с разрешения игумена (простота) Феодорита передает богородичному монастырю Булевтирии небольшой монастырек на острове Скиросе, подаренный ему монахиней Гликерией. По индикту и упоминанию игумена Феодорита издатели датировали № 16 1012 г. Второй акт — упомянутая дарственная Гликерии, датированная XIV индиктом. Казалось бы естественным принять, что Гликерия раньше подарила монастырек на Скиросе Евстрацию, чем этот последний передал его Булевтирии. В таком случае № 20 должен был быть отнесен к 1001 г. Однако Гликерия именует Евстрация игуменом Лавры (стк. 63—64; ср. стк. 53), тогда как в 1012 г. он выступал как простой монах. Вот почему издатели относят дарственную Гликерии к 1016 г. (стр. 157), что заставляет их признать сохранившийся документ *второй* дарственной.

Конечно, если бы мы имели дело с оригиналом, вывод издателей был бы более убедительным, хотя и в этом случае трудно представить, что Гликерия составила дарственную Евстрацию тогда, когда объект дарения уже ушел из его рук. Нельзя ли предположить, что титул «игумен» появился уже при составлении копии?

Что же касается копии, по которой опубликован текст дарственной Гликерии, то время ее составления следует, по нашему мнению, отнести к началу XII в. Особенности письма этого документа позволяют поставить его в один ряд с написанной в 1115 г. дарственной грамотой Никифора Кефалы (№ 60, табл. LXVI—LXVIII).

Грамота № 64 (РС № 57), известная только по картулярию Феодорита (и зависящего от него Спиридона), публикуется и повсеместно анализируется как акт солунского дукы Иоанна Кондостефана. Впрочем, некоторые сомнения в основательности этого высказаны самими издателями (стр. 330). В самом деле, когда составитель грамоты говорит: «Мы пришли (ἤφικόμεθα) на спорное место» (стк. 25—26) или «Мы рассмотрели это место, прочитали названную опись» (стк. 33—34), — то это, вопреки издателям (стр. 327), вряд ли может быть отнесено к солунскому дуке и царскому племяннику — он был слишком большим вельможей, чтобы лично выезжать для рассмотрения спорных земельных наделов. На грамоте стоят подписи других лиц — хартофилака солунской митрополии Василия Масиака и ипомниматографа митрополии Димитрия (стк. 111—112), но они не могли выносить решение по земельной тяжбе. Они, по-видимому, были лишь составителями той выписки из ряда официальных актов, которой и является акт № 64 и которая названа *στυλίσματα* (стк. 113). Эта выписка была изготовлена, как следует из заключительной формулы, по распоряжению (*κατ'ἐπιταγήν*) высокого чиновника, скрепившего ее своей печатью (стк. 113—114). Согласно Феодориту, это была печать Кондостефана (стр. 326 и сл.), но это не дает оснований видеть в Кондостефане составителя акта № 64 и соответственно в дате, помещенной на обороте (утраченного оригинала), — 1162 г., — дату судебного разбирательства. Тяжба Лавры с прониаром Панкратием Анемой относилась не к 1162 г., а ко времени *до* этого года.

Реальный комментарий начинается с того, что по-французски называется *analyse*, — с пересказа содержания грамоты, иногда довольно пространного. Такой пересказ очень удобен, поскольку текст далеко не всегда прост, и вместе с тем очень ответствен, ибо пересказ — это и осмыс-

ление. Остановимся на нескольких случаях, когда текст, на наш взгляд, допускает иное понимание.

№ 1.26—28. В этой клаузуле купчей грамоты 897 г. продавцы оговаривают передачу Евфимию, игумену монастыря св. Андрея, полной собственности на продаваемый участок, à charge de payer chaque année le même impôt de cinq miliarisia, как переводят издатели (стр. 86), т. е. «на условии ежегодной уплаты того же налога в пять миллиарисиев». Следовательно, с их точки зрения, платить налог в дальнейшем должен был Евфимий.

Такое понимание во всяком случае не бесспорно. Е. Э. Липшиц, посвятившая купчей 897 г. специальную статью и подробно рассматривавшая ее в монографии¹⁷ (ни та, ни другая работы не указаны в библиографии), толковала текст иначе: по ее словам, «было предусмотрено, что продавец вносит причитающийся с него за год налог (τέλος) в сумме 5 миллиарисиев»; продавец — а не покупатель, не игумен Евфимий.

В оригинале стоит: πρὸς τὸ καὶ τελεῖν αὐτὸν ἐτήσιον τέλος, что издатели, видимо, рассматривают как Асс. с. inf., где αὐτὸν (Евфимий) — подлежащее, а τελεῖν — сказуемое. Однако язык грамоты столь далек от классических норм, что ожидать в ней Асс. с. inf. не приходится. Сказуемое фразы — ὁμολογούμεν, от которого зависят два инфинитива: παραδεδωκέναι и τελεῖν. Ὁμολογέω значит «соглашаться», «признавать», «обещать». Продавцы признают, что они передали собственность и сверх того (πρὸς τὸ) обещают платить Евфимию (αὐτὸν) вместо классического σοι) ежегодный τέλος.

Если такое понимание правильно, то купчая 897 г. рисует не простую продажу земли, но установление своего рода прекарных отношений: продавцы не только отдают свою земельную собственность монастырю, но и принимают на себя обязанность уплаты ренты.

№ 10.11—14: грамота описывает набег сарацинов, укрепившихся на острове Гимнопелагисий, после чего топотирит Паспала по царскому приказу увез монаха Космы и удерживал его четыре месяца. И. Дуйчев полагал, что задержание Космы было наказанием, своего рода арестом (за пособничество арабам?)¹⁸; наоборот, по предположению Г. А. Острогорского, Косма оказался в арабском плену и был оттуда увезен Паспалой¹⁹. Издатели не разбирают эти толкования (хотя и указывают работы Дуйчева и Острогорского). Далее они безоговорочно передают στρατόπεδον как «армия», тогда как Острогорский понимал это слово как «императорский лагерь», «ставка», а Дуйчев — как «военный лагерь».

№ 19.22 (и далее в ряде актов): ὄσπρια издатели переводят (стр. 152) légumes secs, «сушеные овощи», тогда как обычное понимание слова — «стручковые».

№ 35.17: упомянутого в грамоте 1071 г. Петра издатели наделяют (хотя и с вопросительным знаком) патронимом Псел (стр. 204. Ср. указатель, стр. 441) — текст не дает для этого никаких оснований.

№ 41.2—3: τοῦ τε Θεοδώρου τοῦ τοῦ Αἰχμαλώτου издатели понимают как Феодор, сын Эхмалота (стр. 227). Выражение ὁ τοῦх., долго служившее камнем преткновения, теперь как будто единодушно понимается как «племянник» или «близкий человек».

№ 66.4—5: лаврские монахи ссылаются на императорское постановление, запрещающее половцам из фемы Моглены распространять свою власть на чужих болгаров и влахов. Выражение διευθετεῖν ὡς οἰκείους из-

¹⁷ Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX вв. — «Акад. Б. Д. Грекову. Сб. статей». М., 1952, стр. 49—54; *ее же*. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века. М.—Л., 1961, стр. 81—83.

¹⁸ И. Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. София, 1945, стр. 28.

¹⁹ Г. Острогорский. Сербское посольство к императору Василию II. — «Глас САН», 193, 1949, стр. 16. Ср. G. Ostrogorsky. Une ambassade serbe auprès de l'empereur Basile II. — Byz., 19, 1949, p. 188 sq.

датели передают *s'approprier*, «присваивать» (стр. 342), что несколько искажает оттенок, придавая словам грамоты «крепостническую» окраску. Далее, они пишут: «Пусть не присваивают чужих владений или болгар, как это стало обычным (*comme la coutume s'en est établie*)». В греческом слова: *ὡς ἡ συνήθεια ἐπεκράτησεν* — относятся совсем к другому, они следуют после фразы: *ἀλλὰ τοὺς τοιούτους πάντας ἀπαιτεῖν τῷ μέρει τῆς δηλωθείσης μονῆς*, т. е. составитель грамоты хочет сказать, что все эти (влады и болгары) должны оставаться в подчинении (*ἀπαιτεῖν*, видимо, значит более точно — «нести повинности», по мы сознательно ограничиваемся более зыбким термином; издатели понимают его *revendiquent* — «возвращают в собственность») Лавры, как это стало обычаем. Таким образом, в переписке — в результате перемещения части текста на другое место — исчезает типично средневековое понимание *συνήθεια* как *consuetudo* и, наоборот, этому слову придается «нейтральный» смысл — «дурной обычай», «нарушение права».

Для понимания текста чрезвычайно существенны толкования отдельных фраз, имен, географических названий, терминов, содержащиеся в комментарии. Многие из них новы и остроумны, например, объяснение термина *δημοσιεύω* как «налагать *δημόσιον* (τέλεσμα)» (стр. 307) или предположение, что в грамоте № 64, начало которой повреждено, Коскина, отнявший у Лавры 8 париков, — если не то же лицо, что Панкратий Анема, то во всяком случае его «человек», ибо в конце документа как раз говорится о 8 лаврских париках, находящихся под властью Панкратия (стр. 329 и сл.). Комментарий, правда, нельзя назвать последовательным: в одних случаях издатели отсылают к литературе (см., например, стр. 196), в других — подробно рассматривают вопрос, иногда разъясняют, о каком лице идет речь, иногда опускают такое разъяснение. Разумеется, полного разъяснения текста нельзя и требовать — иначе объем книги вырос бы в несколько раз, и читателю приходится мириться с известным субъективизмом в выборе объектов комментария.

Тем более не приходится ждать, что в журнальной статье могут быть восполнены все лакуны или погрешности комментария. Однако на некоторые нам бы хотелось указать.

В решении протоспафария Симеона от 974 г. (?) упоминается царский питтакий (по предположению Г. А. Острогорского, Иоанна Цимисхия), предписывавший Симеону разобраться *περὶ τῶν στρατιῶν καὶ τῶν προσοδιάρων τῶν δημοσιάρων τῶν καταφυγόντων εἰς τε τὰ ἀρχοντικά πρόσωπα καὶ εἰς τὰ τῶν ἐκκλησιῶν* (№ 6.5—6). Место это, чрезвычайно важное для аграрной истории Византии X в., комментировалось неоднократно. Г. А. Острогорский, в частности, предложил вместо *στρατιῶν* конъектуру *στратиῶν*, допуская, что речь идет о двух категориях крестьян — стратиотах и просодиариях-димосиариях²⁰. Аналогичная грамота Феодора Кладона 975 г. (?), излагающая питтакий Иоанна Цимисхия, содержит несколько отличную формулу: *περὶ τῶν στρατιῶν καὶ προσοδιάρων καὶ δημοσιάρων*, что давало основание (если принять конъектуру Г. А. Острогорского) говорить о трех отдельных категориях — стратиотах, просодиариях и димосиариях²¹. Однако грамота Кладона издава так скверно (ее оригинал потерян), что опираться на нее, пожалуй, рискованно.

Конъектура Г. А. Острогорского сама по себе не невозможна (ср.

δο

в стк. 9 сокращение *τη* вместо *δημοσιάρους*) — трудность, однако, состоит в том, что после этой формулы ни стратиоты, ни просодиарии не упоминаются в грамоте: протоспафарий Симеон говорит о димосиариях (стк. 9) и париках (стк. 13). Не следует ли в таком случае рассматривать *τῶν*

²⁰ Г. Острогорски. О византийском драваннм сельцнцнм н воїнцнцнм — две повеље из доба Јована Цнмнскн. — «Глас САН», 214, књ. 3, 1954, стр. 27, прим. 11.

²¹ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 161.

δημοσιαρίων как Gen. Subj. к τῶν στρατιῶν καὶ τῶν προσοδιαρίων и понимать τὰ προσοδιάρια по аналогии с αἱ στρατίαι как повинности (димосиариев)? Ср. выражение ἀπατεῖν προσόδιον в хрисовуле 1074 г. (№ 36.6).

К сожалению, издатели не учитывают конъектуру Г. А. Острогорского ни в критическом аппарате, ни в комментарии.

В хрисовулах Алексея I от 1089 г. (№ 49.47) и от 1109 г. (№ 58.69) упоминается термин *κλάσμα*, который не разъяснен в комментарии; нет даже отсылки к литературе, хотя существует специальная статья К. А. Осиповой на эту тему²².

Несомненно, заслуживали комментария и такие термины, как *πλανήνᾳ* (№ 66.1) или половецкая *καπούνα* (№ 65.46).

Обильные просопографические данные, содержащиеся в актах, также подчас остаются без разъяснений. Две грамоты Иоанна Велисария от 1196 г. (№ 67—68) содержат огромное количество имен византийских чиновников, среди которых такие известные, как Даласины, Антиохи, Стуры, Месариты, — ни одно из них не комментируется. В комментарии к хрисовулу Алексея I от 1084 г., где идет речь о правах севаста Адриана (№ 46), следовало бы, пожалуй, если не сказать о нем, то во всяком случае отослать к литературе²³. Комментария заслуживало и имя архонта Иоанна Молискота (№ 64.37), — по-видимому, негреческое; возможно, этот Молискот был латинским наемником на византийской службе. В комментарии к хрисовулу Алексея I от 1104 г. (стр. 290), видимо, нужно было остановиться на патрониме севаста Андроника — Склир, поскольку он засвидетельствован только в копии Феодорита (стр. 296).

В других случаях издатели предлагают просопографический комментарий — не всегда, однако, безупречный.

В хрисовуле Алексея I от 1104 г. (№ 56.35) назван Родий, проэдр и судья Волерона, Стримона и Солуни, которого издатели «без сомнений» (стр. 291) идентифицируют с Михаилом Родиём, протоанфипатом и судьей ипподрома (№ 46.37). Конечно, тождество этих лиц не может быть исключено, но у нас нет никаких данных, чтобы считать его несомненным²⁴. Но издатели не ограничиваются идентификацией двух Родиёв: они предполагают (стр. 302), что Михаил Родий мог быть тем же лицом, что и севаст Михаил, логофет секретов, осуществлявший опись в районе Солуни (№ 58.24—25). В данном случае, однако, издателям изменяет осторожность: идентификация по прену (притом, что набор преномов в Византии был весьма ограниченным) в принципе невозможна. Севаст Михаил, которого Анна Комнина (как отмечают сами издатели) знает как мужа императорской племянницы, не мог принадлежать к столь незначительной семье, как Родиё. Уже в 1094 г. он был севастом и логофетом (PG, t. 127, col. 972 C), т. е. задолго до того, как Родий еще выступал проэдром. Логофета Михаила иногда идентифицировали с Михаилом Дукой, что более правдоподобно, но не может быть обосновано. В последнее время была выдвинута более убедительная идентификация — с Михаилом, сыном севаста Константина, влучатым племянником патриарха Михаила Кирулария²⁵.

²² К. А. Осипова. Система класм в Византии в X—XI вв. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 174—185. Там же литература вопроса. Хотя в статье анализируется ряд лаврских грамот, она ни разу не цитируется в книге.

²³ См. прежде всего энкомий Никифора Василиаки Адриану Комнину, изданный А. Гарсиа с комментарием: *Niceforo Basilace. Encomio di Adriano Comneno*. Napoli, 1965, а также L. Stiernon. Notes de titulature et de prosopographie byzantines. *Adrien (Jean) et Constantin Comnène*. — REB, 21, 1963.

²⁴ Более осторожно решал этот вопрос П. Лемерль в одной из ранних работ: *P. Lemerle. Philippos et la Macédoine orientale*. Paris, 1945, p. 164 sq.

²⁵ См. D. Polemis. *The Doukai*. London, 1968, p. 64, n. 6 (со ссылкой на неизданную диссертацию С. де Жонг) и особенно: P. Gautier. *La curieuse ascendance de Jean Tzetzes*. — REB, 28, 1970, p. 216 sq.

На стр. 246, в комментарии к хрисовулу Алексея I от апреля 1084 г. (№ 45), издатели останавливаются на «отпадении» (*défection*) франка Оттона, Льва Васпракита и Пундеси, удачно исправляя традиционную дату этого события, которое должно было иметь место до ноября 1083 г., а не в 1084 г. Однако безоговорочное отождествление Пундеси с Раулем Понтуазским вряд ли оправдано — как известно, уже де ля Форс высказывал сомнения в правомерности такой идентификации²⁶. При этом нужно учитывать, что Пундеси, о котором говорит Анна Комнина (т. 2, р. 22), перешел на сторону византийцев не ранее осени 1082 г.: если он — то же лицо, что и его омоним из хрисовула № 45, то пребывание Пундеси в Византии продолжалось не более года.

На стр. 266 издатели подробно останавливаются на деятельности магистра Никиты Ксифилина, судьи и анаграфевса Волерона, Стримона и Солуни в 1088/9 г. (№ 50.1—2). Они привлекают при этом ряд неопубликованных актов из архивов Ксенофонта и Дохиарского монастырей. К этому можно было бы прибавить упоминания Никиты Ксифилина, протовеста, участника судопроизводства по делу Иоанна Итала в 1082 г.²⁷, и его омонима, квестора, скрепившего завещание Кали-Марии, жены Смбаца Пакуриаша в 1098—1113 гг.²⁸ Оба жили в то же время, что и судья Волерона, Стримона и Солуни, и их идентификация во всяком случае возможна, хотя и проблематична. Кроме того, судьей и анаграфевсом Волерона в 1074 г. был некий Ксифилин, преном которого неизвестен²⁹.

На стр. 242 издатели, касаясь личности Василия Цирифона, эксисота Запада в начале правления Алексея I (№ 44.16—17), замечают, что «он или его омоним был позднее логариастом геникона». Вопрос о Василии Цирифоне более сложен. Сохранился ряд печатей его омонимов: анфипата, судьи вила и гиротрофа³⁰, протовестарха, судьи вила и фемы Кивиреот³¹, проэдра и эпарха³², которых обычно (без достаточных оснований) считают одним лицом. Что же касается Василия Цирифона, занимавшего сравнительно невысокий пост логариаста секрета геникона в 1109 г., т. е. почти на 30 лет позднее деятельности эксисота Запада, то даже В. Лоран, при всей его страсти к идентификации омонимов, не рискнул считать их одним лицом.

Библиография содержит сведения о прежних изданиях, переводах, пересказах или специальном анализе каждого публикуемого документа; кроме того, в тексте комментария рассеяны ссылки на работы, посвященные вопросам социальной, административной, политической истории, праву, топографии или просопографии, необходимые для лучшего понимания текста. Библиографические ссылки в реальном комментарии не претендуют на полноту: издатели обычно ограничиваются последними

²⁶ *Marquis de la Force*. Les conseillers latins du basileus Alexis Comnène. — *Byz.*, 11, 1936, p. 161. М. Ласкарис сближал Пундеси с эпирским топонимом Вудеси (*M. Lascaris*. Survivances dans la toponymie de la Macédoine des «Francs» d'avant et après de la IVe Croisade. — *Byz.*, 23, 1953 (1954), p. 7), что нам представляется произвольным.

²⁷ *Ф. И. Успенский*. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. — *ИРАИК*, 2, 1897, стр. 42.7-8.

²⁸ См. *Г. Литаврин*. О датировке трех важных документов по внутренней истории Византии. — «Старинар», XX, 1969 (1970), стр. 189. Литаврин отождествляет его с его омонимом, известным по лаврским актам. Сохранилась печать квестора Никиты Ксифилина, однако В. Лоран датировал ее более поздним временем — серединой XII в. (*V. Laurent*. Les bulles métriques dans la sigillographie byzantine. Athènes — Bucarest, 1932—1937, № 555).

²⁹ *F. Dolger*. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches, T. 2. München, Berlin, 1925, № 1000.

³⁰ *V. Laurent*. Une nouvelle collection de légendes sigillographiques. — *EO*, 30, 1931, № 163, p. 357.

³¹ *V. Laurent*. Erèthos-Akazer. — «Hellenika», 9, 1936, p. 21—23.

³² *V. Laurent*. Légendes sigillographiques et familles byzantines. — *EO*, 30, 1931, № 164, p. 473 sq.

исследованиями. Работы на русском и других славянских языках за считанными исключениями не указываются.

Приводим некоторые дополнения к библиографии.

№ 12. Издано также (с грузинским переводом): С. Г. Каухчишвили. «Георгика», т. VIII. Тбилиси, 1970, стр. 191 и сл. (фрагменты).

№ 17. Издано там же, стр. 193—196 (фрагменты).

№ 19. Издано там же, стр. 202—204 (фрагменты).

№ 21. Издано там же, стр. 205—207 (фрагменты).

№ 23. Издано там же, стр. 208 (фрагменты).

№ 25. В книге впервые издается грамота (ἀσφάλεια) монаха Георгия тоῦ Χαρχανᾶ от 1024 г. о передаче монастырька тоῦ Πιδαρᾶ в Карее Кондолеонту Торнику, стратегу Эллады. Подробное изложение грамоты дал еще Порфирий Успенский³³ (отметим, что в других случаях резюме Порфирия отмечаются — см. стр. 193, 248). Несмотря на это, грамота Георгия, рисующая конец карьеры Кондолеонта Торника, катепана Италии в 1017 г.³⁴, и освещающая связи Торников с Афоном, насколько нам известно, не была до последнего времени использована.

№ 46. Хрисовул Алексея I от 1084 г. имеется в русском переводе: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951, стр. 254 и сл.

№ 47. Издано: С. Г. Каухчишвили. «Георгика», т. VIII, стр. 241—245.

№ 66. Постановление Андроника I от 1184 г. имеется в болгарском переводе: «Подбрани извори за историята на Византия». София, 1956, стр. 206 и сл., где переводчик, П. Тивчев, между прочим, высказал сомнения в предложенной Г. А. Острогорским дате. Впрочем, позднее он отказался от своих сомнений и справедливо рассматривал этот документ как проявление покровительства Андроника I крупному монастырскому землевладению³⁵.

Приложение VI. Издано: С. Г. Каухчишвили. «Георгика», т. VIII, стр. 197—201.

Акты архива Лавры св. Афанасия являются важнейшим источником для изучения внутренней истории Византийской империи X—XII вв. и прежде всего — поземельных отношений.

Лавра св. Афанасия была крупным земельным собственником, и в сохранившихся актах отразился процесс роста монастырских владений. Специальная статья Н. Звороноса, помещенная в вводной части тома и посвященная домену Лавры до 1204 г., освещает этот процесс. Вместе с тем в архив Лавры вошли некоторые «досье», касающиеся тех земель, которые были приобретены монастырем; в частности, ряд актов (№ 44, 45, 48, 49) фиксирует пожалования и привилегии, полученные видным полководцем Алексея I Львом Кефалой. Эти акты, включенные уже в РС, — редкий источник для изучения византийского светского землевладения, и они были предметом изучения многих ученых, в том числе Г. Г. Литаврина³⁶. Теперь к этому «досье» прибавились грамота проэдра Никифора

³³ Порфирий Успенский. Восток христианский. История Афона, ч. 3. Киев, 1877, стр. 163.

³⁴ См. о нем V. von Falkenhausen. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jh. Wiesbaden, 1967, S. 86. (в библиографии не указано). Грамота позволяет отвергнуть произвольное отождествление (см. N. Adontz. Études arméno-byzantines. Lisbonne, 1965, p. 253) Кондолеонта со Львом Торником, вождём восстания 1047 г. См. теперь А. П. Каждан. Армяно-византийские заметки. — «Историко-филологический журнал», 1971, № 4, стр. 102.

³⁵ Р. Тивчев. Le règne de l'empereur de Byzance, Andronic Ier Comnène (1183—1185). — BS, 23, 1962, p. 34 sq.

³⁶ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 133 и сл. Ср. Г. Цанкова-Петкова. За аграрните отношения в средновековна България (XI—XIII вв.). София, 1964, стр. 36.

Кефалы от 1115 г. (№ 60), которого издатели считают сыном Льва (см. стр. 337), и практик вестиярита Андроника Ватаца от 1181 г. (№ 65), освещающие дальнейшую судьбу поместий Кефалы: они перешли Лавре, причем игуменом монастыря был в ту пору Феодор Кефала — по всей вероятности, один из членов семьи. Последнее обстоятельство, кстати сказать, бросает свет на любопытный процесс сращивания светского и монастырского землевладения.

Уже первое издание позволило Г. А. Острогорскому по-новому поставить вопрос о пронии XII в.³⁷ Он использовал тогда так называемую грамоту Иоанна Кондостефана от 1162 г. (№ 64) и простагму Андроника I от 1184 г. (№ 66). В дальнейшем эти документы исследовались рядом византинистов, которые не всегда соглашались с Г. А. Острогорским, особенно в трактовке грамоты 1162 г.³⁸ К сожалению, издатели не указывают этих работ и не останавливаются на той дискуссии, которую порождает переиздаваемый ими текст. К актам, касающимся животрепещущей проблемы пронии, теперь можно прибавить еще один — практик Андроника Ватаца от 1181 г. (№ 65). Текст практика сильно поврежден, однако можно видеть, что половцы-стратиоты в феме Моглены имели париков на правах пронии (*κατὰ λόγον προνοίας*) и что после смерти этих половцев парики должны были перейти Лавре (стк. 42, 44, 58). Возвращение проастия, взятого в пронию, монастырю после смерти стратиотов-прониаров предусматривает и грамота 1162 г. (№ 64. 54—59). Землю в пронию на срок жизни сдает здесь монастырь, а не государство — на это обстоятельство как будто до сих пор не обращали достаточного внимания. Однако из этого было бы преждевременно делать вывод, что прониары непременно были стратиотами и что прония жаловалась непременно на срок жизни. Сами издатели справедливо подчеркивают, что Панкратий Апема, прониар, упомянутый в грамоте № 64, нигде не назван стратиотом (стр. 329). Несомненным можно считать, что половцы-стратиоты, разместившиеся во множестве в деревне Хостиана, не были крупными земельными собственниками и что их права на париков под пронией не отличались принципиально от прав монастыря, возвращавшего себе власть над париками после смерти половцев.

Другой парафеодальный институт, часто упоминаемый в лаврских актах, — экскуссия. Правда, в своем большинстве эти акты были изданы в РС и частично уже стали предметом специального анализа. Так, экскуссия, пожалованная Льву Кефале (№ 44, 45, 48, 49), рассматривалась Г. А. Острогорским³⁹, вопрос об экскуссии кораблей и в этой связи хрисовул Алексея I от 1102 г. (№ 55) обсуждался в статье А. П. Каждана⁴⁰. К этим посвященным специально византийской экскуссии работам отсылка в библиографии мы не найдем. Впервые издаваемое судебное решение Иоанна Велисария от 1196 г. (№ 67) опять-таки касается вопроса об экскуссии кораблей.

Ограниченность византийского иммунитета очень отчетливо обнаруживается в хрисовуле Алексея I от 1094 г. (№ 52), где Лавра освобождается

³⁷ Г. Острогорски. Пронија, стр. 20—25.

³⁸ А. П. Каждан. Рецензия на кн. Г. А. Острогорского. — ВВ, X, 1956, стр. 227; А. Pohlweg. Zur Frage der Pronoia in Byzanz. — BZ, 60, 1967, S. 305 f. См. теперь возражения Г. А. Острогорского: G. Ostrogorsky. Die Pronoia unter den Komnenen. — ЗРВИ, 12, 1970, стр. 47—50. Анализ акта 1162 г. см. также: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 150 и сл.

³⁹ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии. — ВВ, XIII, 1958, стр. 65—67.

⁴⁰ А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв. — «Византийские очерки». М., 1961, стр. 191—194. О хрисовуле 1102 г. см. еще: П. Тишев. Нарастането на едрото земевладение във Византия през XII в. — ИИИ, 9, 1960, стр. 230.

от последующих землемерных инспекций: μή καὶ αὖτις ποτε ... ἀναμετρεῖσθαι παρὰ τινος τόπια, как гласит соответствующая формула (стк. 26—27). Но тут же делается оговорка, что в случае возникновения тяжбы разбирательство должно происходить на спорных местах, не затрагивая других участков (стк. 28—32). Следовательно, достаточно жалобы чиновника или частного лица, чтобы государство могло вторгнуться в так называемую свободную территорию. Византийский иммунитет означал не свободу, а ограниченную подсудность или фискальную привилегию.

Постоянно упоминаются в актах зависимые крестьяне, прежде всего парики, в том числе актимоны, воидаты, зевгараты, дизевгиты (см. указатель, стр. 424), а также дулопарики (стр. 391), проскафимены (стр. 428), ὑποτελεῖς (стр. 438). Нужно ли и в этом случае повторять, что огромная советская литература, посвященная положению зависимого крестьянства, не отмечается и не учитывается в соответствующих местах? Так, в простагме Андроника I от 1184 г. упоминаются дулевты, не переданные по практику (№ 66.19), названные ниже париками-дулевтами (стк. 22), — издатели (стр. 343) передают термин δοῦλεῖται как ouvriers, «рабочие», тогда как дулевты — особая категория зависимого населения ⁴¹.

Для понимания характера византийской крестьянской зависимости чрезвычайно существен хрисовул Никифора III от 1079 г., которым Лавре передается новый (в добавление к прежнему) ἀριθμός дулопариков, а именно сто человек, со специальной оговоркой, что пополняться это «число» должно исключительно из сыновей и внуков монастырских дулопариков (№ 38.24—26). Возникает вопрос (не поставленный, однако, в комментарии) о судьбе «избыточного» потомства, т. е. тех детей и внуков, которые уже выходили за пределы пожалованной сотии. Кем они становились — свободными людьми или зависимыми?

Ряд актов затрагивает различные формы общинной и общей собственности.

Изданный уже RC № 3 акт 941 г. содержит четкое противопоставление частных хорафиев (ἴδια χωράφια) и общего пастбища (№ 2.31—33. Ср. № 3.13—15). Грамота 1017 г. отмечает право «соседа» рубить дрова и собирать каштапы на соседской земле (№ 21.19) ⁴².

Очень интересен издаваемый впервые акт 1110 г. о разделе имущества трех братьев (№ 59). Перед нами — зажиточные солуняне, обладатели мельниц, хорафиев и иной недвижимости, находившейся в их совместном владении и теперь поступающей в раздел. Однако раздел этот лишь частичный. Семейная община не исчезла. Двое братьев — Лев и Конста — сохраняют значительную часть имущества как совместную (стк. 4—6, 9—10, 16—17, 18—19, 21—22, 31—32). Залежи (χερσοτόπια) должны принадлежать всем трем и служить для выпаса их скота, но использовались они в соответствии с общей долей каждого (стк. 26—28). Неразделенным оставался и пресс (πατητήριον) и некоторые иные угодья — загон для зверей (γαλεῶγγρα) и участок леса (стк. 38—40). Братья совместно владели эргастирием (мельницей?), разделяя поровну причитающуюся за него арендную плату (стк. 7—8); всем трем принадлежали также центральная усадьба (стк. 44—45) и заросли камыша, за которые они взимали и делили поровну пакт, а иногда убирали сами и делили поровну урожай (стк. 45—47); наконец, некоторые земли (стк. 47—48).

В решении прота Иоанна Тарханиота от 1108 г. (?) упоминается источник воды, пользование которым было общим (ἐπίκοινος), так что монастырь

⁴¹ Именно как особую категорию зависимых крестьян рассматривает дулевтов Г. Г. Литаврин («Болгария и Византия в XI—XII вв.», стр. 177). Кстати, в этой работе специально анализируется положение дулевтов, упомянутых в простагме Андроника I (там же, стр. 153).

⁴² О соседских правах (в частности на основе лаврских грамот) см. А. П. Каздан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв. — ВВ, X, 1956, стр. 51 и сл.

Исидора, владевший этой территорией, не должен был препятствовать соседям пользоваться водой (№ 57.10—12).

Поскольку земельные тяжбы, пожалование, продажа и обмен земли составляют основной предмет лаврских грамот, в них затрагиваются проблемы собственности и владения. Еще В. Г. Васильевский выдвигал как актуальную задачу характеристику византийского права по актовому материалу, византийского права как живого и действующего. С тех пор прошло около ста лет, но задача эта не решена, несмотря на значительный приток источников. Изданные П. Лемерлем и его сотрудниками акты содержат ряд юридических казусов, которые могли бы оказаться существенными для понимания вещного права в Византии X—XII вв.

Прежде всего, «чистый» акт купли-продажи, характерный для римского права, нередко оказывается «затемненным» системой личных отношений (в том числе благочестивых соображений), столь характерных для средневековья⁴³. В этом отношении очень показателен акт 1024 г. о приобретении Кондолеонтом Торником монастыря на Афоне. Эта сделка оформляется как серия разнородных акций: во-первых, Торник уплатил долг, лежавший на монастырьке Пифара; во-вторых, он дал игумену монастырька Георгию некоторую сумму — но не как плату, а в качестве ситиресия и содержания (λόγφ σιτηρεσίου καὶ διοικήσεως) «его слабости»; в-третьих, в свою очередь Георгий дал (δέδωκα), а не продал Торнику монастырь (№ 25.19—23). Издатели совершенно справедливо характеризуют грамоту как «дарение» (don) Георгия (стр. 173) — именно так понимается и оформляется сделка, — хотя по существу монастырек был продан за 210 номисм.

Подобное же затемнение характера сделки засвидетельствовано и в грамоте 1071 г., также издаваемой впервые. Там идет речь о том, что Константин Псел и его мать отдали (δέδωκαν) свои хорафии Ивирскому монастырю — то ли на условии уплаты пакта (пактотиχῶς), то ли в дар (δωρεῆς τρόπω) (№ 35.7—9).

Собственность (δεσποτεία) мыслилась не только как «вечная и неотъемлемая», что соответствовало нормам римского права, но и как временная (καιρικὴ) (№ 56.9—10). Одновременно с этим широко распространяется разграничение между собственностью (δεσποτεία) и использованием (χρήσις). Так, согласно грамоте 1181 г., пекие парики должны были находиться в собственности Лавры, но в пользовании и владении (ὀριή) половецких стратиотов — ad terminum vitae, если пользоваться характерной формулой западноевропейских грамот (μέχρι αὐτῆς ζωῆς); после смерти половецкое пользование и владение возвращались монастырю (№ 65.25—27, 42—43). В грамоте 1162 г., о которой выше уже не раз шла речь, описывается сходный казус: Лавра уступила земельный участок в пользование парикам стратиотов — Романа Рендина и братьев Лукитов — с тем, однако, чтобы парики только засевали землю, но не воздвигали на ней усадеб (№ 64.47—51); при этом участок был дан только на срок жизни названных стратиотов, но не тех, кто будет их преемниками (стк. 55—57).

Держание ad vitam возникало не только в отношениях монастыря со светскими лицами, со стратиотами, но и в специфической сфере внутримонашеских отношений. Грамота 1153 г. (?) фиксирует передачу Лавре собственности на земельный участок (ἀγρός), пожизненное пользование которым закреплялось за монахом Макарием (№ 62.6—8). Однако с течением времени Макарий отказался от своих прав, за что и получил (подобно игумену монастырька Пифара) в качестве ситиресия и содержания 20 номисм (стк. 10—14).

⁴³ Проблема средневековой природы византийской сделки купли-продажи была поставлена уже давно (см. А. П. Каздан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 160 и сл.), но мысль эта не нашла развития в византиноведческой литературе.

Генезис такого внутримонастырского держания *ad vitam* обрисован в издаваемой впервые грамоте 1030 г., которая фиксирует передачу Лавре монастырька Булевтириев. Афанасий — по-видимому, владелец Булевтириев, — теснимый обстоятельствами или, как он говорит, «демонами и дурными людьми», передал свое владение в руки игумена Лавры, который обеспечил ему «покой» (*ἀνάπαυσις*) до конца жизни (№ 26.16). «Покой» этот включал, согласно гарантийной грамоте лавриотов, не только сохранение трех слуг (*ὑποῤυχοί*)⁴⁴ и личной лодки, но и получение строго определенного пропитания (№ 27.17—24).

Владение Афанасия в Булевтириях — по сути дела, подобие западноевропейской *presagia oblata*: вкладчик отдает монастырю свой надел и получает его обратно, но уже не в качестве собственности, а только как держание *ad vitam*. Наряду с этим монастырская практика знает случаи выделения монахам своего рода *presagia data* — падела монастырской земли, выделяемого пожизненно⁴⁵.

Таким образом, лаврские акты позволяют ставить вопрос о формировании в Византии отношений собственности, аналогичных тем, что создавались в средневековой Западной Европе. Вместе с тем они содержат данные и о судьбе римского права. Очень любопытна в этом отношении гарантия, данная монахами Космидийского монастыря в 1081 г. монахам латинского монастыря амальфитян на Афоне, подтверждающая продажу (*πεπραχμεν*) надела Платан в округе Припарий за 24 литры. В начале гарантийной грамоты игумен и монахи Космидийского монастыря заявляют, что они дают амальфитянам «уступку и прощение» и «вечную беззаботность» (*διηνεχῆς ἀμεριμνία καὶ ἀφροντισία*) в соответствии со *stipulatio Aquiliana* и *acceptilatio* (№ 42.4—6). *Acceptilatio* и *stipulatio Aquiliana* — римские сделки погашения обязательств; *acceptilatio* представляла собой договор сторон в форме вопроса и ответа о том, что должно так быть, словно кредитор получил платеж; *stipulatio Aquiliana* составлялась в том случае, если кредитор прощал должнику все свои требования, и являлась сделкой, ликвидирующей старые отношения⁴⁶. Формула об *acceptilatio* и *stipulatio Aquiliana*, введенная в грамоту, не только дважды передана в документе (он сохранился в копии рубежа XII—XIII вв.) в искаженном виде: *κατὰ ἀκουαλιανῆν ἐπερώτησιν καὶ ἀλεπταλαιοῖα* (№ 42.5; ср. стк. 24), что издатели с полным основанием исправляют в критическом аппарате (стр. 235), — эта формула, по всей видимости, не имеет никакого отношения к сделке двух монастырей. В самом деле, в грамоте идет речь не о контракте, не об обязательствах, к ликвидации которых должна была бы относиться *acceptilatio*, но о продаже земли, причем, как сказано в грамоте, деньги были переданы из рук в руки в присутствии двух тавулариев (стк. 11—12). Издатели, подчеркивая неясность и напыщенность стиля грамоты, полагают все-таки, что первоначально между монастырями были установлены некоторые обязательства, в 1081 г. ликвидированные (стр. 234), — по думается, в таком объяснении нет нужды: перед нами просто не к месту употребленная ссылка на полузабытые римские нормы, вставленная, может быть, чтобы поразить воображение амальфитян.

Дарственная Гликерии (№ 20) приоткрывает еще одну сторону социальных отношений и социальной борьбы в Византии. Гликерия и ее муж, кувуклисий Иоанн, не имевшие детей, решили превратить свой «нищий дом» в монастырь (стк. 12), но натолкнулись на сопротивление какого-то человека, которого Гликерия именует «многообразным и коварным». Тот возбудил против нового монастыря епископа острова Скироса, кото-

⁴⁴ О монастырских слугах-ипургах у состоятельных монахов см. теперь: А. П. Каждан. Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа. — ВВ, 34, 1971, стр. 62.

⁴⁵ Там же, стр. 59.

⁴⁶ См., например, И. А. Покровский. История римского права. Пг., 1918, стр. 344.

рый, по-видимому (текст в этом месте сильно испорчен), воспрепятствовал богослужению в монастырской церкви (стк. 19—27). Дарственная Гликерии как бы иллюстрирует новеллу Василия II от 996 г., отмечавшую, что основанные мелкими собственниками евктирии-монастырьки переходили обычно под власть митрополита (Jus, III, p. 313.26—28). Гликерия, чтобы избежать такой беды, предпочла передать свое имущество под власть Лавры.

Частная церковь св. Стефана упомянута и в рассмотренном выше акте о разделе трех братьев — она перешла одному из них, Роману, поскольку находилась в выделенном в его долю доме (№ 59.71—72).

Лаврские акты содержат обширный материал и для изучения византийского государства и администрации. В отличие от аграрных отношений, эта сфера византийской жизни привлекала сравнительно мало внимания, и акты Лавры использовались в данной связи лишь эпизодически: мы могли бы отметить, пожалуй, лишь работу П. Лемерля, освещающую на материале решений Иоанна Велисария византийское судопроизводство в конце XII в.⁴⁷

Одна из существеннейших проблем, встающих при изучении византийского государства, — проблема верховной собственности на землю. Сравнительно недавно к ней вновь вернулся Х. Г. Бек, весьма скептически оценивший попытки обнаружить в византийских источниках право государства на всю землю империи⁴⁸. Акты Лавры, не давая решения спорной проблемы, тем не менее могут способствовать ее уяснению: они, во всяком случае, обнаруживают специфическое представление византийцев о примате фискального принципа над собственностью. Алексей I, наделяя Лавру землей в 1109 г., распорядился прежде всего отвести монастырю территорию, соответствующую уплачиваемым налогам (τὴν ὑπὲρ τῶν δημοσίων τελῶν ἐφαρμόζουσαν γῆν), затем пожалованную (τὴν δεδωρημένην) землю и, наконец, участки, выделенные из так называемых «излишних» земель (№ 58.10—15). Землемеры обнаружили, что на уплачиваемый Лаврой налог приходится 12 427 модиев земли (стк. 26—29).

В упомянутом акте о разделе трех братьев специально оговаривается относительно проастия в Писсоне: если, дескать, императору будет угодно обложить его налогом (δημοσιευθῆναι), а мы захотим платить за него и принять это бремя, то проастием будут владеть сообща двое — Роман и Константа (№ 59.75—77). Налоговое бремя и здесь рассматривается как предпосылка частного владения, а не как его следствие.

Для понимания структуры государственного аппарата в Византийской империи чрезвычайно показательна иммунитетная формула хрисовула Константина X от 1060 г., выделяющая три типа чиновных лиц: 1) финансовых чиновников — от сакелариев и логофетов до кураторов и οἰκιστικοί (№ 33.86—92); 2) от domestikов схол и наместников (дуки, катепаны, стратеги) до архонтов тагм и фем (стк. 92—95); 3) судейско-фискальных, куда входят κριταί, эпопты, стратевты, анаграфевсы, парафилаки и другие лица, выполняющие δουλεία τοῦ δημοσίου, казенную службу (стк. 96—98).

Те же градации намечены в хрисовулах Михаила VII от 1074 г. (№ 36.23—33), Никифора III от 1079 г. (№ 38.53—65) и Алексея I от 1081 г. (№ 43.43—53).

Но вот что показательное: в соответствующей формуле хрисовула Михаила VI от 1057 г. подробно перечислены чины первого из этих трех разрядов (№ 32.41—48), после чего названы константинопольские и фемные судьи и «все другие лица, несущие δουλεία τοῦ κοινοῦ» (стк. 49—50). Хрисовул Михаила VI начисто опускает категорию военных. Что это —

⁴⁷ P. Lemerle. Notes sur l'administration byzantine à la veille de la IVe croisade d'après deux documents inédits des archives de Laura. — REB, 19, 1961, p. 258—268.

⁴⁸ H. G. Beck. Res publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. München, 1970, S. 38—41.

случайный пробел канцеляриста или отражение политики Михаила VI Стратиготика, приведшей, как известно, к конфликту с военной аристократией?

Любопытно еще и другое: канцелярия Алексея I, сперва следовавшая традиции его предшественников, затем отказывается от трехчленной иммунитетной формулы и ограничивается лишь перечислением чиновников первого разряда — от сакеллариев до *οικιστικοί* (№ 44.35—38, 1082 г.; № 45.35—39, 1084 г.; № 48.48—52, 1086 г.).

Изменение формул хрисовулов освещает еще одну сторону византийской администрации — эволюцию состава наемного корпуса на византийской службе. В самом деле, хрисовул 1060 г. освобождает Лавру от постоя варягов, русских, сарацинов и франков (№ 33.81—82); в хрисовуле 1079 г. мы встречаем, помимо того, кулпингов (колбягов «Русской правды») ⁴⁹ и болгар (№ 38.29—30) ⁵⁰; в хрисовуле 1082 г. названы русские, варяги, колбяги, англичане и немцы (№ 44.26—27), — отсутствие франков (порманнов) в разгар войны с Робертом Гвискарсом совершенно закономерно. Наконец, в хрисовуле 1086 г. список иноземцев охватывает русских, варягов, колбягов, англичан, франков, немцев, болгар и сарацинов (№ 48.27—28). В хрисовуле 1088 г. появляются сверх того новые народы — аланы и авасги, т. е. абхазцы или — шире — грузины (ММ, VI, р. 47.5—6; Jus, III, р. 373.34—36). Клаузула «иноземных войск» в иммунитетных грамотах раскрывает, таким образом, расширение этнического состава наемных войск империи за время от Константина X до Алексея I. Это, кстати сказать, обнаруживает подвижность формуляра императорской канцелярии.

Не только формулы грамот, но и почерки писавших их писцов могут послужить источником для изучения истории императорской канцелярии. Если хрисовул Михаила VI от 1057 г. (№ 32, табл. XXVII—XXIX) написан совсем другим почерком, нежели хрисовул Константина IX от 1052 г. (№ 31, табл. XXIV—XXVI), то хрисовул Константина X от 1060 г. (№ 33, табл. XXX—XXXIV) выдает ту же или очень близкую руку: возможно, что, несмотря на переворот Исаака I Комнина в 1057 г. и его отречение в 1059 г., тот же канцелярист продолжал изготавливать императорские грамоты.

Хрисовул Михаила VII от 1074 г., сохранившийся в канцелярской копии (№ 36, табл. XXXVII), написан, безусловно, другим человеком и в другой манере, но канцелярская копия хрисовула Никифора III от 1079 г. (№ 38, табл. XL—XLI) обнаруживает стилистическое сходство с грамотами Михаила VI и Константина X: можно было бы предположить, что писец Никифора вышел из «школы» переписчика, работавшего в канцелярии Константина X.

Сходным почерком (хотя, несомненно, другой рукой) переписан и другой хрисовул Никифора III — от 1081 г. (№ 41, табл. XLIV).

Значительно сходство с грамотой 1079 г. у ранних хрисовулов Алексея I: от апреля 1084 г. (№ 45, табл. XLVII), от августа 1084 г. (№ 46, табл. XLVIII—XLIX) и от 1089 г. (№ 50, табл. L—LI); последний представлен канцелярской копией. Хотя нельзя говорить об одной руке этих грамот, но они, во всяком случае, представляют одно стилистическое направление, господствовавшее в константинопольской канцелярии от царствования Михаила VI до первых лет правления Алексея I. Однотипность этого письма еще более подчеркивается резким изменением стиля почерков императорских хрисовулов, совершившимся вскоре после 1089 г. Хрисовул Алексея I от 1094 г. (№ 52, табл. LIII—LIV) писан почерком, совершенно далеким от почерка грамот 1084—1089 гг. То же самое относится и к хрисовулам 1104 г. (№ 56A, табл. LX—LXII) и 1109 г. (№ 58,

⁴⁹ Впервые упомянуты в хрисовуле 1073 г.: ММ, VI, р. 2.33—34.

⁵⁰ Тот же список в грамотах 1074 г. (ММ, V, р. 137.10) и 1079 г. (ММ, V, р. 143.22).

табл. LXIII), а также к канцелярским копиям грамот 1102 г. (№ 55 ABC, табл. LVI—LIX) и 1104 г. (№ 56B, табл. LXII).

Анализ почерков позволяет догадываться, что в императорской канцелярии около 1090 г. произошли какие-то перемены, во всяком случае — смена лиц и традиций. Возникает вопрос, не связаны ли эти перемены с изменением деятельности канцелярии по существу. Как известно, как раз в это время из грамот Алексея I исчезают имунитетные формулы: последний раз они засвидетельствованы в пожаловании Христоудулу от апреля 1088 г. (ММ, VI, р. 47.3—48.6), если не считать грамоты беотийскому монастырю Сагмата, датированной 1106 г. (ММ, V, р. 253.16). Но, во-первых, формула грамоты 1106 г. коренным образом отличается от формул второй половины XI в., а во-вторых, подлинность этой грамоты весьма сомнительна⁵¹.

Материалы альбома позволяют сделать интересные наблюдения, касающиеся деятельности солунских нотариусов конца XI—конца XII в.

В качестве исходного пункта анализа канцелярских почерков Солуни указанного времени мы принимаем акт № 53, составленный в 1097 г. (табл. LV), акт № 59 — документ о разделе имущества трех братьев 1110 г. (табл. LXIV—LXV), и акт № 60 — дарственную грамоту Никифора Кефалы 1115 г. (табл. LXVI—LXVIII). Все три документа были составлены в Солуни, их отделяет друг от друга небольшой промежуток времени, под грамотами № 59 и 60 стоит подпись одного и того же лица — Георгия Сапоны (стр. 311, 315). Почерки этих грамот, написанных разными писцами, содержат большое количество общих для них характерных признаков, позволяющих и другие акты Лавры, в письме которых наблюдаются те же особенности, датировать концом XI—началом XII в. и локализовать Солунью. Именно поэтому мы отнесли выше копию дарственной грамоты Гликерии (№ 20), почерк писца которой очень близок к почерку грамоты № 60, к началу XII в. и можем добавить теперь, что эта копия была составлена, по нашему мнению, в Солуни. Нам кажется также, что солунского происхождения и копия акта № 1; что же касается датировки этой копии, которую РС предположительно отнесли к X в., а П. Лемерль и его соавторы — к XII—XIII вв., то мы бы сблизили на основании почерковых признаков этот документ с актом № 53 и предложили бы датировку: конец XI—начало XII в.

Самым концом XII в. датируется копия простаксиса Андроника I Комнина (1184 г.), вышедшая из солунской митрополичьей канцелярии и заверенная митрополитом Иоанном Хрисанфом. Важно отметить многие детали почерка нотариуса конца XII в. (табл. LXXII), традиционно повторяющие особенности канцелярского письма документов конца XI—начала XII в. (№ 53, 59, 60).

Наконец, в один ряд с актами солунского происхождения нам кажется возможным поставить документ, опубликованный в Приложении I. Этот «Список монахов-лавриотов (?)» служил в качестве подклейки акта № 60. Дошедший до настоящего времени в крайне плохом состоянии, он почти не поддается анализу; издатели даже отказываются его датировать (стр. 361, табл. LXXIX). Все же сохранившиеся несколько строк текста не оставляют у нас сомнений, что и этот документ по почерку должен быть отнесен к группе солунских актов. Сложнее вопрос о его дате—начало или конец XII в., начало XIII в.? Мы бы предложили датировать «Список монахов» концом XII—началом XIII в.: основанием для такой датировки служит большое сходство почерка этого документа с хорошо известным почерком библиотекаря Лавры св. Афанасия начала XIII в.⁵² Правда,

⁵¹ F. Dolger. Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches, T. 2, № 1228. См. об этом: А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты, стр. 199, прим. 54.

⁵² Б. Л. Фонкич. Библиотека Лавры св. Афанасия на Афоне в X—XIII вв. — «Палестинский сборник», вып. 17 (80), 1967, стр. 167—175.

такое сопоставление «уводит» нас из Солуни на Афон, но если принять во внимание тесную связь Лавры с Фессалониками, то сближение «Списка монахов» с почерком лаврского библиотекаря не покажется нелогичным: ведь и сам библиотекарь Лавры мог получить свою писцовую выучку в Солуни.

Лаврские акты содержат некоторые частные данные, касающиеся византийской административной системы. Так, на издаваемой впервые дарственной Никифора Кефалы от 1115 г. поставлена подпись протоспафария Иоанна Скутела (№ 60.74) — она существенна потому, что титул протоспафария крайне редко встречается после 1100 г.⁵³ Упоминание двух главных секретов логариаста (ὁὐο μεγάλων λογαριασμάτων σερρέτων) в грамоте 1196 г. (№ 68.10) расширяет наши представления о структуре ведомства логариаста⁵⁴.

Поскольку поземельные сделки — основной предмет актов, естественно, вопрос о мерах и монетах должен занимать большое место при их изучении. Византийская метрология — молодая дисциплина. Посвященная этому сюжету книга Э. Шильбаха вышла одновременно с «Актами Лавры» и, разумеется, не могла быть использована издателями. Она позволяет в некоторых случаях уточнить комментарий П. Лемерля и его коллег. Так, в хрисовуле 978 г. встречается выражение *τάλαντα ἀργυρίου μεγάλα* (№ 7.40, 58). Издатели отказываются комментировать это выражение (стр. 112), Э. Шильбах же, основываясь на том же хрисовуле и привлекая некоторые другие источники, предполагает, что речь здесь идет о серебряной литре в 333,333 г.⁵⁵

В акте обмена от 1018 г. упоминается хорафий, имеющий в округе (γύροθεν) *τοὸ πλείθον* 165 оргий (№ 24.9—10). В комментарии к этому месту издатели отмечают, что *πλείθον* или *πλίνθιον* — мера площади неизвестной величины, что вместо *πλείθον*, может быть, следует читать *πλέθρον* и что плефр был меньше модия и равнялся 278,56 кв. оргиям (стр. 171 и сл.). Шильбах же полагает, что *πλίνθιον* — другое название для плефра и что плефр составлял 3 модия, или 600 оргий⁵⁶. Кстати сказать, нельзя ли понять слова: *χώραφιον . . . ἔχον ὀργυίας γύροθεν τοὸ πλείθον* рѣе так, что здесь *πλείθος* — *πλίθος* соответствует *πλίνθος* и означает «кирпич», «кирпичная ограда»? Тогда вместо бессмысленного «оргии плефра» мы будем иметь в переводе «хорафий по окружности кирпичной ограды в 165 оргий».

Вместе с тем акты могут дать кое-какой материал, дополняющий книгу Э. Шильбаха. Например, *βετίνα* как мера оливкового масла (№ 27.20) отсутствует у Э. Шильбаха (ср., однако, *βο(υ)πίον* — «бочка»).

Акты позволяют ставить и некоторые общие вопросы византийской метрологии. Как известно, приблизительность измерения характерна для средневековых землемеров вообще — она существовала и в Византии. Так, в дарственной грамоте кувуклисия Стефана от 1017 г. описываются три хорафия размером в 30, 12 и 12 модиев; общий размер их оказывается не 54, а только 50 модиев (№ 22.9—14). Ср. любопытную формулу «больше или меньше», применявшуюся при измерении земли (№ 53.12—15). Подобная система измерения земли объясняет то несоответствие между «декларацией» игумена Лавры и фактическим размером лаврских угодий в хрисовуле 1089 г. (№ 50), которое справедливо отмечают издатели (стр. 266).

⁵³ «В XII в., — писал Р. Гийан, — как будто бы ни один текст не упоминает протоспафариев» (*R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines, t. II. Berlin, Amsterdam, 1967, p. 110*). Впрочем, Р. Гийан допускал, что титул этот, хотя и потерял значение, не исчез совершенно.

⁵⁴ См. *R. Guiland. Etudes sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin. Le logariaste, ho logariastes; le grand logariaste, ho megas logariastes. — JÖB, 18, 1969, p. 101 sq.*

⁵⁵ *E. Schilbach. Byzantinische Metrologie. München, 1970, S. 173.*

⁵⁶ *Ibid., S. 81 f.*

Конечно, «47 051, 18 литр» — опечатка; надо: 47 051 модий и 18 литр). Нам не следует преувеличивать строгость византийского землемерства — как и на Западе, здесь многое измерялось приблизительно, на глазок.

Упоминание в купчей 1097 г. монет τῆς τριμηνῆς ποιότητος, худшего качества (№ 53.24), вводит нас опять-таки в средневековый экономический мир с его многообразием монетной системы и объясняет ту тягу к «предпочтительной» монете, которая засвидетельствована в византийских памяtnиках начиная с X в. В гарантийной грамоте 1076/7 г. названа монета τραχὺ σταυρομικηλῶτον (№ 37.26), т. е. монета с изображением императора Михаила, которого издатели безоговорочно отождествляют с Михаилом VII Дукой (1071—1078), полагая, что монета такого типа — хорошая монета, бывшая в ходу в ту эпоху (*la bonne monnaie courante à l'époque*) (стр. 242 и сл.). Они ссылаются на работу С. Моррисон — однако исследовательница характеризует эту чеканку как нестойкую (*une monnaie de faible valeur*), и именно данное обстоятельство служит для нее основным аргументом в атрибуировании монеты Михаилу VII, а не его одноименным предшественникам⁵⁷. Кстати сказать, грамота 1076/7 г. издана в царствование Михаила VII, и выражение σταυρομικηλῶτον скорее должно было быть отнесено не к чеканке царствующего государя. Все это еще раз подчеркивает сложность проблем, связанных с историей византийской монеты на рубеже XI и XII вв.

Для нашего читателя, естественно, особый интерес представляют те материалы актов Лавры, которые касаются истории славянства и народов Закавказья.

Упоминание болгарских набегов в грамоте патриарха Николая II Хрисоверга от 989 г. (№ 8.11) или сербского посольства к Василию II — в купчей 993 г. (№ 10.12) было привлечено исследователями сразу же после издания этих документов РС. Однако лаврские акты содержат не только данные по политической истории южных славян, но и обширный материал по славянской топонимике и просопографии. Отнюдь не претендуя на полноту использования, укажем на некоторые документы, особенно важные в этой связи.

Деревня τῶν Δραγοβούτων (№ 1.15), т. е. драговитов — дреговичей, несомненно, заслуживала комментария. Ср. еще τὸν Δραγοβιτῶν — № 47.29. Славянского происхождения, видимо, и название деревни Ῥαδοχούτς в грамоте 1008 г. (№ 14.4), как и имена Доврилы и священника Иоанна τὸν Σβετο ... (испорчено), стоящие среди сигнатур на том же документе (стк. 33, 38).

Деревня Ζιτητζᾶς (№ 18.33) — видимо, славянское Житица. Славянский топоним и Ζελεντζία (№ 22.12). Ряд славянских топонимов упомянут в гарантийной грамоте 1081 г. (№ 42), причем некоторые из них учтены в работе И. Заимова, а именно: Βομπλίανη (стк. 54), Боблен или Καρούνη (стк. 52), Кариан⁵⁸. В грамоте 1162 г. названы топонимы Βεσελτζῶν и Τζερνάχοβα (в 64.35—36). Список этот можно продолжить.

Большое количество славянских личных имен приводится в грамотах 1162 г. (№ 64.93—94), 1181 г. (№ 65.64—74), 1184 г. (№ 66.13).

Наконец, акты фиксируют некоторые славянские слова, вошедшие в греческий язык. Так, несколько раз встречающееся в простатме Андроника I (№ 66) слово πλαγηνά передается в комментарии (стр. 342) в транслитерации — без разъяснения его славянского происхождения и его значения.

⁵⁷ C. Morisson. Le michaèlaton et les noms de monnaies à la fin du XIe siècle. — «Travaux et mémoires», 3, 1968, p. 371.

⁵⁸ И. Заимов. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. София, 1967, стр. 107, 137. Ср. еще топоним Τζεχλιανς (№ 56.5), Чехляне (И. Заимов. Указ. соч., стр. 182 и сл.). Работа И. Заимова в комментарии не используется, и самая проблема славянской топонимики не ставится.

Среди сигнатур на грамоте Николая, игумена монастыря св. Ильи, от 1016 г. стоит подпись Герасима, игумена монастыря τῷ Ῥῶς, т. е. Русского (№ 19.37). Уже В. Мошин обратил внимание на эту грамоту, несколько неточно охарактеризовав ее как «акт святогорского протата»⁵⁹; В. Мошин совершенно справедливо видел в сигнатуре Герасима свидетельство раннего появления русских на Афоне. Но В. Мошину грамота была известна только по поздней копии Спиридоном, воспроизведенной РС, — теперь издан оригинал, сопровождающийся фотографией (табл. XIV). На фотографии видно, что подпись Герасима Русского сделана твердой рукой грамотного человека (в отличие от многих сигнатур на том же документе): по-видимому, игумен Русской обители на Афоне в начале XI в. был человеком, отнюдь не чуждым византийской образованности.

Для истории связей Закавказья с Афоном существенны прежде всего многочисленные упоминания Ивирского монастыря и монахов-ивиров (см. указатель, стр. 400): Иоанн Ивир поставил свою подпись уже на грамоте афонского прота Иоанна от 996 г. (№ 12.25).

Для исследования греческого книгописания в Ивирском монастыре на Афоне в начале XI в., в период интенсивной переводческой деятельности Евфимия Святогорца, большое значение имеет публикация сохранившихся оригиналов актов № 17 (1012 г.) и 19 (1016 г.).

До сих пор мы не имели возможности изучать греческий почерк Евфимия Ивира: подлинник дарственной грамоты Евфимия духовному сыну Иоанну от 1012 г., которая целиком была написана рукой знаменитого переводчика, к сожалению, не сохранился, и документ дошел до нас лишь в поздних (XVIII—XIX вв.) копиях (Приложение VI). Теперь, имея в своем распоряжении табл. XI и XIV нового издания актов Лавры, мы можем анализировать две подлинных греческих подписи Евфимия. Это, правда, слишком незначительный материал, который не может дать полной уверенности в том, что с его помощью возможны путем отождествления по почерку находки новых автографов Евфимия Святогорца — целых кодексов, редакторской правки, различных помет и т. п., однако такие поиски даже на основе лишь двух опубликованных подписей могут оказаться небезуспешными — в обеих сигнатурах содержится некоторое количество идентифицирующих признаков (некрупное, аккуратное, с маленьким наклоном вправо письмо, которое можно отнести к типу Perl-schrift, характерные формы ε и ε в лигатуре с υ, θ с наклоном перекладины влево вниз, имеющиеся в подписях сокращения, хотя они и не необычны, и т. д.), которые в сочетании с иного рода данными (история кодекса, наличие грузинских помет, сигнатур и т. п.) могут привести к определению греческих автографов Евфимия Ивира.

Кроме подписи Евфимия, на акте № 19 (табл. XIV) имеется греческая сигнатура Георгия Ивира.

До недавнего времени исследователи греческого книгописания в Ивирском монастыре анализировали лишь рукописи, написанные в начале XI в. рукой монаха Феофана⁶⁰. Публикация фотокопий лаврских актов № 17 и 19 позволяет расширить круг греческих писцов в грузинском монастыре на Афоне. Если раньше можно было лишь предполагать, что Феофан являлся не единственным греческим писцом Ивира, так как большой объем работы Евфимия по переводу греческой литературы на грузинский язык требовал наличия значительного числа греческих книг, а следовательно, и активного книгописания, то теперь можно утверждать, что писец доку-

⁵⁹ В. Мошин. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. — BS, 9, 1947, стр. 61 и сл.

⁶⁰ J. Irigoin. Pour une étude des centres de copie byzantins. — «Scriptorium», XIII, 1959, 2, p. 200—204; Б. Л. Фонкич. Переводческая деятельность Евфимия Святогорца и библиотека Иверского монастыря на Афоне в начале XI в. — «Палестинский сборник», вып. 19 (82), 1969, стр. 165—170.

мента № 17 «монах, пресвитер, ученик кир Евфимия» Иоанн и писец акта № 19 «монах, ученик кир Евфимия» Антоний⁶¹ (почерки которых — типичные книжные почерки начала XI в.) также работали в скриптории Ивирского монастыря.

Мы уже говорили, что купчая 1024 г. (№ 25) раскрывает новые черты связей семьи Торников с Афоном: Кондолеонт Торник, известный византийский полководец, постригся на Афоне. Кстати сказать, нельзя ли предположить, что Кондолеонт («Маленький Лев») — то же лицо, что Торник Малый, известный по колофонам грузинских рукописей родственник монаха и полководца Иоанна Торника, современника Василия II?

На грамоте прота Феоктиста от 1035 г. среди других сигнатур имеется подпись (№ 29.20), которая вызывает некоторые вопросы. В комментарии (стр. 185) издатели характеризуют ее как грузинскую или армянскую и, возможно, более позднюю. В дополнениях (стр. 374) они ссылаются на письмо Р. М. Бартияна от 4.IX.1970, который считает подпись армянской и относящейся ко времени составления оригинала; Р. М. Бартиян читает ее: «im jeŋoks gresī teokt. . mi +» и переводит: «Собственноручно написал Теокт. ми».

Р. М. Бартиян и в письме к П. Лемерлю, и в письме к нам от 13.XI.1971 настаивает на том, что «Теокт» армянской подписи — то же лицо, что и прот Феоктист, греческая подпись которого помещена в документе прямо над армянской сигнатурой. Это утверждение сомнительно: мы не знаем случаев двойной подписи одного лица под афонскими грамотами; армянская подпись следует к тому же за подписью не Феоктиста, а Георгия Ивира. Но независимо от отождествления с одноименным протом Феоктист (армянин-халкидонит) — весьма любопытное явление в культурной жизни Византии XI в. Его подпись — первая известная армянская подпись на афонских актах.

Этот обзор дает далеко не полное представление о богатстве материала «Актов Лавры». Прекрасно изданные памятники в течение долгих лет будут предметом тщательного изучения историков социальной, политической и культурной жизни Византии X—XII вв.

⁶¹ В «Житии св. Иоанна и Евфимия» ученик Евфимия Антоний не указан: Anal. Boll., t. XXXVI—XXXVII (1917—1919), 1922, p. 8—68.

Р. Г И Й А Н

ОЧЕРКИ ПРОСОПОГРАФИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
ПАТРИКИИ*ПАТРИКИИ СО ВРЕМЕНИ ПРАВЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРА (912—913)
ДО ИОАННА I ЦИМИСХИЯ (969—976)

Для краткого периода правления императора Александра можно назвать следующих патрикиев.

Варват. Придя к власти, Александр поспешил сместить патрикия Константина и заменить его одной из своих креатур, патрикием Варватом. Последний был в свою очередь смещен после смерти Александра, и патрикий Константин вновь стал паракимоменом¹.

Василица и Гавриилопул были соучастниками развлечений императора Александра. Последний, едва взойдя на трон, даровал обоим звание патрикия и щедро их одарил. Александр, по-видимому, готовил судьбу евнуха своему племяннику Константину VII Багрянородному, а преемником собирался назначить Василицу². Умирая, Александр распорядился ввести Василицу и Гавриилопула в совет для опеки юного императора Константина VII³. Александр отказал в регентстве императрице Зое, но ей удалось вернуться в Большой дворец и вновь захватить власть. Она поспешила удалить Василицу и Гавриилопула⁴. Василица был по происхождению славянином, ἀπὸ Σκλαβιτῶν⁵.

* * *

Ко времени регентства императрицы Зои (913—919) можно отнести патрикия Феофилакта или Доминика. Императрица Зоя, лишенная регентства Александром, по возвращении в Большой дворец горячо защищала права своего сына и стремилась управлять от его имени. Зоя поспешила устранить креатуры Александра и предпочла заменить их своими верными людьми. Она назначила этерiarхом Доминика, человека энергичного, на которого, по ее мнению, можно было положиться. Завидуя влия-

* Настоящее исследование, как и предшествующие исследования о патрикиях, напечатанные в кн.: R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines, II. Berlin—Amsterdam, p. 132—202, рассматривает только тех патрикиев, о которых источники дают наиболее точные и многочисленные сведения. Два патрикия, фигурирующие в настоящем исследовании, были уже предметом кратких заметок: Лев Фока — в исследовании о доместике схол (R. Guiland. Op. cit., I, p. 445—446) и Феофилакт или Доминик при Константине VII Багрянородном (ibid., II, p. 195).

¹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Greek Text edited by Gy. Moravcsik (далее — De adm. imp.), p. 23113.

² Theophanes Continuatus, rec. I. Bekker. Bonnae, 1838 (далее — Theoph. Cont.), 379, 872; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkeri suppletus et emendatus. II. Bonnae, 1839 (далее — Cedr.), p. 275—276; Leonis Grammatici Chronographia, ex rec. I. Bekkeri. Bonnae, 1842 (далее — Leo Gramm.), p. 826.

³ Theoph. Cont. p. 380; Cedr., II, 277; Leo Gramm., p. 288.

⁴ Theoph. Cont., p. 386; Cedr., II, p. 283; Leo Gramm., p. 292.

⁵ Theoph. Cont., p. 379, 872.

нию Доминика, паракимомен Константин донес на него Зое, как на заговорщика. Зоя не осмелилась арестовать Доминика непосредственно в Большом дворце и воспользовалась хитростью, чтобы его удалить. Она пожаловала ему титул патрикия. Так как по обычаю новый патрикий покидал Большой дворец, чтобы благословить дощечки патрикия в св. Софии, ему намекнули, чтобы он туда не возвращался. Этериархом тотчас же был назначен Иоанн Гарида ⁶. Согласно Симеону Магистру ⁷, обманутого таким образом этериарха звали не Домиш, а Феофилакт, сын Доминика. Георгий Монах ⁸ называет его Феофилактом Домишиком или Домиником. Может возникнуть вопрос, сохранила ли Зоя за Домиником титул патрикия, пожалованный при таких обстоятельствах.

Патрихии времени правления Константина VII Багрянородного (913—959) уже были предметом исследования ⁹.

* * *

В период правления Романа II (959—963) историки упоминают следующих патрикиев.

Дафнопат Феодор, несомненно, исполнял должность логофета тоу стратишикоу во время правления Константина VII Багрянородного и в этом звании имел титул патрикия. Роман II назначил его эпархом вместо Сисиния ¹⁰. Феодор Дафнопат написал «Историю», которая не сохранилась до нашего времени. Судя по сведениям Иоанна Скилицы ¹¹, это, скорее всего, история правления Константина VII Багрянородного, Романа I Лакапина и Романа II. Феодор Дафнопат составил несколько официальных писем ¹², которые дошли до нас, и различные проповеди, большая часть которых не издана ¹³.

Если сведения Скилицы точны, Феодор Дафнопат был одним из Продолжателей Феофапа ¹⁴.

Малеин Константин. Около 960 г. Роман II послал в Малую Азию экспедицию против эмира Алеппо Сайф-ад-Даула ¹⁵. Экспедицией командовал Лев Фока, domestik Востока, который заменял своего брата Никифора Фоку. Лев Фока присоединил к своей армии контингенты различных фем, стратигов которых он взял с собой. Одним из его лучших помощников был патрикий Константин Малеин, в то время стратиг Каппадокии ¹⁶. Это был искусный военачальник, о котором упоминает автор «Трактата о тактике» ¹⁷. В новелле 996 г. об установлении срока давности в 40 лет Василий II упоминает Константина Малеина, отца магистра Евстафия Малеина ¹⁸. Константин Малеин был, возможно, родственником постригшегося в монахи Михаила Малеина, дяди императора Никифора II Фоки ¹⁹.

⁶ *Theoph. Cont.*, p. 386, 878—879; *Cedr.*, II, p. 283.

⁷ *Theoph. Cont.*, p. 722.

⁸ *Ibid.*, p. 878—879.

⁹ *R. Guillard. Les patrices byzantins sous le règne de Constantin VII Porphyrogénète (913—959).* — In: *R. Guillard. Op. cit.*, II, p. 178—202 (здесь можно найти сведения о 77 патрикияx).

¹⁰ *Theoph. Cont.*, p. 470.

¹¹ *Constantini Porphyrogeniti imperatoris de cerimoniis aulae Byzantinae libri duo*, rec. I. I. Reiske, I. Bonnae, 1829 (далее — *De cerimoniis*), p. LVII.

¹² *K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur.* München, 1897, S. 459.

¹³ *Ibid.*, S. 470.

¹⁴ *Ibid.*, S. 348.

¹⁵ *G. Schlumberger. Un empereur byzantin au dixième siècle: Nicéphore Phocas.* Paris, 1923 (далее — *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*), p. 120.

¹⁶ *Theoph. Cont.*, p. 479.

¹⁷ *Leonis Diaconi Caloensis historiae libri decem.* . . Bonnae, 1828 (далее — *Leo Diac.*), *De Velitatione bellica*, p. 185.

¹⁸ *C. E. Zachariae a Lingenthal. Jus Graeco-Romanum*, III. Lipsiae, 18. . . , p. 310, Ann.; cp. PG, t. 117, col. 619.

¹⁹ *Leo Diac.*, p. 83.

Сисиний. Роман II назначил епархом Константинополя протоспафария Сисиния, бывшего сакелария. Немного времени спустя он назначил его логофетом геникона и пожаловал титул патрикия. Сисиния сменил в должности епарха патрикий Феодор Дафнопат. Продолжатель Феодана воздает хвалу Сисипию, справедливому и честному чиновнику, глубоко сведущему в вопросах права, а также двум его помощникам, асикриту Феофилакту Мащицику и спафарокандидату Иосифу, судье, а затем логофету претория ²⁰.

Торники Лев и Николай. Оба брата приняли участие в заговоре против сыновей Романа II Лакапина, повлекшем за собой падение Лакапинов. Их соучастниками были Мариан (Аргир или Апамба) и двое сыновей Варды Фоки, Никифор и Лев ²¹. Лев и Николай Торники получили в качестве компенсации титул патрикия. Они, имея этот титул, участвовали в событиях 963 г., когда вместе с патрикием Марианом (Аргиром или Апамбой) и Пасхалием встали на сторону Иосифа Вринги против Никифора Фоки ²².

Фока Лев был сыном Варды Фоки и братом Никифора II. Около 955 г. Константин VII Багрянородный назначил патрикия Никифора Фоку домашником схол вместо его престарелого отца, магистра Варды Фоки. Никифор Фока был тогда домашником Анатолика ²³. В начале своего правления Константин VII назначил Льва Фоку стратигом Каппадокии ²⁴. Когда оказалась свободной высокая должность домашнего Анатолика, Роман II доверил ее Льву Фоке ²⁵. Таким образом, два самых высоких военных поста оказались в руках братьев.

В правление Романа II Никифор Фока, все еще домашник схол, получил титул магистра; его брат Лев через некоторое время также получил титул магистра и был назначен домашником Запада ²⁶. В 960 г. Лев Фока, в то время еще патрикий, был поставлен во главе экспедиции против аленпского эмира Сайф-ад-Даула ²⁷. Лев добился блестящих успехов и рассеял армию врага в окрестностях Андраса. Возвратившись с победой в Константинополь, он был удостоен триумфа ²⁸. Вероятно, перед отправлением в экспедицию Лев Фока получил титул магистра ²⁹. Во всяком случае, Лев Фока был магистром до вступления на престол его брата Никифора II Фоки ³⁰. Как правило, главнокомандующий являлся домашником схол, но, так как Никифор Фока, занимавший эту должность, был в экспедиции на Крите, Лев Фока исполнял функции домашнего схол, заменив, таким образом, своего брата: *ἐκ προσώπου τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ* ³¹.

Став императором, Никифор II Фока дал брату титул курупаталата ³². Во время правления брата Лев Фока был назначен логофетом дрома ³³.

Когда на престол вступил Иоанн I Цимисхий (969), Лев Фока был сослан на Лесбос ³⁴. Приняв участие в восстании своего сына, Варды Фоки, Лев был приговорен к смерти. Приговор должен был быть заменен ослеп-

²⁰ *Theoph. Cont.*, p. 470, 757.

²¹ *Cedr.*, II, p. 324.

²² *Leo Diac.*, p. 45; *De cerimoniis*, I, p. 96, 435.

²³ *Theoph. Cont.*, p. 459.

²⁴ *Cedr.*, II, p. 327; *Ioannis Zonarae epitome historiarum libri XIII—XVIII ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897* (далее — *Zonar.*, III), p. 482.

²⁵ *Theoph. Cont.*, p. 462.

²⁶ *Ibid.*, p. 472.

²⁷ *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 120.

²⁸ *Theoph. Cont.*, p. 479—480; *ср. G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 142—143.

²⁹ *Cedr.*, II, p. 341.

³⁰ *De cerimoniis*, I, p. 96, 435 b.

³¹ *Theoph. Cont.*, p. 479; *ср. Cedr.*, II, p. 341: τὴν τοῦ ὁμοεστικοῦ διακονίαν διέπειν.

³² *Leo Diac.*, p. 49; *Cedr.*, II, p. 379, 403; *Liutprand. Legatio*, 349.

³³ *Liutprand. Legatio*, 349.

³⁴ *Cedr.*, II, p. 379.

лением и вечной ссылкой, но не был приведен в исполнение ³⁵. Несмотря на это, Лев Фока снова устроил заговор против императора. Его схватили в св. Софии, где он искал убежища, сослали на остров Проти и ослепили ³⁶.

Хэрина Иоанн. По восшествии на престол Роман II удалил приближенных отца — Константина VII Багрянородного и заменил их своими друзьями. Таким образом, среди высоких должностных лиц произошли большие изменения. Протоспафарий Иоанн Хэрина был назначен великим этериархом, τοῦ φυλάττειν τὸν ἄκτα ἀπὸ τῶν ὑποπτευομένων προσώπων ³⁷, и получил титул патрикия ³⁸.

Может быть, протоспафария Иоанна Хэрина, ставшего патрикием и назначенного великим этериархом, можно отождествить с неким духовным лицом по имени Иоанн, который принимал участие в увеселениях Романа II? ³⁹ Согласно Кедрину, этот Иоанн был евнухом и являлся прежде духовным лицом. За какие-то злодеяния Константин VII заставил его облечься в монашескую рясу и запретил впредь упоминать о нем. Когда Роман II стал императором, Иоанн сбросил рясу и вновь стал клириком. Он сумел завоевать благосклонность Романа, который включил его в число евнухов Большого дворца. Справедливо раздраженный патриарх Полиевкт потребовал, чтобы император изгнал из своего окружения недостойного монаха. Император возражал, ссылаясь на то, что его протеже не был в действительности монахом: опасаясь угроз императора, он только делал вид, что принял монашеский образ. Всемогущему министру Иосифу Вринге удалось успокоить патриарха, и история не имела последствий. После смерти Романа II Иоанн считал благоразумным из осторожности вновь облачиться в монашеское платье и исчезнуть ⁴⁰.

По-видимому, трудно спутать псевдомонаха Иоанна со столь высоким лицом, как великий этериарх Иоанн Хэрина. Иоанн Хэрина был уже протоспафарием, когда получил от Романа II титул патрикия. Титул протоспафария был, должно быть, пожалован ему Константином VII; как известно, в действительности клирики не имели титулов. Роман II оспаривает, что тот, кому он покровительствовал, был монахом, но не то, что он был клириком. При этих обстоятельствах можно было допустить его в свое окружение, но жаловать титул патрикия духовному лицу противоречило обычаю. Кедрин, впрочем, нигде не говорит, что Иоанн был возведен в патрикии, и совершенно не упоминает о его назначении на должность великого этериарха. Равным образом Продолжатель Феофана не указывает, что великий этериарх Иоанн Хэрина, имевший титул протоспафария и патрикия, был в прошлом духовным лицом или монахом-расстригой. Его молчание в этом отношении показательно ⁴¹.

* * *

Историки упоминают следующих патрикиев времени правления Никифора II Фоки (963—969).

Ампела Симеон. Среди главных сторонников Варды Фоки в восстании против Иоанна I Цимисхия Кедрин ⁴² называет патрикия Симеона Ампелу.

³⁵ *Cedr.*, II, p. 389.

³⁶ *Ibid.*, p. 402—403; см. прим. 136.

³⁷ *Theoph. Cont.*, p. 470.

³⁸ *Ibid.*, p. 469—470, 757.

³⁹ *Cedr.*, II, p. 339; *Michaelis Glycae annales*, rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1836 (далее — *Glycas*), p. 564—565.

⁴⁰ *Cedr.*, II, p. 339; *Glycas*, p. 564—565.

⁴¹ Г. Шломберже (*Nicéphore Phocas*, p. 21—22) отождествляет клирика Иоанна с великим этериархом и патрикием Иоанном Хэриной.

⁴² *Cedr.*, II, p. 388.

Лев Диакон ⁴³ также упоминает его среди самых активных сторонников Варды Фоки. Это был, добавляет он, крупный собственник виноградников, откуда и происходит его имя Амπεла, Виноградарь. Он был очень низкого происхождения, но его отвага, энергия и другие достоинства дали ему возможность сравняться с самыми крупными вельможами. Симеон Амπεла также упоминается в Житии св. Никифора как один из наиболее великодушных заступников знаменитого епископа Милета ⁴⁴. Симеон Амπεла, как и Парсакутины, скоро оставил дело Варды Фоки и подчинился Варде Склиру, который командовал императорскими войсками ⁴⁵. От имени императора Варда Склир предложил восставшим, которые сложили оружие, знатные титулы (среди них — титул патрикия), чины стратига и таксиарха ⁴⁶. Вполне возможно, что Симеон Амπεла соблазнился этими обещаниями и получил за свою покорность титул патрикия. На это намекает Лев Диакон ⁴⁷.

Симеон Амπεла, по-видимому, происходил из Каппадокии и жил в окрестностях Кесарии; именно в этом городе он вербовал, вероятно, среди многочисленных зависимых от него лиц сторонников Варды Фоки ⁴⁸. Трудно с уверенностью сказать, получил ли Амπεла титул патрикия во время правления Никифора II Фоки, или только в правление Иоанна I Цимисхия — за то, что оставил партию Варды Фоки.

Андралест Диоген. Среди главных сторонников Варды Фоки Лев Диакон ⁴⁹ называет патрикия Андралеста, которого, согласно Кедрину ⁵⁰, звали Диогеном и который был двоюродным братом Варды Фоки ⁵¹. Андралест, впрочем, покинул Варду Фоку одним из первых. Связанный узами родства с императорской семьей, он, вероятно, получил титул патрикия от Никифора II. Действительно, Лев Диакон приписывает ему титул патрикия еще до его подчинения Цимисхию. Возможно, Андралест был потомком domestika схол Андралеста, жившего в начале правления Романа I Лакапина (920—944) ⁵².

Вурц Михаил. Во время последней экспедиции в Сирию в 968 г. Никифор II Фока, который должен был вернуться в Византию, оставил в Сирии двух своих полководцев, патрикия Михаила Вурца, назначенного стратигом Черной Горы, и стратопедарха Петра (Фоку?). Император запретил им предпринимать попытки взять Антиохию. Когда представился подходящий случай, Михаил Вурц счел возможным не подчиниться полученному приказу. Он проник в Антиохию, но, чтобы там удержаться, вынужден был обратиться за помощью к стратопедарху Петру, который после долгих колебаний решил поддержать своего соратника. Антиохия была взята 29 октября 969 г. Никифор II Фока вместо того, чтобы поздравить своих полководцев с победой, сильно порицал стратопедарха Петра; что же касается Михаила Вурца, то его лишили командного поста и не разрешили больше являться ко двору ⁵³. Согласно Льву Диакону ⁵⁴, Михаил Вурц был, по-видимому, простым таксиархом.

⁴³ *Leo Diac.*, p. 113.

⁴⁴ *G. Schlumberger. L'épopée byzantine à la fin du Xe siècle. T. I. Jean Tzimiskès: les jeunes années de Basile II.* Paris, 1896 (далее — *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*), p. 62.

⁴⁵ De cerimoniis, II, p. 390; *Leo Diac.*, p. 120.

⁴⁶ *Leo Diac.*, p. 117; *Cedr.*, II, p. 389—390.

⁴⁷ *Leo Diac.*, p. 120.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 113.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 120.

⁵⁰ *Cedr.*, II, p. 390.

⁵¹ *Leo Diac.*, p. 120.

⁵² *Cedr.*, II; *Theoph. Cont.*, p. 400, 732; *Leo Gramm.*, p. 305.

⁵³ *Leo Diac.*, p. 81—82; *Cedr.*, II, p. 365—367; *Zonar.*, III, p. 508—510; ср. *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 708—725.

⁵⁴ *Leo Diac.*, p. 81.

Михаил Вурц не простил Никифору II незаслуженной опалы и встал на сторону Иоанна Цимисхия. Вместе с другими он принял участие в убийстве Никифора II ⁵⁵. Кедрин ⁵⁶ называет патрикия Михаила Вурца главным сообщником Цимисхия наряду с таксiarхом Львом Валантом. После смерти Иоанна I Цимисхия в 976 г. в малолетство Василия II государством управлял паракимомен и проедр Василий. Одной из самых видных фигур в это время был Варда Склир, главнокомандующий армией Востока. Патрикий Михаил Вурц также являлся лицом, с которым необходимо было считаться. Василию причиняло большое беспокойство честолюбие этих двух знаменитых воинов. Он лишил Склира командного поста и назначил его дукой Месопотамии. Чтобы избавиться от Михаила Вурца, Василий назначил его дукой Антиохии, дав ему, однако, титул магистра ⁵⁷. Некоторое время Михаил оставался верным Василию, так как командовал экспедицией в Триполи ⁵⁸.

Между тем, не вынеся опалы, Варда Склир в 976 г. поднял восстание. Василий послал против него стратопедарха патрикия Петра (Фоку?), который должен был соединиться с войсками Михаила Вурца ⁵⁹. Петр потерпел поражение у Ликанд; во время битвы Михаил Вурц отступил одним из первых из-за страха или, что более вероятно, из-за предательства. Действительно, через некоторое время он примкнул к Склиру ⁶⁰. Вполне возможно, что Склир, считавший себя законным императором, снова пожаловал Михаилу Вурцу титул магистра ⁶¹. Михаил Вурц передал Антиохию Склиру ⁶². Тогда Василий доверил командование императорской армией протовестиарию Льву, внуку, помощником которого был патрикий Иоанн. Склир противопоставил им магистра Михаила Вурца и патрикия Романа Таронита, которые потерпели поражение ⁶³. Склир отомстил за этот провал и вскоре разбил армию протовестиария Льва у Рагеа в 977 г. ⁶⁴ Перед лицом опасности паракимомен Василий обратился с призывом к знаменитому стратигу Варде Фоке, племяннику Никифора II Фоки, который после своего восстания был заключен в монастырь ⁶⁵. Варда Фока отправился на соединение с остатками византийской армии, находившейся в Кесарии под командованием Евстафия Малеина. В этот момент Михаил Вурц, недовольный Склиром, перешел на сторону императоров Василия II и Константина VIII ⁶⁶. Восстание Варды Склира продолжалось еще долгое время, прежде чем было окончательно подавлено. Неизвестно, что стало впоследствии с Михаилом Вурцем. У него был сын Константин Вурц, посивший титул патрикия. Около 1026 г. его ослепили по приказу Константина VIII ⁶⁷. Некий Михаил Вурц, вестарх, фигурирует среди саповников, которые в 1056 г. поздравляли с восшествием на престол Михаила VI Страттиотика ⁶⁸. Это, по-видимому, тот же самый Вурц, который в 1057 г. встал на сторону Исаака Комнина против Михаила VI ⁶⁹. При Романе III Аргире (1028—1034) потомки Михаила Вурца скомпрометировали себя участием в заговоре. Их звали

⁵⁵ Leo., Diac, p. 85.

⁵⁶ Cedr., II, p. 375; ср. Zonar., III, p. 517.

⁵⁷ Cedr., II, p. 417.

⁵⁸ G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 364—365.

⁵⁹ G. Schlumberger. Nicéphore Phocas, p. 354.

⁶⁰ Cedr., II, p. 423; ср. G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 372—374.

⁶¹ G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 374.

⁶² Ibid., p. 376.

⁶³ Cedr., II, p. 424—425; ср. G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 383.

⁶⁴ Cedr., II, p. 426—427; ср. G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 384—385.

⁶⁵ Cedr., II, p. 429; ср. G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 399.

⁶⁶ Cedr., II, p. 429; ср. G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 401.

⁶⁷ Cedr., II, p. 481.

⁶⁸ Ibid., p. 615.

⁶⁹ Ibid., p. 622.

Михаил, Феогност и Самуил. Возможно, они были сыновьями Константина Вурца ⁷⁰. В правление Михаила VII Дуки (1071—1078) существовал Феогност Вурц, патрикий-анфипат ⁷¹. При Алексее I Комнине (1081—1118) некий Варда Вурц, потомок знаменитого Михаила Вурца, отличился в византийской армии ⁷². Он, как кажется, был топархом Каппадокии и Хоны ⁷³.

Григорий и Панкратий. Согласно Кедрину ⁷⁴, оба брата, Григорий и Панкратий (Баграт), архонты Тарона в Армении, отправились к Никифору II Фоке и отдали под его власть территорию Тарона; взамен Никифор пожаловал им титулы патрикиев и дал огромные владения ⁷⁵. Константин VII Багрянородный ⁷⁶ пространно описывает историю Тарона и его правителей, многие из которых носили имена Григория и Панкратия и обычно имели титул патрикия или магистра.

Григорий и Панкратий, возведенные в патрикии Никифором II Фокой, были сыновьями таронского князя Ашота, смещенного византийцами. Вместе со своим дядей, патриkiem Романом Таронитом, они примкнули в 976 г. к Варде Склиру ⁷⁷. Григорий из Тарона, несомненно, проявил покорность, так как во время восстания Варды Фоки (986—989) служил в императорской армии. Он был послан Василием II в Трапезунд для борьбы с патриkiem Никифором Фокой или Никифором Кривошеим, сыном Варды Фоки ⁷⁸. Около 990 г. Григорий, имевший в то время титул магистра, был назначен дукой Фессалоники с тем, чтобы оказать противодействие набегам болгарского царя Самуила ⁷⁹. Около 995 г. магистр Григорий был убит, а его сын Ашот взят в плен. Дукой Фессалоники вместо него стал Никифор Уран ⁸⁰.

Евгений. Патрикий Евгений в 969 г. был стратигом Италии. Он успешно сражался против германцев и ломбардцев. В битве при Бовино он захватил в плен Ландульфа Железную голову, князя Капуи — Беневента, и отправил его в Византию. Спустя некоторое время Евгений был отозван и заменен патриkiem Абдилой ⁸¹. Возможно, что патрикий Евгений был патриkiem-евнухом Евгением, который возглавлял поход, отправившийся из Константинополя в июле 968 г. ⁸²

Калокир. Желая избавиться от всякой угрозы со стороны болгар, Никифор II Фока намеревался использовать против них русских под предводительством Святослава. С этой целью он в 967 г. отправил в Киев к Святославу Калокира, сына протевона Херсона, которому он пожаловал титул патрикия. Благодаря ловкости и деньгам Калокиру удалось склонить на свою сторону русского князя. Русские вторглись в Болгарию и предали страну огню и мечу ⁸³. Калокиру, человеку хитрому и честолюбивому, удалось завоевать доверие Святослава и заручиться поддержкой русского князя в провозглашении его (Калокира) императором ⁸⁴. Позже Никифор II понял опасность своей политики и сблизился с бол-

⁷⁰ *Cedr.*, II, p. 488.

⁷¹ *Ibid.*, p. 716.

⁷² *Anne Comnène. Alexiade*, I—III. Paris, 1937—1945 (далее — *Anne Comnène*), II, p. 325—326B.

⁷³ *Ibid.*, I, p. 171B.

⁷⁴ *Cedr.*, II, p. 375.

⁷⁵ Ср. *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 734, note.

⁷⁶ *De adm. imp.*, p. 182—191B.

⁷⁷ *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, I, p. 362.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 733; II, p. 51.

⁷⁹ *Cedr.*, II, p. 477; Ср. *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, II, p. 51.

⁸⁰ *Cedr.*, II, p. 449; ср. *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, II, p. 131—132.

⁸¹ *J. Gay. L'Italie méridionale et l'empire byzantin*. Paris, 1904, p. 314—315; ср. *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 685; *idem. L'épopée byzantine*, I, p. 188.

⁸² *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 685.

⁸³ *Cedr.*, II, p. 372; *Leo Diac.*, p. 63, 77, 79; ср. *F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*. München—Berlin, 1924, N 711.

⁸⁴ *Cedr.*, II, p. 383; *Leo Diac.*, p. 77.

гарами в 969 г.⁸⁵ У императора были серьезные опасения относительно верности Калокира, об интригах которого ему было известно⁸⁶. Никифор думал о походе против ставших опасными русских, но ему помешала смерть. Поход состоялся в начале правления Иоанна Цимисхия. Калокир, который всегда мечтал о порфире, всеми силами побуждал Святослава отправиться на Константинополь⁸⁷. Императорская армия добилась больших успехов в борьбе с русскими, которые были изгнаны из Болгарии после взятия Переяславца. Что касается Калокира, то он, понимая серьезность ситуации, сумел бежать из Переяславца и присоединиться к Святославу⁸⁸.

Михаил был братом патрикия евнуха Никиты, друнгария флота, руководившего экспедицией в Сицилию в 964 г.⁸⁹ Михаил был евнухом, на что указывает его титул препозит. Несомненно, именно Михаилу его брат Никита был обязан своим освобождением из плена.

Титул вест, введенный Никифором II Фокой, был выше титула патрикия. Как препозит Михаил являлся главой евнухов императорской спальни. Возможно, именно этот Михаил, τοῦ κοιτῶνος κατάρχων, передал Никифору II тайнственную записку, предупреждавшую императора о готовящемся убийстве. Михаил, которому было поручено произвести расследование по этому поводу и сделать обыск в гинекее, плохо выполнил свою задачу то ли в страхе перед императрицей, то ли по небрежности⁹⁰. Кедрин⁹¹ также рассказывает о записках, полученных императором. Прочитав их, он приказал своему протовестиарию сделать обыск в Большом дворце. Патрикий-препозит Михаил был, кроме того, протовестиарием, на что указывает рукопись его брата Никиты⁹².

Вполне возможно, что патрикий препозит Михаил был тем же лицом, что и Михаил, верный слуга Никифора II Фоки до его восшествия на престол. Никифор Фока, влюбленный в императрицу Феофану, поддерживал с ней переписку через Михаила. Чтобы выполнять поручения такого рода, тот, разумеется, должен был быть евнухом⁹³.

Никита. Во время экспедиции в Сицилию в 964 г. византийским флотом командовал патрикий-евнух Никита. Михаил потерпел поражение и был убит у Раметты, а флот, укрывшийся в Реджио, разбит и рассеян. Кедрин пишет, что Никита был друнгарием флота⁹⁴. Лев Диакон говорит, что его назначили стратигом флота, στρατῆγός τοῦ ναυτικῆς⁹⁵. Никита был взят в плен и отправлен в Африку⁹⁶. Никифор II Фока был очень привязан к Никите. Он угрожал арабам беспощадной войной, если Никите, как и другим пленникам, не будет возвращена свобода. Перед такой угрозой арабы поспешили отправить Никиту и других пленников в Византию, где они были с радостью приняты императором⁹⁷. Лиутпранд⁹⁸ намекает на долгий плен соратника патрикия Михаила евнуха (Никиты) и говорит, что евнух, о котором идет речь, был выкуплен за сумму много бóльшую, чем он стоил.

⁸⁵ *Leo Diac.*, p. 79.

⁸⁶ *Leo Diac.*, p. 79; *Cedr.*, II, p. 383.

⁸⁷ *Cedr.*, II, p. 383.

⁸⁸ *Leo Diac.*, p. 134; ср. *Zonar.*, III, p. 513, 523, 528; Г. Шломберже пространно рассказывает о кампании против русских и о миссии Калокира: *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 560, 567, 736; *idem. L'Épopée byzantine*, II, p. 38, 41, 45, 47, 52—53, 88, 99, 100.

⁸⁹ *Leo Diac.*, p. 444.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 86.

⁹¹ *Cedr.*, II, p. 377.

⁹² См. ниже.

⁹³ *Cedr.*, II, p. 348.

⁹⁴ *Ibid.*, p. 360.

⁹⁵ *Leo Diac.*, p. 65—66.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 65—67; *Cedr.*, II, p. 360.

⁹⁷ *Leo Diac.*, p. 76; ср. *F. Dölger. Op. cit.*, N 715.

⁹⁸ *Liutprand. Legatio*, p. 361.

Никита, человек набожный и почтенный, во время своего пленения переписывал рукописи, одна из которых сохранилась и имеет запись: «Никита протоспафарий. . . , брат патрикия-препозита и веста Михаила, который был протовестиарием Никифора, христианнейшего императора»⁹⁹. После титула протоспафария Никита, вероятно, вписал свой титул патрикия и должность друнгария флота¹⁰⁰.

Панкратий. См. выше: Григорий и Панкратий.

Симон. В 963 г. Никифор II поручил патрикию и протасикриту Симону составить новеллу, содержащую запрещение строить новые монастыри¹⁰¹. Лиутпранд¹⁰² упоминает протасикрита Симеона (или Симопа). Этот чиновник присутствовал на аудиенции, данной Лиутпранду куропалатом Львом, которого сопровождали паракимомен Василий и другие сановники¹⁰³. Маловероятно, чтобы патрикий и протасикрит Симон или Симеон был тем же лицом, что и патрикий-протасикрит, упоминавшийся в эпоху Льва VI (886—912)¹⁰⁴.

Фока Мануил. В начале своего правления Никифор II Фока послал в Сицилию против арабов сильную экспедицию, десантными войсками которой командовал патрикий Мануил, молодой человек, столь же самонадеянный, сколь и неопытный. После нескольких удач он в 964 г. потерпел поражение у Раметты и был убит¹⁰⁵. Согласно византийским хронистам, патрикий Мануил был сыном Льва Фоки, дяди Никифора II Фоки, ослепленного за мятеж по приказу Романа I Лаканина. Лиутпранд неверно считает Мануила Фоку племянником Никифора II Фоки¹⁰⁶.

Христофор. Во время посольства к Никифору II Фоке в 968 г. Лиутпранд несколько раз имел дело с патрикием-евнухом Христофором, который замещал отсутствующего императора¹⁰⁷. Именно к нему обращался Лиутпранд за разрешением покинуть империю. Евнух придумывал причины, чтобы задержать посла Оттона I Великого. Спустя несколько дней Лиутпранд получил у Христофора аудиенцию¹⁰⁸.

Цимисхий Иоанн. До вступления на престол Никифора II Фоки Иоанн Цимисхий имел уже титул патрикия и был стратигом Анатолика¹⁰⁹. При содействии патрикиев Романа Куркуаса и Никифора Эксакионита Цимисхий провозгласил с помощью армии в Кесарии императором Никифора II Фоку¹¹⁰. Согласно Кедрину¹¹¹, для того чтобы рассорить магистра Иоанна Цимисхия и Никифора Фоку, Иосиф Вринга предложил ему должность domestika схол Востока, занимаемую тогда Никифором Фокой. Следует напомнить, что византийские хронисты иногда имели обычай приписывать лицам, о которых они говорят, титулы, которые те получили позднее. Иоанн Цимисхий в действительности получил титул магистра и стал domestikom схол Востока только в начале правления Никифора II Фоки¹¹².

⁹⁹ *Leo Diac.*, p. 444.

¹⁰⁰ О походе Никиты ср. *J. Gay. Op. cit.*, p. 290—291; *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 443—444.

¹⁰¹ О Симеоне см.: *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 392, 397.

¹⁰² *Liutprand. Legatio.*, p. 350—351.

¹⁰³ *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 625.

¹⁰⁴ *Theoph. Cont.*, p. 368; *Cedr.*, II, p. 263; *Leo Gramm.*, p. 277; *De adm. imp.*, p. 209 B.

¹⁰⁵ *Leo Diac.*, p. 65—67; *Cedr.*, II, p. 353; 360; *Zonar.*, III, p. 500—501; *Liutprand. Legatio.*, p. 361; ср. *J. Gay. Op. cit.*, p. 290—291.

¹⁰⁶ *Liutprand. Legatio.*, p. 361.

¹⁰⁷ *Ibid.*, p. 362.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 364; ср. *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 648. 652.

¹⁰⁹ *Leo Diac.*, p. 37.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 431.

¹¹¹ *Cedr.*, II, p. 347.

¹¹² *Ibid.*, p. 260; *Leo Diac.*, p. 44.

Иоанн Цимисхий принадлежал к знатной армянской семье. По матери он был довольно близким родственником Никифора II Фоки¹¹³. Уже с юности он избрал военную карьеру и отличился во многих сражениях¹¹⁴. Это был человек смелый и отважный¹¹⁵. Отклонив заманчивые предложения Иосифа Вринги, Цимисхий последовал за Никифором и сделал многое для того, чтобы провозгласить его императором¹¹⁶. В награду после своего провозглашения императором в Кесарии Никифор II Фока возвел своего храброго соратника в магистры и назначил domestikом (схол) Анатолии¹¹⁷. Сразу же после коронации в Константинополе Никифор подтвердил свое решение, и Иоанн Цимисхий был официально объявлен магистром и domestikом (схол) Анатолии¹¹⁸.

Между такими двумя людьми, как Никифор II Фока и Иоанн Цимисхий, согласие не могло длиться долго. Когда против Цимисхия возникли подозрения, он был лишен поста domestikа схол¹¹⁹. Зонара утверждает, что вместо этого Иоанн Цимисхий был назначен логофетом дрома¹²⁰. Это сообщение кажется сомнительным. Как бы то ни было, ясно, что Иоанн Цимисхий оказался удаленным от двора, однако не подвергся изгнанию¹²¹. Известно, как Цимисхий при подстрекательстве императрицы Феофано убил Никифора II и провозгласил себя императором. После нескольких лет правления он умер, отравленный проедром и паракимоменом Василием¹²².

В XIII в. еще существовали представители фамилии Цимисхиев. Григорий или Григорий Цимисхий-Висконти вместе с Григорием Калодукой был отправлен с посольством в Венецию Михаилом VIII Палеологом в 1268 г.¹²³ В 1274 г. Григорий Цимисхий, житель Веррии по Пахимеру¹²⁴, участвовал в посольстве, которому было поручено передать папе Григорию X исповедание веры Михаила VIII Палеолога¹²⁵. Протостратор Феодор Цимисхий и его брат Иоанн Цимисхий жили при дворе эпирского деспота Никифора I (1269—1290?)¹²⁶.

Эротик Никифор. Решив сблизиться с болгарами (см. выше: Калокир), Никифор II отправил к ним посольство для переговоров о союзе. Послами были патрикий Никифор Эротик и епископ Евхаит Филофей. Послы должны были просить в жены сыновьям Романа II¹²⁷ юных царевен, дочерей царя Петра Болгарского (927—969), который только что скончался. Демарш византийского двора был благосклонно принят царем Борисом II, и после заключения договора послы привезли в Византию юных царевен¹²⁸.

Никифор Эротик принадлежал к известной византийской семье, носившей это имя. Эротики породнились с Комнинами и, по византийскому обычаю, приняли их имя.

¹¹³ *Leo Diac.*, p. 84, 99.

¹¹⁴ *Ibid.*, p. 131.

¹¹⁵ *Ibid.*, p. 59, 85.

¹¹⁶ *Ibid.*, p. 37—38, 431; *Cedr.*, II, p. 348.

¹¹⁷ *Leo Diac.*, p. 44.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 49.

¹¹⁹ *Glycas*, p. 572; *Constantini Manassis breviarium historiae metricum*. Bonnae, 1837, p. 247, v. 5825.

¹²⁰ *Zonar.*, III, p. 516.

¹²¹ *Leo Diac.*, p. 84.

¹²² *Cedr.*, II, p. 414—415.

¹²³ *F. Dölger*. Op. cit., № 1961.

¹²⁴ *Georgii Pachymeris de Michaelis et Andronico Palaeologis libri XIII*, I. Bonnae, 1835, p. 384.

¹²⁵ *F. Dölger*. Op. cit., № 2006.

¹²⁶ *P. Graindor*. Рец. на кн.: Π. Ὁρλάνδος, Μνημεῖα τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἐπείρου. Ἡ Κοκκινὴ ἐκκλησία (Παναγία Μπελλᾶς). — *Byz.*, IV, 1929, p. 671.

¹²⁷ *F. Dölger*. Op. cit., № 718.

¹²⁸ *Leo Diac.*, p. 79; ср. *G. Schlumberger*. Nicéphore Phocas, p. 736.

Хронисты упоминают следующих патрикиев времени Иоанна I Цимисхия (969—976).

Абдила. Патрикий Абдила сменил патрикия Евгения на посту стратига Италии в Бари и потерпел поражение от германцев у Асколи. Решив вести переговоры с германским императором Оттоном I Великим, Иоанн Цимисхий поручил передать предложение о мире князю Капуи Ландульфу, в то время пленнику в Константинополе. Цимисхий написал по этому поводу патрикию Абдиле, которому он поручил заботу об отправлении Ландульфа¹²⁹. Ландульф был привезен к Абдиле, а отсюда его проводили к Оттону I. Переговоры закончились успешно¹³⁰.

Алака Иоанн (Алакас, Алакасей). Во время первой кампании против русских в начале правления Иоанна I Цимисхия около 970 г. императорской армией командовал Варда Склир. Не имея достаточных сил, он долгое время уклонялся от сражений и готовил засаду. Завлечь врага в определенное место должен был патрикий Иоанн Алака. Он блестяще справился со своей задачей, и русские отряды, попав в окружение, были разбиты и рассеяны¹³¹.

Иоанн. Во время восстания Варды Склира против Василия II и Константина VIII паракимомен Василий поставил во главе императорской армии стратопедарха Петра, который потерпел поражение у Липары в 976 г. Паракимомен Василий послал тогда для командования операциями протовестиария Льва, которому в качестве советника помогал патрикий Иоанн, человек высокого положения и большого красноречия. Патрикий Иоанн участвовал в роковом сражении при Рагеа, где он был убит (как и стратопедарх Петр)¹³².

Лев. Заключенный в Мефимнах на Лесбосе, куропалат Лев Фока, брат императора Никифора II Фоки, не отказался от своей мечты об императорской власти. Он подкупил стражу и бежал. Укрывшись в монастыре Паламис против Константинополя, он вступил в сношения со своими сторонниками, которые подготовили заговор в Большом дворце. Когда все было готово, куропалат Лев Фока тайно отправился в Константинополь, уже поверив в успех. Но один из заговорщиков раскрыл все патрикию Льву, друшгарию флота, обязанному в отсутствие императора поддерживать порядок и спокойствие в столице. Патрикий Лев, человек решительный и энергичный, приказал солдатам окружить дом, где находился куропалат. Последнему, однако, удалось бежать, и он вместе со своим сыном Никифором искал убежища в св. Софии. Оба они, насильно выведенные из храма, были заключены на острове Калоним в ожидании императорского распоряжения. Иоанн I Цимисхий приговорил обоих заговорщиков к ослеплению, и на этот раз приговор был приведен в исполнение¹³³.

Патрикий Лев стал позднее протовестиарием¹³⁴ и возглавлял императорскую армию против поднявшего мятеж Варды Склира¹³⁵. Вполне вероятно, что он был внуком, о чем дает понять Кедрин¹³⁶.

¹²⁹ F. Dölger. Op. cit., № 731.

¹³⁰ J. Gay. Op. cit., p. 315, 317—318; G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 188.

¹³¹ Cedr., II, p. 385; Leo Diac., p. 109; ср. G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 52—53.

¹³² Cedr., II, p. 424—426.

¹³³ Leo Diac., p. 145—147; Cedr., II, p. 393, 403—404; ср. G. Schlumberger. L'épopée byzantine, I, p. 130—131.

¹³⁴ Cedr., II, p. 393, 424, 427.

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ Ibid., p. 430.

Мансон. Герцог Амальфи Мансон в 972 г. фигурирует в одной грамоте с титулом императорского патрикия, вышедшим из употребления в Амальфи со времени Масталуза I (914—952). Пожалование титула патрикия герцогами Амальфи следует, возможно, датировать 970 г., как результат последовавшего сближения с Византией ¹³⁷.

Марин. Герцог Неаполя Марин называется в одном дипломе 975 г. *consul et dux atque imperialis anthypatus patricius* ¹³⁸.

Михаил. Анфипат-патрикий и катепан Италии известен из диплома, пожалованного в 975 г. императорскому монастырю св. Петра в Таренте ¹³⁹.

Никита. Патрикий-евнух Никита командовал флотом, отправленным в Южную Италию Никифором II Фокой ¹⁴⁰. В 971 г. он имеет титул протоспафария ¹⁴¹.

Николай. В 970 г., когда Иоанн I Цимисхий был занят борьбой со Святославом, арабы попытались захватить Алеппо и Антиохию. Узнав об этом, император приказал стратигу Месопотамии оказать помощь осажденным; в то же время он послал туда подкрепление. Командование императорской армией было доверено патрикию Николаю, одному из наиболее преданных евнухов императора. Николай, соединившись со стратигот Месопотамии, атаковал врага, обратил его в бегство и освободил осажденные города ¹⁴². Лев Диакон ¹⁴³ говорит, что патрикий-евнух, в течение долгого времени состоявший при Иоанне I Цимисхии, учился у него военному искусству. Шломберже предполагает, что патрикий Николай, который возглавлял экспедицию 970 г., является тем человеком, который дважды, при Никифоре II Фоке и Иоанне I Цимисхии, посылался с поручениями к халифам ¹⁴⁴.

Парсакутины Никифор и Феодор. Братья Парсакутины, оба имевшие титул патрикия, были сыновьями патрикия Феодула Парсакутина ¹⁴⁵. Кедрин называет только Феодора и Никифора ¹⁴⁶, но Лев Диакон упоминает Варду ¹⁴⁷: *Θεόδωρος Βάρδα τε καὶ Νικήφορος*, что, по-видимому, означает, что Феодор также носил имя Варды ¹⁴⁸. Имя Парсакутинов происходит от названия селения Парсакута, в Малой Азии, точное местонахождение которого неизвестно ¹⁴⁹. Братья Парсакутины были двоюродными братьями Варды Фоки, племянника Никифора II Фоки. Они приняли активное участие в мятеже Варды Фоки против Иоанна Цимисхия в 971 г. и старательно вербовали сторонников своего родственника ¹⁵⁰. Когда Цимисхий на подавление мятежа Варды Фоки послал Склира, братья Парсакутины оставили Фоку и изъявили покорность императору ¹⁵¹. Варда Склир от имени императора предложил полную амнистию, а также знатные титулы и военные чины всем восставшим, которые сложат оружие. Склир имел с собой дипломы патрикиев и стратигот, подписанные императором; их оставалось только заполнить, вписав имя владельца ¹⁵².

¹³⁷ *J. Gay. Op. cit.*, p. 321.

¹³⁸ *Ibid.*, p. 343, 347, 377.

¹³⁹ *Ibidem*.

¹⁴⁰ См. выше; *Leo Diac.*, p. 65; *J. Gay. Op. cit.*, p. 290.

¹⁴¹ *Leo Diac.*, p. 442—443; ср. *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 444.

¹⁴² *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, I, p. 222—223.

¹⁴³ *Leo Diac.*, p. 103.

¹⁴⁴ *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 468; *idem. L'épopée byzantine*, I, p. 210.

¹⁴⁵ *Cedr.*, II, p. 388; *Leo Diac.*, p. 112.

¹⁴⁶ *Cedr.*, II, p. 388.

¹⁴⁷ *Leo Diac.*, p. 112.

¹⁴⁸ Г. Шломберже (*L'épopée byzantine*, I, p. 60) называет обоих Парсакутинов — Феодора Варду и Никифора, не давая при этом объяснений.

¹⁴⁹ *Ibid.*, p. 61.

¹⁵⁰ *Cedr.*, II, p. 388; *Leo Diac.*, p. 112—113.

¹⁵¹ *Cedr.*, II, p. 390.

¹⁵² *Leo Diac.*, p. 117; *Cedr.*, II, p. 389—390.

Соблазн был велик, и многие сторонники Варды Фоки ему поддались. Поскольку братья Парсакутины были уже патрикиями, им, без сомнения, предложили какую-нибудь другую награду за их покорность.

Братья Парсакутины, состоявшие в родстве с императорской семьей, возможно, получили титул патрикия во время правления Никифора II Фоки. В начале правления Василия II, когда Варда Фока рассеял армию претендента на престол Варды Склира, последние сторонники Склира с несколькими верными им отрядами еще много месяцев вели борьбу в Фракийской феме. Они сложили оружие только тогда, когда получили полную амнистию при посредничестве патрикия Никифора Парсакутина в 980 г.¹⁵³ Следовательно, патрикий Никифор Парсакутин не последовал за Вардой Склиром и остался в лагере Василия II. То же самое было с Вардой Парсакутином, имевшим тогда титул магистра, который командовал императорским флотом и разбил повстанческий флот Варды Склира у Авидоса¹⁵⁴. Уместно напомнить, что, по словам Кедрина, императорским флотом командовал патрикий Феодор Карантин¹⁵⁵. Не является ли Феодор Карантин тем же лицом, что и Феодор Парсакутин, которого, по-видимому, звали также Вардой? По всей вероятности, этого нельзя утверждать, хотя сыновья одной и той же семьи часто носили разные имена.

Петр (Фока?). Во время последнего похода в Сирию в 968 г. Никифор II Фока оставил там для наблюдения за Антиохией двух своих полководцев, Михаила Вурца и патрикия Петра, стратопедарха, человека храброго и сильного, хотя и евнуха. Вурц с помощью Петра овладел Антиохией. Узнав об этом, Никифор II обрадовался и воздал хвалу богу¹⁵⁶. Кедрин¹⁵⁷ сообщает другую версию. По его данным, Никифор II Фока перед отъездом пожаловал Михаилу Вурцу титул патрикия и назначил его стратигом; что касается Петра, то он назначил его стратопедархом. Последний был евнухом из окружения императора; он был, впрочем, храбрым воином; Михаил Вурц с помощью стратопедарха Петра овладел Антиохией, несмотря на категорический запрет Никифора II Фоки. Раздраженный этим неповиновением, император сместил Михаила Вурца и сильно порицал Петра. Зонара¹⁵⁸ приводит ту же версию, что и Кедрин. Ни один из названных хронистов не намекает на какое-либо родство стратопедарха Петра (которого Глика называет *τὸν εὐνοῦχον*¹⁵⁹) и Никифора II Фоки.

Вступив на престол, Иоанн I Цимисхий сместил и отправил в ссылку родственников и сторонников своего предшественника¹⁶⁰. Видимо, стратопедарх Петр не был в опале. Более того, Цимисхий, вынужденный в начале своего правления приостановить набеги русских, организовал против них поход, во главе которого поставил собственного зятя магистра Варду Склира (на сестре которого, Марии, Иоанн Цимисхий был женат первым браком) и патрикия Петра¹⁶¹.

Как уже говорилось, во время мятежа Варды Склира против Василия II и Константина VIII в 976 г. паракимомен Василий назначил командующим императорской армией патрикия Петра, стратопедарха. После нескольких успехов, сменявшихся неудачами, Петр был, в конце концов,

¹⁵³ *Cedr.*, II, p. 434; ср. *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, II, p. 445.

¹⁵⁴ *Leo Diac.*, p. 170.

¹⁵⁵ *Cedr.*, II, p. 427.

¹⁵⁶ *Leo Diac.*, p. 81—82.

¹⁵⁷ *Cedr.*, II, p. 365—367.

¹⁵⁸ *Zonar.*, III, p. 508—510.

¹⁵⁹ *Glykas*, p. 571.

¹⁶⁰ *Leo Diac.*, p. 96; *Cedr.*, II, p. 379; *Zonar.*, III, p. 520.

¹⁶¹ *Leo Diac.*, p. 107—108; *Cedr.*, II, p. 400, 410; ср. *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, II, p. 47, 142.

побежден и убит в битве при Липаре ¹⁶². Зонара ¹⁶³ говорит, что главой похода против Варды Склира был стратопедарх Петр, Πέτρος ὁ τοῦ Φῶχα, евнух, который потерпел поражение при Липаре (или Ликанде). Тогда из Константинополя послали нового военачальника, протовестиария Льва, присоединившегося к стратопедарху Петру, который с тех пор, по-видимому, находился у него в подчинении. После нескольких побед Лев был побежден и взят в плен, а стратопедарх Петр убит во время сражения.

Кедрин сообщает, что в начале правления юных императоров паракимоен Василий отстранил Варду Склира от верховного командования армией и заменил его патрикием Петром, бывшим приближенным Никифора II Фоки, ὁ τοῦ Φῶχα δοῦλος, назначенного стратопедархом. Когда было получено известие о восстании Варды Склира, стратопедарха Петра спешно привели в Большой дворец и поручили ему командование экспедицией против Склира ¹⁶⁴. Стратопедарх потерпел поражение у Липары (или Ликанда) из-за предательства Михаила Вурца ¹⁶⁵. Тогда из Константинополя послали нового полководца, облеченного всеми полномочиями, протовестиария Льва, которому помогал в качестве советника патрикий Иоанн. Лев присоединился к стратопедарху Петру. После нескольких успехов Лев потерпел полное поражение у Рагеа в 977 г., был взят в плен, а патрикий Иоанн и стратопедарх Петр убиты ¹⁶⁶.

Г. Шломберже ¹⁶⁷ считает патрикия Петра, стратопедарха, Петром Фокой, сыном Льва Фоки и племянником Никифора II Фоки. Этот Петр Фока, возможно, является ал-Атрабаси арабских хронистов ¹⁶⁸. Лев Диакон и Кедрин изображают стратопедарха Петра евнухом и приближенным Никифора II Фоки. Правда, Зонара, по-видимому, связывает Петра с семьей Фок, Πέτρος ὁ τοῦ Φῶχα, но в параллельном отрывке Кедрин просто говорит: ὁ τοῦ Φῶχα δοῦλος, Зонара, вероятно, использовал текст Кедрина, опустив слово δοῦλος. Лев Диакон, добросовестный хронист X в., был современником изображаемых событий. Если бы стратопедарх Петр принадлежал к императорской семье, Лев Диакон упомянул бы об этом обстоятельстве. Хронисты приписывают Льву Фоке только двух сыновей, Никифора и Варду, которые сыграли важную роль в истории этой эпохи ¹⁶⁹. Если бы стратопедарх Петр был сыном Льва Фоки, совершенно непонятно, почему отец сделал его евнухом. Петр назван Гликой ¹⁷⁰ τὴν εὐνοῦχον, что очень непочтительно для императорского племянника. Между тем не исключено, что Петр был одним из незаконных сыновей Льва Фоки или другого члена этой семьи. Бастардов часто делали евнухами, чтобы избежать соперничества в семьях ¹⁷¹.

Роман. Иоанн I Цимисхий возвращался с победой из долгого похода. Прибыв в Вифинию, он остановился на равнине, расположенной у подножия северного склона Олимпа, чтобы воспользоваться гостеприимством одного из своих крупных вассалов в его имени Атроа, страбоневской Отрои ¹⁷², у берегов озера Аскания. Этим вассалом был патрикий и севастофор Роман, внук Романа I Лакапина. На пиру, данном в честь императора, виночерпий всыпал в чашу Цимисхия яд, медленно действующий,

¹⁶² *Leo Diac.*, p. 169—170.

¹⁶³ *Zonar.*, III, p. 541—543.

¹⁶⁴ *Cedr.*, II, p. 420.

¹⁶⁵ *Ibid.*, p. 422—423.

¹⁶⁶ *Ibid.*, p. 424—427. Об этом походе см.: *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, I, p. 364, 370, 379, 383—385.

¹⁶⁷ *G. Schlumberger. Nicéphore Phocas*, p. 709—710.

¹⁶⁸ *Ibid.*, p. 710.

¹⁶⁹ *Leo Diac.*, p. 96.

¹⁷⁰ *Glycas*, p. 571.

¹⁷¹ *Du Cange. Familiae Byzantinae*, p. 151.

¹⁷² *W. M. Ramsay. Historical Geography of Asia Minor*. London, 1890, p. 189.

но сильный. Император, едва прибыв в Константинополь, умер (976 г.). Хронисты обвиняют паракимомена Василия в том, что он был инициатором преступления, желавшим отомстить за оскорбления, полученные от императора ¹⁷³.

Был ли патрикий Роман отличившимся в правление Цимисхия в греко-русской войне сыном императора Константина, сына Романа I Лакапина ¹⁷⁴? Это маловероятно. Скорее речь идет о Романе, сыне императора Стефана, также сына Романа Лакапина, которого Константин VII. сделал евнухом и дал титул патрикия-препозита ¹⁷⁵ и который получил позже достоинство севастофора ¹⁷⁶.

Склир Константин. Благодаря патрикию Иоанну Алаки русское войско оказалось в засаде. Началось сражение. Когда на Варду Склира напал высокорослый вражеский предводитель и командующий императорской армией оказался в критическом положении, ему на помощь пришел его брат, юный Константин Склир, который нанес русскому воину смертельный удар мечом ¹⁷⁷. Патрикий Константин Склир женился позднее на Софии, сестре Варды Фоки ¹⁷⁸. Г. Шломберже опубликовал печать Константина Склира, протоспафария, судьи ипподрома и великого хартулярия XI—XII вв. ¹⁷⁹ Маловероятно, что речь там идет о брате Варды Склира.

Фока Варда. Будучи еще молодым, Варда Фока получил титул патрикия от своего дяди Никифора II Фоки, который назначил его дукой Халдии. Иоанн I Цимисхий, вступив на престол, лишил Варду Фоку должности и сослал в Амасию ¹⁸⁰.

Когда Цимисхий двинулся в поход против русских, Варда Фока, воспользовавшись моментом, бежал из Амасии и добрался до Кесарии Каппадокийской. Здесь он с помощью друзей и родственников патрикиев братьев Парсакутинов собрал сторонников, провозгласил себя императором и стал раздавать титулы и должности. Тем временем его отец куропалат Лев Фока старался вербовать сторонников своему сыну ¹⁸¹. Напрасно Иоанн Цимисхий пытался прекратить мятеж, обещая все простить и забыть; Варда отвечал на его предложения оскорблениями ¹⁸². В этой ситуации император поручил своему зятю Варде Склиру подавить мятеж силой оружия. Магистр Варда Склир был тогда стратигом Фракии. Он состоял в родстве с Вардой Фокой, так как брат Склира патрикий Константин был женат на сестре Варды Фоки Софии ¹⁸³. Несмотря на верность Цимисхию, Склир был другом Варды Фоки и пытался убедить его прекратить мятеж. Но Варда Фока, вспомнив все плохое, что сделал император его семье, отказался. Однако, соблазненные обещаниями получить титулы и должности, главные сторонники Варды Фоки покинули своего предводителя, который должен был искать спасения в крепости в сопровождении нескольких преданных лиц ¹⁸⁴. Варда Склир осадил его. Доведенный до крайности, Варда Фока вынужден был сдаться, оговорив безопасность для себя и своих сторонников. Это условие было соблюдено

¹⁷³ *Leo Diac.*, p. 176—177; ср. *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, I, p. 311.

¹⁷⁴ *Cedr.*, II, p. 410; ср. *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, I, p. 142.

¹⁷⁵ *Theoph. Cont.*, p. 426.

¹⁷⁶ *Cedr.*, II, p. 327 (почетный титул севастофора, по-видимому, жаловали посланнику, которому поручалось сообщить новому императору о его возведении на трон) (см. p. 548).

¹⁷⁷ *Leo Diac.*, p. 110; *Cedr.*, II, p. 387; ср. *G. Schlumberger. L'épopée byzantine*, I, p. 55.

¹⁷⁸ *Leo Diac.*, p. 118; *Cedr.*, II, p. 392.

¹⁷⁹ *G. Schlumberger. Sigillographie de l'Empire Byzantin. Paris, 1884, p. 453.*

¹⁸⁰ *Leo Diac.*, p. 96; *Zonar.*, III, p. 520.

¹⁸¹ *Leo Diac.*, p. 112—113; *Zonar.*, III, p. 525.

¹⁸² *Leo Diac.*, p. 115—116.

¹⁸³ *Cedr.*, II, p. 392.

¹⁸⁴ *Leo Diac.*, p. 117—122; ср. *F. Dölger. Op. cit.*, № 734.

Иоанном Цимисхием. Варда был сослан вместе с женой и детьми на остров Хиос ¹⁸⁵, где оставался семь лет.

Сразу же после смерти Цимисхия вспыхнул сильный мятеж Варды Склира, недовольного опалой, которую он считал оскорбительной ¹⁸⁶. Прекрасный военачальник, Склир разбил всех стратигов, которые против него выступали. Понимая опасность положения, паракимомен Василий решил обратиться к Варде Фоке. Тот после торжественной клятвы верности законным императорам получил титул магистра и встал во главе армии. Узнав об этом назначении, Варда Склир приготовился к борьбе. Одержав сначала победу, он был затем окончательно разбит. Во время последнего сражения Варда Склир и Варда Фока, оказавшись друг против друга, сошлись в единоборстве перед всей армией. Победенный Склир спасся бегством к арабам ¹⁸⁷.

По Кедрину ¹⁸⁸, Варда Фока, вызванный из ссылки, получил титул магистра и, назначенный domestikом схол, принял командование армией против Варды Склира ¹⁸⁹. Возвратившись с победой в Константинополь, Варда Фока был торжественно встречен и награжден ¹⁹⁰. Пселл ¹⁹¹ пишет, что он был удостоен триумфа. Пселл упоминает о клятвах, которые потребовали от Варды Фоки, прежде чем поставить его во главе армии ¹⁹². Но он допускает неточность, утверждая, будто Варда Фока был записан в число духовных лиц с целью помешать в дальнейшем его стремлению к трону. В действительности же еще задолго до этого, в правление Цимисхия, Варда Фока был вынужден стать клириком. Это простое пострижение не помешало ему вернуться к светской жизни и получить знатный титул магистра.

В 971 г. восставший Фока был побежден Склиром, соблюдавшим верность трону. В 978 г. они поменялись ролями. Мятежник Варда Склир был побежден проявившим верность Вардой Фокой. Между Василием II, который только что взял в руки бразды правления, и Вардой Фокой, магистром и domestikом схол Востока, не могло длительное время существовать согласие. Василий II, ревниво относясь к своему авторитету, не любил советов: он вызвал сильное недовольство крупных военачальников, решив единолично возглавить поход против болгар; они отомстили, провалив этот поход ¹⁹³. Между императором, раздраженным этим провалом, и военачальниками, недовольными тем, что они оказались в стороне, разрыв был неизбежен. Варда Фока, чувствуя, что находится под подозрением, вспомнил о своих старых планах и с помощью соратников провозгласил себя императором в феме Харсиан ¹⁹⁴. Между тем около 987 г. бывшему мятежнику Варде Склиру, укrywшемуся у арабов, удалось бежать; он сговорился с Вардой Фокой, и два бывших противника, объединившись, заранее поделили империю. Но Варда Фока, нарушив договор, заключил в тюрьму Варду Склира, избавив себя таким образом от опасного соперника ¹⁹⁵. Авангард армии Варды Фоки расположился в Хрисополе под командованием патрикия Калокира Дельфина. Главные силы армии претендента на престол находились в Авидосе. Василий II разбил часть армии, находившейся под командованием Калокира Дельфина,

¹⁸⁵ *Leo Diac.*, p. 125—126.

¹⁸⁶ *Cedr.*, II, p. 417; *Leo Diac.*, p. 169.

¹⁸⁷ *Leo Diac.*, p. 169—170; *Zonar.*, III, p. 541—546.

¹⁸⁸ *Cedr.*, II, p. 429.

¹⁸⁹ О борьбе между Вардой Фокой и Вардой Склиром см. *Cedr.*, II, p. 429—433.

¹⁹⁰ *Ibid.*, p. 433.

¹⁹¹ *Michel Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (976—1077)*, I. Paris, 1926 (далее *Psellos*), p. 7.

¹⁹² *Ibid.*, p. 5.

¹⁹³ *Zonar.*, III, p. 548—549.

¹⁹⁴ *Ibid.*, p. 549—550.

¹⁹⁵ *Ibid.*, p. 552.

затем продвинулся до Авидоса. Две армии оказались друг против друга. Когда собирались пачать бой, Варда Фока верхом, с поднятым копьем устремился на Василия II. Но вдруг все увидали, как он пошатнулся и упал, несомненно, от кровоизлияния. Мятеж прекратился (988 г.)¹⁹⁶. Голову Варды Фоки пронесли на острие копья по улицам Константинополя¹⁹⁷. Его сторонники были сурово наказаны¹⁹⁸.

Фока Никифор. Сын куропалата Льва Фоки и племянник Никифора II Фоки, Никифор Фока, получивший титул патрикия и, возможно, веста от своего дяди, по-видимому, не занимал командных постов. После вступления на престол Иоанна Цимисхия он был сослан вместе со своим отцом, согласно Льву Диакону и Зонаре¹⁹⁹, в Мефимны, на Лесбос. Кедрин²⁰⁰ приписывает Никифору титул вест и говорит, что его сослали на Имброс. Лев Фока и его сын Никифор устроили заговор против Цимисхия. После того, как их приговорили к смерти, казнь заменили ослеплением. Однако затем по милости императора отменили и ослепление и обоих заговорщиков возвратили на Лесбос²⁰¹.

Куропалат Лев вместе с сыном Никифором устроили второй заговор против Иоанна Цимисхия. Когда в Константинополе их выдали, они укрылись в Великой церкви, где спасались в первый раз после смерти Никифора II Фоки²⁰². Извлеченные из этого убежища, они были заточены на острове Калоним и на этот раз ослеплены²⁰³. Позже, во время мятежа Варды Фоки в 987—988 гг. против Василия II, ослепленному патрикию Никифору Фоке удалось присоединиться к своему брату Варде Фоке, который доверил ему командование частью армии, дав в помощники патрикия Калокира Дельфина. Никифор был разбит и взят в плен. Василий II избавил его от высшей меры наказания и ограничился тем, что заключил в тюрьму²⁰⁴.

¹⁹⁶ Zonar., III, p. 553—554; Cedr., II, p. 444—445; о восстании Варды Фоки см. Leo Diac., p. 173—175; Cedr., II, p. 439—446; Psellos, I, p. 7—11; ср. G. Schlumberger. L'épopée byzantine, II, p. 674—675.

¹⁹⁷ Leo Diac., p. 175.

¹⁹⁸ Cedr., II, p. 446.

¹⁹⁹ Leo Diac., p. 96; Zonar., III, p. 520.

²⁰⁰ Cedr., II, p. 379.

²⁰¹ Leo Diac., p. 114, 145; ср. Cedr., II, p. 389; Zonar., III, p. 525.

²⁰² Zonar., III, p. 519.

²⁰³ Leo Diac., p. 145—147; Zonar., III, p. 538; ср. Cedr., II, p. 403—404 (который пишет, что Лев Фока и его сын Никифор были заключены на острове Проти).

²⁰⁴ Leo Diac., p. 173—174; ср. Cedr., II, p. 444.

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

ПСЕЛЛ В ОТНОШЕНИЯХ С СОВРЕМЕННОКАМИ

1. МИХАИЛ ПСЕЛЛ И ЛЕВ ПАРАСПОНДИЛ

О могущественном временщике императрицы Феодоры Льве Параспондиле (Стравоспондиле)¹ сообщают почти все основные источники по истории Византии середины XI в.² Подыскивая подходящего человека, пишет Пселл, Феодора ошиблась в выборе и поставила управлять государственными делами «не того, кого в течение долгого времени отличали ученость и красноречие (не намекает ли Пселл на самого себя? — Я. Л.), а человека, умеющего лишь молчать и потуплять взор, не способного ни к дипломатическим переговорам и ни к чему другому, что характеризует политического мужа» (Chron., II, p. 74)³. Атталиат расходится в оценках с Пселлом и говорит, что Лев принадлежал к числу людей «избранных» (τῶν ἐλλογίμων), был духовного звания (ιερωμενος) и человеком разумным и опытным, который ввел законность и стройный порядок в государственные дела (Attal., p. 51—52). По сообщению Скилицы, синкел (далее он назван протосинкелом) Лев прежде служил императору Михаилу IV⁴ и был возвышен Феодорой благодаря своей «многоопытности» (Cedr., p. 611). Уже после смерти императрицы недовольные военачальники во главе с Исааком Комнином обращаются ко Льву с просьбой быть их ходатаем перед новым императором Михаилом Стратиотиком. Однако всесильный временщик, «человек мрачный и неприступный», не только отказался благожелательно рассмотреть их просьбу, но выгнал их с оскорблениями (Cedr., p. 619—620). Этот эпизод, послуживший непосредственным поводом к восстанию, объясняет ту ненависть, которую питает к временщику мятежный Исаак Комнин. В качестве основного условия договора с императором Михаилом, согласно Пселлу, он выставляет устранение Параспондила (последнего Исаак презрительно именует «низкорослым» (βραχὺ τὴν ἡλικίαν)).

¹ Имя Параспондил зафиксировано Зонарой и в письмах Михаила Пселла. Стравоспондилом называет Льва Скилица. Нет сомнений в том, что речь идет об одном и том же лице. См. B. Rhodus. Beiträge zur Lebensgeschichte und zu den Briefen des Psellos. Progr. Plauen, 1892, S. 19—20.

² M. Psellus. Chronographic, ed. E. Renauld, II. Paris, 1928 (далее — Chron.), p. 74—75, 79, 102; Michaelis Attaliotae historia, rec. I. Bekkerus. Bonn, 1853 (далее — Attal.), p. 51—52; Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae ope ab Bekkero suppletus et emendatus, II. Bonn, 1839 (далее — Cedr.), p. 611, 619—620. Возможно, Параспондилу принадлежит печать синкела Льва; издана: V. Laurent. Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin, t. V, 1. Paris, 1963, p. 148—149, № 217. О Льве Параспондиле см. G. Schlumberger. L'Épopée byzantine, III. Paris, 1905, p. 759 sq.; Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 69 сл.

³ В «Хронографии» Пселл ни разу не называет по имени Параспондила, однако сопоставление сообщений Пселла со свидетельствами других источников не оставляет сомнений в том, что имеется в виду Лев.

⁴ По свидетельству Пселла, при Константине Мономахе Параспондил влиянием не пользовался (Chron., II, p. 79).

Жизненный путь первого министра двора, естественно, не мог не пересечься с карьерой первого философа Византии и важного чиновника Михаила Пселла. Свидетельство этому, помимо «Хронографии», — некоторые «малые» сочинения писателя.

Пять писем Пселла непосредственно адресованы Параспондилу⁵. Три письма, а также два небольших произведения других жанров направлены человеку, носящему титул протосинкела⁶. Указание в лемме «протосинкелу» само по себе, конечно, не означает, что произведения были обращены к Параспондилу⁷. Тем не менее такая адресация представляется нам весьма вероятной по ряду внутренних признаков⁸.

Кроме того, вполне возможно, что именно Льва имеет в виду Пселл в небольшом энкомии Феодоре (Scr. min., I, p. 5), где он хвалит некоего блюстителя законов, возвышенного императрицей⁹.

Каким же образом складывались отношения между философом и министром константинопольского двора? Вскоре после смерти Константина Мономаха (январь 1055 г.), т. е. именно тогда, когда Параспондил был неожиданно возвышен Феодорой, принявший монашество Михаил Пселл удалился в монастырь на горе Олимп в Малой Азии. Монастырская жизнь тяготила философа, отношения его с монахами складывались крайне неблагоприятно, и он воспользовался первой возможностью, чтобы покинуть обитель и вернуться в Константинополь. После смерти Феодоры (август 1056 г.) в короткое царствование Михаила Стратиготика Пселл вновь выполняет важные государственные обязанности. Параспондил, помогавший Михаилу прийти к власти, в это время остается первым министром двора. Однако с воцарением Исаака Комнина их роли переменились: Пселл сразу начинает пользоваться доверием нового императора, Параспондил, видимо, попадает в опалу.

Обрисованная ситуация помогает приблизительно распределить во времени некоторые из «малых» сочинений Пселла. Одно из писем (Bibl. gr., V, № 118) — крик отчаяния гибнущего человека. «Смерч бедствий», «фракийская зима несчастий», «губительный град» совершенно измучили

⁵ См. *C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi*, V, 1876 (далее — Bibl. gr.), № 118; *E. Kurtz, F. Drexl. Michaelis Pselli Scripta minora*, I—II. Milano, 1936—1941 (далее — Scr. min.), II, № 72, 87, 185. Некоторые сомнения может вызвать адресация письма: Scr. min., II, № 87. По своему содержанию и характеру оно очень напоминает серию писем, направленных Пселлом патриарху Михаилу Кируларию (Bibl. gr., V, № 56—59, 104, ср. № 159, 160).

⁶ См. письма: Bibl. gr., V, № 7, 8, 9. Протосинкелу адресовано также «Слово о добродетели протосинкела» (*Δόγος χαρακτηρίων τὴν τοῦ πρωτοσύγκελλου ἀρετὴν*. — Scr. min., I, p. 55—59) и «К протосинкелу, попросившему рассказать о чудесах чудотворца Григория» (*Πρὸς τὸν πρωτοσύγκελλον ἀξιῶσαντα ἱστορεῖσθαι τὰ θαύματα τοῦ θαυματουργοῦ Γρηγορίου*. — Scr. min., I, p. 142—144). Последнее сочинение дошло до нас не полностью. Сохранившийся текст представляет собой только вступление к самому повествованию о чудесах — обращение к протосинкелу.

⁷ Н. Скабаланович справедливо указывает, что протосинкелов одновременно было больше одного. Ученый называет четырех известных ему протосинкелов второй половины XI в. (Н. Скабаланович. Византийское государство, стр. 158). У самого Пселла есть монодия, посвященная другому протосинкелу — эфесскому митрополиту Никифору (Scr. min., I, p. 206—240). Протосинкелом был и другой адресат многих сочинений Пселла — Иоанн Мавропод. О синкелах и протосинкелах в Византии см. *Ἀθηνόγγρα*. ⁸ *Ὁ θεῖος τῶν συγγέλλων ἐν τῇ οἰκουμένῃ πατριαρχείῃ*. — ЕЕВЗ, 4, 1927.

⁹ Укажем на некоторые основания. В *Δόγος χαρακτηρίων* Пселл говорит о маленьком росте адресата произведения. (Scr. min., I, p. 59). Вспомним, что Исаак Комнин называет Льва «низкорослым». В письме (Bibl. gr., V, № 8, p. 237) говорится о высоком положении, дружбе императора и многочисленных телохранителях, которые раньше были у протосинкела. Это последнее письмо в рукописи находится рядом с двумя другими (Bibl. gr., V, № 7, 8), также адресованными протосинкелу; естественно, они все были направлены одному лицу. Немаловажным обстоятельством является также следующее: во всех этих произведениях характер адресата рисуется примерно одними красками.

⁹ Ср. П. Безобразов. Византийский государственный и политический деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 56.

и опустошили душу Пселла, превратили его в камень (р. 365). Знакомый с византийской риторикой читатель, конечно, не даст себя обмануть красивым гиперболам.

Экзальтированные дружеские излияния и выспренные жалобы без сомнения имеют практическую цель: Пселл ищет заступничества Параспондила.

К этому (или приблизительно этому) периоду следует отнести и λόγος χαρακτηρίων. Как явствует из его содержания, Параспондил во время написания сочинения находился на вершине власти.

Нам не известно, как отнесся Параспондил к заискиваниям Пселла, хотя некоторый свет на это проливает одно из посланий писателя без указания адресата, следующее в рукописи за письмами ко Льву (Bibl. gr., V, № 10). Загадочная риторика этого письма приобретает смысл только в контексте тех отношений писателя и министра, о которых речь шла выше. «По твоему совету, переданному через Лизика, — пишет Пселл, — я затронул струну, обращаясь к душе протосинкела. . . Как мне кажется, вопрос не неуместен. В отношении того, что я колеблюсь между двумя образами жизни, он (протосинкел. — Я. Л.) дает основание заключить, что ни та, ни другая часть, на которой он остановился в слове, не неприемлема. Я знаю, что, только услышав, он отвернется, ведь таково его обычное начало при всяком слове и деле. Но ты сам, овладев магическим искусством, сведи мне луну и приблизь ее орбиту к сосуду моего письма. . .». Туманные намеки этой части послания, с нашей точки зрения, можно расшифровать следующим образом. По совету анонимного адресата письма Пселл обратился с неким «не неуместным» вопросом к Параспондилу. Сам Пселл ведет двойной образ жизни (он — монах и в то же время вращается при дворе¹⁰), и протосинкел в ответном слове (письме?) не высказал неодобрения по этому поводу. В то же время Пселл не хочет вновь обращаться к нему, поскольку знает, что тот по своему обыкновению, выслушав просьбу, отвернется. Поэтому Пселл хочет, чтобы его корреспондент сам обеспечил ему милость императрицы Феодоры (луна в византийской риторике — обычное метафорическое обозначение императрицы).

Два письма к Параспондилу можно с уверенностью отнести ко времени, когда Пселл вернул себе бывшее могущество, а в опале, напротив, находится протосинкел: «Письмо, которое ты послал святейшему патриарху, — пишет Пселл, — и которое ты попросил собственноручно передать ему, вручено, принято и уже ответ для тебя получен. До зачитания я держал долгую речь о твоей святости, и патриарх выслушал и принял мое свидетельство. Если его мнение зависит от меня, все у тебя будет хорошо и по душе» (Scr. min., II, № 72, p. 104—105).

Ситуация, на этот раз четко выступающая из приведенного послания, получает интересный комментарий в другом письме, помещенном в рукописи перед уже приведенным¹¹. Пселл пишет, обращаясь к патриарху: «Ныне узнал я моего дражайшего господина, великого архиерея и слугу божьего. Теперь узнал я характер твоей истинно божественной души. От строгой справедливости ты поднялся к вершинам человеколюбия. Пришел ко мне бывший властитель (ὁ ποτὲ ἡγεμόνευος), пришел, проливая слезы радости, пришел со словами благодарности, восхваляя и прославляя твою добродетель. Он жестоко порицал себя, а тебя превозносил и представлял совершенно безвинным. . . Благодарю тебя и я за то, что ты не оставил без последствий моей просьбы. . .» (Scr. min., II, № 71, p. 104).

¹⁰ Именно это обстоятельство было в то время причиной нападков на Пселла. См. Chron., II, p. 78.

¹¹ То, что письма в рукописи находятся рядом (Cod. Laurent., fol. 37^v—38^r), — дополнительное и немаловажное свидетельство их взаимосвязи.

Не вызывает сомнений: «бывший властитель» — Лев Параспондил, по просьбе которого Пселл с успехом выполняет миссию посредничества между ним и патриархом.

Пикаптность этой ситуации придает то обстоятельство, что Пселл ходатайствует за Льва перед Михаилом Кируларием — бывшим главным врагом временщика Феодоры¹².

Из другого послания (Bibl. gr., V, № 8) явствует, что его адресат ушел в монастырь («изобилие денег и богатств ты сменил на философию, пристрастие к низшему — на любовь к богу, многочисленную стражу — на жизнь среди ангелов, привязанность и дружбу земного императора — на близость к богу») (р. 237). Перемену в своей судьбе Параспондил, видимо, воспринимает трагически. Во всяком случае, Пселл считает нужным утешить его: обычного человека огорчают перемены судьбы и лишение благ, но «философский муж», каким является адресат, должен переносить их спокойно (р. 234). Увещевания заканчиваются вполне практическим обещанием: «Ныне я утешаю тебя на словах, но я найду удобное время для того, чтобы как можно более искусно рассказать о тебе могущественному нашему императору, чтобы ты получил соответствующую похвалу, а он доставил тебе столько радости, сколько я похвалы» (р. 238).

Пселл заступает за Параспондила не только перед патриархом, но и перед императором (Исааком Комнином?).

Итак, судя по письмам, в отношениях Пселла и Параспондила можно четко выделить два этапа — до и после воцарения Исаака Комнина. На первом Параспондил оказывает покровительство Пселлу, на втором их роли меняются, и уже Пселл протезирует Параспондилу¹³.

Интерес представляют не только фактические детали, но и нравственная сторона взаимоотношений Михаила Пселла и Льва Параспондила. О том, как относился министр к писателю, можно только догадываться по намекам самого Пселла¹⁴. Напротив, свидетельств об отношении Пселла к Параспондилу более чем достаточно. Частично уже приводилась оценка Льва из «Хронографии»¹⁵. Продолжая ее, Пселл сообщает, что искусством красноречия тот владел только в самой малой степени, что мысли свои выражал больше жестом, чем словом, что речь его была грубой и неотчетливой, что окружающим он казался человеком суровым и жестким, и никто без крайней необходимости не обращался к нему (Chron., II, р. 74—75). Пселл недвусмысленно выражает свое отрицательное отношение к характерам такого типа: «Если человек в состоянии сбросить с себя телесную оболочку и дойти до вершин жизни духовной, то что общего может быть у него с делами? . . . пусть он поднимется лучше на высокую гору, пребудет там с ангелами и, озаренный высшим светом, отдалится и отвернется от людей» (Chron., II, р. 75).

Развернутая характеристика Льва содержится и в *Λόγος χαρακτήριζων*. Параспондил представляется там Пселлу человеком «необщительным»

¹² Нельзя исключить и возможности того, что письма эти были написаны много позднее и патриарх здесь — Константин Лихуд или даже Иоанн Ксифилин. По сообщению Атталиата (*Attal.*, р. 71), придя к власти, Константин Дука восстановил в правах многих приближенных Михаила Стратиготика, попавших в опалу при Исааке Комнине. Момент этот был удобен для ходатайства за Льва.

¹³ Среди неопубликованных писем Пселла есть одно, адресованное «монаху протосинкелу» (Vat. gr. 1912, f. 172—173^v). По предположению П. Дарузеса, оно было адресовано хартофилаку Никите (см. *P. Canart. Nouveaux inédits de Michel Psellos.* — REB, 1967, р. 52). В связи с установленным нами фактом ухода Льва в монастырь уместно выдвинуть предположение, не направлено ли было и это письмо Параспондилу.

¹⁴ См., например, Bibl. gr., V, р. 240. Но «были некогда и милетцы храбрецами, когда ты внимал моим словам, как божественным пророчествам, и восхищался моей речью как простой, так и возвышенной».

¹⁵ См. выше, стр. 73.

(ἀκοινώνητος). Он — из числа «твердых душой» (στάσιμοι τὴν ψύχην) политических деятелей. Делами он управляет хорошо, но к изменчивым обстоятельствам не приспосабливается. Отметим особо интересную деталь: Лев «не забавляется мерзкими мифами» (στου γερῶν οὐκ ἐμπταίζεται μύθων; видимо, речь идет о древней поэзии) и не терпит славословий в свой адрес. Напротив, Лев богат внутренним разумом (τὸν ἐνδιάθετον λόγον), хотя и не скоро обнаруживает его перед окружающими. Под этим «внутренним разумом» надо понимать мудрость, приобретенную не в результате чтения и занятий, а озарением свыше¹⁶.

Отношения Льва с богом носят мистический характер. Он общается со Всевышним, не исполняя священные гимны, а возносясь к нему душой. В душе ощущает Параспондил божественную волю (Scr. min., I, p. 57).

Такая же характеристика, с вариациями в деталях, содержится и в иных сочинениях Пселла, которые мы с большой степенью вероятности адресовали Параспондилу. Так, в послании, озаглавленном «Протосинкелу, попросившему рассказать о чудесах чудотворца Григория», Пселл обращается к Льву: «Ты, постигший божественную мудрость, презираешь мудрость низшего порядка и считаешь мои похвалы грубыми, поскольку можешь наслаждаться высшим славословием» (Scr. min., I, p. 143).

Здесь, как и почти во всех письмах, Пселл принимает нарочитую позу человека земного и низменного, который обращается к существу высшему и божественному. «Я — человек настолько земной и грубый (γρώδης καὶ παχύς), — подчеркивает Пселл в одном из посланий, — что болезнь кажется мне болезнью, удар — ударом, рана — раной и все остальное — тем, что оно есть по своему названию и свойствам, поскольку я признаю знаменитое выражение Пиррона, что человек — мера всех вещей» (Bibl. gr., V, p. 232). Напротив, Параспондил для Пселла — образец того уже почти исчезнувшего типа людей, которые преодолели телесную оболочку и живут в мире чистой духовности: «Знай же, дорогой брат, что уже давно иссяк этот род философии и я ни разу не встречал среди своих современников человека, который бы жил по суровой природе ума так, что кажется, будто у него нет тела, ныне же, впервые встретив тебя, я восхищаюсь твоей природой. . .» (Bibl. gr., V, p. 233).

Было бы, однако, излишней поспешностью всерьез принимать все эти возвышенные похвалы. Нередко за ними скрывается плохо замаскированное раздражение и неприятие. Это особенно отчетливо видно из другого письма Пселла (Bibl. gr., V, № 9). Внешне оно носит вполне традиционный характер — это обычное послание с упреками в пренебрежении, жалобами на отсутствие писем и т. д. Но за этой эпистолярной этикетностью — сдержанное раздражение. Видимо, Лев считает, пишет Пселл, что он «находится рядом с богом и, в то время как большинство людей занято делами, он воспарил ввысь и общается с родом высших». Поэтому, продолжает писатель, Лев и отказывается от общения с ним. «Слова мои не проникают в твою душу, — заканчивает Пселл письмо, — не стану докучать тебе, обратись к богу и беседуй с ним. . .» (Bibl. gr., V, № 240)¹⁷.

¹⁶ См., например, противопоставление этих двух видов мудрости в письме Пселла Михаилу Кируларию (Bibl. gr., V, p. 506 sq.).

¹⁷ То же отношение ко Льву — ирония, замаскированная панегирическими фразами, — нашло отражение и в короткой эпиграмме, адресатом которой считал Параспондила еще К. Сафа:

Синкел — приятель, но Слова.

Первый — проедр, но Свода.

Зовите его первосинкелом,

Как неба проедра, как друга Бога (Bibl. gr., IV, p. LXXIV).

Образ Льва Параспондила воспроизведен Пселлом в сочинениях трех различных жанров. Как можно было убедиться, он везде наделен примерно одними и теми же чертами. Различие проступает в акцентах и оценках: внешне восторженной в *Λόγος χαρακτήριζων*, двойственной в письмах и откровенно отрицательной в «Хронографии». Отношения с Параспондидом — эпизод в жизни Пселла, но и в нем нашли отражение особенности мироощущения византийского писателя. Восхищение Пселла «святостью» Льва — скорее всего, дань общеобязательным идеалам, нежели искреннее чувство.

На самом деле современник Феодоры не вызывает симпатий Пселла. Стремление к преодолению всего телесного и земного, несовместимое с государственной деятельностью, заставляет Параспондила пренебрегать светской образованностью и древней литературой, оставаться человеком необщительным и суровым с окружающими. Люди такого типа вызывают постоянное и неперемennое осуждение Пселла¹⁸. Михаил Пселл и Лев Параспондил — люди, находившиеся на разных полюсах интеллектуально-правственной жизни Византии середины XI в.

Нельзя обойти молчанием и другое обстоятельство, касающееся уже чисто человеческих свойств Пселла. «Истинный византиец», «придворный интриган», Пселл в истории с Параспондидом явно не оправдывает всех тех презрительных эпитетов, которыми его щедро наградили ученые XIX—XX вв. Пселл заступает за Параспондила перед враждебными к нему императором и патриархом даже тогда, когда Лев перестал пользоваться всяким влиянием и попал в опалу.

2. МИХАИЛ ПСЕЛЛ И ДУКИ

Связи Пселла с домом Дук длились более двух десятилетий. Помимо императоров Константина X и Михаила VII, Пселл был близко знаком или состоял в переписке с братом Константина кесарем Иоанном, женой последнего Ириной, сыном Андроником, братьями Михаила VII и т. д. В период тесного общения с Дуками деятельность Пселла как ученого, писателя и политического деятеля достигает апогея. Его мысли и чувства не могли не найти отражения в письмах к Дукам и в произведениях, им посвященных.

Еще при Константине IX Мономахе Пселл находился в дружбе с будущим императором Константином X, восхищавшимся красноречием писателя (Chron., II, p. 141 sq.)¹⁹. Не случайно поэтому Пселл играет одну из первых ролей в интриге, в результате которой Константин Дука получает власть из рук умирающего Исаака Комнина²⁰.

О своем положении при дворе получившего скипетр Константина X Пселл говорит в захлеб; император необыкновенно любит писателя (Chron., II, p. 135, 143—144, 155), возвышает его над всеми придворными (Chron., II, p. 139). Пселл ободряет, утешает императора, разделяет

¹⁸ Характер изображения Параспондила и, особенно, сознательно занятая Пселлом позиция в отношении этого человека (внешнее восхищение при внутреннем неприятии) чрезвычайно напоминают обрисовку другого героя писем и иных сочинений писателя — знаменитого патриарха Михаила Кирулария. См. Я. Любарский. Михаил Пселл и Михаил Кируларий. — «Klio», 54, 1972.

¹⁹ Пселл сообщает, что расхваливал Дука перед императором Константином IX и выпрашивал для него милости. Факты эти подвергает безосновательному сомнению П. Иоанну (P. Joannou. Psellos et le Monastère Tz Narpool. — BZ, 44, 1951, S. 286). Однако его ссылка на Скилицу и Атталиату (ibid., S. 286, Ann. 8) не имеет отношения к делу.

²⁰ Подробнее об этом см.: Н. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 89.

с ним опасности и ставит себе в особую заслугу то, что «привел ему патриарха»²¹.

С неменьшей патетикой рассказывает Пселл и о горячей любви к нему его воспитанника Михаила VII (Chron., II, p. 176—177). Утверждение писателя поддерживается словами Анны Комниной, согласно которой Михаил Дука и его братья, хотя и любили Иоанна Итала, тем не менее отдавали предпочтение Пселлу. Ипат философ со своим учеником Италом устраивал ученые диспуты перед просвещенными монархами (Alex., V, 8). Видимо, при дворе Михаила Пселл играл роль секретаря и приближенного философа²². При Михаиле Пселл находился, во всяком случае, до 1075 г. О дальнейшей судьбе писателя сведений не сохранилось^{23—24}.

Итак, несмотря на периоды временного охлаждения, Пселл находился в фаворе как у Константина, так и у Михаила Дук.

Как воспринимал Пселл этих императоров и их политику?

Выявление истинного отношения писателя в данном случае могло бы показаться безнадежным занятием, поскольку «Хронография» создавалась во время правления Михаила, и портреты царственных отца и сына должны были закономерно превратиться в панегирические стандарты. Так это и произошло в действительности, однако энциклопедическое клише здесь, как и нередко, составляет только контуры изображения, на которые наносятся краски и тона в соответствии с реальными свойствами натуры и авторского к ней отношения.

При всех оттенках и небольших различиях образы Константина и Михаила в «Хронографии» представляют собой разновидности одного

²¹ Chron., II, p. 144. Пселл имеет в виду свое предложение избрать патриархом вместо умершего в 1063 г. Лихуда Иоанна Ксифилина (ср. Bibl. gr., IV, p. 447). Отказывается доверять этим сообщениям Пселла П. Иоанну (P. Joannou. Op. cit., S. 286). Писатель, по его мнению, обманулся в своих ожиданиях, ибо Константин Лихуд якобы возбудил против него процесс в связи с тем, что Пселл-монах ведет светский образ жизни. В результате он должен был отправиться в монастырь, из которого освободился только после смерти Лихуда. Ограничиваясь простыми ссылками, Иоанну никак не интерпретирует часто весьма туманный текст сочинений Пселла. Из сообщений Пселла, на которые опирается ученый, следует только, что в какой-то период Лихуду поступали наветы на писателя (Scr. min., II, p. 295), что он исполняет роль заступника за обитель Tē Napaō (Scr. min., II, p. 150), что жизнь среди необразованных монахов ему претит (Bibl. gr., V, p. 373) и т. д. Произведения, откуда извлечены эти сведения, лишены хронологических указаний и пока не могут быть привязаны к какому-то определенному времени. У нас нет также оснований, вслед за П. Безобразовым (П. Безобразов. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М., 1890, стр. 100 сл.) считать, что у Пселла был серьезный конфликт с императором. Письма к кесарю Иоанну, на которые ссылается ученый, действительно содержат жалобы на охлаждение к писателю Константина. Однако читатель, знакомый с византийской риторикой и эпистолографическим канонам, легко может себе представить, что основанием для этих жалоб был какой-нибудь и вовсе малозначительный случай. Что касается писем к некоему Псифе, где выражается желание бежать из города (Bibl. gr., V, p. 490—493), то они не поддаются датировке и потому не могут быть доказательными. Тем более нет данных, как это делается в «Истории Византии», утверждать, что «к концу царствования Константина Пселл был отстранен от управления государством и потерял расположение василевса...» («История Византии», т. II. М., 1967, стр. 282).

²² Большинство современных биографов Пселла полагают, что вскоре после воцарения Михаила философ попал в опалу, и говорят даже о «неблагодарности» императора, «несбывшихся надеждах» Пселла и т. д. (см. B. Rhodius. Beiträge. . ., S. 10; Ch. Zervos. Un philosophe néoplatonicien du XIe siècle Michel Psellos. Paris, 1920, p. 74; E. Renauld. Psellos. Chronographie, p. XVI и др.). Основанием для таких утверждений являются сообщения источников о возвышении Никифорицы, отстранившего прочих фаворитов Михаила (Attal., p. 182; Zon., III, p. 708). Однако источники говорят лишь о том, что Никифорица сменил у кормила государства возвышенного ранее митрополита Иоанна Сидского и отселил кесаря Иоанна Дуку. Видимо, Пселл с самого начала нового царствования не играл активной политической роли (первым министром был митрополит сидский!), а удовлетворялся функциями ученого наставника и советника.

^{23—24} Вопрос о дальнейшей судьбе Пселла и о дате его смерти — спорный. См. Я. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение. — ВВ, 30, 1969, стр. 75, прим. ¹².

типа. Прежде всего, и тот и другой — преданы наукам. Константин, сам будучи не слишком большим знатоком философии и риторики, мало чем отличался от философов и раторов (II, р. 139) и был страстным любителем наук. Михаил же не только читал книги по всем наукам и познакомился со всеми видами «мудрости», но и сам пробовал свои силы в литературном творчестве (II, р. 174 sq.). Оба императора благочестивы и скромны. Благочестием Константин превосходил всех прочих императоров (II, р. 140). Еще до восшествия на престол он предпочитал замкнутую жизнь и презрительно относился к блестящим должностям (II, р. 135), стремился к божественному знанию (II, р. 150). Михаил краснел от всякого нескромного слова (II, р. 174) и даже внешне был похож на пожилого наставника или педагога (II, р. 175). Как отец, так и сын в избытке обладают традиционной царской *φιλανθρωπία*, они чрезвычайно милостивы и благорасположены к подданным (II, р. 140, 175), беспредельно любят своих родственников и близких (II, р. 147—148, 177). Их правление — образец умеренности и справедливости.

Этот портрет Константина и Михаила нельзя рассматривать только как проявление рядового византийского сервиллизма. В характеристиках императоров обнаруживается тот идеал василевса, который вынашивал Пселл и, видимо, какая-то часть константинопольской интеллигенции того времени. Император излишне активный (особенно в области внешней политики) вызывает осторожное недоверие, а то и прямую враждебность писателя. Исаак Комнин — отношение Пселла к нему очень почтительное, хотя и с долей иронии²⁵ — испортил все свои благие начинания излишней поспешностью и нетерпением. Роман Диоген совершал походы на турок из-за «спеси», и его наглость с каждым разом увеличивалась. Напротив, император — покровитель наук, знающий чувство меры, скромный, добрый и милостивый к подданным (мы отвлекаемся от вопроса, насколько соответствовали эти характеристики реальным качествам прототипов), восхищает Пселла²⁶.

Можно утверждать и большее: Пселл не только восторгался этими — реальными или мнимыми — свойствами Константина и Михаила, но и старался, особенно во втором случае, активно участвовать в их формировании.

Несколько сочинений Пселла обращены к императорам Дукам или написаны от их имени. Бедные фактическими деталями, они представляют минимальную ценность в качестве исторического источника, но тон и общая направленность некоторых из них характерны для идейной позиции автора²⁷. Особенно относится это к сочинениям, обращенным к Михаилу. Наставник молодого Дуки, Пселл лепит его образ в соответствии со своими представлениями об идеальном императоре.

²⁵ См. нашу статью: «Исторический герой в «Хронографии» Михаила Пселла». — ВВ, 33, 1972, стр. 101 сл.

²⁶ Большинство этих черт сочувственно подчеркиваются Пселлом в портретах других «положительных» императоров. См. там же.

²⁷ Некоторые из этих сочинений адресованы в рукописи «императору Дуке». Встает вопрос, какому из двух Дук — Константину или Михаилу — были они направлены. Из числа этих спорных произведений к Константину, по нашему мнению, следует отнести: а) письмо *Scr. min.*, II, № 29. Основание: Пселл обращается к адресату со следующими словами: «Ты противостояшь арабам, воюешь с персидским воинством, обуздываешь дерзость варваров, затем обращаешься на Запад или, скорее, в одно и то же время переплываешь Евфрат и мужественно проплываешь Истр» (р. 42). Если отвлечься от риторических гипербол, речь идет, видимо, о ситуации 1064/65 г., когда империя подверглась почти одновременному натиску сельджуков и перешедших Дунай узов. Наступление последних было остановлено неожиданно разразившейся эпидемией; б) речь *Scr. min.*, I, р. 38—41. Основание: в речи говорится об избавлении от варварских полчищ на западе, погубленных «невидимыми небесными стрелами». Скорее всего, это намек на неожиданную гибель узов от эпидемии (см. выше). Интересно, что в речи в том же контексте, что и в «Хронографии», император сравнивается

Несколько крупных ученых сочинений, адресованных Михаилу, представляют собой настоящие «императорские университеты» — свод знаний, необходимых правителю в области теологии, натурфилософии, географии, духовного и светского законодательства и т. д. Впечатляют прежде всего объем и энциклопедичность сведений, которые обрушивает философ на голову молодого императора²⁸. Пселл преподносит Михаилу тот синтез христианской и античной образованности, к которому стремился всю жизнь²⁹. Нельзя, однако, не видеть, что Пселл формирует из Михаила государя по преимуществу христианского. Страстный защитник и толкователь Платона, Аристотеля и других древних мыслителей, он составляет для ученика толкования на псалмы (Scr. min., I, p. 372—388, 411—414). Знаменательно при этом, что философ, оставаясь верным себе, указывает царственному ученику не только на духовные, но и на эстетические ценности псалмов, как бы уравнивая в этом отношении христианскую и античную литературы³⁰. В том же толковании на псалмы Пселл делает любопытный выпад против тех, кто «превозносит эллинскую мудрость» и пренебрегает христианской (Scr. min., I, p. 373). Пафос прежнего, молодого Пселла был направлен в противоположную сторону — он защищал светскую (в его представлении — античную) образованность от христианского обскурантизма³¹. Причину такой «перемены фронта», вероятно, нужно видеть в «воспитательных» соображениях философа. Возможно также, этот выпад имеет и вполне конкретное адресата. На эти годы приходится уже расцвет деятельности Итала, позже осужденного за следование «эллинским учениям». По сообщению Анны Компиной, Пселл выступал с ним в диспутах перед императорскими особами³². Появление радикального оппонента, как это обычно бывает, должно было по «принципу отталкивания» привести Пселла к более консервативной позиции.

с Моисеем (Chron., II, p. 149). Кроме того, в этом произведении говорится о детях (во множественном числе) императора. У Константина было семеро детей, у Михаила только один сын.

К Михаилу, видимо, следует отнести: а) письмо Bibl. gr., V, № 104. Основание: посылая в дар императору рыб, Пселл пишет: «Пусть ест их лев, вместе с ним львенок и к тому же лвыща». Обращаясь к многодетному Константину, Пселл должен был бы писать о «лвыятах». П. Иоанну без объяснений атрибуирует это письмо Константину (P. Joannou. Op. cit., S. 288, Anm. 3); б) одну из речей, не имеющую в рукописи никакого заглавия (Scr. min., I, p. 33—37). Д. Полемис ошибочно атрибуировал ее Константину (D. Polemis. The Doukai. London, 1968, p. 33). Основание: в речи, обращенной к императору, несколько раз отмечается молодость адресата. Ни один из императоров — современников Пселла, кроме Михаила VII, не вступал на престол в юные годы. Юность Михаила подчеркивается и в других случаях (Scr. min., I, p. 351). Ряд произведений интуитивно относятся издателями и исследователями то к Константину, то к Михаилу. Мы не считаем возможным опираться на них.

²⁸ Эти сочинения в большинстве своем опубликованы в PG, t. 122, некоторые остаются пока в рукописи. Список произведений, связанных с именем Михаила, см. D. Polemis. The Doukai, p. 44. Полемис упустил только Oblatio pomosanonis. — PG, t. 122, col. 919 sq.

²⁹ См., например, заключительное рассуждение Διδασκαλία παντοδαπή — самого значительного из «наставительных» сочинений Пселла, обращенных к Михаилу (Michael Psellus. De omnifaria doctrina. Utrecht, 1948, p. 99).

³⁰ Пселл считает необходимым познать в псалмах «их гармонию и прелесть» (τὰς ἀρμονίας . . . τὰς χάριτας. — Scr. min. I, p. 372). Процесс эстетизации христианства вообще характерен для XI в. Практически он проявился, например, в творчестве Христофора Митиленского, для которого античные и христианские образы совершенно на равных правах становятся предметом эстетического любования. Теоретически его выразил Пселл, который, к примеру, защищал преимущество христианских философов по сравнению с образцовыми античными риториками. См. начало сочинения «О стиле Григория Богослова, Василия Великого Хрисостома и Григория Нисского» (De orat. daem., p. 124 sq.).

³¹ По этому поводу Пселл делает целый ряд полемических замечаний в других своих сочинениях. См. Я. Любарский. Михаил Пселл. Личность и мировоззрение.

³² См. выше, стр. 79.

Характерны и те этические принципы, в которых Пселл старается утвердить Михаила. В речах, обращенных к молодому императору, как, впрочем, и в «Хронографии», о чем шла речь выше, Пселл подчеркивает христианские добродетели своего воспитанника: человеколюбие (*φιλανθρωπία*), кротость (*πραότης*), скромность (*σωφροσύνη*), справедливость (*δικαιοσύνη*) и т. п.³³ Все эти свойства, без сомнения, входят в традиционный набор императорских *ἀρεταί*, однако в других случаях у Пселла они — равноправные детали в мозаике из добродетелей, составляющих облик превозносимого василевса³⁴. В изображении Михаила они — главные и доминирующие качества. В речи, составленной от имени молодого Дуки по случаю начала поста и явно отражающей представления самого Пселла о принципах идеального правления, говорится об «отеческом благоволении» Михаила к подданным. Другие императоры, чтобы сохранить собственное достоинство, говорят свысока (*ἐξ ὑψηλοτέρου φρονήματος*), юный Михаил, напротив, готов считать своих — старших по возрасту слушателей — отцами. Он не собирается управлять единодержавно, а рассчитывает на помощь и совет приближенных, обещает им безграничные милости и т. д. (Scr. min., I, p. 351—355).

Наиболее концентрированным выражением взглядов Пселла на принципы царствования Михаила является та сохранившаяся без заглавия речь, которую мы с весьма большой долей вероятности отнесли к молодому Дуке³⁵.

В заслугу императору прежде всего ставится его отношение к наукам и ученым (*λόγοι καὶ λογίσι*). Прежде они находились в пренебрежении, и ворота дворца были широко открыты лишь для податей, ныне же сама мудрость, воплотившаяся в императоре, призывает к себе своих питомцев, и отовсюду стекаются хороводы мудрецов. Далее Дука восхваляется за «ангельскую» жизнь, остроту ума, милостивое отношение к подданным и, главное, кротость (*πραότης*). С особым сочувствием подчеркивается отвращение императора к войне: «Я уже не говорю о том безумии, которое называют „делами Арея“, ибо ты не скор на убийство и не находишь удовольствия в потоках крови».

Знаменательно в этом отношении и другое письмо (Scr. min., II, № 188), которое с одинаковыми основаниями могло бы быть адресовано как Константину, так и Михаилу Дуке. Император просил философа растолковать ему смысл изображения и надписи на «камне». Пселл объясняет изображение как сцену Одиссея у Кирки, расшифровывает надпись и со свойственной византийцам склонностью к аллегориям выводит неожиданную мораль: «Ты же будь более склонным к миру, чем к войне» (*σὺ δὲ μοι εἰς εἰρηνικώτερος μᾶλλον ἢ μαχικώτερος*) (p. 209). В последнем случае — прямое побуждение, «подталкивание» императора к мирной политике.

В отношениях Пселла с отцом и сыном Дуками как будто встречается та редкая в истории ситуация, когда извечная проблема «поэта и царя» находит положительное решение: писатель не только принят и признан при дворе, но его идеальные представления, по-видимому, получают воплощение в политике и самом облике ученых и «милостивых» императоров.

Однако на деле альянс писатель — василевсы был далек от той идиллии, которая царит в сочинениях Пселла. Атмосфера 60-х и особенно

³³ Характерно в этом отношении письмо: Scr. min., I, p. 42—44. В письме выражается радость по поводу того, что император, поверивший было клеветникам, вновь милостиво относится к Пселлу, и содержится также интересный намек на какой-то мятеж, который подняли против императора «отпрыски негодяев». Михаил одолевает врагов, заверяет автор, поскольку за него «закованные в железо и вооруженные катафракты» (p. 43—44). На что намекает писатель, неясно.

³⁴ Ср., например, изображение Константина Мономаха в посвященных ему энкамих: Bibl. gr., V, p. 106 sq.; 117 sq. Scr. min., I, p. 6 sq., 12 sq.

³⁵ См. выше, прим. 27.

70-х годов — атмосфера кануна краха. «Варварское» кольцо все туже стягивается вокруг империи, уже не способной оказать сопротивление.

В этой ситуации пселловский идеал монарха имел мало шансов стать популярным. Скорее наоборот. Источники по истории того времени недоброжелательны к методам управления Константина и решительно осуждают Михаила. Суть обвинений сводится к слабости, бездеятельности императоров, их пристрастиям к судебным разбирательствам и софистическим упражнениям, скупости и пренебрежению к военному делу³⁶. Атталиат, как и последующие историки XII в., прямо противореча Пселлу, противопоставляет Константину и Михаилу «сильных» василевсов — Исаака Комнина, Романа Диогена, позже Вотаниата, способных вывести из тупика государство³⁷. Говоря о Константине, Атталиат не столько нападает на самого царя, сколько на его дурных советников. Можно даже предположить, что в одном случае речь прямо идет о Пселле или близких к нему людях. Константин, пишет историк, хвалили за благочестие, благотворительность, незлобивость и т. п., но порицали за то, что он оказывал благодеяния «тому, кто и так имел их, и тем немногим, кто льнул к нему или пахотился у него в милости». И немного далее: в дурных делах винили не природу императора, а испорченность некоторых людей и суетливые увещания (*ὁποῦθ' ὁρᾷς δὲ τινῶν καὶ παραινέσεως φιλοπράγμωνος*) (Attal., p. 76 sq.).

Если Атталиат не называет Пселла по имени, то другой историк того времени, Продолжатель Скилицы, делает это, не задумываясь: Михаил, пишет анонимный автор, занимался игрушками и детскими забавами, поскольку ипат философв Константин Пселл сделал его негодным и неспособным ни к какому делу» (Cedr., II, p. 706). В другом случае тот же автор пишет: «В то время, как на императорском троне нужен был человек распорядительный и мужественный, Михаил предавался пустым и бесполезным литературным забавам, непрерывно сочинял ямбы и анапесты, хотя ни капли не владел искусством, и погубил порядок, обманутый и завлеченный ипатом философов» (Cedr., II, p. 725).

В обоих отрывках речь идет об одном и том же — ученых занятиях Пселла со своим воспитанником. То, что составляло предмет наибольшей гордости писателя, резко осуждается его современником³⁸. Обе цитаты находятся в тех частях сочинения Продолжателя Скилицы, которые представляют собой близкий к тексту пересказ Атталиата и буквально «втиснуты» между фразами последнего. Они явно принадлежат самому анонимному историку, который и в других местах снабжает заимствованные

³⁶ Особенно категоричен, главным образом в отношении Михаила, Атталиат (Attal., p. 76—77, 182, 184, 187, 208, 211, 212). Продолжатель Скилицы, пересказывающий Атталиата, а вслед за ним и Зонара в большинстве случаев воспроизводят эти обвинения. К той же традиции примыкают Манасси (*C. Manassis breviarium historiae metricum*, гес. I. Bekkerus. Bonn, 1837, 6620 sq.) и Скутариот (Bibl. gr., VII, p. 169).

³⁷ В научной литературе обычно говорится о двух группировках, ожесточенно боровшихся в то время за власть, противоположные интересы которых выразили с одной стороны Пселл, с другой — Атталиат. Н. Скабалазович (Указ. соч., стр. 94) называет их «патриотами» и «антипатриотами». Г. Острогорский говорит о столичной чиновной знати и военной аристократии (*G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1952, S. 271*), нередко отождествляемой с провинциальной знатью («История Византии», т. II, стр. 282). Это справедливо только в самом общем виде. На деле ситуация, видимо, была много сложнее. Достаточно сказать, что сами Дуки были выходцами из провинциальной знати, а Константин даже участвовал в восстании Исаака Комнина. Что касается «антипатриота» Пселла, то сам он себя несколько раз называет «ромейским патриотом» (*φιλορωμαίος*), считает необходимым, чтобы императоры, наряду с синклитиками и народом, заботились о воинском сословии (Chron., II, p. 83), и даже Константин упрекнул в пренебрежении к военному делу (Chron., II, p. 146).

³⁸ Согласно предположению Г. Г. Литаврина, отрицательное отношение к Пселлу и его роли при дворе Михаила VII высказал и другой автор того времени — Кекавмен («Советы и рассказы Кекавмена». М., 1972, стр. 71).

сообщения собственным комментарием ³⁹. Видимо, неизвестный нам историк (если это только не сам Скилица) принадлежал к числу ярых врагов Пселла.

Эта антипселловская линия продолжается и в историографии XII в. Умный и трезвый Зонара, безжалостно сокращая в своем повествовании Продолжателя Скилицы, тем не менее считает нужным оставить оба выпада против Пселла (Zon., III, p. 708, 714). Более того, первая инвектива значительно расширяется им. Много подробней Продолжателя Скилицы повествует Зонара о предметах занятий Пселла со своим учеником, упоминая литературу, риторику, грамматику, философию, историю (практически он перечисляет почти весь круг интересов императорского наставника), и прибавляет, что Михаил ко всему этому способностей не имел, а на остальное и вовсе не обращал внимания.

В глазах по крайней мере двух писателей той эпохи отношения Пселла с царственными Дуками, и главным образом Михаилом, приобретали трагически-фарсовый оттенок. В какой-то степени они и были такими: ученый «пир» Пселла с императорами явно приходился на время «чумы».

Особые отношения связывали Пселла с братом Константина X кесарем Иоанном. На протяжении двух десятилетий (от начала царствования Константина до воцарения Алексея Комнина) Иоанн играл самую активную роль в политических событиях и дворцовых интригах, его имя постоянно мелькает в источниках по истории того времени. Внимание, которое уделяли этому деятелю новые исследователи ⁴⁰, избавляет нас от необходимости восстанавливать жизненный путь и карьеру Иоанна ⁴¹.

Фигура кесаря неоднократно появляется на страницах «Хронографии» ⁴², а в конце этого сочинения содержится его развернутая характеристика (Chron., II, p. 180—182). Как и всегда, имея дело с византийскими панегириками, следует обратить внимание на акценты и осторожно отделить энкомиастическое клише от деталей, отражающих действительные черты описываемого лица или индивидуальное отношение к нему автора. В полном соответствии с риторическим стандартом кесарь изображен как человек, украшенный разумом и величием духа; он искусен в делах, обладает прекрасным нравом и душевными добродетелями, острый ум сочетается в нем с кротостью и незлобностью. В военном искусстве он превзошел прославленных древних кесарей, серьезные занятия сочетал с развлечениями и во всем умел соблюдать меру. Последнее, впрочем, не относится к охоте, которой Иоанн увлекался без удержу. На досуге, помимо охоты, кесарь занимался чтением книг. «Во всем он превосходил всех», — заканчивает свою характеристику Пселл.

³⁹ См. E. Tsolakis. 'Η συνέχεια τῆς χρονογραφίας τοῦ Ἰωάννου Σκυλίτζη (Ioannes Skylitzes continuatus). Θεσσαλονίκη, 1968, σελ. 84—87.

⁴⁰ См. G. Koiliak. 'Ο καίσαρ Ἰωάννης Δούκας ἀντιγραφὸς τοῦ Cod. Par. 2009. — ΕΕΒΣ, 14, 1938; B. Leib. Jean Doukas. — AB, 68, 1950; D. Polemis. The Doukai, p. 34—41.

⁴¹ Напомним только основные этапы жизни кесаря. Иоанн получил достоинство кесаря после воцарения брата. О его деятельности при Константине почти ничего неизвестно. Роман Диоген отнесся к Иоанну с подозрением и выслал его из Константинополя. Вызванный в столицу после поражения 1071 г. при Манцикерте, кесарь развивает бурную политическую деятельность, стремясь возвести на престол племянника Михаила. После его воцарения Иоанн, однако, был вытеснен новым фаворитом Никифорицей и вынужден вновь оставить Константинополь. В 1073 г. он вместе с сыном Андроником участвует в походе против Руселя, попадает в плен, и Русель провозглашает его императором. Выкупленный из плена Михаилом, Иоанн принимает постриг. В 1081 г. кесарь примыкает к восстанию Алексея Комнина. После этого его имя исчезает со страниц исторических источников. По своим политическим симпатиям кесарь был близок к Пселлу и неоднократно оказывался с ним в одном лагере (они оба стремились возвести на престол Михаила VII, оба находились в оппозиции к Роману Диогену и т. д.).

⁴² Chron., II, p. 150—151, 156—157, 160—161, 163—164.

Интересно, что Пселл ни словом не упоминает о благочестии Иоанна, почти неизменном свойстве хвалимых лиц. *Argumentum ex silentio* имеет значение для писателя, пользующегося энциклопедическим клише и, как «из наборной кассы», примеривающего к своему герою стандартные свойства. Вместо этого подчеркивается другое и не совсем обычное: соединение серьезных занятий с развлечениями и любовь к чтению. В связи с последним интересно другое замечание писателя: кесарь изучил военную науку не «сам по себе», не «по случаю», а узнал ее из тактиконов Элиана и Аполлодора (видимо, теоретическое знание военного дела встречалось не так уж часто).

В целом Пселл рисует образ энергичного и умного политика и военного, человека образованного и, несомненно, светского по образу жизни и мысли. Таким, видимо, и был кесарь Иоанн Дука, судя по характеристикам других источников.

Самое число (более 20) сохранившихся писем Пселла к Иоанну — свидетельство интенсивности отношений между этими людьми. Датировке послания Пселла почти не поддаются, однако в ряде писем упоминается царственный брат кесаря (Константин)⁴³, что позволяет отнести их к периоду между 1059 и 1067 гг. Одно из писем, скорее всего, написано в правление Евдокии или Романа Диогена⁴⁴⁻⁴⁵. Михаила VII — племянника Иоанна — Пселл не упоминает вовсе, и можно предположить, что в период его правления эпистолярной связи между писателем и вельможей не было. Это вполне понятно, поскольку кесарь в то время находился под подозрением и даже выступал одно время в роли узурпатора. В письмах к Иоанну Дуке не только не содержится хронологических указаний, но и нет почти никаких фактических сведений. Тем не менее они — интереснейшая часть эпистолографического наследия писателя.

За редким исключением письма к Иоанну писались без определенного повода и несли минимальную информационную нагрузку. Дука, согласно Пселлу, ненасытно жаждет все новых и новых посланий от писателя, который не без кокетства «изнемогает» от просьб корреспондента, но все же готов до бесконечности улаживать его слух (*De oper. daem.*, р. 180—184). В свою очередь похвалы кесаря вдохновляют и приводят в восторг тщеславного ритор (*De oper. daem.*, р. 175—176). Во всем этом немало от эпистолярного этикета, тем не менее даже этикетные формулы небезразличны к содержанию и могут, как правило, применяться только в соответствующих случаях.

Кесарь не просто испытывает самолюбивую гордость, будучи партнером в эпистолярно-риторической игре с знаменитым писателем, но и осознает литературную ценность посланий прославленного корреспондента. Во всяком случае — весьма немаловажный факт, — он коллекционирует и составляет книги из писем Пселла (*De oper. daem.*, р. 176; *Scr. min.*, II, р. 303)⁴⁶.

Каждый из корреспондентов придерживается весьма высокого мнения об учености своего партнера, хотя в этом отношении их положение неравноправно, поскольку Пселл играет роль мэтра, не устающего побуждать Иоанна к научным занятиям — Иоанна, который, увлеченный охотой, иногда забывает о книгах⁴⁷.

⁴³ *Bibl. gr.*, V, № 151, 152; *De oper. daem.*, р. 171 sq., 184, 188.

⁴⁴⁻⁴⁵ *Bibl. gr.*, V, № 156. Письмо написано в период отставки кесаря, жившего, видимо, в своем имении (р. 409). Утешая Иоанна, Пселл говорит главным образом об императрице, которая сочувственно выслушивает добрые слова о кесаре. Император тоже упоминается в этой связи, но на втором месте и без обычного — если речь идет о Константине — прибавления «твой брат» (р. 408).

⁴⁶ Свидетельство это интересно и в другом отношении. Оно показывает, как формировались в Византии эпистолографические сборники. Наверное, Иоанну Дуке мы и обязаны тем, что до нас дошло такое количество писем к нему Пселла.

⁴⁷ *Bibl. gr.*, V, № 71, 156; *Scr. min.*, II, № 186.

Тем не менее письма к кесарю значительно отличаются от посланий к другим ученым друзьям Пселла (Мавроподу, Ксифилину и др.). Прежде всего, корреспондентов интересует не столько сама ученость, эллинская или христианская, сколько ее эстетическая сторона, ее риторическое оформление. «Твоя страсть к слову», — пишет он Иоанну, — признак твоей благородной души. Достоянна одобрения всякая душа, любящая прекрасное (*φιλόκαλον ψυχήν*), я имею в виду не только красоту духовную (*νοητὸν κάλλους*), но и прелесть цветов, совершенного искусства, жемчуга, сапфира и гиацинта (*Scr. min.*, II, p. 276—277). «Природа твоей души исполнена ума и харит», — замечает писатель в другом случае (*Scr. min.*, II, p. 282)⁴⁸.

В посланиях Пселла Иоанна интересуют прежде всего их красота и стилистические достоинства⁴⁹, и письма во многих случаях превращаются в эстетическую самоцель и уже почти полностью теряют всякие информационные функции.

Бездушные риторические безделушки, однако, парадоксальным образом соседствуют с письмами совершенно иного, достаточно необычного для византийской эпистолографии типа. Как правило, личность византийского эпистолографа раскрывается с большим трудом, его чувства проявляются в стандартизированной и гиперболизированной формах невыносимого страдания, сверхчеловеческой, граничащей с эротическим нетерпением любви к адресату и т. д. В письмах же к Дуке неоднократно появляется интимная интонация. В одном случае Пселл описывает роды дочери. Кто-то сообщил ему, что роды тяжелые, и вот любящий отец ходит вокруг комнаты, где лежит роженица, прислушиваясь к ее крикам. Лишь появление ребенка приносит ему облегчение (*Bibl. gr.*, V, p. 307—308). Рассказано все это тоже по достаточно интимному поводу: Пселлу сообщили, что Дука рыдал во время родов своей невестки. Иногда такого рода интонация прорывается и во вполне традиционных письмах. В благодарственном послании в связи с присылкой кесарем трюфелей Пселл замечает: «Я очень сокрушаюсь о дочери, лишь от твоих даров она воспряла к жизни» (*Scr. min.*, II, p. 282). Или в другом случае Пселл, теперь уже сам посылая Дуке плоды, пишет: «Если не хочешь есть, отдай их двум младенцам (внукам кесаря) — они будут играть яблоками и грушами, а ты смотреть на них и смеяться» (*Scr. min.*, II, p. 306—307). Иоанн представляется здесь своему корреспонденту не храбрым военачальником, не мудрым книжником и даже не страстным охотником, а умиленным дедом.

Этот доверительно-дружеский тон в ряде случаев оказывается в состоянии растопить риторический лед византийской эпистолографии. Стиль отношений между корреспондентами можно было бы условно назвать дружбой эпикурейско-горациевского типа. И тот и другой уже не молоды и умудрены опытом, писатель рекомендует вельможе не принимать близко к сердцу жизненные тревобления⁵⁰. В одном из уже цитированных нами писем Пселл слегка журит Дуку за то, что тот, оставив ученые занятия, целиком отдался охоте.

Впрочем, писатель понимает, что Иоанну невозможно отказаться от любимого удовольствия. Да и сам он, преданный книгам философ, если бы кто-нибудь оторвал его от «милой ему академии», с удовольствием присоединился бы к кесарю. «Ты ведешь пыле милый тебе образ жизни, который издавна привлекал тебя. Помнится, ты нередко говорил, что

⁴⁸ Ср. *De oper. daem.*, p. 184—185: Пселл хвалит Иоанна за «любовь к слову, страсть к знаниям, желание воспринимать мудрые речи и умение восхищаться красотой сочинений и прелестью писем».

⁴⁹ См., например, *De oper. daem.*, p. 176 sq.

⁵⁰ «Если ветер тревожит твою душу, не удивляйся. Жизнь наша состоит из взлетов и падений» (*De oper. daem.*, p. 173).

с радостью променял бы всю власть и высокое положение на жизнь без печали и забот. И вот у тебя есть то, к чему ты стремишься. Живи же так до конца! Сколько нам еще осталось прожить? Мы с тобой сверстники, и у тебя и у меня проглядывает седина, хотя и не совсем еще белая. Но пощадит нас коса смерти, а раз завтра предстоит умереть, мирно наслаждайся нынешним днем» (Bibl. gr., V, № 156) ⁵¹.

Этот «эпикурейско-горациевский» тон подчас далеко уводит Пселла как от эпистолографического стандарта, так и от этических и эстетических норм византийской жизни. «Теперь же давай и пошутим, — заканчивает Пселл одно из писем, — забудем о приличии и монашеской жизни. И я нечто подобное испытал в молодости, и меня пленяли косые глазки и отнюдь не белоснежная кожа. Их обладательницу я полюбил больше, чем иных „прекрасноликих“ и „розовоперстых“. Узнаешь страсть? Видишь свой лик в моем зеркале? Ведь ты, как и я, сотворен из праха».

В этом последнем полушутливом, полулирическом отступлении (возможно, Пселл вспоминает какое-то увлечение молодости) проглядывает то мироощущение, которое много позже будет свойственно поэтам европейского Ренессанса. Разрушаются представления о красоте как соответствии определенным канонам, и на первый план выдвигается индивидуальное чувство и индивидуальное представление о прекрасном ⁵². Характерно, что такой пассаж содержится в письме к Дуке!

Вообще человеческая слабость в представлении Пселла — автора посланий к Дуке, — как правило, не подлежащее непременно осуждению отступление от торжествующей нормы, а скорее милый недостаток, вызывающий снисходительную улыбку. Отсюда в этих письмах легкая ирония и самоирония, вообще свойственная тому стилю отношений, который мы условно называли «эпикурейско-горациевской» дружбой.

В только что цитированном послании, где автор сообщал, что и он некогда пленялся «косыми глазками», Пселл писал, что стал теперь важным, хмурит брови и раздулся от спеси. Если же его кто-нибудь спросит, отчего он так ведет себя, то он ответит, что его похвалил сам кесарь (De orig. daem., p. 173). В другом случае Пселл благодарит Иоанна за подаренного коня. Конь этот лучше Пегаса и Буцефала, но беда в том, что Пселл боится коней больше львов и слонов. Тем не менее именно этого коня он храбро оседлает (Scr. min., II, p. 281). Получив как-то от кесаря и его супруги сыр и отправив им за это благодарственное письмо, Пселл шутит: «Я имею сыр, а вы пустые слова» (De orig. daem., p. 180). Заканчивая обычное в византийской практике рекомендательное письмо, философ пишет: Если ты исполнишь мою просьбу, «то сделаешь сразу два добрых дела, избавишь этого человека от несчастий, а меня освободишь от него. Он явился ко мне незванным, и я не знаю, как от него отвязаться» (Bibl. gr., V, p. 400). Примеры эти можно продолжить.

Для духовной атмосферы отношений между Пселлом и Дукой чрезвычайно характерна образность писем философа. Образная система для средневекового писателя, как правило, — не только средство художественной выразительности и эмоционального воздействия. Византийский художник постоянно соотносит временное с вечным, настоящее с прошлым. Его образы и служат теми эталонами, с которыми соразмеряется изображение (потому они и заимствуются чаще всего из Библии). В письмах к Дуке абсолютное большинство образов имеют античное происхождение. Самую свою связь с Дукой Пселл сопоставляет с отношениями Аристотеля и Александра Македонского, Платона и Дионисия (Scr. min., II, p. 277).

⁵¹ В полном согласии с эпикурейской этикой пишет Пселл и о губительности больших жизненных удач, которые топят тех, кто их имеет (De orig. daem., p. 187—188).

⁵² Вспомним знаменитый 130-й сонет Шекспира: «Ее глаза на звезды не похожи. . .».

Вспомним в этом контексте, что образец для своих взаимоотношений с монахом и будущим патриархом Иоанном Ксифилином Пселл видит в братской дружбе Василия Великого и Григория Богослова (Bibl. gr., V, p. 277).

Примечательно, что античные ассоциации в большинстве своем не возникают у Пселла как апелляция к источнику мудрости и для подтверждения каких-то незыблемых нравственных правил, а появляются в контексте иронической риторики и дружеских излияний. Мне некуда деваться от твоих даров, пишет Пселл в одном из посланий. Афиняне спаслись от Дария в море, а что должен делать я? (De op. daem., p. 131). Некоторые письма Пселла вообще с начала до конца построены на античных образах⁵³. В посланиях Дуке неоднократно цитируются Гомер, Эзоп, Еврипид, упоминаются Дедал, Протей, Нарцисс, Гера, Иксион, Дарий, Фемистокл, Перикл, Аристотель, Платон.

Мир античных ассоциаций и образов, одинаково близкий Пселлу и Дуке, был своеобразным условным языком их взаимоотношений.

В письмах к кесарю меньше стандарта и, во всяком случае, обширней гамма чувств, чем в большинстве прочих посланий. В них — особый духовный и эмоциональный настрой. Эстетизм, умение ценить жизненные блага, ирония и самоирония — такие же неотъемлемые свойства «отливающей разными красками» натуры Пселла (К. Прехтер), как и его сервилизм или искренняя преданность наукам, проявившаяся в письмах к другим адресатам.

Византинисты, как, впрочем, и востоковеды, нередко стараются выразить явления изучаемой ими культуры в категориях европейского средневековья. На данном этапе развития науки эта тенденция имеет оправдание: малоизученное определяется через уже наполненные содержанием понятия относительно хорошо известной культуры. Отношения Пселла с Дуками («просвещенные» монархи — придворный философ и наставник, образованный бонвиван и авантюрист — его ученый, снисходительный друг) — прообраз аналогичных связей, неоднократно устанавливающихся в период европейского гуманизма. Такие отношения — характерный симптом для Византии того века, который некоторые исследователи склонны называть византийским предренессансом⁵⁴.

⁵³ См., например, De op. daem., p. 175 sq. Только одно письмо к Дуке строится на библейской образности (De op. daem., p. 170).

⁵⁴ После того как настоящая работа была сдана в печать, мы получили возможность познакомиться с весьма ценной статьей Г. Вейса, посвященной неизданным сочинениям Пселла (G. Weiß. Forschungen zu den noch nicht edierten Schriften des Michael Psellos. — «Byzantina», 4, 1972). Так же как и мы (см. стр. 76, прим. 13), Г. Вейс относит письмо, адресованное протосинкелу и монаху, Льву Параспондилу. В приложении Вейс публикует неизданное произведение Пселла, написанное от имени императора Константина Дуки. В статье содержатся также сведения о неизданном письме Пселла Иоанну Дуке и о неизданном трактате писателя, посвященном кесарю (G. Weiß. Op. cit., S. 32—33). Учесть все эти данные мы, к сожалению, не имели возможности.

И. П. МЕДВЕДЕВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ
ГЕОРГИЯ ГЕМИСТА ПЛИФОНА

Записки византийского неоплатоника Георгия Гемиста Плифона (ок. 1360—1452) с предложениями реформ, направленных на оздоровление экономики Византийской империи и улучшение функционирования государственного аппарата, давно уже привлекли внимание ученых, породив множество точек зрения¹. До сравнительно недавнего времени господствовало мнение, что изложенная в записках система социально-экономических воззрений Плифона представляет собой утопию, которая не имеет иных источников, кроме Платона и других античных авторов, на основании чего делался негативный вывод о полной оторванности этих проектов от жизни, об их неосуществимости². Такая точка зрения разделяется некоторыми учеными и по сей день. Например, Б. Т. Горянов характеризует Плифона как «ученого мечтателя... целиком погруженного в воспоминания о „золотом веке“ античной Греции»³, а Деррет на-

¹ В настоящее время известно три рукописи, сохранившие текст записок Плифона: Monacensis gr. 260, Laurentianus 56, 18 и Parisinus gr. 1884. Editio princeps, в основу которого была положена только одна (первая) из названных рукописей, было осуществлено в 1575 г. с латинским переводом: *Ioannis Stobaei Eclogarum Libri duo: Georgii Gemisti Plethonis Ad Regem Emanuele de rebus Peloponnesiacis (Oratio Prior), Principem Theodorum de rebus Peloponnesiacis (Oratio Posterior)*. Autuerpiae, 1575, p. 219—229. В 1860 г. записки Плифона были изданы Эллисеном с немецким переводом (*A. Ellissen. Analecten der mittel und neugriechischen Literatur, Bd. IV. Leipzig, 1860, S. 60—84, 146—154*), который использовал также и Laurentianus 56, 18. Этот текст был перепечатан Минем в его «Патрологии» с латинским переводом первого издания (PG, t. 160, col. 842—866). Наконец, Лампрос осуществил издание по всем трем рукописям: *Sp. Lampros. Παλαιολόγια καὶ Πελοποννησιακά, IV. Ἀθήναι, 1930, σελ. 113—135* (к сожалению, это издание отсутствует в библиотеках СССР и нам пришлось довольствоваться Минем). Следует также отметить русский перевод записок Плифона, осуществленный Б. Т. Горяновым (см. ВВ, VI, 1953, стр. 397—414), и краткие извлечения из них в английском переводе (см. *E. Barker. Social and Political Thought in Byzantium. Oxford, 1957, p. 198 sq.*).

² *J. Ph. Fallmerayer. Geschichte der Halbinsel Morea während des Mittelalters*, II. Theil. Stuttgart u. Tübingen, 1836, S. 317; *C. Alexandre. Notice préliminaire, in: Pléthon. Traité des lois*. Paris, 1858, p. IX—X; *F. Schultze. Georgios Gemistos Plethon und seine reformatorischen Bestrebungen*. Jena, 1874, S. 45—46; *H. F. Tozer. A Byzantine Reformer (Gemistus Plethon)*. — «The Journal of Hellenic Studies», VII, 1886, p. 379; *P. Kalligas. Μελέται Βυζαντινῆς Ἱστορίας. Ἀθήναι, 1894, σελ. 626; J. Heiberg. En samfundsreformatör*. Copenhagen, 1895; *N. Kazazis. Πλήθων καὶ ὁ κοινωνισμός κατὰ τὴν ἀναγέννησιν. Ἀθήναι, 1903, σελ. 19, 30; A. Karampasis. Τὸ φιλοσοφικὸν σύστημα τοῦ Πλήθωνος*. — «Ἑρακλείον», 1910, σελ. 54; *J. Dräseke. Plethons und Bessarions Denkschriften «über die Angelegenheiten im Peloponnes»*. — «Neue Jahrbücher», 27, 1911, S. 102—119; *A. A. Vasiliev. History of the byzantine Empire*. Madison, 1952, p. 328 etc.

³ *Б. Т. Горянов. Предисловие к русскому переводу речей Плифона*. — ВВ, VI, 1953, стр. 391, 394.

ходит полную аналогию между идеями Плифона, которые он считает «бесспорно утопией», и основными положениями «Утопии» Томаса Мора, усматривая прямое влияние византийского философа на английского утописта ⁴.

Существует, однако, и совершенно противоположная оценка социальных и экономических воззрений Плифона, которого рассматривают как великого реалиста, прекрасного знатока современной ему истории и экономической действительности. Особенно это характерно для греческой историографии, которая видит в Плифоне провозвестника национального возрождения (ἐθνικός κήρυξ), гениального государственного деятеля и социолога ⁵. В работах Данилидиса, Мамалакиса, Татакиса, Закифиноса, Вакалопулоса и др. подчеркивается дальновидный и проницательный ум Плифона, а его проекты реформ расцениваются как результат глубокого и внимательного изучения социального, политического и экономического состояния современного ему византийского общества ⁶.

Но не только в работах греческих ученых можно встретить подобную оценку. В основополагающей монографии, посвященной творчеству Плифона, бельгийский ученый Мазэ говорит, что не рассматривает Плифона как мечтателя, фантазера, погруженного в созерцание некогда исчезнувшего мира, что «идеи Плифона являются не только дедукциями, они вытекают также из анализа конкретных данных, почерпнутых из истории и современной ему действительности» ⁷. Мазэ характеризует учение Плифона как «коммунистическую доктрину», оговариваясь, что «коммунизм» Плифона не имел целью установление равенства между гражданами, как это предусматривалось «Утопией» Мора, а был направлен на решение более непосредственных, практических задач ⁸. В связи с этим следует заметить, что ученые еще раньше находили в проектах реформ Плифона сходство с социалистическими и даже коммунистическими (разумеется, домарксовыми) концепциями или же мысли, аналогичные некоторым идеям «общественного договора» Руссо и Сен-Симона ⁹. Сейчас же он рассматривается не только как предшественник утопического, но и научного социализма со всеми его современными концепциями ¹⁰.

Последней по времени известной нам специальной и довольно крупной работой о социальных и экономических воззрениях Плифона является диссертация греческого ученого Саввы Спендаса. Для него характерна

⁴ J. D. M. Derret. Gemistus Plethon, the Essens and More's Utopia. — «Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance», 27 (3), 1965, p. 579—606. Предположение о том, что Мор знал о Плифоне (вероятно, через Джованни Франческо делла Мирандола, упоминавшего Плифона в своем Examen vanitatis doctrinae gentium, IV, 2), само по себе представляется очень интересным. В данном случае мне хотелось бы напомнить только о вызвавшей в свое время сенсацию гипотезе М. П. Алексеева о реальных прообразах «Утопии» Томаса Мора, о южнославянских задругах Средиземноморья, в частности славянской общине Полице.

⁵ См., например: G. Sakellariou. 'Ο Πλήθων ὡς κοινωνιολόγος. — ΕΕΒΣ, 23, 1953, σελ. 160.

⁶ D.-I. Danielides. 'Η νεοελληνική κοινωνία καὶ οἰκονομία. 'Αθήναι, 1934, σελ. 88 sq.; I.-P. Mamalakis. Γεώργιος Γεμιστός-Πλήθων («Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie», 32). 'Αθήναι, 1939, σελ. 91 sq.; B. Tatakis. La philosophie byzantine. Paris, 1949, p. 287; D.-A. Zakythinos. Le Despotat grec de Morée, II. Vie et institutions. Athènes, 1953, p. 138, 141, 243, 267, 269; A. E. Vakalopoulos. 'Ιστορία τοῦ νέου ἑλληνισμοῦ, Α'. 'Αρχαὲς καὶ διαμόρφωσή του. 'Εν Θεσσαλονίκῃ, 1961, σελ. 260.

⁷ Fr. Masai. Pléthon et le platonisme de Mistra. Paris, 1956, p. 85—86.

⁸ Ibid., p. 75, 77, 92.

⁹ См., например: K. Paparregopoulou. 'Ελλην Σοσιαλιστής 15ης ἐκατονταετηρίδος. — «Πανδώρα», 1850/51, 'Αθήναι, I, σελ. 154 sq.; A. Ellissen. Analecten..., Bd. IV, S. 143, Ann. 23; H. F. Tozer. A Byzantine Reformer, p. 379 etc.

¹⁰ См., например, помимо только что приведенных высказываний Мазэ: B. Tatakis. La philosophie byzantine, p. 288; B. Κηδός. Gemiste Pléthon et son souvenir. — «Bulletin de l'Association Guillaume Budé. Lettres d'humanité», 1950, 9, p. 110—111; G. Sakellariou. Op. cit., p. 164; E. Savvopoulou. Γεώργιος Γεμιστός Πλήθων. — «Πειραιεύς», 1961, σελ. 28 κ. έ.

оценка творчества Плифона в сугубо политэкономических терминах и категориях, так как его Плифон — это «великий учитель и зачинатель экономической науки»; участием же других школ было на протяжении столетий развивать и «более аналитически излагать его воззрения, разрабатывая таким образом теоретическое здание»¹¹. Спенсас находит тождественными воззрения Плифона и таких школ, как физиократы и эмпорократы, по важнейшим разделам политэкономической науки. Он усматривает наличие прямой, «материальной» связи между ними, утверждая (разумеется, абсолютно голословно), что «по крайней мере наиболее значительные представители названных школ (Ж. Боден, Ж. Кольбер, Ф. Кенэ, А. Смит и др.) должны были иметь перед глазами плифоновские тексты»¹².

В чем же состоит, с точки зрения истории экономических учений, сущность плифоновских идей, которые, будучи извлечены из его двух вышеупомянутых, по объему довольно незначительных записок¹³ и освобождены от их риторической, изобилующей морализированием и историческими примерами оболочки, сводятся к ряду социальных и экономических постулатов, несомненно весомых, если иметь в виду специфическую византийскую среду, в которой они родились. Однако оговоримся сразу: у Плифона еще не было и не могло быть сознательной, теоретической разработки тех проблем, которые ему приписываются, не было четкого понимания таких экономических категорий, как стоимость, товар, цена и т. д. К решению многих вопросов он приходил чисто эмпирически, в ходе изложения своих рекомендаций, целью которых являлось *ἡ κοινὴ σωτηρία* (всеобщее спасение), а средством — *ἡ ἐπανόρθωσις τῆς πολιτείας* (реформа государственного устройства)¹⁴. Поэтому стремление передать идеи Плифона в понятиях современной политэкономической науки неизбежно приводит к известному насилию над мыслью философа, к модернизации его взглядов. Если не переходить меры и отдавать себе ясный отчет в сознательном допущении такой модернизации как метода познания, то подобный прием может быть оправдан и даже необходим, как он бывает необходим при определении места любой аналогичной доктрины в истории экономических учений.

Исходным пунктом в системе экономических воззрений Плифона было его представление об общественном богатстве как плодах земли (*οἱ ἐκ γῆς καρποί*) или, более широко, как результатах сельскохозяйственной деятельности (*οἱ τῶν ἔργων καρποί*), куда он включает хлеб, вино, масло, хлопчатобумажные ткани, приплод от скота, молоко, шерсть и прочее

¹¹ S. P. Spentzas. *Δι οἰκονομικαὶ καὶ δημοσιονομικαὶ ἀπόψεις τοῦ Πλήθωνος. Διατριβὴ ἐπὶ διδακτορικῇ ἀποβληθεῖσα εἰς τὴν Ἀνωτάτην Σχολὴν Πολιτικῶν Ἐπιστημῶν. Ἀθήναι, 1964, σελ. 11, 47, 59, 82, 102 κ. ἑ.*

¹² Ibid., p. 103.

¹³ Правда, еще раньше в письме к императору Мануилу II он вкратце изложил рекомендации, которые позднее подробнее развил в записках. Письмо было издано впервые по рукописи Vindobonensis phil. gr. 74 Мюллером: Y. Müller. Byzantinische Analecten, in: «Sitzungsberichte d. philos.-hist. Classe d. Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien», Bd. IX, 1852, S. 400. На основании трех рукописей — флорентийской (Laur. 57), римской (Vaticel. 196) и ватиканской (Vat. gr. 1416) его переиздал Лампрос (op. cit., III, p. 309—312). Мазэ удалось найти еще одну рукопись этого письма — Ottobonianus gr. 181 (см. Fr. Masai. Pléthon et le platonisme de Mistra, p. 84, n. 3).

¹⁴ PG, t. 160, col. 828B, D, 840A, 844A, 845A, 848B. Мысль о необычности своих рекомендаций (*ἀγῆεις καὶ ἔξω τῶν καθεστηκότων γνώμας*), видимо, беспокоит Плифона, раз он предвидит заранее возможные возражения (ibid., col. 838A), но надо ему отдать должное, он с честью выходит из положения, предлагая поэтапное осуществление реформ, а именно: наиболее кардинальные мероприятия осуществить позднее (*ἐς ὅστερον ἵσως ἂν δεοί ἐπανορθοῦν*), а в первую очередь обратиться к реорганизации армии (ibid., col. 840A). Надо сказать, что предложение Плифона о замене наемного войска отечественной регулярной армией было одним из наиболее злободневных и реалистичных его предложений.

в том же роде ¹⁵. Это сугубо «вещественное» богатство (понимаемое, мы бы сказали, как масса потребительных стоимостей) создается, по мысли Плифона, посредством трех составных элементов — труда (*ἐργασία*), средств производства (*τὰ τέλη*) и власти ¹⁶. Мысль о труде как источнике богатства постоянно подчеркивается Плифоном, он выделяет его из других составных частей производства и тем самым дает повод Спенцасу говорить о зарождении у него трудовой теории стоимости ¹⁷. Однако Плифон не видел и не мог еще видеть труда в его стоимостной форме, как труда абстрактного, выражающегося в затрате рабочего времени. В его представлении общественный производительный труд — это особого рода конкретный труд, затрачиваемый в сельском хозяйстве. Более того, зачастую труд у него отождествляется с рабочей силой, с носителями труда, со всеми производителями материальных благ (*ἐργάται*), земледельцами (*ἀροτῆρες*), виноградарями и пастухами.

Именно из отношения к трем упомянутым компонентам, из которых складывается общественное богатство, выводит Плифон существование трех классов в обществе. В соответствии со своей апологетической точкой зрения на земледелие как основу общественного производства и на земледельческий труд как на единственно производительный труд он считает первейшим, необходимейшим и наиболее многочисленным «трудящийся класс» (*πρῶτον μὲν καὶ ἀναγκαϊότατον μέρος καὶ γένος καὶ πλεῖστον τὸ αὐτοῦργικόν*), в который он включает земледельцев, пастухов и всех тех, кто собственными руками добывает плоды земли ¹⁸.

У Плифона не чувствуется отрицательного отношения к ремесленной и торговой деятельности, и тем не менее он исключает ее из понятия производительного труда, считая ремесленников и торговцев вспомогательным классом (*τὸ διακομικόν φέλον*), обслуживающим как производителей материальных благ, так и «остальную часть граждан государства». «Ремесленники, — говорит он, — доставляют недостающие из предметов, необходимых людям в их жизни. Купцы же посредством перемещения (*τῇ μετακομιδῇ*) тех предметов, которых в одном месте излишек, а в другом недостаток, уравнивают это несоответствие и оказывают услуги тем, кто из-за своих дел не имеет времени для этих занятий. В свою очередь лавочники покупают у ремесленников или купцов товары (*ἀδρόα*) и продают их отдельным лицам по их потребностям» ¹⁹.

Таким образом, имея в виду оптовую и розничную торговлю, Плифон понимает их как форму стихийной реализации экономических связей, но даже не пытается вскрыть сущность обмена как акта купли-продажи и роль денег в обмене ²⁰.

¹⁵ PG, t. 160, col. 853, 829C.

¹⁶ Ibid., col. 853A. Обращает на себя внимание тот факт, что Плифон не включил в число участников создания общественного богатства землю, избежав, таким образом, ошибки, столь типичной для большинства представителей домарксистской экономической науки. Спенцас ставит это в особую заслугу Плифону (*S. P. Spentzas. Op. cit.*, p. 47), но можно ли ex silentio делать вывод о том, что Плифон сделал это сознательно? Думается, что если бы у него возникла об этом мысль, он непременно оговорил бы ее.

¹⁷ *S. P. Spentzas. Op. cit.*, p. 47—51.

¹⁸ PG, t. 160, col. 849A. Это как раз тот слой населения, который, по мысли Плифона, должен нести на себе весь груз налоговых тягот. Он называет этих вечных налогоплательщиков «общими кормильцами», призывает не обременять их другими повинностями, а обращаться с ними «как можно лучше и справедливее» (ibid., col. 829D), но в сущности Плифон мыслил себе статус этих «илотов» (какой выразительный и характерный термин!) как крепостную зависимость, советуя деспоту: «Из этих илотов в первую очередь возьми в свой дом (т. е. для обслуживания твоего хозяйства — *ἐς τὸν σὸν οἶκον*) столько, сколько тебе покажется нужным; остальных оставь правителям и военачальникам, каждому, сколько ты пожелаешь» (ibid., col. 861D).

¹⁹ Ibid., col. 849A—B.

²⁰ В этой связи интересно вспомнить высказывание византийского церковного деятеля XIV в. Григория Паламы об общественном назначении денег как всеобщего эквивалента и посредника в сфере общественного разделения труда. «Один человек, — говорит он, — не может быть одновременно ученым и земледельцем, портным, ткачом,

Итак, τὸ διακονικόν имеет чисто служебное значение и не участвует, по мысли Плифона, в создании общественного богатства. Вообще следует отметить, что все это место в записке Плифона о делении общества на три класса — τὸ αὐτοργικόν, τὸ διακονικόν и τὸ ἀρχικόν — производит впечатление обширной и искусно переработанной цитаты. Это явно не мысль самого Плифона²¹. Он просто констатирует, что почти в каждом государстве (ἐν πόλει σχεδὸν ἀπάσῃ) есть эти три класса. Когда же он предлагает усовершенствовать структуру общества и называет три основных класса, участвующих в создании общественного богатства (каждый по-своему), то для τὸ διακονικόν у него не остается места: первым и основным классом выступают производители материальных благ (ἐργάται), т. е. земледельцы (ἀροτῆρες), виноградари и пастухи, а вторым являются собственники средств производства, вкладывающие их в производство (οἱ συνεμπορίζοντες τὰ τέλη)²²; третьим же без особых осложнений называются «обеспечивающие общую безопасность»: армия (οἱ στρατεύόμενοι), государственный аппарат (οἱ ἀρχόντες καὶ ἐπιστατοῦντες) и, наконец, император²³. Это и есть «правящий класс» (ἀρχικὸν φῶλον).

Появление понятия τὰ τέλη у Плифона в качестве необходимого и самостоятельного компонента в создании общественного богатства представляется очень интересным. Спенцас усматривает в нем все признаки производительного капитала (τοῦ παραγωγικῶς ἐπεπνευμένου κεφαλαίου), а в его собственниках и в самом Плифоне склонен видеть прообраз современных капиталистов-бизнесменов²⁴. Именно «капиталистическим» мышлением Плифона объясняет Спенцас его отрицание частной собственности на землю (тезис, имевший якобы антифеодалную направленность), считая вздорной точку зрения исследователей о социалистическом характере обобществления земли у Плифона²⁵. Мнение, нужно прямо сказать,

строителем, сапожником, врачом и сведущим в каждом из других искусств. И так как каждый в одиночку не может от себя удовлетворять все свои потребности, а во всем подобном каждый непременно имеет нужду, то изобретено средство — деньги, с помощью которых с выгодой для жизни и излишек опоражнивается и недостаток восполняется. Землевладелец отдает свои излишки не занимающимся земледелием и, взяв за них цену, на нее покупает дом, например, или ткань; и сапожник, продав сапоги и получив достаточную цену, возмещает потребность недостающего ему. И таким взаимным обменем всех нас устраивается жизнь наша; от этого возникают поселения и государства, и человек есть общественное животное (κοινωνικὸν ζῷον ἐστὶν ὁ ἄνθρωπος)». См. *Григория Паламы*. . . три творения. Новгород, 1895, стр. 28—29. Ср. *Г. М. Прохорова*. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. — В сб.: «Литературные связи древних славян». Л., 1968, стр. 98—99.

²¹ Происхождение этого деления общества на три класса Мазэ предлагает искать у Платона, указывая на начальную часть «Тимея», в которой кратко сформулированы политические взгляды Платона на его республику. См. *F. Masai*. Op. cit., p. 74, n. 1. Ср. *G. Sakellariou*. Op. cit., p. 162—163.

²² PG, t. 160, col. 829B.

²³ Ibidem.

²⁴ *S. P. Spentzas*. Op. cit., p. 51. Ср. *B. Tatakis*. La philosophie byzantine, p. 288. Представление о Плифоне как выразителе интересов буржуазии — не редкость в зарубежной историографии. «Представитель буржуазии — говорит, например, Мазэ, — каким был Плифон, крупный государственный чиновник, получивший образование в семье церковных служителей, он, естественно, должен был поддерживать государство в его борьбе против феодального строя. Пусть здесь вспомнят о французской буржуазии, поддерживавшей короля в его борьбе против феодалов. Но Плифону не повезло служить Людовику XI» (*F. Masai*. Op. cit., p. 94).

²⁵ *S. P. Spentzas*. Op. cit., p. 52, 55—58. «Несмотря на то, — говорит он в другом месте. — что воззрения Плифона имеют некоторое морфологическое и типическое сходство с платоническими, социалистическими или даже коммунистическими концепциями, они коренным образом отличаются от них по своей сущности» (ibid., p. 43). Вернер, хоть и несколько в ином смысле, тоже считает, что «идеи Плифона не имели ничего общего ни с утопическим, ни с научным социализмом». См. *E. Werner*. Die Geburt einer Grossmacht — die Osmanen (1300—1481). Berlin, 1966, S. 215. Думается, что с такой точкой зрения нельзя полностью согласиться. Общим у них было то, что, будучи учениями, содержащими критику основанного на частной собственности строя и рисующими картины идеального будущего общества, они (каждое в своей мере) основывались

в высшей степени оригинальное, но в такой же мере лишенное историчности. Прежде всего следует подчеркнуть, что τὰ τέλη Плифона — это быки, виноградники, стада скота (? βοσκήματα) и прочее в том же роде ²⁶, т. е. именно средства производства, и было бы исторически неверно отождествлять с ними капитал, переносить эту экономическую категорию, выражающую особого рода общественные отношения между классом капиталистов и классом наемных рабочих, в византийскую действительность.

Что касается «буржуазных» корней мировоззрения Плифона, то это, видимо, какое-то недоразумение, которое становится очевидным при рассмотрении его налоговой политики. Какой идеолог торгово-ремесленных (есть и такая точка зрения! ²⁷) или буржуазных кругов мог советовать замену денежных платежей и налогов единым натуральным налогом? Безотносительно к тому, прав ли Б. Т. Горянов, считающий проект Плифона утопией, свидетельствующей о непонимании его автором общественных отношений, или А. П. Каждан, полагающий, что проект Плифона свидетельствует о наличии в Византии того времени тенденций к развитию натуральной ренты, данные идеи Плифона можно, на наш взгляд, квалифицировать только так, как это сделала К. В. Хвостова, — как «феодалную реакцию» ²⁸.

Интересно отметить мотивировку Плифоном выбора натуральной подати в качестве унифицированной. Всю совокупность весьма многочисленных в Византии податей Плифон сводит в три категории: 1) барицина (ἀγγαρεία); 2) фиксированная сумма ценностей — деньгами или чем-либо другим (τακτὸς ὄρος χρημάτων, εἴτε κέρματος, εἴτ' ἄλλων ὀντινωνοῦν); 3) взнос определенной части продуктов (ῥητὴ τις τῶν γιγνομένων μοῖρα) ²⁹.

Нетрудно заметить, что на эту классификацию, соответствующую трем формам феодальной ренты, оказало влияние именно рептное феодальное право. Самый тяжелый из налогов, по мысли Плифона, — ангария (ἀγγαρεία βαρύτατος φόρων), взимаемый не натурой, а физическим трудом (τῶν σωμάτων, οὐ τῶν χρημάτων ἐπιλαμβανόμενος), немало причиняющий трудностей и сборщикам налогов, которые в течение всего года должны присутствовать при проведении работ. Тактос орос тоже не менее обременителен и неравномерен, поскольку при исчислении очень трудно учесть податные возможности каждого из налогоплательщиков. Этот вид налога взимается понемногу, но часто на протяжении года и многими сборщиками (κατὰ σμικρὰ δὲ καὶ πολλὰκις τοῦ ἔτους, καὶ ὑπὸ πολλῶν εἰσπραττόμενος) и от этого еще тяжелее. Зато ῥητὴ τῶν γιγνομένων μοῖρα — наименее обременительна из всех других, равных ей налогов. Она легче и удобнее, поскольку взимается с каждого налогоплательщика во время сбора урожая ³⁰.

Я не занимался этим вопросом специально и боюсь ошибиться, но все-таки: не вызвано ли это предпочтение, оказанное натуральному налогу, привычным и естественным для проиарара, т. е. феодала средней руки, наполовину государственного чиновника, пристрастием к продуктовой форме ренты в виде разнообразных канискиев, миз и т. д., в то время

на «естественном праве», вытекающем будто бы из разума и «природы» человека. Но, как известно, идеи естественного права зародились уже в античную эпоху и, несомненно, были восприняты Плифоном через Платона.

²⁶ PG, t. 160, col. 829B.

²⁷ См., например: З. В. Удальцова. Борьба партий в Пелопоннесе во время турецкого завоевания по данным византийского историка Кривовула. — «Средние века», вып. III, 1951, стр. 177.

²⁸ Б. Т. Горянов. Предисловие к переводу речей о реформах Георгия Гемиста Плифона. — ВВ, VI, 1953, стр. 393; А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 120; К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, стр. 261.

²⁹ PG, t. 160, col. 852 C.

³⁰ Ibid., col. 852 C—D.

как суперфеодал-вотчинник столь же естественно тяготел к барщине — ангарии? Насколько мне известно, обследование податной византийской системы и рентного права с учетом именно различных категорий феодальных владельцев в систематической форме не производилось. Во всяком случае, кажется несомненным, что Плифон выражал интересы именно служилой феодальной знати, связавшей свои судьбы с императорским и деспотскими дворами, знати, с которой он был тесно связан по социальному положению³¹. Отсюда — апология монархии как наилучшего государственного строя, но монархии умеренной, мудрой и отеческой, которая прибегает к бескорыстным советникам для установления законов и которая заботится об эффективном применении этих законов. Отсюда беспощадная критика всевозможных династов и архонтов, тех крупнейших землевладельцев-вотчинников, носителей сепаратистских тенденций, которых прониарское сословие считало, наряду с монашеством, своим врагом.

Характерна в этом отношении теория Плифона о распределении годового совокупного продукта производства по различным общественным группам населения, в котором он видел осуществление социальной справедливости (*κατὰ τὸ δίκαιον*)³². Когда плоды трудов подсчитаны и земледельцам возвращены затраты на семена, говорит он, подчеркивая тем самым необходимость производственного потребления, весь доход следует разделить на три части: первую часть — тем, кто производит работу, т. е. земледельцам³³; вторую — тем, кто вкладывает в производство средства производства³⁴, и третью — на содержание государственного аппарата³⁵. В эту четкую схему он вносит целый ряд отступлений и оговорок. Так, работающий при помощи собственных средств производства получает две части дохода, третью же отдает государству; тот, кто получает средства производства от государства, должен довольствоваться третьей частью плодов своего труда, если только он не оставляет себе больше законной части, договорившись с казной. Если же производство идет на общие средства, то производители получают половину³⁶. Зато категорически отказывает Плифон в праве на участие в распределении общественного дохода монашеству, как общественно вредному институту. Только принимая во внимание конкретные взаимоотношения между прониарским и монастырским землевладением в Византии XIV—XV вв., частые перераспределения земельного фонда между этими двумя категориями византийских землевладельцев с тенденцией постоянного усиления монастырского землевладения³⁷, можно понять ту страсть, с которой Плифон призывает лишить этот «рой трутней» (*σμήνος κηφήνων*) доли общественных богатств, как функционально не обусловленную прослойку населения, не имевшую никаких обязательств перед обществом (*λειτούργειν*

³¹ Об имущественном и социальном положении Плифона см.: D.-A. Zakythinos. Op. cit., II, p. 199 sq.; G. Ostrogorsky. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 180—186. И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, стр. 54—57, 99 и сл.

³² PG, t. 160, col. 829 B, 853 A.

³³ ἐνὶ μὲν αὐτῷ τῷ τῶν ἔργων ἐργάτῃ (col. 829A), αὐτῷ τῷ ἐργάτῃ (col. 829C), τῇ ἐργασίᾳ (col. 853A).

³⁴ δευτέρῳ δὲ τῷ τὰ τέλη συνεκπορίζοντι τοῖς ἔργοις (col. 829B), τοῖς τέλεσι (col. 829C), τοῖς τὰ τέλη παρεχομένοις τοῖς ἔργοις (col. 853A).

³⁵ τῷ δημοσίῳ (col. 829C), τοῖς φύλαξι τε τῶν ὄλων καὶ σωτήρσιν (col. 853A), τοῖς τὴν φυλακὴν τῶν ὄλων ἐπιτετραμμένοις.

³⁶ PG, t. 160, col. 829C. Из этого видно, что Плифон отнюдь не мыслил себе средства производства как сосредоточенные в одной части общества, допуская наличие их в собственности самих производителей, у государства и существование особой категории «общих средств производства» (*κοινὰ τέλη*). Просто удивительно, что Спенцас оставил это место без внимания, не усмотрев в нем прообраза современных акционерных обществ с объединенным капиталом.

³⁷ См., например: G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 329.

μεν τῷ κοινῷ μῆδεν). «Если они требуют, — говорит он, — себе под предлогом собственной добродетели выплат, полагающихся за безопасность общества, а другие дают им, отнимая у тех, которым это действительно подобает, то только тот сочтет это справедливым, кто сам охвачен суевением, третий формой безбожия»³⁸. Выступая против стяжательства монастырей, Плифон подчеркивает, что «подобные вещи не согласуются с учением тех, кто первоначально установил этот (т. е. монашеский) образ жизни», что государство терпит ущерб (χέρω τὰ κοινά) из-за того, что удовлетворяются требования на бесконечные дарения (δωρεὰς ἀτελεῖς) из государственных запасов людям, не несущим никаких обязанностей³⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни при определении основного податного класса, ни при распределении национального дохода Плифон не упоминает совсем ни о ремесленниках, ни о торговцах. Это доказывает, что данная категория населения случайно появилась в его записках, будучи или реминисценцией от чтения античных авторов, или попросту констатацией современной ему действительности⁴⁰. Что же касается предложенной Плифоном «улучшенной» структуры государства, то в ней как будто не предусмотрены названные категории населения, хотя обойтись без них в сугубо автаркическом государстве Плифона, казалось бы, невозможно.

Представления Плифона об автаркии, о создании замкнутого хозяйства, обособленного от экономики других стран, разработаны им весьма последовательно. По его мнению, Пелопоннес, которому и предстояло стать экспериментальным цехом для проведения его реформ, не нуждается ни в чем из ввозимого извне (τῶν ἔξωθεν εἰσαγωγίμων)..., имея достаточно (αὐτάρκως) всего, что необходимо для производства. Только для железа и оружия делает он исключение⁴¹. С этой же целью он предлагает создать искусственные препятствия в виде высоких пошлин для вывоза тех товаров, которые выгоднее оставить в стране (ἄμεινον μένειν), для потребления своими гражданами⁴². Этот протекционизм, направленный на обеспечение интересов «сельскохозяйственной автаркии», тоже не может рассматриваться как совершенно новая идея. В частности, предлагая ликвидировать импорт чужеземных тканей и шитых изделий, а также предметов роскоши⁴³, Плифон исходил, по-видимому, из опыта Иоанна III Ватаца, который в свое время, если верить Григору, запретил подданным под угрозой лишения прав и состояния покупать итальянские, «ассирийские» и «вавилонские» ткани, а довольствоваться тем, что «производит земля ромеев и умеют готовить руки ромеев»⁴⁴. Следует также отметить мысль Плифона о полном контроле государства в сфере экономики, ибо, по его словам, «нельзя это оставлять без внимания и допускать, чтобы сделки совершались, как придется»⁴⁵, мысль, в которой Спенцасу чудится принцип запрограммированной экономической деятельности, начало современного планового ведения экономики⁴⁶. Трудно только

³⁸ PG, t. 160, col. 832C.

³⁹ Ibid., col. 832D.

⁴⁰ Именно последнее я имел в виду, когда использовал это место у Плифона для характеристики социального состава населения Мистры, города, в котором Плифон провел большую часть своей жизни. См. *И. П. Медведев*. Некоторые вопросы общественно-экономических отношений в поздневизантийском городе Мистре. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 78.

⁴¹ PG, t. 160, col. 837A—B. Далее он несколько смягчает это положение, различая среди ввозимых товаров те, которые лучше ввозить (εἰσαγεῖν ἀμεινον), и те, которые лучше не ввозить, и предлагая для облегчения ввоза первых освободить их от всякой ввозной пошлины (ibid., col. 837C—D).

⁴² Ibid., col. 837C—D, 853B—C.

⁴³ Ibid., col. 837B.

⁴⁴ *Nicephori Gregorae Byzantina Historia*, I. Bonnae, 1829, p. 43, 22—24.

⁴⁵ PG, t. 160, col. 837C.

⁴⁶ *S. P. Spentzas*. Op. cit., p. 80.

понять, как ему удастся совместить это представление с утверждением, что Плифон явился духовным отцом физиократов, лозунгом которых было *laissez faire laissez passer*, т. е. принцип свободы предпринимательской и торговой деятельности, неограниченной конкуренции.

В заключение коснемся вопроса о трактовке Плифоном роли денег. В литературе высказывалось мнение о том, что он был против монеты и даже за ее упразднение⁴⁷. Несостоятельность этой точки зрения в последнее время пытались доказать Вакалопулос и Спенцас, утверждая, что Плифон выступал за упразднение фальшивой иностранной, но за установление единой национальной монеты⁴⁸. Мне кажется, что у Плифона не было на этот счет определенного мнения, ибо, с одной стороны, он заявляет, что «Пелопоннес не нуждается в монете, которая некоторыми людьми столь почитается» (ἄλλως δὲ καὶ Πελοποννήσῃ οὐδενὸς πάνυ τοι τοιοῦτου δεῖν δοκεῖ νομίσματος)⁴⁹, и предлагает установить прямой продуктообмен; с другой стороны, он признает, что «монета имеет немалое значение для государства» (οὐδὲ γὰρ φαῖλον εἰς γέ πολιτείας λόγον μέρος ἂν καὶ τὸ νόμισμα εὐμβάλλεσθαι), и действительно предлагает средства для оздоровления монетного обращения в стране, в первую очередь отказ от плохих сортов иностранной монеты⁵⁰. Во всяком случае, кажется несомненным, что, будучи защитником натурального, земледельческого хозяйства, Плифон мыслил его себе как в принципе безденежное, отрицая потребность общества в золотой валюте, признавая за монетой только функцию обращения и утверждая, что «для повседневного обмена подойдет любая имеющаяся монета» (πρὸς δὲ τὰς καθ' ἡμέραν ἀλλαγὰς ἕξαρχοί ἂν καὶ τὸ τυχὸν νομισθέν)⁵¹.

Таким образом, резюмируя сказанное, следует признать, что попытка некоторых исследователей «прессировать» тексты Плифона, прочесть в них то, чего в них не было и не могло быть, приписать ему постановку проблем, которые не могли еще родиться в эпоху Плифона, представляется вряд ли оправданной и плодотворной. Только абсолютизируя экономические идеи Плифона, выхватывая их из всей совокупности его философских идей, неоплатонических по природе и по источникам, можно прийти к подобному отрицанию платоновских корней всей плифоновской (от этого не ставшей менее оригинальной) «политической экономии», на основные положения которой (положения «естественного права», исключаящего частную собственность на землю) у Плифона наслоились сугубо средневековые представления феодала о собственности и сословной принадлежности. Что касается тезиса о влиянии Плифона на последующие экономические учения вплоть до Адама Смита, то в его основе лежит убеждение, будто мысли переходят от одних лиц к другим исключительно «материальным» путем, устно или письменно, а не могут независимо рождаться у разных людей и в разное время. В данном случае совпадение некоторых положений Плифона, скажем, с высказываниями Кенэ не может считаться заимствованием, по крайней мере, до тех пор, пока факт заимствования не установлен и не доказан на основании источников⁵².

⁴⁷ B. Tatakis. Op. cit., p. 288; S. Savvopoulou. Op. cit., p. 24.

⁴⁸ A. Vakalopoulos. Op. cit., p. 179; S. P. Spentzas. Op. cit., p. 95—97.

⁴⁹ PG, t. 160, col. 837A.

⁵⁰ Ibid., col. 853C; ср. col. 837A—B.

⁵¹ Ibid., col. 837A.

⁵² В этом смысле данные источников об упоминаниях о Плифоне в литературе Западной Европы XV—XVII вв., собранные Кнэсом, представляются очень интересными и говорят о довольно широком распространении его сочинений, но все же не дают оснований говорить об «огромном влиянии его идей на европейскую мысль», см. B. Knös. Op. cit., p. 183. Ср. E. Garin. Studi sul platonismo medievale. Firenze, 1958, p. 216—219.

С. К. КРАСАВИНА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА ДУКИ

Выявление социально-политических, этических и иных представлений византийских историков сопряжено с известными трудностями, ибо мы имеем дело с сочинениями, цели которых сугубо конкретны. Греческие авторы этого периода истории Византии, как правило, ставят перед собой задачу подробно изложить факты, случившиеся на их глазах ¹, и довольно редко позволяют себе рассуждения на отвлеченные темы. Подобные примеры встречаются в «Историях» Дуки и Критовула, «Мемуарах» Сфрандзи и хронике Халкокондила ².

В отличие от произведений современников труд Дуки не содержит вступления, где по традиции излагалась цель «Истории» и методы ее автора, которыми он руководствовался при составлении хроники. Тем не менее, судя по отдельным высказываниям, содержащимся в сочинении, можно заключить, что и этот историк придерживался идеала всех летописцев — писать без гнева и пристрастия. Подтверждением сказанному могут служить сдержанный и безразличный тон, который Дука безуспешно старается сохранить на протяжении всего сочинения, сообщение различных версий одного и того же события ³, изложение мнений противоположных сторон по тому или иному вопросу, представленное в форме речей и сделанное с равной убедительностью и сочувствием ⁴.

Правда, оставаться объективным ему удается далеко не всегда. Когда он, например, интерпретирует события, связанные с заключением церковной унии с Римом, спокойное и беспристрастное повествование о Флорентийском соборе сменяется эмоциональными и тенденциозными излияниями, в которых прорывается наружу горячая заинтересованность в определенном понимании изображаемых исторических фактов ⁵. Но такая откровенность не часто встречается в «Истории». Она касается главным образом отношения Дука к унии церквей. В остальных же случаях

¹ G. Sphrantzes. *Memorii*, ed. V. Grecu. București, 1966, p. 2; *Critobul din Imbros*. *Din domnia lui Mahomed al II-Lea anii 1451—1467*; București, 1963 (далее — *Critobul*), p. 33, 7—35, 8; *Laonici Chalcocondylae Historiarum libri decem*. Bonnae, 1843, p. 3, 1; 4, 1; 9, 4.

² Правда, последний историк более свободен в композиции своего сочинения, и вставные эпизоды не являются у него редкостью, но и здесь они в подавляющем большинстве случаев носят специфически исторический характер или же приближаются по типу к литературным новеллам (см. Е. Б. Веселаго. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила. — ВВ, XII, 1956, стр. 211, 214—217).

³ *Ducas. Historia turco-bizantina (1341—1462)*, ed. V. Grecu. București, 1958 (далее — *Ducas*), p. 229, 5—9; 377—379.

⁴ *Ibid.*, p. 187, 23—193, 12; 197, 19—201, 8; 217, 1—219, 30.

⁵ *Ibid.*, p. 265, 16—271, 16.

автор сохраняет кажущуюся индифферентность, и лишь по некоторым довольно беглым замечаниям можно судить о его взглядах. Собранные воедино, эти замечания дают возможность составить определенное представление о мировоззрении историка.

Классовая направленность исторических сочинений византийских авторов обычно не вызывает сомнений. Большая часть их происходила из высших слоев феодальной аристократии, что, несомненно, сказалось на характере произведений. Презрение к простому народу, полное игнорирование его повседневной жизни и нужд, сосредоточение интереса и внимания исключительно на деятельности верхов феодального общества, употребление мертвого литературного языка, пересыпанного архаизмами и учеными премудростями и абсолютно непонятного народным массам, — характерные черты как средневековой историографии вообще⁶, так и византийской в частности. Относительно социальной принадлежности греческих историков XV в. — Сфрандзи, Халкокондила и Критовула — следует заметить, что все перечисленные выше особенности, присущие средневековой историографии, в полной мере относятся и к трудам названных писателей⁷.

Социальная позиция Дуки принципиально не отличается от позиции остальных византийских историков XV в. Он отчетливо сознает деление общества на имущих и знатных, с одной стороны, и бедный, простой народ — с другой⁸. Благородство происхождения высоко оценивается автором, который сам принадлежал к известной, хотя, очевидно, и обедневшей, фамилии. Термин «знатный», «хорошего рода» (ἐνδοξος, εὐγενος, γενναῖος) означает у Дуки большое и неоспоримое достоинство человека и является обязательным атрибутом лица, которое он желает похвалить⁹. И наоборот, если историк хочет показать ничтожность кого-либо, он сравнивает его с пастухом или поваром¹⁰. У автора, например, вызывает величайшее удивление благосклонность и дружеское расположение турецкого султана к своей гвардии — янычарам, которых Дука считает людьми низкого происхождения, детьми простых пастухов, конюхов и земледельцев¹¹. Расправа венецианцев со знатными греческими семьями Фессалоники (когда, прибыв в город по приглашению местного населения, итальянцы занялись преследованием византийской знати) приводит историка в негодование¹², между тем как действия сербского деспота, выкупившего после падения столицы оставшихся в живых вельмож Константинополя, приветствуются им¹³.

В то же время, при всем уважении автора к родовитости и знатности, в его сочинении мы не найдем какого-либо преклонения перед богатством и силой власть имущих или же открытого презрения и враждебности к простому народу. Скорее можно заметить следующее — помощь бед-

⁶ О. Л. Вайнштейн. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, стр. 58—68.

⁷ «Хроника» Сфрандзи представляет собой мемуары придворного сановника⁷ и касается только тех событий, которые непосредственно связаны с историей дома Палеологов; сочинение Критовула — панегирик, адресованный турецкому султану Мехмеду II и ставящий целью увековечить его деяния и подвиги; «История» Халкокондила — обширный труд ученого, рассчитанный на образованных людей своего времени, элиту византийского общества. Классовая принадлежность греческих авторов обусловила и содержание их произведений.

⁸ Ducas, p. 43, 27.

⁹ Ibid., p. 37, 3; 61, 20; 67, 13; 115, 2; 209, 10 и др.

¹⁰ Ibid., p. 371, 23—24.

¹¹ «Он (т. е. султан. — С. К.) называет их своими приближенными, осыпает многими подарками и блистательными должностями, проявляет к ним особую заботу и предоставляет всяческие другие блага, вместе с ними ест и пьет на пирах, питая к ним любовь, как отец к сыновьям. И это к кому? К пастухам, пасущим коз, быков и свиней, к детям земледельцев и конюхов...» (ibid., p. 179, 11—16).

¹² Ibid., p. 247, 26—249, 7.

¹³ Ibid., p. 395, 21—27.

някам признается им основным признаком добродетельности¹⁴, причем это касается не только христиан (что вполне естественно для церковной морали, ибо милостыня — один из главных принципов христианского благочестия), но и в такой же степени относится к мусульманам¹⁵.

В данной связи необходимо остановиться на следующем примечательном факте: Дука единственный из византийских историков того периода обратился к теме социальной борьбы и оставил подробное и живое описание восстания турецких крестьян в Малой Азии. Это восстание происходило в районе Стилария в 1416—1418 гг.¹⁶ Руководил им, по свидетельству автора, простой крестьянин Берклюджи Мустафа. Программа восстания носила радикальный характер. Крестьяне выдвигали требования общности имущества¹⁷, аскетизма¹⁸ и веротерпимости¹⁹. Они старались привлечь на свою сторону и христиан, для чего на остров Хиос были посланы представители, которые сделали попытку установить контакт с архонтами и избранными лицами духовного клира. Но влиятельные люди Хиоса, по всей вероятности, не поддержали восставших. Во всяком случае, Дука не сообщает о том, как архонты острова откликнулись на призыв турецких крестьян объединиться с ними. Однако движение встретило поддержку простого населения острова. Писатель говорит, что некий старец, отшельник из монастыря Турлотти, имени которого он не пожелал назвать, хотя знал его хорошо, отнесся с симпатией к восставшим, завязал с ними сношения и принял их программу.

Сам автор заинтересовался восстанием, посетил место, где оно происходило, собирал и записывал сведения о нем, беседовал с греческим соратником предводителя турецких крестьян. Восстание описано им с явным сочувствием²⁰. Дука не замалчивает актов жестокости во время

¹⁴ Например, он так отзываясь о жене мегадюки Константинополя Луки Нотара: «Она была умной женщиной, сдержанной в проявлении всяческих душевных порывов, и пользовалась известностью за милосердие и сочувствие по отношению к беднякам» (ibid., p. 395, 4—5).

¹⁵ О турецком правителе Сулеймане I, которого автор называет Мусульманом, он говорит так: «Все прославляли его как всеобщего благодетеля и покровителя. И это было правдой, ибо, когда Мусульман приходил в город или же деревню, хотя бы на тридцать дней, все, кто, нуждаясь в еде, собирал милостыню, получали от него удовлетворение» (ibid., p. 123, 27—31). А сравнительно легкую смерть султана Мурада II он объясняет благожелательностью этого человека ко всем людям, сочувствием его к положению бедняков, «и не только по отношению к своему нечестивому народу, но и в отношении христиан» (ibid., p. 285, 3—5).

¹⁶ А. С. Степанов. Труд Дуки как источник по истории восстания Берклюджи Мустафы начала XV в. — ВВ, V, 1952, стр. 99—100.

¹⁷ «Он (т. е. Берклюджи Мустафа. — С. Р.) призывал турок к бедности, учил, что, кроме жен, все остальное должно быть общим: и пища, и одежда, и скот, и земля: „Я в твоём доме, как в своём, а ты в моём, как в своём, за исключением того, что касается женщин“» (Ducas, p. 149, 30—151, 1). Эти требования восставших отразили в себе лозунги знаменитого турецкого проповедника Симавна-оглу (см. Г. И. Ибрагимов. Крестьянские восстания в Турции в XV—XVI вв. — ВВ, VII, 1953, стр. 134—136).

¹⁸ Восставших Дука называет монохитониками, поскольку они давали обет носить лишь шерстяной хитон и ходить без сандалий и головных уборов (Ducas, p. 151, 10—12; 27—28).

¹⁹ «Из его учения вытекало, — пишет Дука, — кто из турок скажет, что христиане не чтут бога, тот нечестивец. И все последователи этого учения согласно поддерживали дружеские отношения с христианами, почитая их, как ангелов божиих» (ibid., p. 151, 2—5). И далее: «Только в единении с верой христиан возможно спасение всем другим народам» (ibid., p. 151, 8); «... они поклялись... больше стремиться к объединению с христианами, нежели с турками» (ibid., p. 151, 28—29).

²⁰ Мы не согласны с мнением А. С. Степанова об отношении Дуки к восстанию турецких крестьян. В своей работе (указ. соч., стр. 104) он доказывал, что греческий хронист тенденциозно, с позиций аристократа описывал это народное движение. Аргументы ученого таковы: 1) автора не интересовала программа крестьянского выступления, 2) Дука с презрением относился к народу вообще. Что касается первого тезиса, то он опровергается самим текстом источника, ибо, социально-экономические и религиозные требования восставших изложены историком довольно подробно и весьма определённо. Для иллюстрации же «презрения и ненависти» Дуки по отношению

подавления восстания, с нескрываемым уважением рассказывает об упорном сопротивлении, которое крестьяне оказали карателям, и о стойкости Берклюджи Мустафы и его сподвижников во время казни. «Они подвергли его (Мустафу. — С. К.) бесконечным пыткам, — пишет Дука, — но он остался неизменным и непоколебимым в своих убеждениях. Тогда они распяли его, растянув ему руки и прибив их гвоздями к доскам, затем водрузили его распятого на верблюда и с триумфом провезли через середину города. Его учеников, не отрехшихся от взглядов своего наставника, они всех закололи на глазах учителя. И те ничего не говорили, кроме одного: «Деде-султан, ерис», т. е. «Господин отец, приди», а потом радостно принимали смерть»²¹. Подобное явление — уникальный случай в византийской историографии, поэтому ему необходимо дать объяснение.

Причина сочувствия византийского историка к крестьянскому движению могла бы корениться в политических мотивах, поскольку восстание отвлекало турок от их агрессивных целей в отношении Константинополя и ослабляло силы противника²². Но восстание не прошло бесследно для Византии. Недаром Дука указывает на то, что после разгрома движения в греческом народе ходила молва (имеется в виду население Хиоса), что турецкий вождь Берклюджи Мустафа не умер; да и православный схимник, у которого автор спрашивал мнение о предводителе, также утверждал, что тот жив, переправился на остров Самос и проповедует там. И хотя историк не поверил ему²³, тем не менее этот факт свидетельствует о сочувствии византийского населения восстанию турецких крестьян. Другое объяснение позиции, занятой автором по отношению к крестьянскому движению, можно найти в религиозной программе восставших. Принцип веротерпимости, выдвинутый крестьянами, их стремление найти общий язык с христианским населением, не могли не импонировать такому религиозному человеку, как Дука, убежденному в неоспоримости христианского вероучения²⁴. Однако и это объяснение не может нас полностью удовлетворить, ибо, хотя автор и делает большой акцент на религиозной программе восстания, тем не менее он отчетливо сознает, что для крестьян главными были требования социальные. Именно им он уделяет основное внимание в своем рассказе о восстании. Интересно, что писатель не пытается критиковать крестьянскую программу или же выступать с нападками на нее. Он лишь довольно мягко (для отпрыска знатного рода) называет социальные требования восставших заблуждением («вводя в заблуждение всех христиан своим учением»²⁵). Но было бы излишним ждать от него и выражений солидарности с их учением о всеобщем социальном и имущественном равенстве.

Итак, ни политические, ни конфессиональные мотивы не являются определяющими для позиции Дуки по отношению к народному движению.

к простому народу Степанов приводит цитату из сочинения хрониста, которая относится не к восстанию, а к полемике по поводу заключения церковной унии с католиками. Писатель обличает там население столицы (скорее всего — монашество, как это видно из контекста), противодействовавшее унии (*Ducas*, p. 319, 8—11). Поскольку Дука болезненно воспринимал все, что касалось борьбы вокруг церковной унии, он выступил с резкими нападками на своих политических противников. Однако придавать указанной фразе социальный смысл было бы несправедливо, ибо никаких оснований для этого источник не дает. И тем более неправильно отрывать данную фразу от контекста и произвольно переносить ее в описание иных событий.

²¹ *Ducas*, p. 153, 13—19.

²² Именно так считает А. С. Степанов (указ. соч., стр. 104).

²³ «Я не поверил этому и не уразумел его фантазии», — говорит историк (*Ducas*, p. 153, 24—25). В противоположность А. С. Степанову (указ. соч., стр. 102—103) мы не видим в слове «фантазия» оскорбительного значения.

²⁴ По нашему мнению, называя предводителя *ψευδοαββάς* (*Ducas*, p. 151, 10, 16, 26; 153, 12), Дука руководствуется лишь конфессиональными соображениями, ибо старца с Крита, проповедовавшего те же идеи, что и Мустафа, он величает *ἀληθής ἀββάς*, поскольку тот являлся православным монахом, а не мусульманином.

²⁵ *Ducas*, p. 151, 1.

Следовательно, мы вправе говорить о некотором «демократизме» этого историка по сравнению с современными ему византийскими хронистами ²⁶. В самом деле, общий характер его труда также указывает на большую близость этого автора к повседневной, обыденной жизни, чем любого из греческих историков XV в. Мы имеем в виду и его живой язык, близкий к разговорной речи, и неподдельный интерес хрониста к торговле и производству. В этом отношении труд Дуки также уникален в византийской историографии XV в. В нем содержится подробнейшее описание кvasцoвых разработок в Новой Фокее ²⁷, причем автор обнаруживает тонкое знание производственного процесса, свидетельствующее о его тесной связи с предпринимательским миром, а также есть ряд ценных экскурсов в область строительной техники ²⁸ или же устройства и действия огнестрельного оружия ²⁹. Все это говорит о том, что не только политические, военные и религиозные проблемы занимали историка (хотя и у Дуки им принадлежит ведущая роль), но и повседневные заботы и нужды людей. Мы далеки от того, чтобы придавать слишком большое значение этим робким попыткам византийского хрониста отойти от традиционной точки зрения на историю, и тем не менее отметить подобное явление, существующее в византийской историографии XV в., абсолютно необходимо.

Представление Дуки о наилучшей форме государственного устройства вполне традиционно для византийского писателя. Он знает о существовании «аристократических» и «демократических» государств ³⁰ (имея в виду, очевидно, итальянские города-государства с их олигархическим или же республиканским правлением), но относится к подобным формам политического устройства индифферентно. Правда, можно заметить некоторую гордость в его словах о Генуе: «...Генуя является республикой, и никто не может в ней управлять тиранически» (далее речь идет об управлении подвластных городу территорий, причем автор акцентирует внимание читателя на сменяемости должностных лиц и ограниченности времени их правления, что, по его мнению, соответствует республиканскому строю) ³¹, однако это замечание остается единственным. В остальных же случаях автор не испытывает никаких сомнений на этот счет — правомерность и законность монархической власти нигде не оспаривается им. Можно было находиться в оппозиции к данному самодержцу или даже династии (что иногда приписывается ему, на наш взгляд, абсолютно необоснованно) ³², но не к императорской власти как таковой. Дука, например, явно иронизирует по поводу временного многовластия, установившегося в период гражданской войны Иоанна Кантакузина с Иоанном Палеологом («...и можно было видеть на этом пире вереницу императоров и императриц, деспотов и деспин, как будто вернулось древнее двенадцатибожие») ³³.

²⁶ Мы говорим о демократизме, разумеется, в понимании негативном, т. е. только в смысле противоположном аристократическому снобизму, типичному для классической феодальной историографии, об основных чертах которой мы упоминали выше. Мы ни в коем случае не хотим представить Дуку выразителем народных чаяний.

²⁷ *Ducas*, p. 205, 6—23.

²⁸ *Ibid.*, p. 155, 1—6; 301, 13—24; 349, 16—22.

²⁹ *Ibid.*, p. 205, 6—23; 263, 28—265, 15; 309, 7—17; 309, 29—311, 10; 321, 13—20; 331, 18—25; 341, 10—21.

³⁰ *Ibid.*, p. 75, 11—12.

³¹ *Ibid.*, p. 209, 1—8.

³² См., например, статью П. Д. Погодина «Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 г.» (ЖМНП, 1883, август, стр. 219). В этом отношении взгляды Дуки противоположны представлениям Халкокондила, у которого заметно выражено враждебное отношение к правящей династии (см. *Е. В. Веселаго*. К вопросу об общественно-политических взглядах и мировоззрении византийского историка XV в. Лаоника Халкокондила. — «Вестник МГУ», IX, серия истории, 1960, стр. 45—46.

³³ *Ducas*, p. 65, 5—6.

В то же время он чужд и представления о вассалевсе как некоем божестве, хотя подобный культ составлял существенный элемент доктрины государственной власти в Византии ³⁴. Для историка императоры являются прежде всего политическими деятелями, от личных качеств которых зависит очень многое в судьбе страны. Чаще всего он относится к ним с уважением, но без раболепия, а порою бывает и резок по отношению к тому самодержцу, который не соответствует его идеалу монарха ³⁵. Дука — человек эпохи, в которой выше всего ценились деловые качества людей. Политические деятели должны быть энергичными, воинственными и разумными ³⁶. Этим требованиям отвечает, например, Мануил II Палеолог или же Иоанн Кантакузин. Интересно, что те же представления о назначении императора мы находим и в «Мемуарах» Георгия Сфрандзи. «Как вытекает из наших дел, сейчас нашей державе требуется не государь, а хозяин» ³⁷, — такие слова вкладывает историк в уста императора Мануила II. Для Сфрандзи этот монарх, как и для Дуки, является достойным предметом подражания для остальных правителей.

Управлять страной, по мнению Дуки, достоин богатый и знатный человек, талантливый военачальник. «Разве я не самый знатный, благородный, знаменитый, известный богатством и самый сильный в военном деле человек?!» ³⁸ — недоумевает Кантакузин, возражая оппозиционно настроенным к нему гражданам Константинополя, не пожелавшим признать его императором.

Любопытны представления историка о формах государственной власти. Он разграничивает и противопоставляет императорскую власть и восточную деспотию, которую называет тиранией. Тираническое правление, с точки зрения автора, — полнейший произвол и беззаконие. Тиран — тот, кто нарушает клятвы, выдаст людей, просящих убежище, убийца и предатель ³⁹. Мануил Палеолог считает для себя позором поступки, за которые его могут обвинить в тирании. Тирания присуща туркам, но ни в коем случае не грекам. Однако у Дуки есть и более общие понятия — вождь и правитель (ἀρχηγός, ἡγεμών), которые он употребляет довольно часто как по отношению к турецким султанам и эмирам, так и к итальянским и иным властителям. Долг и честь правителей состоит в заботе о подданных их державы, их благополучии и славе, в приумножении богатств своей страны, а также в том, чтобы воздавать каждому по его заслугам — мстить за дурные и благодарить за хорошие дела и поступки ⁴⁰. Однако правитель всегда должен уметь ограничить пределы своей власти, в противном случае он превращается в тирапа ⁴¹. «Править во имя истины, справедливости и послушания» ⁴² — вот к чему необходимо стремиться каждому главе государства.

Наряду с этим Дука высказывает ряд мыслей об обязанностях подданных. Обязанность подчиненного — до конца исполнять приказ госпо-

³⁴ А. П. Кавдан. Социальная природа византийского самодержавия. — «Народы Азии и Африки», 6, 1966, стр. 54.

³⁵ Так, он называет Иоанна V Палеолога немощным и лишенным ума. «Ведь он большей частью был легкомысленным человеком, — говорит далее автор, — ничем не интересовался, кроме молодых и красивых лицом женщин, раздумывая, чем и как предельно их, а в других делах — как судьба выведет и течение вынесет, так он брал и принимал» (Ducas, p. 71, 22—27).

³⁶ Ibid., p. 57, 13—14, 113, 3—4; 127, 3—13; 157, 25; 175, 4—5. Покровителю Константинополя — турецкому султану Мехмеду II — он также отдает должное за энергию, ум и стратегический талант (ibid., p. 313, 22—28; 339, 6—14).

³⁷ G. Sphrantzes. *Memorii*, p. 60, 2.

³⁸ Ducas, p. 61, 20—22.

³⁹ Ibid., p. 159, 2—11; «...правит, как тиран, не желая заботиться об общем спасении» (ibid., p. 83, 22—23).

⁴⁰ Ibid., p. 145, 12—14; 187, 28—29.

⁴¹ Ibid., p. 101, 3—4.

⁴² Ibid., p. 47, 29.

дина ⁴³ и отдавать ему дань уважения ⁴⁴. Измена вождю одинаково порицается им, кем бы она ни совершалась — христианами ⁴⁵ или мусульманами ⁴⁶.

Представления о долге каждого подданного по отношению к государю позднее перерастают у Дуки в более общие понятия гражданского долга. Так, устами воинов с Крита историк осуждает систему наемных войск, которая практиковалась в Византии, как и во многих европейских государствах средневековья. Она, по словам автора, приводит к такому положению вещей, когда чужестранцы отдают жизнь и проливают кровь во имя спасения Константинополя от неприятеля, а в то же время местные жители оказываются пособниками врага и предателями государства ⁴⁷.

Служение туркам, вольное или невольное, вызывает неодобрение автора. Он безжалостен к предателю Толлогу, бывшему переводчиком при византийском посольстве в Османскую державу ⁴⁸, обвиняет венгерского посланника, помогавшего туркам советами при штурме византийской столицы ⁴⁹, и генуэзцев Галаты за их нейтралитет при осаде Константинополя ⁵⁰. Зато всей душой писатель приветствует решение императора Константина XI Палеолога не сдавать город неприятелю без боя, поскольку, как поясняет он, если бы это случилось, любой христианский город и даже турки и евреи имели бы все основания оклеветать, поносить и презирать византийцев ⁵¹. Подобное понятие о чести своей нации, поддержании ее престижа перед другими народами отчетливо выражено у хрониста. После гибели Византии он с горечью пишет о падении авторитета греков. «Воистину нас считают лжецами, а богослужение наше признается у народов никчемным» ⁵², — сокрушается автор, намекая, очевидно, на тот факт, что византийскому правительству не раз приходилось отказываться от своих обязательств, принятых ранее ⁵³.

Вопросам этического порядка Дука отводит в «Истории» большое место. Его мораль, разумеется, чисто христианская. Он ратует за сдержанность, терпимость, благородство, милосердие и сострадание к ближнему ⁵⁴, презирает корыстолюбие, лень, распутство, пьянство и обжорство, в ком бы ни проявлялись эти дурные качества ⁵⁵. Самой высокой похвалы у историка удостоивается миролюбие и соблюдение клятв ⁵⁶. Он привет-

⁴³ *Ducas*, p. 157, 28—29.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 183, 10.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 179, 29—181, 2; 235, 10; 253, 2—3.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 181, 2—6; 313, 3—6.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 233, 15—18.

⁴⁸ *Ibid.*, p. 163, 6—9.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 343, 13. Дука пишет, что, будучи христианином, он не должен был давать подобного совета (относительно более меткой стрельбы из пушки по стенам осажденного Константинополя).

⁵⁰ *Ibid.*, p. 333, 5—17; 343, 29—345, 4; 347, 13—349, 15.

⁵¹ *Ibid.*, p. 347, 5—8.

⁵² *Ibid.*, p. 375, 26—27.

⁵³ *Ibid.*, p. 49, 9—19; 285, 6—9; 295, 1—5.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 63, 24—25; 85, 5; 237, 8—10; 395, 4—5; 395, 22—27.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 59, 7—24; 71, 23—27; 87, 7—17, 121, 35—37; 201, 20—24; 211, 23—25; 213, 11—16; 217, 10—13; 235, 10; 337, 10—11; 361, 16—17.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 85—5; 237, 8—10. Спокойную смерть турецких султанов автор объясняет не иначе, как миролюбием. О кончине Мехмеда I он сообщает так: «...он находился в мире с большинством своих вождей, с императором ромеев и всеми христианами, кроме венецианцев, поэтому, исполнив свой долг, умер спокойно. ... Он принял смерть такую, которую судьба не посылала никому из его предков. Все другие, кроме него, кончали жизнь либо от яда, либо от удушья, либо от кинжала. Я думаю, что Атропа так милостиво отнеслась к нему из-за дружбы, которую он искренне питал к самодержцам, и из-за расположения, которое проявлял по отношению к подданным Христа» (*ibid.*, p. 163, 18—26). Сравнительно легкую смерть Мурада II он трактует еще более любопытно: «...клятвенные договоры, которые он заключал, он исполнял до конца честно и бесхитростно. Но если кто-нибудь из христиан нарушал и преступал клятвы, это не укрывалось от всевидящего ока бога и по его приговору они терпели

ствует Кантакузина, не ставшего убивать своих противников из числа соотечественников⁵⁷, одобряет существующий, по его мнению, у всех народов обычай не лишать жизни соплеменников во время гражданских войн⁵⁸. Братоубийственные войны и вообще жестокость абсолютно неприемлемы для Дуки, случись это с турками, греками, итальянцами или монголами⁵⁹. Междоусобную войну двух Андроников Палеологов, отца и сына, он называет «бесчеловечием» и оскорблением бога⁶⁰, его возмущает также и то, что ромеи продают в рабство и избивают плетью своих сородичей⁶¹, а дикую расправу венецианцев с турками на острове Тенедосе и зверства, чинимые монголами и турками над покоренным населением, он относит к разряду деяний, недостойных имени человека⁶².

Интересны и этнические представления Дуки. Он разделяет все народы на «дикие» и «культурные»⁶³. Мы видим здесь обычное для византийца противопоставление ромеев другим племенам⁶⁴, как более высокоразвитого народа: турки в сравнении с ними уподобляются саранче и варварам, монголы — скифам, сербы — ничтожеству⁶⁵ и т. п. Он находит массу недостатков у других народов: влахи склонны к измене⁶⁶, итальянцы двуличны⁶⁷, о турках и говорить не приходится — для их характеристики автор не скупится на эпитеты самого нелестного свойства.

С другой стороны, на писателя оказали огромное влияние судьба его семьи и окружающая действительность, которая меняла прежние представления о месте византийцев среди других народов. Так, писатель критикует некоторые черты характера соотечественников, особенно их высокомерие по отношению к остальным народам. «Сами достойны презрения, а презирают весь род людской», — пишет историк в момент раздражения, возмущаясь недальновидностью соплеменников⁶⁸. Более того, говоря о вынужденном поселении своего деда в Малой Азии, автор с гордостью отмечает, что землю, в которой тот обосновался, «он любил, как родину», «а чужой народ и варваров почитал и уважал, как увенчанных богом»⁶⁹. Подобные слова, сказанные в адрес народа другого происхождения и веры, не слишком частое явление в византийской историографии. И тем не менее Дука остается византийцем, представителем «ромейского»⁷⁰

наказание от него (Мурада II). Но испытание не длилось слишком долго, ибо сейчас же после победы варвар прекращал преследования, ибо не жаждал до конца уничтожить какой-либо народ, а наоборот, когда побежденные стремились к мирным переговорам, он с готовностью принимал послов и отпускал их с миром, поскольку ненавидел войны и любил мир, — поэтому отец мира окончил жизнь варвара миром, а не мечом» (ibid., p. 285, 5—14).

⁵⁷ Ducas, p. 57, 15—17.

⁵⁸ Ibid., p. 99, 3—7.

⁵⁹ Ibid., p. 57, 18—29; 61, 3—9; 107, 7—10; 233, 28—30.

⁶⁰ Ibid., p. 73, 6—8.

⁶¹ «Можно было увидеть скорбное зрелище. Кто брал в плен? Ромеи. Кто были пленники? Ромеи. А кто умирал? Ромеи. Чьи это трупы? Ромеев. А кто их убийцы? Ромеи. О, страшное несчастье!» (ibid., p. 61, 6—9).

⁶² Ibid., p. 89, 26—91, 19; 107, 19—26; 125, 22—27; 149, 5—11; 245, 15—22.

⁶³ Ibid., p. 177, 15.

⁶⁴ Дука знает множество народов. Он упоминает авасгов, аламанов, аланов, албанцев, арабов, армян, африканцев, египтян, влахов, вавилонян, венецианцев, вифинийцев, болгар, генуэзцев, германцев, далматинцев, евреев, фракийцев, англичан, иллирийцев, индийцев, итальянцев, испанцев, каталонцев, венгров, персов, сербов, татар, турок, французов, фламандцев, халдеев и др. Но автор говорит о различных народностях чрезвычайно кратко, останавливаясь лишь на тех из них, которые имеют непосредственное отношение к описываемым событиям.

⁶⁵ Ibid., p. 95, 16—20; 57, 20—22; 91, 14; 95, 7; 111, 2.

⁶⁶ Ibid., p. 253, 2—3.

⁶⁷ Ibid., p. 349, 2—3.

⁶⁸ Ibid., p. 319, 8—11. О недальновидности греков см. также: ibid., p. 47, 11—16.

⁶⁹ Ibid., p. 47, 9—11.

⁷⁰ Дука крайне редко, в отличие от Халкокондила и Критовула, пользуется терминами «эллин» (ibid., p. 57, 29; 31, 11; 95, 17; 319, 10), «грек» (ibid., p. 267, 7, 14, 26; 269, 1; 317, 29; 319, 3, 4, 24) и «византиец» (ibid., p. 45, 15).

народа, недаром именно этот термин употребляет историк всегда, когда ведет речь о судьбе своей страны ⁷¹. И хотя по существу он не имел уже никаких генетических корней ни в Константинополе, ни в Морее, пределами которых к тому времени (XV в.) ограничивались владения Византии, все же он сумел сохранить национальное самосознание и внутреннюю связь со своим народом.

По мировоззрению Дука в целом не выходит за рамки богословской концепции исторического процесса, т. е. концепции всеобщей зависимости от божества, определяющего события, изменить которые не в силах человек. Провиденциализм Дуки очевиден. История — не что иное, как осуществление божественного замысла. Миром управляет высший промысел. Он всегда знает, что делает ⁷², и ведет все к лучшему ⁷³, ибо это — самый мудрый из устроителей мира ⁷⁴. Решения его справедливы ⁷⁵: чинящих беззакония он отправляет в Аид ⁷⁶, не соблюдающих мирные договоры карает ⁷⁷, зато справедливых людей он избавляет от мучительной смерти ⁷⁸ и от беды ⁷⁹.

В наиболее критические моменты народ возлагает на бога свои надежды, обращаясь к нему с молитвами ⁸⁰. Однако эта стройная система божественного детерминизма порою воспринимается автором как нечто общее, как формальная схема, не противоречащая проявлениям единичной воли человека. Так, Дмитрий Ласкарис Леондарий, возражая турецкому правителю Мустафе, указывает ему на то, что не годится приписывать все свои победы воле бога и забывать о союзниках, помогавших ему добиться власти ⁸¹.

Помимо провидения, огромную роль в жизни страны и народа играет судьба (τύχη — «тихи»). Она имеет большое значение для каждого человека. Одни люди «по жребии судьбы» являются рабами ⁸², другие процветают ⁸³, третьи навлекают на себя зависть ⁸⁴. Дары судьбы не следует приписывать своей доблести, ибо это равносильно тщеславию ⁸⁵. Но не нужно забывать и того, что приговор судьбы неизменен и не зависит от желаний человека. «Все, начертанное на челе каждого перстом божьим, неизбежно случится», — говорит Мехмед I императору ⁸⁶. Тем не менее сама судьба непостоянна — «она столь изменчива, сколь изменчиво вращение камня, брошенного пращей» ⁸⁷. Иногда она «улыбается ромеям», но гораздо чаще ведет их к беде и сулит им несчастья ⁸⁸. Поэтому применительно к Византии автор называет ее злой судьбой («злая воля, прядущая враждебную по отношению к ромеям нить судьбы!») ⁸⁹.

Однако, говоря словами автора: «Отчего случилась эта всеобщая беда? Каким образом она пришла и за что?» Задавая себе этот вопрос, историк

⁷¹ *Ducas*, p. 85, 26—27.

⁷² *Ibid.*, p. 49, 9.

⁷³ *Ibid.*, 55, 2—3; 89, 19—20.

⁷⁴ *Ibid.*, p. 163, 6.

⁷⁵ *Ibid.*, p. 159, 5; 177, 20—21; 375, 30.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 199, 28—29.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 133, 24—25.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 163, 18—26; 285, 1—14.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 415, 7.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 87, 18—21; 91, 24—28.

⁸¹ *Ibid.*, p. 201, 2—4. Или же автор довольно смело пронизывает по поводу некоего «Дьяволангела», говоря, что неизвестно, кто руководил его поступками — дьявол или ангел (*ibid.*, p. 73, 13—17).

⁸² *Ibid.*, p. 165, 14—15.

⁸³ *Ibid.*, p. 87, 7—17; 181, 7—10.

⁸⁴ *Ibid.*, p. 41, 18—20.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 99, 23—24.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 131, 11—12.

⁸⁷ *Ibid.*, p. 131, 7—8.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 51, 10; 167, 29 («судьба ромеев, видя будущее, стонала»).

⁸⁹ *Ibid.*, p. 55, 24.

тут же без тени сомнения отвечает: «За прегрешения наши!»⁹⁰. Падение Византии давно предрешиено всевышним, ибо само турецкое нашествие — не что иное, как божья кара, ниспосланная им на христиан. «Варвары, мне кажется... не прекратят делать это (уничтожать христиан. — С. К.), — пишет Дука, — до тех пор, пока нас не охватит страх перед богом, ибо мы проявили нечестие по отношению к богу, от которого приняли крещение во имя отца, сына и святого духа — единого божества. Презрев его, мы нарушали заветы единственно истинного бога — мы преданы нечестивым и справедливо подвергаемся наказанию, потому что таково праведное и прекрасное решение бога»⁹¹.

Давая общую оценку социально-политическим и историко-философским взглядам Дуки, мы должны признать, что наряду с типичными для средневекового хрониста представлениями в его мировоззрении есть немало самобытного. Происходя из высших слоев господствующего класса и являясь по профессии дипломатом, автор, тем не менее, не сосредоточивает свое внимание исключительно на жизни верхов феодального общества — он касается не только внешнеполитической истории, но и вопросов производственной деятельности людей, проявляя при этом несомненный интерес к проблемам социально-экономического характера. Историк обратился к изображению борьбы крестьянских масс против своих угнетателей и описал народное восстание без видимой враждебности и предвзятости.

В области политических воззрений, будучи, по всей вероятности, сторонником монархии, писатель отвергал абсолютистские формы правления, особенно восточный деспотизм. К своим сюзеренам он также относился весьма критически — как к тем, у кого он непосредственно состоял на службе (Гаттелузи), так и к тем, кого считал верховными самодержцами (византийских императоров)⁹². Несмотря на то, что хронист осуждал узурпацию Михаила VIII Палеолога и считал ее одной из причин, вызвавших карающее возмездие бога, к остальным государям из этой фамилии он относился вполне лояльно, открыто не выражая своей оппозиционности правившему дому Палеологов.

Выступая поборником христианской морали миролюбия и гуманности, Дука не видел в окружающей его действительности образца, соответствующего его этическому идеалу и достойного служить читателям его «Истории» примером для подражания. Писатель-патриот, с огромной болью взирающий на бедствия своего народа, он не делает каких-либо попыток оправдать и защитить его перед лицом истории, но, напротив, сам обрушивает поток обвинений на соотечественников. Хронист признает, что турецкое нашествие было необходимой и справедливой карой всевышнего за моральное падение, клятвопреступления и иную греховность его сограждан перед богом. Однако он все же питает надежду на лучшее будущее — если не ромеев, то, по крайней мере, других христианских народов, ставших жертвой турецкой агрессии. Сохраняя в целом трезвый и реалистический взгляд в интерпретации конкретных исторических событий⁹³, историк готов поверить любому предсказанию о скорейшем прекращении страданий его родины. Он приводит пророчества относительно будущей судьбы осман-

⁹⁰ *Ducas*, p. 251, 9; 87, 18—21.

⁹¹ *Ibid.*, p. 177, 16—21.

⁹² См. С. К. Красавина. Политическая ориентация и исторические взгляды византийского историка Дуки. — «Проблемы всеобщей истории», вып. I. Казань, 1967, стр. 267—270.

⁹³ Так, он сильно сомневается в возможности воскресения предводителя восстания турецких крестьян (*Ducas*, p. 153, 19—24) или же, не беря на себя смелость доверять предсказанию какого-то старца о падении Константинополя, делает осторожную оговорку о том, что пишет лишь так, как слышал (*ibid.*, p. 343, 13).

ского престола и византийского трона. Вначале Дука рассказывает о сделанном прорицателем толковании сна турецкого султана Мурада II ⁹⁴, затем повествует о пророческом гадании византийского императора Михаила VIII Палеолога ⁹⁵. Оба предсказания служат цели доказать неизбежный и одновременный конец двух династических родов, с гибелью которых, очевидно, были связаны у него надежды на изменение дальнейшего хода исторических событий. Отнюдь не склонный к суевериям, писатель берет на вооружение эти сомнительного качества аргументы как единственное утешительное предзнаменование о возможном прекращении бедствий, обрушившихся на его страну.

В мировоззрении Дуки можно обнаружить некоторые моменты, общие с гуманизмом. Например, его идея ненадежности и непостоянства судьбы сходна с высказываниями гуманистов, считавших судьбу случайностью. Критика автором системы наемной армии и неприязнь, которую он испытывает к монашеству, называя его беспорядочной и праздной толпой ⁹⁶, напоминают суждения выдающегося греческого гуманиста из Мистры Гемиста Плифона. Однако, несмотря на эти прогрессивные тенденции, в целом общее направление мыслей, мироощущение Дуки ограничивалось рамками средневековых представлений феодальной эпохи и уходило корнями в прошлое.

Чтобы определить место историка Дуки в греческой историографии последних веков Византии, необходимо обратиться к воззрениям хронистов того времени, ибо произведение любого из летописцев одновременно является плодом определенных исторических и философских представлений современной ему эпохи, а следовательно, порождением общественной мысли Византии XV в.

Обратимся сначала к Георгию Сфрандзи, имеющему так много общего с Дукой в политических представлениях. На первый взгляд, мировоззрение автора «Мемуаров» напоминает теологическую концепцию исторического процесса, изложенную Дукой в «Истории». Мы найдем в сочинении Сфрандзи и декларацию верности православию ⁹⁷, и изложение православного символа веры с критикой различных еретических учений ⁹⁸, и молитвы, обращенные к богу ⁹⁹, — т. е. все те атрибуты, которые указывают на формальную связь писателя с христианской теологией. И тем не менее нетрудно заметить, что религиозность не присуща ему в такой мере, как Дуке, она в значительной степени является лишь внешней оболочкой, той традиционной схемой, за рамками которой не обнаруживается никакого глубокого смысла. Сфрандзи забывает о религии сразу же, как только сталкивается с земными делами. Он не задумывается о конфессиональных интересах, когда берется за решение важных дипломатических поручений. Так ведет себя историк, рассуждая о целесообразности унии Восточной и Западной церквей, — его аргументы в пользу противников унии носят не богословский, а политический характер.

Отношение Сфрандзи к христианской морали и православной церкви особенно наглядно демонстрирует отрывок из его произведения, в котором он обосновывает правомерность своего проекта женитьбы императора Константина XI Палеолога на сербской княжне Марии, вдове покойного султана Мурада II. Хронист полностью пренебрегает препятствиями этического и религиозного свойства, выдвигая на первый план деловой расчет. Относительно же возможных помех со стороны духовенства историк заявляет открыто, что «церковь охотно согласится, если дать деньги ду-

⁹⁴ *Ducas*, p. 285, 28—287, 12.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 401, 2—14.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 317, 12—22.

⁹⁷ *G. Sphrantzes. Memorii*, p. 56, 29—30.

⁹⁸ *Ibid.*, p. 136, 15—138, 18.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 144, 26—146, 4.

ховенству и нищим. . .»¹⁰⁰. Даже собственные «взаимоотношения» с богом Сфрандзи пытается строить на договорных началах, высказывая чрезвычайно любопытную мысль о том, что, если всевышний предоставит ему время в этой жизни заплатить страданием за грехи, совершенные в прошлом, он смеет надеяться на его милосердие во время «второго страшного пришествия» господи¹⁰¹. По остроумному замечанию Тернера, страдания рассматриваются здесь историком как своеобразная страховая плата за спасение¹⁰², что расходилось с богословским понятием страдания как меры возмездия, наказания и врачевания за грехи смертных, которое мы наблюдаем, например, у Дуки или же у автора Большой хроники (Псевдо-Франдзи)¹⁰³. Более того, у Сфрандзи можно заметить некоторое недовольство и разочарование тем, что, несмотря на посты, молитвы, обеты и милостыни константинопольцев во имя освобождения христиан от нечестивых, всевышний не спас их от порабощения мусульманами. «Бог, однако, пренебрег всем этим, по какой причине — я не знаю и люди не ведают. . .», — пишет хронист¹⁰⁴.

Несколько иное отношение к религии у Халкокондила. Хотя догматические проблемы не занимают этого историка (он не придает им никакого значения в вопросе о заключении церковной унии, проявляет полное равнодушие к еретическим учениям, о которых рассказывает в своем сочинении, и даже рассматривает ислам и христианство как равноценные друг другу верования)¹⁰⁵, тем не менее и он не чужд религиозной концепции философии истории. Правда, она носит у него скорее характер неопределенного теизма¹⁰⁶ — по словам летописца, некая безличная и сверхъестественная сила, нечто божественное управляет всем ходом развития истории. Иногда это — сам бог, иногда — судьба («тихи»), а в иных случаях и рок (*εἰραρρένη*). Поэтому Халкокондил твердо верит предсказаниям оракулов и проявляет большую склонность к фатализму вообще, однако его идея предопределенности (если суждено, то свершится)¹⁰⁷ ближе к теории неотвратимой закономерности гениального византийского гуманиста-мыслителя Георгия Гемиста Плифона, нежели к ортодоксальному провиденциализму¹⁰⁸.

Еще более далек от христианской доктрины философии истории Михаил Критовул. В его концепции исторического развития потусторонней силе отводится мало места. Если у Халкокондила и у Дуки порою наблюдается наивное доверие к пророчествам, а также тяготение к сверхъестественному детерминизму, то Критовул почти освобождает историю от власти божества. По мысли этого писателя, история развивается по своим внутренним естественным законам. В ней нет ничего вечного и неизменного. Меняются государства, одни народы приходят на место других, причем один и тот же народ не может править миром дважды. В согласии с идеей изменчивости всего существующего Критовул создает теорию цикличности

¹⁰⁰ G. Sphrantzes. *Memorii*, p. 80, 4—5.

¹⁰¹ Ibid., p. 144, 29—146, 4.

¹⁰² C. J. G. Turner. *Pages from Late Byzantine Philosophy of History*. — BZ, 57, 2, 1964, p. 364.

¹⁰³ Pseudo-Phrantzes. — G. Sphrantzes. *Memorii*, p. 462, 10—14, 468, 28—40.

¹⁰⁴ Ibid., p. 104, 13—14.

¹⁰⁵ E. B. Веселаго. К вопросу об общественно-политических взглядах. . . Халкокондила, стр. 48; C. Turner. *Op. cit.*, p. 359.

¹⁰⁶ C. Turner. *Op. cit.*, p. 360—361.

¹⁰⁷ Характерен один рассказ Лаоника Халкокондила: когда турецкого воина спросили о причинах его невероятной храбрости, тот поведал об одном случае из своей жизни — как он безуспешно стрелял однажды в зайца, и тот оставался невредим. Отсюда этот человек сделал вывод о действии некоего рока (зайцу суждено было остаться целым) и решил, что никогда не нужно бояться, ибо, если суждено, он останется живым. Историк тут же делает из этого общее заключение о роли предопределения в жизни людей (II, 127—130).

¹⁰⁸ C. Turner. *Op. cit.*, p. 359—360.

хода истории: если сегодня власть находилась в руках ассирийцев, то завтра она окажется у мидян и персов, затем мировое господство завоюют эллины и римляне, а потом оно перейдет к туркам¹⁰⁹. Идея смены мировых держав не нова в византийской литературе¹¹⁰, тем не менее для характеристики мировоззрения Критовула она имеет первостепенное значение. И не столько потому, что она отвечала его политическим устремлениям, ибо служила для оправдания протурецкой ориентации автора¹¹¹, сколько в силу ее идейных истоков. В самом деле, в этих рассуждениях Критовула, по нашему мнению, можно найти близкое родство с учением греческого философа XIV в. Феодора Метохита. Отстаивая идею универсального закона для всего материального мира, Метохит говорил о том, что в государственных делах также не существует ничего прочного, раз и навсегда установленного. Подобно живым организмам, империи рождаются, совершенствуются, а затем слабеют и умирают, когда наступает их время. Этому всеобщему ритму развития подчиняется все живущее, и нет исключений из универсального правила¹¹². Интересно, что тот же мотив звучит и в сочинении («26 диалогов с турком»), принадлежащем императору Мануилу II Палеологу. Столь почитаемый византийскими историками (Дукой и Сфрандзи) самодержец признает, что процветание человечества зависит не от фортуны, а от естественных законов развития, и отрицает прямую связь между духовным состоянием общества и благополучием государства¹¹³. Последняя мысль была довольно смелой для своего времени, поскольку расходилась с культивируемым церковью понятием взаимозависимости морального и материального благосостояния общества.

Подобные взгляды нашли отражение и в сочинении Критовула, в том разделе его хроники, где речь идет о причинах гибели Византийской империи¹¹⁴. Историк решительно возражает тем, кто возлагал всю вину за падение государства на греческий народ, ибо дурными и испорченными могут быть правители, а не народ как таковой. Со своей стороны автор указывает на ответственность за судьбу страны ее правителей. Отсюда мы получаем возможность составить представление о том, какое большое значение он придавал роли личности в истории. Однако главное заключается в другом. Из его теории циклической смены мировых держав следовал логический вывод, который Критовул не замедлил сделать: если все государства преходящи, то нельзя обвинять византийцев в катастрофе 1453 г., необходимо снять с них упреки в гибели империи, потому что ее падение обусловлено естественными законами природы. «Как можно... порицать народ за то, что он не смог... избежать превратностей судьбы?», — выражает свое недоумение хронист по поводу необоснованных нападков на народ¹¹⁵. В этой фразе — квинтэссенция философии истории Критовула. Судьба («тихи») является закономерностью, которая движет миром и которой все подчиняется. Но само понятие «тихи» у Критовула почти не обладает божественной сущностью. В одном месте историк отождествляет «тихи» с личными качествами человека. Говоря о достоинствах турецкого султана, он в числе прочих черт его характера

¹⁰⁹ *Critobul*, p. 37, 23—28.

¹¹⁰ Это относится не только к византийской, но и к средневековой историографии вообще, взявшей, в свою очередь, эту идею из пророчеств книги Даниила о четырех сменяющих друг друга царствах (см. О. Л. Вайнштейн. Западноевропейская средневековая историография, стр. 11, 78—79).

¹¹¹ З. В. Удальцова. К вопросу о социально-политических взглядах... Критовула. — ВВ, XII, 1957, стр. 188.

¹¹² I. Ševčenko. The Decline of Byzantium seen through the Eyes of its Intellectuals. — DOP, XV, 1961, p. 183—184.

¹¹³ C. Turner. Op. cit., p. 351—352.

¹¹⁴ Ibid., p. 362.

¹¹⁵ *Critobul*, p. 39, 3—5.

(мужество, стратегический талант, военный опыт) называет доблесть и судьбу (*ἀρετή καὶ τύχη*) ¹¹⁶, что прямо ассоциируется с гуманистическими понятиями *virtu* и фортуны. Представление о «тихи» у автора гораздо ближе к античному («тихи» в смысле «случая»), нежели к средневековой трактовке ее как «судьбы», связанной с божественным детерминизмом. У Критовула действия «тихи» весьма произвольны, без всякой видимой причины и без какой-нибудь определенной цели ¹¹⁷. Сила случайности — вот что управляет миром. Таким образом, Критовул, по нашему мнению, гораздо далее других византийских хронистов XV в. отошел от церковно-феодального мировоззрения и вплотную приблизился к гуманистической трактовке философии истории.

Между тем как выразитель чаяний своего народа (а патриотизм не был чужд ему, несмотря на общую протурецкую ориентацию автора) историк с Имвроса оказался далеко позади своих современников-хронистов. Исходя из выдвинутого им положения о превратности судьбы всех народов, Критовул довел теорию цикличности до смены византийского могущества турецкими на этом остановился, оборвав идею развития исторического процесса. Конечным пунктом эволюции он признал Османскую державу.

Несколько дальше его пошел Дука. Лесбосский хронист предвидел уже и гибель Турецкого государства и даже уверенно предсказывал дату падения османского могущества. По его мнению, это должно было произойти в 1455 г. Историк трижды упоминает о конце династии Османов. Один раз он говорит, что, по его мнению, султан Мехмед II является «последним тираном этого народа» ¹¹⁸, в другой — заявляет о неминуемом конце династии Османов вслед за домом Палеологов ¹¹⁹, а в третий раз рассказывает о пророчестве относительно длительности правления преемника Мурада II ¹²⁰. Согласно этому пророчеству, потомок султана должен был править четыре года, следовательно, падение турецкого могущества ожидалось в 1455 г. ¹²¹

О последующей судьбе мира Дука не говорит, зато афинский историк Халкокондил продолжил мечты старшего современника. Он грезил о возрождении греческой державы под властью сильного монарха, который объединил бы «сыновей Эллады» и твердою рукою управлял бы ими и другими народами ¹²². Для него воссоединение страны неотъемлемо от возрождения античной культуры. Это тяготение к античности ощущается в произведениях почти всех упомянутых писателей Византии XV в., но у двух хронистов (Критовула и Халкокондила) оно приобретает характер восхваления и прославления греческого языка. Особенно показателен в этом отношении Критовул. В восторженном воспевании греческой образованности и культуры он доходит до парадокса — пытается вывести генеалогию Османов от предков древних греков ¹²³.

Мотивы возрождения эллинизма были созвучны той эпохе Ренессанса, в которую жили и творили византийские историки, и вполне естественно, что они не остались в стороне от этого культурного движения. Однако само по себе обращение к культуре античности в Византии не может служить доказательством формирования нового гуманистического мировоззрения,

¹¹⁶ Critobul, p. 35, 28—37, 1.

¹¹⁷ C. Turner. Op. cit., p. 362.

¹¹⁸ Ducas, p. 339, 8—9.

¹¹⁹ Ibid., p. 399, 22—401, 20.

¹²⁰ Ibid., p. 285, 28—287, 12.

¹²¹ Это может служить доказательством того, что первая часть сочинения Дуки была написана до конца 1455 г.

¹²² Е. В. Веселаго. К вопросу об общественно-политических взглядах. . . Халкокондила, стр. 44—45.

¹²³ З. В. Удальцова. К вопросу о социально-политических взглядах. . . Критовула, стр. 193—196.

ибо для данной страны и данного народа достижения античной культуры не были открытием неведомого мира, как это случилось на Западе. Ведь древнегреческая философия и литература, пусть иногда и в искаженном виде, для византийцев были настолько родными и привычными, что обращение к понятиям и образам античности превратилось в своего рода ритуал ¹²⁴. Даже весьма далекие от древнегреческих представлений писатели Византии находились под большим влиянием античных традиций, о чем свидетельствуют литературные особенности их произведений (архаизация географических и этнических названий, употребление многословных и выдуманных речей, стилизация языка «под Фукидида» и т. д.). Иное дело — возрождение античного мировоззрения: возрождение интереса к человеку, его повседневной жизни, горячая вера в его возможности и способности, силу и энергию; воспевание сильной личности и преувеличение ее роли в развитии истории, секуляризация науки и общественной мысли, исторический оптимизм, — т. е. все те внутренние, а не внешние черты, которые и составляют специфику гуманистического мировосприятия Ренессанса. В этом смысле в византийской историографии мы можем отметить отдельные признаки, позволяющие говорить об определенном сдвиге в сторону идеологии Возрождения. Равнодушие к богословно-догматическим вопросам, которое мы отмечали у Сфрандзи, Халкокондила и Критовула, надежда на прекрасное будущее греческого народа и государства у Халкокондила, философско-историческая концепция Критовула, отрицательное отношение к монашеству и чувство национального самосознания у Дуки — все эти черты свидетельствуют о зачатках нового мировоззрения в греческой историографии XV в.

Типичны для гуманистической исторической науки и методы работы, применявшиеся византийскими хронистами (например, критический подход к источникам устного характера у Дуки или же у Халкокондила ¹²⁵), и жанровые особенности некоторых произведений (мемуарный характер сочинения Сфрандзи и наличие вставных новелл в произведении Халкокондила ¹²⁶).

Однако, несмотря на отдельные достижения, в целом византийская историческая мысль XV в. оставалась в рамках прежних представлений феодальной хронографии. Все так же основное внимание историков привлекала внешнеполитическая история — описание войн и деяний монархов, по-прежнему византийская историография носила классово-ограниченный аристократический характер, как и раньше, сочинения греческих историков являлись по преимуществу летописями и строились по принципу хронологической последовательности событий. Делались только первые попытки секуляризации исторических знаний (Критовул), вопросы теории истории почти не занимали умы греческих авторов, человек с его повседневной жизнью и заботами их не интересовал ¹²⁷. И все же в рамках прежних представлений историки Византии стремились дать ответ на волнующие их проблемы современности, искали в истории выход для разрешения задач текущей политики и тем самым содействовали подъему общественного значения историографии, ее связей с насущными нуждами страны. В этом громадная заслуга греческих хронистов XV в.

¹²⁴ Интересно, что двое из поздневизантийских историков (Халкокондил и Критовул) считали нападение турок наказанием за разрушение греками Трои (С. Turner. *Op. cit.*, p. 361; З. В. Удальцова. К вопросу о социально-политических взглядах. . . Критовула, стр. 194), а греческий гуманист и философ из Мистры Гемист Плифон полагал, что нападения варваров являются отмщением за разгром Александром Македонским персов (Георгий Гемист Плифон. Речи о реформах. — ВВ, VI, 1953, стр. 405).

¹²⁵ Е. Б. Веселаго. Историческое сочинение Лаоника Халкокондила, стр. 207—208.

¹²⁶ Там же, стр. 214—217.

¹²⁷ Лишь у Дуки, как мы отмечали выше, пробуждается интерес к проблемам социальной борьбы, экономики и производства.

А. И. ИВАНОВ

МАКСИМ ГРЕК И ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ *

II. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАКСИМА ГРЕКА В РОССИИ

По вызову московского князя Василия Ивановича Максим покинул Афон в 1516 г. и в марте 1518 г. прибыл в Россию. Здесь он оставался до самой смерти, последовавшей в 1556 г., т. е. в течение 38 лет, из которых около 26 лет провел в заточении. Несмотря на суровые преследования со стороны светской и церковной власти и на тяжкие условия тюремной жизни, Максим Грек написал за время своего пребывания на Руси свыше 360 сочинений самого разнообразного содержания, в которых откликнулся на все крупнейшие явления и запросы русской действительности.

Какое из указанных выше культурных направлений, под воздействием которых он находился в первую половину своей жизни, доминировало в его литературной деятельности на Руси?

Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего кратко остановиться на той обстановке, в которой очутился призванный с Афона ученый монах, так как новая культурная среда неизбежно должна была повлиять на направление его деятельности.

Максим прибыл на Русь в переломный период, когда в социально-экономической и политической структуре русского общества происходили серьезные сдвиги.

В недрах русского феодализма возникло и развивалось товарно-денежное хозяйство. Следствием этого было неудержимое стремление светских и церковных землевладельцев и городских верхов к наживе, к накоплению денежных богатств, что в свою очередь сопровождалось бесчеловечной эксплуатацией крестьян и трудящихся масс города. Помимо увеличения денежных оброков и всякого рода сборов, широкое распространение получило ростовщичество, особенно в церковных и монастырских вотчинах.

В области политической расширялось и укреплялось русское централизованное государство, которое в борьбе с феодальными сепаратистами искало себе опору в поместном дворянстве и торгово-промышленном населении городов.

В сложной социально-экономической и политической обстановке происходил бурный подъем общественно-политической мысли, в которой намечилось несколько течений, отражавших интересы разных классов.

Первым следует назвать консервативно-реакционное течение, выражавшее интересы правящих феодальных верхов и господствующей церкви. Оно решительно отвергало какие-либо прогрессивные нововведения в области культуры, церковно-общественной и политической жизни и

* Начало см. ВВ, 33, 1972.

являлось оплотом старых форм феодальных отношений. Главными идеологами него были в первой половине XVI в. Иосиф Волоцкий и митрополит Даниил.

Второе течение представляли идеологи поместного дворянства, составившего опору сильной централизованной власти: Ермолай-Эразм, И. С. Пересветов и автор «Беседы преп. Сергия и Германа—чудотворцев»¹.

Отстаивая прогрессивные для того времени принципы абсолютной монархии и намечая ряд преобразований в феодальной системе в соответствии с требованиями изменяющейся экономики в сторону развития товарно-денежного хозяйства, они, однако, не затрагивали самых основ феодальных отношений и феодальной эксплуатации.

Наконец, третьим течением, носившим прогрессивный характер, было движение нестяжателей и связанная с ним борьба за преобразование некоторых сторон не только церковной, но и социальной жизни. Движение это имело в своей основе антифеодальную направленность, так как выдвигало лозунги с протестом против присвоения чужого труда и разных форм феодальной эксплуатации². Подлинными идеологами нестяжательства были: Нил Сорский, Вассиан Патрикеев и старец Артемий³. Наиболее радикальное крыло нестяжательского движения представляли еретики Матвей Башкин, Феодосий Косой и их последователи. А. А. Зимин, говоря, что Максим Грек, как и все нестяжатели, являлся идеологом боярства⁴, отмечал, что «Феодосий Косой был учеником Артемия и разделял критические взгляды Максима Грека и Вассиана Патрикеева на монастырское землевладение. Сходство учения Феодосия Косого с отдельными взглядами Артемия, Максима Грека и Вассиана Патрикеева определялось тем, что все названные мыслители в разной мере выражали идеи, связанные с реформаторским движением. Однако, если нестяжатели только идеологи-

¹ В советской науке относительно Ермолая-Эразма и автора «Валаамской беседы» высказаны различные мнения. Большинство ученых считают Ермолая-Эразма дворянским идеологом (Т. И. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940, стр. 185; А. В. Чернов. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. М., 1954, стр. 45—46; Д. С. Лихачев. Иван Пересветов и его литературная современность. — В кн.: «Сочинения И. Пересветова». М.—Л., 1956, стр. 30—31; Т. А. Колесникова. Общественно-политические взгляды Ермолая-Эразма. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1953, стр. 251—253; Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 2, изд. 2-е. М., 1954, стр. 218); другие видят в нем защитника интересов крестьян (И. А. Садиков, А. С. Орлов. История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 487; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 221); А. А. Зимин объявляет Ермолая выразителем боярской идеологии (А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 28). Автора «Валаамской беседы» И. У. Будовниц считает выразителем идеологии низшего монашества (указ. соч., стр. 271); А. А. Зимин полагает, что «Валаамская беседа» является памятником «позднего нестяжательства» (А. А. Зимин. Беседа валаамских чудотворцев как памятник позднего нестяжательства. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 205—208; его же. И. С. Пересветов и его современники, стр. 431). К нестяжательским творениям относит «Беседу» и Н. А. Казакова (ТОДРЛ, т. XII, стр. 388).

² В советской литературе широко распространен взгляд на нестяжателей как идеологов реакционного боярства. Ниже будет показано на примере нестяжательского учения Максима Грека, насколько ошибочен такой взгляд.

³ Некоторые исследователи ошибочно причисляют к нестяжателям таких деятелей первой половины XVI в.; боярина И. И. Третьякова-Ховрина, епископа Рязанского Кассиана, Волоколамского епископа Феодосия, протопопа Сильвестра, князя Андрея Курбского (Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1953, стр. 47, 67; Б. Рыбаков. Войниствующие церковники XVI века. — «Антирелигиозник», 1934, № 3—4, стр. 25). Но все эти лица, хотя и выражали иногда свое сочувствие отдельным представителям нестяжательства или некоторым пунктам их учения, прямого отношения к движению нестяжателей не имели. Если мы будем причислять к этому движению всех лиц, которые так или иначе соприкасались с ним или выражали иногда отрицательное отношение к стяжательству монастырей, то нам придется включить в состав нестяжателей не только некоторых лиц из дворянских и боярских кругов, но и самих великих князей Иоанна III, Василия III и Иоанна IV.

⁴ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 420.

чески подготовляли это движение, Феодосий Косой выражал его наиболее радикальное направление»⁵.

К какому из указанных выше общественных движений примкнул Максим Грек по прибытии на Русь?

В литературе принята точка зрения, согласно которой Максим Грек примкнул к движению нестяжателей, заняв в нем положение самого видного идеолога.

Считая этот взгляд в основном правильным, мы хотим сделать оговорку, что нестяжательские воззрения Максима Грека сформировались не на русской почве и не под влиянием Вассиана Патрикеева, как полагают некоторые советские исследователи⁶.

Как указывалось выше, нестяжательская идеология Максима Грека сложилась, когда он жил в Италии, под влиянием нестяжательской деятельности Савонаролы и наблюдения над жизнью некоторых доминиканских монастырей. Примеры нестяжательства он наблюдал и среди афонского монашества.

Русская действительность с ее острыми социальными конфликтами, с ее резкими контрастами между богатством монастырей и бедственным положением крестьян, особенно в церковных и монастырских вотчинах, оказала огромное влияние на Максима Грека в том отношении, что способствовала превращению его из пассивного теоретика в пламенного обличателя пороков церкви и монашества. В своей публицистической деятельности Максим шел не по стопам Вассиана, а собственным путем, развивая, углубляя и еще сильнее заостряя требующие разрешения острые вопросы русской церковной и общественной жизни.

Поэтому мы видим его в качестве активного участника не только в борьбе за ликвидацию монастырских имуществ и преобразование некоторых сторон церковной и монастырской жизни, но и в разрешении многих других важных вопросов, волновавших мыслящих русских людей того времени. При этом он действует в согласии или в сотрудничестве с наиболее передовыми представителями русского общества.

Когда речь идет о культуре, он объединяет вокруг себя самых образованных людей, которые интересовались достижениями не только византийской, но и западноевропейской образованности: Ф. И. Карпова, В. М. Тучкова-Морозова, П. И. Шуйского, Андрея Курбского и др.

В вопросах общественно-политического порядка он во многом сближается с идеологами поместного дворянства — Ермолаем-Эразмом, Иваном Пересветовым и другими, вскрывавшими в интересах укрепления монархической власти многие недостатки существовавшей государственной администрации.

Таким образом, во время пребывания в России Максим Грек оказался связан с наиболее передовыми кругами русского общества, которым не чужды были идеи Ренессанса⁷. Можно сказать, что он явился как бы связующим звеном между реформационно-гуманистическими течениями Запада и России в первой половине XVI века. Это и определило в значительной степени основное направление его литературной деятельности московского периода.

⁵ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 313—314.

⁶ В. Ф. Ржигза. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, I. Л., 1934, стр. 7, 15—17; Н. А. Казакова. Максим Грек как нестяжатель. — «История СССР», 1967, № 2, стр. 92—93. Вопрос этот нами подробно освещен в статье «К вопросу о нестяжательских взглядах Максима Грека». — ВВ, XXIX, 1969, стр. 135—147.

⁷ Следует признать ошибочным мнение М. Н. Сперанского, что ко времени прибытия Максима «о влиянии эпохи Возрождения на Русь говорить не приходится, так как Русь для этого не имела подготовки. Идеи Возрождения и гуманизма до России не дошли» (М. Н. Сперанский. Лекции по истории русской литературы (Московский период). М., 1909, стр. 43—44).

Интерес к античной древности и «внешним» наукам вообще

Противопоставляя средневековому аскетизму новый идеал человека, активно относящегося к внешнему миру, представители раннего итальянского Ренессанса обратились к авторитетам античной культуры. Это объяснялось тем, что именно в античную эпоху обнаружилось активное стремление человека к знанию, образованности. Отсюда интерес ранних гуманистов не только к античному наследию, но и вообще к «внешним» наукам, касавшимся «мирских» вопросов и способствовавшим всестороннему интеллектуальному развитию.

В сочинениях Максима Грека поражает обилие имен античных и более поздних светских писателей, философов, поэтов, историков, мифологических и исторических героев и деятелей, что свидетельствует о широкой любознательности и начитанности афонского инокa. Так, в разных сочинениях Максима мы встречаем имена (иногда с краткой характеристикой) философов: Аристотеля, Диагора, Эпикура, Эратосфена, Платона, Сократа, Пифагора⁸, писателей и историков: Гесиода, Гомера, Менандра, Фукидида, Плутарха, Иосифа Флавия⁹; императоров римских и византийских: Августа, Тиберия¹⁰, Нерона¹¹, Севера, Максенция, Феодосия, Маркиона, Юстиниана, Маврикия, Фоки, Константина Багрянородного; полководцев: Фемистокла, Ганнибала, Велитария; болгарского князя Крума¹², русского князя Дмитрия Донского¹³ и др. Помимо многочисленных упоминаний в отдельных произведениях древнегреческих богов и мифологических героев, Максим Грек написал специальное сочинение, посвященное античной мифологии. Там он повествовал: о рождении Зевса, о культе Реи-Кибелы, о Деметре, Персефоне и элевсинских мистериях, о рождении Диониса и Афины-Паллады, о Пелопсе, Кастальском источнике, Орфее¹⁴.

В некоторых случаях Максим Грек прибегает к античным образам при раскрытии христианских понятий. Так, в одном сочинении он пишет о загробном воздаянии: «Аще же ни едиш ии благоверен глагол и разум повинует тя будущий суд чаяти, поне многомудренный Одиссей, шед во ад, да преприт тя, овех убо благородных зря в поле илисийском светом сладким выпу освещаемых, овех же паки горчайшими изязаемых муками. К сим же да уверяют тя Минос да Радамант баснословими быти во аде судия, Кокитос да Ехерон реки огнешнии, в них же осуждаются вси беззаконии за свое нечестие»¹⁵.

В сочинениях Максима Грека мы встречаем целый ряд высказываний в пользу «внешних», или «словесных», наук. Он хвалит Париж за то, что там преподается философия и «внешнего наказания всяческая уче-

⁸ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 229, 238, 247, 267, 343, 354, 359, 417, 461—463, 464; II, стр. 229; III, стр. 205, 207, 210.

⁹ Там же, I, стр. 359; II, стр. 9, 14, 84, 184; III, стр. 135.

¹⁰ ГБЛ, ф. 310, собр. Унд., № 1165 (XVII в.), лл. 20—51; ЦГИАЛ, ф. 834, оп. 4, д. 1622 (нач. XVII в.), лл. 1—24 и др. «Повесть о Пилатове послании к Тиверию». Не издана.

¹¹ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 30 об. — 31. «Повесть о Нероне», переведена из «Словаря» Свида (Lexicon Suidae, 1853, t. II, pars. 1, p. 966—968). Не издана.

¹² Источники см. выше, раздел I, гл. 4, прим. 17.

¹³ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 357.

¹⁴ ГПБ, Q, I, 219 (XVI—XVII вв.), лл. 556—564 об. Опубликовано В. Ф. Ржигой. См. В. Ф. Ржига. Неизданные сочинения Максима Грека. — BS, VI, 1935—1936, p. 101—105.

¹⁵ «Сочинения Максима Грека», II, стр. 14.

ния»¹⁶. В «Послании к Федору Карпу Ивановичу» он несколько раз повторяет, что «окружная учения добра и нужна суца человеческому житию» и что он не запрещает «приобщаться наказания и словесных учений, украшающих божия человека»¹⁷. В «Слове на Альманака» он пишет: «Но да не нещпуете мене сего ради укоряти внешнее наказание, полезно сущее, и мало не всеми свидетельствуемо возсиявшими во благочестии. Не тако аз не благодарен ученик его»¹⁸. При изложении некоторых правоучений и в полемике против астрологии Максим Грек часто ссылается в качестве доказательства на авторитеты: «премудрого меонийца Омира» (Гомера), «многопремудренного Одиссея», «велеумного мудреца Исиода (Гесиода)», «премудрого Плутарха» и на ряд других ученых мужей древности¹⁹. Особо выделяет и горячо защищает Максим Грек пользу эллинской мудрости для филологических знаний, необходимых для понимания и перевода греческих писаний. Переводчики, говорит он, должны быть «довольно и в совершенстве научены грамматике, пиитике, риторике и самой философии»²⁰. В качестве наиболее убедительного примера он указывает на древних учителей церкви — Василия Великого, Григория Богослова и других, которые впитывали в себя книжную мудрость, отправляясь в центры тогдашней науки — Афины и Константинополь, где изучали не только христианские науки, но и языческие, эллинские.

Касаясь этой стороны литературного творчества Максима Грека, Н. К. Гудзий совершенно отрицает наличие каких-либо признаков влияния итальянского Ренессанса. В подтверждение он ссылается на то, что Максим Грек ограничивается в своих сочинениях лишь упоминанием языческих философов и писателей или краткими замечаниями о них то похвального, то критического характера.

Приведенные нами выдержки не позволяют согласиться с таким утверждением ученого. Ни у одного из русских писателей XVI в. мы не находим столь частого обращения к античности и «внешним» писаниям, какое наблюдается в произведениях Максима Грека. Уже одно это говорит, что перед нами писатель, проникнутый новыми веяниями. Сам Н. К. Гудзий готов объяснить простое упоминание Максимом языческих философов тем, что Максим предназначал свои произведения для такой среды, которая, с одной стороны, не любила всяких новшеств, а с другой, не была подготовлена к их восприятию²¹.

Но такое объяснение нельзя признать правильным. Во-первых, ученый совершенно ошибочно рассматривает окружающую Максима Грека среду любознательных друзей как не любившую всякие новшества и не способную к их восприятию. Во-вторых, не отрицается интерес самого Максима к античным авторам. Следует отметить, что, помимо приведенных высказываний Максима Грека о древних авторах и «внешних науках», у него имеется немало переводных работ, толкований (особенно важно «Толкование имен по алфавиту»²²) и других произведений, которые давали богатый материал по ознакомлению с древним миром, историей, языкознанием и географией, приобщая русских людей к этим отраслям гуманитарных знаний, заново созданным Возрождением.

Что касается встречающихся в сочинениях Максима Грека сдержанных, а иногда резко отрицательных отзывов по адресу классических писателей и «внешних» знаний, то это вызвано религиозно-правственными мотивами,

¹⁶ «Сочинения Максима Грека», III, стр. 179.

¹⁷ Там же, стр. 351, 371.

¹⁸ Там же, I, стр. 462.

¹⁹ Там же, II, стр. 9, 14, 84; III, 135.

²⁰ Там же, II, стр. 314—315; III, 62—63, 80.

²¹ Н. К. Гудзий. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения. — «Киевские Университетские известия», 1911, № 7, стр. 8.

²² Источники этого произведения указаны ниже. Прим. 54.

лежащими в основе мировоззрения большинства представителей раннего гуманизма. В своих религиозно-философских трактатах «*De vita solitaria*» («Об уединенной жизни») и «*De vera sapientia*» («Об истинной мудрости») Петрарка охотно цитирует высказывания классических авторов, но только такие, которые согласны с его религиозными воззрениями. Античная литература и философия имеют цену в его глазах лишь постольку, поскольку ведут к истинному богопознанию. В трактате «О невежестве» Петрарка в противовес писателям, увлекающимся языческой древностью, с усердием христианского апологета первых веков собирает все, что можно сказать дурного о языческих философах ²³.

Критическое отношение к источникам знания

Интерес к классической древности в Италии конца XV—начала XVI в. привел к созданию учебных обществ, занимавшихся собиранием, изучением, переводом и изданием трудов древних авторов. При этом тексты, намеченные к переводу или изданию, подвергались тщательной критической проверке с точки зрения их подлинности и научной ценности. Одновременно происходил пересмотр принципа непререкаемого авторитета, основного принципа, на котором строилась вся средневековая система знаний.

Во времена Максима Грека на Руси господствовало преклонение не только перед авторитетом священных книг и творений церковных учителей, но и перед писанием вообще ²⁴. Здесь исключалась критика. Своим критическим методом, усвоенным в итальянских кружках ученых-гуманистов, Максим наносит удар этому слепому преклонению перед авторитетами. Он решительно выступает против разной гадательной и апокрифической литературы, везде применяя новый прием, заключавшийся в том, что в рассматриваемых литературных памятниках вскрывались погрешности не только против христианского учения, но против законов мышления, против здравого смысла и исторической правды. Особенного внимания заслуживает критика Максимом Греком астрологических учений. Распространителем астрологических идей на Руси в то время являлся Николай Немчин, придворный врач великого князя Василия Ивановича.

Теоретически различались тогда: «астрология гадательная» и «астрология научная». Первая претендовала на то, чтобы узнавать характер и судьбу людей по движению звезд, вторая же стремилась предсказывать солнечные и лунные затмения, периоды засухи и дождей и другие смены погоды. На практике обе астрологии смешивались.

Максима Грека во время его пребывания в Милане познакомил с западной астрологией знаменитый итальянский астролог, медик и философ Амвросий Варезе де Росате, которого Максим называл первым астрологом своего времени ²⁵.

Выступая против гадательной астрологии, Максим Грек утверждал, что она не соответствовала не только учению о промысле божием, но и здравому смыслу и факту свободной воли человека. В одном месте Максим пишет: «Еллини убо звездами сими, солнцем же и луною, востоку и западу, разумеша вся, яже о нас строится, мы же благовернии глаголем:

²³ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. I. М., 1892, стр. 190—198. По содержанию и тону трактат Петрарки «О невежестве» созвучен со статьей из «Словаря» Свиды «Похвала Адаму пръвъзданному», переведенной Максимом Греком (см. А. И. Клибанов. К изучению биографии и литературного наследия Максима Грека. — ВВ, XIV, 1958, стр. 170—172).

²⁴ Даже такой просвещенный человек того времени, как митрополит Макарий, считал апокриф «Книга Еноха Праведного» канонической книгой (Ф. Нелидов. Максим Грек. М., 1895, стр. 11).

²⁵ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 427—429.

яко знамения от них бывают, дождю и бездождию, студенству же и теплоте, мокроте и сухоте и ветрам, а наших дел никакоже; мы же самовластни бывше (создани) содетелем, властели есме своих дел»²⁶. То же самое он повторяет в двух других сочинениях²⁷.

В опровержение звездочетцев Максим Грек ссылается, между прочим, и на греческих философов Сократа, Платона и Аристотеля, называя их «честнейшими и истиннолюбнейшими еллинскими философами»²⁸.

Точка зрения Максима Грека на гадательную астрологию как на ложную науку совпадала со взглядами Петрарки²⁹, Колуччо Салютати³⁰ и с современными ему деятелями итальянского Возрождения — Савонаролой, Анджело Полициано, Пико делла Мирандола и др., причем все они касались исключительно той стороны астрологии, которая стремилась связать движение звезд с судьбой людей.

Максим Грек написал ряд сочинений против ученых-астрологов. К ним относятся: «Слово противу тщащихся звездозрением предрицати о будущих, и о самовластии человека»³¹, «Послание Федору Карпу Ивановичу»³², «Слово о том, яко промыслом божиим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устрояются»³³, «Послание к некоему иноку, бывшему во игуменех о немецкой прелести, глаголемой фортуне, и колесе ея»³⁴, три отдельных «Сказания от части 3 песни Анны пророчицы»³⁵ и др. В этих полемических сочинениях, рассматривая астрологические писания и учения, он вскрывал внутренние противоречия, погрешности против законов мышления и исторической правды. Между прочим, в качестве исторических примеров он приводил победы Фемистокла и Александра Македонского над персами, Константина над Максенцием, Дмитрия Донского над Мамаем, говоря, что эти победы одержаны не «звездозрительными гаданми», а «воеводскими искуствы и скоростью разума»³⁶.

Едва ли можно преувеличить значение той сферы литературной деятельности Максима Грека, которая связана с переводами и критикой текстов. Большинство русских книжников не знали ни греческого, ни латинского языков, на которых написаны многие источники для русских книг. Поэтому они не могли судить о правильности сделанных раньше переводов и слепо верили в незыблемость каждой буквы. Приставленный к Максиму Греку в качестве переписчика «Толковой псалтири» Михаил Медоварцев на суде заявлял, что, когда Максим велел ему вычеркнуть из одной служебной книги некоторые строки, как лишние, отсутствующие в греческом оригинале, он говорил Максиму: «Не могу заглаживати (т. е. вычеркивать. — А. И.), дрожь меня великая объяла и ужас на меня напал»³⁷.

В результате невежества как древних переводчиков, недостаточно знавших греческий язык, так и позднейших переписчиков, «неискусных в разуме и хитрости грамматической», в некоторых книгах оказалось

²⁶ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 387, 391.

²⁷ Там же, стр. 431; II, стр. 62—63.

²⁸ Там же, I, стр. 417.

²⁹ Г. Фойгт. Возрождение классической древности. Перев. Разсидина. М., 1884, стр. 70.

³⁰ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. II, стр. 787—788.

³¹ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 399—434.

³² Там же, стр. 347—376.

³³ Там же, стр. 377—398.

³⁴ Там же, стр. 446—455.

³⁵ Не изданы. См. ГБЛ, ф. 256, собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 11 об. — 18, 22—26 об. Сказания упоминает В. Ф. Ржиги в своей статье: «Неизданные сочинения Максима Грека» с кратким изложением содержания и с буквальными выдержками (BS, VI, p. 89—90).

³⁶ «Сочинение Максима Грека», I, стр. 359.

³⁷ О. Бодянский. Прения Даниила, митр. Московского и всея Руси со иноком Максимом Святогорцем. Список с судного списка. — «Чтения ОИДР», 1847, № 7, стр. 9, 11, 12.

множество ошибок, которые Максим Грек постарался исправить путем тщательного сличения славянского текста с греческими оригиналами и применения грамматических правил.

Примеры обнаруженных им ошибок и правила их исправления Максим перечисляет в своих произведениях: «Исповедание православной веры»³⁸, «Сказание о еже како подобает известно блюсти исповедание православная веры»³⁹, «Слово отвещательно о исправлении книг русских . . .»⁴⁰, «Слово отвещательно о книжном исправлении. . .»⁴¹.

Заслуга Максима Грека заключается не только в том, что он первый применил в России научные приемы книжных переводов, но и в том, что он впервые познакомил русских книжников с основами грамматических знаний и с теми методами филологической критики, которые применялись в то время в научных центрах Италии при восстановлении и издании текстов древних авторов.

До Максима Грека источником грамматических знаний на Руси являлись многочисленные списки предисловия Иоанна, экзарха болгарского, к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина и статьи «О восьми частях слова», ошибочно приписываемой также Иоанну Дамаскину⁴². Списыванием и переделкой последней статьи все грамматические познания и исчерпывались на Руси до XVI в.⁴³

Максим Грек намеревался, по-видимому, создать нечто вроде грамматического руководства для русских переводчиков и книжников. Теорию грамматического искусства по греческому языку он основательно изучил еще на родине, а в Италии расширил и обогатил свои сведения в критико-филологическом направлении, работая под руководством Иоанна Ласкариса, Димитрия Халкокондила, Пико делла Мирандолы и особенно в ученом кружке издателя древних текстов Альда Мануция. Максим Грек не оставил после себя славянской грамматики, поскольку недостаточно хорошо владел живой русской речью. Но он изложил свои филологические знания в целом ряде статей грамматического и лексикографического характера в качестве руководства для русских переводчиков и книжных людей. Таковы его статьи по грамматике: «О грамматике»⁴⁴, «О греческих и славянских знаках»⁴⁵, «О грамматике инока Максима Грека святогорца объявлено на тонкословие»⁴⁶, «О прозодиях»⁴⁷, «Предисловие на грамматику»⁴⁸ и «Беседование Максима Грека о пользе грамматики»⁴⁹.

³⁸ «Сочинения Максима Грека», I, стр. 23—39.

³⁹ Там же, III, стр. 54—60.

⁴⁰ Там же, стр. 60—79.

⁴¹ Там же, стр. 79—92.

⁴² И. В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. Исследования по русскому языку. — ОРЯС, I, 1895, стр. 326—328, 364—365.

⁴³ М. Н. Сперанский. Лекции по истории русской литературы, стр. 116—118.

⁴⁴ ГБЛ, ф. 256, собр. Румянц., № 264 (XVI в.), лл. 132—133 об. Издана: ЖМНП, 1834, № 8, стр. 247—248; см. также: РФВ, 1913, № 2, стр. 485—487.

⁴⁵ Не издана. См. ГБЛ, ф. 304, собр. Тр., I, № 201 (XVII в.), гл. 115, лл. 525—526.

⁴⁶ ГПБ, Q. XVI, 1 (XVII в.), лл. 325—332. Издана И. В. Ягичем (ОРЯС, I, 1895, стр. 601—605), который привел важнейшие разночтения из рукописных сборников.

⁴⁷ Не издана. См. ГПБ, Q. I, 219 (XVI—XVII вв.), лл. 313—319.

⁴⁸ Статья находится в сборнике Румянцевского музея, № 376 (XVII в.) в «Сказании о семи свободных мудростях», лл. 252—255 и № 192 (XVIII в.), как «Предисловие грамматики», лл. 71—74 (А. Востоков. Описание . . . рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 239 и 561) и в рукописи: ГИМ, Хлуд. собр., № 75 (1862 г.), гл. 199, лл. 763 об. — 765. Статья напечатана впервые в 1618 г. в Москве в качестве предисловия к грамматике Мелетия Смотрицкого (лл. 40—44). Затем включена в обширное «Предисловие ко грамматике словенской», напечатанное в 1648 г., и издана отдельно в 1782 г.

⁴⁹ Статья находится в рукописном сборнике «Сочинения М. Грека» из собрания Хлудова. ГИМ, № 75 (1862 г.), гл. 200, лл. 765 об. — 771 об. Как и предшествующая статья, опубликована впервые в 1618 г. в Москве (как послесловие к грамматике Мелетия Смотрицкого) и в 1782 г. отдельно. Принадлежность последних двух статей Максиму

Перечисленные сочинения Максима Грека имели своей целью пробудить среди русских грамотных людей интерес к грамматическим знаниям как необходимой основе для правильного перевода, изложения и понимания книжных текстов. Значение этих трудов в истории развития русского языка недостаточно изучено. Несомненно, однако, что они сыграли огромную роль в истории развития на Руси грамматической науки.

Уже со второй половины XVI в. благодаря Максиму Греку стали проходить в некоторых училищах «книгу философскую», или общую грамматику. Ее учили «ученицы первоначальни по азбуце, зане основание есть первое и подошва есть хитрости грамматичной», а грамматика — «основание и подошва всем свободным хитростям»⁵⁰. В XVII в. считали, что «несть никому же возможно право писать, аще кто не весть грамматического устройства»⁵¹, при этом, как сообщается в одном азбуковнике, учителя, обучавшие грамматике, рассказывали ученикам, что в России был «пресловутый философ и премудрый преводник божественным книгам Максим Грек» и что он оставил по себе память словенороссийскому роду, каким способом можно узнать настоящего философа. И даже приводилось сочинение Максима «О прищельцах философах»⁵².

В 1794 г. Академия наук, приступив к печатанию российской грамматики, постановила: руководствоваться грамматиками Максима Грека и Ломоносова⁵³.

Немалое значение имеют в развитии русского просвещения труды Максима Грека по лексикографии. Мы отметим здесь лишь одно из его произведений. Оно озаглавлено: «Толкование именам по алфавиту»⁵⁴. Этот словарь Максима Грека вместе с другими его лексикографическими сочинениями послужил одним из главных источников для позднейших русских азбуковников, являвшихся своего рода древнерусскими энциклопедиями⁵⁵. Таков, например, азбуковник, представленный в рукописи начала XVII в. из собрания Погодина под № 1145, хранящейся в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Он озаглавлен: «Книга глаголемая лексис, сиречь неведомыя речи, превод Максима Грека от иноверных на русский язык право». Азбуковник содержит сведения по самым различным отраслям знания, заимствованные из разных книг, но главным образом из произведений Максима Грека.

В 1912 г. рукопись просматривала С. А. Щеглова и сообщила краткие сведения о ней, признав этот азбуковник сочинением Максима Грека⁵⁶.

Но в предисловии вполне ясно указывается, в какой степени проявилось участие Максима Грека в создании данного памятника. Здесь мы читаем, что толкования собраны «от истинных рачителей мудрости

Греку считается спорной (См. А. И. Иванов. Литературное наследие М. Грека, стр. 94—97).

⁵⁰ А. И. Соболевский. Образованность Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1894, стр. 21.

⁵¹ ГБЛ, ф. 272, собр. Синод. биб-ки, № 850 (XVII в.), л. 532 (А. И. Соболевский. Указ. соч., стр. 21).

⁵² Д. Мордовцев. О русских школьных книгах XVII века. Саратов, 1856, стр. 54—55.

⁵³ «Русская старина», 1901, № 8, стр. 361—362.

⁵⁴ Не издано. Толкование дошло до нас в трех редакциях. Первая редакция в рукописях: ГБЛ, ф. 292, собр. Строева, № 8290 (XVI—XVII вв.), гл. 47, лл. 378—385; ф. 199, собр. Никиф., № 79 (XVII в.), гл. 26, лл. 199 об. — 204; ф. 256, собр. Румянц., № 265 (XVII в.), лл. 227—231; ГИМ, Щук., № 538 (XVII—XVIII вв.), гл. 26, лл. 24 об. — 29. Вторая редакция под заглавием: «Толкование имен греческих, и еврейских, и римских» — в рукописях: ГБЛ, ф. 304, собр. Тр., I, № 201 (XVII в.), лл. 481 об. — 486 об.; ГИМ, Хлуд., № 75 (1862 г.), лл. 567 об. — 572 об. Третья редакция — самая краткая, в рук.: ГИМ, Синод., № 491 (XVI—XVII вв.), гл. 37, лл. 155—156.

⁵⁵ А. Карпов. Азбуковники, или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. — «Православный собеседник, 1877», ч. I—III, приложения. Казань, 1878.

⁵⁶ В. П. Перетц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург. — «Киевские Университетские известия», 1912, № 7, стр. 55—64.

паче же от премудрого философа Святыя горы инока Максима Грека» (л. 23 об.).

Н. К. Гудзий утверждает, что критические приемы, применяемые Максимом Греком при переводах и исправлении церковно-богослужебных книг, а также при оценке литературных памятников, слишком элементарны, чтобы можно было видеть здесь влияние Ренессанса. Но ученый забывает, что во времена Максима Грека текстуальная критика как наука только зарождалась на Западе. То же можно сказать и о грамматических знаниях. Интерес к ним и усвоение их итальянскими гуманистами связаны с именем византийца Мануила Хрисолора (ум. в 1415 г.)⁵⁷. Судя по тому, с какой симпатией и уважением относились к Михаилу Триволису главные сотрудники издательства Альда Мануция — Марк Музур, Николай Властос, Сципион Картеромах, Иоанн Григоропул и др., можно заключить, что молодой грек в достаточной степени овладел достижениями итальянских гуманистов в области грамматических знаний и филологической критики и был достойным членом этого ученого кружка⁵⁸. Поэтому вполне справедливо замечание Е. Голубинского, что «если бы Максим остался в Италии и занял там одну из кафедр, то в числе прославившихся тогда в Италии греческих ученых и профессоров он занял бы одно из самых выдающихся мест»⁵⁹. Заслуги Максима Грека по ознакомлению русских книжников с основами грамматических знаний и методами филологической критики были настолько значительны, что надлежащую оценку получили только много лет спустя после его смерти.

Окончание следует

⁵⁷ М. Карелин. Ранний итальянский гуманизм и его историография, вып. II, стр. 1000—1002.

⁵⁸ El. Denissoff. Maxime le Grec et l'Occident. Paris—Louvain, 1943, p. 205, 210—211.

⁵⁹ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II. Половина 1-я. М., 1900, стр. 675.

Т. В. ПОПОВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЧИНЕНИЯ ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО VITA CONSTANTINI

Из заключительных слов главы 11 первой книги сочинения Евсевия Кесарийского, которое издатели и исследователи не вполне справедливо называют «Житием Константина»¹, явствует, что автор написал его вскоре после кончины первого христианского императора, последовавшей в мае 337 г. Чтобы уяснить значение творчества того или иного писателя или, как в данном случае, его сочинения в историко-литературной ситуации той эпохи, необходимо рассмотреть, как вписывается это произведение в общую картину литературного процесса того времени.

Духовная жизнь Римской империи III — первой половины IV в., при всей ее противоречивости, концентрировалась все же вокруг одного главного вопроса, касавшегося сути вероисповедания. Защитники политизма стремились противопоставить набравшему силу христианству свои идейно-эстетические достижения, поднимая на щит многовековые традиции древней эллинской литературы, философии, истории. В греческой языческой литературе этот период был последним, заключительным в том направлении ее развития, для которого характерны признаки «эллинского возрождения».

В тесном соприкосновении с богатейшей по своему творческому опыту и многовековым традициям в области художественного выражения языческой литературой с I в. н. э. существует противоположная ей по идейной направленности литература христианская без твердо установившихся собственных литературных традиций. В течение первых двух с половиной веков в силу ряда причин она дала немного высокохудожественных произведений. Между тем христианские авторы все более и более убеждались в необходимости противопоставить своим идейным противникам такие произведения, которые превосходили бы их не только силою мысли, но и силою слова. И тогда огромный авторитет древней греческой литературы с ее богатейшим арсеналом выразительных средств, а также тесное взаимное общение христиан и язычников в жизни (христиане учились в школах у языческих риторов и изучали языческую литературу), утонченный вкус образованных язычников к художественной стороне произведений словесного творчества — все это способствовало тому, что христианские авторы стали учиться формальному владению словом у писа-

¹ *Eusebii Pamphili Vita Constantini et Panegyricus atque Constantini ad sanctorum coetum oratio. Rec. . . Fr. A. Heinichen. Lipsiae, 1869; Eusebius. Über Constantins Leben. — Constantins Rede an die Heilige Versammlung. — Tricennatsrede an Constantin. Hrsg. von I. A. Heikel. Leipzig, 1902; I. A. Heikel. Kritische Beiträge zu den Constantin-Schriften des Eusebius. Leipzig, 1911; Fr. Winkelmann. Die Textbezeugung der Vita Constantini des Eusebius von Caesarea. Berlin, 1962; R. Farina. L'impero e l'imperatore cristiano in Eusebio di Cesarea. Zürich, 1966.*

телей чуждой им идеологии, прежде чем начали поиски новых возможностей художественного выражения.

В конце III—начале IV в. в христианской философско-богословской и художественной литературе выдвигается фигура Евсевия Памфила, епископа палестинской Кесарии (260/264—339 гг.).

Значение Евсевия как писателя и христианского идеолога трудно было переоценить не только его современникам, но и потомкам. Уже в первых своих сочинениях — «Хронике» и «Церковной истории» — «отец» христианской истории обосновывал законное место христиан во всемирной истории. Необходимость такого обоснования вызывалась тем, что враги христиан (язычники, иудеи, не принявшие христианства, и христиане-еретики) отрицали правомерность христианской религии в системе религиозных воззрений народов, населявших известную в ту эпоху часть вселенной. Страстный апологет христианства, Евсевий выступил с опровержением самого опасного для его современников-христиан врага — Порфирия, автора сочинения «Против христиан». В ответном сочинении «Против Порфирия» и в историко-богословском труде «Евангельское приготовление» он разбил концепцию Порфирия, защищавшего политеизм.

Но значение Евсевия не только в том, что он первым из христианских историков поведал об истории христианской церкви от ее начала до 324 г. Метод его исторического повествования, выкристаллизовавшийся в результате филологических занятий, которых он не прекращал всю жизнь, позволил ему сохранить целиком либо в значительных фрагментах немало утерянных впоследствии памятников ранней христианской литературы — мартирологической, апологетической, экзегетической и исторической. Далее, Евсевий первым из христианских идеологов сформулировал новый принцип государственного устройства, в основе которого должно быть единство церковной власти и государственного закона. Именно этот принцип стал впоследствии главным во всей императорской политике IV в. и в позднейшем воплощении идеи византийской государственности². Свою политическую концепцию Евсевий лишь отчасти наметил в первом сочинении — «Хронике», в незначительной степени развил в «Церковной истории», рассмотрев события религиозного значения на фоне событий политических, государственных, и более глубоко обосновал в «Церковной теологии». Та же мысль красной нитью проходит в сочинении, которое нам предстоит рассмотреть и которое завершает его творческий путь, — в «Житии блаженного царя Константина».

Поскольку Константин, прекратив гонения на христиан и предоставив им свободу вероисповедания, оказался миротворцем в отношениях между церковью и государством, то, по мнению Евсевия, в царствование этого императора осуществилось то соединение двух принципов — божественности и государственности, которое необходимо должно стать основой государственного устройства: ведь только такое государство способно охранять людей от злой силы, беспредельно царившей в мире до прихода на землю Христа, но иногда и теперь пытающейся противодействовать силе добра. Свое последнее произведение Евсевий посвящает тому, кто, по его мнению, осуществил такой союз, утверждая в I, 5, что в Константине «бог явил подобие (εἰκόνα) единодержавной своей власти». В III, 15 автор высказывает ту же мысль не менее определенно: описывая прием, устроенный Константином епископам в ознаменование двадцатилетия его власти (Константин считал началом своего царствования 305 г. — Т. II.), Евсевий говорит: «То, что свершалось, превосходило всякие описания. Ведь копьеносцы и латники с облаженными концами мечей охраняли

² Подробнее об этом см.: H. Berkhof. Kirche und Kaiser. Zürich, 1947; E. Schwartz. Griechische Geschichtsschreiber. 2. Aufl. Leipzig, 1959; A. Dempf. Geistesgeschichte der altchristlichen Kultur. Stuttgart, 1964.

кругом порталы дворца царского, а служители божии без всякого страха шествовали между ними и вступали во внутренние дворцовые покои. . . Казалось, то был образ царства Христова и совершалось во сне, а не наяву».

В соответствии с вышесказанным об идейной направленности этого сочинения и о специфике литературного процесса того времени нам представляется немаловажным выяснить, как соотносится оно с идейно-эстетическими принципами, которые провозглашала «вторая софистика»? Последовательность рассмотрения художественных особенностей этого сочинения такова: от структурных компонентов крупного плана к структурным компонентам более мелкого масштаба.

Прежде всего, обращаем внимание на четырехчастное деление этого «Жития»: оно состоит из четырех книг, приблизительно равных по объему³, причем такое деление следует признать не вполне логически оправданным. Если в конце каждой книги начиная со II тема завершается в последних главах и новая книга открывается новой темой, то раздел между I и II книгами вторгся в рассказ, посвященный в сущности одной теме — гонениям на христиан, предпринятым Лицинием. Примечательно также, что в первой главе II книги его имя даже не названо, соотнесенность же с Лицинием, упомянутым в конце I книги, достигается посредством начальных слов Ὡς μὲν οὖν ὁ δῆλωθεὶς («Оный-то выше означенный. . .», т. е. Лициний). Такой принцип намеренно четырехчастной архитектоники сочинения вряд ли можно считать случайным или мало-значимым: в нем нельзя не усмотреть параллели со структурой главной части Нового завета (четыре канонических евангелия), а также соотнесенности с христианской символикой четырех сторон света. Не случайным поэтому кажется в 8 главе I книги довольно пространное описание (в восемь строк), связанное с упоминанием четырех сторон света (при рассказе о том, какие племена и народы покорил Константин за время своего правления). Таким образом, соотнесенность с христианской богословской символикой очевидна уже в первых, внешних признаках архитектоники сочинения Евсевия.

Обратимся теперь к рассмотрению жанровой формы. Как известно, иногда уже в заглавии произведения в той или иной мере бывает выражена его жанровая определенность. Согласно лучшим рукописям: Cod. Vatic. gr. 149 (V), X в., Mosq. gr. 50 (J) (ГИМ), Marcian. gr. 339 из Библиотеки кардинала Виссариона в Венеции, XIV в. (M), Parisin. gr. 1432 г., сочинение Евсевия называется Εἰς τὸν βίον τοῦ μακαρίου Κωνσταντίνου βασιλέως — «На житие блаженного царя Константина». В «Библиотеке» Фотия⁴ читаем такой заголовок: Ἡ εἰς Κωνσταντῖνον τὸν μέγαν βασιλέα ἐκχωριαστικὴ τετραβιβλος («Похвальное четверокнижие на великого царя Константина»).

То обстоятельство, что Фотий особо выделяет слово «четверокнижие», не вызывает у нас удивления. Но какие основания имел он для изъятия из заголовка слова βίος и для добавления эпитета ἐκχωριαστικὴ? Предлог εἰς в рукописном тексте сочинения Евсевия стоит не случайно: автор, видимо, желает сказать, что он пишет не в полном смысле слова житие, а произведение, близкое к нему. Такой намек находит себе оправдание и объяснение в идейном замысле, который выражен у Евсевия такими словами: «Цель сего предпринятого нами сочинения принуждает нас говорить и писать лишь то, что касается богоугодной жизни» императора (I, 11). Именно это обстоятельство позволяет Евсевию умолчать о тех позорных

³ I книга — 898 строк (59 глав); II — 944 строки (73 главы); III — 1164 строки (66 глав) и IV — 967 строк (75 глав) в издании, формат которого почти равен тейбневскому.

⁴ Photius. Bibliothèque, cod. 127. T. II. Paris, 1960.

не только для государственного правителя, но и вообще для всякого человека поступках, как, например, убийство Константином старшего сына Криспа, второй жены Фавсты, племянника Лициниана, философа Сопатра⁵. Иными словами, автор не стремился к всестороннему, всеохватывающему описанию жизни и деяний покойного императора⁶. И он имел на это основания, ибо, как увидим, он писал произведение не биографического характера, а похвальную речь, энкомий царю, известный еще со времен Исократа и Ксенофонта и получивший у древних греков название βασιλικὸς λόγος («царская речь»). Характерные черты энкомия — однозначность оценки героя и равномерно поддерживаемая напряженность интонации. Итак, уже первый признак похвальной речи оправдывает, объясняет и узаконивает тенденциозный подбор положительных сведений и фактов при полном исключении отрицательных.

Какими же средствами достигает автор цели — прославления императора? Идет ли он новым путем в создании панегирика или следует своим предшественникам? Для ответа на этот вопрос рассмотрим сперва композицию сочинения Евсевия, сопоставив ее с правилами сочинения «царских речей», которые сохранил нам греческий ритор III в. н. э Менаандр в трактате «Об эпидиктических речах»⁷. Для эпохи «эллинского возрождения» характерно, что в качестве образца, достойного подражания, Менаандр называет похвальную речь Исократа «Евагор» (§ 220) и правила составления таких речей выводит из опыта древнегреческих панегиристов. Согласно Менаандру, композиция похвальной речи царю должна следовать такому плану: вступление; 1 глава — о родине будущего героя (§ 215); 2 — о том, каков его род (§ 216, 217); 3 — о рождении его (§ 218); 4 — о детских годах и воспитании героя, его характере и душевных свойствах (§ 219); 5 — прославление военных и гражданских подвигов царя (§ 222—225, 228), его справедливой законодательной деятельности (§ 227); 6 — приближаясь к окончанию речи, следовало поведать о счастливой судьбе царя, окруженного сонмом прекрасных наследников — его сыновей, а также о том, что все друзья благосклонны к нему и копыеносцы готовы ради него подвергнуться опасности (§ 229); 7 — в заключение необходимо было провести последнее сравнение — антитезу, т. е. противопоставить его царствование тем, которые были прежде; наконец, пожелать процветания его стране и детям (§ 230).

Повествование Евсевия в главнейших пунктах⁸ выдерживает план, рекомендуемый Менаандром, если не считать того, что 5 пункт разделен на два и даны они в большом отрыве один от другого: военные подвиги

⁵ Об этом сообщают Григорий Турский в «Истории франков» (I, 36), Зосим в «Новой истории» (2, 29 и 40), Евтропий в «Бревиарии» (10, 4 и 6).

⁶ О тенденциозном отборе материала Евсевий напоминает неоднократно: I, 9 (конец), 10 (начало), 11 (конец) и III, 59 наиболее откровенно: «Приняв за правило — не приводить на память ничего дурного. . .»; он умалчивает о каких-то письмах Константина, навлекавших бесславие на антиохийцев, желавших, чтоб Евсевий стал епископом их города.

⁷ *Rhetores Graeci*, ed. L. Spengel. Lipsiae, v. III, 1856.

⁸ Вот основные темы в повествовании Евсевия: развернутое предисловие из 11 глав, разделяющееся на три части: гл. 1—2 — ἔρως по поводу смерти Константина; гл. 3—9 — доказательство того, что Константин — избранник божий на императорском троне, гл. 10—11 — понимание автором задач, которые он ставит себе при написании этого сочинения. Затем о воспитании Константина при дворе тиранов Диоклетиана и Максимиана (гл. 12), о роде, к которому принадлежал Константин, особенно об отце его Констанции (гл. 13—21); гл. 22—24: как Константин стал императором не без воли божией; о военных победах Константина над варварами и решении его избавить Рим от тирании Максенция (I, 25—26, II, 10), о благосклонности его к христианам и о том, как он увидел на небе крест с надписью «сим победиши» (I, 27—40). Согласно Менаандру, особо следовало сказать о внутренних качествах царя; Евсевий видоизменяет этот тезис, уделяя основное внимание образу Константина как христианского служителя богу (I, 42—44, II, 3, 4, 6, 8, 12—14, 17—47, 55—60); он говорит также о Константине и начале арианства (II, 61—73); о Никейском соборе (III, 6—16) и т. д.

кратко перечислены в 8 главе I книги, а потом более подробно описаны в I, 25 и IV, 5—7; им предшествует рассказ о деяниях Константина в отношении мирских лиц (IV, 1—4). Помимо того, содержание эпилога, сообразно с главной целью Евсевия — прославить христолюбивого императора, дополнено новой темой, развитой в IV, 74, о том, что чтимый им бог воздал ему по достоинству.

Таким образом, жанровая форма и композиция «Жития блаженного царя Константина» свидетельствуют о том, что, следуя общему культурно-историческому движению того времени — «эллинскому возрождению», автор ориентировался в значительной степени на образцы древнегреческой литературы. Но в то же время, стремясь создать произведение, новое по идейной направленности, произведение во славу императора, какого еще не бывало во всей истории ромеев, ибо Константин являет собою образец христианской жизни и христианского благочестия (I, 3, 4), Евсевий прибегает к широкому использованию авторских отступлений: почти в каждой главе он настойчиво говорит о благочестии (εὐσεβεία) императора в исповедании единого бога христиан и о его неизменно покровительственном отношении к христианам; именно под углом зрения такой τῆς εὐσεβείας автор оценивает все поступки императора.

Но не только посредством подобных комментариев прославляет автор нравственные качества Константина. На протяжении двух третей повествования он изображает своего героя в действии: почти каждое, а тем более значительное, деяние императора выделено в особую главу, и в большинстве случаев автор не ограничивается пересказом того или иного распоряжения императора: он приводит дословный текст его указов, письменных посланий, не смущаясь подчас большим объемом этих документов, охватывающим порой десять и более глав⁹. С необыкновенной тщательностью приведен документальный материал, касающийся религиозной политики Константина: он составляет около четверти объема всего сочинения (67 глав из 273). В подлинности этих документов сомневались некоторые исследователи конца XIX в.¹⁰, но после возражений И. Хайкеля и О. Зека авторство Константина уже не оспаривается¹¹.

Своеобразный «документальный» материал, дополняющий список посланий и указов императора, — скрупулезное описание картины (III, 3), нарисованной, по утверждению Евсевия, самим Константином цветными (вероятно, восковыми. — Т. П.) красками и помещенной над дворцовым порталом. На этой картине император изобразил самого себя, начертав над головой крест, а под ногами — пронзенного стрелой и низвергающегося в морскую пучину дракона, что символизировало победу императора с помощью спасительного знамения, одержанную им над дьяволом — врагом рода человеческого, пытавшимся, по убеждению христиан, разжечь войну против них посредством гонений.

Как известно, такой демонстрационный метод, отдающий предпочтение убедительным доказательствам деяний героя, впервые в греческой литературе провозгласил Исократ: «В речах должно показывать только поступки людей»¹². «Каким иным способом можно показать храбрость, мудрость и вообще всю доблесть Евагора, если не через его поступки и описание опасностей, которым он подвергался?»¹³. Таким образом, в обри-

⁹ II, 24—42: послание Константина правителям Палестины о благочестии к богу и о христианстве; II, 46; II, 48—60: о заблуждении многобожников; II, 64—72: послание епископу Александру и пресвитеру Арию; III, 12, 17, 20, 30—32, 62, 64, 65; IV, 9—13, 16, 27, 35, 42, 62.

¹⁰ Например: A. Crivellucci. Della fede storica di Eusebio. Roma, 1888.

¹¹ I. A. Heikel. Op. cit., p. LXVI ff.; O. Seeck, in: «Zeitschrift für Kirchengeschichte», XVIII, S. 321 ff.; E. Schwartz. Griechische Geschichtsschreiber. 2. Aufl. Leipzig, 1959, S. 574.

¹² Isocr., Evagr., 190D.

¹³ Ibid., 202A.

совке внутреннего облика героя Евсевий пользуется методом, выработанным древнегреческим автором, которого «вторая софистика» признавала образцом, достойным подражания.

Далее, для языческих авторов, писавших похвальные речи царю, традиционны были сравнения героя с прославленными мифологическими героями и великими деятелями древней истории¹⁴. Евсевий не сравнивает Константина ни с одним мифологическим персонажем, но зато сопоставляет его со знаменитыми героями древней истории — персидским царем Киром и Александром Македонским. Автор посвящает этому сравнению две главы I книги (7 и 8), особо выделяя его заголовком главы 7, которая так и называется *ὁὕχρισς*. Но в то же время, проводя идею, что христианская религия уходит своими корнями в религию иудейскую (доказательство этой мысли Евсевий дал в «Хронике», в первых главах «Церковной истории» и в «Евангельском приготовлении»), автор сравнивает Константина с ветхозаветным Моисеем, посвящая этому сравнению целиком всю главу 12 первой книги. И если сопоставление с Киром и Александром дается однажды (главы 7 и 8 в сущности представляют собой единое целое, так как в 7 речь идет только о Кире и Александре, а в 8 — о Константине, противопоставленном им), то сопоставление с Моисеем проводится неоднократно (кроме I, 12, еще в I, 19, 20, 38, 39; II, 12). И если в первом случае сравнение перерастает в антитезу (Константин лучше Кира и Александра по всему ряду сопоставлений), то второе сравнение призвано доказать нечто общее в судьбах Константина и Моисея: оказывается, Константин, будучи еще ребенком, рос и воспитывался при дворе тиранов, так же как Моисей в дни своей юности; в зрелом же возрасте некоторые деяния Константина весьма схожи с деяниями Моисея: «Как во времена Моисея. . . , бог свергнул в море колесницы фараоновы и войска его, и в Черном море погрузил отборных всадников¹⁵, так, подобно камню, пали во глубине вод Максенций и бывшие с ним латники и копьеносцы» (I, 38)¹⁶.

Но, прославляя первого христианского императора, Евсевий использует не только традиционные для древнегреческой и иудейской литературы сравнения, указанные выше; заключительным аккордом звучат в IV, 72 совершенно необычные сопоставления. Словно отталкиваясь от философской идеи бытия как непрерывной цепи возрождения, он сравнивает Константина с птицей Феникс, противопоставляя ей Константина, ибо Феникс возрождает самого себя, а Константину наследуют три его сына. И вместе с таким сравнением, перерастающим в антитезу, Евсевий находит сравнение, устанавливающее сходство, подобие Константина. . . самому Христу: он утверждает, что Константин «уподобился спасителю своему, который, как зерно пшеницы, умножившись из одного себя, по благословию божью, произрастил колос и своими плодами наполнил всю землю» (IV, 72). Такое сравнение не удивительно: оно вытекает из указанной выше концепции Евсевия, согласно которой в царствование Константина осуществилось соединение божественного и государственного закона в один нерушимый принцип императорской власти. Несмотря на эти нововведения в характер повествования, касающиеся, как видим, содержания при использовании художественного приема, а не его структуры, все же на основании методов изложения материала, композиции и некоторых приемов в обрисовке образа можно утверждать, что Евсевий сочинил похвальное слово императору в духе древнегреческих

¹⁴ Menander, 216, 219, 220.

¹⁵ Исход, 14.

¹⁶ Имеется в виду переход войск Максенция через Тибр по соединенным каким-то образом судам, скрепления между которыми внезапно разошлись не после перехода войск, а во время, и поэтому все воины утонули.

панегириков, основная, характерная черта которых — тенденциозный подбор фактов.

Другая характерная черта похвального слова — постоянно поддерживаемая напряженность интонации — также сильно выражена в произведении Евсевия; достигается она посредством антитез. Их типы весьма различны: лексические, грамматические (синтаксические, когда сложносочиненные и сложноподчиненные предложения строятся на противопоставлении, вводимом словами *μὲν — δέ, οὐκ μόνον. . . , ἀλλὰ καὶ, ἤ . . . ἤ*), композиционные (как при описании некоторых ситуаций, так и в построении образов).

При доказательстве роли антитез последуем от композиционных к лексическим. Примеры антитез в обрисовке положительных и отрицательных образов находим в I, 5, 7, 8, 13, 47, 49, 50—52, 58, 59; II, 4, 11, 12, 15, 16; III, 1: далее противопоставления образов не наблюдается, ибо Константин победил всех соперников по трону и стал единовластным правителем.

Указанное выше красноречивое противопоставление Константина Киру и Александру Македонскому было, так сказать, частным противопоставлением, своеобразной данью многовековой литературной традиции. Но и в новом материале, словно следуя совету Менаандра сравнивать как можно чаще, но к месту (§ 229), Евсевий изыскивает способы противопоставить положительный образ Константина отрицательным образам и особо подчеркивает это уже в заголовке тех глав, где такое противопоставление проводится, например в I, 4 («О том, что Константин готовился к войне молитвами, а Лициний гаданиями»), в III, 1 («Сравнение благочестия Константинова с нечестием гонителей»). Сравнение это, перерастающее в антитезу, выражено таким образом: первые 14 фраз из 15, составляющих данную главу, построены на антитезе *οἱ μὲν — ὁ δέ*. В последней фразе, не связанной антитетически с предшествующей, даны зато две лексические антитезы *φωτός — ἐκ σκότους* («свет из мрака») и *ἀθέων πληθὺς — θεοφιλῇ βασιλεία* («толпа безбожников — боголюбивый царь»).

Отец Константина, Констанций Хлор, в образе которого автор с удовлетворением отмечает благочестие и благосклонное отношение к христианам, противопоставляется трем его соправителям — Максимиану, Северу и Максимину, а также Диоклетиану и Максенцию. Насколько последовательно и настойчиво проведено это противопоставление, можно судить по I, 13, где из шести фраз первые пять построены на антитезе, подчеркнутой словами *οἱ μὲν — ὁ δέ*.

Из антитез, посредством которых описываются те или иные ситуации, укажем примеры в I, 10—12, 22, 26, 27, 45, 50, 52, 57, 58; II, 3, 9 (о том, что оди из воинов Константина, несших знамя с изображением креста, бросил его, бежал и был убит, а другой пребывал в вере и спасся), 15, 16, 44, 45, 61—63 (возникновение ересей Ария и мелетия и послание Константина по этому поводу о мире), 73 (в конце главы); III, 3—6, 13, 23 («Но между тем, когда повсюду воцарился мир, у египтян продолжалась еще непримиримая распря»), 59 (о возмущении, которое Евстафий возбудил в Антиохии: «Но между тем, когда при таких обстоятельствах все жили благодушно и церковь божия везде и у всех народов всячески возвышалась, враждебная добру зависть снова восстала против столь счастливого течения дел»).

Примеры синтаксических антитез считаем нецелесообразным приводить в этом небольшом исследовании; достаточно сказать, что из общего числа предложений в I книге, равного 242, 131, фраза построена на антитезах (заголовки, написанные самим Евсевием, в данном случае не учитываются). Более разрежены лексические антитезы; в одной только I книге их 45 пар. Иногда лексическая антитеза служит основой антитезы синтаксической, например первое слово первой фразы сочинения Евсевия (*Ἄρτι μὲν — «недавно»*) противопоставлено первому же слову второй фразы (*νυνὶ δέ —*

«а ныне») и в целом благодаря ряду лексических антитез в этих фразах (ποθῶν μὲν — ἀπορῶν δέ, ἔῶ — ἐσπέρα, γῆς — οὐρανός) и особому подбору слов напряженность иптопации и смысл первых двух фраз достигают в своем выражении высшего апогея: «Недавно весь род человеческий славословил великого царя в праздничных пиршествах по случаю второго и третьего десятилетий его власти. . . А ныне слово в устах немеет, хотя и жаждет поведать нечто привычное, но не знает, как прозвучать, уstraшенное чудом необычайного зрелища» (I, 1).

Такие примеры различного рода антитез и глубокая насыщенность ими авторского текста свидетельствуют, в сколь значительной мере сочинение Евсевия пропитано риторикой, что вполне соответствовало одному из принципов, провозглашенных идеологами «второй софистики». Но и второй принцип этого культурно-исторического движения поздней античности — насыщенность сочинения философским материалом — также очевиден в произведении Евсевия: рассуждения, относящиеся порою к области философии бытия смертных и бессмертных вещей в I, 3, 26 и в IV, 64, 67 (близкие, впрочем, к рассуждениям неоплатоников)¹⁷, но несравненно чаще к области христианского богословия, составляют около трех процентов общего объема сочинения. Таким образом, если даже в такой далекий от философской проблематики жанр, каким было похвальное слово императору, Евсевий ввел философский материал, следовательно, автор стремился сочетать формальные признаки риторического произведения с философским содержанием. В осуществлении такого синтеза, как известно, представители «второй софистики» усматривали одно из главных достоинств сочинения; следовательно, Евсевий удовлетворяет и этому требованию приверженцев «эллинского возрождения».

Итак, Евсевий — один из первых христианских писателей, который вполне сознательно использует опыт древнегреческой литературы в технических средствах выражения мысли. Заимствуя средства выражения, выработанные древнегреческой литературой, Евсевий подчиняет их своей главной цели писателя-христианина — прославлению императора, который первым из всех римских императоров прекратил гонения на христиан и царствование которого, по мнению Евсевия, олицетворяет образ царства Христова на земле (I, 5 и III, 15). В соответствии с этой целью и новой для его современников идеей имперской теологии автор вводит в свое повествование некоторые новые структурные и тематические элементы: четырехчастное деление произведения, в чем нельзя не признать параллели со структурой главной части Нового завета; помимо того, не боясь отступлений от классического канона похвального слова, он дает обширный документальный материал и новые объекты для сопоставления своего героя. Иными словами, на основе самых общих, выработанных в античной классике правил построения похвальных речей Евсевий создает такое произведение, которое свидетельствует о весьма смелых и действенных попытках христианского автора найти новые возможности художественного выражения.

¹⁷ О платонизме Евсевия см.: A. Dempf. Der Platonismus des Eusebius, Victorinus und Pseudo-Dionysius. München, 1962.

С. В. ПОЛЯКОВА

ФОЛЬКЛОРНЫЙ СЮЖЕТ О СЧАСТЛИВОМ ГЛУПЦЕ В НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКАХ АГИОГРАФИИ VIII в.

Трудно себе представить, что в основе жития Филарета Милостивого, одного из самых «положительных» и трезво-бытовых, какие встречаются в Византии, лежит сказка: мимикрические способности фольклора мешают заметить ее на вполне вероподобном фоне рассказа.

Филарет, человек некогда весьма богатый, повествует агиограф, вследствие вражеских набегов и главным образом своей щедрой благотворительности постепенно все более и более разоряется, пока не доходит почти до нищенского состояния. Но тут в его жизни случается неожиданная перемена — гонцы, разосланные императрицей Ириной с поручением отобрать самых красивых девушек (таким образом она хотела найти невесту для своего сына Константина VI), попав в пафлагонскую деревню Амнию, где жил Филарет, останавливают свой выбор на его внуке Марии; этот выбор санкционирован во дворце, и Филарет отныне вступает в свойство с царским домом, получает большие богатства, а после смерти удостоивается райского блаженства.

Если, однако, вчитаться в житие, обнаружится, что не все так гладко, как это может показаться по краткому пересказу: вместо привычного агиографического героя здесь выступает фигура, близкая к фольклорному образу счастливого глупца, а его биография соответственно укладывается в рамки распространенного сюжетного трафарета, согласно которому глупец-счастливец, несмотря на свою глупость, становится богачом и женится на царевне, хотя речь и идет о событиях, реально имевших место, поскольку описанные поиски невесты для императора и то, что выбрана была некая Мария из Амнии, — засвидетельствованные источниками факты, а сам Филарет — возможно, историческая личность¹. В обеих существующих редакциях легенды² Филарет ведет себя подобно глупцу из сказки, обнаруживает, вопреки тому, что житие его именуется «боголюбезным и безукоризненным» (64, 4), не свойственные святому слабости и не раз оказывается в смешном положении. Все это, как мы попытаемся показать, сопоставив житие с комической сказкой и некоторыми другими жанрами устного народного творчества, — следствие воздействия шутливого фольклора.

Привлекая в качестве параллелей фольклорный материал более древний и более новый по отношению ко времени создания обеих редакций жития, мы отдаем предпочтение русской сказке. Все привлеченные рус-

¹ А. А. Васильев. Житие Филарета Милостивого. — ИРАИК, V, 1900, стр. 49 сл.; М. Н. Fourty et M. Leroy. La vie de S. Philarète. — Byz., IX, 1934, fasc. 1, p. 101 sq.

² Анонимное житие издано А. А. Васильевым, второе, принадлежащее перу Никиты из Амнии, называющего себя внуком Филарета, — Фурми и Лероем. В дальнейшем ссылки на житие даются по публикации А. А. Васильева.

ские примеры имеют варианты в международном фольклоре, что отражено в специальных указателях.

Начнем с установления характерологического тождества милостивца, как он выступает в житии, с типом фольклорного глупца. Характерной особенностью поведения последнего является буквальное следование чужим указаниям, что неизменно приводит к нелепой ситуации. Так, совет матери потеряться среди людей дурак понимает буквально и мешает всем своими комичными действиями³. Другой глупец полученному наставлению трижды подумать, прежде чем что-нибудь сказать, следует и тогда, когда видит, что на его мастере загорелась одежда⁴. Третий обязанность мужа делить с женой радость и горе осуществляет весьма своеобразно — бьет ее, рассудив, что это ему радость, а ей горе⁵. Рекомендацию наказывать жену только добрым словом дурак приводит в исполнение, обрушивая на нее удары Евангелием, а глупые ученики, наученные хлопать в ладоши и говорить, если кто-нибудь чихнул, «Спаси тебя господь», применяют эту науку так: когда учитель с их помощью пытается канатом тащить утопленника и вдруг чихает, они хлопают в ладоши, желают учителю господнего благословения, и канат, разумеется, выскальзывает у них из рук⁶.

Приводимые ниже поступки Филарета ничем не отличаются от действий его собратьев из фольклора. По своему духу и кумулятивному построению следующий пассаж жития так близок к шутливому фольклору, что кажется перенесенным из какой-нибудь сказки о глупце: «В это время начался голод, и праведник, не в состоянии прокормить детей и жену, взял осла и пошел далеко к своему другу, и занял у него шесть модиев зерна, и, взвалив их на осла, пришел домой, а жена его и дети исполнились радости. Когда он сел отдохнуть с дороги, пришел нищий и попросил пригоршню зерна. Милостивец сказал жене — она вместе со служанкой веяла зерно: «Жена, этому моему брату дай один модий, по модию отдели детям, модий моей жене и модий служанке, а что осталось — тому, кто попросит». Снова он говорит жене: «А мне ты ничего не уделила?» Она сказала: «Ты ведь ангел, а не человек, и брашна тебе не надобно. А было б надо, от полученного взаймы зерна, которое ты привез за столько миль, не отдавал бы на сторону». И вне себя жена сказала: «Благочестия ради дай ему два модия». Филарет сказал: «Благослови тебя господь». И, отмерив два модия, отдал брату. Жена с насмешкой говорит ему: «На твоём месте я добавила бы еще модий». Он отмерил модий и дал нищему. Нищий, не имея мешка для зерна и не зная, как быть, собирался уже скинуть одежду, а был он в одном хитоне. От жены Филарета не скрылось замешательство нищего и желание мужа поскорее снарядить его в путь. И она, как прежде, с насмешкой сказала мужу: «На твоём месте я бы дала нищему мешок». Филарет так и сделал. Тогда жена швырнула на пол сито, в котором веяла зерно, и стала рвать на себе волосы и говорить мужу: «Ради меня отдай ему и второй полный мешок». Он так и сделал. А нищий в затруднении, так как ему было не снести шесть модиев, воскликнул, обращаясь к этому новому Иову: «Господин, пусть все зерно остается здесь, а два модия я понемногу перенесу в свою хижину. Ведь забрать все сразу мне не под силу». Феосево услышала эти слова и со стечением говорит мужу: «Дай же человеку осла, чтобы ему не надорваться». Филарет благословил свою жену, снарядил осла и, нагрузив его, отдал нищему» (72, 1 сл.).

³ «Русские народные сказки А. Н. Афанасьева. Изд. 4-е Т. 1—5. М., 1913—1914 (далее — Аф.), № 226 а и в.

⁴ S. Thompson. Motiv Index of Folk Literature. Bloomington, 1932—1935, v. 4, J. 2516.1.

⁵ Ibid., J 1541.1.

⁶ Ibid., J 2516.3.2.

Сходство фольклорных глупцов с Филаретом проявляется и в другой черте, свойственной этим персонажам: глупцы в фольклоре не понимают того, что им говорят. Дурак русской сказки (Аф., № 226а), не отдавая себе отчета в смысле выражений «капун да свеча» и «носить бы вам не переносить», новобрачных встречает первой формулой, а провожающим покойника желает «носить не переносить». Иванушка-дурачок, которому приказано покрошить в похлебку луку и петрушки, полагает, что подразумеваются хозяйские сыповья Лука с Петром, и едва не убивает их ⁷. Аналогичны бытовавшие еще недавно шутливые рассказы о глупой кухарке, которая в слове редикюль, которого она не понимает, слышит «редьки куль» и приприсит своей барыне мешок с редькой, а вместо салата — солдата, которого, по распоряжению ни о чем не подозревающей хозяйки, она кладет в воду, чтобы он не завял.

На таком недоразумении основана сцена жития, когда Филарет, неправильно поняв слова своей жены, отдает бедняку в придачу к прежде подаренному теленку также корову, хотя Феосево имела в виду, что мужу не следовало дарить теленка и тем самым разлучать его с маткой. Рассказ агиографа об этом начинается с упреков жены. «Неужели не болит у тебя душа за несчастную корову? — спрашивает она. — Как мог ты разлучить ее с теленком?»

Божий человек, продолжает агиограф, встав, обнял и благословил ее, говоря: «Благослови тебя бог за твои справедливые слова. Ведь, истинно, я был бессердечен и жесток, когда разлучил теленка с его маткой, и прогневил этим господа» (71, 12 сл.). После этих слов жены Филарет возвращает уже ушедшего со двора просителя и, к его изумлению, отдает в придачу к теленку корову, мотивируя свой поступок словами: «Брат, как сказала моя жена, я совершил грех, разлучив теленка с его маткой; возьми же ее в придачу и ступай своей дорогой» (71, 25 сл.).

Иванушка-дурачок (это имя употребляется здесь в нарицательном смысле для всей разноликой и разнонациональной братии фольклорных глупцов) пренебрегает, подобно Филарету, естественными законами, что тоже делает его поступки смешными и нелепыми. Два дурня, например, ищут на дубе груши и ссорятся друг с другом из-за добычи: стоящий на земле вишит второго, который влез на дерево, в том, что он съел все груши, а тот в свою очередь упрекает помощника в такой же недобросовестности ⁸. В другом случае дурень уверен, что, если снег высушить за печкой, он превратится в соль ⁹. Незнанием естественных законов объясняются случаи вроде того, что дурак продает березе быка и удивлен, когда она не платит денег за свою покупку (Аф., № 225), или уверен, что стол может бегать, как лошадь, на четырех ногах (Аф., № 224).

В приглушенной веристической атмосферой форме это свидетельствующее о глупости неумение считается с простейшими закономерностями обыденной жизни отражено в сцене беседы Филарета с Феосево, когда праведник, зная, что дом его совершенно разорен и нет ни денег, ни съестных припасов, все же велит жене приготовить для императорских послов роскошный обед, чтобы «не опозориться перед этими вельможами» (75, 4).

Особенно охотно сказки говорят о добродетелях Иванушки-дурачка и даже наделяют его — совсем как житийных милостивцев Иоанна, Филарета, Серапиона — эпитетом милосердный ¹⁰. Добродетели эти обычно крайне нелепы — в них проявляется присущая герою глупость. Например, мать посылает Иванушку-дурачка отнести клецки работающим в поле братьям. Заметив собственную тень, он решает, что кто-то голодный

⁷ Е. Чудинский. Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864, № 10.

⁸ Г. Бебель. Фацетии. М., 1970, III, 149.

⁹ Там же, III, 89.

¹⁰ А. Смирнов. Иванушка-дурачок. — «Вопросы жизни», 1905, № 12, стр. 48.

неотступно следует за ним, и по душевной доброте бросает ему клецки, пока горшок совсем не пустеет; глядя на обгорелые пни, он считает, что перед ним ребята без шапок, и из опасения, как бы они не замерзли («ребята-то без шапок, ведь озябнут, сердечные»), надевает на них горшки и корчаги (Аф., № 224).

В другой сказке (Аф., № 123) содержится полная сюжетная параллель к житию Филарета: герой ее беден, творит добрые дела, получает богатство и царство. Отец, повествует эта сказка, лишает дурака наследства, но тот умудряется поправить свое положение, дав купцу кошку для продажи в чужих краях; купец попадает в страну, где множество крыс, но не водятся кошки, и продает свою за три бочонка золота. По возвращении купца дурак становится богачом и начинает щедро оделять нищих. Два бочонка он раздает, а на золото, наполнявшее третий, покупает ладан и воскуряет его богу (здесь как будто чувствуется гротескная нота — сказка оставляет впечатление, что весь купленный ладан воскуряется разом); в награду за это дурак получил мудрую жену и с ее помощью «сделался королем и царствовал долго и *милостиво*». Нелепо и добродееание другого Иванушки-дурачка: его приставили сторожить поле под овощами, а он помог вору унести мешки с украденной репой (Аф., № 131).

Таковы же добрые дела Филарета, хотя стремление к жизненному правдоподобию, отличающее обе редакции жития, не позволяет герою совершать таких гротескно-нелепых поступков, как кормление тени клецками или надевание горшков на пни; действия Филарета комичны не из-за их отклонения от логических норм, а вследствие отхода от моральных, следование которым для представляемого им типа — *conditio sine qua non*. Себялюбивый эгоизм прославленного милосердием праведника сообщает его благодеяниям шутовской характер. В самом деле, во время голода Филарет разделяет между членами своей семьи полученное в подарок зерно, собственную долю раздает нуждающимся, а затем «в час трапезы жена его и дети садились за стол и старец подходил к ним, с улыбкой говоря: «Принимайте, дети, гостя!» Им приходилось приглашать его, и он ел вместе с ними. Дети говорили: «Когда же ты возьмешь из тайника деньги (Филарет обманывал своих близких, уверяя их, что не роздал, а продал весь свой скот, а деньги спрятал на черный день. — С. П.) и купишь себе съестного, и будешь сыт. Ведь ты отбираешь хлеб, который дал нам» (73, 25).

Аналогично и другое добродееание Филарета: когда в его хозяйстве уже ничего не остается, праведник отдает нищему единственный верхний хитон, сказав жене, будто потерял его, и тут же в возмещение «пропажи» принимает от Феосово хитон, перешитый из ее одежды.

Действия Филарета в обоих рассмотренных эпизодах прямо противоположны агиографической норме: праведник, во-первых, не совершает добрых дел в ущерб себе, и реваши, который он тут же берет, сообщает им комический, нелепый характер¹¹, во-вторых, ложь его своекорыстна (страх перед гневом жены), т. е. и в малой степени не похожа на привычный в житийной литературе благочестивый обман, направленный на сокрытие своей добродетели или иную какую-нибудь высокую цель.

Установив типологическую близость образов Филарета и фольклорного глупца, обратимся к схеме их биографии. Как уже говорилось, дурак в фольклоре неизменно оказывается счастливее, сильнее и удачливее своих антагонистов, будь то старшие братья или соперничающие с ним претен-

¹¹ Раздав свою долю хлеба, Филарет не склонен голодать и переходит, несмотря на протесты жены и детей, на их иждивение, а лишившись хитона, и тут избегает неприятных последствий чересчур широкой в его положении благотворительности: жена перешивает ему свою одежду. Может быть, последний штрих, показывающий святого наряженным в переделанное из женского платье, возник не без влияния фольклорного комизма.

денты на руку царской дочери, и бедный крестьянский сын ¹² (бедность усугубляется еще тем, что Иванушка часто лишен своей доли наследства) добивается брака с царевной и получает несметные богатства ¹³.

Один из многочисленных в сказках Иванов-дураков, несмотря на свою глупость, торгует в чужих землях выгоднее умных братьев, похищает у заморского царя дочь и женится на ней, вопреки их уловкам и хитростям (Аф., № 135). Другой Иванушка остается без наследства, но счастливый случай позволяет ему разбогатеть и жениться на царевне, победив всех противников и недругов (Аф., № 118 *в*). Точно так же глупец получает руку царской дочери в сказках, где должен разрешить трудные задачи — построить летучий корабль (Аф., № 83), загадать неразрешимую загадку (Аф., № 132), добыть изображение царевны (Аф., № 105*а*), а Емеля-дурак влюбляет в себя царевну и после множества опасных приключений женится на ней (Аф., № 100*а* и *в*).

Иногда, впрочем, встречается синкопированный финал: выпадает брак с царевной и остается только рассказ о том, как дурак разбогател и зажил припеваючи. Образцом может послужить сказка (Аф., № 222), где старшие братья после смерти матери оставляют младшего, дурака, без его доли наследства. Тогда дурак завладевает трупом матери и ловко извлекает из этого прибыль: он подбрасывает тело то в один, то в другой дом, и люди, чтобы избежать подозрения в убийстве, вынуждены откупаться от дурака. Братьям же дурак говорит, что за хорошую цену продал труп на рынке. В свою очередь стремясь нажиться, они убивают собственных жен и выносят их тела на продажу, но убийц схватывают блюстители закона, и дурак остается хозяином всего их добра.

По этому же сюжетному шаблону построено житие Филарета. Если его герой был вымышленным персонажем и реально не существовал, перед нами монолитный по своему составу и замаскированный под события реальной истории рассказ (чтобы не сказать — сказка) о бедном и глупом герое, совершающем одну нелепость за другой, однако оказывающемся в конце концов обладателем больших богатств и собственником императора. Отличие этого рассказа от фольклорных параллелей — только в деталях: вместо старших братьев или претендентов на руку царевны антагонистом героя выступает его жена, изображенная как злая жена из сказочного фольклора (ср. Аф., № 109, 236, 237); вместо обычной концовки, когда дурак становится царем и супругом царской дочери, или ее синкопированного варианта, обходящегося без брака, в житии герой не сам получает власть и царевну, а роднится с царским домом через свою внуку Марию, которую берет в жены император. И, наконец, повествование препарируется в назидательно-христианском вкусе, поэтому глупость главного действующего лица проявляется только в форме доведенного до крайнего предела (по современным понятиям — до гротеска) милосердия.

Если видеть в Филарете отца Марии из Амнии, впоследствии супруги Константина VI (источники не упоминают тестя императора), и верить, что его судьба действительно сложилась так, как описано в житии, рассказ о реально прожитой жизни, случайно отлившейся в схему, совпадающую с фольклорным сюжетом о счастливом глупце ¹⁴, в силу этого совпадения

¹² В отдельных, особняком стоящих вариантах Иванушка — купеческий и даже царский сын. См. А. Смирнов. Указ. соч., стр. 17. В последнем случае его положение в семье не позволяет ему рассчитывать на царскую корону, и он становится царем столь же для всех неожиданно, как его деревенские тезки.

¹³ А. Смирнов (указ. соч., стр. 12) отмечает, что в некоторых сказках дурак возвращается обратно в свою деревню, так как не хочет жить при дворе, хотя и получил на это право. О социальных корнях и общественных идеалах сказок о счастливом дураке см. монографию: Е. Мелетинский. Герои волшебной сказки. М., 1958.

¹⁴ При веристическом характере фиктивного сюжета подобные случаи бывали, и даже не так редко, как показывает совпадение сведений о жизни человека, встречающихся в эпиграфике, с рядом трафаретных литературных или фольклорных схем.

ретушировался в угоду трафарету подобных рассказов (подчеркивались, преувеличивались или вводились требуемые им черты) тем более легко, что типизация образов реально существовавших людей в духе той или иной деизидераты составляла отличительную особенность средневекового сознания и заявляла о себе во всех жанрах византийской литературы.

Агиографические сказания о других милостивцах не обнаруживают сюжетного шаблона, согласно которому герой, бедный и глупый вначале, становится затем богачом и мужем царевны, но отдельные эпизоды сближают их с комическим фольклором. Его воздействием объясняются, возможно, такие вещи, как буквализм действий Серапиона милостивого, который под впечатлением евангельского слова «если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим» (Матф., 19, 21), отдает сначала свой единственный плащ, затем стихарь и в результате остается на улице совершенно нагим¹⁵, или неспособность логически мыслить знаменитого александрийского архиепископа Иоанна Милостивого, несомненно приписанная ему по закону притяжения биографиями такого рода мотивов шуточного фольклора; святой ведь, как сообщает житие, приходит в отчаяние, потому что в день, когда он по обыкновению лично вершил суд и выслушивал всех, имеющих на кого-либо жалобы, никто не явился, хотя из этого можно было сделать вывод только о нравственном процветании паствы¹⁶.

Не следует думать, что списыватели нашего жития, подобно писателям нового времени, вводили в свой сюжет фольклор. Фольклорные элементы проникали в жития помимо сознания их авторов, не догадывавшихся, что они повторяют готовые трафареты, как не подозревали о мифологических или фольклорных основах своих произведений многие поколения античных и средневековых писателей. Однако, как можно заключить из того, что эти черты не были устранены, и агиографы и читатели не усматривали в их присутствии нарушения высокой дидактической героики, свойственной житиям по самой стоящей перед ними задаче. Особняком в этом смысле стояли только очень немногочисленные легенды о юродивых, в которых дурацкие проделки и шутовские выходки святого были заданы самой тематикой и составляли основу сюжета, так как агиограф прославлял глупость Христа ради, составлявшую в Византии особую форму аскезы. Потому чем антигероичнее и, если угодно, смешнее оказывался такой герой, тем более это содействовало его прославлению.

Эстетическая практика, позволявшая, как в житии Филарета, сочетать героическое с почти гротескным, основана на ином, сравнительно с современным, понимании художественной правды, а тем самым и границ высокого и комического. Для византийца художественная правда означала преувеличение той стороны изображаемого, на которой он стремился поставить акценты, что не могло не притуплять ощущение гротескного, как об этом можно составить себе впечатление по нескольким наудачу взятым примерам.

Чтобы показать из ряда вон выходящую нестяжательность Серапиона синдонита, агиограф передает историю, которая вследствие преувеличения этой отличающей праведника добродетели делала из него, если воспользоваться анахронистическим сопоставлением, героя плутовского романа, в глазах же византийского человека только убедительнее представляла его добродетель: Серапион садится на корабль, но у него нет ни денег,

¹⁵ H. Gelzer. Leontios' v. Neapolis Leben des Heiligen Johannes d. Barmherzigen. — «Sammlung ausgewählter kirchen- und dogmengeschichtlicher Quellenschriften v. G. Krüger», 5. H. Freiburg u. Leipzig, 1893, S. 48. Даже если автор гномы понимал ее максималистски, в смысле необходимости ради блага ближнего раздать все свое имущество и остаться нагим, едва ли в обстановке VII в., когда было написано житие, такое толкование могло иметь хождение.

¹⁶ Ibid., S. 11—13.

ни съестных припасов. Когда это, к великой досаде корабельщиков, обнаруживается, святой предлагает отвезти его назад. Но морякам невыгодно возвращаться, и Серапион, пользуясь этим, бесплатно добирается куда ему надо, и вдобавок в течение всего пути кормится за их счет¹⁷. В другом случае крайняя степень добродетели, присущая герою, приводит уже к подлинно комической ситуации: святой Мирон услужливо взваливает на спину вору, забравшимся к нему на гумно, тяжелые мешки с собственным житом¹⁸, поступая совсем как Иванушка-дурачок из рассмотренной выше сказки, который помогал вору нести мешки с репой. Другой праведник бросается вдогонку за ограбившими его дом разбойниками, чтобы вручить им мешочек с деньгами, которого они в спешке не заметили¹⁹.

С другой стороны, иллюзию жизненного правдоподобия в глазах читающих не нарушали черты персонажа, не вяжущиеся и даже вступающие в резкое противоречие с его внутренней сущностью, вроде себялюбия Филарета — так как внимание, направленное на характерологические контуры, не воспринимало психологических несообразностей.

Эта способность средневекового художественного сознания не замечать в стремлении к своеобразно понимаемой художественной правде близких к гротеску преувеличений и его равнодушие к психологической достоверности помогли чертам фольклорного сюжета о дураке-счастливце удержаться в благочестивой новеллистике.

¹⁷ The Lausaic History of Palladius, ed. D. C. Butler. Cambridge, 1898. Texts and Studies. Contributions to Biblical and Patristic Literature, ed. by Robinson, VI, 1—2, 1904, № 37.

¹⁸ AASS, Augusti II, col. 345.

¹⁹ *Ioannes Moschus*. *Pratum spirituale*, № 212. — PG, t. 87, pars 3, col. 3104. Этот гротескный мотив помощи жертвы вору или разбойнику прочно сохраняется в фольклоре. Еще в конце прошлого века была записана белорусская легенда о Пилипе Милосердом, который, лежа в трактире за печкой, слышит, как разбойники сговариваются ограбить его дом, и говорит им: «Братцы! Наца вам ключи, ня порцица замков да возьмиця, што угодна у мяне!» (см. «Белорусский сборник», вып. IV. Витебск, 1891, № 23, стр. 28).

М. А. ПОЛЯКОВСКАЯ

ТОЛКОВАНИЕ ПОВЕСТИ «ЛУКИЙ, ИЛИ ОСЕЛ»
АЛЕКСЕЕМ МАКРЕМВОЛИТОМ

Постановка вопроса о толковании Алексеем Макремволитом повести «Лукий, или Осел» представляет интерес в связи с тем, что проблемы поздневизантийской литературы очень слабо исследованы. Об одном из ее представителей — Алексее Макремволите — стали говорить лишь в самое последнее время в связи с публикацией И. Шевченко «Разговора между богатыми и бедными»¹. Однако Алексей Макремволит не только публицист. Он известен и как поэт², и как историк³, и как литературный комментатор. Эти стороны творчества Алексея Макремволита не стали еще предметом специального исследования со стороны историков и литературоведов.

Опубликованный А. Пападопуло-Керамевсом в 1899 г. один из опусов Алексея Макремволита, названный в рукописи «τοῦ αὐτοῦ Ἀλεξίου τοῦ Μακρεμβολίτου ἀλληγορία εἰς τὸν Δούκιον ἢ ὄνον»⁴, дает нам возможность познакомиться с еще одной стороной его литературной деятельности. Здесь автор выступает как своеобразный критик и интерпретатор, стоящий на правоучительно-христианских позициях. «Аллегория» невелика по объему — она немногим более 100 строк. В рукописи Sabbaticus 417 XIV в. Иерусалимской патриаршей библиотеки объяснение Алексея Макремволита на повесть Лукиана занимает 2,5 листа и числится одиннадцатым (из тринадцати) его трудом⁵.

Интерпретация повести «Лукий, или Осел» Алексеем Макремволитом специально не изучалась⁶. Издатель текста «Аллегории» А. Пападопуло-Керамевс называет ее «любопытным объяснением» к рассказу Лукиана⁷. К. Крумбахер в короткой аннотации на публикацию подчеркивает, что в христианском толковании Лукиана Макремволитом все факты получают моральное или теологическое значение⁸. Названная статья И. Шевченко

¹ ЗРВИ, 1960, 6, p. 205—216.

² *Fabricius-Harles. Bibliotheca graeca*, XI, 1808, p. 558; *Manuelis Philae carmina*, ed. E. Miller, I, 1855, p. 215, 370, 449, 455, 457.

³ *A. Papadopoulos-Kerameus. Ἀνάλεκτα τῆς Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας*, I, 1891, p. 144—159; *idem.*, Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, II, 1894, p. 533—536. Изложение содержания отдельных фрагментов неизданных сочинений Алексея Макремволита см. *I. Ševčenko. Alexios Makrembolites and his «Dialogue between Rich and the Poor»* — ЗРВИ, 1960, 6, p. 187—202.

⁴ ЖМНП, ч. 321, 1899, январь, стр. 19—22 (далее — А).

⁵ Там же, стр. 19.

⁶ Когда эта статья была написана, мне стало известно, что С. В. Полякова также заинтересовалась толкованием Алексея Макремволита. См.: «IV конференция по классической филологии, ноябрь 1969. Тезисы докладов». Тбилиси, 1969, стр. 37—38.

⁷ ЖМНП, стр. 19.

⁸ BZ, VIII, 1899, S. 555—556.

содержит несколько строк информации об «Аллегории» Алексея Макремволита⁹.

Говоря об «Аллегории», нельзя не коснуться вкратце вопроса об авторе повести, комментируемой Алексеем Макремволитом. В течение долгого времени автором «Лукия, или Осла» считался Лукиан из Самосаты. В исследовательской литературе спор шел преимущественно не об авторе повести, а о первенстве в избрании темы Лукием из Патр, Лукианом Самосатским и Апулеем¹⁰. В настоящее время авторство Лукиана решительно подвергнуто сомнению. Автором «Лукия, или Осла» сейчас называют условно некоего Псевдо-Лукиана.

Однако несомненно, что Алексей Макремволит воспринимал эту повесть как сочинение, принадлежавшее перу Лукиана. Свою «Аллегорию» Макремволит начинает с упоминания имени Лукиана (*Εἰ καὶ ἐν πᾶσι σφεδὸν τοῖς αὐτοῦ λόγοις Λουκιανὸς καταφεύδεται*. — А, стр. 19). Нами ни в коей мере не решается вопрос об авторе повести. Следуя за Алексеем Макремволитом, будем называть его Лукианом.

Заслуживает внимания самый факт обращения Алексея Макремволита к теме повести Лукиана, писателя-атеиста II в. Правда, Византия, в отличие от средневековой Западной Европы, не забывала Лукиана¹¹. С одной стороны, следует назвать различного характера — удачные и неудачные — подражания Лукиану (диалоги «Цезари», «Филопатрис», «Тимарион»). Но с другой стороны, вполне естественным для средневековья является и негативное отношение к автору, в сочинениях которого ярко проявляются атеистические настроения. В словаре «Суда», как известно, Лукиан получил отнюдь не лестную характеристику.

Восприятие Лукиана Алексеем Макремволитом далеко от этих двух упомянутых проявлений отношения к этому автору. В его «Аллегории» налицо, казалось бы, несоединимое — попытка истолковать поступки героев повести сатирика-атеиста с точки зрения норм христианской морали. Видимо, это следует объяснить тем, что в кругах византийской интеллигенции середины XIV в. стали чаще обращаться к сюжетам, героям и авторам античности, и Макремволит взял на себя миссию примирить Лукиана с христианскими представлениями о жизни человека, его поступках, его морали.

Поскольку задача, которой подчинена «Аллегория» Алексея Макремволита — примирить атеиста с христианством, — сложна, все сочинение проникнуто некоей двойственностью, противоречивостью. Несколько раз Алексей называет рассказ Лукиана, объяснить который он взялся, «бесмыслицей, небылицей, пустой болтовней»; он считает, что Лукиан «несет вздор» (А, стр. 19). Но в то же время он находит в объяснение всего этого, с его точки зрения, «вздора» соответствующие места из Псалтири, Евангелия от Луки, Матфея, Посланий к коринфянам, филиппийцам и др.¹²

В композиционном отношении «Аллегорию» Алексея Макремволита можно разделить на две части. В первой после короткого вступления, содержащего утверждение о вздорности и нелепости рассказанного Лукианом, конспективно излагается сюжет Лукиановой повести (приезд Лукия в землю фессалийцев; его знакомство с Палестрой, служанкой Стратига, с целью обрести крылья посредством ее колдовства; превращение Лукия в осла; похищение Лукия-осла грабителями, бегство из стана разбойников вместе с плененной девушкой; предполагаемая страшная

⁹ I. Ševčenko. Op. cit., p. 194.

¹⁰ E. Rohde. Über Lucians Schrift Lucios e onos. Leipzig, 1869.

¹¹ W. Madyda. Byzantyjska polemika z Lukianem. — «Meander», 1. Warszawa, 1946.

¹² О нравственных и аллегорических толкованиях греческого романа в Византии см.: С. В. Полякова. Из истории греческого романа в Византии («Эфиопика» Гелиодора в толковании Филиппа Философа и Иоанна Евгеника). — ВВ, 31, 1971, стр. 243—248.

казнь девушки и осла; спасение их отцом и женихом девушки; перипетии жизни Лукия-осла на мельнице; работа осла у иерея; чудесное спасение).

Во второй части «Аллегории» Алексей Макремволит пытается объяснить основу повести. Прежде всего он считает необходимым подвергнуть критике самую завязку и стержень сюжета: человек в соответствии со словом Творца (τῷ δημιουργικῷ λόγῳ) бессилен превратиться в неразумную тварь, так же как бессловесное существо никогда не станет разумным (А, стр. 20).

Далее Алексей Макремволит переходит к объяснению рассказа. Он считает, что факт превращения Лукия в осла явился проявлением божьего наказания за то, что он, возжелав обрести крылья и попасть на небеса (т. е. туда, где ожидают Спасителя Иисуса Христа)¹³, осквернил себя колдовскими магиями. Поскольку Лукий вместо молитв и святых слов прибегал к вздору и неподобающим рассказам, он утрачивает человеческий облик и привычки. Вместо радости полета испытывает Лукий все тяготы и унижения жизни в шкуре осла. Горести «ослиной» жизни Лукия являются, в интерпретации Алексея Макремволита, наказанием господним за его пристрастие к наслаждениям.

Кульминационным моментом в «Аллегории» Алексея Макремволита можно считать объяснение эпизода неожиданного спасения главного героя рассказа из рук разбойников. В изложении Алексея Макремволита главный разбойник олицетворяет демона, сатану, а весь разбойничий стан — те темные силы, во власть которых попал Лукий. Отец девушки, спасший ее и Лукия-осла из рук разбойников, представлен в толковании самим богом, который рад спасти заблудшую овцу¹⁴. Он не просто отец девушки, а отец девичества (τῆς δὲ παρθενίας πατὴρ ὁ θεός. — А, стр. 21), непорочного, чистого и светлого. Жениха девушки Алексей Макремволит называет Словом божьим.

Будучи спасенным, Лукий испытывает раскаяние и отвращение к прежней грязи удовольствий, но господь ниспосылает ему новые испытания, ибо нелегко вырваться из-под власти пороков (А, стр. 22). Пакля горит на спине осла, его лягают и кусают в стаде, он подвергается угрозе оскопления.

Описывая и комментируя мучительную жизнь Лукия-осла на мельнице, автор «Аллегории» попутно дает читателям христианские наставления относительно нравственности: «Лучше оскопление, чем неукротимая страсть к соитию, ибо в чрезмерной филимании обнаруживается слабость души» (А, стр. 22).

Жизнь Лукия на мельнице толкуется Алексеем Макремволитом как время его душевных терзаний и раскаяния: «Мучилась душа и сжигалась памятью позорных и нелепых дел» (А, стр. 22). И в силу наступившего раскаяния Лукия господь приходил к нему на помощь всякий раз в самый крайний момент. Так, неожиданное спасение Лукия-осла от смерти в огне объясняется Алексеем Макремволитом как деяние господя: «огонь погасила вода крестящего отца» (τῇ φλόγα τὸ τοῦ θεοῦ βαπτισματος ὕδωρ ἀπέσβεσεν. — А, стр. 22).

Жизнь Лукия у иерея Алексей Макремволит рассматривает как шаг на пути к спасению. Нося изображение бога на своей спине, Лукий «принимал участие в таинствах и стал обиталищем бога» (А, стр. 22). Осел начал тайно принимать человеческую пищу — хлеб и вино. Проискам Палестры интерпретатор противопоставил Надежду, которой был движем Лукий, принявший образ осла. И только вкушение роз способствовало превращению неразумного существа в человека (А, стр. 23). Эпизод

¹³ Послание к филиппийцам, 3, 20.

¹⁴ Матф., 18.11—12; Лука, 15.4.

с розами представляется Алексею Макремволиту — в соответствии с текстом Священного писания — напоминанием о Христовом благоухании¹⁵.

В «Аллегории» чувствуется стремление примирить Лукиана с образом мыслей, присущих эпохе XIV в. Алексей Макремволит хочет «улучшить» Лукиана, сделать его пригодным для восприятия христианским читателем. Бытовые детали фабулы «Лукия, или Осла» насыщаются у Макремволита символикой, якобы скрывающей истинный высокий смысл повести. Сюжетные ситуации получают наивно-серьезную правоучительную интерпретацию. Несомненно, направленность Макремволитова толкования определена не только символизмом христианского миропонимания, но и тем духом иносказания, подтекста, который в высшей степени характерен для византийской литературы XIV в.¹⁶ Натянутость, подчас нелогичность этих объяснений свидетельствуют о том, что Алексей Макремволит обратился к повести Лукиана отнюдь не для его критики или защиты, а из стремления устранить, убрать все то, что не сообразно с моральными нормами его времени.

Приписывая повести не присущий ей аллегоризм, Алексей Макремволит, таким образом, пытается акклиматизировать ее в византийских условиях. Но адаптивное сочинение, автор которого смеется и издевается, выглядит, несомненно, искусственным.

По всей вероятности, Алексею Макремволиту была известна сокращенная версия «Лукия, или Осла»¹⁷, поскольку некоторые эпизоды повести, которые не мог принять христианский писатель, у Макремволита не получили толкования. Так, в «Аллегории» обойден молчанием сюжетный момент, связанный с непристойным поведением жрецов, прятавших украденное за пазухой у богини, а также те места повести, которые имеют отчетливо эротическую окраску.

С точки зрения литературных достоинств рассматриваемый опус Алексея Макремволита выглядит несравненно беднее, чем его «Разговор между богатыми и бедными». Полемический талант Макремволита, столь ярко звучащий в «Разговоре», в «Аллегории» не проявился. Несомненно, что в «Разговоре» Алексей Макремволит выступает как более зрелый писатель, — может быть, потому, что там его творчество опиралось на реальную почву социальных противоречий в византийском обществе, было связано с бурным городским движением 40-х годов XIV в.

Издатель рукописи А. Пападопуло-Керамевс не предлагает датировки сочинения. Исходя из явно дидактического характера «Аллегории», будет разумным отнести ее к тому периоду творчества Алексея Макремволита, когда он учительствовал. Однако и это предположение не дает оснований для какой-нибудь датировки «Аллегории» — мы очень мало знаем о жизни Алексея Макремволита (наиболее точно датированные периоды его жизни: 1341—1342 гг. — служба у Патрикия, 1343—1344 гг. — написание «Разговора»)¹⁸. При современном состоянии вопроса датировка «Аллегории» не представляется возможной. Остается предположить, что публикация произведений Алексея Макремволита, находящихся в рукописях, прольет некоторый свет на историю и время создания «Аллегории».

¹⁵ Второе послание к коринфянам, 2.15.

¹⁶ I. Ševčenko. Society and Intellectual Life in the XIVth Century. — «XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Rapports, premier thème». Bucarest, 1971, p. 25; H. Hunger. Aspekte der griechischen Rhetorik von Gorgias bis zum Untergang von Byzanz. — «Österreichische Akademie der Wissenschaften, philos.-hist. Klasse, Sitzungsberichte», Bd. 277, Abh. 3. Wien, 1972, S. 9.

¹⁷ С. В. Полякова. Из истории античного романа в Византии (Толкование на «Лукия, или Осла» Алексея Макремволита). — «IV конференция по классической филологии...», стр. 37—38.

¹⁸ I. Ševčenko. Alexios Makrembolites, p. 190—191, 200.

М. М. КОПЫЛЕНКО

КАЛЬКИ ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ЯЗЫКЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Всякое иноязычное влияние в лексико-семантической сфере того или иного языка отражается либо в виде появления в нем иноязычных лексем (ксенонимов), либо в виде калькирования. Под калькированием понимается заимствование: а) словообразовательной структуры лексем (словообразовательные кальки), б) широкой сочетаемости лексем (семаптические кальки), в) ограниченной сочетаемости лексем (фразеологические кальки — гнезда), г) индивидуальной сочетаемости лексем (индивидуальные фразеологические кальки).

Лексические заимствования из греческого хорошо изучены в трудах А. И. Соболевского, И. Линдемана, М. Р. Фасмера, Н. А. Мещерского, А. А. Белецкого, Ю. А. Романеева, В. Ф. Дубровиной, А. М. Бульки. Достаточное внимание уделялось и словообразовательному калькированию (труды В. М. Истрипа, М. Н. Сперанского, В. И. Пономарева, К. И. Ходовой, Л. В. Вялкиной). Что же касается семантического и фразеологического калькирования, то они почти совсем не исследованы.

Кальки всех типов в изобилии распространены в памятниках древнерусской письменности. Они появлялись первоначально в переводных сочинениях, затем проникали и в произведения оригинальной литературы. При этом не следует упускать из виду, что «самое начало древнерусской письменности и письменной культуры во всех ее жанрах связано с перенесением на Русь богослужебно-религиозных книг»¹. Эти книги были переводами с греческого на древнеславянский литературный язык. Термином «древнеславянский литературный язык» в современной палеославистике (Н. И. Толстой, В. Ф. Мареш, А. И. Журавский) принято обозначать единый литературный язык южных славян (IX—XVIII вв.), восточных славян (X—XVIII вв.), моравян (чехов) (IX—XI вв.) и влахо-молдаван (XIV—XVIII вв.). В основе этого языка лежала южнославянская речевая стихия (болгаро-македонский диалект IX в.), которая в разной степени ощущается в подавляющем большинстве памятников древнерусской письменности². Нам представляется, что лучше говорить не о двух типах литературного языка древней Руси — книжно-славянском и народно-литературном³, а о двух компонентах, из которых складывались древнерусские тексты. Первый из них — древний болгаро-македонский диалект, второй — живой народный язык населения Киевской Руси.

¹ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. «УЗ ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 80, 1949, стр. 5.

² См. подробнее: М. М. Копыленко. Как следует называть язык древнейших памятников славянской письменности? — «Советское славяноведение», 1966, № 1.

³ См.: В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения и развития древнерусского литературного языка. — В сб. «Исследования по славянскому языкознанию». М., 1961.

Трудно найти памятник письменности, в котором бы один из этих компонентов выступал в чистом виде. Даже в списках с моравских и болгарских текстов IX—X вв. встречаются восточнославянские элементы, в разной степени проникшие в звуковую и грамматическую структуру текстов. С другой стороны, наблюдается проникновение южнославянских форм, лексем и конструкций не только в памятники деловой письменности, но и в произведения художественной литературы социально-бытового характера, и в подвергавшиеся литературной обработке устные народно-поэтические сказания, которых немало в «Повести временных лет». Поэтому можно говорить лишь о различной степени приближения к указанным двум полюсам. Максимально близки к живой народной речи записанные на берегах письма новгородцев, а максимально удалены от нее произведения церковно-религиозного содержания, созданные или переведенные русскими книжниками. Центральное место занимает летопись, которая, по определению Ф. П. Филина, представляет собой «органическое слияние византийско-инославянского наследства (древнецерковнославянской речевой струи) с восточнославянской речевой стихией»⁴. Близки к летописи по языковой структуре «Слово о полку Игореве» и выдающийся памятник переводной литературы Древней Руси «Иудейская война» Иосифа Флавия.

Кальки с греческого не характерны для делового и эпистолярного жанров. Они встречаются главным образом в произведениях, которые безусловно можно считать написанными на древнеславянском литературном языке (в «словах», поучениях, житиях и в переводной хронике), а также в оригинальной художественной литературе и в летописи, которые, как уже указывалось, в равной степени проникнуты восточнославянскими и южнославянскими элементами. Удельный вес светских памятников невелик — не более 3—4% от общего числа (если считать также списки с текстов, составленных в Моравии и в Болгарии в IX—X вв.⁵). Следует иметь в виду, что богослужебная и богословская литература удовлетворяла потребностям всего читающего общества, что именно тексты этого рода прилежно изучались, многократно переписывались и потому оказали наибольшее влияние на дальнейшее развитие литературного языка, вплоть до нового времени. В круг широкого чтения и переписывания входили также переводные сочинения исторического характера, составленные как в Болгарии («Хроника» Иоанна Малалы), так и в Киевской Руси («Хроника» Георгия Амартола), переводные сборники поучений (тоже либо болгарского, либо восточнославянского происхождения), переведенные древнерусскими книжниками произведения героико-эпического жанра («Александрия» и «История Иудейской войны»). Кальки с греческого встречаются во всех упомянутых переводах, а также в оригинальных сочинениях, и все они являются достоянием древнерусской письменности древнейшей поры. Очень трудно (и вряд ли необходимо) провести различие между кальками, возникшими в пределах и за пределами восточнославянской ойкумены.

Все кальки с греческого объединяет одна общая черта: они прибавляют к славянским словам добавочные значения, которые переносят их из бытового плана в план более высокий, в сферу научных, культурных, мировоззренческих ассоциаций. Эти новые, дополнительные значения мы называем коннотативными (в отличие от денотативных — связанных с предметной, вещной сферой). Таким образом, исследуя семантические кальки с византийского, мы проникаем в коннотативный мир восточных славян, выясняем, какое участие в формировании этого коннотативного мира приняли идеи и культурные веяния, исходившие от византийских историков, писателей, публицистов и богословов.

⁴ Ф. П. Филин. Указ. соч., стр. 4.

⁵ См. об этом: Т. Г. Винокур. Древнерусский язык. М., 1961, стр. 13.

Семантическая калька всегда является следствием необычной для испытывающего влияние языка сочетаемости. Так, если глагол «просвѣтити (просвѣщати)», который имел исконные значения 'засветить', 'зажечь', приобрел новые значения 'сообщить знания', 'окрестить', 'прославить', 'совершенствовать', 'украсить', то это произошло потому, что он стал употребляться не только с наименованиями источников лучистой энергии («свѣча», «лучина» и т. п.), но и с наименованиями лиц (Крѣщениемъ просвѣтилъ еси всѣхъ насъ бл҃гочтѣвыя цр҃ю Рускѣи. — *Илар.*) и с такими существительными, как «лице», «очи», «срѣдце» (Ѣ тмы къ свѣту приближающеся, очи и срѣце просвѣщаемъ. — *Там же*), «душа», а также «монастырь» (Показалъ еси такъ свѣтильникъ в мѣстѣ семь, . . . иже просвѣти монастырь свои. — *Ж. Феод.*), «миръ». Не присущая глаголу «просвѣтити (просвѣщати)» исконная сочетаемость заимствована у греческих глаголов φωτίζειν, φωτίζειν, которые, как и древнерусский «просвѣтити», образован от корня со значением 'свет' (ср. интернационализмы нового времени «фотография», «фотон» и др.). В данном случае круг сочетаемости глагола «просвѣтити (просвѣщати)» расширился весьма значительно за счет разнообразных в семантическом отношении лексем.

Но бывает и так, что заимствуется сочетаемость лишь с ограниченной группой лексем определенной семантики. Так, под влиянием греческого προάγειν глагол «привести (приводити)» стал употребляться не только с наименованиями лиц (Повоюева всю землю Чюдѣскоую, а полона привеле бещисла. — *Новг. I л.*), но и с существительными «притѣча», «прошение», «правда», «слово», «смыслъ». Здесь едва ли можно говорить о расширении значения глагола «привести (приводити)» (или о семантическом калькировании).

Следует признать, что сочетания глагола с упомянутыми существительными в целом имеют общее значение 'подкрепить словом или мыслью свое мнение' (см., например: якоже решити, смыслъ и разоумъ на дивы и на чудо привода. — *Ж. Ниф.*; и да привести правдоу вѣчноую и запечатлѣти видѣное. — *Хр. Г. А.*). Глагол «привести (приводити)», как и «просвѣтити (просвѣщати)», изменил свой семантический облик. Но здесь влияние сочетаемости ощущается в гораздо большей степени — настолько, что измененное значение совершенно не ощущается вне определенного контекста. Здесь уместно говорить не о семантическом, а о фразеологическом калькировании. Фразеологические кальки в данном случае образовали своеобразное самантическое гнездо (ср. его развитие в современном русском языке: «привести мысль, пример, притчу, цитату. . .», где прослеживается то же общее значение 'подкрепить словом или мыслью свое мнение' ⁶).

Подобным же образом глагол «оставити», соединяясь под влиянием греческого καταλείπειν с существительными «знамение», «образ», «упование», «память», «плачь», «рыдание», «срам», «понось», образовал сочетания с общим значением 'удалившись (исчезнув), передать другим свои черты или образец поведения или воспоминание о себе' (см., например: велии плачь оставивъ цр҃емъ же и бл҃гочтивымъ чл҃комъ Цр҃яграда. — *Хр. Г. А.*; срамъ собѣ оставляють на вся лѣта и понось. — *Алекс.*).

Нередко встречается и такое заимствование сочетаемости, которое распространяется лишь на одну лексему. К фразеологическим калькам такого рода относится «хранити тайноу» — греч. μυστήριον κρύπτειν, φυλάσσειν

⁶ См. об этом: А. К. Панфилов. Понятие о фразеологических гнездах. — В сб.: Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1968.

μυστήρια. На греческой почве в сочетании с существительным μυστήριον (μυστήρια) глагол φυλάσσειν (собственно 'охранять', 'стеречь') сближался с глаголом κρύπτειν ('скрывать'; см. *Соф.*, стр. 1154). Это изменение значения глагола φυλάσσειν, вызванное индивидуальной сочетаемостью, было повторено в переводе «хранити таиноу» (ср. в украинском «берегти таємницю» при абсолютной невозможности сочетания «хоронити таємницю»).

Аналогично сочетание «дати хрьбтъ». Оно повторяет греч. сочетание δίδοναι τὰ ὤτα, где глагол δίδοναι, обычно обозначающий 'дать', сближается с глаголом δεῖκνυμαι 'показать'. Общее значение сочетания — 'обратиться в бегство'. См. в *Наз.*: въдахъ хрьбтъ покрывъ лице срамъмъ — ἔδοξε τὰ ὤτα.

Обратимся к рассмотрению примеров, извлеченных из памятников древнерусской письменности.

А. СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАЛКИ

Здание. Эта лексема образована от глагола «здати» ('строить') и означала первоначально то же, что и греч. οἰκοδομή ('строение', 'дом').

Это послужило причиной тому, что она в переводных сочинениях употреблялась в тех же контекстах, в которых употреблялась греческая лексема. Таким образом, в семантику лексемы «здание» включается новый компонент 'наставление', 'поучение'. Мы обнаруживаем его в *Ефр. корм.*: На зедание людѣмъ вѣса подобаетъ творити в точном соответствии с греч. πρὸς οἰκοδομὴν τῶν λαῶν. Любопытно, что глагол «назидати» в соответствии со своей словообразовательной структурой означает 'надстраивать' (*Срезн.*, т. II, стр. 285), а «наздание» означает лишь 'созидание' (*там же*). Семантическая дифференциация лексем «здание» и «назидание» не нашла отражения в словаре И. И. Срезневского и, возможно, произошла в более поздний период развития русского языка.

П р а в и л о. В оригинальном русском памятнике «Софийский временник» есть фраза, указывающая на то, что эта лексема в долитературный период развития русского языка была связана с понятием ровной поверхности, прямизны: Тягиня того каменіа погнѣтеть в мѣсто и правило стѣны извихляется. Это подтверждает и древнейшее употребление прилагательного «правый» (бждѣть стрѣпѣтънаѣ [т. е. неровные, трудные [пути]] въ праваѣ и острії въ пѣти гладѣкы. — *Остр. ев.*), а также тот факт, что глагол «правити» первоначально означал 'направлять' (Гзакъ бѣжитъ стѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону Великому. — *Сл. плк. Игор.*). К той же понятийной сфере относилось греч. καὶόν. В античный период эта лексема имела в числе прочих значения 'отвес', 'линейка для графления' (*Двор.*, т. I, стр. 873). На этой основе развились значения 'мера', 'мерило', 'образец', 'норма', 'постановление', 'устав', которые под влиянием греч. καὶόν распространились на лексему «правило» сначала в переводных, а затем и в оригинальных текстах (см., например: По святых отецъ и святых апостолъ правиломъ. — *Псков. I л.*; . . . многимъ попомъ пѣти, а дьякону почати, яко же и на всякомъ правилѣ церковномъ. — *Кипр.*). Можно думать, что и лексема «правитель» первоначально была связана с идеей прямизны, неуклонности (см.: Оузда копеви правитель ѣсть и въздържаніе. — *Изб. 1076 г.*). Последующие значения 'рулевой', 'кормчий', 'наставник', 'руководитель' и т. п. (см. *Срезн.*, т. II, стр. 1343) могли возникнуть на русской почве без иноязычного влияния в связи с акцентным вариантом лексемы «правило» — «правѣло», которое издавна имело значение 'руль'.

Р о с т ь (Р а с т ь). Сопоставление ряда значений лексем «рость (расть)» и греч. τόχος отражено в таблице 1.

Общность в одном значении дала основание для расширения сочетаемости славянской лексемы, благодаря чему она приобрела не свойственное ей ранее значение 'лихва'. Соответствие растъ — τόχος наблюдается

Значения лексем	‘рождение’	‘рост’ ‘высота’	‘прирост’ ‘приплод’	‘лихва’ ‘проценты’ ⁷
рость (расть) τόκος	— +	— +	— +	— +

уже в древнейшем библейском переводе. Впоследствии лексема «рость» в этом значении широко проникает в оригинальные памятники деловой письменности, конкурируя с исконно славянской лексемой «лихва» (см. *Срезн.*, т. II, стр. 25—26; т. III, стр. 173). В дальнейшей истории русского языка предпочтение отдается лексеме «рост», о чем свидетельствуют современные «давать деньги в рост» (ср. болг. «давам пари под лихва») и «ростовщик» (ср. болг. «лихвар»). «Лихва» сохранилась лишь в качестве реликта в адвербиальном образовании «с лихвой».

Рука. Под влиянием греческого эта лексема приобрела значение ‘власть’, ‘господство’. См., например, в *Изб. 1073 г.*: Юже въ роуку врачевско(у) надеждж имѣти своего съдравити скотьско ю. Особенно распространены сочетания «подъ руку» и «подъ рукою (руками)» в соответствии с греч. ὑπὸ τὰς χεῖρας. Так, в *Ефр. корм.*: Подъ законъными роуками быти (ὑπὸ τὰς τῶν νόμων χεῖρας γίνεσθαι). Лексема «рука» в указанном значении широко пропикла и в оригинальные сочинения, причем не только богослужебного и богословского, но и светского содержания. Так, в *Лавр.* находим ... впадоша Олговичемъ в руцѣ, в *Ин.* — Баше бо тогда в рукахъ его. Дополнительным аргументом в пользу того, что значение ‘власть’, ‘господство’ развилось под влиянием греческого, является тот факт, что в древнерусских текстах нет промежуточного значения ‘сила’, ‘насилие’. В греческом же это значение присутствует (см. *Двор.*, т. II, стр. 1769).

Свойство. Когда эта лексема выступает в значении ‘близость’, в соответствии с греч. ἐγγύτης (напр., Елико друголюбци къ своимъ другомъ имоуще свойство. — *Златостр.*), облик ее, по-видимому, исконно славянский (ср. др.-руск. «своаякъ» ‘муж жепишой сестры’). Но «свойство» имеет также значения ‘особое качество’, ‘отличительный признак’ (Трии же личеса и три собьства, коеждо съ свойствомъ. — *Изб. 1073 г.*; тако же оубо... врачемъ мнѣтсѣ разоумъ съставъ свойства. — *Ефр. корм.*). В этом случае «свойство» соответствует греч. ἰδιον, ἰδιόμα, ἰδιότης. Дело в том, что прилагательное ἰδιος означает, с одной стороны, то же, что др.-руск. «свой», с другой стороны — ‘особый’, ‘своеобразный’, ‘отличный’. Это и привело к развитию нового необычного значения в древнерусской лексеме.

Скѣрбѣ. Эта лексема, этимологически связанная с др.-руск. «щѣрбѣй», «щѣрбина», «ущѣрбѣ», первоначально означала лишь ‘боль’, ‘страдание’, ‘болезнь’, ‘мука’; см. характерный пример в переводе с греческого кирилло-мефодиевской поры: Жена, югда раждаеъ, печаль имаатъ, тако приде годъ ѿна; югда же родить отроча, къ тому не помѣнить скѣрби за радость, тако родисѣ члвкъ въ мирѣ. — *Остр. ев.* В этом тексте лексеме «скѣрбѣ» соответствует греч. θλίψις. Но θλίψις означает также ‘несчастье’, ‘беда’, ‘горе’, ‘печаль’. Отсюда — соответствующие значения древнерусской лексемы. Так, в *Хр. Г. А.*: Подъ скорбѣми събираеми (ὑπὸ τῆς κοινῆς θλίψεως); есть бо егда скорбѣ боудеть, и вражда блага на спасеніе бысть. Так же и в оригинальном памятнике: Не могоша избрати собѣ игоумена и бы скорбѣ братѣи и тоуга и печаль велыя. — *Ин.*

⁷ Ср. аналогичные таблицы: А. Е. Карлинский. Очерк немецко-славянских языковых контактов (IX—X вв.). Автореф. канд. дисс. Минск, 1967.

С л а в а. Этимологическая связь этой лексемы с лексемой «слово» несомненна. Эта связь развивалась, вероятно, следующим образом. От «слово» — глагол «слути» 'называться', т. е., собственно, 'обладать словом', 'иметь название' (Понетское море. . . слово Руское. — *Лавр.*). Каузативом (т. е. глаголом со значением 'вызывать соответствующее действие') от «слути» с обычным для таких образований чередованием гласных является «славити», а «слава» — существительное, связанное с этим глаголом. В таком случае древнейшим из многочисленных значений лексемы «слава» должно быть наиболее связанное со значениями лексемы «слово» — 'мнение'. Оно встречается в переводном памятнике XI в.: сжпротивънѣа имѣти славы тоиже вѣсти (*Наз.* Греческое соответствие — $\delta\acute{o}\xi\alpha$). Все остальные значения лексемы «слава» — 'прославление', 'хвала', 'благодарение', 'почет', 'честь', 'величие' повторяют соответствующие значения греч. $\delta\acute{o}\xi\alpha$. В пользу этого говорит тот факт, что семантическая структура древнерусской лексемы «слово» ('значение', 'смысл', 'поучение', 'беседа', 'спор', 'совет', 'показание', 'свидетельство', 'обещание', 'приказ', 'закон', 'заповедь', 'часть речи', 'буква') не имеют (за исключением упомянутого выше 'мнение') с семантической структурой лексемы «слава» ничего общего.

С л а с т ь. Развитие значений от 'вкусная пища' (Се тою чистословещица и сладкая вечера и сласть, хлѣбъ ти соль, новага гадъ. *Наз.*) к 'удовольствие', 'наслаждение' могло развиваться на славянской почве. Но далее следует переход к значению 'страсть', который следует объяснить греческим влиянием. Подтверждением этому служит то, что композиты «сластолюбие» и «сластолюбивый» выступают только в соответствии с греч. $\phi\acute{\iota}\lambda\eta\theta\nu\acute{o}\nu\iota\alpha$ и $\phi\acute{\iota}\lambda\eta\theta\nu\acute{o}\varsigma$, а греч. $\eta\delta\nu\acute{o}\eta$ означает и 'сласть' и 'страсть'.

С у д ь б а. В древнерусском эта лексема имеет значение 'суд' (Благовѣрие, правдѣ и сждбѣ нелицемѣрноу и милость и ѿпущение. — *Никиф.*), кроме того, 'приговор', 'правосудие' и 'предопределение'. Последнее значение — под влиянием греческого, благодаря специфическому употреблению в богослужебных и богословских текстах; см.: О бжтвннхъ соудьбахъ, ѿко ни единъ же можетъ сихъ оубѣжати. — *Панд. Никон.*, где греч. соответствие $\kappa\rho\acute{\iota}\mu\alpha$, означающее также 'решение', 'приговор', 'суждение'. В современном русском языке из всех значений лексемы «судьба» сохранилось лишь последнее.

С ъ м и р е н и е / с ъ м ѣ р е н и е. Согласно своей этимологии лексема «смирение» должна была иметь значения, связанные с лексемой «миръ» ('умиротворение', 'договор'), а «сѣмѣрение» — значения, связанные с лексемой «мѣра» ('обуздание', 'покорность', 'кротость', 'уничтожение'). В древнерусском (вплоть до XVI—XVII вв.) фонемы *и* и *ѣ* в безударном положении различались, так что фонетических условий для смешения рассматриваемых лексем не было. Однако в памятниках древнерусской письменности между ними нет семантических различий. Так, в значении 'покорность', наряду с лексемой «сѣмѣрение», выступает также «сѣмирение» (Призри на смирение мое и подави же разумъ срдцю моему. — *Ж. Бор. Гл.*), а «сѣмѣрение» употребляется в значении 'мирный договор' (О сѣмѣрениі томы сѣнидошаса, такоу срамѣнѣ и недостойнѣ Роумскыа ржкы. — *Наз.*). Произошло это не без влияния греч. лексемы $\tau\alpha\pi\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\varsigma$, этимологически связанной с прилагательным $\tau\alpha\pi\epsilon\acute{\iota}\nu\acute{o}\varsigma$ 'низкий', 'мелкий' и с глаголом $\tau\alpha\pi\epsilon\acute{\iota}\nu\omega$ 'понижать', 'убавлять'. $\tau\alpha\pi\epsilon\acute{\iota}\nu\omega\varsigma$ означает 'унижение', 'умаление', 'сглаживание', 'затушевывание', 'примирение' и объединяет, таким образом, в себе значения обеих древнерусских лексем. Этот факт при наличии паронимической близости лексем «смирение» и «сѣмѣрение» не мог не найти отражения в памятниках переводной, а затем и оригинальной письменности.

Дальнейшая история двух лексем привела к любопытному явлению: в современном русском они совпали в одном звучании, за которым закрепились семантическая структура лексемы «сѣмѣреніе». Этой семантической структуре не соответствует орфографический облик современного слова, опирающийся не на «сѣмѣреніе», а на «сѣмѣреніе».

Сѣнабѣдѣти. В соответствии со своей этимологической структурой эта лексема имела значения 'сохранить' (Списи ма мѣтвами си и сѣнабѣди, ѣлико же хочещи и можеши. — *Мин. 1097 г.*) и 'оберегать' (ѣко же бѣ въ ѡвоци пѣдило ничесо же не сѣнабѣдити, тако же и бѣзи. — *Посл. Иер.*) Соответствие — греч. φυλάσσειν. Но φυλάσσειν означает также 'снискать', 'получить', 'доставить', 'принести'. Это привело к аналогичному развитию семантической структуры лексемы «сѣнабѣдѣти» в памятниках переводной письменности; см., например: Храпаштеи бо истинѣ могѣти себѣ жизнь сѣнабѣдѣти, хранѣти бѣ са истинѣ. — *Панд. Ант.*; Сѣнабѣди ми очищение дѣлѣмъ въздрѣжаниа (φύλαστέ μοι τὴν κάθαρσιν). — *Наз.*

Тържѣство. Первоначально — в качестве производного от «търгъ» — 'купля — продажа', 'рынок': Тържѣствоу подобно естъ все сѣлоучье: вѣдзи коуплѣ дѣти приобращетъ много, а невѣдзи и тѣштетѣ приемлѣть. — *Панд. Ант.* Греческое соответствие — πανηγύρις, что означает первоначально 'многочисленное (всеобщее) собрание'. Отсюда уже в древнегреческом — 'всенародное празднество', что нашло свое отражение в древнеславянском: Тѣмъ же та блажимъ и стое твое днѣ сѣтваремъ тържѣство. — *Мин. 1096 г.* Соответствие то же — πανηγύρις, ср. новогреч. πανηγύρι — 'ярмарка', 'праздник', 'торжество'.

Упражняти сѣ. Исконное значение — в соответствии с этимологической структурой — 'быть свободным (от дела, от работы)' (ср. в совр. русск. «праздный», «праздник»): Въ понедѣльникъ антипасхѣ мниси оупражняются ѡ ручныхъ дѣлѣ своихъ. — *Уст.* Этому глаголу соответствует греч. σχολάζειν, образованный от существительного σχολή 'досуг', 'свободное время', но также и 'занятие на досуге', 'сочинение', 'трактат', 'философское учение' (ср. в совр. русск. через латинское посредство — «схоласт», «схоластика» и через латино-польское посредство — «школа»). Глагол σχολάζειν означает, таким образом, не только 'быть свободным', но и 'заниматься чем-либо', 'предаваться какому-либо делу'. Отсюда — новое значение лексемы «упражняти сѣ»: Въ томъ коумпрослоужении сѣкрѣвѣнемъ оупражняема (σχολάζων). — *Ефр. корм.*; Въ днѣ оупражняхъ на слоужбоу (ἐσχολάζων). — *Пат. Син.*

Б. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ-ГНЕЗДА

Рассматривая сочетания лексем, принадлежащие к одной и той же структуре (глагол + абстрактное существительное в винительном падеже без предлога), в переводных памятниках древнерусской письменности и сопоставляя их с тождественными по значению отрезками текстов в греческих оригиналах, мы обнаружили факты двух родов. В одних случаях древнерусским сочетаниям Г+Сабстр могут соответствовать в греческом одиночные глаголы или отличные от Г+Сабстр конструкции; например: «сѣтворити скръбъ» — θλίβειν. — *Хр. Г. А.*; «прियाи мьсть» — ἀπολαύειν τῆς ἀμύνης. — *Иуд.*; «дати сѣвѣтъ» — συμβουλεύειν. — *Хр. Г. А.* Кроме глаголов «сѣтворити», «прियाи», «дати», такого рода сочетания образовали глаголы «взѣдати», «взѣдвигнути», «взѣяти», «имѣти», «сѣдѣти», «яти». У нас есть основания считать такие сочетания исконно славянскими, не зависимыми от греческих образцов. В других же случаях сочетания всегда повторяют греческий оригинал. В древнерусских текстах нет ни одного случая, когда бы Г+Сабстр, образованные глаголами «исплѣнити», «навести», «нанести», «оставити», «побѣдити», «привести», «(при)нести»,

«разрушители», «(съ)блуждающие», «(съ)хранители», «удерживающие», «уставители», не имели в греческих текстах в качестве соответствия также Г+Сабстр, причем образованные точными эквивалентами древнерусских глаголов. Такая же картина — в древнеславянских переводах кирилло-мефодиевской поры. Из этого можно заключить, что упомянутые выше глаголы не имели коннотативной (т. е. не основанной на предметно-логических связях) сочетаемости в древнерусском языке, что они приобрели ее, заимствуя греческую сочетаемость. Так образовались фразеологические кальки-гнезда. Вот некоторые из них.

Сочетания, образованные глаголом «исполнить»:

а) «совершить какое-либо действие»: «исполнить жертву» (не члѣвъ въ цркъвъ вношаше огнь, нъ пламы съпедши, еже на служение исполняше жертву, ἐπλήρου θυσίαν. — *Хр. Г. А.*), «четверопѣсна» (Стъ в великую субботу четверопѣсна исполни великаго Козмы, τετραψιδιον ἀνεπλήρωσιν. — *Хр. Г. А.*), «мѣру» (Фарисѣмъ же омрачено оскудѣвшемъ реч: и вы исполните мѣру оцъ ваших, ἀναπλήρωσατε τὸ μέτρον. — *Хр. Г. А.*), «осуждение». — *Иуд*).

б) «выполнить указание, обещание»: «исполнить волю» (πληροῦν θέλημα. — *Иуд*), «обещания» (πληροῦν ὑποσχέσεις. — *Иуд*), «свѣщание». — *Иуд*, «хотѣние». — *Иуд*.

Сочетания, образованные глаголом «навести»:

«причинить бедствие»: «навести казнительствия» (ἐπάγειν παιδευτήρια. — *Хр. Г. А.*), «крамолы» (крамолы нечестиваго цсря Уалента, иже на цркви бѣя наведе, οἱ πόλεμοι οὗς ἐπήγαγεν. — *Хр. Г. А.*), «муку» (ἐπιφέρειν τιμωρίαν. — *Хр. Г. А.*; ἐπάγειν τιμωρίαν. — *Там же*) «неправду» (ἐπάγειν τὴν ἀδικίαν. — *Хр. Г. А.*), «пагубы» (что ради тако творящимъ намъ не наводитъ на пы бѣ таковыя пагубы? οὐκ ἐπάγει πανωλετρίαν. — *Хр. Г. А.*), «разрушение» (таче разрушение злomu благовѣстию наводитъ, τὴν λύσιν ἐπάγει. — *Хр. Г. А.*).

Сочетания, образованные глаголом «нанести»:

«совершить неблагоприятное действие»: «нанести казнь» (ἐπάγειν τιμωρίαν. — *Феод.*), «муку» (ἐπάγειν τιμωρίαν. — *Феод.*) «сынъ» (нанешаше емоу сынъ безмѣрънъ мысла и тѣмъ раслабити, ὑπήγεν νουσταγμόν. — *Ж. Ниф.*), «тугу» (ἐπάγειν συμφοράν. — *Феод.*), «укоризну» (βάλλειν ὕβριν. — *Ж. Ниф.*), «язву» (ἐπιφέρειν πληγὴν. — *Феод.*).

Эта сочетаемость присуща и современному русскому языку. Квалификация академического «Словаря русского языка в четырех томах» (т. II, стр. 517) не отличается точностью: «7 [Глагол *нанести*. — *М. К.*] в сочетании с некоторыми существительными означает: **причинить, сделать то, что выражено существительным**. Не указано, что имеется в виду под словом «некоторыми», и может создаться впечатление, что сочетания глагола «нанести» с существительными (по крайней мере, с абстрактными) могут означать всякого рода действия. Но этому противоречат решительно все примеры, приводимые в словаре: Нанести ножевую рану. Нанести урон. Нанести поражение. Он нанес мне смертную обиду, оскорбил честь мою. — *Гоголь*. Титок, схваченный Давыдовым за кисть левой руки, правой успел нанести ему удар по голове. — *Шолохов*. Очевидно, в современном русском языке, как и в древнерусском, сочетания глагола «нанести» с абстрактным существительным обозначают только пейоративные действия в противовес глаголу «принести», который образует сочетания как с пейоративным («принести беду, горе...»), так и с непейоративным («принести радость, счастье...») значением.

Сочетания, образованные глаголами «нести» и «принести»:

«сообщить известие», «передать сведение»: «принести отвѣтъ» (пусти же бѣса на западъ, да принесетъ оттуду ему въскорѣ отвѣтъ (πρὸς τὸ ἐνεργεῖν ἀποκρισιν. — *Хр. Г. А.*); «нести възвышения» (иже възвышения, бжѣя въ грътанехъ носаше, τὰς ὑψώσεις φέροντες. — *Наз.*); «прине-

сити проповѣдание» (аз вѣроую, яко приношааше ниневѣгитомъ проповѣдание, ἔφερε τὸ κήρυγμα. — *Наз.*); «нести тайну» (отидѣ ко Антипатрови нося всю тайну, φέρων τὰ ἀπόρρητα. — *Иуд.*). Лексемы «възвышения» и «тайну» употреблены синекдохически — вместо «слово (или рѣчь) възвышения, тайны».

Сочетания, образованные глаголом «разрушити»:

а) 'преодолеть (превозмогнуть) нечто нежелательное, неприятное': «разрушати зѣлодѣяние, жестосердіе, зѣлоправіе» (καταλύνει κακουργίαν, σκληροκαρδίαν, δυστροπίαν. — *Хр. Г. А.*), «муку» (παρालύει τιμωρίαν. — *Там же*), «мщеніе» (παρालύει ἐκδικούμενα. — *Хр. Г. А.*);

'нарушить установление, обычай': «разрушити бракъ» (διακόπτει τὰς ἐγγύας. — *Иуд.*), «обычай» (καταλύνει τὸ ἔθος. — *Хр. Г. А.*), «упѣвание» (разруши Антипатръ сирымъ упование, Διακόφας τὰς ἐλπίδας. — *Иуд.*).

В. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛЬКИ

Греческий глагол τιθέναι (обычно 'класть') претерпевает семантическое изменение в сочетании с существительным ὄνομα ('имя'). Эта особенность повторяется при переводе: «положить имя» означает 'назвать': положи имя болариноу томоу, ἐπιθεῖς τὸ ὄνομα. — *Мал.*

Аналогичное изменение испытывает глагол πηγύναι ('вонзать', 'втыкать') в сочетании с существительным ὄρος ('межа', 'граница'). Перевод «положить прѣдѣлъ» означает 'прекратить, ограничить действие': не бзистъ бо съмръти раздроушенъ съмръть. нъ прѣмѣнилъ еси вѣшти прѣдѣлъ положъ, τῇ φύσει τοὺς ὅρους πηγάμενος. — *Кл.*; см. и в оригинальном памятнике: Не прелагаи предѣлы, их же положиша отцы твои. — *Псков. Г. л.*

То же происходит с глаголом βαστάζειν ('поднимать') в сочетании с существительным νόσος ('недуги'). Перевод «въздвигнути недугы» означает 'терпеть болезни (муки) за кого либо': възмышааго немощи наша и въздыгышааго неджгы наша, — τοὺς νόσους βαστάσαντα, *Наз.*

См. также «угасити зависть» — буквальный перевод греч. сочетания κατασβεγνύναι τὸν φθόνον, образовавшегося на метафорической основе: зѣло бо ясно прирече горж сионж ѡже възлюби, да држгзнихъ колѣнъ оугасити зависть, κατασβέτη τὸν φθόνον. — *Феод.*

См. также «творити волю» — греч. ποιεῖν θέλημα, «пріяти заповѣдь» — греч. δέχεσθαι ἐντολήν, «пріяти отъвѣтъ» — греч. δέχεσθαι ἀπόκρισιν, «прѣступити законъ» — греч. παραβαίνειν νόμον, «държати мѣсто» — греч. κατέχειν τόπον, «творити вѣдѣ» — греч. ποιεῖν πονηρόν, «творити безаконіе» — греч. ποιεῖν ἀνομίαν⁸.

Индивидуальные кальки распространены не столь часто, как кальки-гнезда. Лишь некоторые из них встречаются не только в переводных памятниках древнерусской письменности, но также и в оригинальных памятниках, и в современном литературном языке.

В пределах данной статьи мы смогли проанализировать лишь небольшое число семантических и фразеологических калек с греческого. Ввиду этого мы стремились привлечь внимание читателей преимущественно к тем образцам, которые сохранились в русском литературном языке вплоть до современного периода его развития. Мы будем считать свою задачу выполненной, если наши наблюдения будут использованы в дальнейших исследованиях греческого влияния на развитие лексикосемантической структуры русского языка.

⁸ Подробнее см.: М. М. Копыленко. Опыт сопоставительного изучения фразеологических сочетаний типа «дать совет» в славянских языках. — ВЯ, 1969, № 2.

Принятые сокращения

- Алекс. — Александрия
Двор. — *И. Х. Дворецкий*. Древнегреческо-русский словарь, т. I—II. М., 1958.
Ефр. корм. — Ефремовская кормчая
Ж. Бор. Гл. — Житие Бориса и Глеба
Ж. Ниф. — Житие Нифонта
Ж. Феод. — Житие Феодосия
Златостр. — Златоструй XII в.
Изб. 1073 г. — Изборник 1073 г.
Изб. 1076 г. — Изборник 1076 г.
Илар. — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона
Ип. — Ипатьевская летопись
Иуд. — «Иудейская война» Иосифа Флавия
Кипр. — Грамота митрополита Киприана 1395 г.
Кл. — Сборник Клотца
Лавр. — Лаврентьевская летопись
Мал. — «Хроника» Иоанна Малалы
Мин. — Миней 1095—1097 гг.
Наз. — 13 слов Григория Назианзина
Никиф. — Послание Никифора, митрополита Киевского, Владимиру Мономаху
Новг. I л. — Новгородская I летопись
Остр. ев. — Остромирово евангелие
Панд. Ант. — Пандекты Антиоха
Панд. Никон. — Пандекты Никона Черногорца
Пат. Син. — Патерик Синайский
Посл. Иер. — Послание пророка Иеремии
Псков. I л. — Псковская I летопись
Сл. плк. Игор. — «Слово о полку Игореве»
Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I—III. СПб., 1893—1903.
Соф. — *E. A. Sophocles*. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. New York, Leipzig, 1893.
Уст. — Устав Студийский XII в.
Феод. — «Толкование на Псалтырь» Феодорита Киррского
Хр. Г. А. — «Хроника» Георгия Амартола.
Цитаты из некоторых памятников приводятся по словарю И. И. Срезневского.

В. В. БЫЧКОВ

ОБРАЗ КАК КАТЕГОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭСТЕТИКИ

Проблема «византийской эстетики», как бы разноречиво ни воспринималось это сочетание терминов различными исследователями, в широком философском смысле требует, на наш взгляд, значительно большего внимания, чем ей до сих пор уделялось. Под «эстетикой» в данном случае нам кажется наиболее удобным понимать всю сферу, охватывающую художественное мышление как в его теоретическом, так и в предметно-практическом аспектах. При этом имеется в виду, что византийская эстетика как важнейшая часть самобытной византийской культуры основывается на своих принципах, отличных от принципов античной (классической), ренессансной или какой бы то ни было иной эстетики. Основание для такого подхода дают своеобразный социально-исторический статус византийской культуры и особая роль художественного мышления в системе восточнохристианской гносеологии¹. Именно принципиальное отличие основных акцептов и критериев византийской эстетики от традиций антично-винкельмановской теоретической линии в эстетике привело практически к полному исключению этого важного этапа развития эстетического самосознания из трудов по истории эстетики.

Византийская эстетика возникла внутри эллинистической, развив и переработав ее основные принципы. Важнейшей ее чертой, проявившейся уже у Филона Александрийского и развитой неоплатониками и ранними христианами, было пристальное внимание к внутреннему миру человека (своему собственному прежде всего)², состоянию его духа, управлению внесознательными психическими процессами. Это во многом и определило своеобразие византийского художественного мышления.

В эллинистической эстетике этот «психологический» аспект рельефно проявился в трактате Псевдо-Лонгина «О возвышенном» (середина I в. н. э.)³. Как справедливо отмечают исследователи трактата, его автор первым ввел в эстетику понятие возвышенного⁴ и первым заговорил о психологическом воздействии литературы⁵. Эти «новшества» эстетической мысли не были случайным явлением в духовной атмосфере I в. н. э. — они органически вытекали из философско-религиозных исканий того слож-

¹ В ней снятие теологических антиномий осуществляется, в частности, в сфере литургического и художественного опыта. См. В. Бычков. К вопросу о восточнохристианской гносеологии. — «Историко-философский сборник», изд. МГУ. М., 1971, стр. 59, 79.

² См. Плотин. Эн., V, 8.10; VI, 9.9. См. также: W. Beierwaltes. Proklos. Grundzüge seiner Metaphisik. Frankfurt a. M., 1965, S. 15.

³ Псевдо-Лонгин. О возвышенном. М.—Л., 1966. См. также: И. Н. Нахов. Выдающийся памятник античной эстетики. — Сб. «Из истории эстетической мысли древности и средневековья». М., 1961.

⁴ И. М. Нахов. Указ. соч., стр. 147.

⁵ Псевдо-Лонгин. О возвышенном, стр. 112.

ного переходного периода. Не случайно, что автор трактата был большим эрудитом — отлично знал греческую классику, римскую литературу, Ветхий завет⁶; как убедительно показал Э. Норден, был видимо, лично знаком с Филоном и находился под влиянием его идей⁷. Но именно Филон попытался поставить важную теологическую антиномию — имманентность трансцендентного божества, ставшую у христиан основой их философско-религиозной системы, и наметил пути ее снятия: в онтологической сфере — идея посредника, Логоса, в гносеологической — мистический экстаз, т. е. достижение определенных психологических состояний. В этом плане становятся понятны исключительная роль и значение в духовной жизни всего, что возвышает (ἐπαίρειται) душу («О возвышенном», 7.3). Псевдо-Лонгин хорошо чувствовал веяние времени с его поисками новых духовных идеалов и пытался на греческой почве усмотреть ростки и сущность этого нового, обозначаемого им как «возвышенное» (τὸ ὕψος), в структуре литературных памятников. «Кажется иногда, — замечает И. М. Нахов, — будто писателю не хватает слов и он захлебывается от новизны и изобилия мыслей, от стремления доказать, что возвышенное — это нечто «новое» и «удивительное»⁸. Оно должно, по мнению Псевдо-Лонгина, произвести впечатление на слушателей (15.2), привести их в состояние экстаза (εἰς ἔκστασιν. — 1.4), возвести «к пределам божественного разума» (36.1)⁹, на что оно одно только и способно (там же). В литературном произведении (поэзии, прозе) оно воплощается в образах, передающих с помощью соответствующих технических приемов определенное содержание (23.4; 29.1 и др.). Причем образ (φαντασία у Псевдо-Лонгина — чувственный образ, близкий к зрительному. — 15.1) воздействует на внесознательную сферу психики — помимо нашей воли поражает душу, и перед ним меркнут даже факты (15.11).

На материале литературного творчества и риторского искусства Псевдо-Лонгин показал важнейшие изменения в восприятии искусства, наметившиеся в предхристианский период. Введенная им новая категория «возвышенное» стала как бы переходной категорией от эстетических понятий античности к понятиям средневековья. И не просто очередной дополнительной категорией к уже существующему ряду, ибо она как таковая у византийских мыслителей практически не встречается. Она явилась как бы своеобразным «коэффициентом трансформации», преобразующим одну систему категорий (понятий) в другую. Любая классическая категория: мера, гармония, прекрасное и т. п. — у византийцев (начался этот процесс еще у неоплатоников, особенно активно у Плотина) несет на себе отпечаток возвышенного в указанном выше смысле, рассматривается под углом возвышения, возведения человека над человеческой эмпирией (τὸ ὑπεραίρον τὰ ἀνθρώπινα. — 36.3). Этим подчеркивается психологическая окраска христианской системы эстетических категорий¹⁰. В результате и в самой системе категорий на первое место выдвигаются понятия «образ» и «символ», а не «прекрасное», «гармония», «мера» античности, хотя и они, как и все античное наследие, были всегда важны и значимы для византийцев. Отчетливее всего эта преобладанность выступает у великих каппадокийцев.

Так, в аспекте усиленного внимания христиан к отдельному человеку,

⁶ Псевдо-Лонгин. О возвышенном, стр. 100.

⁷ E. Norden. Das Genesissitz in der Schrift vom Erhabenen. Berlin, 1955, S. 11--13, 20--21.

⁸ И. М. Нахов. Указ. соч., стр. 176.

⁹ Псевдо-Лонгин. О возвышенном, стр. 65.

¹⁰ Однако вряд ли правомерно, как это делает П. А. Михелис (An Aesthetik Approach to Byzantine Art. London, 1955), рассматривать все византийское искусство только под углом зрения категории «возвышенное». Невозможно правильно осмыслить сложную и противоречивую художественную практику византийцев исходя только из этого понятия.

его внутреннему миру интерпретирует Григорий Нисский неоплатоновскую категорию «эйдос». У него¹¹ это некоторая неповторимая индивидуализированная идея, определяющая сущность души данного субъекта. Σῶμα πνευματικόν (духовное тело) — со ссылкой на апостола Павла (I Кор., 15, 44) — называет его Григорий Нисский (PG, t. 46, col. 153D). Это как бы духовный прообраз человека. Он налагает отпечаток и на его внешний облик. Выявление (ἐκφάντοια) этой «духовной модели» человека и составляет задачу некоторых видов искусства (агиография, некоторые типы икон)¹². Эллинистическая идея эйдоса наполняется у Григория Нисского присущей восточнохристианскому типу мышления антиномичностью. Вечное и преходящее, общее и частное неразрывно соединены в ней.

Однако эйдос как оригинальная идея греческой философии слишком хорошо ассоциировался с платиновской теорией эманации (эйдосы «истекают» из мирового Нуса), которая отрицалась христианской философией. Последующие византийские мыслители избегали употреблять этот термин в указанном смысле, чтобы не впасть в «языческую ересь». Сам Григорий, находясь явно под влиянием этой неоплатоновской идеи, не пользовался для ее выражения термином «эйдос». А в VIII в. Феодор Студит в полемике с иконоборцами подчеркивал внутреннюю неоднозначность эйдоса. Он считал, что эйдос обозначает и некоторую общую идею (например, человека вообще), и частную (образ каждого конкретного субъекта). — См. PG, t. 99, col. 433 C). В связи с этим он доказывал, что для обозначения живописных изображений лучше употреблять термин εἶκόν (образ) в том смысле, в каком он употребляется в Ветхом завете (Бытие, 1.26), а не εἶδος (PG, t. 99, col. 348 A).

Более существенным для византийской эстетики в творчестве Григория Нисского является продолжение им тенденции Псевдо-Лонгина¹³ — углубление психологического аспекта исследования литературного произведения. Так, описывая известный эпизод «жертвоприношение Авраама»¹⁴, Григорий проводит тонкий (почти пословесный) анализ библейского текста, подчеркивая особенности организации его структуры для наиболее сильного воздействия на психику читателя, возбуждения у него определенных ассоциаций. В отличие от абстрактно-риторского эстетизма Псевдо-Лонгина анализ Григория Нисского имеет более узкую и конкретную направленность в русле экзегетического жанра. Особое внимание Григорий уделяет верно подмеченному им своеобразному художественному приему возбуждения психики читателя путем резкого перехода (в одном стихе в данном случае) к неожиданному явлению, действию, высказыванию (реминисценция, видимо, перипетия Аристотеля)¹⁵. Он искусно вскрывает в своем анализе психологический механизм воздействия этого приема.

Первые слова фразы, начинается анализ Григорий, обращенной богом к Аврааму (Бытие, 22.2)¹⁶: «Возьми сына твоего . . .» — еще не поражают ни отца, ни читателей, воспринимаются как обычное повеление. Но следующая часть: «возлюбленного, единородного» — разжигает горячую отцовскую любовь (единственный сын, родившийся у Авраама и Сарры в пре-

¹¹ См. его трактат «О душе и воскресении». — PG, t. 46.

¹² Ср. у Плотина: искусство (скульптура) — зеркало, оно отражает не только эйдос души, но и должно уловить сущность Мировой души (Эн. IV, 3.11).

¹³ К сожалению, нет никаких сведений о том, был ли известен кому-либо в Византии трактат «О возвышенном». Однако основные идеи его настолько созвучны духовной атмосфере раннего христианства, что это уже дает основание считать его одним из непосредственных предшественников византийской эстетики.

¹⁴ PG, t. 46. col. 568—572.

¹⁵ Ср. у Псевдо-Лонгина: замена одного числа (грамматического) другим, нарушающим логику данной ситуации, «своей неожиданностью производит сильное впечатление» («О возвышенном», стр. 48).

¹⁶ Текст Библии приводится в том виде, как он цитируется у Григория Нисского.

клонном возрасте после страстных молитв богу) и соответствующие чувства у читателя. «Вознеси мне» (ἀνέχετέ μοι), — говорит дальше бог. Не жрецом ли он призывает сделать Исаака? Нет. И здесь — как удар грома: «Вознеси мне во всесожжение на горе, какую укажу тебе». Подведя к этому неожиданному обороту, Григорий восклицает, обращаясь к читателям (слушателям): «Что чувствуете вы, отцы, от природы имеющие нежную любовь к детям, слушая этот рассказ?» (568 С). Аппелляция к родительским чувствам слушателей (также особый прием направленного воздействия на психику) еще отчетливее подчеркивает психологический аспект анализа, который особо интересует Григория при исследовании библейских книг.

Из античных эстетических категорий в ранний христианский период часто используются «красота» (τὸ κάλλος) и «прекрасное» (καλός).

Важным и существенным источником средневековой эстетики была августиновская «теория» прекрасного. Но, как отмечают советские эстетики А. Ф. Лосев и В. П. Шестаков, эта «концепция красоты не была единственной в средние века. Наряду с ней существовала и другая концепция, идущая из Византии, от трактатов, приписывавшихся Дионисию Ареопагиту»¹⁷. Как в восточнохристианском мире, так и на Западе эта концепция была широко распространена и общезначима. Однако в эстетических взглядах самого Псевдо-Дионисия концепция прекрасного не являлась основной и оригинальной. Он практически полностью удовлетворялся взглядами на прекрасное своих непосредственных предшественников — великих каппадокийцев в соединении с неоплатоновскими и платоновскими высказываниями¹⁸. Поэтому для истории византийской эстетики, пожалуй, наибольший интерес представляет сам источник ареопагитовской концепции — взгляды на прекрасное каппадокийских мыслителей, и прежде всего Василия Великого, уделявшего этой проблеме много внимания. Его концепция привлекательна еще и тем, что сам Василий постоянно прибегал в своих работах к примерам из поэтического, живописного или музыкального искусства. Его философия дышит эллинской любовью к «художеству», хотя сам он был противником «языческой красоты» в жизни и в искусстве. Не случайно, что к его «эстетическим» взглядам, как к авторитетнейшему источнику, обращались иконопочитатели VIII—IX вв.

К категории «прекрасное», как и ко всему античному наследию, у византийцев двойственное¹⁹ и не всегда определенное отношение. Они хорошо ощущали наметившуюся еще в античности внутреннюю смысловую

¹⁷ А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. История эстетических категорий. М., 1965, стр. 170.

¹⁸ Х. Кох указал даже на «дословное цитирование» Псевдо-Дионисием платоновских высказываний о прекрасном. См. H. Koch. Pseudo-Dionisius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neuplatonismus und Mysterienwesen. Mainz, 1900, S. 64.

¹⁹ См., например, беседу Василия Великого «К юношам о том, как извлекать пользу из языческих сочинений» или «Источник знания» Иоанна Дамаскина, в первой части которого (философские главы) излагаются основные положения аристотелевской логики, в том числе и закон «немыслимости противоречия» (PG, t. 94, col. 653 D), как необходимые элементы процесса познания, а в третьей утверждается теологический антиномизм мышления как единственно возможный путь на повятном уровне к последующему, «непонятному» (ἄλογος) постижению истины. Подобное же отношение у византийских мыслителей и к античной «диалектике». Василий Великий заявляет, что «сила диалектики — стена для догматов, не позволяет расхищать их» (PG, t. 30, col. 269 С). Григорий Нисский в диалоге «О душе и о воскресении» (парафраза платоновского «Федона») применяет «диалектический» (в платоновском смысле) способ «отыскания истины». Но в этом же диалоге Григорий высказывает и недоверие к «диалектике», ибо с ее помощью можно одинаково добиться и «низложения истины, и осуждения лжи» (PG, t. 46, col. 52 В). Это в чистом виде пирроновский скептицизм (ср. Секст Эмпирик. Три книги Пирроновых положений. — «Антология мировой философии», т. 1. М., 1969, стр. 528 и др.). Феодор Студит возражает против применения «доказательств и силлогизмов» к явлениям, выходящим из сферы их действительности (PG, t. 99, col. 332).

противоречивость и расплывчатую неоднозначность этого понятия²⁰. Но эта неоднозначность и противоречивость хорошо соответствовали теологическому антиномизму восточнохристианского мышления периода его становления (II—VI вв.)²¹.

Василий Великий ясно осознает и использует многоаспектность античного понятия «прекрасное». При этом весь диапазон значений термина получает у него своеобразную, соответствующую его мировосприятию окраску. Выше всего ценит Василий, получивший классическое образование в Константинополе и в Афинах, неизреченные и неопишемые «блистания божественной красоты» (τοῦ θεοῦ καλλοὺς αἱ ἀστράπαι)²². Здесь он, как и последующие византийские мыслители, широко и всесторонне опирается на платоновские и неоплатоновские идеи «абсолютно прекрасного» как сверхпрекрасного и изначально прекрасного божественной идеи. «Онтологизм»²³ платоновского «мысленного космоса» сохраняется здесь полностью. Но новое переосмысление его применительно к личностно-трансцендентному божеству христиан приводит к определенной антиномичности «абсолютной красоты». Она одновременно и трансцендентна, и имманентна феноменальному миру. Однако эта внутренняя противоречивость не достигает ни у каппадокийцев, ни у Псевдо-Дионисия²⁴ остроты теологического антиномизма описания божественной сущности. Здесь византийцам не удается полностью преодолеть неоплатоновской эманационной иерархичности «смыслов красоты» (Эн., V, 8.3). При этом у Василия Великого она ощущается, пожалуй, слабее, чем у Григория Нисского или Псевдо-Дионисия.

Идея «абсолютной красоты» играла в византийской философско-религиозной системе несколько иную роль, чем у античных мыслителей. Она меньше всего была для них предметом умозрительных рассуждений. Божественная красота (как и прекрасное) стала существенным элементом их гносеологии. Как полагал Григорий Нисский, важнейшей целью человеческих стремлений является познание «божественной красоты»²⁵. А познание бога и спасение, как утверждал еще Климент Александрийский²⁶, нераздельны. Но христианское божество трансцендентно, и это исключало «разумный» путь его познания. Византийские мыслители разработали систему «сверхразумного» постижения этой идеи, основанную на направленном возбуждении сферы внесознательного психического. Понятие «абсолютной красоты» выполняло здесь важнейшую функцию. Абстрактная трансцендентная идея божества, мало что дающая уму и сердцу человека, неразрывно связывается христианской традицией с этим понятием²⁷. А красота, что известно было еще в античности, влечет к себе познающего, и «познание осуществляется любовью, ибо познаваемое прекрасно по природе» (Григорий Нисский)²⁸.

²⁰ См. А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. Указ. соч., глава «Прекрасное», а также кн.: А. Ф. Лосев. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969, стр. 283—288.

²¹ В последующий период охраны, обоснования и догматизации созданной философско-религиозной системы многозначность понятий и «фигур» становится «опасной» для ортодоксальной концепции. Ей на смену приходит «однозначность» аристотелевской логики (Иоанн Дамаскин) и терминологии (см. G. Mathew. Byzantine Aesthetics. London, 1963, p. 115, 117, 157). Отсюда вполне понятно, почему и категория «прекрасное», не имеющая должной определенности даже у Аристотеля, в этот период совершенно не разрабатывается, а употребление ее обосновывается авторитетом Василия Великого и автора Ареопагитик.

²² PG, t. 31, col. 909 C; ср. t. 30, col. 412.

²³ А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. Указ. соч., стр. 153.

²⁴ См. его сочинение «О божественных именах», IV, 7 (PG, t. 3).

²⁵ См. O. Bardenhewer. Geschichte der altkirchlichen Literatur, Bd. 3. Freiburg im Br., 1912, S. 209.

²⁶ См. É. Gilson. L'esprit de la philosophie médiévale. Paris, 1948, p. 21.

²⁷ Корни этого явления см. еще у неоплатоников.

²⁸ PG, t. 46, col. 96 C. Василий Великий считал, что «только в божественной природе познается собственно прекрасное» (PG, t. 30, col. 412).

Итак, «абсолютная красота» (τὸ κάλλος) — это цель духовных устремлений византийцев. Один же из путей к этой цели они видели в «прекрасном» (καλός) материального мира ²⁹. Отношение к этой «земной красоте», однако, у византийских мыслителей двойственно. С одной стороны, они отрицательно относятся к чувственной красоте как возбудителю греховых помыслов и плотского вожделения. Они не принимают эллинские «искусства» как пустые, ничего не дающие душе ³⁰. С другой стороны, они высоко ценят, в отличие от восточных дуалистов, прекрасное в материальном мире и в искусстве, ибо оно является «отображением» и проявлением на уровне эмпирического бытия «абсолютной красоты». При определении этой красоты византийские мыслители повторяют традиционные формулы античных авторов о гармоничности, «взаимной соразмерности частей» (πρὸς ἀλλήλα τῶν μερῶν συμμετρία), «наружной доброцветности» (ἐπιφανορένα εὐχροία) ³¹. Они часто сближают понятия «прекрасное» и «благое» ³², выводя одно из другого или обосновывая одно другим (реминисценция античной калокагатии). Однако они не сливают эти понятия. Василий Великий стремится к их четкому разграничению (PG, t. 29, col. 400 В—С). Сложные представления о жизненных противоречиях ³³ и о мире как о едином целом, в котором все подчинено определенным закономерностям (умом не постигаемым), заставляют византийских мыслителей видеть даже в невзрачных предметах материального мира, как в необходимых элементах гармонического целого, красоту всего ансамбля ³⁴.

Относительно прекрасного в искусстве византийцы развивают, по своему истолковывая, плотинскую идею о том, «что произведения искусства подражают не просто видимому, но восходят к смысловым сущностям, из которых состоит и получается сама природа, и что, далее, они многое созидают и от себя» ³⁵, т. е. художники творят согласно определенному идеалу. Именно этот духовный идеал имел в виду и Василий Великий, заявляя: «Я не люблю ничего незаконченного. Неприятно видеть и изображение, наполовину доведенное до сходства» (PG, t. 31, col. 241 С). Основной целью таких изображений становится «возвышение» души человека, очищение от страстей, возбуждение в нем высоких помыслов (в частности, побуждение его к мужеству ³⁶), наконец его духовное преобразование на пути к «абсолютной красоте». И здесь внимание византийских мыслителей сосредоточивается на психологическом аспекте воздействия искусства, прекрасного в нем на человека.

Восточнохристианская онтология была разработана и зафиксирована в системе догматических формул. Константность ее не подвергалась практически на протяжении длительных периодов сомнению. Психология же отражала связь с конкретными людьми, их постоянно меняющиеся взаимоотношения, была главным нервом всей их духовной жизни. Постигание самой «абсолютной красоты» осуществлялось в конечном счете на уровне внесознательного психического («сверхчувственно и сверхразумно» — по патристической терминологии) в процессе литургического и художественного «опыта».

²⁹ Вопросом смыслового различия понятий καλός и κάλλος подробно занимался Псевдо-Дионисий (PG, t. 3, col. 701 С).

³⁰ См. PG, t. 30, col. 380 А.

³¹ Там же, col. 409 А; ср. t. 29, col. 48 А.

³² PG, t. 31, col. 909 С.

³³ Так, Григорий Нисский осмысливает жизнь как состоящую из противоположностей (τὴν ἐκ τῶν ἐναντίων σύγκρατον ζωὴν ἐπεσπάσατο. — PG, t. 46, col. 81 В).

³⁴ PG, t. 29, col. 76—77. Ср. у Псевдо-Дионисия: «не неприличным является изображение небесных /субстанций/ с помощью образов, заимствованных от незначительных предметов материального мира, ибо и мир этот, получив бытие от истинной красоты, в устроении всех своих частей отражает духовную красоту» (PG, t. 3, col. 144 В).

³⁵ Плотин, Эн. V, 8.1. перев. А. Ф. Loseva («История эстетики», т. 1, стр. 225).

³⁶ PG, t. 31, col. 509 А.

Уже Плотин живо интересовался проблемой восприятия, «психо-физическим» механизмом зрительной деятельности³⁷. По его мнению, в процессе зрения глаз должен «уподобиться» предмету. При этом образ (δακτύλιος — отпечаток) предмета в душе зрителя будет зависеть от его зрительной «установки»: смотрит ли он обычным «телесным зрением» (ὁφθαλμικὴν ὁράσιν) или «внутренним взором» (ἐνδοὺν βλέπειν)³⁸. А душа не увидит прекрасного, пока сама не станет прекрасной, ибо объект зрения (в том числе и произведение искусства) формирует душу смотрящего.

Эти идеи были активно восприняты византийцами. Для них «зрительные» образы и неоднозначность их восприятия имели существенное значение. Большую часть информации, по «отеческому преданию» (πατρικὴ παράδοσις), пророки, мистики, отцы и учителя церкви получали в виде «зрительных образов» и только затем пытались изложить ее в понятийной форме³⁹. Для обоснования приоритета зрения над остальными органами чувств Григорий Нисский стремится даже доказать, что само название «божество» (θεότης) «произошло» от зрения (ἐκ τῆς θέας), от наделения бога в первую очередь зрительной, созерцательной способностью (PG, t. 45, col. 121). А Василий Великий писал: «Из чувственных наших органов самое ясное представление об ощущаемом имеет зрение» (ὁρασις — PG, t. 30, col. 132 A).

Интерес к «физике и психологии» зрения не исчезает и в более поздний период⁴⁰. Не в этом ли следует усматривать одну из главных причин пристального внимания византийцев к живописи? Не случайно, что психо-физическая теория нашла подтверждение в художественной практике раннехристианского и византийского искусства⁴¹.

Василий Великий хорошо осознает сложность проблемы зрительного восприятия. Он не принимает платоновской концепции, но и не дает своей, хотя знает различные точки зрения на этот предмет. То ли образы рассматриваемых предметов входят в глаз и поэтому возникает представление о них, то ли сам глаз испускает нечто приближающееся к предмету и контактирующее с ним, — Василию это не ясно, и он оставляет вопрос открытым (PG, t. 29, col. 668). Тем не менее ему не дает покоя вопрос, каков все же механизм воздействия прекрасного на человека, хотя каждый раз он приходит к убеждению, что постигнуть его трудно (но не невозможно!). «Удивляться прекрасному нетрудно, — заявляет он, — установить же точное понятие того, что приводит в удивление, — трудно и неудободостижимо (χαλεπὸν καὶ δυσέφικτον)»⁴².

Трезвый подход к столь сложной проблеме позволил Василию сделать некоторые интересные наблюдения, значение которых выходит за рамки византийской эстетики. Так, гедонистическая функция прекрасного важна для него не сама по себе. Она должна способствовать «незаметному» восприятию человеком знаний, содержащихся в самом произведении. Ибо эти знания трудны для восприятия без художественного оформления, как горькое лекарство без меда⁴³. И «то, что впитывается с наслаждением и отрадой, не изглаживается из наших душ»⁴⁴. Отсюда понятно и отрицательное отношение Василия Великого к «искусствам» выразительным, говоря современным языком, а в его понимании — «пустым», не несущим понятийной или «зрительно-дидактической» информации, к таким, как

³⁷ См. Плотин. Эп., I, 6,8—9; IV, 6,1, а также: А. Grabar. Plotin et les origines de l'esthétique medievale. — «Cahiers archeologiques», Paris, 1945, p. 24—25.

³⁸ Плотин. Эп., I, 6,8—9; Plotini Opera, t. 1. Paris—Bruxelle, 1951, p. 115—116.

³⁹ См. PG, t. 30, col. 132 B—C.

⁴⁰ См. G. Mathew. Op. cit., p. 36.

⁴¹ См. А. Grabar. Op. cit., p. 31; G. Mathew. Op. cit., p. 35—36.

⁴² PG, t. 31, col. 472.

⁴³ PG, t. 29, col. 212 B.

⁴⁴ Цит. по: «Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения». М., 1966, стр. 105.

игра на гуслях и свирели, пляски и танцы (PG, t. 30, col. 380 A). Его симпатии на стороне религиозной музыки и живописи. В изобразительном же искусстве они прежде всего распространяются на произведения «исторического» характера. В них Василий видит глубокое воплощение ярких страниц религиозной истории.

Однако не следует думать, опираясь на популярную в иконоборческий период формулу: «изображение есть книга для неграмотных»⁴⁵, что византийские мыслители буквально понимали эту фразу и отождествляли изображение с текстом. Скорее всего, в ней они стремились указать на большой объем информации, содержащейся в изображении. И информации отнюдь не понятийного характера. Василий Великий в известном Слове на день мученика Варлаама подчеркивает, что живописный язык значительно богаче словесного, особенно при передаче непонятной информации. Он ничуть не стыдится того, что образ, написанный «красками мудрости» живописцев, «осветит» и «затмит» его неясное словесное изображение (PG, t. 31, col. 489 A). Именно такое понимание образа, живописного в частности, сохранялось и в последующие периоды византийской истории.

Стремление рассматривать прекрасное в природе и искусстве в неразрывной связи с процессом его восприятия конкретным человеком (ибо прекрасное — это путь познания Красоты, и путь бесконечный, так как «в прекрасном невозможно достигнуть какого-либо конца»⁴⁶) приводит Василия Великого к новому аспекту осмысления этой категории. На примере со светом он пытается показать, что прекрасно не только то, что соразмерно во всех своих частях, но и то, что имеет «соразмерность... относительно безболезненного и приятного действия на зрение» (PG, t. 29, col. 48 A). Василий Великий пытается расширить классическое определение прекрасного, подходя к нему с точки зрения «психологии восприятия». Более важной и значимой становится для Василия не «соразмерность» в произведении искусства, а «соразмерность» во внутреннем мире человека, вызванная восприятием «прекрасного». «Истинно прекрасное, — читаем у него, — есть соразмерность в душе, доблестно настроенной»⁴⁷. Соразмерность же в структуре произведения искусства важна постольку, поскольку она приводит к подобному состоянию души. Психологический эффект прекрасного становится важнейшим принципом византийской эстетики.

Этот принцип, в частности, предоставил византийским художникам большую свободу творческой интерпретации на уровне эстетической информации (естественно, в рамках иконографического канона — но это уже совсем иной структурный уровень, уровень формализуемой семантики, и речь сейчас не о нем). Уже Василий Великий хорошо почувствовал и считал вполне нормальным это явление⁴⁸: — «И они (живописцы. — В. Б.), когда списывают изображения с изображений, весьма далеко, что и естественно (ὡς εἰκός), уклоняются от оригиналов» (PG, t. 31, col. 493 A). Важно только, чтобы любое изображение было «совершенно по закону искусства» (τῷ λόγῳ τῆς τέχνης ἐκτελεσθέν — PG, t. 29, col. 76 C). Но закон этот для разума «неудободостижим». Известен только результат его опосредованного воздействия на психику. Да и он-то зависит от субъекта восприятия. Хотя «мы по природе [своей] стремимся

⁴⁵ Происхождение свое она ведет от Василия Великого. См. PG, t. 30, col. 509 A.

⁴⁶ Григорий Нисский: PG, t. 46, col. 97 A.

⁴⁷ ὅτι τὸ ἀληθινὸς καλὸν τὸ ἐν τῇ ψυχῇ σύμμετρόν ἐστι κατ' ἀρετὴν διακειμένην (PG, t. 30, col. 409 B).

⁴⁸ К сожалению, на него иногда не обращают внимания современные исследователи, считая византийскую эстетику «нормативной» в худшем смысле этого слова. Однако канон в этой системе был ведущей доминантой творческого метода и способствовал организации высокохудожественных структур в рамках данной культуры.

к прекрасному», вкусы людей различны — «по большей части одному то, а другому иное кажется прекрасным»⁴⁹.

Таким образом, для византийских мыслителей прекрасное (в природе и искусстве) не имело объективной ценности. Ею обладала лишь «абсолютная красота». Прекрасное же было значимо каждый раз только в его непосредственном контакте с конкретным субъектом восприятия. На первое место выступала его психологическая функция — определенным образом организовать внутреннее состояние человека. Прекрасное являлось важнейшим средством формирования психической иллюзии «постижения сверхпрекрасного», «абсолютной красоты». Хорошо осознавая это, уже каппадокийцы начинают употреблять термин «прекрасное» в широком значении, близком к понятию «образ», — как материализованное «отображение» трансцендентной идеи. В результате, уже с VI в. первостепенное значение в патристике начинают играть такие категории, как «символ» и «образ», которые включают в себя часто и значение «прекрасного», хотя полного слияния этих категорий не происходит.

Понятие «образ» наряду со «словом» играло очень важную роль в византийской философско-религиозной системе. Ибо и слово и образ являлись, в понимании византийцев, определенными материализованными (хотя и не тождественными между собой) субстанциями, в которых запечатлевается, сохраняется и передается на уровне эмпирического бытия божественное откровение, священное предание. Отсюда и неослабевающий интерес византийских мыслителей к теории образа как в доиконоборческий период, так и у апологетов иконопочитания. Теория эта была разработана глубоко и всесторонне, хотя и не имела систематического изложения. Она нашла свое органическое воплощение и практическое дополнение в системе художественных образов восточнохристианского искусства.

Наиболее глубокое и полное изложение, говоря современным языком, общей теории образа (μόρφωσις, в отличие от «частной» теории образа — пластического изображения иконопочитателей VIII—IX вв. — εἰκών)⁵⁰ содержится в «Ареопагитиках», где она тесно связана с теорией иерархии и системой обозначения божества, т. е. является неотъемлемой частью гносеологии Псевдо-Дионисия.

Следует отметить, что понятие «образ» играло большую роль в тот период не только в среде ортодоксальных христианских мыслителей. Так, византийский поэт Нонн, писавший на греческом языке, в поэме «Дионисика» придает важное значение этому понятию, выраженному в поэме рядом синонимов (все они встречаются и у Псевдо-Дионисия): τύπος, εἰκών, μίμημα, ἰνδαλμα, φάσμα. Призрачный мир образов и «отпечатков» кажется ему более существенным и интересным, чем мир реальности, отражение в зеркале — значительнее отражаемого предмета. Мир предстает перед ним системой причудливых ассоциативных образов и отображений, порожденных его фантазией⁵¹. Однако у Нонна нет какого-либо осознанного философского поиска «умонепостижимой истины» с помощью этих образов. В свободной игре его художественного воображения нашли неосознанное отражение философско-религиозные и эстетические искания того сложного периода.

Важнейшей частью философско-религиозной системы византийцев, определявшей цель земного бытия человека, являлось учение о познании

⁴⁹ εἰ καὶ ὅτι μάλιστα ἄλλω ἄλλο φαίνεται καλόν (PG, t. 31, col. 909 B).

⁵⁰ Мы условно используем здесь для обозначения этой дефиниции образа часто употребляемый Псевдо-Дионисием в подобных же целях термин ἡ μόρφωσις, хотя сам автор Ареопагитик не ограничивается только им, а пользуется большой пикалой синонимов (включая и εἰκών как «изображение» вообще), стремясь таким способом подчеркнуть глубину и многозначность этой важнейшей в восточнохристианской философии и эстетике категории.

⁵¹ См. М. Riemschneider. Der Stil Nonnos. — «Aus der byzantinischen Arbeit der Deutschen Demokratischen Republik», Bd. 1. Berlin, 1957, S. 58—59.

(созерцании) божества, ибо без этого, как указывалось, спасение было «неудободостижимо». Но трансцендентность (*ὑπερουσιότητα*) божества закрывает спекулятивный путь его познания. Поэтому византийские мыслители строят на понятийном уровне систему теологических антиномий⁵². Снятие их они перенесли в сферу внесознательного психического. Здесь, как бы на втором непонятийном (*ἄλογος*) этапе познания, византийцы различают два пути постижения божества: непосредственный, «вне мира» — путь мистического единения с богом, и опосредованный, «в мире и через мир» — образно-символический путь познания первопричины. Второй путь играл значительно большую роль в византийской философии и жизни, так как индивидуальный «подвиг аскезы и мистики» был под силу не многим даже среди монахов, и византийские мыслители расценивали его как путь опасный и для большинства людей неприемлемый⁵³. Считалось, что человек по природе своей «не в состоянии подняться до созерцания духовного без какого-либо посредства»⁵⁴. Таким посредником на пути от чувственного к духовному и являются наряду с триадой таинств в иерархической системе Псевдо-Дионисия чувственно воспринимаемые образы (*μορφώσεις*), символы (*σύμβολα*), священные поэтические изображения (*ποιητικαὶ ἱεροπλάσται*)⁵⁵, священные изображения (*ἱερογραφαί*), чувственные символы (*αἰσθητὰ σύμβολα*. — СН, 1, 2, 373 А; DN, 9.5. 913 В), священные пластические образы (*ἱεροπλάστοι μορφώσεις*. — СН, 15.1, 328 В) и т. п. Все они необходимы в структуре византийского мировосприятия для того, чтобы приблизить человека «неизреченно и непостижимо к неизрекаемому и непознаваемому» (*ἀφθέγκτοις καὶ ἀγνώστοις ἀφθέγκτως καὶ ἀγνώστως*. — DN, 1.1. 585 В), чтобы он «посредством чувственных /предметов/ восходил к духовному и через символические священные изображения — к простому /совершенству/ небесной иерархии» (СН, 1.3, 124 А), «не имеющему [ни-какого] чувственного образа» (СН, 1.3, 121 С).

Образ является основой информационной иерархической системы автора *Ареопагитик*, так как сообщение (*φωτοδοσία*) в ней передается не с помощью формально-логических конструкций, а только посредством емких символических образов (*ἐν τυπωτικαῖς συμβόλοις*. — СН, 1.2, 121 В). Даже слово в этой системе меняет свое непосредственное значение. Оно становится глубоким символом, требующим изощренного теологически-лингвистического толкования⁵⁶, ибо оно по природе своей — образ, как и предвечный Логос — образ Первопричины. Его семантика определяется часто способом организации значимой структуры.

У Псевдо-Дионисия вся иерархия — «образ божественной красоты» (СН, 3.2, 165 В), а члены иерархии — «божественные подобия», «чины и знания» (*τάξεις καὶ ἐπιστήμαι*. — Там же). Т. е. они одновременно являются носителем информации и ее содержанием. Отсюда, по мнению Псевдо-Дионисия, и общее для всех чинов иерархии наименование (хотя они все имеют и свои индивидуальные названия) — *ἄγγελος* («вестник» и «известие», «сообщение» одновременно. — СН, 5). Псевдо-Дионисий организует стройную иерархию образов, с помощью которых и передается «истинная»

⁵² Теологических — в отличие от философских, так как ни тезисы, ни антитезисы их логически не обосновываются, а принимаются на веру.

⁵³ См. А. П. Каждал. Византийская культура (X—XII вв.). М., 1968, стр. 131.

⁵⁴ Иоанн Дамаскин. — РГ, т. 94, col. 1241 В.

⁵⁵ СН, 2.1, 137 В. Здесь и далее при цитировании «Ареопагитик» используются общепринятые в византистике сокращения: латинские буквы означают название сочинения: СН — о небесной иерархии, ЕН — о церковной иерархии, DN — о божественных именах, МTh — о мистической теологии, Ер — Письма; последующие цифры указывают на главу, параграф и столбец по изданию РГ, т. 3.

⁵⁶ Не случайно пристальное внимание Григория Нисского к слову, стремление понять его значение с учетом места и времени появления библейских книг, аудитории, непосредственно для которой они были написаны, с учетом исторической трансформации семантики слова (РГ, т. 45, col. 132 С). На Западе эта проблема интересовала Августина (см. его работы «Об учителе», «Об истинной религии»).

информация с уровня «сверхбытия» на уровень человеческого существования. Литературные и живописные образы занимают в ней определенное место — на уровне чина таинств, т. е. между небесной и земной ступенями иерархии. «Невещественная» ступень иерархии изображена (*διαποικίλασα*) в них посредством «вещественных изображений» (*ὁλαιοῖς σχήμασι*) и «совокупностей образов» (*μορφωτικαῖς συνθέσεσι* — СН, 1.3, 121 С) ⁵⁷. В зависимости от способа организации этих «образных структур» значение одних и тех же «священных изображений» может быть различно (СН, 15.1, 328 В). Соответственно и информация в этой системе многозначна. Семантика и количество ее зависят также от субъекта восприятия («в соответствии со способностью каждого к божественным озарениям». — СН, 9.2, 257).

Многозначный образ являлся основным элементом (!) в системе восточнохристианской гносеологии. В понимании византийских мыслителей не только священная иерархия, но и вся структура мироздания пронизана идеей образа. Образ — это единственный способ связи и соотнесения между принципиально несоотносимыми и несвязуемыми уровнями «бытия» и «сверхбытия». Только в нем и посредством него возможно «умонепостижимое» единство («неслитное соединение») трансцендентности и имманентности божества. Как показывает один из первых и глубоких толкователей «Ареопагитик» Максим Исповедник (VII в.), весь духовный, умонепостижимый мир «таинственно в символических образах представляется изображенным в мире чувственном для тех, кто имеет глаза видеть, и весь мир чувственный... заключается в мире духовном: этот в том своими началами, тот в этом своими образами». ⁵⁸ Отсюда и высшая абсолютная истина есть образ божественного (PG, t. 91, col. 673 С).

Псевдо-Дионисий в соответствии со своей системой обозначения божества различает два метода изображения духовных сущностей и соответственно два типа образов — подобных, «сходных» (*τῶν ὁμοίων εἰκόνων*) и «несходных» (*τῶν ἀνομοίων μορφωτικῶν* — СН, 2, 3, 140 С). Первый метод вытекает из катафатического способа обозначения, опирается на традиции классической эстетики и связывается с созданием живописных изображений или литературных образов, близких к зрительным (ср. *φαντασία* у Псевдо-Лонгина). Здесь Псевдо-Дионисий обращается к греческой теории мимесиса. Но в связи с тем что любая вещь, по его мнению, одновременно подобна и неподобна трансцендентной первопричине (DN, 97.916 А), то возможно лишь не просто подражание, но «неподражаемое подражание» (*ἀμίμητον μίμημα*. — Там же; см. также Ер, 2, 1068 А).

Этой антиномической формулой, как и многими другими, Псевдо-Дионисий подчеркивает принципиальное отличие своей системы от классических философских систем. В данном случае он пытается противопоставить античному пониманию мимесиса, как подражания природе ⁵⁹, свою идею образного отражения (*ἀφομοίωσις*) первопричины — важнейшего этапа на пути постижения истины. Если древние греки стремились к непосредственному познанию первопричины, полагая предметы видимого мира недостойными внимания «теньями» истины (платоновская школа), то византийские мыслители, как указывалось, акцентируют внимание на методе опосредованного познания. При этом «сходные» образы в чувственной форме «отображают» те или иные свойства и черты непостижимого божества и его духовных сил, которые только таким способом и могут быть как-то постигнуты человеком. Например, по мнению Псевдо-Дионисия, многие свойства огня являются чувственными (видимыми) образами

⁵⁷ На VII Вселенском соборе эти идеи были использованы применительно к конкретным живописным произведениям, т. е. художественная практика обосновывалась общетеоретическими положениями.

⁵⁸ Максим Исповедник. Тайноводство. — PG, t. 91, col. 669 С.

⁵⁹ А. Ф. Лосев, В. П. Шестаков. Указ. соч., стр. 214.

(ὁρατοῦς εἰκόνας) божественных свойств⁶⁰. Огонь через все свободно проходит, неизвестен сам по себе, неуловим и невидим, все освещает, все побеждает, неудержим, несмешиваем и невмещаем, источник движения и самодвижим, всему обильно сообщая себя, не уменьшается и т. п. (СН, 15.2, 329). Аналогичную «образность» можно усмотреть и во многих других предметах. Автор «Ареопагитик» даже в каждом из многочисленных членов человеческого тела видит «многочастные образы, соответствующие [свойствам] небесных сил» (СН, 15.3, 332 А). В художественном плане функцию «сходных» образов выполняет искусство, ибо живописец в процессе работы постигает архетип через икону (τὸ ἀρχέτυπον ἐν τῇ εἰκόνι. — ЕН, 4.3.1, 473 С). Эти идеи наметились еще в эстетике Плотина и были всесторонне теоретически разработаны в иконоборческий период.

Самого Псевдо-Дионисия больше интересует второй метод — создание «неподобных подобий» (τῶν ἀνομοίων ὁμοιοτήτων), который он соотносит с апофатическим способом «обозначения», полагая, что «если по отношению к божественным предметам отрицательные обозначения ближе к истине, чем утвердительные, то для выявления (ἐκφαντορία) невидимого и невыразимого больше подходят несходные выражения» (СН, 2.3, 141 А). Здесь Псевдо-Дионисий разрабатывает проблему, поставленную еще в работах Оригена и Григория Нисского⁶¹, и доводит ее до логического завершения.

Образы этого типа необходимо строить на преодолении античных идеалов. В них, по мнению Псевдо-Дионисия, должны полностью отсутствовать принятые у людей черты благородства, красоты, гармоничности, чтобы человек, созерцающий образ, не представлял себе божество подобным «грубым» материальным формам (любая материальная красота груба) и не останавливал свой ум на этих «видимых красотах, а возвышал его к сверхчувственному (СН, 2, 3, 141 В).

В отличие от «сходных» этот тип образов строится, как видим, на противоположных принципах и связан с другими аспектами гносеологической функции образа. Он уже не столько «отображает», сколько «обозначает» (σημαίνει) истину в определенных знаках и символах, требующих рационалистического толкования, т. е. практически передает «божественное откровение» на знаковом (но не только языковом) уровне. Известная в раннехристианской философии оппозиция ἀλήθεια — αἰνigma (истина — загадка, намек), идущая от Климента Александрийского (ἀλήθεια — σύμβολον) и Григория Нисского (Ветхий завет — αἰνigma, Новый завет — ἀλήθεια)⁶², развивается дальше Псевдо-Дионисием. Так как ἀλήθεια трансцендентна, то она и может быть постигнута только через свою антитезу, вытекающую из нее и обозначающую ее — δι αἰνιγματῶν (СН, 2.2, 140 В; Ер. 9, 1.1104 В, 1108 А). И чтобы это «обозначение необозначаемого» (τὰ σχήματα τῶν ἀσχηματίστων — СН, 2.2, 140 А) выявило заключенную в нем информацию, необходима его соответствующая «дешифровка» — теологическое толкование, ибо, по византийской традиции, «настоящий богослов» толкует «божественные» знаки и символы не по собственному произволу, а вдохновляясь «откровением св. Духа» (см. DN, 1.1, 585 В), которое дает ему ключ к шифру. Однако «психологическая» окраска всей византийской философско-религиозной системы обнаруживается и на этом «знаковом» уровне, допуская многозначность расшифровки⁶³. Тем не менее извлечение «истинного», хотя и относительного, смысла знака.

⁶⁰ Ср. у Гераклита: огонь — космос, первопричина, бог («Антология мировой философии», т. 1. М., 1969, стр. 275). Здесь же — образ первопричины.

⁶¹ См. W. Volker. Kontemplation und Ekstase bei Pseudo-Dionysius Areopagita. Wiesbaden, 1958, S. 97.

⁶² См. Ibid., S. 93—94.

⁶³ Так, Иоанн Дамаскин считал, что библейские образы многозначны и каждый понимает их в меру своих способностей и потребностей: «Бог говорил многократно и многообразно (πολυμερῶς καὶ πολυτρόπως)», чтобы «каждый больной получил свое лекарство» (PG, t. 94, col. 1321 В).

символа — ἀνακάθαρσις (по терминологии Псевдо-Дионисия) играет важнейшую роль в византийской философско-религиозной мысли. Задачей интерпретатора и является «выявление» тайного смысла — «подобное соотношение явного со скрытым» (οἰκείως ἀρμόσαι τοῖς ἀφανέσι τὰ φαινόμενα. — СН, 15.5, 333 С).

Однако «неподобные» образы — не только условные знаки и рационалистические символы. Организация их более сложна, так как основное их назначение все же чисто психологического характера. Сам Псевдо-Дионисий объясняет необходимость «неподобных» образов исходя именно из этой их функции. Он считает, что несходные изображения должны «самим несхождением знаков возбудить и возвысить (διανύστωσα... καὶ ὑπενύπτωσα τῇ δυσμορφίᾳ τῶν συνημάτων) душу» (СН, 2.3, 141 В). Эти «условные знаки» (τὰ συνήματα) должны воздействовать прежде всего не на разумную, а на внесознательную сферу психики, возбудить (ὑπενύπτω — «жалить», «колотить», т. е. сугубо эмоциональное возбуждение, но не интеллектуальное, как на знаковом уровне) ее в направлении «возвышения» человеческого духа от чувственных образов к «истине». Отсюда и сами изображения называются Псевдо-Дионисием «возвышающими» (τὰς ἀναγωγικάς ἱερογραφίας. — СН, 2.1, 137 В). Эта идея «возведения» (ἀναγωγή) от образа к «истине» и архетипу явилась основополагающей идеей византийской эстетики. И хотя проблема «образного познания истины» была поставлена еще неоплатониками и ранними христианскими мыслителями (Климент Александрийский, Ориген, Григорий Нисский), однако законченное, глубоко своеобразное и полное раскрытие она получила только в «Ареопагитиках». Здесь «возбуждение» и направление работы психики в определенное русло активной духовной деятельности с помощью чувственных образов является логическим завершением процесса познания первопричины — снятием теологических антиномий на уровне внесознательного психического⁶⁴. У последующих византийских мыслителей, особенно в иконоборческий период, ареопагитовская концепция образа получила полное признание⁶⁵.

С «неподобными» связывает Псевдо-Дионисий и символические образы, которыми насыщена как вся восточнохристианская теология, так и искусство. Проблема восточнохристианской символики очень сложна в плане хотя бы условной дифференциации религиозных и художественных символов, так как почти все элементы художественной структуры имеют вполне конкретное значение на уровне религиозной (как правило, рассудочной) символики. Любой, даже самый незначительный предмет (а в живописи цвет, свет, форма) как в реальном мире, так и в любом, даже малохудожественном, произведении имеет на этом уровне большое символическое значение. Художественный же символ «работает» только в высокохудожественных структурах и обращен в основном к внесознательной сфере психики субъекта восприятия. Ощущая постоянно воздействие именно этих символов при общении с искусством, отцы церкви осмысливали их как чисто религиозные⁶⁶. В существующих работах по византийской эстетике⁶⁷ эта проблема, к сожалению, не получила должного освещения. За исключением раннехристианской примитивной «символики» (условных

⁶⁴ Имеются в виду непонятные психические процессы в смысле установки («внесознательного состояния психики», влияющего на сознательную деятельность). См. Д. Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966, стр. 157 и др.

⁶⁵ См. PG, t. 94, col. 1241. Ср. слова патриарха Никифора: «Познание архетипа осуществляется нами через икону. . .» (PG, t. 100, col. 401 С) и т. п.

⁶⁶ Что с точки зрения психологии вполне закономерно, так как возможно переключение динамических напряжений эмоционального процесса из одного источника в русло совсем не связанной с ним смысловой компоненты (см. С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 470). К тому же и внесознательная установка работает у религиозно настроенных людей в направлении мистико-религиозного восприятия.

⁶⁷ См. указанные работы Дж. Мэтью, П. А. Михелиса, А. Грабара.

религиозных обозначений), имеющей слабое отношение к собственно художественным произведениям, в них практически не затрагивается этот вопрос. Взаимосвязь художественной и религиозной символики остается в стороне и у таких исследователей восточнохристианского искусства, как О. Демус и К. Онаш⁶⁸; исключительно религиозной символикой древнерусского искусства интересуются Л. Успенский и В. Лосский⁶⁹. Вероятно, только связь символических образов с психологической функцией «неподобных» образов может дать ключ к осмыслению художественной символики византийского искусства.

В художественной практике восточных христиан все методы изображения («сходные», «несходные» и символические образы) в высокохудожественных памятниках образуют единый органический синтез — основу системы художественных образов восточнохристианского искусства.

На базе «общей» теории образа (*μόρφωσις*), оформившейся практически в V—VI вв., в период иконоборчества более подробно разрабатывается «частная» теория образа, именно образа «подобного» — изображения (*εἰκόν*), теория иконы. И если общая теория в первую очередь вскрывает гносеологическое значение образа, то частная наряду с дальнейшим развитием гносеологического аспекта непосредственно заостряет сотериологический (хотя и познание божества в византийской системе, как указывалось, практически необходимый шаг для каждого человека на пути к спасению), а также морально-нравственную проблематику. В центре этой теории (как и всей иконоборческой полемики) стоял вопрос о взаимоотношенности образа и архетипа, который иконоборцами и иконопочитателями в силу проявившегося различия принципов мышления трактовался по-разному⁷⁰. Иконоборцы, вольно или невольно поддерживая древнеиудейскую традицию (знание имени тождественно знанию сущности), считали, что образ (*εἰκόν*) должен быть единосущен (*ὁμοούσιον*) прообразу. А так как прообраз — трансцендентная идея, то он и не может быть изображен конкретно-чувственным образом, да еще с помощью антропоморфных изображений. Единственным образом Христа является, по их мнению, евхаристия. Иконопочитателей же они обвиняли одновременно в двух противоположных ересь: в том, что те сливают два естества Христа, изображая его на иконе, и в том, что они разделяют их, изображая только человеческое естество. Иконоборцы трактовали образ как «идеальную» копию, во всем и, главное, «по сущности» (*κατ' οὐσίαν*) тождественную прообразу, своего рода двойник.

Иконопочитатели опирались на более глубокое понимание образа, разработанное мыслителями IV—VI вв., хотя логические доказательства их часто менее убедительны, чем у иконоборцев. Опираясь на традиции платоновско-неоплатоновской эстетики в структуре теологически-антимимических принципов мышления, отцы церкви приходят уже в IV—V вв. к пониманию того, что образ (изображение) не является копией архетипа, а только его отражением, не во всем подобным ему: «... иконы суть видимое невидимого и не имеющего фигуры, но телесно изображенного из-за слабости понимания [нашего]»⁷¹. В силу этой слабости нашей способности образного мышления, рассуждает Иоанн Дамаскин, мы и невидимое стремимся мыслить по аналогии с видимым, «ибо видим в тварях образы, показывающие нам тускло божественные откровения» (PG, t. 94,

⁶⁸ См. O. Demus. *Byzantine mosaic decoration*. London, 1947; K. Onasch. *Die Ikonmalerei*. Leipzig, 1968.

⁶⁹ L. Ouspensky, W. Lossky. *Der Sinn der Ikonen*. Bern—Olten, 1952.

⁷⁰ Подробное изложение этой проблематики см. в статьях Г. Острогорского «Гносеологические основы византийского спора о св. иконах» (СК, II, 1928) и «Соединение вопроса о св. иконах с христологической догматикой в сочинениях православных апологетов раннего периода иконоборчества» (СК, I, 1927). См. также: А. Grabar. *L'icônoclasmе bysantin*. — «Dossier archéologique». Paris, 1957.

⁷¹ PG, t. 94, col. 1241 A.

col. 1241 В—С). Следовательно, образ, являющийся продуктом человеческой психики, никак не может быть тождественным своему трансцендентному архетипу «по сущности» (κατ' οὐσίαν) и «по имени» (κατὰ τὸ ὄνομα). А изображается на иконе, исходя из общей теории образа, не «природа» (человеческая или божественная), а ипостась, т. е. делаются попытки объяснить, опираясь на специфику человеческой психики, и непостигаемость и неизобразимость архетипа, возможность и необходимость существования все же опосредованного конкретно-чувственного изображения его.

Опровергая обвинения иконоборцев, Феодор Студит обличает их в примитивном понимании теологической сущности христианства, в стремлении обращаться к логике там, где она принципиально не применима. Евхаристия, по его мнению, как раз не является «образом». Она есть сама Истина, «реальное» приобщение к телу и крови (PG, t. 99, col. 340 В), т. е. непосредственная реализация на уровне бытия сферы сверхбытия, а не ее образное (опосредованное) отражение. Возможность же изображений он объясняет, опираясь не на логику, а на теологический антиномизм центральной идеи христианства — факта «вочеловечивания», в результате которого произошло «соединение несоединяемого» — «описуемого с неописуемым» (332 А), что и удивительно» (ὁ καὶ παράδοξον). В связи с этой сущностной «парадоксальностью» и «Христос, будучи изображенным [на иконе], остается неописуемым» (332 С) ⁷², и не следует пытаться опровергать «разумом непостигаемое им, доказательствами — недоказуемое, силлогизмами — не подчиняющееся закону силлогизма» (332 D).

Важно отметить, что для этой группы образов (εἰκόν) все мыслители единодушно стремятся указать на их отличие от архетипа «по сущности» (κατ' οὐσίαν). Подобие же антропоморфного живописного образа теологически-антиномическому в онтологическом плане архетипу является для восточных христиан как бы само собой разумеющимся фактом ⁷³, ибо опосредованный характер (художественного, в частности) образа вполне соответствует общей схеме иерархической информационной системы, включающей в себя как необходимое звено внесознательную (в частности, эмоциональную) сферу психики субъекта восприятия.

Четкого понятийного доказательства возможности существования «сходных» изображений, даже при использовании аристотелевской терминологии ⁷⁴, отцы церкви, естественно, привести не могли, ибо тезис о том, что можно изображать ипостась, а не природу, мало убедителен. Твердая же вера их в свою правоту основывалась на сильном эстетическом воздействии произведений искусства. Ощущая его, но не умея объяснить, иконопочитатели истолковывали его как божественную энергию, исходящую от изображения. Отсюда и вся мистика иконы и освящение материи. Утверждение же «не совсем» подобного подобия (одновременного подобия и неподобия — ἀρίμητον μίμημα) вполне соответствовало теологическому антиномизму византийского мышления, так что внутренняя противоречивость образа еще больше убеждала иконопочитателей в их правоте. Широкое и всестороннее распространение же именно изобразительных («зрительных») и особенно живописных образов объяснялось популярной в патристике того времени концепцией о главенстве зрения («видения») над остальными органами чувств ⁷⁵.

⁷² Ср. акростихи рождественского канона Космы Маюмского: Χριστὸς βροτῶδεις, ἦν ὅπερ θεός, μένη («Христос, вочеловечившись, остается, как и был, Богом»). Цит. по: Е. Ловягин. Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках. Изд. 3-е. СПб., 1875, стр. 1.

⁷³ См. PG, t. 46, col. 41 С.

⁷⁴ См. G. Mathew. Op. cit., p. 157.

⁷⁵ См. PG, t. 99, col. 392 А; а также A. Mathew. Op. cit., p. 115, 117.

Да это и вполне понятно, так как большую часть «информации» ветхозаветные пророки, апостолы, евангелисты и сами отцы церкви получали, по богословской традиции, непосредственно от бога в мистическом акте, как правило, в виде «зрительных образов». Затем они стремились передать ее на языковом уровне, что, по их мнению, редко удавалось. Живописцы же, по глубокой убежденности восточных христиан, эти высшие «богооткровенные истины» передают в непосредственном (относительно данной формы откровения) виде «зрительных образов» ⁷⁶. Соответственно и воспринимались эти истины значительно глубже в живописных образах, чем в словесных. «Часто, — читаем у патриарха Никифора, — что ум не схватывает с помощью выслушанных слов, зрение, воспринимая не ложно, растолковывает яснее» (PG, t. 100, col. 380 D). В результате такого понимания живописцы в восточнохристианском мире приравнивались к наиболее почитаемым святым, ибо считалось, что художник в процессе «писания образа» находится в состоянии мистического единения с богом. Сам художник рассматривал труд свой как «священный подвиг» и таинство, а произведение — как результат непосредственного божественного деяния. Отсюда и стремление скрыть собственную личность (как правило, имена восточнохристианских художников неизвестны), так как в созданном им произведении он не видел ничего своего, индивидуального. В творческом акте (как затем и зритель в процессе созерцания) он переносился в мир «вечного бытия», единения (а значит — познания) с высшей субстанцией. Творя, он «живет в боге», и в этом смысл его творчества.

Но, внесознательно организуя в этом акте высокохудожественные структуры, художник создавал объективные эстетические ценности, которые воспринимались в византийском мире как «высшие реальности» ⁷⁷, т. е. были более «реальны», чем преходящий мир явлений. Иконы, в частности, освящались и воспринимались как явление более высокого порядка, чем материальный мир. Но так как икона — материальный объект, то по отношению к ней проявлялась двойственность, присущая вообще восточнохристианскому отношению к материи. С одной стороны, воспринимая изображение как чувственное отражение духовного архетипа, византийцы и почитали этот прообраз ⁷⁸. С другой — поклонение, особенно в период противоиконоборческой борьбы, переносится с архетипа на саму материю — не только на икону в целом, но и на краски, доску и другие материальные предметы. В пылу религиозной полемики эстетический аспект, определяющий жизненность и силу произведений этого искусства и ясно ощущаемый в доиконоборческой патристике, уступает место догматическому. Христологический догмат, как мы видели у Феодора Студита, становится единственным убедительным доказательством возможности и необходимости антропоморфных изображений.

Однако в этот период не забывали и о психологическом аспекте образа. В VIII—IX вв., как отмечает в своей работе и Г. Мэтью, в связи с указанным приоритетом «зрения» среди пяти чувств развивается теория фантазии (*φαντασία*). Здесь *φαντασία* — уже не только воображение или «зрительный» образ. Она была для византийцев «необходимой предпосылкой к способности чувственного восприятия (*aesthesis*)» ⁷⁹. Образ отпечатывается на *φαντασία*, как на воске (Нил Схоластик) ⁸⁰, и возбуждает в психике субъекта восприятия различные воспоминания ⁸¹.

⁷⁶ См. многие примеры у Василия Великого, Иоанна Дамаскина, а также в кн.: В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1, стр. 18.

⁷⁷ А. П. Каждан. Византийская культура, стр. 159.

⁷⁸ См. PG, t. 94, col. 1357 C.

⁷⁹ G. Mathew. Op. cit., p. 115.

⁸⁰ Ibid., p. 117.

⁸¹ Ibidem.

В XIV в. Григорий Палама развивает дальше эту теорию. Сближая фантасию с образом, он связывает ее с процессом мышления, полагая, что последний осуществляется посредством воздействия чувственных образов на «фантастикон души»: «Фантастикон души (τὸ τῆς ψυχῆς φανταστικόν). . . воспринимает образы (εἰκόνας) от чувств, отделяя их от предметов и эйдосов. . . , он содержит в себе для внутреннего использования ценности даже при отсутствии самих предметов и делает их видимыми для себя [в образах]. . . Фантастикон является границей ума и чувства. . . , и ум, [постоянно] вращаясь, перерабатывает образы, многообразно диалогизируя, аналогизируя и силлогизируя» (PG, t. 150, col. 1132).

Несколько раньше (в XIII в.) Никифор Влеммид, систематизируя христианское учение о «познавательных силах», относил к ним наряду с умом (νοῦς), рассудком (διάνοια) и мнением (δόξα) также фантасию (φαντασία) и чувство (αἰσθησις. — PG, t. 142, col. 712 D). Здесь фантасия понимается как определенная, непонятная (ἄλογος) способность души, близкая к «патетическому уму» (νοῦς παθητικός) Аристотеля. Однако и к этому понятию в Византии относились двойственно. Феодор Студит, выступая в защиту иконопочитания, писал, имея в виду под φαντασία воображение: «Одна из пяти сил души есть фантасия; фантасия же может быть представлена некоторою иконою, ибо и та и другая содержат изображения. Следовательно, не бесполезна икона, уподобляющаяся фантасии» (PG, t. 99, col. 1220 B—C). И эта же фантасия (воспринимаемая как воображение) считалась чуть ли не «орудием дьявола» в более поздний период. Она, по мнению Григория Синаита, «видоизменяет и извращает всякое духовное созерцание. . . Нет ничего в духовной сфере, чего нельзя было бы извратить (μετασχηματίζονται) фантасией» (PG, t. 150, col. 1288 C).

Таким образом, основательно разработанная византийскими мыслителями теория образа на любом своем уровне проводит одну основную идею. Образ, отражающий в той или иной степени духовный архетип, необходим для того, чтобы «возводить» (возвышать, возносить) человека к любому умонепостигаемому прообразу, т. е. должен выполнять, в понимании византийских мыслителей, гносеологическую функцию в различных ее аспектах. Это возведение (ἀναγωγή), как мы видели у Псевдо-Дионисия, осуществляется путем возбуждения психики субъекта с помощью специально организованных чувственных образов. Обращаясь к его мыслям, Феодор Студит писал: «Очевидно, что от подражания, т. е. от изображения, происходит великая польза, и через это подражание возбуждается (ἄνεσις) активное духовное созерцание архетипа» (PG, t. 99, col. 1217—1220 A).

Об этом же говорил и Иоанн Дамаскин, тонко ощущая эстетическое воздействие цветовой структуры живописи: «Цвет живописи влечет меня к созерцанию и, как луг, услаждая зрение, незаметно вливает в душу славу божью» (PG, t. 94, col. 1268 B). Образ (изображение) должен возбудить прежде всего внесознательную сферу психики и направить ее работу в определенное русло «духовного созерцания»⁸². И созерцания индивидуального, заведомо ориентированного на каждого отдельного субъекта восприятия. В результате каждый человек получает в некотором смысле свою, субъективно окрашенную⁸³, неповторимую информацию, возбуждаясь одним и тем же (общим для многих) объективно существующим изображением (произведением искусства). Эта информация, возникающая, по мнению богословов, в результате возбуждения души «божествен-

⁸² Ср. мысль современного психолога: «Эмоции, вызванные восприятием искусства, стимулируют умственную деятельность. Они оказываются толчком, дополнительным стимулом для возникновения вопросов мировоззренческого характера и попыток решить их» (И. В. Симонов. Что такое эмоции? Наука. М., 1966, стр. 82).

⁸³ Еще Василий Великий считал, что вкусы людей субъективны, «ибо чаще всего одному то, а другому иное кажется прекрасным» (PG, t. 31, col. 909 B).

ной энергией» при созерцании человеком «образа», и может быть осмыслена на современном уровне как эстетическая информация, а соответствующее психическое состояние — как эстетическое переживание. Эта мысль окажется еще более убедительной, если вспомнить о большом количестве высокохудожественных памятников, созданных византийскими мастерами ⁸⁴.

Эстетическая информация доставляет человеку то «знание», которое не может быть передано ни на каком формализованном языке, с помощью других средств коммуникации. Эту-то ее специфическую особенность тонко почувствовали и хорошо реализовали византийские теоретики и практики искусства, по-своему интерпретировав (в соответствии с определенной исторической ситуацией) ее истинную сущность. Понимая своеобразие этой информации, они осмысливали ее как результат божественного откровения (ведь она даже на человеческий язык непереводаима!) ⁸⁵, т. е. воспринимали ее как важный источник «непонятного» (ἄλογος) знания. В эстетической информации византийцы усмотрели определенную близость к важной черте своей гносеологии, заключавшейся в многозначности «божественного откровения». Многозначность художественных образов византийского искусства давала повод к подобному пониманию.

Таким образом, византийская философско-религиозная мысль, развивая и углубляя некоторые философские и эстетические взгляды эллинистического мира, на новой духовной основе создала практически новую, неизвестную ни греческому, ни ближневосточному миру теорию образа. Психологический аспект образа, который был глубоко разработан византийскими мыслителями, хотя и в своеобразной форме, является существенным и необходимым этапом в истории эстетической мысли, так как он связан с важнейшими функциями художественного образа. Без осознания этой внутренне противоречивой концепции как закономерного исторического этапа развития теории искусства и художественного мышления нельзя сегодня проводить строгий научный анализ византийского и древнерусского искусства.

⁸⁴ См. В. Н. Лазарев. История византийской живописи; его же. Византийская живопись. М., 1971, и др.

⁸⁵ Хотя уже в XI в. у философа неоплатонического толка, образованнейшего человека своего времени Михаила Пселла мы находим иное осмысление этой информации: «Я и вообще ценитель икон, но одна из них особенно поражает меня неопишущей красотой, она, словно удар молнии, лишает меня чувств и отнимает у меня и силу в [земных] делах, и разум. Я не вполне уверен, что изображение подобно своему оригиналу, но твердо знаю, что смешение красок отображает природу плоти». Цит. по: «История эстетики», т. 1, стр. 339.

В. А. ЛЕКВИНАДЗЕ

О ПОСТРОЙКАХ ЮСТИНИАНА В ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

Наиболее важные сведения о строительстве Юстиниана в Западной Грузии содержатся в известном произведении Прокопия «О постройках». Вот это сообщение: «В Лазике он выстроил укрепление по имени Лосорион и укрепил стенами все ущелья в этой стране — их обыкновенно называют Клисрами («замками»), чтобы, таким образом, перед врагами были заперты все пути в Лазик. Бывшую у лазов христианскую церковь, древнюю и уже с разваливающейся стройкой, он перестроил и сделал как новую. Равным образом он выстроил в стране лазов замечательный город Петру, который лазы по собственному неразумию передали персам, привлеки к себе сюда Хозроя с огромным войском; но, когда римляне одержали верх над персами в этой войне и одних из них убили, других же сделали военнопленными, они своими руками уничтожили его до основания, чтобы варвары, вторично придя сюда, не могли совершить какого-либо коварства. . . , на противоположной стороне, если идти по направлению к Меотидскому болоту, напротив Лазики были два укрепления — Севастополь и Питиунт; их уничтожили сами римляне, услышав, что Хозрой спешно посылает сюда войско с тем, чтобы оно захватило эти укрепления. Ныне же император Юстиниан этот Севастополь, который был прежде только крепостью, заново весь перестроил, окружил его такими стенами и укреплениями, что он стал неприступным, украсил его улицами и другими постройками; таким образом, и по красоте, и по величине он сделал его теперь одним из самых замечательных городов»¹.

В приведенных словах Прокопия, с одной стороны, мы имеем конкретное и детальное перечисление того, что было выстроено и, возможно, даже отремонтировано Юстинианом в Западной Грузии, причем в этом перечислении называются также пункты (Лосорион, Петра, Севастополь), в которых велось юстиниановское строительство; с другой же стороны, у Прокопия имеется и весьма общее указание об укреплении Юстинианом в Лазике «всех ущелий». Это указание носит настолько неясный характер, что в цитированном здесь переводе появилось слово «стены», которыми были якобы укреплены упомянутые ущелья. Однако в греческом оригинале «стены» в данном случае совсем не упоминаются — речь идет только об укреплении ущелий вообще (*καὶ τοὺς ἐν τῇ χώρα στενωποὺς ἐτεχίσათο*), что и отражено в других известных нам переводах «Построек»². Добавление же слова «стены» еще больше запутывало смысл и без того неясного разбираемого указания Прокопия, так как под «стенами» уже определенно приходится подразумевать монументальные фортификационные соору-

¹ Прокопий. О постройках, III, 7. Перев. С. П. Кондратьева. — ВДИ, 1939, № 4.

² С. Г. Каухчишвили. *Georgica* (сведения византийских писателей о Грузии), т. II. Тбилиси, 1965, стр. 220 (на груз. яз. с параллельным греческим текстом); *Procopius with an english translation* by H. B. Dewing, vol. VII. London, 1954, p. 213.

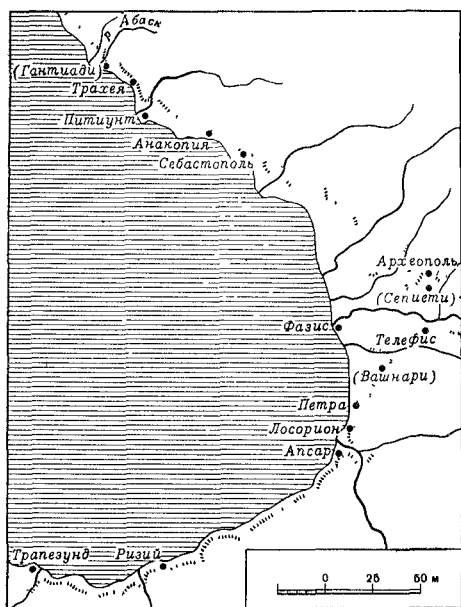

Рис. 1. Восточное Причерноморье в раннее средневековье

жения типа «длинных стен», или крепостей, или даже городских укреплений.

Данные «Построск» о юстиниановском строительстве в Западной Грузии, к счастью, контролируются указаниями других письменных источников. Так, в частности, смысл «укрепления ущелий» может быть, нам кажется, уточнен описанием фортификационных мероприятий, проведенных византийцами по укреплению стратегически, несомненно, самого важного для них в Лазике «ущелья», которое должны были миновать персы, двигавшиеся к Петре и Фазису слева от реки Риони. Речь идет о Телефисе (рис. 1)³, где, судя по детальным и неоднократным указаниям Агафия, византийцы «преграждали (περίεφραττον) бревнами и камнем» проход по мере приближения персов к Телефису, а затем и во время осады ими прохода⁴. Следовательно, в данном случае

может идти речь только о постройке временных фортификационных сооружений в виде частоколов, засек, завалов, валов, рвов, походных укрепленных лагерей и т. д.

Именно этим обстоятельством, т. е. немонументальным характером указанных фортификационных сооружений, и объясняется, по-видимому, упоминание Прокопием в одной фразе всех «укрепленных ущелий», обобщенное сообщение о которых здесь находится в явном контрасте с детальным перечислением пунктов и построек, действительно имевших отношение к монументальному строительству Юстиниана в Западной Грузии. Мы увидим, что в Западной Грузии все те монументальные сооружения Юстиниана, о которых у Прокопия имеются конкретные и детальные сведения, расположены были исключительно на побережье, как и все, впрочем, здесь ипоземные монументальные постройки — сперва греческие, затем римские⁵, а после византийских — генуэзские и турецкие. Если бы Юстиниан выстроил в «ущельях» что-либо более грандиозное, чем временные фортификационные сооружения, то, нам кажется, в письменных источниках об этом имелись бы более подробные сведения, какие имеются, например, в отношении крепости Лосориона — очень незначительного (всего 20 × 20 м) укрепления.

Местонахождение этого Лосориона долго не могли установить, Ф. И. Успенский, например, высказывал мнение, что Лосорион — Λοσόριον — является искаженным названием Ἀψαριον, т. е. Апсара⁶, однако С. Г. Ка-

³ О локализации Телефиса см.: С. Г. Каучишвили. *Georgica*, т. III, стр. 341 сл. Все остальные пункты Грузии, упоминаемые в настоящей статье, также фигурируют на рис. 1.

⁴ Агафий. О царствовании Юстиниана, II, 19, 20 (см. С. Г. Каучишвили, *Georgica*, т. III и перев. М. В. Левченко. М.—Л., 1953).

⁵ О римских сооружениях Западной Грузии см. В. А. Левинадзе. Понтийский лимес. — ВДИ, 1969, № 2.

⁶ Ф. И. Успенский. Старинная крепость на устье Чороха. — «Известия имп. Академии наук», VI серия, 1917, стр. 166.

ухчишвили доказал, что Апсар и Лосорион — не одно и то же и что последний пункт нужно сопоставить с крепостью Лисирис — *Λίσυρις*, упомянутой XXVIII юстиниановской новеллой, перечисляющей все лазские города и крепости. Дважды и в разных источниках наименование Апсара, разумеется, не могло быть так сильно искажено⁷. Кроме того, Апсар вообще не мог быть построен Юстинианом; он мог быть им, в крайнем случае, лишь восстановлен. Прокопий же, обычно не упускавший подобных нюансов при определении строительной деятельности Юстиниана, прямо говорит, что Лосорион был им выстроен.

Судя по XXVIII юстиниановской новелле, Лисирис был захвачен персами, а затем возвращен византийцами⁸. Это указание, как отмечает С. Г. Каухчишвили, говорит о том, что Лосорион нужно искать в Лазике, где-то в районе военных действий византийцев и персов. Однако С. Г. Каухчишвили предполагает, что эта крепость могла находиться у восточных границ Лазики или же в центре ее⁹, т. е. вдали от берега моря. Н. В. Хоштария же считала, что Лосорион занимал территорию современного пункта Носири, также находящегося в центре страны¹⁰. Наконец, Ю. Н. Вороновым высказывалось предположение, что Лосорионом может оказаться крепость в Герзеулах¹¹.

При локализации Лосориона пужно, конечно, в первую очередь исходить из того, что он фигурирует среди тех пунктов, по поводу которых сам Прокопий пишет: «Я дошел в своем рассказе до указаний, что было создано нашим императором по берегу Эвксинского Понта»¹². Следовательно, Лосорион, скорее всего, нужно искать на побережье¹³. Мало того, строительство Юстиниана в этом районе описывается в «периплообразном» порядке — сперва идет речь о строительстве в Трапезунте, затем в Ризии, потом в Лосорионе, Петре, Севастополе, Боспоре, Херсонесе и в Анхиале, во Фракии. Таким образом, Лосорион должен находиться где-то между Ризием и Петрой. Исходя же из указания Прокопия о том, что Лосорион расположен в Лазике, которая, по Безымянному автору, находилась к северу от Апсара¹⁴, район поисков Лосориона можно совсем сократить, ограничив его побережьем между Апсаром и Петрой.

Именно с этим районом, т. е. с южным побережьем Колхиды, и были связаны в VI в. основные стратегические интересы Византии, ради которых были покинуты на время и разрушены унаследованные от римлян крепости — Питиунт и Севастополь, препятствовавшие лишь проникновению в Византию племен Предкавказья. Новые же стратегические задачи византийцев в Колхиде были определены тем, что основной их противник — сасанидский Иран — окончательно закрепился в 523 г. в Восточной Грузии и получил, таким образом, возможность вторгаться теперь в пределы Византии через Восточную Грузию в Лазику, а затем в Южное Причерноморье. Эта возможность довольно ярко отображена Прокопием в следующих словах: «Обладание Лазикой будет персам полезно в том отношении, что они из этой страны без всякого труда будут в состоянии напасть сухим путем и морем на лежащие при Понте Эвксинском места, покорить Каппадокию и соседственные с нею Галатию и Вифинию и быст-

⁷ С. Г. Каухчишвили. *Georgica*, т. II, стр. 220, прим. 1.

⁸ *Corpus juris civilis*, III (novellae), nov. XXVII. Stuttgart, 1887.

⁹ С. Г. Каухчишвили. *Georgica*, т. II, стр. 220, прим. 1.

¹⁰ Н. В. Хоштария. Археологическое исследование Уреки. — «Материалы по археологии Грузии и Кавказа», т. 1. Тбилиси, 1955, стр. 60.

¹¹ Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1968, стр. 76.

¹² Прокопий. О постройках, III, 7.

¹³ В. А. Лежанидзе. Об одной византийской крепости. — «Сообщения Академии наук Груз.ССР», XLVII, № 2, 1967.

¹⁴ Безымянный автор. Обезд Эвксинского Понта, 48 (ВДИ, 1948, № 4).

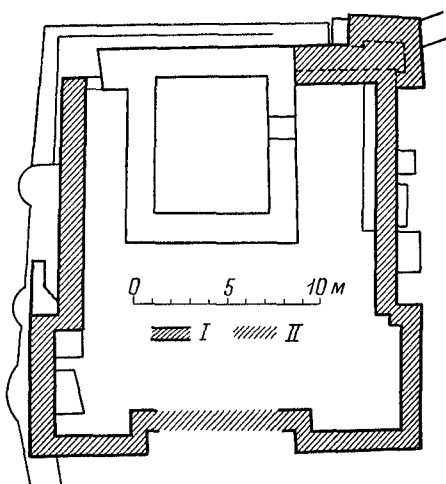

Рис. 2. План Лосориона:

I — раннесредневековые стены; II — реконструкция раннесредневековых стен

рым нашествием взять самую Византию, не встречая нигде сопротивления»¹⁵.

При таком положении дела византийцам пришлось сооружать в Восточном Причерноморье крепости, которые смогли бы сторожить путь из Лазики в Южное Причерноморье. Этот путь можно было контролировать там, где горы вплотную подходят к морю, т. е. опять-таки в южной части побережья Колхиды, где именно и развернули византийцы фортификационное строительство. Здесь были выстроены укрепления в Ризии и Петре. Здесь следует искать и Лосорион.

В северных окрестностях Батуми, т. е. как раз между Апсаром и Петрой, на вершине крутого холма, расположенного возле берега моря у устья

реки Королис-Цкали, находятся остатки крепости, именуемой Тамарис-Цихе или Батумис-Цихе (рис. 2). Единственное упоминание в печати этой крепости принадлежало Ю. М. Сихарулидзе, который писал о ней: «Ее древнейшим слоем должны быть стены, кладка которых выполнена по ватерпасу с применением обломков кирпича и хорошо отесанных камней, расположенных по углам. . . , этот слой сооружения по аналогии с византийскими крепостями (кладка ровными рядами с применением кирпича) мы можем датировать VI—VIII веками»¹⁶.

Тамарис-Цихе действительно оказалась многослойным памятником, основной строительный слой которого явно раннесредневекового происхождения, однако типичная ранневизантийская смешанная кладка, характеризующаяся систематическим чередованием каменных и кирпичных слоев, прослеживается в этой крепости лишь в одном небольшом отрезке стены. В основном же кладку раннесредневековых стен здесь характеризуют горизонтальные ряды плохо обработанных квадров и дикарей, обтесанных лишь с наружной стороны. Эти ряды выравниваются местами кирпичным и черепичным боем, среди которого часто попадает и камень-плитняк.

Самой же характерной чертой рассматриваемого памятника является его общая прямоугольная планировка. Такая форма плана здесь особенно бросается в глаза в связи с тем, что она совершенно не соответствует рельефу возвышенности. Если прямоугольная крепость, выстроенная на равнине, более или менее понятна, то сооружение такой крепости на возвышенности говорит только о стандартизации того крепостного строительства, одним из проявлений которого является описываемый памятник. Общая же прямоугольная планировка является характерной для римских и для ранневизантийских крепостей, примером чему могут служить кастеллы Северной Африки, выстроенные Юстинианом¹⁷.

Северо-восточный угол древнейшего слоя крепости сохранил одну небольшую массивную в нижней части угловую башню, верхнее помещение которой сообщалось с неприкрытым ходом по куртине, устроенным

¹⁵ Прокопий. Война с персами, II, 28. Перев. Сп. Дестуниса. СПб., 1880.

¹⁶ Ю. М. Сихарулидзе. Памятники материальной культуры Аджарии. Батуми, 1962, стр. 26 сл. (на груз. яз.).

¹⁷ Ch. Diehl. L'Afrique byzantine. Paris, 1896, pl. 23, 24, 27, 29 etc.

почему-то с наружной стороны. За этим же ходом возвышалась высокая и тонкая часть ограды. Характерными деталями крепости являлись два южных ее широких и слегка выдающихся угловых выступа самой ограды. Такие выступы известны нам уже только в византийских крепостях VI—X вв. (рис. 66)¹⁸. Интереснее же и важнее всего сопоставить в этом отношении Тамарис-Цихе с тем участком ограды, который Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьев обнаружили в Севастополе над остатками двух римских кастелл (см. рис. 6а), назвав эту ограду «стеной с двумя башнеобразными выступами по краям. . . , представлявшим собой как бы утолщение стены западного укрепления»¹⁹. Однако указанная ограда являлась, нам кажется, не утолщением, а остатками вполне самостоятельного укрепления — уже третьего по счету в древнем Севастополе²⁰. Кладка «стены с выступами» в Севастополе представляет собой голыши, скрепленные известковым раствором. Встречается при этом в кладке и кирпич, который здесь, однако, также не образует правильных кирпичных поясов, характерных для смешанной кладки.

Стратиграфия всех трех кастелл Севастополиса убедительно говорит о том, что III кастелла, представленная «стеной с выступами», позднее I и II кастелл. К более позднему времени (к IV в.) относят «стену с выступами», т. е. III кастеллу, и Л. А. Шервашидзе с Л. Н. Соловьевым²¹. Местонахождение же трех кастелл на территории, занятой ныне морем, говорит о том, что в хронологическом отношении их отделяют друг от друга небольшие периоды.

Учитывая большое сходство Тамарис-Цихе с III кастеллой Севастополя и сведения о том, что и в Севастополе Юстиниан построил «укрепления», можно прийти, по-видимому, сразу к двум выводам:

1) расположенная в предполагаемом местонахождении Лосориона Тамарис-Цихе и есть Лосорион, выстроенный Юстинианом;

2) III кастелла Севастополиса также была построена Юстинианом.

Несоответствие также маленькой III кастеллы Севастополиса всему тому, что понастроил здесь, судя по Прокопию, Юстиниан, свидетельствует, по-видимому, о том, что мы имеем здесь дело не со всем городом, а лишь с его цитаделью.

Что же касается небольших размеров Лосориона, то, возможно, именно с этим связано отсутствие каких-либо упоминаний о нем у Прокопия при описании византийско-персидских войн в Лазике, тогда как о всех остальных крепостях страны он говорит неоднократно. Лосорион — Лисирис упоминается в письменных источниках лишь при описании строительной деятельности Юстиниана — в трактате «О постройках» и в XXVIII новелле Юстиниана, где перечисляются имеющиеся в Лазике города и крепости (причем эти города и крепости перечисляются уже не в периплообразном порядке, а, несомненно, по степени важности, которой, конечно, соответствовали и размеры города или крепости. Порядок этот здесь таков: Петра, Археополис, Родополис, Сканда, Сарапанис, Мухуриси и в конце Лисирис²², т. е. Лосорион. О размерах почти всех перечисленных городов и крепостей у нас есть возможность судить²³ — они гораздо больше Лосориона.

¹⁸ Ch. Diehl. Op. cit., pl. 23; P. Deschamps. Les chateaux des croises en Terre Sainte. Paris, 1934, pl. 6, 7.

¹⁹ Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Исследование древнего Севастополиса. — СА, 1960, № 3, стр. 172.

²⁰ В. А. Лекинадзе. Оборонительные сооружения Севастополиса. — СА, 1966, № 1, стр. 207.

²¹ Л. А. Шервашидзе, Л. Н. Соловьев. Указ. соч., стр. 177.

²² Corpus juris civilis, III, nov. XXVIII.

²³ С. Г. Каужичвили. Крепости византийской эпохи в Лазике (Приложение к Geographica, т. III, табл. I, IV, VIII и XII).

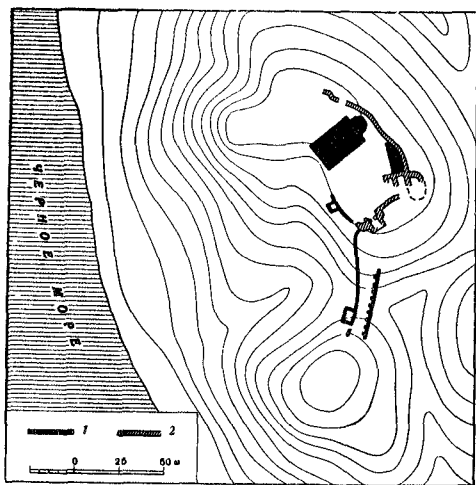

Рис. 3. План Петры:

I — раннесредневековые сооружения, II — сооружения эпохи развитого и позднего феодализма

тейхизмы, снабженной изнутри прямоугольными контрфорсами, перекрытыми арками. Подобная в принципе, но более усложненная система двух оборонительных стен была сооружена императором Феодосием II в Константинополе ²⁸, откуда она, возможно, и была скопирована строителями Петры.

Кроме указанной двойной стены, составляющей приблизительно 15% всего первоначального периметра городских стен, к раннесредневековому времени относится, по-видимому, еще фрагмент стены с прямоугольной башней, включенный в позднефеодалную крепость, которая была выстроена на месте раннесредневекового акрополя Петры, неоднократно упоминаемого Прокопием ²⁹.

О раннесредневековом происхождении указанных остатков укреплений можно судить в первую очередь по форме башен и по системе двойных стен. В самой же кладке этих остатков применен в основном грубо обработанный или совсем необработанный камень. Смешанная ранневизантийская кладка здесь видна только в южном конце одной из двойных стен, а именно в основной.

В 1961—1962 гг. на территории акрополя Петры Аджарским научно-исследовательским институтом АН Груз.ССР велись археологические раскопки, в результате которых были выявлены остатки двух раннесредневековых сооружений, несомненно относящихся к одному и тому же времени, ибо оба сооружения — пока еще не раскопанная до конца базилика и полностью раскопанная баня — входили в единый архитектурный ансамбль, окружавший с трех сторон небольшую треугольную площадь, в сторону которой были обращены входные двери обоих памятников (рис. 4 и 5).

²⁴ Прокопий. Война с персами, II, 15, 16, 29; *его же*. Война с готами, VIII, 2, 3.

²⁵ Впервые локализовал Петру в Цихисдзири Ф. Брун («Черноморье», II. Одесса, 1880, стр. 254).

²⁶ Фортификационные сооружения Петры рассматриваются и в кн.: К. Н. Мелитаури. Крепости дофеодалной и раннефеодалной Грузии. Тбилиси, 1972.

²⁷ Прокопий. Война с персами, II, 16.

²⁸ F. Krischen. Die Landmauer von Konstantinopel. Berlin, 1938, Abb. 4.

²⁹ Прокопий. Война с готами VIII, 11, 12.

Рис. 4. Остатки базилики и бани в Петре

Остатки бани уходят частично под более поздние крепостные стены, тем не менее совершенно ясно, что эта баня относится к возникшему в римскую эпоху обычному типу крепостных бань, характеризующему помещениями, расположенными в один ряд³⁰. Таких помещений здесь намечается пять. Четыре из них образуют, несомненно, обычные отделения римских бань: аподитерий, фригидарий, тепидарий и калдарий. Аподитерием (вестибюлем) бани являлось южное помещение, в котором только и имелся вход в баню. В отличие от всех остальных помещений калдарий (горячее отделение) имел изнутри в плане закругленные (абсидообразные) концы. В северной же его стене на уровне подполья сохранился проем, являющийся остатками топки. Одинаковая удаленность топки от обоих абсидообразных концов калдария свидетельствует о том, что

³⁰ E. Pfretzschner. Die Grundrissentwicklung der römischen Thermen, Strassburg, 1909, s. 36 f.; D. Krencker, E. Krüger. Die Trierer Kaiserthermen. Augsburg, 1929, S. 177.

описываемое помещение имело две ванны — по одной в каждой абсиде. Аналогичную форму и устройство имел, например, кальдарий бани в Нидербере³¹. К кальдарию бани с севера примыкала не только топка, но и топочное помещение, не сообщавшееся с самой баней. Проникнуть в него можно было только снаружи, о чем свидетельствуют остатки дверного проема в западной стене — такой же тонкой, как и у аподитерия. Последнее обстоятельство свидетельствует, по-видимому, о том, что крайние помещения бани — топочное и вестибюль — имели деревянное стропильное перекрытие; три же центральных помещения были перекрыты, вероятно, сводами.

Интересной деталью бани являются остатки портика, устроенного перед баней с западной стороны уже после ее сооружения. Остатки эти представлены рядом довольно мощных прямоугольных столбов и соответствующих им пилястров, пристроенных к стене бани снаружи. С одной стороны, портик, конечно, являлся укрытием от дождя и солнца на площади акрополя, однако, с другой стороны, он мог иметь и связанное непосредственно с баней назначение. Дело в том, что баня стоит на возвышенности, куда вряд ли можно было подвести воду, поэтому не исключено, что одним из источников водоснабжения бани являлись обильные в этом районе осадки, для которых кровли портика, бани и, возможно, даже соседней базилики являлись водосборными площадками.

Заканчивая описание бани, отметим, что по своему характеру она ничем не отличается от обычных позднеантичных бань, несмотря на раннесредневековое происхождение, устанавливающееся благодаря стратиграфической и композиционной связи с христианской базиликой.

Вывявленные в Петре развалины базилики представляют собой фактически остатки двух раннесредневековых храмов, причем абсида древнего храма была использована в более позднем. Стены позднего храма сохранились так плохо, что по ним пока вообще нельзя составить представления о переделанном виде памятника, в связи с чем речь здесь об этих стенах не идет и они соответственно не фигурируют на плане. Ясно только одно: поздний строительный слой не изменил самого типа базилики.

Древнейшая базилика Петры имела удлиненные пропорции, пятигранную абсиду, трехчастный нартекс и легкое деревянное перекрытие, устанавливающееся на основании незначительной толщины стен. Внутренние промежуточные опоры в базилике Петры не сохранились — здесь имеются лишь их фундаменты. При раскопках памятника колонны и капители не было обнаружено, поэтому имеются основания полагать, что в базилике Петры, как и во всех известных одновременных ей базиликах Западной Грузии, в качестве промежуточных опор применены были прямоугольные в сечении столбы. Все эти перечисленные особенности (за исключением применения столбов), как известно, характерны для эллинистических базилик.

Наиболее интересной особенностью рассматриваемого памятника является форма его пятигранной абсиды. Крайние грани ее сужаются наружу, в то время как у пятигранных абсид других эллинистических базилик крайние грани обычно параллельны³². Редкие же примеры сужения крайних граней в абсидах эллинистических базилик происходят из Малой Азии (базилика св. Феодора в Герасе)³³ или же объясняются влиянием малоазийской архитектуры (крымская базилика в Эски-Кермене)³⁴.

³¹ A. Grenier. Manuel d'archeologie gallo-romaine, IV, 1. Paris, 1960, pl. 182.

³² См., например, А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес. М.—Л., 1959, рис. 58, 67, 72, 75, 79, 82, 84 и 86; В. А. Лексинадзе. О некоторых сооружениях древнего Потиунта. — КСИИ, 113, 1968, рис. 11а.

³³ Gerasa. City of the Decapolis. New Haven, 1938, pl. XXXIII.

³⁴ Ф. И. Шмит. Эски-Керменская базилика. — ИГАИМК, XII, № 1—8, 1932, рис. 56, стр. 240.

Абсида базилики в Петре отличается, кроме того, подковообразной изнутри формой, что в базиликах эллинистического типа нам вообще пока не известно.

Обе отмеченные особенности абсиды в Петре считаются характерными для абсид «очень определенной области и определенного времени», а именно для доиконоборческой Каппадокии и для тех памятников, «которые имеют или могли иметь то или иное отношение к Каппадокии»³⁵. Однако и в Каппадокии, и в памятниках, имеющих к ней отношение (это, по-видимому, не только раннесредневековые, но и более поздние церкви Грузии, Армении, Крыма и Трапезунта), такие абсиды известны лишь в сводчатых и купольных церквях³⁶, а не в эллинистических базиликах, в связи с чем сочетание

эллинистических базилических форм с «каппадокийской» абсидой в рассматриваемом памятнике и составляет, вероятно, основную его особенность. Именно эта особенность заставляет видеть в базилике Петры отражение архитектур двух районов — прибрежного причерноморского, где были распространены базилики эллинистического типа, и внутреннего малоазиатского, причем связь с последним могла быть осуществлена в данном случае только через Понт, т. е. через область Трапезунта, где пока, к сожалению, не выявлены раннесредневековые памятники церковной архитектуры.

Говоря о роли Понта в связях Восточного Причерноморья с внутренними районами Малой Азии, следует отметить, что Восточное Причерноморье в IV и, видимо, в V—начале VI в. являлось в церковном отношении органической частью Понта, примыкавшего к Каппадокии с севера, ибо, судя по спискам участников Никейского собора, именно в состав Понтийской епархии входила в IV в. епископская кафедра Питиунта³⁷.

«Несоответствие» описанной абсиды общему эллинистическому облику всей базилики Петры подчеркивается, кроме того, и характером кладок памятника. Если абсида здесь сложена из крупных прекрасно отесанных блоков, характерных для кладок церквей внутренних районов Малой Азии и Восточного Закавказья, то остальные стены памятника выполнены из более мелких и грубо обработанных камней, с которыми чередовались в стенах кирпичные слои. Эта конструкция стен, т. е. смешанная кладка, являлась уже характерной для эллинистических базилик всего Причерноморья.

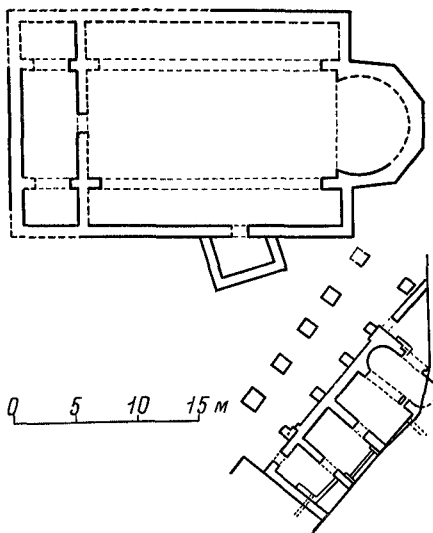

Рис. 5. Схематический план базили и базилики в Петре

³⁵ Ф. И. Шмит. Эски-Керменская базилика, стр. 236.

³⁶ См., например, Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Кахетии, т. 1. Тбилиси, 1959, стр. 191; А. Р. Кауца. Памятник архитектуры в долине Цкуара. Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967, табл. II; Н. М. Токарский. Архитектура Армении. Ереван, 1961, рис. 26; А. Л. Якобсон. Средневековый Крым. М.—Л., 1964, рис. 34; S. Ballance. The byzantine churches of Trabizond. — «Anatolian Studies», vol. X, 1960, fig. 6 и 23.

³⁷ А. Г. Гамкрелидзе, С. Г. Кауцхишвили. Georgica, т. I. Тбилиси, 1961, стр. 1 сл. В VII же веке, судя по Notitia episcopatum, епископские кафедры Западной Грузии были объединены в Лазскую епархию, подчинявшуюся непосредственно Константинопольскому патриархату (см. С. Г. Кауцхишвили. Georgica, т. IV, вып. 2, 1952, стр. 186 сл.).

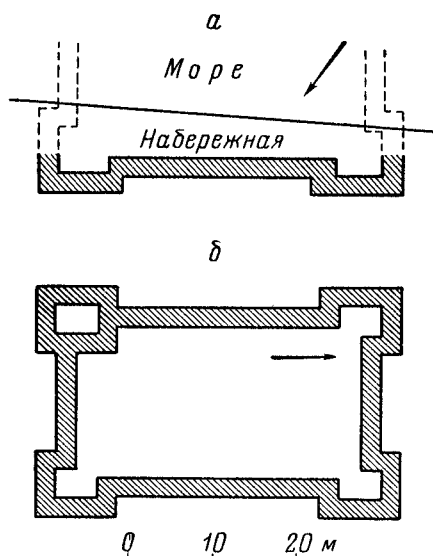

Рис. 6.

а) остатки юстиниановской кастеллы в Севастополе; б) одна из византийских кастелл в Палестине (по П. Дешану)

прямоугольных столбов было обусловлено, очевидно, отсутствием привоза мраморных деталей, поставлявшихся фактически всему христианскому миру из одного места — с острова Проконеса (Мраморное море) ⁴¹. Вполне возможно, что применение в эллинистических базиликах столбов вместо колонн может явиться в какой-то степени и хронологическим признаком, ибо известные нам такие базилики со столбами (но с полукруглыми или трехгранными абсидами) датируются VI и последующими веками. Примером этому служат базилики в Месемврии и Гиссаре (Болгария) ⁴², в Алакилисе (Ликия) ⁴³, Суводоле, Царицыном Граде (юго-западная базилика) и Радолите (Македония) ⁴⁴, в Партенитах, Планерском и Пампук-Кая (Крым) ⁴⁵. В VI в., кроме базилик со столбами, сооружались, конечно, и базилики с колоннами, однако отсутствие таковых в Западной Грузии говорит, по-видимому, о том, что базилики V в. здесь пока не обнаружены. Хронологическим признаком в эллинистических базиликах является, возможно, в какой-то степени и трехчастный алтарь, который встречается в VI в. наравне с одночастными алтарями, однако в более поздних базиликах он становится уже наиболее характерной деталью, выраженной тремя абсидами или же наличием пастофорий в боковых неффах ⁴⁶.

³⁸ W. Zas-Salozicky. Die byzantinische Baukunst in den Balkanländern. München, 1955, Taf. 1.

³⁹ А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 125 сл.

⁴⁰ В. А. Леканадзе. О некоторых сооружениях древнего Питиунта, рис. 11а; его же. Раннесредневековые памятники Варшавы. — СА, 1972, № 3, рис. 1.

⁴¹ А. Л. Яковсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 132.

⁴² Кр. Миятев. Архитектурата в средновековна България. София, 1965, рис. 4—5; А. Protitch. L'architecture religieuse Bulgare. Sofia, 1924, pl. 3.

⁴³ R. M. Harrison. Churches and chapels of Central Lycia. — «Anatolian Studies», vol. XIII, 1963, p. 129, fig. 3.

⁴⁴ R. F. Hoddinott. Early byzantine churches in Macedonia and Southern Serbia. London, 1963, fig. 128, 144, 159.

⁴⁵ А. Л. Яковсон. Средневековый Крым, рис. 11 и 16; его же. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. Л., 1970, рис. 77.

⁴⁶ См., например, А. Л. Яковсон. Средневековый Крым, рис. 11 и 16; его же. Раннесредневековые сельские поселения. . ., рис. 77; Кр. Миятев. Указ. соч., рис. 70, 73, 76, 82, 84, 86, 90.

В пределах известного нам круга раннесредневековых эллинистических базилик Причерноморья наряду с общими чертами наблюдаются, по-видимому, и некоторые локальные особенности. Например, абсиды западнопричерноморских базилик имеют в основном трехгранную форму ³⁸; в Северном Причерноморье базилики с пятигранными абсидами имеют в качестве промежуточных опор мраморные колонны ³⁹. В описываемой же базилике пятигранная абсида сочетается с предполагаемыми внутренними прямоугольными столбами, как это наблюдается в остальных раннесредневековых базиликах Западной Грузии — в Питиунтской и Вашнарской ⁴⁰. Такое сочетание указанных деталей в других базиликах нам неизвестно, поэтому его можно считать особенностью западногрузинских эллинистических базилик, несмотря на то, что наличие здесь пря-

Таким образом, базилика Петры отличается особенностями, характерными для памятников этого рода, строившихся именно в VI в.

Говоря о датировке описанных сооружений Петры, нужно исходить в первую очередь из того, что этот город, судя по неоднократным указаниям Прокопия и такого важного источника, как XXVIII юстиниановская новелла, был выстроен Юстинианом. Прокопий упоминает и подробно описывает в Петре лишь фортификационные сооружения, благодаря чему мы получаем самые надежные данные о времени сооружения здесь построек этого рода. С другой же стороны, Прокопий ничего не говорит о сооружении Юстинианом в Петре базилики, в то время как в Лазике он упоминает даже о том, что Юстиниан отремонтировал всего-навсего какую-то церковь. Поэтому может возникнуть вопрос, была ли вообще выстроена рассмотренная базилика при Юстиниане?

Упоминанием об этой базилике нужно считать указание «*Notitia episcopatum*» о существовании в Петре епископской кафедры⁴⁷, которой, разумеется, должен был соответствовать кафедральный храм. Именно этим кафедральным храмом и нужно считать рассмотренную базилику, чем и объясняются ее наибольшие размеры по отношению к другим ранне-средневековым базиликам Западной Грузии.

Конкретно взятые данные «*Notitia episcopatum*», освещающей положение в VII и последующих веках, очень важны с точки зрения установления значения рассматриваемой базилики. В сопоставлении же с другими данными упоминание в VII в. кафедры епископа в Петре, по-видимому, дает кое-что и для датировки рассматриваемого памятника. Этими «другими данными» нам представляется содержащееся у Прокопия в «Войне с готами» (т. е. в произведении, законченном в 554 г.) указание о том, что епископы лазов назначали священников независимым племенам, занимавшим участок побережья от Ризия до Апсара⁴⁸. Прилегание конкретно указанной территории к Петре и первое упоминание «лазских епископов» говорит, очевидно, о том, что еще до 554 г. священников для указанных племен назначали именно епископы, находившиеся в Петре. Следовательно, в 554 г. епископская кафедра в Петре уже давно должна была существовать, что в свою очередь свидетельствует о наличии здесь в то время рассматриваемой базилики, которая, таким образом, должна была быть здесь выстроена все-таки при Юстиниане.

Ввиду того что Петра оставалась епископской кафедрой вплоть до X в., описанная базилика дает известное представление о том, какими должны были быть остальные, невыявленные пока кафедральные соборы Западной Грузии в VI—IX вв. Вряд ли эти главные храмы страны, расположенные в Фазисе, Себастополесе, Зиганисе, Родополисе и Саисене, представляли собой более сложные и монументальные сооружения, чем анализируемая нами базилика. Кроме того, вряд ли в Западной Грузии в указанное время и в других пунктах вообще имелись более сложные и более монументальные церковные сооружения, чем в перечисленных.

В трактате «О постройках» Прокопий говорит также о перестройке Юстинианом у лазов какой-то церкви. Нам кажется, что это сведение нельзя отождествлять с тем указанием Прокопия о сооружении Юстинианом у абазгов храма, которое содержится у него в «Войне с готами», так как, несмотря на вассальную зависимость абазгов от лазов, у Прокопия понятие «Лазики» не распространяется на Абазгию. Кроме того, в одном случае речь идет о перестройке церкви, а в другом — о ее сооружении. Тем не менее весьма показателен тот факт, что в своем трактате Прокопий ничего не сообщает о сооружении Юстинианом храма для абазгов. Этот факт свидетельствует, видимо, о том, что сочинение «О постройках» не

⁴⁷ С. Г. Кауччишвили. *Georgica*, т. IV, вып. 2, стр. 186 сл.

⁴⁸ Прокопий. *Война с готами*, VIII, 2.

отличается большой скрупулезностью в смысле перечисления всего того, что было выстроено Юстинианом. Так или иначе, сведения о строительстве храма «для абазгов» более конкретны («При . . . Юстиниане все отношения у абазгов облеклись в более мягкие формы. Они приняли христианскую веру. . . Тогда же император Юстиниан воздвиг у абазгов храм богородицы и, назначив к ним священников, добился того, . . . , чтобы они приняли весь христианский образ жизни») ⁴⁹, поэтому на них мы и остановимся.

Вопрос о местонахождении храма, построенного Юстинианом для абазгов, уже давно интересует многих ученых. Н. П. Кондаков, например, считал, что этот храм был выстроен в Питиунте ⁵⁰; Ю. А. Кулаковский — что в Севастополе ⁵¹; З. В. Анчабадзе же высказал недавно мнение, что храм построили в Анакопии (совр. Новый Афон) ⁵².

Однако при локализации указанного храма нужно исходить в первую очередь из указания Прокопия о том, что Юстиниан построил храм именно для абазгов, а не для абазгов и апсиров, фигурирующих часто в древних источниках в составе Абазгии ⁵³ в связи с тем, что они были родственны абазгам и жили возле (южнее) них. Отсутствие в данном случае какого-либо отношения к указанному храму апсиров видно из того, что до сообщения о крещении абазгов Прокопий упоминает об апсилах как о христианах «уже с давних времен» ⁵⁴.

Затем, при локализации «храма для абазгов» нужно исходить из локализации самого племени абазгов (в узком смысле этого слова), которое, судя по Прокопию, жило к северу от Трахеи. По поводу же Трахеи Прокопий, в связи с рассказом о подавлении византийцами восстания абазгов, сообщает: «За пределами апсириев, при входе в пределы абазгов, есть. . . высокая гора. У подножья этой горы. . . абазги построили очень сильное укрепление. . . , здесь им всегда удавалось отражать нападение врагов. . . ; есть только одна дорога, ведущая в эту крепость и в остальную страну абазгов. . . , над этой дорогой тянется очень отвесная и грозная в своей суровости скала, идущая от крепости до самого моря. Это место и носит название, достойное этого отвесного обрыва: люди. . . называют его Трахеей. . . Когда они (византийцы. — *В. Л.*) подошли к Трахее и увидели над собой вооруженных абазгов, стоящих над этой дорогой. . . вдоль всего обрыва, они остановились. . . , не зная, как им выйти из настоящего положения. Наконец Иоанн. . . нашел средство. . . Оставив тут Улигага с половиной войска, он сам с остальными вновь сел на корабли. На веслах они обогнули место, где Трахея подходит к берегу, и тем самым оказались в тылу у неприятеля» ⁵⁵.

Трахея была локализована сперва в Гагре ⁵⁶, с чем и сейчас соглашаются большинство исследователей. Однако в последнее время высказываются мнения о том, что Трахеей являлась Анакопия ⁵⁷. Это противоречие в локализации Трахеи вызвано, по-видимому, противоречиями у самого Прокопия — то у него крепость находится под горой, то гора

⁴⁹ Прокопий. Война с готами, VIII, 3.

⁵⁰ И. Толстой, Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. IV. СПб., 1891, стр. 36.

⁵¹ Ю. Кулаковский. Где был построен имп. Юстинианом храм для абазгов? — «Археологические известия и заметки», т. V, № 2. М., 1897, стр. 33.

⁵² З. В. Анчабадзе. Из истории средневековой Абхазии. Сухуми, 1959, стр. 27.

⁵³ В «Notitia episcopatum», например, Севастополь является кафедрой архиепископа Абазгии, под которой здесь подразумеваются и Абазгия, и Апсилия.

⁵⁴ Прокопий. Война с готами, VIII, 2.

⁵⁵ Там же, VIII, 9.

⁵⁶ С. Джанашиа. Труды, т. 1. Тбилиси, 1949, стр. 71 (на груз. яз.).

⁵⁷ З. В. Анчабадзе. Указ. соч., стр. 9 сл.; М. М. Гунба. К вопросу о локализации крепости Трахеи. — «Труды Абхазского Института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа», т. XXXIII—XXXIV. Сухуми, 1963, стр. 159.

тянется от крепости до моря, как это действительно наблюдается в Анакопии⁵⁸. Однако и в Гагре, и в Анакопии дорога проходит по самому побережью, где и должна в действительности находиться крепость, ибо через нее, опять таки судя по Прокопию, проходила указанная дорога. Крепость же на самом побережье и упоминаемый Прокопием обрыв над дорогой имеются именно в Гагре⁵⁹, а не в Анакопии, где крепость удалена от моря на 2—3 км, а обрыв обращен в противоположную от дороги сторону.

Наиболее бесспорным указанием Прокопия является, разумеется, указание о том, что византийцам пришлось сесть на корабли, чтобы зайти в тыл защитникам Трахеи. У удаленной от моря Анакопии делать это не пришлось бы. В Гагре же указанный маневр был бы вполне целесообразным.

Таким образом, Трахеей в действительности являлась Гагра, к северу от которой и должны были жить абазги. К северу от Гагры, разумеется, нужно искать и храм, построенный Юстинианом для абазгов. Питиунт же, Себастополь и Анакопия расположены к югу от Гагры.

В 17 км к северу от Гагры, на самом берегу моря, в Гантиади, имеются развалины трехабсидной и трехнефной базилики, неоднократно упоминавшейся в литературе краеведческого и справочного характера (см. рис. 7, 8)⁶⁰. У базилики хорошо сохранились только центральная абсида с конхой и бэмой, западная стена центрального нефа, а также южная стена и аркада южного нефа. Своды базилики (за исключением свода бэмы) целиком обрушились, однако переходы от стен к сводам, а также щипец торцевой стены сохранились, и это дает возможность судить приблизительно о первоначальной высоте сводов во всех трех нефах — разница между высотой среднего и боковых нефов была незначительной.

В базилике были произведены переделки, выполненные той же кладкой, какая применена и в первоначальных стенах, в связи с чем по самому характеру кладки переделки здесь не устанавливаются. Этими переделками являлись: ликвидация нартекса, пристройка с запада притвора, а также, самое главное, сооружение сводов. В центральном нефе свод был сооружен с помощью пристройки здесь к первоначальным столбам новых — дополнительных — столбов. До высоты 3,5 м между первоначальными и пристроенными столбами осталась широкая щель; выше же — после перехода этих столбов в арки — кладка последних перевязывается с кладкой свода, так что поздние столбы являлись здесь фактически пилястрами, переходящими наверху в подпружные арки. Именно то, что кладка поздних столбов базилики перевязывается лишь со сводом, и говорит в первую очередь о его позднем происхождении.

Имеющаяся сейчас в базилике междунефная аркада очень низка, а в стенке над ней оказались включенными остатки древнего пилястра, что явно свидетельствует о первоначальной двухъярусности аркад, которой соответствовали первоначально и два этажа в боковых нефах. И сейчас еще стены второго этажа здесь утоньшены; полученный же в результате этого уступ служил упором деревянной междуэтажной перегородки боковых нефов до переделок в базилике, с которыми связана была здесь ликвидация хоров. Хоры эти были ликвидированы в результате сооруже-

⁵⁸ В. А. Леканадзе. По поводу Анакопийской крепости. — «Вестник Гос. музея Грузии», т. XXV-В. Тбилиси, 1968, рис. 1, стр. 90 сл.

⁵⁹ Ситуационный план Гагры см.: F. Dubois de Montpereux. Voyage au Caucase, Atlas, I. Paris, 1843, tab. XVIII.

⁶⁰ А. Н. Дзячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. — «Записки Кавказского отдела имп. Русского Географического об-ва», т. XXIV, № 1—3. Тифлис, 1904, стр. 31; И. Е. Адзизба. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми, 1958, стр. 9 сл.; В. П. Пачулия. По историческим местам Абхазии. Сухуми, 1958, стр. 90 сл. Публикацию же памятника см.: В. А. Леканадзе. Гантиадская базилика. — СА, 1970, № 3.

Рис. 7. Интерьер Гантиадской базилики

ния сводов, почти полностью занявших место арочных проемов во втором ярусе.

Такое же утоньшение стены с целью получения уступа, какое мы видели в боковых неффах, имеется в базилике и у ее западной стены — снаружи. Здесь этот уступ служил упором для деревянного перекрытия ликвидированного позднее нартекса.

Указанные признаки наличия деревянных перекрытий над первыми этажами боковых неффов и над нартексом дают нам основание считать, что первоначально вообще вся базилика (кроме абсиды и бэмы) была перекрыта деревянным стропильным перекрытием.

Наиболее бросающейся в глаза особенностью рассматриваемого памятника является укороченность его пропорций, выражающаяся в том, что ширина неффов здесь заметно преобладает над их длиной. Укороченные же пропорции в базиликах связаны, по-видимому, с отсутствием у таких базилик в продольных стенах центрального неффа окон или же вообще с отсутствием продольных выступающих стен у центральных неффов. Это явление прослеживается в укороченных сводчатых базиликах⁶¹. Среди укороченных же эллинистических базилик нам известен пока только один памятник, сохранившийся в такой степени, которая позволяет судить о том, выступал у него центральный неф над боковыми или нет. . . имел ли центральный неф в продольных стенах окна или нет. Этим памятником является базилика Студия в Константинополе⁶², у которой центральный неф выделялся над боковыми в такой незначительной степени, что здесь для окон не хватало места. Это обстоятельство, а также относительно большая высота боковых неффов Гантиадской базилики, обусловленная наличием у них хоров, позволяет предполагать, что в рассматриваемом памятнике центральный неф первоначально выступал над боковыми также очень незначительно и в его продольных стенах также

⁶¹ См., например, Сепиетскую базилику в Западной Грузии (В. А. Левкинадзе. Материалы по монументальному строительству в Лазике. — «Вестник Гос. музея Грузии», т. XXII-В. Тбилиси, 1961, рис. 16 и табл. Va).

⁶² Н. И. Брунов. Архитектура Византии. — ВИА, т. 3, Л.—М., 1966, рис. 15.

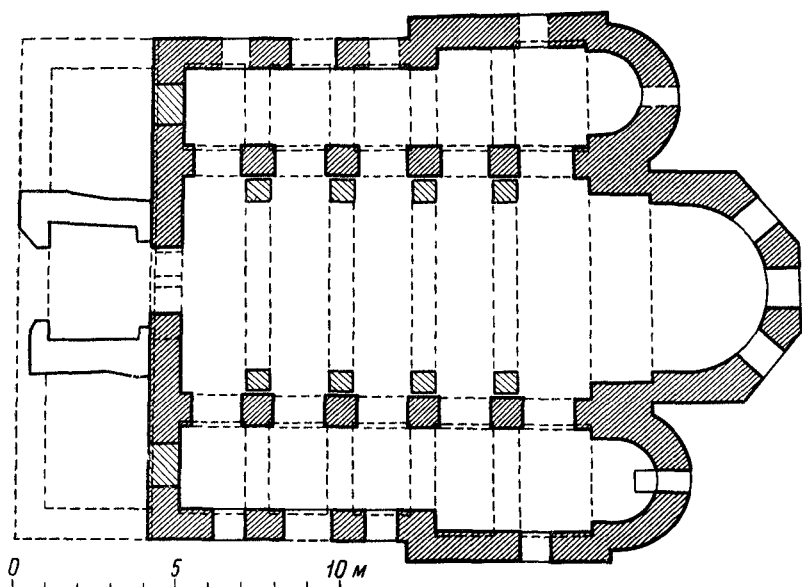

Рис. 8. План Гантиадской базилики

не было места для окон. Отсутствие здесь этих окон компенсировалось не только за счет укороченности базилики, но и за счет многочисленных больших окон в продольных стенах боковых нефов.

Центральная абсида Гантиадской базилики имела снаружи пятигранную форму, боковые же абсиды снаружи были полукруглыми. Аналогичные по форме и по сочетанию этих форм абсиды известны нам только в некоторых средневековых церквях Абхазии и Мингрелии (храм Симона Канонита в Новом Афоне, Мокви, Мсыгхуа, Цаленджиха и т. д.)⁶³, а также почти во всех средневековых церквях Трапезунта, где именно указанные абсиды считаются самой характерной чертой местной средневековой церковной архитектуры⁶⁴. Что же касается существования в Трапезунте церквей с указанными тремя абсидами в раннее средневековье, то об этом, к сожалению, пока ничего нельзя сказать ввиду абсолютной невыеявленности здесь памятников указанного времени. А между тем именно с раннесредневековой архитектурой Трапезунта и Понта интереснее всего было бы сравнить в первую очередь рассматриваемые памятники Западной Грузии не только в силу географической близости обоих районов, но и в силу того, что восточнопричерноморская церковь, как говорилось, в IV—начале VI в. входила в состав Понтийской епархии.

Известные нам пока только поздние — средневековые — аналогии для алтарной части Гантиадской базилики не могут противоречить ее раннесредневековому происхождению хотя бы потому, что все эти аналогии представляют собой купольные храмы, а не базилики, строившиеся в Западной Грузии лишь в раннесредневековую эпоху. Таким образом, в данном случае мы можем говорить лишь о многовековой архитектурной традиции в одном или двух соседних районах, причем эта традиция выразилась главным образом в форме центральной абсиды, ибо у раннесредневековых треабсидных базилик других районов центральные абсиды также

⁶³ П. С. Уварова. Христианские памятники. Абхазия. — МАК, т. IV. М., 1894, рис. 1; Г. Н. Чубинашвили. Архитектура Грузии. — ВИА, т. 3, рис. 26, 1; А. К. Кация. Указ. соч., табл. 1.

⁶⁴ S. Ballance. Op. cit., p. 167.

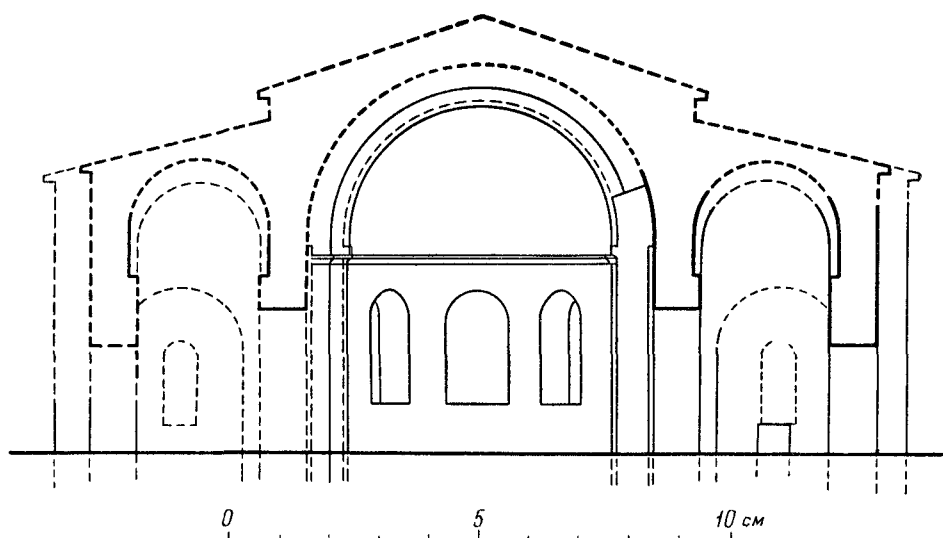

Рис. 9. Разрез Гантиадской базилики

имели именно такую форму (трехгранную или полукруглую), какая была там характерна и для одноабсидных базилик.

Другой характерной деталью рассматриваемого памятника является очень незначительное «трансептообразное» расширение во внешние стороны восточной предалтарной части у боковых нефов, с помощью которого здесь выделены, несомненно, пастофории. Такое же точно явление, т. е. расширение пастофорий, известно нам только в двух эллинистических базиликах, также снабженных, кстати сказать, бэмами и тремя абсидами: в построенной Юстинианом кафедральной базилике Царицыного Града (рис. 9)⁶⁵ и в большой базилике Плиски, которая была построена в IX в., но которую тем не менее считают копией базилик VI в.⁶⁶, так что и этот памятник в какой-то степени говорит о раннесредневековом происхождении интересующей нас детали. Мало того, сопоставляя Гантиадскую базилику с базиликами в Царицыном Граде и в Плиске, можно убедиться, что рассматриваемый памятник обнаруживает гораздо большее сходство именно с юстиниановской базиликой. Например, и там и здесь перед пастофориями нет тех помещений, которые имеются в Плиске; и там и здесь в пастофориях и в бэме отсутствуют ниши, имеющиеся в Плиске; и там и здесь пастофории имеют одинаковые пропорции, в то время как в Плиске они коротки.

Говоря об одинаковых пропорциях пастофорий в базиликах Царицыного Града и Гантиади, следует подчеркнуть, что в последней пастофории не были даже укорочены, несмотря на общую укороченность всего памятника, в то время как базилика Царицыного Града была вытянутой. В рассматриваемом памятнике пастофории занимают почти половину длины всего бокового нефа, в связи с чем, возможно, их здесь и не выделяли внутренними стенками, которые имеются обычно у пастофорий других базилик, в том числе и у базилик Царицыного Града и Плиски. Во всяком случае, в Гантиадской базилике пастофории явно выделялись из остальной части боковых нефов не только с помощью расширения, но и меньшим количеством проемов, что как бы скрывало интерьер пастофорий от постороннего взора, в то время как западная часть боковых

⁶⁵ VI. R. Petković. Les fouilles de Tsaritchin Grad. — «Cahiers archéologiques», vol. VIII, 1948, pl. 1.

⁶⁶ Кр. Миятев. Указ. соч., стр. 80, рис. 70.

нефов благодаря «обилию» окон и дверей производила в какой-то степени впечатление портиков.

Следует, наконец, отметить, что в обоих сравниваемых памятниках расширение пастофорий конструктивно не было оправдано. Это особенно бросается в глаза в Царицыном Граде, где жертвенник, совпадающий по своей ширине с боковым нефом, специально выделили утоньшением отрезка стены у этого нефа. Можно поэтому полагать, что указанное трансептообразное расширение пастофорий могло действительно появиться в обоих памятниках под влиянием чисто внешнего устройства латинских базилик с трансептами.

В Царицыном Граде, кроме упомянутой кафедральной базилики, Юстиниан выстроил и так называемую «юго-западную» базилику, которая также обнаруживает сходство с рассматриваемым памятником: она тоже имела укороченные пропорции и прямоугольные столбы в качестве промежуточных опор⁶⁷.

Следует, наконец, отметить еще одну редкую и интересную особенность Гантиадской базилики. Ее центральная абсида выдвинута вперед по отношению к боковым абсидам точно на расстояние длины бэмы. Эта особенность известна еще у двух базилик: у Эски-Керменской (Крым) и у дворцовой церкви в Плиске. Эски-Керменскую базилику не только датируют VI веком, но и связывают даже с юстиниановским строительством⁶⁸. Дворцовая же церковь в Плиске датируется IX в.⁶⁹ Сопоставляя алтарные части всех трех памятников, можно опять-таки убедиться в том, что Гантиадская базилика обнаруживает сходство в указанном отношении именно с раннесредневековой базиликой в Эски-Кермене.

Таким образом, и второстепенные, не бросающиеся в глаза особенности рассматриваемого памятника позволяют датировать его на основании архитектурного анализа VI веком. Мало того, имеются, по-видимому, основания говорить и об архитектурном сходстве Гантиадской базилики с памятниками, сооруженными именно Юстинианом. Это обстоятельство вместе с местонахождением рассматриваемого памятника на территории прокопиевской Абазгии, где неизвестно пока больше никаких других раннесредневековых церквей, позволяет нам считать его именно тем храмом, который был выстроен Юстинианом для абазгов.

Характерно, что окрестности Гантиадской базилики представляют собой сравнительно большую для указанного района долину, каковой мы не имеем, например, в Анакопии. В такой долине действительно могло быть сконцентрировано население древней Абазгии, так что именно здесь рациональнее всего было строить и храм, в связи с чем заслуживает упоминания удаленная от Гантиадской базилики всего на 6 км река Псоу,

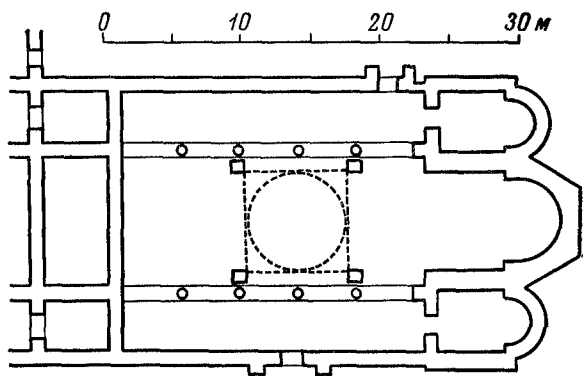

Рис. 10. Базилика в Царицыном Граде (по В. Петковичу)

⁶⁷ Б. Мано-Зиси. Нова базилика у Царичином Граду. — «Старинар», нов. сер., т. IX—X. Београд, 1959, стр. 295 сл., рис. 22.

⁶⁸ Ф. И. Шмит. Указ. соч., стр. 242; А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес, стр. 196 сл., рис. 99, 2.

⁶⁹ Кр. Миятев. Указ. соч., стр. 89, рис. 81.

отождествляемая с упоминаемой Аррианом рекой Абаск⁷⁰, название которой, разумеется, связано с названием самой Абазгии и ее местонахождением. Кроме того, на месте Гантиади или около него средневековые итальянские карты помещают также пункт Absasia⁷¹, с которым нужно отождествлять, по-видимому, «город Абхаз», упоминаемый в начале XV в. в арабской энциклопедии Шихабеддина Элькалькашанди⁷². Приведенные данные письменных источников говорят, таким образом, о том, что рассмотренный памятник находился в самом центре Абазгии. Для установления его юстиниановского происхождения это обстоятельство представляется нам даже более важным, чем определение границ Абазгии.

Как отмечал еще Ю. А. Кулаковский, Прокопий рассказывает о том, что на «двадцать первом году единодержавного правления императора Юстиниана», т. е. в 548 г., готы-тетракситы «прислали в Византию четырех послов, прося дать им кого-либо в епископы», ибо «они узнали . . ., что и абазгам император прислал священника»⁷³.

Из приведенного же выше сообщения Прокопия видно, что приезд в Абазгию священников и строительство здесь храма являлись одновременными мероприятиями, поэтому храм этот, т. е. Гантиадская базилика, должен был быть выстроен до 548 г. Однако нужно учесть и то, что в 542 г. византийцы бежали из этого района в Трапезунт, следовательно, после 542 г. им было не до строительства храмов в Абазгии. Указанные обстоятельства позволяют предполагать, что Гантиадская базилика, скорее всего, могла быть выстроена между 527 и 542 гг.

⁷⁰ Арриан. Перипл, 27. — ВДИ, 1948, № 1. Об отождествлении р. Псоу и р. Абаск см.: Ф. Брун. Указ. соч., II стр. 257.

⁷¹ Ф. Брун. Указ. соч., II, табл. III.

⁷² В. Тизенгаузен. Заметка Элькалькашанди о грузинах. — ЗВОРАО, т. 1, 1886, 1887, стр. 208.

⁷³ Прокопий. Война с готами, VIII, 4.

А. И. КОМЕЧ

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОМПОЗИЦИИ
СОФИЙСКОГО СОБОРА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Основой архитектурного языка греческой классики было понятие пластического. Это качество определяло и масштаб построек, и их очарование. Византийская архитектура вышла из тысячелетнего развития ордерной системы, но стоявшая перед ней задача создания интерьера христианского храма привела к возникновению неведомой ранее эстетической выразительности привычных форм. Это касается прежде всего ритма и тектоники. Ритм — переключка пластических объемов в античном зодчестве — заменяется движением криволинейных линий и плоскостей, которые внутри здания всегда вогнутые, полые, но никогда не выпуклые, не телесные. Красота мерного подъема колонн античного храма уступает место направлению тектонического развития сверху вниз. Купол, самая масштабная и совершенная форма, венчающая здание, становится безусловным центром композиции. Исчезает телесная наполненность античных архитектурных форм, вместо этого приходит понимание стен и сводов как гибкой, закрепляющей движение внутреннего пространства оболочки. Пластическая выразительность, столь свойственная активному, жизнеутверждающему характеру античного сенсуализма, больше не ценится. Красота новой архитектуры вызывает у человека состояние созерцания и рефлексии, как нельзя более отвечающее запросам христианского богослужения, чьей «основной задачей было не пробуждение, а подавление воли»¹.

Софийский собор в Константинополе является высшим воплощением подобных художественных устремлений (рис. 1). Ему посвящены многие восторженные описания. Композиция собора часто определяется как соединение базилики и купольной системы. С уверенностью можно сказать, что задача перекрытия гигантской базилики куполом на самом деле была поставлена перед зодчими. Новый храм стал на месте базилики Феодосия. Открытый раскопками портик последней и старое здание скевофилакиона позволяют говорить об их одинаковой ориентации и близких размерах. Идея базилики была старой, идея купола — новой. «Базиликальная пространственная структура кажется первичным образованием, в которое вторгается система опор купола»². Но при этом необходимо добавить, что София есть соединение базилики не только с куполом, но еще и с развитым типом центрического здания, прекрасный образец которого — церковь Сергия и Вакха — начал строиться здесь же, в Константинополе, лишь несколькими годами раньше. И если купольные базилики — типичное явление как раз для VI столетия, то композиционная

¹ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 1. М., 1948, стр. 33.

² Н. Kähler. Die Hagia Sophia. Berlin, 1967, S. 41.

структура Софии больше нигде не была повторена. Именно экседры придают такую пространственность интерьеру собора, но их устройство привело к своеобразнейшим комбинациям отдельных элементов, вызывающим недоумение исследователей и попытки их объяснения.

Все дело в том, что экседра, помимо своей основной вогнутой формы, как она воспринимается из подкупольного пространства, обладает еще и выпуклым абрисом — со стороны боковых нефов. Выпуклость внутренней структуры — явление абсолютно нехарактерное для византийской архитектуры. Но в постройках с внутренними экседрами выступ последних, как правило, загромождает пространство угловых помещений. Поскольку эта форма — не основная, то при небольших размерах храмов, когда этот выступ невелик, с ней можно без труда примириться. Примером может служить тот же храм Сергия и Вакха. Однако при колоссальности размеров, свойственных Софийскому собору, подобную форму нельзя было оставить без внимания.

Именно это обстоятельство породило в Софийском соборе странные полуарки, невероятные по форме своды, разномасштабность опор и колонн; здесь есть какая-то вынужденность решения. Были предположения, что эти места говорят о каких-то переменах в процессе строительства. Самую смелую гипотезу выдвинул В. Клайс³. Но она не нашла поддержки, и Г. Клеер сформулировал свои предположения гораздо осторожнее⁴. Однако обоих авторов интересовал первоначальный вид боковых нефов. Разгадка скорее кроется в особенностях построения центрального пространства и своеобразия соединения экседр с боковыми нефами.

Из описания Прокопия следует⁵, что строительство храма началось с воздвижения центральных столбов и арок. Идея купола была определяющей в формировании замысла. Купол с востока и запада опирается на полукупола экседр (см. рис. 2). Последние в свою очередь опираются на своды меньших экседр, которые по три примыкают с востока и запада. Выбранная система начинает сама по себе определять соразмерности форм. Ни диаметр, ни глубина полукуполов и экседр не могут быть значительно изменены. Если экседры разной ширины — пространства вимы и главного входа несколько шире остальных, — то это сделано намеренно, для выделения главной оси; поэтому своды над ними тоже поднимаются чуть выше остальных. Такое стремление характерно для IV—VI вв. Его мы видим в разбивке центра мавзолея св. Констанцы в Риме, а также в постройках VI в.⁶ Оно связано с глубоко традиционным для античного мира вторжением интуиции, в данном случае — художественной, в логические схемы, создаваемые разумом.

Особенностью Софийского собора является то, что границами между нефами в нем служат не трактуемые так или иначе перегородки, а настоящие пространственные зоны, создаваемые двумя рядами колонн (рис. 3). В средних помещениях боковых нефов эти зоны не нарушаются, но в углах в них вторгаются очертания экседр. Создается впечатление, что они являются специально задуманными элементами, дающими место для развития центрального сложного организма, без утеснения пространства боковых нефов (рис. 4). Взаимосвязь степени выступления экседр и глубины пространственных зон кажется очевидной, эти же зоны определяют ширину центральных опор.

³ W. Kleiss. Beobachtungen in der Hagia Sophia in Istanbul. — «Istanbuler Mitteilungen», 15, 1965, S. 168—185.

⁴ H. Kähler. Op. cit., S. 41.

⁵ Прокопий. О постройках. — ВДИ, 1939, № 4, стр. 203—283.

⁶ F. W. Deichmann. Frühchristliche Kirchen in Rom. Basel, 1948; P. A. Underwood. Some Principles of Measure of the Period of Justinien. — «Cahiers archéologiques», III, 1948, p. 64—74.

В такие же зоны превращена и внешняя граница боковых нефов. Создается удивительная игра пространственных отношений, которая имеет место лишь в этом памятнике, где границами пространства служат зоны пространства.

Исходя из размеров центрального пространства, мы получили общую длину всего здания. Для этого понадобились не какие-нибудь абстрактные числовые взаимоотношения величин, а лишь последовательное проведение избранного композиционного приема. Оказывается, что этим же определяется и общая ширина храма.

Для человека, находящегося в константинопольской Софии, четыремя точками, определяющими границы подкупольного помещения, являются точки, на плане здания соответствующие углам, образованным внутренними плоскостями центральных столбов и поверхностями примыкающих к ним экседр. Образующаяся форма не есть квадрат, это близкий к нему прямоугольник, чья длина больше его ширины на удвоенную глубину центральных арок (восточной и западной). Но эта же величина определяет разницу длины и ширины самого собора в целом (без апсиды). Следовательно, опоясывающие центральное ядро помещения имеют одинаковую ширину. И если мы нашли ее с запада и востока, то она будет такой же с севера и юга. План собора оказывается более подчиненным центрическому началу, нежели это можно было предположить.

Изложенное объяснение форм Софийского собора дает возможность проследить развитие архитектурного замысла как бы изнутри. Оно позволяет полнее и точнее, чем обычно, выявить основные композиционные идеи и то их соединение, которое определило неповторимость облика храма. Оно позволяет увидеть, каким образом сама грандиозность постройки, обычно приводящая к утяжелению опор и увеличению их объема, была использована двумя великими зодчими — Анфимием из Тралл и Исидором из Милета — для создания структуры, чья пространственность и легкость стали недостижимым идеалом, почти чудом в истории мировой архитектуры.

А. В. Б А Н К

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ОБРАЗЦЫ И МЕСТНЫЕ КОПИИ (по материалам прикладного искусства X—XII вв.*)

Безоговорочное отнесение к Византии многих произведений прикладного искусства на основании общности отдельных образов или орнаментальных элементов порой столь же неправильно, как и отрицание несомненного воздействия византийских образцов на те или иные памятники.

Если во многих случаях разграничение итальянских, грузинских, болгарских или русских произведений определяется языком надписи, то для других такой критерий не является безусловным: надпись порой отсутствует, а для многих религиозных образов греческие обозначения являются традиционными. Археологическое происхождение отдельных предметов, учитывая несложность их транспортировки, отнюдь не указывает на место изготовления. Каноничность иконографии определяла далеко не только собственно византийские памятники. Таким образом, при установлении принадлежности предмета Византии или культурно связанным с ней странам приходится исходить порой из трудноуловимых признаков, из иногда, казалось бы, незначительных деталей.

Исключительно интересно в этом плане сопоставление двух чудом сохранившихся до недавнего времени в Мартвильском монастыре в Грузии (ныне в Музее искусств Грузинской ССР, см. рис. 1—2) иконок Богоматери, типа Одигитрии. Определение одной из них, исполненной из позолоченной бронзы, в качестве византийского оригинала, а другой — золотой — как грузинской копии тщательно аргументировано Г. Н. Чубинашвили¹. Наиболее вероятной датой следует считать первую половину XI в. Не соглашаясь с оценками автора, настаивающего на художественном превосходстве копии над прототипом (очевидно, привезенным из Константинополя), хочу подчеркнуть различия между ними. Упрощение некоторых элементов на копии, а иной раз и непонимание отдельных деталей сопровождается в других случаях переосмыслением и включением присущих грузинскому искусству характерных черт. Достаточно сравнить трактовку волос младенца на обоих памятниках или передачу свисающего с руки богоматери орнаментированного плата, чтобы уловить эти различия. Своеобразие пластического исполнения, отступление от анатомического правдоподобия фигур, тенденция к перегрузке линиями складок,

* Некоторые вопросы, излагаемые здесь, были затронуты мною в докладе на XXII Международном конгрессе искусствоведов в Будапеште. См. *A. Bank. Les modèles de Constantinople et les copies locales (d'après les objets d'arts mineurs du Xe—XIIe ss.). — «Actes du XXIIe Congrès int. del' histoire de l'art. 1969». Budapest, 1972, p. 177—184.*

¹ На тесную связь обоих памятников некогда обратил внимание Д. П. Гордеев. Детальное исследование принадлежит Г. Н. Чубинашвили. См. *Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959, стр. 319—324; № 197—198, фото 62.*

приобретающих самостоятельный (не зависящий от положения фигур) ритм, любовь к заполнительному орнаменту характеризуют грузинский памятник.

Важно отметить, что бронзовый оригинал воспроизведен в золоте, что указывает на высокое почитание образца. Это подтверждает и наличие на территории Грузии второй (на этот раз бронзовой) копии, восходящей к тому же оригиналу (из Земо-крихи, ныне в Кутаисском музее)². Некоторые иконографические и стилистические черты дают основания для предположения, что он воспроизводит некий другой, не дошедший до нас экземпляр, скопированный, быть может, несколько позднее (рис. 3).

Рассмотренный пример указывает на то, что процесс сложения местных художественных центров применительно к малым формам искусства мог развиваться иначе, чем в сфере монументальной живописи. Здесь нет оснований обязательно предполагать наличие мастерской, возглавляемой приезжим руководителем, как реконструирует В. Н. Лазарев для артелей мозаичистов. Малые формы искусства, очевидно, не всегда нуждались для этого в передвижении мастеров, хотя пример насильственного переселения ткачей из Коринфа не исключает и такую возможность. Случай с воспроизведением почитавшейся византийской иконки наводит на мысль о простом копировании образца квалифицированным грузинским мастером, скорее всего работавшим в Мартвильском монастыре. Известную аналогию этому представляет копирование византийских иллюминированных рукописей в Константинополе грузинскими миниатюристами³. Подобным образом могли проникать отдельные византизирующие образы или орнаментальные элементы, обычно отчетливо различимые в огромной массе собственно грузинской чеканки.

Сходные факты и явления имели, видимо, место и в Древней Руси. Раскопки последних десятилетий убеждают в распространении на ее территориях художественных изделий из кости, среди которых имеются отдельные образцы, не то воспроизводящие византийские оригиналы, не то изготовленные на периферии Византии. Как правило, они резаны не по слоновой кости, а из кости домашних животных.

Среди них были обнаружены столь популярные в Константинополе пластинки с розеточным орнаментом, украшавшие ларцы⁴, но особенно интересна найденная Я. Г. Зверуго в 1965 г. в Волковыске (в слое примерно XII в.) пластинка с погрудными изображениями святых. Это часть триптиха, разделенная на три пояса: в верхнем представлен архангел, в среднем, вероятно, Петр, в нижнем юный святой, скорее всего — Георгий или Прокопий⁵. На оборотной стороне (см. рис. 4—5) — рельефный четырехконечный крест удлинненных пропорций с медальонами на перекрестии

² Г. Н. Чубинашвили. Грузинское чеканное искусство, стр. 324, табл. 49а.

³ Е. М. Мачавариани. Из истории культурных связей Грузии с Византией (К вопросу о взаимосвязи грузинских и греческих рукописей XII—XIII вв.). Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. искусствоведения. Тбилиси, 1964; III. Амиранашвили. История грузинского искусства. М., 1963, стр. 229—233.

⁴ А. Bank. Quelques monuments de l'art appliqué byzantin du IXe—XIIe ss. provenant de fouilles sur le territoire de l'URSS durant les dernières dizaines d'années. — «Actes du XIIe Congrès International des études byzantines, t. III. Beograd, 1964, p. 14, fig. 1; В. П. Даркевич. О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре. — Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 410—418. Видимо, такого рода пластинка была недавно найдена при раскопках в Смоленске.

⁵ Я. Г. Зверуго. Раскопки в Волковыске в 1966 г. — «Пленум Института археологии АН СССР в 1966 г. Секция славяно-русской археологии (тезисы докладов)», стр. 2—3; его же. Раскопки в Волковыске в 1965 г. — «Вопросы истории и археологии. Материалы I конференции молодых ученых по общественным наукам». Минск, 1966, стр. 326; его же. Костяная иконка из Волковыска. — «Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии». Минск, 1969, стр. 200—201; Г. Штыгов и П. Загаренко. Древние сокровища Белоруссии. Минск, 1971, № 24; А. Bank. Les modèles... , p. 183—184, fig. 44, 6—7.

и на концах. Не подлежит сомнению, что волковская створка воспроизводит часть византийского триптиха из слоновой кости. До нас дошла целая серия подобных памятников, в центральной части которых обычно изображены распятие или богородица, а на боковых створках погрудные изображения — архангелов вверху, Петра и Павла (или Иоанна Богослова и Иоанна Предтечи) в середине и юных святых внизу ⁶.

Сходство проявляется не только в общем принципе распределения изображений, в иконографических типах, но и в отдельных деталях. На ряде экземпляров совпадают форма и тип креста на оборотной стороне ⁷, одинаковы жесты персонажей, характерно положение правого крыла архангела, закинутого за голову и образующего род нимба, и т. д.

Вместе с тем волковская створка резко отличается от всех опубликованных образцов по манере исполнения. Разделительные пояски между полуфигурами упрощены, нимбы их пересекают; совсем иные приземистые пропорции с непомерно большими головами и руками, огрубленно исполнены лица, одежды, волосы. Обобщенно переданы складки одежд, схематичны глаза, носы, уши.

Бесспорно, перед нами провинциальное воспроизведение столичного образца, отличающееся большой выразительностью, но отступающее от классической законченности своих оригиналов. Трудно уверенно сказать, где мог быть изготовлен этот памятник: не исключено, что и на Руси, но едва ли в Волковске (хотя там и существовало костерезное производство). Что касается организации ремесла, то, скорее всего, и здесь, как при копировании грузинским мастером византийской иконки, мы имеем дело с работой по образцу. Сходные явления, очевидно, имели место и в области древнерусской торевтики, хотя там процесс протекал несколько сложнее. Традиция художественной обработки металла была менее древней, чем в Грузии. При этом едва ли случайно, что в убранстве светских предметов проявляются славянские и в известной мере ближневосточные традиции; что касается культовых памятников, то на них проникновение византийских черт сказывается не только в восприятии христианской иконографии, но и в использовании излюбленного византийского цветочного орнамента; например, на окладах икон Петра и Павла или так называемой Корсунской богородицы ⁸. Порой элементы такого орнамента даются в вольной интерпретации, как на известных кратирах из новгородской Софии ⁹, в сочетании с плетением или геометрическими несложными фигурами.

Интересно сопоставить форму ручек этих кратиров и их орнаментацию с византийскими памятниками; среди оправ каменных и стеклянных сосудов в сокровищнице Сан-Марко в Венеции имеются некоторые близкие примеры ¹⁰. Довольно близка, в частности, точно датированная (959—969) оправа каменного потира с надписью, упоминающей видного византийского деятеля Сисиния ¹¹. Ручки схожи по общему силуэту и основным составляющим элементам, но на византийском экземпляре

⁶ A. Goldschmidt und K. Weitzmann. Die byzantinischen Effenbeinskulpturen, Bd. II. Berlin, 1934, № 131, 153a, 182, 186, 189, 190; A. Bank. les modèles..., fig. 44, 8; 45, 9—10.

⁷ Ibid., № 53b, 31f, 155b, 182c etc.

⁸ Н. Е. Мнев и В. В. Филатов. Икона Петра и Павла Новгородского Софийского собора. — Сб. «Из истории русского и западноевропейского искусства». М., 1960, стр. 81—102, рис. на стр. 83, 93, 97, 99.

⁹ Г. Н. Бочаров. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, табл. 16—22; Н. В. Покровский. Софийская ризница в Новгороде. — «Труды XV археологического съезда». М., 1914, табл. III—V.

¹⁰ A. Pasini. Il tesoro di San Marco. Venezia, 1887, № 76, 78, tav. XXXIX, XL; Il tesoro di san Marco, II. Firenze, 1971, № 63, 83, tav. LII, LXVII, LXVIII.

¹¹ A. Pasini. Op. cit., № 85, tav. XLII; Marvin C. Ross. The Calice of Sisinius, the Grand Logothete. — «Greek, Roman and Byzantine Studies», vol. 2, Jan. 1959, № 1. Cambridge—Massachusetts, p. 5—10, pl. 1—2; Il tesoro..., II, N 57, tav. LII.

они строже и проще. Процесс нарастания «узорочья» на русских памятниках XII в. не менее очевиден, чем на грузинской копии, по сравнению с византийским прототипом. Грекофильские тенденции несомненны также на Большом и Малом сионах, в декоративное убранство которых входит и типично славянское сложное плетение¹².

Поскольку на Руси специальность мастера определялась тем, какого рода вещи он изготовлял¹³, различие в орнаментации светских и церковных памятников, возможно, объясняется различием имевшихся в их распоряжении образцов. Своеобразие определенной категории изделий обусловлено не только местом их производства, но и функциями. Для предметов церковного назначения естественно ожидать византийских прототипов. Думается, что и здесь, как в Грузии, нет необходимости предполагать приезд для этой цели византийских мастеров.

Весьма вероятно, что случай воспроизведения византийского образца мы имеем и в золотой ставровете (находящейся в Архангельском музее), недавно введенной в научный оборот¹⁴. Не только надписи, изначала сопровождавшие изображения, выдают ее русское происхождение. На него указывают и черты стиля: характерные приземистые пропорции, обобщенно исполненные одежды и лица, утрата ясности в понимании отдельных подробностей. При этом детали (например, в передаче императорских одежд Константина и Елены) воспроизведены с той степенью точности, которая заставляет предполагать прямое или вторичное воспроизведение византийского образца, а не далекий его отголосок. Достаточно сравнить эту маленькую ставроветку, датруемую XII в., с каменной иконкой¹⁵, представляющей тех же Константина и Елену, происходящей из слоя начала XIII в. (из раскопок Г. В. Штыхова в Полоцке)¹⁶: здесь переосмысление отдельных деталей заходит гораздо дальше. Например, корона Константина треугольной формы образует род забрала, составной частью которого оказываются непонятные пропендулии (столь отчетливо передаваемые на византийских памятниках минимальных размеров — таких, как монеты или моливдовулы). Характерна и тенденция к избылику украшений, в частности углубленных точек-жемчужин. Полоцкая иконка, вероятнее всего, изготовлена на месте, едва ли она сделана по образцу и скорее свидетельствует об отдаленном византийском прототипе.

Сложнее обстоит дело с некоторыми другими памятниками, вопрос о византийском или русском происхождении которых остается нерешенным. Таковы, в частности, так называемые Корсунские (некогда ошибочно считавшиеся Ситгунскими) врата в новгородском храме св. Софии. Г. Н. Бочаров считает их русскими, а его предшественники — византийскими¹⁶. И та и другая точки зрения имеют некоторые основания, и к окончательному заключению пока прийти трудно. Как известно, на территории Италии сохранилась целая серия бронзовых дверей, исполненных во второй половине XI в. в Константинополе по заказу местных деятелей¹⁷. Нов-

¹² Г. Н. Бочаров. Указ. соч., табл. 5—13; Н. В. Покровский. Указ. соч., табл. I—II. В настоящее время Малый сион находится на реставрации в ВЦНИЛКР. В ходе работ в значительно большей мере выявлена давно известная греческая надпись с упоминанием протопроедра. Ее расшифровка, возможно, прольет новый свет на этот памятник.

¹³ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 505—506.

¹⁴ А. Ф. Червяков. Ставроетка XII в. из Архангельского краеведческого музея. — ВВ, 31, 1971, стр. 188—193; В. Г. Пуцко. Новгородская ставроетка. — ВВ, XXX, 2, 1969, 241—245; В. П. (В. Пуцко). Ставроетка домонгольского времени. — «Декоративное искусство СССР», 1970, № 8.

¹⁵ «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 254—255; Г. В. Штыхов и П. Н. Захаренко. Указ. соч., № 19.

¹⁶ Ср. Г. Н. Бочаров. Указ. соч., стр. 36, табл. 33; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1897, стр. 33; вып. 6. СПб., 1899, стр. 112—113, рис. 132; А. С. Уваров. Двери бронзовые, византийские и русские. Сборник мелких трудов, т. I. М., 1916, табл. LXXXII, 126, стр. 64—65.

¹⁷ S. D'Agincourt. Histoire de l'art par les monuments, t. IV. Paris, 1823, pl. XIII—

городские врата имеют несомненные черты сходства с сохранившимися в Италии, но в некоторых отношениях от них отличаются. Принципиальным является распределение изображений на поверхности, ее дробление: на корсунских — шесть филенок выделяются на фоне широких полос, украшенных гравированным растительным орнаментом (подчеркнутом пунктирным фоном). Внутри каждой филенки шестиконечный процветший крест расположен между витыми колоннами под аркой. Двойные завитки у подножия креста украшены пятилепестковыми цветами. Византийские двери расчленены на значительно большее число филенок; растительный орнамент иногда встречается в качестве узкого обрамления, играя подчиненную роль. Кресты (в отличие от других изображений, обычно исполненных в технике инкрустации, также рельефные) имеются на подавляющем большинстве экземпляров, сохранившихся в Италии, но там они всегда четырехконечные, с кружками и слезками на концах, обычно на ступенях. Располагаются они не в арочках, но последние нередко обрамляют отдельные фигуры, представленные на тех же дверях. Иной характер носят растительные завитки, обычно не похожие на цветы. Лишь в *San Paolo fuori le mura* гравированные, а не накладные (как в других случаях) орнаментированные кресты заканчиваются внизу двойными завитками с трехлепестковыми цветами, несколько напоминающими новгородские врата¹⁸.

Следует ли из этого, что Корсунские врата — русские, даже принимая во внимание некоторые черты сходства с орнаментацией крестов на саркофаге Ярослава (вопрос о происхождении которого также не вполне ясен)¹⁹? Г. Н. Бочаров прав, сопоставляя кресты на Корсунских вратах с печатями новгородских посадников XII в.²⁰, точнее сказать — с одной из этих печатей, где изображен шестиконечный крест с двойными завитками, нижний ряд которых завершается пятилепестковыми цветами. Но следовало бы указать, что он не шестиконечный (с косой перекладиной внизу), а с другой стороны, что эта разновидность изображений встречается также на византийских моливдовулах (более раннего времени)²¹. Не берусь объяснить, почему, но на подавляющем большинстве византийских печатей изображены именно шестиконечные, а не четырехконечные (как на большинстве произведений прикладного искусства) процветшие кресты на ступенях. Растительные завитки на них, как правило, ближе к тем, что на «итальянских» дверях, но на нескольких образцах имеются вполне тождественные тем, что изображены на печати новгородского посадника без косой перекладины внизу, зато с косым перекрестием центральной части, типичным и для византийских монет)²².

Русские аналогии, приводимые Г. Н. Бочаровым для орнамента Корсунских врат, не слишком убедительны, но и в Византии мне неизвестны подобные орнаменты, как будто более близкие ближневосточному миру.

XX; А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 58—66, табл. LXIX—LXXXIII; L. Brehier. La sculpture et les arts mineurs byzantins. Paris, 1936, pl. XLVII; L. Bertaux. L'art dans l'Italie Méridionale. Paris, 1904, p. 401—429; E. Josi, V. Federici. La porta di San Paolo. Roma, 1967; B. F. Forlati, V. Federici. Le porte bizantine di San Marco. Venezia, 1969; M. Cagianò de Azevedo. La porte di Desiderio a Montecassino. — «Corso di cultura sull'arte Ravennate e Bizantina», 1967, p. 81—84; G. Matthiae. Le porte bronzee bizantine in Italia. Roma, 1971.

¹⁸ S. D'Agincourt. Op. cit., t. IV, pl. XIX—XX; E. Josi, V. Federici. Op. cit., таблица перед стр. 9.

¹⁹ «История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 193.

²⁰ Г. Н. Бочаров. Указ. соч., стр. 36; В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962, табл. 4, рис. 1—3; наиболее схож рис. 3.

²¹ Например, моливдовулы из собрания Государственного Эрмитажа, № М. 6092, 8119, 9188. См. V. Laurent. Le corpus des sceaux de l'empire byzantin, t. V. L'église. Paris, 1963, № 1108, pl. 140.

²² V. Laurent. Op. cit., № 1578, pl. 22.

До некоторой степени он перекликается с сицилийскими тканями²³. Нельзя, наконец, сбросить со счета и предание, говорящее о привозе дверей в Новгород то ли из Корсуни, то ли из другого центра. Словом, приходится пока оставить открытым вопрос о происхождении этого важного новгородского памятника.

Приведенные примеры воспроизведения византийских прототипов местными мастерами можно было бы значительно умножить. Я не останавливаюсь здесь на западноевропейских²⁴, в частности итальянских, памятниках, не говорю и о, возможно, местных подражаниях константинопольским образцам, исполненных на территориях, так или иначе входивших в состав Византийской империи, в частности в Херсонесе²⁵. Интересен вопрос об использовании византийских произведений прикладного искусства в качестве образцов для архитектурной декорировки в Древней Руси²⁶ или для алтарных преград в средневековой Грузии²⁷. Моей задачей было проиллюстрировать на нескольких примерах различные возможности использования византийских образцов, косвенно указывающих на организацию производства: непосредственное копирование оригинала, точное воспроизведение отдельных деталей, включенных в местную «авторскую» работу, творческая переработка и переосмысление образца. Дальнейшее тщательное изучение произведений различных видов прикладного искусства под этим углом зрения, возможно, позволит объективно решить вопрос о подлинной роли Византии в создании местных художественных центров.

²³ O. Falke. Kunstgeschichte der Siedenweberei. Berlin, 1921, Taf. 31, № 162.

²⁴ K. Weitzmann. Abendländische Kopien byzantinischen Rosettenkästen. — «Zeitschrift für Kunstgeschichte», Bd. III, 1937, S. 89—103.

²⁵ A. Bank. Les modèles de Constantinople. . . , p. 182, fig. 43, 4—5; eadem. Quelques problèmes des arts mineurs byzantins au XIe siècle. — «Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies». London, 1967, p. 236—237.

²⁶ В. П. Даркевич. Указ. соч., стр. 410—419.

²⁷ Р. О. Шмерлинг. Малые формы архитектуры средневековой Грузии. Тбилиси, 1962, стр. 141, табл. 36, 37, 42, 54 и др.

В. Н. ЗАЛЕССКАЯ

ОБ ОДНОМ УКРАШЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ МЕБЕЛИ*

Среди византийских памятников Эрмитажа находится несколько странный, на первый взгляд, предмет, поступивший из собрания А. Сырку-Болтенковой в 1909 г.¹

Предмет этот представляет собой выполненный в высоком рельефе бронзовый бюст юноши, голову которого обрамляют спадающие до плеч локоны, на шее — гривна с крестообразной подвеской, низ рельефа украшен бордюром из листьев, отходящих от отделанного рубчиком края (см. рис.). Обратная сторона вогнута, в центре имеется довольно большое прямоугольное углубление, на шее фигурки — массивное кольцо. Форма памятника, характер обработки поверхности и передачи черт лица указывают на стилистическую близость к гилям IV—V вв. в виде фигур императоров и императриц или мифологических персонажей². Внешнее сходство с гилями, а также наличие крестообразной подвески позволяют считать, что рассматриваемый предмет относится к ранневизантийскому времени. Однако необычная конструкция обратной стороны указывает на то, что в качестве гири бюст использоваться не мог.

Характер изображения (бюст, выступающий из растительного обрамления) и тип конструкции обратной стороны сближают данный памятник с бронзовыми накладными украшениями мебели I—III вв. н. э. Эти достаточно многочисленные предметы³ в виде бюстов богов Гермеса, Гелиоса, Диониса, обрамленных листьями аканфа, могли использоваться, по мнению издававших их авторов, для украшения тронов, носилок и столов. Сходство с этими бронзовыми украшениями позволяет предположить, что и наш памятник имел такое же назначение. Данное предположение может быть подкреплено некоторыми аналогиями византийского времени. Особенно примечательны в этом отношении известные серебряные фи-

* Доклад, прочитанный 10.III.1971 г. на заседании, посвященном 40-летию работы в Эрмитаже А. В. Банк.

¹ Инв. № 6194. Архив ГЭ, Оп. V₁, св. 125, д. 7.

² *A. de Ridder*. Collection de Clercq. Catalogue, III. Les bronzes. Paris, 1905, № 335, 651, 562; *M. C. Ross*. A byzantine bronze Weight. — *AJA*, vol. L, № 3, 1946, p. 368—369, Pl. XXIX; «News Reports. College Art Journal», v. XV, № 4, 1956, p. 365; *R. Noll*. Vom Altertum zum Mittelalter. Kunsthistorisches Museum. Wien, 1958, S. 14, Taf. VII; *M. C. Ross*. Catalogue of the byzantine and early mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection, vol. I. Washington, 1962, p. 60—63, Pl. XLII, № 70—72.

³ *M. Bieber*. Die Antiken Skulpturen und Bronzen des Königl. Museum Fredericianum in Cassel. Marburg, 1915, S. 81, Taf. XLIX, № 307, 309, 310, 313; *R. A. Neugebauer*. Bronzezeit des Altertums. Bilderhefte zur Kunst- und Kulturgeschichte des Altertums, H. II. Bielefeld und Leipzig, 1927, S. 4, Taf. 1, 4; *A. Hess und W. H. Schab*. Bedeutende Kunstwerke aus dem Nachlass Dr. Jacob Hirsch. Luzern, 1957, S. 22, № 50, Taf. 23; *И. Венедиктов*. Антични мобили в Тракия. — «Известия на археологическия институт», т. 24. София, 1961, стр. 221—233, рис. 8—9.

Бронзовый бюст юноши — украшение мебели.
Государственный Эрмитаж

гурки — олицетворение городов Рима, Константинополя, Антиохии, Александрии, хранящиеся в Британском музее ⁴. Два из названных предметов (Тюхе Рима и Тюхе Александрии) сохранили неповрежденной конструкцию крепления. С обратной стороны к этим фигуркам примыкает полый металлический брусок, в который мог входить конец шеста, дополнительно закреплявшийся отходявшей от бруска цепочкой ⁵. Эрмитажный памятник мог крепиться к шесту аналогичным образом: шест входил в полый брусок (на нашем предмете утраченный) и дополнительно закреплялся штырем на цепочке, отходявшей от кольца на шее.

По мнению О. М. Далтона ⁶, такие фигурки предназначались для украшения концов шеста, использовавшихся для транспортировки особого переносного кресла — *sedia gestatoria*, на котором совершался торжественный вынос вновь избранного консула.

В ряде письменных источников имеются сведения о процессиях консулов, которые позволяют развить предположение о назначении интересующего нас памятника. Вынос курульного кресла (*sella curulis*) был обычным для торжественной процессии по случаю избрания консула, но только в IV в. ⁷ появляется обычай нести консула, сидящего в курульном кресле,

⁴ O. M. Dalton. Catalogue of Early Christian Antiquities and Objects from the Cristian East in the British Museum. London, 1901, p. 74—75, Pl. XX, № 332—335.

⁵ O. M. Dalton. Op. cit., p. 75.

⁶ Ibid., p. 74.

⁷ C. Jullian. Processus consularis. — «Revue de philologie», t. VII. Paris. 1883, p. 156.

с помощью носилок. *Lectica consularis*⁸ (консульские носилки), упоминаемые Мамертином, очевидно, были приспособлением для выноса *sella curulis*. Данное приспособление состояло из шестов, подводимых под курульное кресло. В этом отношении особенно примечательно описание консульской процессии у Иоанна Лидийского: «πρὸς τοὺτοῖς καθέδρα (σέλλαν αὐτὴν ἐκεῖνοι καλοῦσιν) ἐξ ἐλέφαντος, ἐφ' ἣ, καθήμενον τὸν ὑπάτον οἱ πολῖται, σχίδακας ἐπιμήκεις ὑποβαλόντες, ἔφερον προϊόντα»⁹ — [«Кроме того, подложив длинные шесты, граждане несли, выставив вперед, кресло (которое они называют sella) из слоновой кости с восседавшим консулом»].

Наконец, из свидетельства Аполлинария Сидония¹⁰ можно сделать вывод, что такие шесты имели различные металлические украшения. Сидоний, описывая атрибуты консула, упоминает *eboratas curules et gestatorias bratteatas*, т. е. различает курульное кресло, украшенное слоновой костью (*eboratas*), и приспособление для его несения (*gestatorias*), декорированное металлом (*bratteata*)¹¹.

Сопоставляя данные различных письменных источников, Р. Дельбрюк утверждает, что приспособление для несения консульского кресла (*sedia gestatoria*) предназначалось только для разового использования, т. е. только для первого выноса консула, который в последующих процессиях участвовал, находясь на биге¹². Это обстоятельство чрезвычайно важно, так как объясняет съемную конструкцию крепления предмета. Приведенные данные позволяют заключить, что бронзовый бюст служил украшением мебели, предположительно украшением *sedia gestatoria*, как и вещи Британского музея.

Как выше было отмечено, на шее юноши имеется гривна, форма которой — крученный стержень и одна большая подвеска — напоминает форму гривен телохранителей императоров на изображениях IV—начала V в. Наиболее близкими аналогиями являются гривна оруженосца, представленного на керченском блюде с Констанцием II¹³, и гривны телохранителей на блюде с изображением Феодосия и его сыновей (Мадрид)¹⁴.

Названные аналогии указывают на предположительную дату памятника — IV—V вв. В пользу последней говорят и стилистические особенности. Форма и характер передачи прически имеют аналогии как среди портретов V в.¹⁵, так и в изображениях доброго пастыря IV—V вв.¹⁶ Способ передачи широко открытых глаз с высверленными зрачками и подчеркнуто расширенными веками, особенно нижними, применяется в портретах того же времени, мраморных¹⁷ и бронзовых¹⁸.

⁸ «Mamertinus gratiarum actio Juliano. Panegyrici latini», t. XII. Lipsiae, 1911, 30, 2.

⁹ *Ioannes Lydus. De magistratibus*. — CSHB, Bonnae, 1837, I, 32.

¹⁰ *Gai Sollii Apollinaris Sidonii epistulae et carmina*. — MGH, AA, vol. 8, VIII, 8.

¹¹ Термин «bratteatus» означает «быть украшенным металлическими украшениями» (см.: «Thesaurus linguae latinae», vol. II. Lipsiae, 1906, col. 2167).

¹² *R. Delbrueck. Die Consulardiptychen (Text)*. Berlin—Leipzig, 1929, S. 63—64.

¹³ *Л. А. Мацулевич. Серебряная чаша из Керчи*. Л., 1926, табл. 1; *А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза*. М.—Л., 1966, табл. 1.

¹⁴ *W. Volbach. Frühchristliche Kunst. Die Kunst der Spätantike in West und Ostrom*. München, 1958, Taf. 53.

¹⁵ *H. P. L'Orange. Studien zur Geschichte des spätantiken Porträts*. Oslo, 1933, S. 86—87, Taf. 220—221.

¹⁶ *V. H. Elbern. Neuerwerbungen für die frühchristlich-byzantinische Sammlung*. — «Berliner Museum, N. F., XIII. Jahrgang». Berlin, 1963, Abb. 1, 6, 9.

¹⁷ *H. P. L'Orange. Op. cit.*, S. 65.

¹⁸ *R. Delbrueck. Spätantike Kaiserporträts*. Berlin—Leipzig, 1933, Taf. 122, A—B; 123, C—D; *M. C. Ross. A byzantine bronze Weight*, Pl. XXIX; *R. Noll. Vom Altertum zum Mittelalter. Kunsthistorisches Museum*. Wien, 1958, S. 14, Taf. VII; *G. Davidson. Corinth. The minor objects*. Princeton, 1952, p. 212—213, Pl. 96, № 1638; *M. C. Ross. Catalogue...*, vol. I, Pl. XLII, № 70—72.

Отличие нашего памятника от портретных изображений на византийских гирих VI в., для которых характерны сильно стилизованные лица и в передаче одежды усилено декоративное начало ¹⁹, указывает на то, что он относится к более раннему времени и его следует датировать IV—V вв.

Вопрос о месте изготовления предмета достаточно сложен. Однако если учесть, что привлекавшиеся выше аналогии — фигурки из Британского музея и портреты V в. со сходной прической — происходят из западных областей империи ²⁰, а гири в виде мифологических персонажей, близкие стилистически к нашему памятнику, принято считать римскими ²¹, то наиболее вероятным было бы и наш памятник связывать с Римом.

¹⁹ O. M. Dalton. Op. cit., p. 98, № 485.

²⁰ O. M. Dalton. Op. cit., p. 61; H. P. L'Orange. Op. cit., S. 86—87.

²¹ M. C. Ross. A byzantine bronze Weight, p. 369; «The Middle Ages. Treasures from the Cloisters and the Metropolitan Museum of Art». Zürich, 1970, p. 46.

В. Д. ЛИХАЧЕВА

РЕЗНОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ОСАДЫ КОНСТАНТИНОПОЛЯ
В СОБРАНИИ ЭРМИТАЖА

Цель настоящей статьи — обратить внимание историков и искусствоведов на один из памятников византийской культуры, хранящийся в Эрмитаже, — резное изображение, помещенное на обороте иконы «Сшествие святого Духа на апостолов» (рис. 1). Вопрос о том, когда было создано это произведение, для чего предназначалось и что на нем изображено, до сих пор не решен.

Трудности при определении резного изображения, о котором пойдет речь, связаны с тем, что оно сохранилось не целиком. Мы располагаем только частью доски, причем небольшой. Кроме того, само изображение было когда-то стесано. По каким-то причинам его стремились уничтожить целиком. Сохранившиеся части не позволяют провести стилистического анализа. Последнее обстоятельство затрудняет датировку произведения.

Сложен вопрос с его определением и потому, что на доске представлена светская сцена. Памятников светского искусства Византии сохранилось до наших дней немного. Неизвестно, для чего предназначалась деревянная доска с изображением. Возможно, она оформляла дверные створки. О том, что представлено на доске, трудно судить и потому, что сцена передана крайне обобщенно и скорее носит символический характер.

Тем не менее именно эти трудности, и прежде всего отсутствие подобного рода памятников византийской культуры, заставляют обратить внимание специалистов на эрмитажное произведение и высказать предположение о том, что на нем было изображено.

Сама икона Государственного Эрмитажа «Сшествие святого Духа»¹, на обороте которой помещено интересующее нас изображение, написана на трех досках. Шов соединения двух больших кусков дерева проходит по вертикали иконы в левой части ее тыльной стороны. Третий кусок небольшого размера расположен в правом нижнем углу оборота иконы. На нем написан инвентарный номер Эрмитажа. На самой широкой из трех досок представлена вырезанная путем углубления фона сцена, определить значение которой до сих пор точно не удавалось. Часть нижней стороны окружающего ее бордюра, правое и верхнее поля обрезаны. Это произошло, очевидно, тогда, когда доску применили для иконы «Сшествие святого Духа». Тогда же было, очевидно, частично стесано изображение². Пред-

¹ Инвентарный номер Государственного Эрмитажа J 428. Икона происходит из собрания Н. П. Лихачева, которое в 1913 г. поступило в Русский музей, а оттуда частично в Эрмитаж. См. рукопись: «Список икон и предметов, составляющих собрание Лихачева, поступивших в Русский музей Александра III», отдел II, № 60. Номер музея 1701. Размер иконы 73,5×46,7 см.

² Рентгеновский анализ, проведенный в Эрмитаже Л. В. Сиверсковым, не обнаружил красочного слоя под слоем «Сшествие святого Духа», т. е. доска была применена для иконы впервые.

ставляется удивительным, что резное произведение было сознательно испорчено, а затем использовано как доска для иконы.

Что же представлено на доске? С моей точки зрения, изображение передает узкий залив Золотого Рога. Небольшими выступами резчик показал неровное очертание его южного берега. Северный берег Золотого Рога очерчен плавно изгибающейся линией. Золотой Рог и выход из него в Босфор заняты изображениями галер с длинными веслами. Галеры представлены на ортогональной плоскости моря. Галера в верхней части Золотого Рога повернулась носом к Константинополю так же, как и все суда, находящиеся в Босфоре, кроме последнего ряда, обратившегося в сторону Малой Азии. Галера у выхода из Золотого Рога представлена плывущей от города. На южном берегу Золотого Рога, там, где находились здания Константинополя, вырезано конное войско византийцев, вышедшее навстречу врагу и несущее штандарты. Перед войском — какие-то две пешие мужские фигуры.

Изображение галер, окруживших город с моря и повернувших носы в его сторону, указывает на то, что представлен момент осады Константинополя. Но какой? Несомненно, изображена одна из решительных битв за город.

На доске не могло быть запечатлено взятие Константинополя турками в 1453 г. Такое определение сцены, данное в документах инвентаризации Эрмитажа, отпадает уже потому, что часть галер представлена повернувшимися в сторону Малой Азии, что никак не могло быть в 1453 г. Очевидно, изображение на доске было вырезано задолго до написания на его обороте иконы. Прошел длительный срок после его создания, прежде чем оно стало ненужным, а возможно, и нежелательным. Тогда и решили использовать оборот доски для живописи, стесав выпуклые части. Судя по стилистическим особенностям иконы, это произошло в конце XV — середине XVI в.

Икона «Сшествие святого Духа»³ (рис. 2) по принципам строго построенной композиции, типам лиц апостолов, их жестам и позам, по колориту, который определяет обильное введение золота, формам архитектуры почти точно соответствует двум иконам на ту же тему художника Феофана Критского. Одна из этих икон была создана Феофаном в 1535 г. для католікона Лавры на Афоне, вторая — в 1559 г. для монастыря Ставреникиты⁴. Основная черта творчества происходившего с Крита художника — его приверженность к художественным и техническим принципам византийской живописи палеологовского периода⁵. Сходство эрмитажной иконы с произведениями Феофана Критского, созданными в середине XVI в., очевидно, по каким-то более ранним византийским образцам, позволяет датировать икону концом XV столетия или же серединой XVI, когда художники в завоеванной турками империи стремились как можно более точно следовать старым традициям⁶.

Обратимся к тыльной стороне иконы «Сшествие святого Духа на апостолов» собрания Эрмитажа. Определить время создания резного изображения позволяет орнамент бордюра. Он представляет собой цветы с широкими лепестками, заключенные в круги и соединенные между собой растительными побегам. Тип такого орнамента, распространенный в оформлении рукописей средневизантийского периода, в XII—XIII вв.

³ В. Д. Лихачева. Некоторые особенности перспективной системы византийской живописи и икона «Сшествие святого Духа на апостолов» Эрмитажа. — ПС, 23, 1971.

⁴ М. Chatzidakis. Recherches sur le peintre Théophane le crétois. — DOP, 24, 1970, pl. 42, 81. Опубликование произведений Феофана Критского позволяет уточнить датировку иконы, сделанную мною в статье в «Палестинском сборнике». Икона могла возникнуть ввиду традиционности искусства того времени и в середине XVI в.

⁵ Ibid., p. 343.

⁶ Ibid., p. 311.

характеризуется, как и в данном случае, утолщением образующих его линий ⁷.

Этому же периоду свойственно усиление натуралистического акцента при изображении растений ⁸ и стремление заполнить пространство орнаментом. Для заполнения свободного места в резном произведении Эрмитажа служит ветка, загнутая перед пешей фигурой там, где образовалось пространство между войском и морем. Итак, судя по орнаменту, резное изображение относится к XII или XIII в.

На доске могла быть представлена осада, происшедшая до XIII в. или в XIII в. Изображение судов, повернувшихся в сторону побережья Малой Азии, позволяет определить сюжет сцены, вырезанной на доске, и как осаду русскими города в 860 г., и как штурм Константинополя крестоносцами в 1204 г. Но суда русских в IX в. не входили в Золотой Рог, как изображено на доске.

Очевидно, перед нами — осада крестоносцами Константинополя в 1204 г. До начала 1204 г. и во время первого штурма латинян на престоле находилось два императора: Исаак II и Алексей IV. Они, видимо, и представлены во главе войска сдающими город врагу ⁹. Железная цепь, защищающая вход в Золотой Рог, уже разорвана крестоносцами и поэтому не изображена на доске.

Галеры, представленные на доске, относятся к типу так называемых *τὰ ὀγκρά* — судов для перевозки лошадей. Эти суда применялись крестоносцами во время осады. Находившиеся на них лошади, покрытые броней, участвовали в штурме города ¹⁰.

Один из кораблей, расположенных в нижней части Золотого Рога, повернулся носом от города. Вряд ли резчик, представивший осаду довольно условно, т. е. показав все корабли стоящими параллельно на одинаковом расстоянии друг от друга, только случайно изобразил один из них повернувшимся в обратную сторону. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами, выгодно отличающаяся своей правдивостью от рассказа Виллардуэна ¹¹ и «Истории» Никиты Хониата ¹², указывает, что один из кораблей крестоносцев во время штурма был прибит ветром к городской стене ¹³. Возможно, именно этот эпизод, значительный в истории осады, и представлен на доске.

Кто же резчик, выполнивший изображение взятия Константинополя врагами? Несомненно, что сцена была создана в период господства латинян, прославлению победы которых служило изображение. Вот почему на доске не показан греческий флот, защищающий город, а подчеркнут момент захвата Константинополя врагами. Этим объясняется и изображение дружественных латинянам императоров Алексея IV и Исаака II, а не враждебно настроенного к ним Алексея V, взшедшего на престол

⁷ M. Allison — Franz. Byzantine illuminated ornament. — «The Art Bulletin», 16, 1934, p. 59.

⁸ Ibid., p. 61.

⁹ Византийские императоры могли изображать себя победителями в битвах. Но произведений с этими сценами почти не сохранилось (А. Grabar. L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936, p. 39). Не сохранилось изображений сдающих город врагу императоров. Вряд ли их создавали византийские художники. Если же побежденных императоров представляли противники, то вполне могли их изобразить пешими перед войском.

¹⁰ К. 'Α. 'Αλεξάνδρου. 'Η θαλάσσια δύναμις εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας. 'Αθήναι, 1956, σελ. 380.

¹¹ A. Lagarde, L. Michard, Moyen âge. Les grands auteurs français du programme. Paris, 1962, p. 114—123.

¹² Никита Хониат. История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. — «Сборник документов по социально-экономической истории Византии». М., 1951.

¹³ Н. А. Меуерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 году. — ТОДРЛ, X, 1954, стр. 128; *его же*. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии. — ВВ, IX, 1956, стр. 178.

в последние дни борьбы. Возможно, в связи с этим стена, вырезанная в период Латинской империи, была стесана и почти уничтожена позднее.

Планов Константинополя византийского времени почти не сохранилось. Р. Жанен¹⁴ указывает на дошедшее до нас известие о том, что император Карл Великий завещал поместить в базилику святого Петра в Риме квадратную серебряную пластину с изображением Константинополя¹⁵. Но пластина эта до нас не дошла. Самый древний из сохранившихся до наших дней планов Константинополя, который упоминает Р. Жанен, представляет собой вид «с высоты птичьего полета» главных памятников столицы, созданный в 1422 г.¹⁶ Эрмитажное произведение Р. Жанену осталось неизвестным. Все это дает возможность говорить о большом значении для истории культуры Византии произведения из собрания Эрмитажа и делает необходимым введение его в научный оборот.

¹⁴ R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1950, p. XXIII.

¹⁵ B. Caroli Vita. — PL, t. 97, col. 60.

¹⁶ G. Gerola. Le vedute di Constantinopoli di Cristophoro Buondelmonti. — «Studi bizantini e neoellenici», 1934, III, p. 247—279.

М. Ф. МУРЬЯНОВ

ЭТЮДЫ К НЕРЕДИЦКИМ ФРЕСКАМ

1. ВЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

На закате античности Страшный суд, ожидавшийся после второго пришествия Христа и всеобщего воскресения мертвых, мыслился как грандиозная юридическая феерия, процессуально не менее совершенная, чем римское судопроизводство. Человеческим коррелятом грядущего божественного правосудия было детально разрабатывавшееся каноническое право, а эсхатологическая картина Страшного суда в долине Иосафатовой собиралась из разрозненных намеков, отыскиваемых в книгах Ветхого и Нового заветов. Наиболее полно это сделал сириец Ефрем (умер в 373 г.). Впоследствии византийские живописцы при работе над этой темой руководствовались именно его сочинениями, как бы иллюстрировали их¹. Переводы из Ефрема Сирина были популярны и в славянских землях².

Центральная часть живописной композиции Страшного суда (Христос-судья, по сторонам от него Иоанн Предтеча и богоматерь, как защитники рода человеческого, коллегия апостолов, по образу которой в XII в. учреждено жюри из 12 присяжных заседателей³, ангельская стража) дополнена в ряде случаев компонентом, не отмеченным в Библии и у Ефрема Сирина, — архангелом Михаилом с весами правосудия. В Страшном суде новгородской церкви Спаса в Нередицах, расписанной фресками в 1199 г., изображался Михаил с весами (рис. 1), что являлось единственным случаем в дошедшем до нас искусстве домонгольской Руси. После военных разрушений от фрески уцелел небольшой фрагмент весов, но из публикации 1925 г. видно, что архангел находился слева от гетимасии у подножья Христа⁴. Известно, что в Древней Руси изображения Страшного суда были распространены больше, чем в какой-либо другой стране⁵, но в полном виде сохранилась фреска еще только одного памятника, киевского Кирилловского монастыря. Его неоднократно подновлявшаяся роспись расчищена неполностью, известно лишь, что она лет на двадцать старше нередицкой⁶ и сцены с весами правосудия в ней нет⁷. О значении, которое впоследствии стали придавать этому компоненту, можно судить по тому, что есть пример, когда архангел с весами написан в центре

¹ B. Brenk. Studien zur Geschichte des Weltgerichtsbildes. Wien, 1966.

² D. Hemmerdinger-Iliadou. L'Ephrem grec et la littérature slave. — «Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines, 1961». Beograd, 1964, p. 343—346.

³ S. Riccio. Corte d'assise. Novissimo digesto italiano, t. 4. Torino, 1964, p. 918—919.

⁴ В. К. Мясоедов, Н. П. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы. Л., 1925, табл. 67.

⁵ В. Н. Лазарев. Фрески Старой Ладogi. М., 1960, стр. 53.

⁶ «История русского искусства», т. I, М., 1953, стр. 216.

⁷ A. Bouillet. Le Jugement dernier dans l'art aux douze premiers siècles. Paris, 1894, p. 27.

Страшного суда вместо Христа, Предтечи и богородицы⁸ — в капшадокийской церкви Карие Килиссе (1212 г.). Главной фигурой он является в «Страшном суде» Рогира ван Вейдена (1445—1451 гг.)⁹ и у Ганса Мемлинга (около 1471 г.)¹⁰, где он стоит в сверкающих латах.

Трибунал Страшного суда ничего для себя не выясняет, Христу-судье все известно заранее, а в руке каждого из присяжных апостолов находится книга с записью людских поступков, слов и тайных помыслов, отчего на суде «все станем назидать яко рождени, и власы на главах наших востанут»¹¹. Трибунал допросит епископов и пресвитеров об их собственных деяниях и о вверенной им пастве, затем отчитаются главы семейств, цари, князья и все прочие люди, от мала до велика — так у Ефрема Сирина. По богословской логике далеко не очевидно, что приговор, отправляющий человека на вечные времена в рай или ад — третьего не дано, — должен определяться не Христом-судьей, а физическим прибором, независимым показанием стрелки весов, причем демоны могут чинить препятствия правильному взвешиванию (рис. 2) или заодно пытаться перерезать подвеску праведной чаши, как это показано на картине Педро Эспаларгеса «Михаил с весами правосудия» Музея изобразительных искусств им. Пушкина в Москве, созданной на рубеже XV—XVI вв.¹² Этот способ судить появляется в дошедшей до нас иконографии Страшного суда как-то внезапно в середине XI в., практически одновременно в столь отдаленных друг от друга местах, что локализация исходного очага по этим памятникам не представляется возможной — Михаил-архангел с весами есть на миниатюре греческого Четвероевангелия парижской Национальной библиотеки Codex graecus 74, написанного предположительно в скриптории константинопольского Студийского монастыря¹³, в скандинавской скальдической поэзии¹⁴ и на фреске грузинского монастыря Удабно¹⁵.

Новгородская иконопись XV в. имеет пример, когда весы держатся не архангелом, а в руке божией¹⁶, то же самое есть в румынском памятнике — на воронецкой фреске середины XVI в.¹⁷ Здесь угадывается знание библейского рассказа о том, как был прерван нечестивый пир Вальтасара жутким зрелищем руки, выходящей на стене арамейскую надпись, объясненную Вальтасару пророком Даниилом:

Мене — исчислил Бог царство твое, и положил конец ему,

Текел — ты взвешен на весах, и найден очень легким,

Упарсин — разделено царство твое и дано мидянам и персам¹⁸.
(В ту же ночь Вальтасар, царь халдейский, был убит.)

Книга пророка Даниила составлена во II в. до н. э.¹⁹ Европейское средневековье усматривало в созвездии Весов, седьмом знаке Зодиака, космический образ весов, о которых говорил Даниил²⁰.

⁸ M. Restle. Byzantine wall painting in Asia Minor. Recklinghausen, 1967.

⁹ «Encyclopedia of world art», vol. XIV. Venezia—Roma, 1967, tav. 414.

¹⁰ W. Drost. Hans Memling, das Jüngste Gericht in der Marienkirche zu Danzig. Wien, 1941; A. Chastel. Le mythe de la Renaissance. Genève, 1969, p. 125.

¹¹ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, стр. 216, 456.

¹² «ГМИИ им. А. С. Пушкина. Западноевропейская живопись и скульптура», под ред. Б. Р. Виппера. М., 1966, № 7.

¹³ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. 2. М., 1947, табл. 125.

¹⁴ Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid, XI. Bd. Malmö, 1966, Sp. 619.

¹⁵ Byzanz und der christliche Osten, hg. von W. F. Volbach und J. Lafontaine-Dosogne. Berlin, 1968, Taf. 362.

¹⁶ В. И. Антонова, Н. Е. Мнев. Каталог древнерусской живописи Третьяковской галереи, т. I. М., 1963, табл. 72.

¹⁷ M. Musicescu, S. Ulea. Voroneț. Bucurest, 1969, pl. 49, 56.

¹⁸ O. Eissfeldt. Die Menetekel-Inschrift und ihre Deutung. — «Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft», 83. Bd. Giessen, 1951, S. 105—114; A. Alt. Zur Menetekel-Inschrift. — «Vetus Testamentum», t. 4. Leiden, 1954, S. 303—305.

¹⁹ M. Delcor. Le livre de Daniel. Thèse. Paris, 1970.

²⁰ A. Drews. Der Sternhimmel in der Dichtung und Religion. Jena, 1923.

Иудейская традиция не наделяет Михаила ролью взвешивателя, эта функция присуща другому иудейскому архангелу — Докиилу²¹. С другой стороны, доказана преемственность сложного образа иудейско-христианского архангела Михаила от эллинского Гермеса²², который в ряде памятников античной вазовой живописи изображен взвешивающим жребии Ахилла и Мемнона перед их поединком²³. Гермес, в свою очередь, по многим признакам квалифицируется как *interpretatio graeca* египетского бога Тота²⁴.

Египетские представления о загробной жизни исходили из того, что каждый умерший проходит индивидуальный суд, на котором перечисляет перед богами грехи, которые он не совершал (нужно сказать: я не грабил, не обманывал, не убил человека, не совершал поджогов, не бунтовал против правительств, не святотатствовал, не соблазнял чужих жен, не оставлял невозделанной землю и т. д.), после чего его сердце взвешивается на весах богами Тотом и Анубисом, по очень доброжелательной мере. Если сердце тяжелее птичьего пера — умершему уготовано вечное блаженство, если легче — подсудимого бросают в крокодилю пасть Аммета²⁵. Иллюстрации папирусных свитков, изображающие взвешивание сердец, относятся к XV в. до н. э.²⁶

Мандейско-парсийский миф рассказывает о движении души умершего в царство света, об очистительных адских наказаниях, претерпеваемых ею в промежуточных мирах, и о взвешивании — последней процедуре перед входом души в лучезарный мир света²⁷. Это древнее иранское верование было унаследовано гностиками, причастными к созданию христианской эсхатологии.

Из сказанного видно, что апокрифический образ Михаила-архангела с весами правосудия, отсутствовавший в христианской иконографии целое тысячелетие, вырос на поверхности, имея разветвленную корневую систему, уходящую на огромную глубину. Существует памятник византийского искусства, где связь между античностью и средневековьем является живой и зримой: художественное убранство собора св. Марии на острове Торчелло в венецианской лагуне (вторая половина XII в.), где амвон украшен рельефом, изображающим греческого бога меры Кероса с весами²⁸, а западная стена занята мозаикой Страшного суда с Михаилом, держащим весы правосудия²⁹. Варваризованную античность усматривают еще в одном итальянском памятнике живописи на эту тему — в мозаике на полу собора в Отранто, датируемой 60-ми годами XII в., где весы держит амуноподобный голый архангел³⁰. Самый факт помещения священного изображения на полу не укладывается в христианские обычаи, средневековый человек был очень щепетилен в отношении всего, что могло выглядеть как поправление святыни. В то же время знание антич-

²¹ Reallexikon für Antike und Christentum, 34. Lfg. Stuttgart, 1960, Sp. 210.

²² О. А. Добиаш-Рождественская. Культ св. Михаила в латинском средневековье. Пг., 1917.

²³ P. Zanker. Wandel der Hermesgestalt in der attischen Vasenmalerei. Bonn, 1965; C. van Essen. Psychostasia. — «Bulletin van de Vereeniging tot Bevordering der Kennis van de antieke Beschaving», t. 39. Leiden, 1964, p. 126—128.

²⁴ D. Wortmann. Kosmogonie und Nilflut. — «Bonner Jahrbücher des Rheinischen Landesmuseums», 166. Bd. Bonn, 1966, S. 62—112; L. Kákosy. Problems of the Thoth-Cult in Roman Egypt. — «Acta archaeologica Hungarica», t. 15. Budapest, 1963, p. 123—128.

²⁵ S. Morenz. Ägyptischer Totenglaube im Rahmen der Struktur ägyptischer Religion. — «Forschungen und Fortschritte», 41. Bd. Berlin, 1967, S. 48—54.

²⁶ P. Barguet. Le Livre des Morts des anciens Egyptiens. Paris, 1967.

²⁷ W. Brandt. Das Schicksal der Seele nach dem Tode nach mandäischen und parsischen Vorstellungen. Darmstadt, 1967.

²⁸ P. Perdrizet. Némésis. — «Bulletin de correspondance hellénique», t. 36. Paris, 1912, p. 264—266.

²⁹ G. Lorenzetti. Torcello. Venezia, 1939, p. 50.

³⁰ G. Gianfreda. La cattedrale di Otranto. Galatina, 1961.

ной культуры нередко расценивалось по достоинству, как признак образованности. Так, весы судьбы в руках Мойры употреблены как троп в языке раннехристианского писателя епископа Павлина Ноланского³¹. Из аналогичных наблюдений уже сделан закономерный вывод, что, «колеблясь между резким осуждением и отрицанием всего языческого мира и его художественного творчества во всех областях и попытками каким-то образом освоить и использовать его понятия и образы, средневековые писатели как бы остановились на полпути и создали множество произведений, в которых причудливо смешиваются, контаминируются и истолковываются античные сказания»³².

Действие, совершаемое Михаилом-архангелом, нередко называют взвешиванием душ, или психостасией. Это термин условный, так как понятие души, являющееся фундаментальной проблемой идеализма, толковалось на протяжении истории культуры по-разному³³. При библейском сотворении мира вылепленный из праха первый человек обрел душу «вдуновением» божьим, но что разумеется под «вдуновением», «понять нельзя»³⁴. По мнению киевского митрополита Никифора, современника Владимира Мономаха, «душа сидит в главе»³⁵, по другим представлениям, она находится в грудной клетке, откуда этимологическое родство слов «душа», «дыхание», «воздух». В «Слове о полку Игореве» на поле брани «веют душу от тела», т. е. повергаемые воины уподобляются тяжелому зерну, а их души — сдуваемой ветром почти невесомой мякине³⁶. В памятниках древней церковной литературы и иконографии душа представляется в образе маленькой человеческой фигурки, иногда с крыльями, имеющей портретное сходство с человеком, либо в виде женщины-оранты, независимо от пола человека, в котором она обретается; часто душа — это птица или белоснежная голубка, а в одном агиографическом документе — огненный шар, поднимающийся в небо³⁷: он легче воздуха, и положить его на чашу весов было бы невозможно.

Между тем, по Даниилу, праведнику требуется вес, превышающий некий весовой рубеж. Живописцы изображали весы правосудия в руке архангела таким образом, что они либо находятся в состоянии равновесия, ничем не нагруженные, либо чаша, предназначенная для праведника, опущена (распределение чаш соответствует поляризации композиций Страшного суда — одесную Христа располагаются праведники и рай, опущую — грешники и преисподняя). На миниатюре латинского евангелия Cod. Helmst. 65 Вольфенбюттельской библиотеки, написанного в Германии в 1194 г., на одной чаше весов находится палочка с зарубками грехов (Kerbholz), на другой — кубок с кровью Христа, пролитой во имя искупления³⁸. Положительный результат взвешивания вполне соответствует представлениям об архангеле Михаиле как о добром духе, осеняющем человека в трепетное мгновение перехода от жизни к смерти³⁹. Анонимная коптская гомилия на эсхатологическую тему в ленинградском

³¹ Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, t. 29. Wien, 1894, Epistula, XVI, 4.

³² М. Е. Грабарь-Пассек. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966, стр. 229.

³³ E. Brunner-Traut. Die Geburt der Idee von der Unsterblichkeit der Seele im Alten Ägypten. — «Universitas», 21, Bd. Stuttgart, 1966, S. 973—981; J. da Cruz Pontes. Le problème de l'origine de l'âme de la patristique à la solution thomiste. — «Recherches de théologie ancienne et médiévale», t. 31. Louvain, 1964, p. 175—229.

³⁴ «Православная богословская энциклопедия», т. 5. СПб., 1904, стр. 131.

³⁵ «История философии в СССР», т. I. М., 1968, стр. 95.

³⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о полку Игореве и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, стр. 162—164.

³⁷ Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie, t. I. Paris, 1903, col. 1470—1554.

³⁸ K. Künstle. Ikonographie der christlichen Kunst. Freiburg, 1928, S. 537.

³⁹ A. Recheis. Engel, Tod und Seelenreise. Rom, 1958.

списке X—XI вв. рассказывает, как Михаил заплачет после окончания Страшного суда, видя, что осужденных значительно больше, чем оправданных, сжалившийся судья разрешит архангелу выполнить «все свое желание», и Михаил радостно перенесет в ряды оправданных души «тех, которые грешили на земле и вместе с тем все же сделали немного добра»⁴⁰.

2. СИМВОЛЫ АДА

Нередицкий Страшный суд имел в своем составе необычную фреску, располагавшуюся по обе стороны от северного окна притвора, — пять квадратов, в каждом из них четыре схематично написанные человеческие головы, «маски, изображающие адские муки»⁴¹. Из опубликованной акварели Л. Браиловского выясняется колористический облик погибшей фрески: четыре квадрата были красными, а средний из левых — черным⁴². Эти «ящички-шаблоны»⁴³, публикуемые здесь по фотографии 1903 г. из архива Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (рис. 3), похожи друг на друга, что исключает возможность сюжетной интерпретации. Сравнение с шестью арками в правом нижнем углу константинопольской миниатюры (рис. 2) и с шестью прямоугольниками в том же углу мозаики Торчелло (рис. 4) подтверждает, что нередицкий живописец задался целью классифицировать адские пытки и при этом достиг высшей степени символизации в противоположность другой крайности — натуралистическому четырехэтажному аду в миниатюре «Сада радостей», написанного и иллюминированного около 1185 г. Геррадой Ландсбергской, аббатисой эльзасского монастыря Одиленбург⁴⁴ (рис. 5). Ее рукопись сгорела в Страсбурге в 1870 г., но успела оставить след — миниатюры Геррады изданы по хорошим копиям⁴⁵.

В конце прошлого века И. И. Толстой и Н. П. Кондаков, имевшие в своем распоряжении акварельные копии нередицких фресок, исполненные в середине XIX в. И. Мартыновым, указали на наличие надписей в обрамлении квадратов: «тьма кремешняя, смола, иней, скръжату зубомъ, мразъ и пр.»⁴⁶. Нередицкий альбом И. Мартынова, находившийся тогда в московском Историческом музее, сейчас там не числится⁴⁷; до его обнаружения недосказанное «и пр.» останется досадной помехой для исчерпывающего понимания фрески, однако и зафиксированная часть текста надписи позволяет раскрыть смысл символических образов фрески.

Библия не дает, в отличие от античной мифологии, каких-либо указаний насчет структуры преисподней и характера адских мук. По этому вопросу не существует и догматических определений, утвержденных решениями вселенских соборов. Однако глухие угрозы Христа сформулированы достаточно впечатляюще, чтобы привлекать к себе богословскую мысль: «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя. Лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Матф., XVIII, 9).

⁴⁰ А. И. Еланская. Неизданная коптская рукопись из собрания ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. — «Палестинский сборник», вып. 9. М.—Л., 1962, стр. 63.

⁴¹ В. К. Мясоедов, Н. П. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы, табл. 77, 1.

⁴² «Памятники древнерусского искусства», выд. 3. СПб., 1910, табл. 1.

⁴³ Н. В. Покровский. Очерки памятников христианского искусства и иконографии. СПб., 1910, стр. 253.

⁴⁴ X. Ohresser. La conception de l'enfer et de ses supplices chez l'abbesse Herrade de Landsberg, s. l., 1955.

⁴⁵ G. Camès. Allégories et symboles dans l'Hortus deliciarum. Leiden, 1971.

⁴⁶ И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 6. СПб., 1899, стр. 130, 143—145.

⁴⁷ Справка заведующей отделом древнерусской живописи музея Е. С. Овчинниковой (октябрь 1969 г.).

Ориген предложил понимать адский огонь как метафору⁴⁸, Василий Великий, Григорий Назианзин и Иоанн Златоуст придерживались буквального понимания, а блаженный Августин считал адский пламень физически существующим, но имеющим совсем иную природу, не как у огня земного⁴⁹. Проблема адских мук уделено внимание в иудейско-христианской апокрифической литературе⁵⁰. В итоге тысячелетняя христианская традиция не сумела развить эту тему в развернутую и законченную картину. Не случайно изображений ада в живописи до XI в. не встречается, хотя из некоторых памятников средневековой литературы можно сделать косвенный вывод, что в Палестине уже в VI в. существовали живописные изображения адских пыток⁵¹. Средневековые явилось инкубационным периодом, подготовившим грандиозный «Ад» Данте, новаторский в художественном и богословском отношении.

Создателям нередицкой фрески предшествовал только один писатель с таким же систематическим складом ума и вкусом к классификации — французский теолог Гонорий Отенский (Honorius Augustodunensis): его «Луцидарий» (около 1100 г.) содержит детальное описание ада. Гонорий насчитывает девять разновидностей адских казней:

Первая — огонь, который раз навсегда зажжен так, что если бы в него вошло все море, то он бы не погас. Его жар настолько же превосходит материальный огонь, насколько последний — нарисованный огонь, который пылает, но не светит. *Вторая казнь* — нестерпимый холод, о котором можно сказать, что если бы внутри него поместить огненную гору, то она обратилась бы в лед. Об этих двух казнях говорится: «там будет плач и скрежет зубов» (Матф., XXIV, 51), потому что дым вызывает слезы из глаз, а холод — стук зубов. *Третья* — бессмертные черви, или змеи и драконы, ужасные своим видом и шипением, которые живут в огне, как рыбы в воде. *Четвертая* — нестерпимый смрад. *Пятая* — бичи, секущие с такой силой, как молоты кузнецов. *Шестая* — мрак столь густой, что его можно потрогать руками. *Седьмая* — смятение грешников, потому что все грехи там открыты всем и скрыть их невозможно. *Восьмая* — ужасное зрелище демонов и драконов, видимых при мерцающем огне, и жалобные вопли плачущих и мятущихся. *Девятая* — огненные пути, сдавливающие все члены тела⁵².

«Луцидарий» Гонория имел большой литературный успех и на протяжении XII в. распространился во многих странах⁵³. Русский перевод, как полагают, выполнен в XVI в. в Пскове⁵⁴, что, конечно, не исключает и более раннего знакомства с этим памятником в Новгороде, игравшем роль связующего звена с западной культурой. Что же касается процитированного места из «Луцидария», то для его общеевропейской известности был дополнительный стимул — оно вошло к середине XII в. в одну из проповедей Бернарда Клервоского, основателя монашеского ордена цистерцианцев⁵⁵. В самой идее четко классифицированных физических пыток можно, как нам представляется, усматривать организующее влияние римского права, где пытка являлась частью системы отправления пра-

⁴⁸ О началах, II, 10, 4. В кн.: «Творения Оригена, учителя Александрийского», вып. 1. Казань, 1899.

⁴⁹ Aurelius Augustinus. De civitate Dei, lib. XX, 22; XXI, 9—10. — Corpus Christianorum, series latina, t. 48. Turnhout, 1955, p. 741, 774—776.

⁵⁰ E. Hennecke, W. Schneemelcher. Neutestamentliche Apokryphen in deutscher Übersetzung. 2. Bd. Apostolisches, Apokalypsen und Verwandtes. Tübingen, 1964.

⁵¹ B. Brenk. Op. cit.

⁵² Y. Lefèvre. L'Elucidarium et les Lucidaires. Contribution, par l'histoire d'un texte, à l'histoire des croyances religieuses en France au Moyen Age. Paris, 1955.

⁵³ Dictionnaire des lettres françaises. Le Moyen Age. Paris, 1964, p. 254—255.

⁵⁴ А. С. Архангельский. К истории древнерусского Луцидария. — «УЗ Казанского гос. университета», т. 74—76. Казань, 1897—1899.

⁵⁵ Bernhardus Clarevallensis. Sermo 42 de Diversis. — PL, t. 183, col. 664.

восудия⁵⁶. Разумеется, эти параллели отнюдь не исключают самостоятельности мышления древнерусских богословов и обязательного влияния византийской литературы и живописи.

Перейдем к разбору надписей передицких ящиков.

1. Тьма крошечная. Выражение взято из Библии (Матф., VIII, 22 и XXII, 13) и в переводе Евангелия на современный русский язык передается как тьма внешняя (кроме=вне) — по отношению к залитым светом ночным чертогам, где проходил брачный пир царского сына (Матф., XXII, 1—14). Заметим, что по своей этимологии «ад» < греч. *Ἅδης* связан с понятиями мрака, невидимости⁵⁷. В воображении средневековых канонистов рисовалась непостижимая для рационалистического ума «тьма без света, в ней ж огонь не угасая»⁵⁸.

2. Смол а. Подразумевается горящая смола, ср. апокриф «Хождение Богородично по мукам» по рукописи XII в., где архангел Михаил дает пояснения богородице, посетившей преисподнюю: «си река вся смольна, а вълны ея вся огньны» — в ней горят «жидове, иже мучина Господа нашего», те, кто принял крещение, но тайне остался язычником, блудившие с кумами, матерями и дочерьми, отравители, детоубийцы⁵⁹. Ср. также один из синонимов ада — пекло, семантически связанный как с действием *печь*, так и с веществом *пекълъ*, *пеколь* битум (в Исходе, II, 3 по списку XIV в.: «посмоли ковчег пеклом») ⁶⁰.

3. Иней. По данным И. И. Срезневского, не знавшего передицкой надписи, это слово встречается в древнерусских памятниках не ранее 1250 г.⁶¹ Наша надпись иная имеет значение не только как новая хронологическая веха, но и как дополнительный семантический нюанс, важный для будущего установления этимологии этого темного слова⁶². Очевидно, в данном случае подразумевается не иней в современном понимании, а жесточайший мороз, «студень зело лютая, в ню же бы аще ввергнути превеликую огненную гору, то абие лед имать быти», как сказано в «Луцидарии» Соловецкого монастыря⁶³. Заметим, что фреска помещена на «холодной», северной стене Спаса в Передицах, воронка дантовского ада тоже находится в северной части земного шара, которая, в соответствии с системой мира Аристотеля и Птолемея, рассматривается как пребывающая внизу, в противоположность южному, «более совершенному» полушарию⁶⁴.

На этом бесспорная часть надписей на ящиках передицкого «адского шкафа» исчерпывается. Дальнейшее не поддается контролю — буквы на репродукции в книге И. И. Толстого и Н. П. Кондакова становятся неразличимыми, и неясно, где именно расположены остальные слова. Иконографические особенности — черный цвет четвертого ящика, казалось бы, более уместный для тьмы крошечной, и черви вокруг голов

⁵⁶ Th. Mommsen. Römische Strafrecht. Leipzig, 1889; H. Fehr. Gottesurteil und Folter. Festgabe für R. Stammler. Berlin—Leipzig, 1926; L. Voelkl. Vom römischen zum christlichen Recht. — «Römische Quartalschrift», 59/60. Freiburg i. Br., 1964/65, S. 120—130.

⁵⁷ H. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, 1. Lfg. Heidelberg, 1954, S. 34.

⁵⁸ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины, стр. 152.

⁵⁹ И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. СПб., 1893, стр. 213, L. Müller. Die Offenbarung der Gottesmutter über die Höllenstrafen. Theologischer Gehalt und dichterische Form. Die Welt der Slaven, 6 Bd. Wiesbaden, 1961, S. 26—39.

⁶⁰ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 2. СПб., 1902, стр. 893.

⁶¹ Там же, т. 1, стр. 1100.

⁶² Ср. V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968, p. 227.

⁶³ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания. СПб., 1890, стр. 495.

⁶⁴ И. Н. Голенищев-Кутузов. «Божественная Комедия». В кн.: Данте Алигьери. Божественная Комедия. М., 1967, стр. 470.

пятого ящика, ошибочно названные Ж. Эбервольтом костями⁶⁵. *Скръжату зубомъ* (дательный падеж множественного числа) — не пытка, а ее следствие, как это видно из текста Гонория Отенского. Один из древнерусских «худых помоканунцев» византийского происхождения говорит, что «любодеицу иже тело свое осквернить с чюжими женами» в аду будет наказанием «огнь и гроза вечная»⁶⁶. Из сопоставления с русским списком XIV в. «Поучений» Ефрема Сирина выясняется, что нужно понимать под грозой: «како есть место то, идеже есть плачь и скрежет зубов, нарицаемая гроза»⁶⁷.

4. М р а з ь. Поскольку пытка холодом уже показана ящиком с инеем и повторяться не может, здесь подразумевается не мороз, а этимологически связанный с ним омоним *мразь*, по В. Далю — «скверна», «гадость», «мерзость»⁶⁸. К этому ближе всего *foetor intolerabilis* Гонория, в соловецкой рукописи — *смад паче всякого смрада*⁶⁹. Исторически смрадность геенны вполне объяснима, древнееврейское *ge(hne)hinnot* обозначает долину на юг от Иерусалима, где в библейское время сжигались городские нечистоты. В «Материалах к словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского *мразь* отсутствует, известны только производные формы: *мързость*, *мързкий*, *мързелище*, *мързети*. Ср. в Изборнике 1076 года: *мързость богатому убогым*⁷⁰. Надпись *мразь* не может относиться к последнему ящику, показанные в нем черви являются самостоятельным орудием пытки, судя по тексту Гонория и по мозаике в Торчелло, где черви вползают в пустые глазницы завистливых (рис. 4).

Наряду с перечисленными символами нередицкая преисподняя содержит еще два структурных элемента — прямоугольник с горящим в пламени богачом из евангельской притчи, о котором будет сказано ниже, и на западной стене — логово, где на двуглавом чудовище сидит черный волосатый Люцифер, держащий на коленях Антихриста⁷¹. Сюда несется из центра композиции Страшного суда огненный поток, влекущий грешников⁷².

3. СИМВОЛЫ РАЯ

По ветхозаветным представлениям, все мертвые находятся в одном и том же месте, именуемом шеол, что в переводе семидесяти толковников передается греческим *Ἅιδης*, Hades. Новый завет делает различие между местопребыванием праведных и грешных и полагает между ними непродоходимую пропасть (Лука, XVI, 26). Однако не было ясно, чем отличается место, где находятся умершие праведники, ожидающие Страшного суда, от их обиталища после Судного дня, а также где пребывают некрещенные праведные предшественники Христа и казненного вместе с ним благоразумного разбойника (Лука, XXIII, 43). Эти вопросы занимали отцов церкви⁷³, попытка их решения составила, в частности, сюжетную основу «Сшествия Христа во ад» (*Ἀνάστασις*): душа Христа после его положения во гроб спустилась в преисподнюю, сокрушила врата ада, возвестила ветхозаветным праведникам Евангелие и вывела их во главе с Адамом и Евой

⁶⁵ J. Ebersolt. Fresques byzantines de Néréditsi. — «Monuments et mémoires l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres», t. 13. Paris, 1906, p. 51.

⁶⁶ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины, стр. 150.

⁶⁷ И. И. Срезневский. Материалы для словаря. . . , т. 1, стр. 595.

⁶⁸ В. И. Даль. Толковый словарь, т. 2. СПб.—М., 1881, стр. 355.

⁶⁹ И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания, стр. 467.

⁷⁰ Изборник 1076 г. М., 1965, стр. 349.

⁷¹ В. Р. Мясоедов, Н. П. Сычев. Фрески Спаса-Нередицы, табл. 74.

⁷² L. Kretzenbacher. Richterengel und Feuerstrom. Östliche Apokryphen und Gegenwartslegenden um Jenseitsgeleite und Höllenstrafen. — «Zeitschrift für Volkskunde», 59. Bd. Stuttgart, 1963, S. 205—220.

⁷³ J. Teixidor. Muerte, cielo y šeol en san Efrén. Valencia, 1962.

ленная симметрично Аврааму по другую сторону окна. Фотографии этой фрески не публиковались, представление о ней дает цветная репродукция акварели Л. Браиловского⁸¹. Ключ к пониманию выбора именно этой святой находится в плане языковой символики, в факте параллелизма имени мученицы и богословского понятия 'Ανάστασις, выражаемого в иконографии «Сшествием Христа во ад». Житие св. Анастасии имеет признаки контаминации нескольких легенд и отсутствия исторической основы⁸². Высший иерархический ранг святой (она еще в V в. вошла в канон мессы) объясняется символизмом ее имени, подтверждением которого явилось перенесение при патриархе Геннадии (468—470 гг.) мощей св. Анастасии в константинопольский храм Воскресения господня ('Ανάστασις), после чего византийские авторы не делали различия между старым наименованием этого храма 'Ανάστασις и новым патронием 'Αναστασία⁸³.

Идея сошествия в преисподнюю для выведения праотцев в рай, заложенная в компактном агиологическом символе, соединяя противостоящие стены притвора такой же прочной структурной связью, как и двухчастная фреска на тему притчи о богатом и Лазаре, уравнивает иконографическую программу передицкого Страшного суда.

⁸¹ «Памятники древнерусского искусства», вып. 2. СПб. 1909, табл. 2; вып. 3. СПб., 1910, стр. 1.

⁸² P. Devos. Sainte Anastasie la Vierge et la source de sa passion. — «Analecta Bollandiana», t. 80. Bruxelles, 1962, p. 33—51.

⁸³ R. Janin. La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin, I. Le siège de Constantinople et le patriarchat oecuménique, t. 3. Les églises et monastères. Paris, 1953, p. 26—29. Полагали, что единственной причиной включения фрески св. Анастасии является то, что это имя носила дочь великого князя Всеволода III, покровительствовавшего клятору. См. М. В. Щепкина. О происхождении Успенского сборника. — В кн.: «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 76. Там же указывается, что фреска сохранилась полностью, тогда как в действительности от нее не осталось и следа после разрушения в годы Отечественной войны.

Г. И. ВЗДОРНОВ

НЕОВИЗАНТИЙСКИЙ ОРНАМЕНТ В ЮЖНОСЛАВЯНСКИХ И РУССКИХ РУКОПИСНЫХ КНИГАХ ДО НАЧАЛА XV в.

Известно, что в системе художественного оформления русской рукописной книги древнейшего периода очень широко применялись декоративные композиции византийского происхождения. Даже беглое сопоставление типичных заставок и инициалов из русских рукописей XI—XII вв. с инициалами и заставками из византийских выдает явное стремление русских мастеров подражать роскошной орнаментике греческих манускриптов. Но так как русское искусство эволюционировало по пути все большего обособления от греческого и других иноземных влияний, в XIII—XIV вв. русские художники сумели создать совершенно новые, очень свежие и оригинальные декоративные формы. Это был период широчайшего распространения в рукописях так называемого тератологического орнамента, основанного в своих классических образцах на слиянии животных и растительных мотивов. Тератологический орнамент превосходно отвечал вкусам широких народных масс и вследствие замедленного развития народного искусства существовал очень долго. Лишь на рубеже XIV—XV вв. мы замечаем явные признаки разложения этого орнамента, и на страницах отдельных русских рукописей вновь появляются декоративные элементы византийского типа.

Возрождение византийского рукописного орнамента в XIV—XV вв. не является, однако, фактом истории исключительно русской рукописной книги. Аналогичная картина наблюдается и в других славянских искусствах — в болгарском и сербском. На Балканах этот процесс начался даже несколько раньше, чем на Руси. Но как в Болгарии и Сербском государстве, так и на Руси вторичное появление византийского рукописного орнамента сопровождалось заметными изменениями его стилистических особенностей. Хотя главные элементы и характерные признаки этой орнаментики заимствуются из греческих рукописей, они используются славянскими художниками не механически, а в несколько переработанных, новых формах и в новых комбинациях. Поэтому такой орнамент называется не просто византийским, а новым, или неовизантийским. Термины «неовизантийский орнамент», «неовизантийский стиль» очень хорошо выражают разные стороны этого понятия. Они означают в одно и то же время, что этот орнамент существовал в новых исторических условиях и что он имел, в отличие от прежнего, новые эстетические качества.

Для неовизантийского орнамента характерно широкое использование сильно стилизованных изображений цветов, листьев и растительных побегов, сочетающихся с условными геометрическими фигурами и всегда заключенных в строгую обрамляющую рамку. Инициалы и заставки неовизантийского стиля не имеют ничего общего с тератологическими ини-

циалами и заставками. Здесь отсутствуют изображения зверей, сложное ленточное плетение, фантастический дух целого. В неовизантийском орнаменте хорошо прослеживаются эллипстические мотивы. Здесь господствуют ясные линии, образующие не менее ясные и понятные детали. Обилие ярких и чистых красок, а также золота сообщает неовизантийскому орнаменту радостное, мажорное звучание. Рукописи, украшенные этим орнаментом, всегда имеют исключительный, индивидуальный характер¹.

Самой ранней датированной славянской рукописью, украшенной орнаментом неовизантийского стиля, является, по-видимому, Евангелие 1354 г., изготовленное по приказанию Иакова, митрополита Серрского, клириком серрской митрополичьей соборной церкви св. Феодора Тирона и Феодора Стратилата расодером Каллистом. Евангелие было найдено английским путешественником Робертом Керзоном в 1837 г. в Павловском монастыре на Афоне и поступило затем в Британский музей (Add. 39629). Рукопись² написана каллиграфическим крупным полууставным почерком на сербском языке с незначительными признаками болгарского произношения, что, впрочем, не должно возбуждать особого внимания, учитывая македонское происхождение памятника. Она украшена большими заставками в начале каждого Евангелия (рис. 1), рисованными красочными инициалами и миниатюрой, на которой изображен заказчик, подносящий написанное им Евангелие Христу; по сторонам от фигуры донатора написано: «смѣренныи митрополит Сѣра града и странамъ его кир Иаковъ сии Четвероблаговесникъ приношу ти въ даръ владыко мои Христе».

Орнаментальные мотивы рукописи обнаруживают чрезвычайно высокое мастерство исполнения. Художник свободно владеет композицией, умело распределяет отдельные декоративные элементы на плоскости заставки, легко сочетает геометрические и растительные фигуры, оживляя кое-где рисунок изображениями сидящих на ветках птиц. В колорите наряду с обильно примененным золотом господствуют холодные голубые и зеленые тона, как нельзя лучше подходящие к несколько жестковатой, отточенной манере выполнения орнамента в целом.

Митрополит Иаков, для которого написана эта рукопись, — примечательная историческая личность³. Он начал свою духовную карьеру

¹ По истории неовизантийского орнамента в южнославянских и русских рукописных книгах XIV—XV вв. имеются только две специальные работы: Т. Б. Ухова. Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV—первой четверти XV века. — Сб. «Андрей Рублев и его эпоха». М., 1971, стр. 222—244 (с илл.); М. Харисиџадис. Раскошны византийски стил у орнаментици јужнословенских рукописа из XIV и XV века. — Сб. «Моравска школа и њено доба». Београд, 1972, стр. 211—227. Термин «неовизантийский орнамент» введен в науку В. Н. Щепкиным, которому принадлежит краткая характеристика этого орнамента и сведения по истории его возникновения и развития. См. В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918 (на обложке: 1920), стр. 55—57.

² См. о ней: Ф. Успенский. О некоторых славянских и по-славянски писанных рукописях, хранящихся в Лондоне и Оксфорде. — ЖМНП, 1878, сентябрь, стр. 6—9, 13—15 (здесь изложена история приобретения рукописи Керзоном по изданному им в 1849 г. описанию его путешествия на Афон); П. А. Сырку. Славянские и русские рукописи Британского музея. Посмертный труд, изданный под наблюдением и с предисловием А. И. Яцимирского. — «Сборник ОРЯС имп. Академии наук», т. LXXXIV, № 4. СПб., 1908, стр. 34—39 (под № 3); М. Пурковий. Календар расодера Каллиста. — «Гласник Српске православне цркве», год XXX (1951), бр. 7—8, стр. 100—101; М. Харисиџадис. Les miniatures du Tétravangile du métropolit Jacob de Serrès. — «Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines. Ochride, 10—16 Septembre 1961», t. III. Beograd, 1964, p. 121—130, fig. 1—6; С. Радојичић. Хиландарска повеља Стефана Првовенчаног и мотив раја у српском минијатурном сликарству. — «Хиландарски зборник», 1. Београд, 1966, стр. 44, 47 (с илл.); М. Харисиџадис. Указ. соч., стр. 214, сл. 1.

³ См. о нем: Ст.-Станоевич. Серский митрополит Иаков. — «Анналы Института имени Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum)», X. Prague, 1938, стр. 95—98;

как игумен монастыря св. Архангелов около Призрена — задужбины царя Стефана Душана, создававшейся в 1343—1349 гг.⁴ Несомненно, Стефан Душан благоволил к Иакову, и когда ранней весной 1345 г. сербский царь завоевал у греков Македонию и взял второй по значению после Фессалоники македонский город Серры, он поставил Иакова в серрские митрополиты. Любитель книжной мудрости и, вероятно, человек с большими административными способностями, Иаков быстро наладил при своей кафедре славянское книгописание, привлекая с этой целью сербских писцов и греческих художников, которые должны были ему достаться вместе с клиром серрской соборной церкви и митрополии. Обширная похвала Иакову в послесловии к Евангелию 1354 г. называет его совершителем многих благих и добрых дел, и в частности «исправителем», т. е. создателем, этой замечательной рукописи, украшенной «яко небо съ звездами красно есть по написанному». Известны и другие рукописные книги, изготовленные по приказанию Иакова, находящиеся, например, на Синае, с сербской колонией которого его связывали какие-то отношения⁵. Иаков был не чужд и литературному творчеству — церковной гимнографии: ему приписывается канон в честь богородицы, записанный в двух сирийских рукописях перед послесловиями писцов.

Для какой церкви было написано расодером Каллистом Евангелие 1354 г., мы не знаем. Возможно, это была серрская митрополичья церковь, подвергшаяся перестройке в период правления Иакова. Но это, впрочем, и не так важно. Гораздо существенней, что Евангелие датировано, что нам известны место его происхождения, имена заказчика и писца, обстоятельства возникновения. А это позволяет уточнить некоторые факты из истории других рукописей.

Вторая интересующая нас сербская рукопись — Евангелие Николы Станевича, хранящееся в Хиландарском монастыре на Афоне (под № 14). Оно имеет вкладную запись⁶, к сожалению, недатированную и не дающую, как можно было бы ожидать, сведений о личности вкладчика и о рукописи. С. Н. Радойчиц, суммируя свои впечатления от художественных памятников Хиландарской лавры, которым он посвятил специальную статью, замечает⁷, что краски, которыми выполнены большие заставки Евангелия Николы Станевича, несколько грубее по тону, чем краски заставок еще одной рукописи хиландарской библиотеки — Евангелия патриарха Саввы. Но отсюда преждевременно делать вывод о незначительности украшений Евангелия Николы Станевича. Евангелие патриарха Саввы — шедевр сербского книжного искусства, и Евангелие Николы Станевича, естественно, остается все же в числе весьма редкостных произведений. И действительно, все заставки и крупные инициалы Евангелия Николы

Б. Сп. Радойчиц. Яков Серски, књигољубац и песник српски XIV века. — «Летопис Матице Српске», књ. 390, св. 4. Нови Сад, 1962, стр. 327—332, сл. 1—2 (перепечатано в кн.: *Б. Радойчиц.* Творци и дела старе српске књижевности. Титоград, 1963, стр. 125—130, сл. 4); *Г. Острогорски.* О серском митрополиту Јакову. — «Зборник Филозофског факултета Београдског универзитета», књ. X (1). Београд, 1968, стр. 219—226.

⁴ Величественные остатки этого монастыря, разрушенного в турецкое время, подверглись недавно раскопкам, консервации и архитектурному исследованию. См. *С. М. Ненадовић.* Душанова задужбина манастир Светих Арханђела код Призрена. Београд, 1967 (на обложке: 1966).

⁵ См.: *М. Н. Сперанский.* Славянская письменность XI—XIV вв. на Синае и в Палестине. — «Известия ОРЯС Академии наук СССР», т. XXXII. Л., 1927, стр. 55—56, 69, и 106—108 (под № 23 и 24).

⁶ См.: *Леонид*, архим. Славяно-сербские книгохранилища на Святой Афонской Горе, в монастырях Хиландаре и святом Павле. — ЧОИДР, 1875, кн. 1, отд. V, стр. 4—5 (под № 4); *Н. Дучић*, архим. Старине Хиландарске. — «Гласник Српског ученог друштва», књ. 56. У Београду, 1884, стр. 103—104 (под № 8).

⁷ *Св. Радойчиц.* Уметнички споменници манастира Хиландара. — «Зборник радова САН», књ. XLIV. Византолошки институт, књ. 3. Београд, 1955, стр. 168.

Станевича⁸ выполнены на самом высоком профессиональном уровне, причем рисунок заставки отнюдь не подражает какой-либо другой рукописи из родственной группы памятников. Добавим, что отрывок из этой рукописи, находившийся ранее в собрании Порфирия Успенского и принадлежащий ныне ленинградской Публичной библиотеке (F^o п I 86)⁹, привлек в свое время внимание выдающегося специалиста по южнославянской палеографии П. А. Лаврова, который отметил¹⁰ превосходное уставное письмо Евангелия, изящные начертания знаков, обозначающих ударения и придыхания, и писанные золотом крупные точки — деталь, хорошо знакомую русским исследователям по Киевской Псалтири, Евангелию Хитрово и Евангелию из Успенского собора Московского Кремля.

Никола Станевич¹¹, давший Хиландарскому монастырю описанное Евангелие, известен в сербской истории как великий воевода царя Душана и его наследника царя Уроша. Несомненно, он принимал активное участие в завоевании у византийцев Македонии. Здесь он получил в качестве пожалования за воинские заслуги богатое поместье — село Кончу с прилегающими к нему другими селами, находившееся в окрестностях Струмицы, примерно в 50 км от Серр. В Конче он выстроил каменную церковь, где и был похоронен. Дата смерти Николы Станевича неизвестна, но так как в 1366 г. царь Урош дал монахам Хиландарского монастыря подтвердительную грамоту на села, завещанные воеводой монастырю¹², то отсюда следует, что он умер до 1366 г. и что Евангелие послано им на Афон также до середины 60-х годов XIV в. Иначе говоря, оно современно или почти современно Евангелию митрополита Иакова, и, может быть, эта рукопись, написанная ипоком Феоктистом, была заказана воеводой Николой в тех же серрских мастерских, где работал и расодер Каллист.

Еще одна рукопись, орнаментированная заставками неовизантийского типа, — это уже упоминавшееся Евангелие патриарха Саввы из библиотеки Хиландарского монастыря (№ 13)¹³. Его оформление отличается особенно тонким, рафинированным стилем. Каждая из четырех больших заставок, предшествующих соответственно сочинениям четырех евангелистов, скомпонована из декоративной рамки и крошечной миниатюры. Для миниатюр выбраны поля различных форм: квадрат, круг, прямоугольник. Евангелисты изображены пишущими, в сопровождении жен-

⁸ См.: Р. М. Грујић. Археолошке и историске белешке из Македоније, [II]. Задужбина великог војводе Николе Стањевића у Кончи код Струмице. — «Старинар», нова серија, књ. III—IV (1952—1953). Београд, 1955, стр. 210—211 (сл. 11—13); В. Мошин. Орнаментика неовизантийского и «балканского» стила. — «Naučno društvo NR Rosne i Hercegovine. Godišnjak», кн. 1. Сарајево, 1956, стр. 323, сл. 27; С. Радојчић. Старо српско сликарство. Београд, 1966, стр. 163, табл. 8 (в цвете).

⁹ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1883 год. СПб., 1885, стр. 54 (под № 7); Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей [Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина]. Л., 1953, стр. 104 (один лист).

¹⁰ П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма. — В кн.: «Энциклопедия славянской филологии», вып. 4₁₋₂. Изд. ОРЯС имп. Академии наук, под ред. И. В. Ягича. Пг., 1915 (на титуле: 1914), стр. 224—225. Ср.: «Энциклопедия славянской филологии», приложение к вып. 4₁₋₄, Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма П. А. Лаврова. Пг., 1916, фото 61; В. Мошин. Палеографски албум на јужнословенског кирилско писмо. Скопје, 1966, табл. 122.

¹¹ См. о нем: Р. М. Грујић. Археолошке и историске белешке из Македоније, [II]. Задужбина великог војводе Николе Стањевића у Кончи код Струмице, стр. 205—209.

¹² См.: Б. Радојчић. Творци и дела старе српске књижевности, стр. 133—134.

¹³ См. о нем: Н. Brockhaus. Die Kunst in den Athos-Klöstern. Leipzig, 1924, S. 234—235 (с неправильной датировкой 1219—1236 гг.), Taf. 28; С. Радојчић. Старе српске минијатуре. Београд, 1950, стр. 31, табл. XII; С. Радојчић. Уметнички споменици манастира Хиландара, стр. 167—168, сл. 12; В. Мошин. Орнаментика неовизантийского и «балканского» стила, стр. 313—314, 326, сл. 17, 18; С. Радојчић. Старо српско сликарство, сл. XXV, XXVI и 9 (в цвете); *idem*. Geschichte der serbischen Kunst. Berlin, 1969, S. 90, Abb. 46; М. Харисијадис. Указ. соч., стр. 218—219, сл. 7—8.

ских фигур, олицетворяющих Софию, Премудрость Божию. Являясь составной частью заставок, миниатюры, однако, играют не главную, как можно было бы ожидать, а второстепенную роль, подчиняясь декоративному эффекту больших, пышных и на редкость тщательно выполненных орнаментальных обрамлений.

Владелец этой замечательной рукописи Савва занимал в середине XIV в. место игумена Хиландарского монастыря (с конца 1347 или начала 1348 г.)¹⁴. Затем, как это вообще было свойственно сербской церкви, рассматривавшей Хиландарскую лавру в качестве поставщика лиц для занятия высших церковных должностей в государстве, Савва стал сербским патриархом¹⁵. Это случилось на государственном соборе в Серрах в 1354 г. Савва прославился тем, что незадолго до его кончины было достигнуто примирение между византийской и сербской церквями, находившимися во враждебных отношениях с 1346 г., когда, сразу после провозглашения автономии сербской церкви, константинопольский патриарх предал ее, а следовательно, и всех сербов, анафеме. Умер Савва в 1375 г. (вероятно, в Пече — традиционном центре пребывания сербских патриархов).

К сожалению, высокое положение патриарха Саввы мало способствует выяснению художественного центра, где было заказано и выполнено принадлежавшее ему Евангелие. Рукопись лишена приписок, которые бы могли пролить свет на время и обстоятельства ее создания. Даже былая принадлежность Евангелия Савве зафиксирована здесь несколько необычным, полутайным, способом — в виде таблицы-идеограммы, где буквы, читаемые в определенном порядке, составляют краткую фразу: «Савы патриарха тетраеуаггел»¹⁶. Небезынтересно, что подобную таблицу мы находим и в лондонском Евангелии Иоанна-Александра¹⁷ — с той только разницей, что таблица лондонской рукописи содержит имя болгарского царя. Одинаковые таблицы с владельческими записями косвенно свидетельствуют о каких-то общих импульсах, определивших художественное оформление сербского и болгарского манускриптов. По-видимому, это были греческие рукописи, где встречаются подобные таблицы с именами их заказчиков.

Заставками и инициалами неовизантийского стиля декорировались не только сербские, но и болгарские рукописи. Болгарских памятников сохранилось меньше, но они дают исследователю материал, существенно дополняющий группу сербских манускриптов. Особо выделяются две болгарские рукописи: Евангелие 1356 г. из Британского музея в Лондоне (Add. 39627) и Псалтирь Томича, не имеющая точной даты, из Государственного Исторического музея в Москве (Муз. 2752).

Лондонское Евангелие 1356 г.¹⁸ было изготовлено по специальному заказу болгарского царя Иоанна-Александра — современника Стефана Ду-

¹⁴ В. А. Мошин, М. А. Пурковић. Хиландарски игумани средњег века. Скопље, 1940, стр. 72—74.

¹⁵ См.: К. Јиречек — Ј. Радонић. Историја Срба, I. Београд, 1952, стр. 235 и II. Београд, 1952, стр. 393; Ст. Станојевић. Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка, књ. IV. Загреб, 1929, стр. 4; М. А. Пурковић. Српски патријарси средњег века. — «Гласник Скопског научног друштва», књ. XV—XVI. Одељење друштвених наука, 9—10. Скопље, 1936, стр. 307—310; Н. Радочић. Српски државни сабори у Средњем веку. Београд, 1940, стр. 139.

¹⁶ См.: Н. Brockhaus. Die Kunst in den Athos-Klöstern, Taf. 28; В. Мошин. Орнамента неовизантистског и «балканског» стила, сл. 18.

¹⁷ См.: К. Грот. Лондонские заметки. Славянские рукописи Британского музея. — РФВ, т. XVII. Варшава, 1887, стр. 5—6.

¹⁸ Эта рукопись, подобно Евангелию митрополита Иакова, была найдена в Павловском монастыре на Афоне Робертом Керзоном и вывезена в 1837 г. в Англию. См. о ней: Ф. Успенский. О некоторых славянских и по-славянски писанных рукописях, хранящихся в Лондоне и Оксфорде, стр. 9—12, 13—15, 16—21; R. Scholvin. Einleitung in das Johann-Alexander-Evangelium. — «Archiv für slavische Philologie», Bd. VII

шана, блестящего полководца и выдающегося государя (1331—1371). В начале и конце рукопись имеет миниатюры с изображениями царя и членов его семьи, чем доказывается бывшая принадлежность рукописи царскому двору. Текст украшен многочисленными иллюстрациями, относящимися к событиям евангельской истории. В рукописи имеются также четыре большие заставки неовизантийского стиля¹⁹, сочетающие, в соответствии с греческой традицией XI—XII вв., орнаментальные мотивы с фигурными сценами в медальонах, которые вмонтированы в общую декоративную плоскость заставок (рис. 2). Формы орнамента крупные, и в этом отношении заставки Евангелия 1356 г. отличаются от заставок сербских рукописей, зато приближаются к русским. Колорит яркий, насыщенный глубокими синими тонами. Синий цвет — характерная примета южнославянского рукописного орнамента, в отличие от русского, где синий систематически заменяется голубым, красный — розовым, темно-зеленый — свежей яркой зеленью и т. д. и т. п.

Евангелие 1356 г. не содержит в послесловии указания на место его изготовления. Предполагается, что оно было написано и украшено в Тырнове — главном городе Восточной Болгарии, который служил политическим центром державы Иоанна-Александра и местопребыванием болгарского патриарха²⁰. Такое предположение более чем вероятно. Писец — монах Симеон — в витиеватых и лестных для царя Иоанна выражениях сообщает, что при создании Евангелия было использовано греческое Евангелие, долгое время находившееся в царской казне и открытое заказчиком. Хотя он говорит о переводе текста, будто бы исполненном заново для болгарского царя и украшенном затем «животворными образами влад[ы]чными» в красках и золотом, И. С. Дуйчев справедливо замечает, что речь идет, вероятно, лишь о повторении в болгарской книге иллюстраций древней греческой рукописи²¹. Не подлежит сомнению, что и заставки Лондонского Евангелия восходят в своей основе к этой же неизвестной нам греческой рукописи.

Другая болгарская книга — хорошо известная русскому читателю Псалтирь Томича, недавно опубликованная М. В. Щепкиной²². Псалтирь Томича написана на бумаге, водяные знаки которой позволяют датировать рукопись 60-ми годами XIV столетия. Подобно Лондонскому

(1884), Hf. 1, S. 4—56, Taf. I—III, Hf. 2, S. 161—224; *К. Грот*. Лондонские заметки. Славянские рукописи Британского музея, стр. 4—15; *П. Т. Гудев*. Болгарски рукописи въ библиотеката на лорд Зауче. — «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», кн. VII. София, 1892, стр. 158—223, с 2 табличками; *П. Сырку*. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, т. I, вып. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898 («Записки историко-филологического факультета имп. С. Петербургского университета», ч. XXV, вып. 1. СПб., 1899), стр. 432—437; *его же*. Славянские и русские рукописи Британского музея в Лондоне, стр. 4—22 (под № 1); *B. Filow*. Die Miniaturen des Evangeliums Iwan Alexander's in London. — *Byz.*, IV (1927—1928), 1929, S. 313—319, Abb. 1—3; *Б. Д. Филов*. Миниатюрите на Лондонското Евангелие на царь Иван Александра. София, 1934 (в серии «Monumenta Artis Bulgariae», vol. III); *И. С. Дуйчев*. Из старата българска книжнина, II. Книжовни и исторически паметници от Второто Българско царство. София, [1943], № 611, стр. 150—152 (напечатано послесловие к рукописи); *М. Харисиџадис*. Указ. соч., стр. 215, сл. 3.

¹⁹ См.: *Б. Д. Филов*. Миниатюрите на Лондонското Евангелие на царь Иван Александра, табл. 3, 42, 67 и 101 (ил. 6, 83, 137 и 213); на табл. 139 — цветное воспроизведение заставки с л. 213.

²⁰ Тырнов — один из наиболее выдающихся славянских городов на Балканах в XIV столетии. Болгарские книжники называли его «царьградом», конечно, не без умысла подчеркнуть значение болгарской столицы сравнительно с Константинополем. См.: *П. Сырку*. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, т. I, вып. 1, стр. 390—397.

²¹ *И. С. Дуйчев*. Болгарские лицевые рукописи XIV века. — В кн.: *М. В. Щепкина*. Болгарская миниатюра XIV века. Исследование Псалтири Томича. М., 1964, стр. 12—13.

²² *М. В. Щепкина*. Болгарская миниатюра XIV века.

Евангелию Псалтирь Томича разукрашена лицевыми изображениями. Но если в стиле миниатюр Евангелия, несмотря на их стереотипный и скучный характер, все же хорошо прослеживается влияние старого византийского оригинала, то в Псалтири это совсем не улавливается. Зато все заставки — две большие (рис. 3) и две малые — выдают прекрасное знание рисовальщиком-декоратором Псалтири Томича греческой орнаментации комниновской эпохи. Восходит ли это знание непосредственно к первоисточнику, т. е. к византийским рукописям X—XII вв., или получено из вторых рук, т. е. из болгарских и сербских рукописей середины XIV столетия, — это в конечном счете не слишком существенно, поскольку декоративные композиции Псалтири Томича отличаются весьма высокими техническими качествами исполнения и превосходным чувством стиля. Не впадая в преувеличение, можно сказать, что орнаментальные композиции этой рукописи выполнены с большим вкусом и мастерством, чем ее иллюстрации.

М. В. Щепкина полагает, что Псалтирь Томича, как и Лондонское Евангелие, была изготовлена также для царя Иоанна-Александра²³. Никаких обоснований в пользу этой атрибуции ею, однако, не приведено. Имеющееся свидетельство о нахождении Псалтири в 1802 г. на Афоне в монастыре св. Павла, где хранилось и Евангелие 1356 г., не может, конечно, служить такого рода аргументом²⁴. Библиотека Павловского монастыря заключала в себе множество разнообразных памятников письменности — греческих, сербских и болгарских. Недаром отсюда, как из сокровищницы, брал уникальные древние книги посланный с этой целью в XVII в. на Афон Арсений Суханов. Отсутствие в Псалтири Томича посвященной миниатюры с изображением царя Иоанна-Александра, имеющейся в двух других рукописях, написанных для него (в ватиканской Летописи Манассии 1345 г.²⁵ и в Лондонском Евангелии), говорит как будто против предположения М. В. Щепкиной. И. С. Дуйчев воздерживается поэтому от определения художественного центра, где появилась Псалтирь Томича. Палеографические признаки письма, язык и стилистические особенности миниатюр Псалтири свидетельствуют о принадлежности рукописи к болгарской школе, но она создавалась, вероятно, отдельно от царских манускриптов. По стилю и достаточно высокому качеству выполнения ее иллюстрации²⁶ отличаются от примитивных иллюстраций Летописи Манассии и не имеют ничего общего с миниатюрами Лондонского Евангелия. Несомненно все же, что эта рукопись изготовлена по заказу очень высокопоставленного лица, имевшего достаточные средства, чтобы оплатить подобную работу, или даже просто приказавшего ее выполнить.

Мы намеренно охарактеризовали самые ранние и в художественном отношении наиболее выдающиеся славянские рукописи, украшенные неовизантийским орнаментом. Но общее количество подобных памятников не исчерпывается, конечно, перечисленными манускриптами. Много интересных рукописей обнаружено на Афоне. С. Н. Радойчич в своем обзоре художественных ценностей Хиландарского монастыря называет, кроме Евангелий патриарха Саввы и воеводы Николы Станевича, еще несколько рукописей с неовизантийской орнаментацией: Евангелие № 16,

²³ М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV века, стр. 5, 35, 122, 160, 164.

²⁴ Там же, стр. 30—31.

²⁵ Б. Филов. Портретът на Ив. Александра. — «Зборник в чест на В. Н. Златарски». София, 1925, стр. 499—504; *его же*. Миниатюрите на Манасиевата хроника в Ватиканската библиотека. София, 1927; И. Дуйчев. Миниатюрите на Манасиевата летопис. София, 1962.

²⁶ Мы имеем в виду прежде всего те миниатюры Псалтири Томича, которые не подвергались реставрации XVII в., что установлено М. В. Щепкиной в отношении многих иллюстраций рукописи; ею же указаны миниатюры, мало поновленные в XVII в. (М. В. Щепкина. Болгарская миниатюра XIV века, стр. 116, 117).

Апостол 1365 г. № 46 и литургический свиток № 1. Все эти рукописи, исключая Евангелие воеводы Николы, выполнены, как он утверждает, едва ли не одной и той же рукой²⁷. Превосходный образец рукописи, декорированной в неовизантийском стиле, представляет собою также хиландарское Евангелие № 21, датируемое проф. С. Н. Радойчицем 70-ми годами XIV столетия²⁸. Но до специальной, исчерпывающей публикации сведений о художественно оформленных рукописях хиландарской библиотеки мы не считаем возможным использовать наблюдения С. Н. Радойчича и других ученых, посещавших Афон, в качестве надежного исторического материала для суждений о месте происхождения и времени написания этих рукописей. Они могут оказаться несколько более поздними, чем описанная нами группа памятников. Эту группу следует пока рассматривать как начальное звено большого ряда аналогичных манускриптов.

Мы выделили передовые для XIV в. художественно оформленные рукописи, чтобы, во-первых, иметь возможность установить, когда произошло зарождение неовизантийского стиля в книжном орнаменте, и, во-вторых, ясно представить себе, где протекал процесс его формирования и первоначального развития.

Все перечисленные сербские и болгарские рукописи появились на свет не ранее 50-х и 60-х годов XIV столетия. Рукописей с неовизантийскими заставками и инициалами, которые бы датировались временем до середины XIV в., пока не обнаружено. Очень вероятно, что до Евангелия митрополита Иакова Серрского, а также Евангелия Иоанна-Александра их не существовало. Многочисленные болгарские рукописи 30-х и 40-х годов XIV столетия, в частности книги, изготовленные специально для болгарского царя²⁹, не выделяются своими украшениями из общей массы южнославянских кодексов того времени. Аналогичная картина наблюдается и в сербской письменности. Если сербские рукописи, возникшие на протяжении второй четверти XIV столетия³⁰, украшены более тщательно, чем болгарские, то очевидно все же, что их орнамент, где преобладают плетеные мотивы, не имеет ничего общего с орнаментом неовизантийского стиля. Убедительный пример — фронтиспис известной Минеи 1342 г., написанной для великого деспота Оливера в Лесновском монастыре близ Штипа³¹. А ведь заказчик в данном случае занимал такое же видное положение в сербском феодальном обществе, как и вкладчик Евангелия Хиландарского монастыря Никола Станевич. От памятника, связанного с его именем, можно было бы ожидать близкого художественного стиля, который, однако, отсутствует. Это лишний раз убеждает, что неовизантийский стиль орнамента в южнославянских рукописных книгах сложился в очень определенный период — в 50-е годы XIV в. Но он появился не только в определенное время, но и в конкретных культурных центрах, причем по инициативе или при поддержке четко вырисовывающихся кругов общества.

²⁷ *Св. Радойчић*. Уметнички споменици манастира Хиландара, стр. 167—168.

²⁸ Там же, стр. 168, сл. 14.

²⁹ Общий обзор датированных и недатированных болгарских книг XIV века см.: *П. Сырку*. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке, т. I, вып. 1, стр. 416—494; *П. А. Лавров*. Палеографическое обозрение кирилловского письма, стр. 137—166, рис. 131—163; *его же*. Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма, табл.

³⁰ О сербских рукописях этого времени см.: *П. А. Лавров*. Палеографическое обозрение кирилловского письма, стр. 216—218; *его же*. Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма, табл. 54—56.

³¹ См. *М. Харисиџади*. Илустрирани рукописи старе Народне библиотеке у Београду. — «Старинар», XIX (1968). Београд, 1969, стр. 253—254 (под № 9), табл. III (сл. 7). Великий воевода и деспот Иоанн-Оливер упоминается как ктитор лесновского монастыря Михаила Архангела также в приписке болгарского Паренесиса 1353 года (*И. Иванов*. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 162—164, под № 27 и 28).

Особенностью орнамента неовизантийского стиля было то, что он возник в среде со смешанной культурой, где греческие художественные традиции и технические навыки образовали нечто общее с элементами славянского искусства и славянскими эстетическими воззрениями.

Давно и хорошо известно, что подобная культурная среда существовала, и притом длительное время, на Афоне. А так как лучшие рукописи, украшенные неовизантийским орнаментом, были найдены в книгохранилищах Афона, вопрос о первоначальном центре их производства чаще всего решается в пользу именно афонских книжных мастерских. Если В. А. Мошин в своей статье, посвященной эволюции неовизантийского и балканского орнамента, указывает на вероятное зарождение неовизантийского орнамента в скрипториях Стефана Душана и Ивана-Александра³², то С. Н. Радойчич прямо связывает появление таких рукописей, как Евангелие патриарха Саввы, с расцветом декоративного искусства в Хиландарской лавре³³.

Монастыри, особенно афонские и константинопольские, действительно служили очагами профессионального книжного искусства. Здесь не только переписывались в огромных количествах рукописи самого разнообразного исторического и духовного содержания, но и вырабатывались каллиграфические почерки, оттачивались некоторые общие принципы декоративного оформления рукописной книги. Вероятно, афонским писцам принадлежит заслуга деятельного распространения балканского стиля орнамента, получившего на рубеже XIV—XV вв. широчайшее признание в славянской книгописной практике — от крайних южных центров славянского просвещения до северных русских монастырей. Но было бы ошибкой связывать все выдающиеся явления в области искусства славянской рукописной книги исключительно с Афоном. Не на Афоне, как нам представляется, появился и неовизантийский орнамент.

В середине XIV столетия видным центром греко-славянского сотрудничества в области художественного творчества была Македония. Поскольку лучшие и наиболее ранние рукописи, украшенные неовизантийским орнаментом, — Евангелие Иакова Серрского и Евангелие Николы Станевича — были созданы в Македонии, можно предположить, что областью его первоначального распространения была именно Македония, завоеванная в 1345 г. сербами у византийцев и находившаяся до 1371 г. в составе Сербского царства.

Население Македонии издавна состояло, кроме греков, из большого числа славян³⁴. Это не могло не наложить своеобразного отпечатка на местную культуру³⁵. В период сербского господства, когда, наряду с византийцами³⁶, важнейшие административные должности и высшие церковные посты в Македонии усиленно замещались лицами славянского происхождения, проводившими и соответствующую политику³⁷, процесс ассимиляции греческой и славянской культур должен был протекать в особенно благоприятных условиях. Частным следствием этого и было

³² В. Мошин. Орнаментика неовизантийского и «балканского» стиля, стр. 316.

³³ Св. Радойчич. Уметнички споменици манастира Хиландара, стр. 167.

³⁴ Г. Острогорски. Сербска област после Душанове смрти. Београд, 1965, стр. 42—56.

³⁵ Ср. В. Н. Лазарев. Живопись XI—XII веков в Македонии. Belgrade—Ochride, 1961 («Rapports de XIIe Congrès International des études byzantines. Ochride, 1961», V).

³⁶ См. А. В. Soloviev. Греческие архонты в Сербском царстве XIV века. — «Byzantinoslavica», год. II, sv. 2. Praha, 1930, стр. 275—287 (о греческой знати, преимущественно в Серрах, находившейся в середине XIV века на службе у Стефана Душана); Г. Острогорски. О сербском митрополиту Якову, стр. 224; *idem*. Problèmes des relations byzantino-serbe au XIVe siècle. — «Proceedings of the XIIth International Congress of Byzantine Studies. Oxford, 5—10 September 1966». London, 1967, p. 47.

³⁷ Г. Острогорски. Сербска област после Душанове смрти, стр. 80—103; *idem*. Problèmes. . . , p. 48—52.

возникновение неовизантийского стиля в славянском книжном орнаменте. Слияние двух культур получило особенно яркую, наглядную форму. Чисто византийская практика декоративного оформления рукописей, клонившаяся к упадку, была уже не способна на смелые творческие эксперименты, а для чисто славянской требовались бы исторически подготовленные импульсы и обилие соответствующих образцов — старых и новых греческих рукописей, — которые отсутствовали в книгохранилищах сербских, болгарских и русских городов и монастырей. Македонские же культурные центры обладали этими двумя необходимыми условиями. Вот почему новый декоративный стиль должен был появиться именно в македонских книжных мастерских ³⁸.

Была еще одна область, где книжная орнаментация неовизантийского стиля могла зародиться столь же самостоятельно, как и в македонских городах, завоеванных сербами, — Болгария. Сербского и болгарского царей связывали тесные династические узы и одинаковые притязания на расширение государственных границ за счет соседних областей Византийской империи, а сербскую и болгарскую церкви объединяла общая цель создания прочной независимости от константинопольского патриарха. На этой почве как в Сербии, так и в Болгарии в середине XIV в. возникло много родственных явлений в политической и культурной жизни. Неовизантийский орнамент в болгарских рукописях мог поэтому восходить к тем же источникам, что и в сербских, и процесс его образования протекал, вероятно, так же, как и у сербов. Царь Иоанн-Александр вел активную военную и дипломатическую борьбу с Византией. Ему принадлежали многие населенные греками области. Как и Стефан Душан, он гордо называл себя царем не только болгар, но и греков. В Болгарии, несомненно, существовали условия для изучения местными художниками греческих оригиналов (как это и случилось, когда создавалось по заказу царя Евангелие 1356 г.), а также условия для прямого сотрудничества болгарских писцов-каллиграфов с греческими живописцами. Иначе говоря, здесь, как и в Македонии, имелись предпосылки для самостоятельных творческих поисков и собственных художественных открытий.

Отрицательный ответ на афонскую теорию происхождения неовизантийского орнамента подсказывается, кроме общих соображений, социальным составом заказчиков рукописей. Это не монахи и не игумены, и среди лучших манускриптов нет рукописей, записи которых свидетельствовали бы, что они изготовлены членами той или иной общины для монастырских книгохранилищ. Неовизантийский стиль требовал, кроме изощренного художественного вкуса, также дорогих красок, драгоценного золота. Монастырское искусство, в целом бедное, не могло систематически обращаться к использованию этого орнамента. Изящные, художественно оформленные кодексы попадают на Афон как вклады богатых людей, заботящихся об увековечении своих имен, а также случайно — как остатки выморочного имущества этих лиц. Заказчики рукописей — деятели с очень высоким положением на иерархической лестнице светской и церковной власти: царь, патриарх, митрополит, воевода. Только придворные — царские или княжеские — художники и мастера, подвизавшиеся при митрополичьих и епископских кафедрах, имели условия систематически изготавливать рукописи, декорированные неовизантийским орнаментом, поддерживать и развивать этот роскошный стиль в искусстве средневековой рукописной книги.

³⁸ Ведущую роль играли, вероятно, мастерские в Серрах — крупнейшем после Салоник македонском городе. Кроме митрополита Иакова, в Серрах во второй половине XIV столетия подвизался еще один замечательный деятель книжной культуры — монах Исайя, автор известной повести о разорении Македонии турками в 1371 г., переводчик и дипломат (см. о нем: *Б. Ст. Ангелов*. Из старата българска, руска и сръбска литература, кн. II. София, 1967, стр. 148—161).

Возрождение византийского орнаментального стиля в славянских рукописных книгах обещало такие желанные художественные перспективы, что уже во второй половине XIV столетия рукописи, украшенные этим орнаментом, стали возникать на Балканах, как грибы после дождя. Из Македонии и Болгарии неовизантийский стиль быстро распространился на Афон, в Южную Сербию, в Молдавию и Валахию. Сербским памятником македонского происхождения является великолепное Евангелие, найденное в 60-х годах XIX в. архимандритом Антонином (Капустиным) в Румелии, одной из областей Западной Македонии (ГПБ, F^o п I 114)³⁹. Оно украшено миниатюрами и роскошными заставками неовизантийского стиля на золотом фоне, написанными характерными для сербских рукописей ярко-синей, тускло-зеленой и розовой красками. Отметим еще две прекрасные рукописи из русских собраний: они, как нам кажется, вышли из одной мастерской, функционировавшей на Афоне. Это Служебник в ленинградской Публичной библиотеке (Погод. 37), найденный В. И. Григоровичем в 1844 г. в афонском скиту св. Троицы⁴⁰, и небольшая Псалтирь из бывшей коллекции известного исследователя афонских древностей П. И. Севастьянова, принадлежащая ныне Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (ф. 270, Севаст., № 1434)⁴¹. Служебник, согласно имеющейся в этой рукописи заметке писца Симона (или Симеона), написан на Святой Горе, возможно, как предполагал Г. А. Ильинский, для церкви св. Саввы Сербского в Карее. Речь идет об административном центре Афона, расположенном поблизости от Хиландарского монастыря. В своем определении места написания книги Г. А. Ильинский исходил из другой приписки, сделанной почерком, близким почерку Симеона, и сообщающей что Служебник был собственностью «с(вя)т(а)го Савы срьбскаго оу пиргоу». Эта приписка допускает, однако, и мнение о написании книги непосредственно в Хиландарском монастыре, где существовала (и существует по сей день) башня св. Саввы Сербского (ὁ πύργος τοῦ ἁγίου Σάββα). Если это так, то в Хиландарском монастыре изготовлена и севастьяновская Псалтирь.

Обе рукописи (рис. 4, 5) писаны красивым каллиграфическим полууставом на тонком белом пергамене и разукрашены цветистыми вызолоченными заставками и инициалами — чудесными по изобретательности форм, по мастерству исполнения и общему чувству стиля.

Из рукописей, находящихся в Югославии, выделяется в свою очередь Добротолюбие — сборник сочинений о нравственности и морали — в библиотеке Дечанского монастыря. Эта рукопись переписана неким Иоанном Грамматиком⁴². В дечанском Добротолюбии две заставки: одна

³⁹ См. о нем: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1899 год. СПб., 1903, стр. 30 (приобретено по завещанию архим. Антонина в 1899 г.); Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. . . , стр. 102; В. Мошин. Палеографски албум. . . , табл. 120 (снимок разворота с одной из двух больших заставок).

⁴⁰ Г. Ильинский. Об одном афонском Служебнике в Погодинском древлехрапильнице имп. Публичной библиотеки. — «Русский филологический вестник», 1904, № 3—4, стр. 207—223; Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. . . , стр. 106, табл. 19. См. также: В. В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887, табл. XXXVII (с неправильным определением рукописи как памятника XVI в. молдо-влахийского происхождения); П. А. Лавров. Альбом снимков с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма, табл., 63, 64; Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, стр. 406, 407 (снимки); В. Мошин. Палеографски албум. . . , табл. 119.

⁴¹ В. Срезневский. Древний славянский перевод Псалтири. Исследование его текста и языка по рукописям XI—XIV вв. СПб., 1877, стр. 69—70; А. Викторов. Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881, стр. 39, под № 5 (1434); П. А. Лавров. Палеографическое обозрение кирилловского письма, стр. 228—230; S. Radojčić. Geschichte der serbischen Kunst, Abb. 54.

⁴² М. Теодоровић-Шакопа. Јован Граматик — преписувач и илуминатор једне дечанске књиге. — «Саопштења Завода за заштиту и научно проучавање споменика

выполнена в неовизантийском, а другая в балканском стиле. Отсутствие стилистического единства в декорации книги характерно для рукописей переходного периода. Поэтому датировка дечанского экземпляра Добротолюбия рубежом XIV—XV вв., предложенная автором публикации памятника Мирьяной Теодорович-Шакотой, представляется нам правильной. К сожалению, не совсем ясно, где выполнено дечанское Добротолюбие. Весьма вероятно, что Иоанн Грамматик был уроженцем Сербии и постоянно работал в Дечанах или близлежащей Печской патриархии.

Наконец, еще одна замечательная рукопись, украшенная неовизантийским орнаментом, была создана в Валахии. Это Евангелие 1404—1405 гг., хранящееся ныне в Музее искусств в Бухаресте. Оно написано (и украшено?) попом Никодимом⁴³. Послесловие писца, указавшего, что он написал Евангелие не на родине, а «на Оугрессей земли», и сербское правописание рукописи свидетельствуют о путях распространения неовизантийских декоративных форм в румынские области именно из сербских, возможно, из Македонии, бывшей на протяжении XIV столетия источником множества художественных новинок.

Неовизантийский стиль не имел бы права на самостоятельное название, если бы его создатели воспроизводили греческие образцы со скрупулезной точностью, столь хорошо знакомой, например, науке и художественной практике «архиволубового» XIX в. К счастью, у средневековых мастеров отсутствовало педаантичное стремление к воспроизведению оригинала в его подлинном виде. Они всегда умели, используя готовую форму, наполнить ее новым содержанием, прибегая к незаметным, на поверхностный взгляд, изменениям художественного образа. Так было и с украшениями в рукописях XIV в. Если в Евангелиях Иакова Серрского и патриарха Саввы византийский образец дает о себе знать еще чрезвычайно сильно (как в общей рафинированности внешнего облика этих книг, так и в типологических элементах их декорации), то в болгарских рукописях сходство уже заметно стирается. Болгарские художники трансформируют изящные, иногда микроскопически мелкие, каллиграфически отточенные, полные блеска и изысканного колорита византийские заставки и инициалы в крупные, яркие и пышные композиции. А это уже преимущественно славянская черта, присутствие которой легко ощущается и в орнаменте русских памятников, о которых пойдет речь дальше.

Славянские писцы-рисовальщики неистощимы в изобретении новых орнаментальных форм и даже целых композиций. Поэтому параллельно с неовизантийским типом орнамента, т. е. в одно время с переработкой готовых орнаментальных форм, заимствованных из греческих рукописей, в славянских книгописных мастерских создается оригинальный декоративный стиль, получивший наименование балканского. Типичные образцы балканского орнамента — это красочные заставки из пересекающихся кругов и красочные инициалы решетчатой конструкции, состоящие из тонкой ленты, которая имеет повторяющиеся утолщения-завитки и образует сложное, но вместе с тем очень ясное в своих основных схемах кружево-плетение. Особенно богата подобными ленточно-решетчатыми инициалами Псалтирь Томича. Отличие балканского инициала от неовизантийского (а также и старовизантийского) заключается в том, что неовизантийская форма легко разлагается на составляющие ее малые элементы, тогда как в инициале балканского стиля все его части представляют собой неразрывное целое: здесь ленточное плетение создает лишь обманчивую множественность форм, а в сложном рисунке буквы по существу

культуре Народне Републике Србије», књ. I. Конзерваторски и испитивачки радови. Београд, 1956, стр. 172—173, сл. 1.

⁴³ I. R. Mircea. Cel mai vechi manuscris miniat din tara românească: Tetraevangheliul popii Nicodim (1404—1405). — «Romanoslavica», XIII, 1966, p. 203—221, fig. 1—7.

различаются лишь начало и конец одной бесконечно извивающейся и переплетающейся линии.

Новые художественные качества орнамента неовизантийского стиля в славянских рукописях особенно бросаются в глаза, когда от сербских и болгарских памятников середины XIV столетия мы переходим к русским, хронологически следующим непосредственно за южнославянскими.

Сохранилось несколько ранних русских рукописных книг, декорированных заставками и инициалами неовизантийского стиля. Одна из них ⁴⁴ — точно датированная Киевская Псалтирь 1397 г. — свидетельствует о времени появления на Руси нового стиля книжных украшений в середине 90-х годов XIV в.

На заглавном листе Киевской Псалтири (ГПБ, ОЛДП F° 6) ⁴⁵ помещен эффектный рисунок трехглавой церкви, внутренняя часть которой отведена для портрета царя Давида. Стены, арки и купола воображаемого храма орнаментированы большими цветочными бутонами в медальонах и разноцветными листьями. Крупные членения рисунка, а также преобладание в расцветке синих и зеленых тонов на золотом фоне придают композиции фронтисписа пышный и несколько тяжеловесный вид, вполне отвечающий, впрочем, задаче торжественной выходной миниатюры. В аналогичном духе выполнена и единственная в рукописи заставка, состоящая

⁴⁴ Я не упоминаю здесь об Онежской Псалтири 1395 г. из Государственного Исторического музея в Москве (ГИМ, Муз. 4040). Среди множества разностильных заставок этой рукописи заставки на лл. 74, 90 об., 103 об. и 129 об. выполнены в византийских формах, отличающихся, однако, от форм, использованных в Киевской Псалтири и других памятниках этой группы. Онежская Псалтирь написана «рукою грешного инокa Иоуки смолянина». Специальное указание писца на свою родину свидетельствует, что он работал не в Смоленске, а в другом городе. Вероятно, это была Москва. Об Онежской Псалтири см.: Г. К. Бугославский. Замечательный памятник древней смоленской письменности XIV в. и имеющийся в нем рисунок символично-политического содержания. — «Древности. Труды Московского Археологического общества», т. XXI, вып. 1. М., 1906, стр. 77—88, табл. XII—XX.

⁴⁵ Большая часть рукописи издана фотолитографическим способом: Лицевая Псалтирь 1397 г., принадлежащая имп. Обществу любителей древней письменности [№ 1252, F° VI] (корректировочные листы). СПб., 1890. К сожалению, это издание выполнено настолько грубо, что не дает никакого представления о красотах письма, миниатюр и прочих украшений книги. О Киевской Псалтири, ожидающей нового, полного и качественного издания, существует обширная литература. См., в частности: П. Яковлевский. Древняя харатейная псалтирь Виленской св. Николаевской церкви. — «Литовские епархиальные ведомости», 1866, № 21, стр. 914—916; [И. Ф.] Скимборович. Рукопись Псалтири XIV столетия. — «Труды III Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 года», т. II. Киев, 1878, стр. 147—150; В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени, табл. XLV; А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства, т. I. Русская живопись до XV века включительно. М., 1910, стр. 297—299; А. И. Nekrasov. Les frontispices architecturaux dans les manuscrits russes avant l'époque de l'imprimerie. — «L'art byzantin chez les slaves», II. Paris, 1932, p. 268—269, fig. 88; А. Н. Свиринов. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 8, 21—22, 73—74 и илл. на стр. 16, 17 и 19; Е. Э. Гранстрем. Описание русских и славянских пергаменных рукописей, стр. 36—37; В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 84; Я. П. Запаско. Орнаментальные оформления украинской рукописной книги. Київ, 1960, стор. 52; П. М. Жолтовський. Київські мініатюри 1397 р. — «Матеріали з етнографії та мистецтвознавства», вип. VI. Київ, 1961, стор. 125—143; Г. Логвин. Украинское искусство X—XVIII вв. М., 1963, стр. 109—110, рис. 56, 57; А. Н. Свиринов. Искусство книги Древней Руси. М., 1964, стр. 14—15, 22, 59, 91—93 и илл. на стр. 218—222; Н. Н. Розов. Древнерусский миниатюрист как чтец Псалтири. — ТОДРЛ, XXII. М.—Л., 1966, стр. 65—82, рис. 1—3; П. М. Жолтовський. Мініатюри XIV — першої половини XVII століття. — «Історія українського мистецтва», т. II. Київ, 1967, стор. 322—324, 326 и рис. 223—226; Т. Б. Ухова. Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV — первой четверти XV века, стр. 232—234; В. Д. Лихачев. Особенности оформления древнерусских рукописей. — В кн.: В. Д. Лихачев, Д. С. Лихачев. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971, стр. 40—42, рис. 19—23; Г. Н. Логвин. Київська Псалтир. — «Українське мистецтвознавство», вип. 5. Київ, 1971, стор. 179—199; В. Д. Лихачев. Миниатюри Киевской Псалтири и их византийские источники. — Сб. «Книга и графика». М., 1972, стр. 38—47.

из широкой прямоугольной рамки и вкомпонованной в нее миниатюры с изображением семичастного полуфигурного деисуса (рис. 6). Так как рукопись была задумана в качестве роскошного, возможно подносного, экземпляра, она написана выразительным литургическим уставным почерком, монументальные формы которого внушают невольное благоговение читателю. Подобно пестрым свежим цветам рукопись оживляют сотни изящных миниатюр, прихотливо разбросанных на полях, и массивные инициалы, повторяющие в своем стиле черты, заданные рисовальщиком на выходных листах. Большой формат, великолепный по выделке пергамен, чистое и красивое письмо, изобилие чудесных по отделке и сюжетной изобретательности миниатюр, фронтиспис и заставка делают Киевскую Псалтирь уникальнейшим произведением русского книжного искусства. Это, несомненно, капитальный памятник, выполнение которого было поручено лучшим писцам и художникам.

Хотя инициалы и особенно письмо выдают чисто русское происхождение рукописи, ее иллюстрации своим стилем и системой их размещения не в тексте, а на полях книги дают ясно понять, что создатели Киевской Псалтири пользовались оригиналом, по всей вероятности, греческого происхождения. Миниатюры в удивительной чистоте воспроизводят византийский образец позднего XI или раннего XII в.⁴⁶, когда книжное искусство империи достигло своего наивысшего расцвета.

Название Псалтири 1397 г. «Киевская» не совсем точно определяет ее происхождение. Так как важно установить ее принадлежность к художественной школе, необходимо сделать соответствующие разъяснения.

В записи писца рукописи протодиакона Спиридона сообщается, что книга была «списана» им по повелению владыки Михаила «в граде в Киеве». На этом основании некоторые новейшие украинские исследователи, некритически пользующиеся свидетельствами источников, зачисляют Псалтирь в произведения киевского мастерства, квалифицируя ее, совершенно бездоказательно, как памятник средневекового украинского искусства (Я. П. Запаско, П. М. Жолтовский, Г. М. Логвин). Между тем давно замечено, что язык писца Спиридона не обнаруживает каких-либо проявлений малорусского диалекта, типичных для украинских рукописей рубежа XIV—XV вв., зато он полон явственно выраженных великорусских черт. Исходя из этих данных, известный лингвист и историк русского языка А. И. Соболевский в свое время сделал вывод, что население Киева в конце XIV столетия говорило по-великорусски, т. е. так же, как и население в районе Москвы или Владимира.

Гораздо ближе к истине подошли, однако, те ученые (особенно Н. П. Дашкевич), которые предположили, что Спиридоний не был уроженцем Киева или даже его постоянным жителем, а оказался здесь случайно: вероятно, он сопровождал московского митрополита Киприана, который с весны 1396 по начало осени 1397 г., объезжая обширную русскую митрополию, временно проживал в Киеве, а затем вместе со всем своим клиром вернулся обратно в Москву⁴⁷. Соображения Н. П. Дашкевича были настолько убедительными, что непрочное сопротивление А. И. Со-

⁴⁶ Предполагается, что иллюстративная часть Киевской Псалтири в точности повторяет неизвестную нам греческую Псалтирь (несомненно константинопольского происхождения), послужившую также оригиналом для Псалтири (около 1100 г.), хранящейся ныне в Уолтерс Арт Галлери (Балтимор, США). См. *Д. Е. Miner. The «monastic» Psalter of the Walters Art Gallery.* — «Late Classical and Medieval Studies in Honor of Albert Mathias Friend, Jr.». Princeton, 1955, p. 232—253 (особенно 242—253).

⁴⁷ См. реферат А. И. Соболевского «Как говорили в Киеве в XIV и XV вв.?» и выступление Н. П. Дашкевича «Несколько данных из истории Киева, Киевской земли и киевских исторических памятников в XIV—XV вв.» при обсуждении этого реферата на заседании киевского Исторического общества Нестора-летописца 20 ноября 1883 г. — «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», кн. 2. Киев, 1888, стр. 216 и 223—224 (ср. возражения А. И. Соболевского Н. П. Дашкевичу на стр. 224—225).

болевого было очень скоро сломлено, и он безоговорочно присоединился к единственно правильной, на наш взгляд, гипотезе, согласно которой писец Киевской Псалтири был москвичом и работал при кафедре московского митрополита ⁴⁸. Московская гипотеза происхождения писца Спиридона вскоре была косвенно подтверждена разысканиями В. В. Майкова, которому удалось неопровержимо установить ⁴⁹, что упоминаемый в записи Киевской Псалтири ее заказчик владыка Михаил был уроженцем Москвы: поставленный в 1383 г. епископом в Смоленск, он после недолгого пребывания на смоленской кафедре, вероятно со второй половины 80-х годов, вернулся в Москву и вплоть до своей кончины в 1402 г. выполнял роль дипломатического представителя в сношениях московской митрополии с константинопольским патриархатом. Русские летописи прямо сообщают ⁵⁰, что владыка Михаил в 1396—1397 гг. выезжал вместе с Киприаном из Москвы и жил в Киеве в течение полутора лет.

Запись писца Спиридона о написании Псалтири в 1397 г. фиксирует, видимо, лишь его собственную долю труда по изготовлению книги — переписку текста, «черное письмо». Поскольку выполнение миниатюр, инициалов и заставок в роскошных кодексах поручалось иным лицам — специалистам в своем деле, — дата чисто художественной части книги остается под вопросом. Эта работа могла быть произведена непосредственно в Киеве, т. е. тоже в 1397 г., либо, что очень возможно, она сделана уже после возвращения Киприана с его свитой в Москву. Так или иначе, мы должны рассматривать Киевскую Псалтирь, несмотря на запись, удостоверяющую, что она появилась в Киеве, как произведение московской школы книжного искусства: у нас нет никаких оснований, учитывая многолюдный состав митрополичьего клира, предполагать, что к украшению Псалтири были привлечены местные киевские художники, а не живописцы из мастерских при митрополичьей кафедре.

Несомненно, в конце XIV в. было написано также Евангелие из бывшего собрания Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой, хранящееся ныне в московском Историческом музее (ГИМ, Воскр. 2) ⁵¹. Эту рукопись при беглом осмотре легко принять за памятник переходного типа, так как в системе ее оформления только три заставки выполнены в неовизантийском стиле, а три больших фронтисписа и многочисленные инициалы еще выдержаны в тератологических формах. В действительности же, как выясняется при внимательном обследовании Евангелия Воскр. 2, оно в существующем виде является произведением двух различных эпох. Тогда как уставное письмо, большие фронтисписы и все инициалы должны датироваться концом XIV столетия, три заставки

⁴⁸ А. И. Соболевский. Новый труд г. Стасова [рецензия на издание: В. Стасов. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1884—1887]. — «[Киевские] Университетские известия», 1887, № 5 (май), отдел «Критика и библиография», стр. 56; *его же*. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, стр. 17.

⁴⁹ В. Майков. О владыке Михаиле, упомянутом в записи лицевой Псалтири 1397 года. — Сб. «Памяти Л. Н. Майкова». СПб., 1902, стр. 99—107.

⁵⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 36—39.

⁵¹ См. о нем: [Амфилозий, архим.]. Описание рукописей Воскресенского ставропигиального первоклассного, именуемого Новый Иерусалим, монастыря, писанных на пергамене и бумаге. — «Известия Второго отделения имп. Академии наук», т. VII, вып. 3. СПб., 1858, стб. 259 (под № 2); Леонид, архим. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1871, стр. 15—16 (под № 1); Амфилозий, архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1876, стр. 4—5; М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюгина, В. С. Гольищенко. Описание русских пергаментных рукописей Государственного Исторического музея, ч. 1. Русские рукописи. — «Археографический ежегодник за 1964 год». М., 1965, стр. 191. В старых описаниях и каталогах Евангелие Воскр. 2 датировалось первой половиной XIV в.; в новейших правильно указывается, что оно написано в конце XIV столетия.

неовизантийского стиля в красках (рис. 7), несомненно, являются произведениями несколько более позднего периода: они написаны на месте тщательно выскобленных тератологических заставок, слабые следы которых в виде далеко отходящих верхних и нижних киноварных линий просматриваются невооруженным глазом на 42 и 123 лл. Вторичные заставки, явившиеся, безусловно, данью новой художественной моде, выдержаны в чистых и звучных тонах, где господствуют золото и яркий синий цвет.

Воскресенское Евангелие — малоисследованный памятник. Никто, в частности, не задавался целью определить, хотя бы условно, место его происхождения. А это очень важно для правильного решения поставленной нами задачи. В рукописи нет никаких записей. Былая принадлежность манускрипта знаменитой библиотеке Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой, основанного патриархом Никоном в середине XVII в., также ничего не выясняет, поскольку Никон собирал рукописи со всех концов России, получая сотни ценнейших памятников из Новгорода, Пскова, Ростова и других старых русских городов. Остается принять к сведению стилистические приметы украшений книги при всей вытекающей, однако, отсюда непрочности выводов. Обратим внимание на инициалы рукописи. Они выполнены киноварью на синем фоне. Но в малых инициалах часто используется фон малахитово-зеленого цвета. Эта свежая зеленая краска видна и в больших инициалах, где она лежит под синей, являющейся, возможно, указанием на еще одну реставрацию книги. Зеленый фон оттенка размельченного в порошок малахита — признак рукописей, написанных в Северо-Восточной Руси, преимущественно в Москве. Он встречается в инициалах знаменитого Сийского Евангелия 1339—1340 гг. (БАН, Арх. ком. 338), Евангелия великого князя Симеона Гордого начала 40-х годов XIV в. (в серебряном окладе 1344 г. — ГБЛ, ф. 304, М. 8653), Переславль-Залесского Евангелия 1354 г. (ГИМ, Син. 67), Московского Евангелия 1358 г. (ГИМ, Син. 69) и в других рукописях. В книжном искусстве Новгорода и даже в таких недалеких от Москвы городах, как Ростов и Ярославль, подобная расцветка инициалов не была принята. Это означает, что Воскресенское Евангелие, вероятно, изготовлено в Москве или, если быть осторожным в более точных определениях, связано с московской школой книжной орнаментики.

Для исследования сложной истории неовизантийской орнаментики в русских рукописных книгах рубежа XIV—XV вв. особое значение имеет Евангелие Кошки (ГБЛ, ф. 304, М. 8654). Название этого памятника связано с именем видного московского боярина Федора Андреевича Кошки, которому приписывается заслуга его создания⁵². Поскольку, однако, в надписи на драгоценном окладном переплете книги ее заказчик назван только по имени, без прозвища, а в Москве в это время проживало по меньшей мере два боярина Федора Андреевича — Кошка и Свибл, трудно настаивать на преимуществе одного в ущерб другому⁵³. Используя поэтому привычное название рукописи — Евангелие Кошки, мы отнюдь не склоняемся в пользу традиционного определения, а лишь стремимся избежать еще одного названия, которое может оказаться в будущем не менее условным и еще более спорным.

В надписи, вырезанной на окладе Евангелия Кошки⁵⁴, сообщается, что оно украшено этим окладом в 6800 (1392) г. Но дата не внушает дове-

⁵² В. К. Трутовский. Федор Кошка. — Сб. статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915, стр. 290—299.

⁵³ Выдающийся знаток истории старых русских аристократических родов С. Б. Веселовский не исключал вероятности того, что рукопись была заказана Федором Андреевичем Свиблом (С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, стр. 147, прим. 24; см. стр. 401).

⁵⁴ О Евангелии Кошки имеется обширная литература, большая часть которой посвящена его окладному переплету. См.: Леонид, архим. Славянские рукописи, храня-

рия, поскольку существуют еще несколько русских рукописей, также датированных 6800 (1392) г., но в действительности написанных, видимо, в разные годы XIV и XV вв. Причины столь странного явления, на которое обратил внимание известный славист А. И. Яцимирский⁵⁵, до сих пор не выяснены. Нельзя принять для уточнения даты оклада и указанный в той же надписи 31 индикт, ибо индикт — счет времени по пятнадцатилетним циклам. Остается, следовательно, учесть только то, что оклад сделан при митрополите Киприане, занимавшем русскую кафедру с 1390 по 1407 г.

Подобно Воскресенскому Евангелию, Евангелие Кошки подверглось переделке. В своем первоначальном виде оно представляло искусно написанную книгу, украшенную, однако, ничем не примечательными кинноварными инициалами. Через некоторое время все эти инициалы, а также две заставки рукописи были счищены или забелены, подготовленные таким образом пустые места загрунтованы и на этих местах написаны новые композиции⁵⁶. Возможно, к моменту реставрации книги и было приурочено изготовление ее драгоценного оклада, на котором выгравировали имя его заказчика.

Инициалы Евангелия Кошки представляют собой совсем необычное явление как в русской и южнославянской, так и в византийской книжной культуре (рис. 8). Они скомбинированы либо из «рогов изобилия», либо из толстых растительных побегов, либо из этих побегов и изображений животных, либо, наконец, только из фигурок животных (дельфин, дракон, сокол, змея). Все композиции выполнены рукою опытного мастера. Линии гибкие и упругие, формы насыщены внутренней силой, фигурки живых существ лишены всякой отвлеченности и выглядят, как прямые соответствия подлинным земным и морским тварям. Но при всей своей наблюдательности автор рисунков далек от примитивного следования природе и ее созданиям: он формирует собственный художественный мир; каждая зарисовка проникнута духом яркой фантастики, в ней занима-

щиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры. — ЧОИДР, 1880, кн. 4, стр. 19—24 (под № 4); «Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII—XVIII столетий». Собрал и приготовил к изданию Павел Сimoni. Вып. первый, I. Древнейшие церковные оклады XII—XIV столетий. Изд. ОЛДП, СХХVII. [СПб.], 1910, стр. 5—6, табл. II (2), III (2—4); Ю. Олсуфьев. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры. Издание Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Сергиев, 1921, стр. 10—11; В. А. Никольский. Древнерусское декоративное искусство. Пг., 1923, стр. 36—39, рис. 2; Ю. А. Олсуфьев. Опись древнего церковного серебра 6. Троице-Сергиевой лавры (до XVIII века). Сергиев, 1926, стр. VII, XI, XXI—XXII, 149—155, табл. I, VIII; Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. [М.], 1948, стр. 628, рис. 136; А. Н. Свириг. Древнерусская миниатюра, стр. 9, 68—69; В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 71—75, табл. 61—65; С. А. Клипиков. Из истории русского художественного переплета. — Сб. «Книга. Исследования и материалы», I. М., 1959, стр. 104—105, рис. 2; М. М. Постникова-Лосева и Ф. Я. Мишуков. Изделия из драгоценных металлов. — «Русское декоративное искусство», т. 1. М., 1962, стр. 349, рис. 240; М. М. Постникова-Лосева и Т. Н. Протасьева. Лицевое евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV века. — Сб. «Древнерусское искусство XV—начала XVI веков». М., 1963, стр. 149, 152—154; Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV веков. М., 1964, стр. 47—48 (под № 55), табл. XLIII (рис. 1, 2); А. Н. Свириг. Искусство книги Древней Руси, стр. 30, 31, 88—89, илл. на стр. 212 и 213; Т. В. Николаева. Древнерусская мелкая пластика XI—XVI веков. М., 1968, стр. 21—22, рис. 51; Т. Б. Ухова. Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV—первой трети XV века, стр. 225—226, рис. 84, 92.

⁵⁵ А. И. Яцимирский. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, стр. 117 (см. также полный критический обзор славянских памятников с датами, не имеющими десятков и единиц, на стр. 117—120).

⁵⁶ Факт изменения первоначального художественного замысла Евангелия Кошки впервые был отмечен Т. Н. Протасьевой. См. М. М. Постникова-Лосева и Т. Н. Протасьева. Лицевое евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV века, стр. 153, прим. 26.

тельно сочетаются животные и растительные мотивы. Средством художественного претворения окружающего его мира служит и чисто живописная отделка инициалов. Здесь преобладают густые, насыщенные тона: темно-зеленый, коричневый, сирий, интенсивно-желтый и красный. Контуры проведены толстыми золотыми линиями, невольно вызывающими воспоминание о золотых перегородках прославленных византийских эмалей. Это впечатление еще больше усиливается благодаря некоторой жесткости, чеканной строгости и точности рисунков.

Инициалы Евангелия Кошки не находят прямых аналогий в современных ему славянских рукописных книгах, за исключением нескольких русских манускриптов, связанных с ним общностью происхождения и выполненных в ближайшие годы после создания этой рукописи. Гораздо больше типологических соответствий мы находим в греческой книжной декорации. Но и здесь, несмотря на пристрастие византийских художников к зооморфным мотивам, нет ни одного памятника, в котором была бы развернута столь же широкая галерея образов живых существ. Несколько близких композиций мы находим лишь в литургическом свитке из библиотеки монастыря Иоанна Богослова на острове Патмосе (cod. 2) ⁵⁷. Свиток точно датируется 1429 г., и его создание приходится на эпоху заката византийского искусства, испытывавшего в это время сильнейшее воздействие художественной культуры Запада ⁵⁸. Свиток дает косвенное указание на то, что в оформлении Евангелия Кошки, вероятно, принимал участие византийский мастер, ознакомившийся где-то с образцами итальянского рукописного орнамента. Есть основания полагать, что Евангелие Кошки получило вторичную отделку в мастерской Феофана Грека, чье пребывание в Москве засвидетельствовано летописями под 1395, 1399 и 1405 гг. ⁵⁹ Творческая биография Феофана, несомненно, была насыщена встречами с людьми и памятниками искусства самого различного происхождения. До приезда на Русь он работал, в частности, в принадлежавших генуэзцам Галате и Кафе, где в условиях тесного творческого общения греческих и итальянских мастеров книги и мог сложиться тот синкретический художественный стиль, с которым мы сталкиваемся в инициалах Евангелия Кошки ⁶⁰. В этом искусстве немало позаимствовано также из старых византийских образцов, претворенных, однако, в совсем новое целое. «Рога изобилия», ветвистые побеги и фигурки животных получили здесь совсем новую трактовку, сделавшись из побочных и скромных украшений ведущими мотивами в сотнях инициалов, приближающихся по своей картинности и тщательности отделки к сюжетным миниатюрам.

Известный русский агиограф Елифаний Премудрый, находившийся в дружеских отношениях с Феофаном Греком, около 1445 г., уже после смерти художника, написал краткие воспоминания о нем, в которых говорилось, что Феофан был «книги изограф нарочитый» и что московские иконописцы наперебой стремились получить от Феофана некий рисунок Софии Константинопольской, чтобы сделать копии с него для своих рукописей. Это известие, как и весь текст воспоминаний Епифания ⁶¹, обладает чрезвычайной ценностью. Независимо от того, является декорация Евангелия Кошки произведением одного из учеников греческого мастера (как считает В. Н. Лазарев) или его собственноручной работой (как предполагаю я), можно утверждать, что эта рукопись не осталась незамеченной и

⁵⁷ G. Jacopi. Le miniature dei codici di Patmo. — «Clara Rodos», vol. VI—VII, parte III. Ed. Istituto storico-archeologica di Rodi, 1932—1933, fig. 149—152.

⁵⁸ Ср. В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 80, прим. 1.

⁵⁹ Там же, стр. 10—11.

⁶⁰ Там же, стр. 72—74.

⁶¹ См. там же, стр. 113—114.

что ее листали, запоминая виденное, многие московские живописцы, интересовавшиеся новинками в области оформления рукописной книги. Что так оно и было в действительности, прекрасно доказывается целой группой московских рукописей, возникших в ближайшие годы после вторичной отделки Евангелия Кошки.

Самые известные русские рукописи начала XV в. — это Евангелие Хитрово (ГБЛ, ф. 304, М. 8657)⁶² и Евангелие из Успенского собора Московского Кремля (Оружейная палата, № 11056)⁶³. Оба Евангелия украшены лицевыми изображениями, но их миниатюры воплощают совсем иные художественные вкусы, чем иллюстрации Киевской Псалтири. Гораздо больше соответствий с рукописью 1397 г. наблюдается в заставках, которыми изобилуют Евангелия. За исключением одной заставки из Евангелия Хитрово, воспроизводящей образец балканского стиля, четыре других заставки этой рукописи и семь заставок Евангелия из Успенского собора выполнены в неовизантийском стиле (рис. 9—10). Качество работы чрезвычайно высокое. В течение десяти-пятнадцати лет, протекавших с момента изготовления Киевской Псалтири, живописцы, подвизавшиеся в области художественного оформления рукописей, сумели полностью овладеть как техникой, так и всеми видовыми формами новой орнаментики. Они безошибочно комбинируют сложные чередования больших и малых медальонов, ромбов, крестов и прямоугольников, искусно заполняют свободные пространства стилизованными розами, листьями и ветвистыми побегами, мастерски накладывают золото, тщательно выписывают кистью детали, добиваясь такой фактуры и сочности живописной поверхности, что она своими блеском и переливами нежных тонов невольно вызывает в памяти прославленные византийские эмали. Инициалы в Евангелиях Хитрово и Успенского собора отчетливо обнаруживают черты

⁶² Евангелие Хитрово, в отличие от многих других богослужебных рукописных книг, интенсивно изучалось не столько специалистами по новозаветной литературе, палеографами и лингвистами, сколько, в силу его художественной ценности, историками искусства. См.: *Леонид*, архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры, стр. 17—19 (под № 3); *Ю. Олсуфьев*. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры, стр. 16—24 (под № 10/3); *И. Грабарь*. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918—1925 гг. — Сб. «Вопросы реставрации», I. М., 1926, стр. 103—104, 140; *D. Ainalov*. Trois manuscrits du XIVe siècle à l'exposition de l'ancienne Laure de la Trinité à Sergiev. — «L'art byzantin chez les slaves», II. Paris, 1932, p. 244—249, pl. XXXV, XXXVII, fig. 76—78; *А. Н. Свириц*. Древнерусская миниатюра, стр. 65—68; *М. В. Алпатов*. Андрей Рублев. М., 1959, стр. 13—14, рис. 13—15; *В. Н. Лазарев*. Феофан Грек и его школа, стр. 75—82, табл. 66—83; *J. A. Lebedewa*. Andrej Rublijow und seine Zeitgenossen. Dresden, 1962, S. 66—68, Abb. 41—42; *Н. Демина*. «Троица» Андрея Рублева. М., 1963, стр. 25—28, рис. на стр. 11—13 и 17; *М. М. Постникова-Лосева* и *Т. Н. Протасьева*. Лицевое евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV века, стр. 136, 138—143, 147—148, 154; *А. Н. Свириц*. Искусство книги Древней Руси, стр. 89—91, рис. на стр. 214—217; *А. Н. Грабар*. Несколько заметок об искусстве Феофана Грека. — ТОДРЛ, XXII. М.—Л., 1966, стр. 86—90; *М. В. Алпатов*. Этюды по истории русского искусства, т. I. М., 1967, стр. 113—114 (о миниатюре, изображающей ангела, в статье «Классическая основа искусства Рублева», впервые напечатанной в 1958 г.); *Н. Н. Третьяков*. К вопросу об изображении природы в произведениях Андрея Рублева. — «Андрей Рублев и его эпоха». Сборник статей под ред. М. В. Алпатова. М., 1971, стр. 191—193, рис. 76, 77, 79 и 80; *Т. Б. Ухова*. Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV—первой четверти XV века, стр. 226—229, рис. 81 и 83; *М. Алпатов*. Андрей Рублев. М., 1972, стр. 38—42, 164 и рис. 13—19.

⁶³ Об этом Евангелии имеется специальная работа: *М. М. Постникова-Лосева* и *Т. Н. Протасьева*. Лицевое евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV века. См. также: *В. Н. Лазарев*. Феофан Грек и его школа, стр. 83, табл. 84; *А. Н. Грабар*. Несколько заметок об искусстве Феофана Грека, стр. 86—90; *Т. Ухова*, *Л. Писарская*. Лицевая рукопись Успенского собора. Евангелие начала XV века из Успенского собора Московского Кремля. Л., [1969]; *Т. Б. Ухова*. Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV—первой четверти XV века, стр. 229—230, рис. 82, 85.

общности с инициалами Евангелия Кошки. В отличие от инициалов Киевской Псалтири, они неизмеримо богаче по рисунку, тоньше по исполнению, свежее по колориту (рис. 11—12).

Не ограничиваясь только стилизованными растительными мотивами, художники широко используют фигурки птиц и животных. Вследствие этой любви к изображению живых существ очень многие инициалы превращаются как бы в миниатюрные картинки, причем нередко с ярко выраженной сюжетной канвой. Вкус и мера контролируют, однако, полет фантазии, и в целом архитектоника рукописного листа, соотношение текста с полями и строки с инициалом всегда выдержаны в спокойных и приятных глазу пропорциях.

Ни Евангелие Хитрово, ни Евангелие из Успенского собора не имеют послесловий писца с указанием времени и места их изготовления. Исследователи единодушны, однако, в мнении, что обе рукописи выполнены в Москве: Евангелие Хитрово около 1408 г., а Евангелие из Успенского собора — в 10-х годах XV в.⁶⁴ Миниатюры Евангелия Хитрово приписываются даже (и не без оснований) Андрею Рублеву либо художнику из мастерской, где работал великий живописец⁶⁵. Заказчики рукописей неизвестны, но очевидно, что это были лица, занимавшие исключительно высокое положение в московском обществе начала XV в. Евангелие Хитрово поступило в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина из рукописного собрания Троице-Сергиевой лавры, но, согласно имеющейся вкладной записи, оно было пожаловано монастырю боярином Богданом Матвеевичем Хитрово⁶⁶, который в свою очередь получил драгоценную книгу от царя Феодора Алексеевича (1676—1682). На этом обрываются исторические сведения о манускрипте.

Другое Евангелие не менее загадочно. Позднейшее предание называло его вкладом московского боярина Бориса Ивановича Морозова (1590—1669), но эти сведения не находят подтверждения в источниках. Евангелие хранилось в ризнице Успенского собора Московского Кремля уже тогда, когда его предполагавшийся даритель находился еще в младенческом возрасте и, следовательно, никак не мог сделать подобный вклад: рукопись упоминается в описях Успенского собора начала XVII в. и затем в 1627, 1638 и 1701 гг.⁶⁷ Учитывая былую принадлежность Евангелия Хитрово царской фамилии, а Евангелия из Успенского собора — кафедральной церкви московской митрополии, естественнее всего сделать вывод, что первая рукопись была изготовлена некогда по заказу московского великого князя Василия Дмитриевича (1389—1425), а вторая — по заказу московских митрополитов Киприана (1390—1407) либо Фотия (1410—1431).

Эта гипотеза, предложенная сравнительно недавно М. М. Постниковой-Лосевой и Т. Н. Протасьевой⁶⁸, кажется нам единственно правильной. Массивный золотой оклад с жемчугами и самоцветами на Евангелии из Успенского собора обнаруживает черты сходства с окладом, исполненным около 1415 г. по приказанию Фотия, для иконы Богоматери Владимирской, хранившейся в том же соборе, откуда происходит Евангелие,

⁶⁴ Я имею в виду результаты современного состояния изучения этих памятников.

⁶⁵ Особую оценку дает рукописи В. Н. Лазарев, отрицающий связь Евангелия Хитрово с искусством Рублева и мастеров его круга и считающий, что рукопись отмечена влиянием искусства Феофана и выполнена, вероятно, одним из его русских учеников (*В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа*, стр. 82).

⁶⁶ См. о нем: *В. Никольский. Боярин Хитрово (из истории древнерусского собирательства)* — «Среди коллекционеров», 1922, № 10, ноябрь, стр. 20—21.

⁶⁷ РИБ, т. III. СПб., 1876, стб. 339, 473, 509 и 692—693.

⁶⁸ *М. М. Постникова-Лосева и Т. Н. Протасьева. Лицевое евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV века*, стр. 148, 171—172.

и это обстоятельство лишний раз свидетельствует в пользу общего источника происхождения рукописи и оклада ⁶⁹.

Евангелие Хитрово и Евангелие из Успенского собора Московского Кремля уже в полной мере характеризуют отношение русских художников к неовизантийскому стилю книжной декорации и степень видоизменения ими этого стиля. Излюбленный византийцами и повторяющийся в южнославянских рукописях середины XIV в. тип квадратной заставки уступает здесь место заставке *продолговатой* формы, растянутой в ширину листа. Размеры заставок чрезвычайно укрупняются в соответствии с размерами самих рукописей, намного превосходящих в этом отношении миниатюрные кодексы константинопольских мастерских, а также и южнославянские маускрипты. Обрамляющая заставку рамочка последовательно утолщается, вследствие чего геометрическая форма заставки воспринимается особенно четко. Неизменные в греческих и южнославянских заставках украшения их углов растительными мотивами в виде цветов, листьев или даже целых древесных побегов на вынесенных в стороны продолжениях нижней линии исчезают совсем, как в Евангелии Хитрово, или сокращаются, принимая несколько упрощенный рисунок, как в Евангелии из Успенского собора. Характерная особенность старовизантийской заставки, повторенная также в Евангелиях патриарха Саввы, царя Иоанна-Александра и в некоторых других сербских и болгарских книгах, — сочетание декоративного поля заставки с расположенной в ее середине изящной миниатюрой ⁷⁰ — в русских рукописях не находит себе места. Полуфигурный деисус в заставке Киевской Псалтири является единственным примером подобной композиции, после чего она бесследно исчезает. Вырез в середине заставки, однако, остается, но теряет сложную конфигурацию и заполняется исключительно текстами-заголовками. Круги, ромбы и другие геометрические фигуры и заполняющие их стилизованные изображения цветов и листьев становятся крупнее, чем в греческих заставках, а соединяющие их побеги и ленты — более массивными.

Это прогрессирующее увеличение составных частей старовизантийской заставки достигает кульминации в Евангелии из Климентьевской церкви Сергиева Посада (ГБЛ, ф. 304, М. 8656; рис. 13) ⁷¹, одна из двух заставок которого является точным повторением заставки Псалтири 1397 г., и особенно в Евангелии из Спасо-Андроникова монастыря (ГИМ, Епарх. 436) ⁷², где большая заставка (рис. 14) представляет собой не что иное,

⁶⁹ Я не исключаю, однако, возможности написания Евангелия из Успенского собора еще до приезда Фотия в Москву (1410 г.), примерно в одно время с изготовлением Евангелия Хитрово. Рукопись могла быть выполнена еще при митрополите Киприане, а Фотий лишь украсил ее золотым окладом.

⁷⁰ Ср.: P. Buberl. Die Miniaturenhandschriften den Nationalbibliothek in Athen. Wien, 1917, Taf. XXIII (58, 60), XXIV (62, 63); A. Delatte. Les manuscrits à miniatures et à ornements des Bibliothèques d'Athènes. Liège—Paris, 1926 («Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège», fasc. XXIV), pl. V; V. Lazarev. Storia della pittura bizantina. Torino, 1967, fig. 226, 244, 255—258, 264.

⁷¹ См. о нем: А[рсений], и[еромонах]. Село Клементьево, ныне часть Сергиевского Посада, составляющая один из его приходов. — ЧОИДР, 1887, кн. 2, отдел «Смесь», стр. 37—39; Т. Б. Ухова. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской Духовной академии. — Записки Отдела рукописей [Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина], вып. 22. М., 1960, стр. 150. Частью этой рукописи является также отрывок из собрания В. М. Ундольского (ГБЛ, ф. 310, Унд., № 1045).

⁷² В. Перетц. Рукописи Московской Епархиальной библиотеки. — «Библиографическая летопись», II. [Пг.], 1917, раздел III, стр. 88 (под № 4); В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа, стр. 83, табл. 85—87; М. М. Постникова-Лосева и Т. Н. Протасьева. Лицевое евангелие Успенского собора как памятник древнерусского искусства первой трети XV века, стр. 148—149, 151—152; М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея, ч. 1. Русские рукописи, стр. 209; Т. Б. Ухова. Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV—первой четверти XV века, стр. 230—231.

как увеличенное воспроизведение части одной из заставок Евангелия Успенского собора.

Замечательные образцы заставок русского варианта неовизантийского стиля орнамента имеются еще в целом ряде манускриптов начала XV в. Таковы пергаменные лицевые Евангелия из Чудова монастыря в Московском Кремле (ГИМ, Чуд. 3) ⁷³, из ризницы Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ, ф. 304, М. 8655; рис. 15) ⁷⁴, а также из бывшего рукописного собрания Успенского собора Московского Кремля (ГИМ, Усп. 2-п, рис. 16) ⁷⁵. Но особенно заслуживают внимания три рукописи, идущие из Кирилло-Белозерского монастыря: Евангелие 1416—1417 гг. (ГРМ, БК, инв. № 3268) ⁷⁶ и недатированные Евангелие и Апостол (ГРМ, Др. гр. 9 и 20) ⁷⁷.

Все они щедро украшены заставками и крупными инициалами (рис. 17), а Апостол еще и великолепными иллюстрациями — изображениями апостолов Луки, Иакова, Петра, Иоанна, Иуды и Павла.

Апостол — выдающийся памятник. Обилие орнаментации невольно поражает, когда знакомишься с этой рукописью в подлиннике: она украшена 46 заставками неовизантийского стиля, причем их форма, рисунок

⁷³ Эта малоизвестная рукопись украшена лишь одной заставкой неовизантийского стиля, в настоящее время сильно осыпавшейся. В рукописи, однако, оставлены пустые места еще для трех заставок. См.: М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея, ч. 1. Русские рукописи, стр. 217—218.

⁷⁴ См. о нем: Леонид, архим. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой лавры, под № 5; Ю. Олсуфьев. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры, стр. 13—15; его же. Опись древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой лавры (до XVIII века), стр. 158—162 (об окладе), табл. X; М. Alpatoff. Die frühmoskauer Reliefplastik. Beschlag der Ikone der Gottesmutter von Wladimir und eine Evangeliumdecke des Sergiew Troitzky-Klosters. — «Belweder», № 51/52, 1926, S. 249—254, Abb. 15. В заставках этой рукописи используются мотивы неовизантийского и балканского стиля, а в инициалах — тератологического и неовизантийско-балканского. Эти смешанные формы находят себе такую принципиальную аналогию, как тверское Евангелие 1417 г. (Областной краеведческий музей в Калинин, инв. № 1893). 10-ми годами XV в. и следует датировать Евангелие ГБЛ, ф. 304, М. 8655.

⁷⁵ См.: Г. И. Истомин. Опись книг библиотеки московского Успенского собора. ЧОИДР, 1895, кн. 3, отд. II, стр. 4 (под № 2); Г. И. Истомин и М. Н. Сперанский. Описание рукописей Успенского кремлевского собора (ГИМ, инв. № 80370). — «Исследования по лингвистическому источниковедению». М., 1963, стр. 92 (под № 2/1097); М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея, ч. 1. Русские рукописи, стр. 217.

⁷⁶ Это Евангелие оковано серебряным вызолоченным окладом 1448 г., описанным во многих обзорных и специальных работах; см., в частности: К. В. Корнилович. Об окладе «Христофорова Евангелия». — Сб. «Древнерусское искусство XV—начала XVI веков». М., 1963, стр. 173—183. Ср. также: Варлаам, архим. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. — ЧОИДР, 1859, кн. 3, отд. III, стр. 27—29, прим. 76 на стр. 92; А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, стр. 138 (под № 5); Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625), т. I, вып. 1. СПб., 1897, стр. 105, прим. 1; А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства, т. 1. Русская живопись до XV века включительно, табл. LXXXIX между стр. 366 и 367 (здесь воспроизведены в прорисях заставка и девять инициалов); Т. В. Николаева. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV—первой четверти XVI в. М., 1971, стр. 77, табл. 46.

⁷⁷ См. о них: Варлаам, архим. Обозрение рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского. — ЧОИДР, 1860, кн. 2, отд. III, стр. 9—10 (под № 4) и 10—11 (под № 5); А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России, стр. 139—140, под № 6 (о Евангелии); А. И. Успенский. Очерки по истории русского искусства, т. 1. Русская живопись до XV века включительно, табл. XCIX (воспроизведены две заставки и четыре инициала из Евангелия), CIX (воспроизведены четыре заставки и четыре инициала из Апостола); Т. Б. Ухова. Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV—первой четверти XV века, стр. 234—237, рис. 86—91.

и отделка варьируются с редкой изобретательностью и вкусом (рис. 18). Не подлежит сомнению, что украшение Апостола производилось в художественной мастерской, где неовизантийский орнамент был уже привычной декоративной формой. Художник щеголяет своим мастерством, неистощимой выдумкой. Он уже не ограничивается набором готовых образцов, заимствуя их из предыдущих рукописей, а комбинирует все новые и новые формы. Его фантазию не сковывают никакие трудности, и в любом украшении этой рукописи он достигает редкостного совершенства.

Монастырская традиция приписывала оба Евангелия и Апостол ученику преподобного Кирилла, третьему игумену Кирилло-Белозерского монастыря Христофору (он умер в 1436 г.). Христофор славился как искусный писец. К сожалению, проверить это предание трудно, так как ни одна из рукописей не имеет его подписи. Условно с именем Христофора можно связать Евангелие 1416—1417 гг. Но второе Евангелие и Апостол, написанные, несомненно, в одно время и по одному заказу, отличаются по манере письма и типу орнаментации от Евангелия 1416—1417 гг.

Поразительное богатство оформления, обилие многоцветных заставок, большие инициалы и замечательные миниатюры Апостола вообще не вяжутся с нашими представлениями о монастырском книгописании в Северо-Восточной Руси. В русских монастырях до XV в. не существовало специальных книжных рисовальщиков и художников-миниатюристов. Возможно поэтому, что второе Евангелие и Апостол были выполнены в Москве и лишь отсюда попали в монастырь. Даже если не отрицать кирилловского происхождения рукописей, это не означает, конечно, что мы имеем дело с произведениями особой кирилловской художественной школы. Кирилло-Белозерский монастырь был основан выходцем из Москвы — представителем знатного московского рода, большая часть жизни которого прошла в кругу видных церковных и государственных деятелей Московского великого княжества. Некоторое время преподобный Кирилл был игуменом московского Симонова монастыря, занимавшего исключительно высокое положение среди других русских монастырей конца XIV—начала XV в. Здесь жили многие греческие и русские художники⁷⁸. Когда около 1397 г. Кирилл покинул Москву и поселился на Севере, в новооснованной обители он воспроизвел формы иноческой жизни знаменитого московского монастыря⁷⁹. И первые иноки пришли сюда вместе с Кириллом тоже из Москвы. Очень вероятно, что именно москвичами были те образованные кирилловские монахи, которые переписывали и украшали местные книги в начале XV в. Вот почему писец Христофор и украсившие приписываемые ему рукописи художники по существу представляются нам деятелями московской письменности и культуры.

Созданные ими книги неотделимы от общей группы московских рукописей начала XV столетия⁸⁰.

Русские книги раннего XV в. поражают не только изобилием своих заставок, но и чрезвычайным богатством имеющихся в них инициалов.

⁷⁸ См.: В. И. Антонова. Незвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам. — ТОДРЛ, XIV. М.—Л., 1958, стр. 569—572; Г. И. Вадорнов. Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. — ТОДРЛ, XXII. М.—Л., 1966, стр. 139—141; Б. Н. Флоря. Московский иконописец середины XV в. Митрофан по данным письменных источников. — «Культура Древней Руси». Сб. статей в честь 40-летия научной деятельности Н. Н. Воронина. М., 1966, стр. 278—280.

⁷⁹ Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625), т. I, вып. 1, стр. 11—18.

⁸⁰ В Кирилло-Белозерском монастыре написана еще одна рукопись, где мы также находим заставку неовизантийского стиля. Это Псалтирь 1424 г., известная, однако, не заставкой, а рисунком на выходном листе с названием «церковь сборная святых апо-

Инициал как самодовлеющая художественная форма не типичен для византийской рукописной книги. В системе оформления греческого кодекса ему отводится сравнительно скромная роль. Даже в эпоху наивысшего расцвета книжного искусства в Византии, в X—XII вв., греческие писцы и художники использовали инициал весьма умеренно. Раскрашенные инициалы помещались только на заглавных листах и в начале наиболее значительных отрывков текста. Их нередко монтировали, особенно в рукописях, вышедших из царских мастерских, в виде мельчайших фигурок святых или портретов членов императорской фамилии⁸¹. Стереотипными же были киноварный инициал без фигурок и без подкрашивания, а чаще всего просто увеличенная заглавная буква, хорошо гармонизировавшая с минускульным письмом. В славянских рукописях человеческие фигурки отсутствуют, а прочие инициалы неовизантийского стиля только схемой своих конструкций напоминают греческие образцы. Они сделались больше, толще, массивней, а главное — это почти всегда раскрашенные инициалы. Их расцветка вызывающе яркая, рисунок дополнительно пройден белыми или желтоватыми линиями и точками, контуры щедро позолочены.

Собственно неовизантийские инициалы без особой заботы о стилистической цельности свободно перемежаются инициалами балканского стиля, развивавшегося параллельно с неовизантийским, или инициалами, которые обнаруживают западноевропейские, вероятно итальянские, источники.

На Руси в начале XV в. особенно интенсивно развивалось искусство киноварного инициала. Выполнение большой рисованной заглавной буквы традиционной красной краской не требовало от писца, совмещавшего обычно в своем лице также и художника-рисовальщика, навыков работы с палитрой, достигавшихся, конечно, лишь путем специального обучения в живописных мастерских. Киноварный инициал был такой же общедоступной формой украшения книги, как хороший, каллиграфически поставленный почерк или умение красиво соотносить столбцы текста с полями рукописи. Профессиональные писцы постоянно совершенствовались поэтому в рисовании сложных инициалов, избегая необходимости обращаться за поддержкой для достойного оформления своих рукописей к мастеру-живописцу.

Излюбленным видом инициала среди русских писцов начала XV в. стал киноварный инициал, состоящий из тонкого стержня с утолщениями в виде точек и различных ответвлений от этого стержня в виде побегов и росчерков. Хотя подобные инициалы часто можно наблюдать в южнославянских рукописных книгах, они отнюдь не были изобретены сербскими

столь» (ГРМ, Др. гр. 17). И эта рукопись, подобно двум Евангелиям и «Апостолу» в Русском музее (БК, инв. № 3268, Др. гр. 9 и 20), также приписывается Христофору. См. о ней: *Варлаам*, архим. Обзорные рукописей собственной библиотеки преподобного Кирилла Белозерского, стр. 11—13 (под № VI); *А. Е. Викторов*. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России, стр. 140, под № 7; *А. И. Успенский*. Очерки по истории русского искусства, т. 1. Русская живопись до XV века включительно, табл. XCII и XCVIII; *А. И. Некрасов*. Les frontispices architecturaux dans les manuscrits russes avant l'époque de L'imprimerie, p. 270—276, fig. 91; *Т. Б. Ухова*. Орнамент неовизантийского стиля в московских рукописях конца XIV—первой четверти XV века, стр. 234—235.

⁸¹ *C. Franc-Sgourdeou*. Les initiales historiées dans les manuscrits byzantins aux XIe—XIIe siècles. — «Byzantinoslavica», 1967, № 2, p. 336—351. См. также характерные примеры: *М. V. Alpatov*. Un nuovo monumento di miniatura della scuola constantinopolitana. — «Studi bizantini», 2 (1927), p. 101—108; то же на русском языке: *М. Алпатов*. Царьградские миниатюры Апостола 1072 г. Университетской библиотеки в Москве. — «Труды секции искусствознания Института археологии и искусствознания РАИМК», II. М., 1928, стр. 108—112, табл. X (1—4); *В. Н. Лазарев*. Царьградская лицевая Псалтирь XI века. — ВВ, III, 1950, стр. 212—218, рис. 1—3, 5—9, 11 и 12; *idem*. Storia della pittura bizantina, fig. 213—217, 219—226, 234—237, 244.

или болгарскими писцами. Этот мотив был заимствован южными славянами из старых греческих манускриптов. Там он встречается уже в X—XI вв.⁸² и достигает весьма зрелых видовых форм в XII и XIII вв. (рис. 19)⁸³. Но если в течение XIV столетия подобные инициалы в греческих манускриптах почти выродились, в славянских книгах они, наоборот, нашли невиданно широкое использование. Хорошие ранние образцы их мы обнаруживаем, например, в сербской рукописи 1381 г., содержащей Слова Исаака Сирина (ГБЛ, ф. 304, № 172; рис. 20)⁸⁴, где они соединяются также с небольшими и непритязательно исполненными двумя заставками балканского и неовизантийского стиля. Но подлинная художественная история этих инициалов связана все-таки не с южнославянскими, а с русскими книгами, что очень хорошо согласовывалось с местным пристрастием к узорочью как непремennomу элементу всякого произведения искусства.

Лучшие русские книги, украшенные киноварными инициалами неовизантийско-балканского стиля, датируются 10-ми годами XV в. Это прежде всего две рукописи из Кирилло-Белозерского монастыря: уже упоминавшееся нами Христофорово Евангелие и малоизвестный экземпляр Огласительных слов Феодора Студита 1417 г. (ГБЛ, ф. 178, Муз. 8460). Инициалы первой рукописи (рис. 21), разукрашенной с необычной для периферийных памятников роскошью, выполнены, впрочем, не киноварью, а золотом по киноварной основе, что, однако, не мешает рассматривать их в одном ряду с аналогичными рисунками второй книги (рис. 22), сделанными только красной краской, без применения золота, ибо стилистически это очень близкие произведения. Но инициалы Огласительных слов, неизвестный мастер которых не был скован условиями богатого заказа, каким, несомненно, является Христофорово Евангелие, выполнены в очень свободной, размашистой и даже небрежной манере. Это рисунки-наброски, в характере которых легко угадывается творческое отношение рисовальщика к своему ремеслу. Широкие округлые формы преобладающего в тексте рукописи инициала «О» заполнены массой мелких завитков, стилизованных побегов, утолщений, точек, кружочков и линий. Здесь лишний

⁸² См.: В. Н. Бенешевич. Памятники Синая археологические и палеографические, вып. II. 46 снимков из греческих синаяских рукописей. СПб., 1912, табл. 43 (Стихирарь 999 г.); K. and S. Lake. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200, I. Manuscripts at Jerusalem, Patmos and Athens. Boston, Mass., 1934, pl. 12 (Лествица 1079 г. в библиотеке греческого патриархата в Иерусалиме).

⁸³ См.: И. Помяловский. Две пергаменные литургийные *конτάκια*, принадлежащие имп. Обществу любителей древней письменности. СПб., 1884 (ПДП, LII). Новейшее описание одной из них см.: Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 4. Рукописи XII века. — ВВ, XXIII, 1963, стр. 203, № 424. См. также: K. and S. Lake. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200, V. Manuscripts in Paris, part II. Oxford, Berlin, Vienna and Jerusalem. Boston, Mass., 1936, pl. 361 (богословские трактаты 1182 г. в венской Национальной библиотеке, cod. theol. gr. 88), 365 (Феофилакт 1197 г. там же, cod. theol. gr. 19); ibid., VIII. Manuscripts in Rome, part II. Boston, Mass., 1937, pl. 1568 (Лествица 1124 г. в Библиотеке Ватикана, cod. gr. 586).

⁸⁴ По определению Е. Ф. Карского, эта рукопись является «русским памятником, писанным сербским письмом и правописанием» (Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, стр. 50). Вернее предполагать, что книга переписана сербским писцом в одном из русских монастырей, возможно, в Троице-Сергиевой лавре. См.: Иларию и Арсений, иером. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. I. М., 1878, № 172; Леонид, архим. Рукописи сербского письма XIII—XVIII века, находящиеся в библиотеках Московской губернии. — ЧОИДР, 1891, кн. 2, отд. II, стр. 4 (под № 29); Н. В. Волков. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. Изд. ОЛДП, СХХIII. [СПб.], 1897, стр. 37 (предположение, что рукопись написана в Константинополе); Стари српски записи и натписи, књ I. Скупно их и средно Јб. Стојановић. Београд, 1902, стр. 49 (под № 153); Т. Б. Ухова. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской Духовной академии, стр. 104 (под № 172).

раз убеждаешься, что в глазах русского мастера инициал был не только буквой — он обладал еще и самостоятельным художественным смыслом. Даже при отсутствии в рукописи лицевых изображений она, будучи украшена такими буквами-рисунками, вполне может рассматриваться как произведение искусства большой ценности. Прекрасные образцы крупных киноварных инициалов, знаменующие вершину этого стилистического течения в русской письменности, содержатся еще в одной книге — в Евангелии первой четверти (?) XV в. в Гос. Историческом музее (ГИМ, Муз. 364)⁸⁵. Оно украшено изображениями четырех евангелистов⁸⁶, но подлинной достопримечательностью кодекса являются не миниатюры, а чудесные рисунки инициалов: изящные, бесконечно разнообразные, прихотливо утонченные.

Число мастеров, прибегавших к неовизантийскому орнаменту для украшения рукописей, в середине XIV в. было очень небольшим. Постепенно этот орнамент становится все более популярным, и рукописи, декорированные неовизантийскими заставками и инициалами, встречаются все чаще и чаще. Но как на Балканах, так и на Руси эти заставки и инициалы последовательно используются на правах особого типа книжного орнамента, предназначенного для дорогих заказов, для украшения книг, поступающих в руки представителей верхушки феодального общества. Так как заказчики в силу их высокого положения проживали обычно в крупных городах — средоточиях политической, церковной и художественной жизни, — то, естественно, и рукописи интересующего нас стиля чаще всего оказываются памятниками развитой городской культуры, имевшей, в отличие от монастырской, свою специфику. Это, как правило, яркие, пышные, бьющие на эффект или, наоборот, чрезвычайно тонкие, изысканные произведения.

Ранние русские рукописи, украшенные заставками и инициалами неовизантийского стиля, подтверждают выводы, полученные нами при исследовании южнославянских памятников. И здесь главные манускрипты, несмотря на то, что большая часть их была обнаружена в монастырских библиотеках, связаны с крупнейшим культурным центром России рубежа XIV—XV вв. — с Москвой, а более точно — с митрополичьим и княжеским дворами. Митрополит Киприан и его ближайший помощник смоленский владыка Михаил, митрополит Фотий и, возможно, великий князь Василий Дмитриевич выступают в роли действительных и предполагаемых заказчиков роскошных рукописей, и судьба этих произведений удивительно напоминает в общих чертах судьбу южнославянских кодексов. Часть рукописей попадает как вклады в церковные и монастырские ризницы, а другая часть долгое время, как Евангелие Хитрово, хранится в личных сокровищницах, пока в свою очередь также не оказывается в надежных монастырских книгохранилищах.

Перейдем теперь к выяснению обстоятельств, при которых неовизантийская орнаментика появилась в русских рукописных книгах. Здесь, в отличие от первоначальных болгарских и сербских центров ее распространения, картина значительно сложнее. Как и на Балканах, в России рубежа XIV—XV вв. происходили постоянные контакты местных художников с греческими. Московская Русь находилась в стадии бурного политического развития. По мере того как слабела Византия и под натиском турок-сельджуков клонились к упадку Сербия и Болгария, русские

⁸⁵ Рукопись заключена в массивный медный оклад псевдовизантийского стиля с эмалью работы парижской ювелирной фирмы L. Bachelet конца XIX в. Подарена Историческому музею Е. Г. Шереметевой в 1890 г. См.: М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко. Описание пергаментных рукописей Государственного Исторического музея, ч. 1. Русские рукописи, стр. 217.

⁸⁶ Ю. А. Лебедева безосновательно приписывает их школе Рублева (J. A. Lebedewa. Andrej Rubl'jow und seine Zeitgenossen, S. 71, Abb. 44).

княжества набирали силу и пачинали играть все более значительную роль в государственных и церковных делах Ближнего Востока и Балканского полуострова. Церковные сношения с Константинополем и Афоном достигли небывалой интенсивности⁸⁷. В Москву ехали греческие монахи, епископы, митрополиты, а в византийскую столицу и афонские монастыри отправлялись многочисленные русские посольства и паломнические дружины. Дорога на берега Босфора и на Афон сделалась столь же оживленной, как и в XI—XII вв. Естественно, что паряду с послами, официальными представителями высшей церковной и государственной власти в этом потоке людей было немало писателей, живописцев, книжных писцов, зодчих и других профессиональных деятелей культуры. И если послы великого князя и московской митрополии везли в Царьград и монастыри Афона деньги, пушнину и подарки из драгоценных металлов, то стекавшиеся в Москву греки несли в свою очередь, кроме нередко упоминаемых в русских летописях церковных святынь и мощей мучеников, красивые иконы, разноцветное шитье, эмали, редкие краски, дорогое оружие, иллюстрированные рукописи и многое другое, что, как они очень хорошо понимали, могло быть с удовлетворением принято в далекой полуазиатской стране, стремившейся стать вровень с империей Палеологов.

При столь оживленных контактах византийцев с русскими совершенно естественно возникновение в русском изобразительном искусстве чисто греческих либо сильно византинизирующих произведений. Стенные росписи и большие иконостасы Феофана Грека и Игнатия Грека, появление в Москве и ее ближайших окрестностях таких интересных памятников византийской иконописи, как «Пименовская богоматерь» или знаменитый Высоцкий чин, множество известных и оставшихся неизвестными художественных сокровищ греческого происхождения, которыми должны были окружить себя и свой двор митрополиты Киприан (1390—1407) и Фотий (1410—1431), — все это создавало богатейший фонд произведений греческого мастерства, внимательно изучавшихся русскими художниками. И более чем естественно, что в области рукописной книги происходил аналогичный процесс творческого обогащения традиционных русских декоративных форм мотивами, почерпнутыми из византийских рукописей либо выполнявшихся непосредственно греческими мастерами. Появление Киевской Псалтири 1397 г. — этой удивительной параллели к болгарскому Евангелию Иоанна-Александра 1356 г. — и вторичных инициалов Евангелия Кошки служит наиболее яркой иллюстрацией взаимодействия русской и греческой книжной культуры на рубеже XIV—XV вв.

Но, ставя вопрос о роли греческих живописцев в процессе сложения русского варианта неовизантийской книжной декорации, мы хотим указать и на чрезвычайные трудности, подстерегающие исследователя, который стремился бы отделить в этом процессе чисто греческую линию от южнославянской. Нередко это была единая волна культурного влияния, где тесно сплетались и византийские, и сербские, и болгарские воздействия. Они оформлялись и образовывали единую равнодействующую на почве интенсивной церковно-политической жизни и литературно-художественной общности в греко-славянских монастырях Константинополя и Афона⁸⁸.

⁸⁷ См. об этом: *Ф. Терновский*. Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси, вып. II. Киев, 1876, стр. 13—20; *М. Н. Тихомиров*. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, стр. 15—77 (статьи «Византия и Московская Русь», «Россия и Византия в XIV—XV столетиях», «Пути из России в Византию в XIV—XV вв.»).

⁸⁸ См. об этом: *А. И. Соболевский*. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV—XV веках. СПб., 1894; *М. Н. Тихомиров*. Исторические связи России со славянскими странами и Византией, стр. 133—146 (раздел «Южнославянские страны и Русь в XIV—XV вв.» из статьи «Исторические связи русского народа с южными сла-

Киевская Псалтирь отделена от Евангелия Иакова Серрского промежуток времени в 43 года; Евангелия Хитрово и Успенского собора Московского Кремля были написаны и украшены примерно через 50 лет после Евангелия Иоанна-Александра и Псалтири Томича. Это свидетельствует о вторичном характере русского варианта неовизантийского стиля орнамента, в отличие от южнославянского. Поскольку время распространения неовизантийского орнамента на Руси совпадает с периодом «второго южнославянского влияния» (хорошо изученного в области литературы, правописания и книжной графики), постольку есть основания считать, что немалую инициативу в насаждении нового декоративного стиля в оформлении русских рукописей проявили и южнославянские писцы, рисовальщики и художники⁸⁹.

Как передавались выработанные ими орнаментальные формы на русскую почву? Могли иметь место различные варианты сотрудничества. Когда славянские царства на Балканах подверглись завоеванию турками (в 1389 и 1393 гг.), десятки выдающихся деятелей сербского и болгарского просвещения, в том числе книжные писцы, художники, грамматик, переводчики и писатели, были вынуждены эмигрировать на Афон, в Италию, Молдавию и Валахию, на Украину, в Литву, на Русь. Направляясь в родственные восточнославянские страны, с которыми их связывали длительные дружественные отношения и где говорили и писали на понятном для них языке, они, естественно, везли захваченные при бегстве с родины книги, орудия письма, прориси для икон, образцы декоративного оформления рукописей и книжных переплетов. Эмигрировали чаще всего люди творческого труда и опытные ремесленники, которые могли твердо рассчитывать на использование их знаний в русских городах, где они искали убежища. Длительное пребывание на митрополичьем престоле в Москве болгарина Киприана, личность которого была очень хорошо известна на Балканах и в славянских колониях Константинополя и Афона, способствовало сравнительно легкой акклиматизации беженцев при кафедре митрополита и в наиболее значительных московских и подмосковных монастырях. В содружестве с русскими собратьями писцы начинали переписывать новые книги, художники выполняли многочисленные заказы на оформление дорогих экземпляров Евангелий и Псалтирей. Несомненно при участии славянского художника, обучавшегося в греческих живописных мастерских, или грека, длительное время работавшего в славянской среде, выполнялись, например, иллюстрации Киевской Псалтири. Я полагаю также, что заезжему южнославянскому художнику было

вянами с древнейших времен до половины XVII в.»); *Д. С. Лихачев*. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958; *В. Мошин*. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, XIX. Русская литература XI—XVII веков среди славянских литератур. М.—Л., 1963, стр. 97—106; *И. Дуйчев*. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества. — Там же, стр. 107—129; *Л. А. Дмитриев*. Роль и значение Киприана в истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV—XV вв.). — Там же, стр. 215—254; *Г. И. Вадорнов*. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. — ТОДРЛ, XXIII. Литературные связи древних славян. Л., 1968, стр. 171—198. Ср. также: *В. Н. Лазарев*. Русская средневековая живопись. М., 1970, стр. 234—278 (статья «Ковалевская роспись и проблема южнославянских связей в русской живописи XIV века»).

⁸⁹ Т. Б. Ухова последовательно игнорирует исторические условия образования неовизантийского орнамента на русской почве и всячески настаивает на самостоятельности его возникновения и развития. В ее работе наблюдаются также очевидные признаки смещения вопроса об исторических предпосылках образования этого декоративного стиля на Руси с вопросом о национальной специфике русского варианта неовизантийской книжной декорации. Поэтому заключительная часть ее статьи (стр. 237—244) изобилует крайне путанными суждениями и страдает от недостатка ясности, необходимой, конечно, для решения столь сложной искусствоведческой проблемы.

поручено сделать новые заставки в Евангелии из Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, интенсивные синие тона которых находят прямые аналогии в сербских и болгарских книгах. Но было бы серьезной методологической ошибкой думать, что новые художественные идеи исходили только от приезжих мастеров. Русские писцы и миниатюристы внимательно присматривались к произведениям декоративного искусства, создававшимся южными славянами, перенимали нравившиеся им основные мотивы, затем пробовали свои силы и с течением времени уже соперничали в мастерстве с лучшими художниками-эмигрантами. Подавляющее большинство неовизантийских инициалов и заставок в рассмотренных нами русских рукописных книгах начала XV столетия сделано, конечно, местными русскими живописцами и рисовальщиками.

При исследовании неовизантийского орнамента в славянских рукописных книгах неизбежно возникает еще один интересный вопрос: памятниками какой художественной эпохи являлись те греческие рукописи, декоративные элементы которых послужили образцами для украшений, выполнявшихся болгарскими, сербскими и русскими мастерами. Были это греческие манускрипты X—XII вв. или славянские художники предпочитали обращаться к изучению более поздних и даже современных им рукописей XIII и XIV столетий, где мы также находим чудесные образцы декоративного мастерства византийских рисовальщиков-орнаментаторов? И какую роль сыграли в этом процессе древние рукописи болгарского и русского происхождения, такие, как утраченные ныне памятники эпохи болгарского царя Бориса или их русские реплики типа Остромирова Евангелия, чьи заставки во многом перекликаются к роскошными заставками Евангелий Хитрово и Успенского собора Московского Кремля?

Не исключено, что создание ряда сербских рукописных книг середины и второй половины XIV в. протекало в условиях тесного сотрудничества славянских писцов с греческими художниками. Такую ситуацию уместно предположить, например, для Евангелия Иакова Серрского, ибо заставки этой сербской книги очень хорошо воспроизводят образцы не только XI в., но и заставки современных ей византийских рукописей. Русские мастера начала XV в. немало позаимствовали в свою очередь из такой оригинальной, не имеющей предшественниц рукописи, как Евангелие Кошки. Вероятно также частичное использование славянскими художниками памятников собственного национального художественного прошлого, но никаких убедительных данных, которые бы свидетельствовали о сложении неовизантийского орнамента на чисто славянской основе, я привести не могу. Наиболее ясно вырисовывается роль греческих образцов позднего X, XI и раннего XII столетий. Такие рукописи, как болгарское Евангелие 1356 г. и русская Псалтирь 1397 г., несомненно копируют лицевые византийские оригиналы XI—XII вв. Они до такой степени точно воспроизводят иллюстрации прославленных греческих рукописей компиновской эпохи, что не остается никаких сомнений в чрезвычайно остром интересе, проявлявшемся в славянских странах к византийскому художественному наследию двухсотлетней или даже трехсотлетней давности.

Почему славянские художники XIV в., подвизавшиеся в области декоративного оформления рукописной книги, обратились в поисках новых выразительных средств к искусству не современной им византийской рукописной книги, а к произведениям более ранней эпохи? Потому, что XI—XII вв. были периодом расцвета греческой книжной декорации, когда все элементы книги как художественного целого достигли наиболее полного развития, недосыгаемого совершенства. Ни первое тысячелетие, ни XIII—XIV вв. не дали на византийской почве столь замечательных произведений книжного мастерства, как эпоха Дук и Комнинов, при которых сложился классический византийский стиль во всех областях ху-

дожественного творчества — в монументальной живописи, зодчестве, ювелирном деле, в книжной иллюстрации и орнаменте. В палеологовское время греческое книжное искусство заметно деградировало, а эпизодическое использование «роскошного» стиля после 1261 г. выдает явное желание византийских мастеров, как и почти современных им болгарских и сербских художников, подражать украшениям рукописей XI и XII вв.⁹⁰

Эта эпоха явилась не только классической, но и чрезвычайно плодотворной: многие тысячи великолепных созданий искусства наполнили в XI—XII вв. городские и монастырские храмы, их ризницы, парадные залы во дворцах василевсов и аристократии. Это было также время интенсивной экспансии греческой культуры. Ее образцы умело использовались византийской администрацией для пропаганды государственного величия империи и для приобщения других народов, особенно славянских, к культуре, непосредственно связанной с православной церковью, чей авторитет служил предметом постоянных забот светской и патриаршей власти. Нет поэтому ничего удивительного в том, что времена расцвета империи и ее искусства всегда были в глазах византийцев и народов, находившихся в сфере влияния греческой культуры, предметом всестороннего изучения и внимательного подражания. Болгары, сербы и русские проявили тонкий вкус, безошибочное чутье, обратившись к использованию художественного наследия одной из самых блестящих эпох во всей полуторатысячетней истории Византийской империи.

⁹⁰ Такова примечательная группа раннепалеологовских рукописей с очень сложными красочными заставками (конец XIII — начало XIV в.), послужившая недавно предметом специальной публикации проф. Г. Бухталя, который убедительно показал вторичный характер украшений этих рукописей, прямую зависимость их украшений от памятников XI и XII вв. См. *H. Buchthal. Illuminations from an Early Palaeologan Scriptorium.* — *JÖB*, Bd. 21, 1972, p. 47—55, fig. 1—15.

О. А. БЕЛОБРОВА

К ИКОНОГРАФИИ МАКСИМА ГРЕКА

В последнее время интерес к Максиму Греку в советской науке неизменно возрастает. Этому способствуют поиски и находки его автографов ¹, изучение и выявление новых известий о «судном деле» Максима Грека 1525 г.², наблюдения над составом его сочинений ³, исследование его наследия в связи с историей лексикографии ⁴ и другие аспекты.

Своеобразным свидетельством распространения на Руси известности Максима Грека еще в конце XVI в. и на протяжении XVII—XVIII вв. являются его изображения. Предприимчивый в свое время обзор иконографии Максима Грека ⁵ показал, что его изображали в миниатюрах рукописей, на иконах, в фресковых росписях храмов. При этом было отмечено два этапа в сложении его более или менее устойчивого иконографического типа: первый этап — Максим Грек как автор, писатель, ученый монах; второй этап — Максим Грек как преподобный, с нимбом, местно чтимый святой (сначала его почитание связывалось с Троице-Сергиевым монастырем, где он провел последние пять лет жизни (1551—1556 гг.) и был погребен, а позднее распространилось в старообрядческих кругах). Тогда же отмечалось преобладание изображений второго рода и сравнительно небольшое число первых. Миниатюры Максима Грека, как представлялось в то время, сопровождали и украшали только сборники его сочинений.

Привлечение ускользнувших от внимания исследователей некоторых изображений Максима Грека, относящихся к первому, наиболее раннему типу — в виде ученого писца, — позволяет несколько уточнить картину сложения иконографии писателя и оценить, как к нему отнеслись в среде древнерусских книжников.

¹ Ср. Б. Л. Фолкич. Новый автограф Максима Грека. — ВВ, XXX, 1969, № 1, стр. 77—82; *его же*. Русский автограф Максима Грека. — История СССР, 1971, № 3, стр. 153—158.

² Н. А. Казакова. О судном списке Максима Грека. — «Археографический ежегодник за 1966 год». М., 1968, стр. 25—36; *ее же*. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — ВВ., XXVIII, 1968, стр. 109—126; XXIX, 1969, стр. 108—131; *ее же*. Очерки по истории русской общественной мысли первой трети XVI в. Л., 1970; Н. Н. Покровский. Сибирская находка (новое о Максиме Греке). — «Вопросы истории», 1969, № 11, стр. 129—138; *его же*. Судные списки Максима Грека и Исаака Собака. М., 1971.

³ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Характеристика, атрибуции, библиография. Л., 1969; Н. В. Силицына. Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собранных сочинений Максима Грека (к постановке вопроса). — ТОДРЛ, т. XXVI, 1971, стр. 259—266.

⁴ Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. (в печати).

⁵ О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 301—310, рис. 1—3 (на вклейках между стр. 304—305).

Прежде всего, оказалось, что условные «портреты» Максима Грека сохранились не только в составе корпуса его сочинений. Например, Азбуковник ГПБ, Q. XVI, 21, переписанный писцом Евстратием в 1613 г., был украшен тогда же (л. 21 об.) изображением пишущего монаха. В зашифрованной подписи под рисунком — «РАТЛИРЬ ЧМЕТЬ» — назван не кто иной, как Максим Грек (его имя передано здесь тайнописью — «простой литореей»). Эта миниатюра ⁶ (рис. 1) значительно отличается от хорошо известных ранних профильных оплечных портретов писателя (возможно, восходивших к его реальному облику), сделанных пером и сохранившихся в трех списках его сочинений Соловецкого собрания (ГПБ, Сол., № 497/516, 494/513 и 496/515) рубежа XVI—XVII вв., а также и в списке ГПБ, ОЛДП, О.176 ⁷.

Миниатюра Азбуковника может быть сближена с двумя более известными изображениями Максима Грека, относящимися также к XVII в.: во-первых, с миниатюрой, сопровождающей сборник сочинений Максима Грека (БАН, Арханг. собр., № 1044., М. Б., № 15, л. 10 об.) ⁸ (рис. 2); во-вторых, с прорисью из Сийского иконописного подлинника (ГПБ, ОЛДП, Ф. 88, л. 493 об.) ⁹, размер которой (11,2 × 12,5 см) указывает на ее назначение, скорее всего, для украшения рукописей (рис. 3). Сходство всех трех заключается в том, что Максим Грек — без нимба — представлен в типе писца, он пишет сидя, в каком-то интерьере. Имеются и отличия: в Азбуковнике писец простоволосый, а в миниатюре списка БАН и в прориси Сийского подлинника он в клобуке; в Азбуковнике он пишет на свитке, держа его на весу, над столом, а в миниатюре и прориси он пишет на листе тетради (книги), на коленях, причем столик с письменными принадлежностями находится в некотором отдалении.

Нельзя не заметить также, что миниатюра БАН и прорись передают изображение писца в зеркальном отражении: в миниатюре БАН он, как и в Азбуковнике, в трехчетвертном повороте вправо, а в прориси — влево. Кроме того, в Азбуковнике передан не только интерьер двусветной сводчатой палаты с тремя окнами, опорными столбами и тяжелой резной мебелью, но и экстерьер, — богатый архитектурный мир, любовно воспроизведенный рисовальщиком в верхней части миниатюры. Здесь выделяется двухъярусная колокольня со сквозными «звонами» для пяти колоколов разной величины, башни разнообразных силуэтов и конструкций; различаются и оконные проемы — круглые, квадратные, узкие, как бойницы, и заovalенные, вверху продольные. Наконец, вокруг этого изображения, деликатно выполненного тонким пером, идет черно-белая пышная, также перовая, но значительно более контрастная рамка растительного орнамента старопечатного типа с навершием в центре.

Все три изображения Максима Грека по своему иконографическому типу в сущности восходят к традиции портретов легендарных авторов канонических книг — евангелистов Матфея, Марка, Луки, Иоанна и творца Псалтири — библейского царя Давида. Графическая, почти цели-

⁶ Миниатюра Азбуковника ГПБ, Q. XVI, 21 отмечалась (но не воспроизводилась) в изданиях: А. В. Пруссак. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделе имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915, стр. 15—16; М. П. Алексеев. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Исследование, тексты, комментарии. Л., 1968, стр. 33, прим. 110. Ср. также: О. А. Белоброва. К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия. — ТОДРЛ, т. XXV, 1970, стр. 153, вклейка между стр. 152 и 153.

⁷ Эти изображения неоднократно публиковались. Из новейших изданий с воспроизведением двух соловецких назовем: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, стр. 13, 17, рис. 2, 3.

⁸ Воспроизведена впервые в издании: О. А. Белоброва. К иконографии Максима Грека, рис. 1 (на вклейке между стр. 304—305).

⁹ Ср. воспроизведение в изданиях: Н. В. Покровский. Сийский иконописный подлинник, вып. IV. СПб., 1898, рис. 60; его же. Иконография и искусство. СПб., 1900, рис. 221.

ком контурная манера изображения Максима Грека во всех трех случаях указывает на зависимость от книжной гравюры, получившей в Московской Руси конца XVI и XVII в. значительное распространение. Впрочем, прорись из Сийского иконописного подлинника — конца XVII в., — кроме того, указывает и на знакомство с первыми профильными портретами Максима Грека рубежа XVI—XVII вв. (ср., например, своеобразную форму клобука и характерный подризник на пуговках, впервые встречающиеся в рисунках Максима Грека из упоминавшихся выше рукописей Соловецкого собрания).

Но если гравюры древнерусских старопечатных евангелий с изображением евангелистов отличались известным упрощением по сравнению с многовековой традицией воплощения тех же образов в красочных миниатюрах рукописных книг, то с образом царя Давида дело обстояло иначе. Сравнительная редкость лицевых рукописных Псалтирей и притом преимущественный интерес в лицевых списках не к личности автора, а к иллюстрированию псалмов¹⁰ позволяют считать гравюры из московских печатных изданий Псалтири конца XVI и XVII в. с изображением царя Давида как автора псалмов гораздо более самостоятельным и значительным художественным явлением. Иконография образа царя Давида в московских старопечатных изданиях Псалтири была довольно устойчива¹¹.

Сравнение этих гравированных изображений царя Давида из печатных изданий Псалтири с первыми изображениями Максима Грека как писца (или автора) показывает их определенное иконографическое сходство.

Почему же, для того чтобы создать условный портрет Максима Грека, обратились к образу легендарного автора Псалтири — мудрого царя Давида? Нам кажется, что для этого существовали по крайней мере две причины.

Во-первых, авторитет ученого афонского монаха, его эрудиция, многочисленность его сочинений — слов, посланий — заставляли искать какой-то особо прославившийся мудростью прототип. При весьма ограниченном в древнерусской живописи XVI—XVII вв. выборе образов философов-мудрецов (античные, как известно, изображались в рост, а не за работой писателя) наиболее подходящим мог оказаться сравнительно новый, но уже достаточно широко распространившийся именно к концу XVI в. гравированный образ царя Давида из многочисленных печатных изданий Псалтири¹².

Во-вторых, известно, что Максим Грек в течение своей жизни на Руси (1518—1556) неоднократно обращался к славянскому переводу псалтирного текста, подвергая его обработке и правке¹³. И хотя Максим Грек был осужден и сослан, его имя долгое время спустя связывалось с Псалтирью — одной из самых популярных книг на Руси, служившей, в частности, учебным пособием¹⁴.

Наиболее убедительное доказательство этому находим в сравнительно поздней — конца XVIII в. — рукописной Толковой псалтири из собрания Ярославского гос. историко-художественного и архитектурного музея-

¹⁰ Н. Н. Розов. Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтири. — ТОДРЛ, т. XXII, 1966, стр. 66; *его же*. О генеалогии русских лицевых Псалтирей XIV—XVI веков с иллюстрациями на полях. — В кн.: «Древнерусское искусство. Искусство возвышающейся Москвы. XIV—XV вв.» М., 1969, стр. 226—257.

¹¹ Ср. А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, стр. 32—35; стр. 189, рис. 68; стр. 239, рис. 99 и др.

¹² Ср. А. С. Зернова. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог. М., 1958.

¹³ Л. С. Ковтун, Н. В. Синицына, Б. Л. Фонкич. Максим Грек и славянская Псалтирь. Сложение норм русского литературного языка в переводческой практике XVI в. — «Восточнославянские языки. Источники для их изучения» (в печати).

¹⁴ М. Н. Сперанский. Из истории отреченных книг. 1. Гадания по Псалтири. — «Памятники древней письменности и искусства», вып. 129. СПб., 1899, стр. 7—10.

заповедника № 982 (301), в лист, с двумя миниатюрами (рис. 4 и 5) ¹⁵. Толковая псалтирь открывается здесь, как обычно, изображением царя Давида (л. 1 об.) (рис. 4), в короне, в лоратных одеждах, соответствующих его высокому положению. Он сидит и пишет в богатой палате с кессонированным куполом и лепниной на стенах, в обрамлении из мраморных колонок и сводов вверху (и внизу!); забавно видеть вольность художника: пол в этой роскошно отделанной палате — дощатый. Через несколько страниц, на л. 8, читатель находит миниатюру, выполненную тем же самым художником, в той же иконографической схеме и теми же приемами, на этот раз — с изображением Максима Грека (рис. 5). Максим Грек пишет в книге гусиным пером. Он облачен в подризник и короткую мантийку, на голове его черная камиллавка. Голова окружена нимбом, как и голова царя Давида. В отличие от короткобородого царя Давида, Максим наделен пышной круглой бородой. Окружающая обстановка совпадает в обеих миниатюрах до деталей. Наличие в составе ярославской рукописи дополнительной статьи — предисловия Максима Грека к Псалтири (посвященного великому князю Василию Ивановичу и повествующего о работе над переводом) — как нельзя лучше объясняет, почему здесь изображен не только царь Давид. Таким образом, мы встречаемся уже со второй рукописью, которая не является сводом сочинений Максима Грека, но дает его изображение.

Итак, Максима Грека действительно (а не только предположительно) уподобляли царю Давиду. Впрочем, подобное сходство с пишущим царем Давидом можно усмотреть и в изображении других древнерусских писателей, например Иосифа Волоцкого в списке «Просветителя» (ГПБ, ОЛДП, Q. 771, л. 4 об.) XVII в. ¹⁶ Миниатюры начала XVII в., представляющие агиографа Спиридона-Савву и писца Феодорита, скорее восходят к каноничным образам евангелистов, как справедливо отметил их публикатор ¹⁷.

По всей вероятности, высокоавторитетный прототип для изображения Максима Грека, столь очевидный на примере Толковой Псалтири конца XVIII в., было не так-то просто привлечь на рубеже XVI—XVII вв., когда имя Максима Грека было еще прочно связано с обвинениями в еретичестве и чуть ли не в шпионаже. Может статься, что применение тайнописи, позволившей зашифровать имя Максима Грека в Азбуковнике 1613 г., — какой-то след вполне понятной осторожности при его изображении, тогда еще совсем новом и необычном, да еще данным вне корпуса его сочинений. Миниатюра Азбуковника расположена перед статьей, озаглавленной «Книга глаголемая содержащая в себе толкование иностранных речей, иже обретаются во святых книгах не преложены на русский язык». Хотя в тексте этой статьи Максим Грек не упоминается, понятно, что его изображение помещено здесь не случайно. Оно связано с его переводческой работой, с работой ученого филолога, составителя оригинальных глосс, не безразличного также и к грамматике древнерусского языка.

Таким образом, некоторые ранние условные «портреты» Максима Грека свидетельствуют о том, что его слава — писателя и ученого переводчика — уже в начале XVII в. (меньше, чем через 60 лет после его смерти) позволила древнерусским книжникам уподобить его мудрому и справедливому царю Давиду.

¹⁵ В. В. Лукьянов. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. — «Краеведческие записки (Ярославский обл. краеведческий музей)», вып. III. Ярославль, 1958, стр. 231 (без воспроизведения миниатюр).

¹⁶ Ср. воспроизведение в кн.: «Послания Иосифа Волоцкого». Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.—Л., 1959, вклейка между стр. 16 и 17.

¹⁷ Н. Ю. Бубнов. Портретное изображение писца в лицевой рукописи начала XVII в. — В кн.: «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР». М.—Л., 1966, стр. 20—27, рис. 1 и 2.

Вместе с тем многообразие «портретных» изображений Максима Грека показывает, что интерес к его личности не ограничивался уже известными образцами или рекомендациями из «иконописных подлинников»¹⁸. Вот почему наряду с установившимися в рукописной традиции типами изображения писателя можно встретить, например в списке его сочинений XVII в. (ГБЛ, ф. 199, № 79, л. 3 об.) (рис. 6), скромный перовой рисунок, представляющий Максима Грека впрямь, по пояс, в камилавке, со свитком в левой руке и с благословляющим жестом правой руки, с живым, не отпускаяющим читателя взглядом¹⁹. Как видим, этот рисунок не связан ни с ранними профильными портретами Максима Грека, ни с образом ученого автора за письмом. Он ближе к иконописным изображениям Максима Грека.

Изображения Максима Грека, уподобленного легендарному автору священных книг, можно встретить не только среди сравнительно ранних условных его портретов, но и в развитой старообрядческой рукописной традиции, наряду с подобным изображением выговских старцев и наставников. В качестве примеров назовем миниатюры из списков сочинений Максима Грека: ГПБ, Собр. ОЛДП, 0.15, нач. XVIII в. в 8-ку, л. 13 об.; БАН, собр. Бурцева, № 25 (I.5, 97), нач. XVIII в., в 4-ку, л. 4 об.²⁰; ГБЛ, ф. 247 (собр. Старообрядческой общины на Рогожском кладбище), № 341, в лист, XIX в., л. 24), а также БАН, Белокрыницкое собр., № 41, в лист, 1859 г. (приобретение 1971 г.). Но эти изображения, выполненные в красках, почти потеряли связь с гравюрой, от которой произошли. Они лишь отдаленно напоминают о полных глубокого смысла поисках символического, многозначного и высокоавторитетного прототипа для «портрета» выдающегося писателя и ученого Московской Руси XVI в. — Максима Грека.

¹⁸ Обзор иконографических «норм» для изображения Максима Грека см. О. А. Белоброва. К вопросу об иконографии Максима Грека, стр. 305—306.

¹⁹ Благодарю Л. С. Ковтун за указание на этот рисунок. В настоящее время неясно, был ли нимб на этом рисунке первоначально или он наведен позднее.

²⁰ Ср. А. Е. Бурцев. Опись старых славянских и новых русских рукописей, т. IV. СПб., 1901, рис. на стр. 64; новое воспроизведение см. в кн.: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, стр. 32—33, рис. 7.

Л. Г. КОЛЕСНИКОВА
ВОСТОЧНОЕ СТЕКЛО
ИЗ СОБРАНИЯ ХЕРСОНЕССКОГО МУЗЕЯ

Стекольное ремесло средневекового Херсонеса, зародившееся в античную эпоху¹, играло немалую роль в экономике города. Разнообразные по форме лампы, оконное стекло (прямоугольное или в виде плоских дисков), украшения (бусы, подвески, браслеты) и, возможно, смальта для настенных мозаик — все это в массе производилось херсонесскими средневековыми стекольщиками. Херсонесское стекло не отличается высоким качеством, формы сосудов довольно стандартны и, как правило, лишены декоративной обработки. Возможно, помехами к производству художественного стекла в Херсонесе были ограниченные технические возможности либо малый спрос на дорогую посуду. Во всяком случае, весь имеющийся в Херсонесском музее материал свидетельствует о том, что сосуды, обладающие качествами художественного произведения, являются привозными.

Остановимся на 4-х видах средневековых стеклянных сосудов, попавших в Херсонес благодаря торговым связям.

В первую группу входят так называемые византийские флаконы из синего стекла, расписанные золотом и эмалью² (рис. 1). Подобные удлиненные цилиндрические флаконы с узким горлом известны по находкам на Кипре³, в Коринфе⁴, Египте⁵, Новогрудке⁶. Флаконы из всех этих мест одинаковы не только по форме и цвету. Во всех случаях роспись сделана золотом и эмалью, как правило, желто-зеленой, реже белой. Их объединяет общий стиль декора, отдельные элементы которого повторяются на сосудах из разных центров. Так, розетка из остроконечных лепестков украшает плечики сосудов из Херсонеса (рис. 1, б)⁷ и из Новогрудка⁸.

¹ При подборе материала к выставке стекла в фондах музея в 1963 г. были обнаружены куски недоваренного стекла, стекольный брак, отходы стекольного производства, заготовки в виде полых трубочек и т. д. (Л. Г. Колесникова. Выставка древнего стекла. — ХТП, стр. 68—69. В 1965 г. в северном районе херсонесского городища Г. Д. Беловым были открыты остатки римских стекловаренных печей (Г. Д. Белов. Стеклоделие в Херсонесе. — СА, 1965, № 3, стр. 237—239).

² В собрании Херсонесского музея 12 обломков таких сосудов.

³ A. N. S. Megaw. A twelfth Century Scent bottle from Cyprus. *Journal of glass Studies*, vol. I, 1959, p. 59—61; Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда из Новогрудка. — ВВ, XIX, 1961, стр. 167, 170, рис. 3.

⁴ G. K. Davidson. The minor Objects. — «Corinth», XII, 1952, p. 115, № 750; Р. М. Джанполадян. Стеклянный сосуд из Двина. — КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 123, рис. 53.

⁵ C. I. Lamm. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten*. Berlin, 1930, T. I, S. 122, № 3; T. II, Taf. 42, № 3.

⁶ Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда. . . , стр. 166—171.

⁷ Найден в 1967 г. при раскопках В. И. Кадеева в портовом районе Херсонеса, инв. № 58/36750.

⁸ Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда. . . , стр. 169, рис. 2.

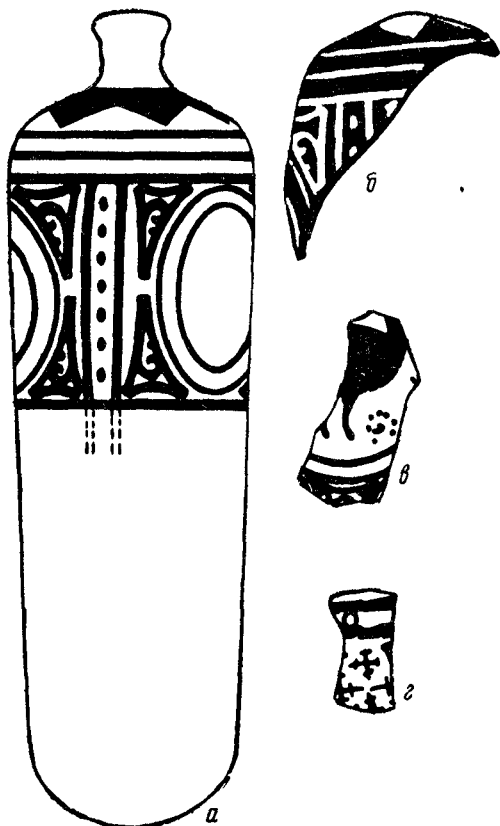

Рис. 1. Флакон из синего стекла с росписью золотом и эмалью:

а. Реконструкция флакона; б. Фрагмент флакона из раскопок В. И. Кадеева в 1967 г. в портовом районе Херсонеса, инв. № 58/36750; в. Фрагмент флакона из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, инв. № 5189; г. Фрагмент флакона из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, инв. № 5009.

Роспись второго ⁹ херсонесского фрагмента (рис. 1, г) полностью совпадает с росписью верхнего пояса такого же флакона из Новогрудка. Здесь тоже чередующиеся золотые и эмалевые крестики с перекрещенными концами. Различие только в цвете эмали — на херсонесском она желто-зеленая, а на новогрудском — белая.

Роспись следующего, третьего фрагмента (рис. 1, в) ¹⁰ близка к росписи на кипрском флаконе ¹¹. Птицы на обоих сосудах исполнены золотом с последующей графической прорисовкой деталей; совершенно одинаково изображены их лапы; в качестве заполнения пустот использована одна и та же деталь — розетка из точек, при этом число точек, идущих по окружности, совпадает. Композиционное же построение рисунка на херсонесском флаконе, очевидно, было таким же, как на сосуде из Коринфа ¹². Возможно, что и на херсонесском сосуде круглые медальоны в три яруса опоясывали тулово (по три медальона в каждом из них).

Сходство флаконов данной группы очевидно, хотя все они найдены в разных местах. Это может говорить в пользу наличия какого-то одного центра их изготовления. Он пахотился не на Руси и не в Новогрудке, что

убедительно доказано в рецензии на статью Б. Д. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмальями» ¹³. Херсонес, очевидно, следует тоже исключить в качестве такого центра. Очевидно, права Р. М. Джанполадян, которая считает подобного рода сосуды византийскими, подразумевая под этим «средиземноморский мир в широком смысле слова» ¹⁴. Не случайно один из флаконов найден именно в этом районе, притом на месте его изготовления (Коринф).

Флаконы предназначались не только для хранения лекарственных и косметических жидкостей ¹⁵, но одновременно служили тарой для их пере-

⁹ Найден в 1898 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем при раскопках средневековых терм, инв. № 5009.

¹⁰ Обстоятельства находки неизвестны. Возможно, из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, инв. № 5189.

¹¹ Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда. . . , стр. 170, рис. 3.

¹² Р. М. Джанполадян. Стеклянный сосуд. . . , стр. 123, рис. 53.

¹³ Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. По поводу статьи Б. А. Шелковникова «Русское стекло домонгольского времени, расписанное эмальями». — СА, 1966, № 1, стр. 312 сл.

¹⁴ Р. М. Джанполадян. Два стеклянных сосуда. . . , стр. 171.

¹⁵ В этой связи любопытно одно замечание К. К. Косцюшко-Валюжинича. В 1890 г. в районе терм им собрано большое количество стекла, среди которого оказалось «4 об-

возки. На это указывает узкое толстостенное горлышко и округлое дно, весьма неустойчивое для такого удлиненного сосуда, но более прочное, чем обычное плоское (по примеру круглодонных амфор). Несомненно, что изготовление флаконов в качестве тары возникло где-то рядом с производством ароматических и лекарственных составов.

Херсонесские флаконы найдены в позднесредневековых слоях городища с монетами от IX до XII—XIII вв.¹⁶ Обстоятельства их находок вполне подтверждают общепринятую датировку флаконов XI—XII вв., однако установить более точно время их привоза в Херсонес в пределах этих двух веков пока невозможно.

Вторую группу восточного стекла составляют сирийские кубки XII—XIV вв. из бесцветного стекла с росписью золотом и разноцветной эмалью — красной, голубой, зеленой, синей (рис. 2)¹⁷. Нет надобности доказывать восточное, скорее всего — сирийское, происхождение этих кубков, находки которых не так редки на территории СССР¹⁸. Нет ничего необычного в том, что они найдены и в Херсонесе, ибо почти не прекращавшиеся связи Херсонеса с ремесленными и торговыми центрами Ближнего Востока прослеживаются постоянно. Убедительным показателем этих связей являются и изделия из стекла¹⁹.

Из всех восточных стекол, найденных в Херсонесе, сирийские кубки представляют особый интерес, ибо их привозили преимущественно в последние века существования Херсонеса. XII — начало XIV в. — время бурных событий в Крыму, развитие которых привело в конечном счете к гибели Херсонеса. Исследователи его истории по-разному рисуют жизнь города в последние века его существования. Г. Д. Белов, много лет посвятивший раскопкам северной части городища, приходит к выводу: «Экономическое положение населения Херсонеса в последние века его существования находилось на очень низком уровне. . . Херсонес в целом утратил свое прежнее значение крупного торгового центра, бывшего некогда посредником между югом и севером, и превратился в небольшой город, экономически тесно связанный с местной небольшой областью»²⁰.

А. Л. Якобсон так характеризует то время: «В этом городе, этнически крайне пестром, экономически оторванном от наиболее развитых центров Крыма, но зато крепко связанном со всем юго-западным нагорьем, жизнь не замирала и развивалась. Таким рисуется нам Херсонес на рубеже XIII—XIV вв. . . В 1299 г. Херсон был разгромлен полчищами Ногай. . . С этого момента, собственно, и началось падение Херсонеса»²¹.

ломка от сосуда синего стекла с золотым украшением в два тона, из них одни походят на крестики». И дальше: «Не решаюсь высказаться определенно по поводу интересного факта нахождения здесь такого множества битой стеклянной посуды, которая при раскопках городища встречается очень редко, но полагаю, что его можно было бы объяснить двояко — или в связи с долголетием существования здесь терм, где, конечно, употреблялись разнообразные стеклянные балзамарины, или по непосредственной близости некрополя римского времени» (Архив ХМ, д. 7, л. 12).

¹⁶ Горло флакона из раскопок Г. Д. Белова в 1933 г. в северном районе городища в слое XII—XIV вв. (инв. № 22/35460), фрагмент флакона из раскопок В. И. Кадеева в 1967 г. в портовом районе найден с монетами IX—X, XII—XIII вв. (инв. № 58/36750). Горло флакона из раскопок В. И. Кадеева в портовом районе в 1966 г. найдено с монетами VII, IX, X, XII—XIII вв. (инв. № 12/36730). Фрагменты флаконов (горла, донья, стенки) из раскопок В. И. Кадеева и В. Н. Даниленко в портовом районе в 1965 г. найдены с монетами IX, X, XII, XII—XIII вв. (инв. № 36696).

¹⁷ В музее хранится 15 фрагментов таких сосудов.

¹⁸ Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968, стр. 6—16.

¹⁹ Л. Г. Колесникова. Выставка древнего стекла. — «Херсонес Таврический», путеводитель. Симферополь, 1969, стр. 67—77.

²⁰ Г. Д. Белов. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг. — МИА, № 4, 1941, стр. 267.

²¹ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). — МИА, № 17, 1950, стр. 37.

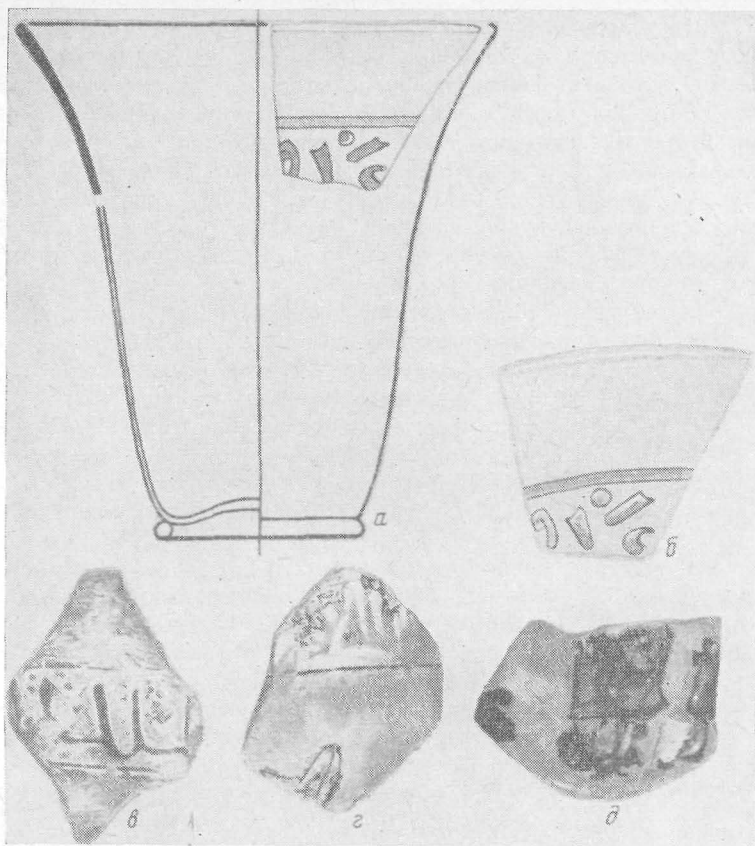

Рис. 2. Кубки сирийского производства с росписью золотом и эмалью:

а. Реконструкция кубка; б. Фрагмент кубка из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, инв. № 5184; в. Фрагмент кубка из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, инв. № 5190; г. Фрагмент кубка из раскопок Л. Г. Колесниковой в 1964 г. в портовом районе Херсонеса, инв. № 5/36661; д. Фрагмент кубка из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, инв. № 5200

Таким образом, А. Л. Яковсон считает переломными в жизни средневекового Херсона трагические события 1299 г., которые резко ухудшили положение города. В этой связи было бы важно установить более точную дату привоза сирийских кубков в Херсонес в пределах XIII—XIV вв. Наиболее показательным в этом отношении является материал раскопок портового района Херсонеса, где большая часть фрагментов найдена в домах, пострадавших от пожара.

Один из обломков обнаружен в подвале помещения 60. В результате пожара в доме погибло все. Вещи из верхних этажей вместе с кровлей провалились в подвал, где и остались лежать нетронутыми, так как при ремонте дома над неочищенным подвалом был сделан новый пол. Содержимое подвала, таким образом, дошло до нас полностью. Среди большого количества битой черепицы, поливной и простой посуды, различных железных, бронзовых и стеклянных изделий здесь найдены фрагменты так называемых византийских узкогорлых сосудов из синего стекла ²² XI—XII вв.,

²² Инв. № 36696. См. В. И. Кадеев. Отчет о раскопках центра портового квартала Херсонеса в 1965 г. — «Отчет объединенной экспедиции Херсонесского историко-археологического музея, Уральского гос. университета, Харьковского гос. университета о раскопках в Херсонесе в 1965 г.» Архив ХМ, стр. 73.

о которых говорилось выше, а также фрагмент сирийского стакана из прозрачного бесцветного стекла с изображением рыбки и пояса из трех линий. Рыбка и волнистые линии исполнены золотом, центральная линия пояса и контуры рыбки нанесены красной эмалью²³. Керамический материал, датированный XII—XIII вв.²⁴, и монеты, последние из которых относятся к XIII в. (Сельджуки Рума и Кай Кавус I, 1210—1219 гг.)²⁵, свидетельствуют о том, что дом, как и соседние усадьбы²⁶, пострадал от пожара во второй половине XIII в.

Второй обломок стакана с изображением рыбки и частью фриз с арабской надписью, исполненные золотом и красной эмалью²⁷, найден в помещении 55 (рис. 2, г), которое после пожара конца XIII в. вообще не восстанавливалось. Поверхность над ним в XIV в. была выровнена под городскую площадь²⁸.

Дом, в котором найдены следующие фрагменты кубков, после катастрофы был восстановлен лишь частично. В отремонтированном помещении 48, в слое горения, залегавшем между верхним полом XIV в.²⁹ и нижним, существовавшим до пожара³⁰, найдены осколки по крайней мере двух кубков³¹: днище на кольцевом поддоне; часть тулова с изображением золотых рыбок с красной эмалевой обводкой и фриз с плетенкой из золотых линий, оконтуренных красной эмалью на голубом фоне (эмаль); часть тулова с едва видимым изображением рыбки.

Таким образом, привоз сирийских расписных стаканов, найденных в помещениях портового района Херсона, на основании данных стратиграфии и нумизматики мы относим ко времени не позже XIII в. Особенности стиля и техники украшения стаканов подтверждает эту дату. На всех фрагментах, кроме одного (донная часть), изображены золотые рыбки, оконтуренные поверх золота тонкой линией из красной эмали. Такая посуда изготавливалась в Сирии в основном в XII—XIII вв.³² Из нашей группы к XII в. относится кубок, найденный в помещении 55 (рис. 2, г). Он имеет надпись почерком «насх» из тонких букв, выполненных золотом, без красной эмалевой окантовки, что характерно для декора XII в. Возможно, к этому же времени следует отнести близкий к нему по стилю кубок из помещения 60.

К XIII в. относится, очевидно, стакан из помещения 48 с изображением рыбок и золотой плетенки. Голубая эмаль фона положена здесь толстым слоем, что типично для посуды поздней аленпской группы XIII в.³³ Вместе с этим стаканом найден обломок сосуда (вероятно, открытой полусферической чаши), роспись которого также выполнена в технике густого наложения эмали. На обломке сохранилось изображение кружков

²³ Инв. № 29/36749. См. В. И. Кадеев. Указ. соч., стр. 60.

²⁴ Там же.

²⁵ А. М. Гилевич. Описание монет из раскопок в Херсонесе в 1965 г. — «Отчет объединенной экспедиции. . . в 1965 г.», стр. 335.

²⁶ Л. Г. Колесникова. См. Л. Г. Колесникова. Раскопки средневекового храма в квартале херсонесского порта. — «Отчет объединенной экспедиции. . . в 1964 г.» Архив ХМ, стр. 67—76.

²⁷ Инв. № 36661/5. Там же, стр. 75, альбом, рис. 143.

²⁸ Там же, стр. 67, 74, 99.

²⁹ Л. Г. Колесникова. Юго-восточный участок главного раскопа. — «Отчет о раскопках объединенной Херсонесской археологической экспедиции. . . в 1963 г.» Архив ХМ, стр. 102—110.

³⁰ В. В. Ручма. О раскопках юго-восточной стороны портового района. — «Отчет объединенной экспедиции. . . в 1965 г.» Архив ХМ, стр. 10—12.

³¹ Инв. № 36703/8.

³² Ф. Д. Гуревич. Р. М. Джанноладян, М. В. Малевская. Восточное стекло. . . , стр. 12 сл.; Ю. Л. Шапова. Два сирийских сосуда из Новгорода. — «Историко-археологический сборник». М., 1962, стр. 232 сл.

³³ Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанноладян, М. В. Малевская. Восточное стекло. . . , стр. 13.

в виде павлиньих глаз, сделанных розовой эмалью и сверху позолоченных. Толстый слой эмали придает декору вид рельефного украшения ³⁴.

Таким образом, сирийские расписные кубки из помещения 48, 55 и 60 привезены в Херсонес в XII—XIII вв. Находки их в сгоревших домах

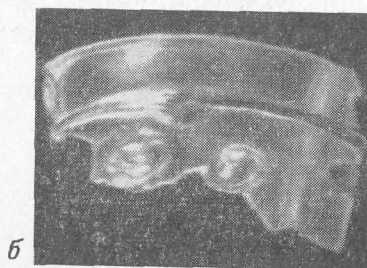
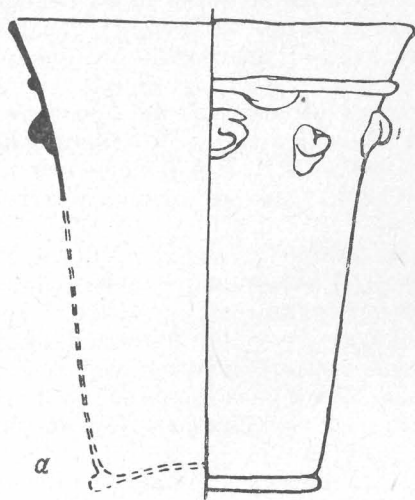

Рис. 3. Кубок сирийского производства с рельефными напеками:

а. Реконструкция кубка; б. Фрагмент кубка из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, инв. № 5193.

портового района свидетельствуют о том, что грандиозный пожар произошел здесь не позднее XIII в.

Восточные монеты первой половины XIII в. из помещения 60, а также монета Менгу Тимура (1266—1267 гг.) ³⁵, найденная в помещении 53-а, смежном с помещением 48, но не восстановленном после пожара, дают основание для более точной датировки катастрофы — конец XIII в.

Помимо кубков из портового района, в Херсонесском музее есть еще несколько обломков из раскопок дореволюционных лет (вероятно, при К. К. Косцюшко-Валюжиниче). На одном из них сохранилась часть фриза с надписью тонкими золотыми буквами, ниже надписи — фриз с геометрическим рисунком из золотых широких линий с красной эмалевой окантовкой. Свободное поле между геометрическими фигурами заполнено напеками из прозрачного стекла в виде мелких рельефных точек. Оба фриза разделены поясом из зеленой эмалевой линии, окантованной с обеих сторон красной эмалью ³⁶.

На втором обломке ³⁷ уцелел фриз с арабской надписью, буквы которой написаны синей эмалью с золотой окантовкой. Снизу и сверху (рис. 2, в) фриз ограничен линиями из красной эмали, окантованных золотом.

Оба фрагмента, судя по технике и приемам росписи, относятся к XII в.

Следующие два обломка также датируются XIII в. Надпись на верхней части кубка одного из них ³⁸ написана голубой эмалью, буквы обведены красной эмалью. Выше надписи протянут ободок из прямой эмалевой зеленой линии с красной окантовкой. Буквы надписи широкие, эмаль положена густым слоем (рис. 2, б).

Интересен второй обломок (рис. 2, д) с изображением двух (либо трех) человеческих фигур, шагающих влево (сохранились нижние части туловища и ноги). Фигуры выполнены в рельефе путем наложения толстого слоя розовой эмали. Сверху эмаль покрыта тонким слоем золотой краски,

³⁴ Инв. № 36703/8.

³⁵ Л. Г. Колесникова. Юго-восточный участок. . ., стр. 105; В. В. Кучма. Указ. соч., стр. 18—19; А. М. Гилевич. Указ. соч., стр. 344.

³⁶ Инв. № 5314.

³⁷ Инв. № 5190.

³⁸ Инв. № 5184.

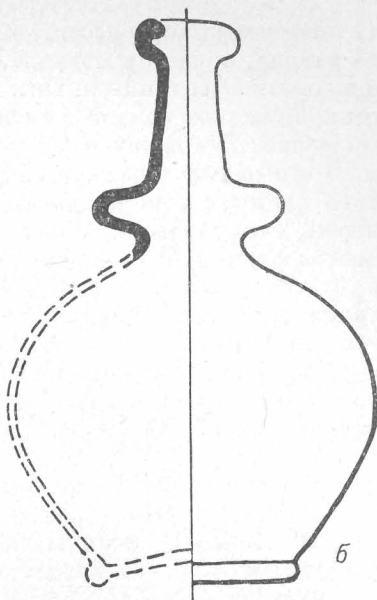

а

Рис. 4. Флакон сирийского производства:

а. Фрагмент флакона из раскопок Р. Х. Лепера в 1908 г. в северо-восточной части Херсонеса, инв. № 809;

б. Реконструкция флакона;

б

а контуры фигуры и складки одежды прорисованы тонкими линиями красной эмали³⁹. Аналогичный фрагмент из Египта К. И. Ламм относит к так называемой алеппской группе и датирует XIII в.⁴⁰

Третья группа восточной посуды представлена небольшими кубками из прозрачного стекла оливкового цвета (рис. 3). Сосуды украшены рельефными напаями в виде запятых и нитей, концы которых свободно положены друг на друга⁴¹. Стекло кубков отличается хорошим качеством — оно тонкое, с блестящей поверхностью, без каких-либо признаков ирризации. Центром производства посуды с напаями считают Сирию⁴². Кубки, аналогичные нашим, К. Ламм относит к XI—XIII вв.⁴³ Фрагменты из Херсонеса преимущественно найдены в слоях, датируемых материалом XII—XIII вв.

И, наконец, последняя группа (рис. 4) — шаровидные флаконы из стекла темно-оливкового цвета с высоким горлом, имеющим круговое утолщение⁴⁴. В этих сосудах хранилась, очевидно, жидкость, осадок которой необходимо было отделить во время сцеживания. Фрагменты найдены в слоях со смешанным средневековым материалом IX—XIV вв., но, как правило, с монетами IX—X вв.

Последние две группы привозного стекла представляют интерес не только потому, что дают дополнительный материал для изучения торговых связей средневекового Херсонеса. Дело в том, что наряду с привозными изделиями имеются фрагменты таких же форм, но изготовленных

³⁹ Инв. № 5200.

⁴⁰ С. J. Lam. Op. cit., Т. II, S. 297, N 15, Taf. 112.

⁴¹ В музее имеется пять фрагментов таких сосудов: инв. № 5193 (раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича); инв. № 36588 (из раскопок Л. Г. Колесниковой в портовом районе в 1963 г.); инв. № 63/36672 (из раскопок В. И. Кадеева в портовом районе в 1964 г.).

⁴² Ф. Д. Гуревич, Р. М. Джанполадян, М. В. Малевская. Восточное стекло. . ., стр. 13.

⁴³ С. J. Lam. Op. cit., Т. I, S. 86, N 15—18; S. 87, N 2—4; Т. II, Taf. 26, N 15—18; Taf. 27, N 2—4.

⁴⁴ В музее хранятся 3 фрагмента флакона из раскопок Р. Х. Лепера в 1908 г.: инв. № 808, 809, 810. — Архив ХМ, д. 101, лл. 19, 28, 38; все эти обломки найдены в северо-восточной части Херсонеса.

в местных мастерских херсонесскими стеклодувами. Так, в 1963 г. в храме портового района, в засыпи могилы № 7⁴⁵ найден фрагмент стакана с налечами в виде запятых и нитей. Он сделан из светлого желтовато-зеленого с большим количеством свилей и «мошки» стекла, характерного для херсонесских изделий. Украшая сосуд, мастер явно подражал привозным образцам. В его работе чувствуется скованность и отсутствие мастерства. Старательно копируя декор, он «засушил» его, сделав запятые правильными и очень аккуратными, а нить очень ровной и прямой.

Фрагменты флякона с утолщением на горле, найденные Р. Х. Лепером в 1912 и 1913 гг.⁴⁶, мы также относим к изделиям местного производства на основании характера стекла (светлый желто-зеленый цвет и большое количество «мошки»).

Находки в Херсонесе немалого количества⁴⁷ роскошной и дорогой посуды восточного производства — еще одно доказательство оживленных экономических связей Херсонеса с торговыми и ремесленными центрами Передней Азии в XII—XIII вв.⁴⁸ Материал одного портового района вполне подтверждает вывод, который сделал А. Л. Якобсон. Очевидно, погром в конце XIII в. (Ногай, 1299 г.?) был самым большим потрясением из всех, какие Херсонес испытывал до этого.

Многие дома города не были восстановлены в прежних размерах. Это хорошо видно в портовом районе. Даже маленький храм был отстроен лишь в основной своей части, без пристроек⁴⁹. Город постепенно ожил. Возобновились его торговые связи с Востоком. На полу того же храма в слое завала, образовавшегося уже в конце XIV в. в результате запустения постройки, были найдены фрагменты расписных сирийских кубков с налечами⁵⁰. К сожалению, роспись сосудов пострадала от ирризации — едва заметны следы арабской вязи и граница фриза в виде прямой линии красной эмали. На основании стратиграфии эти стекла можно предположительно отнести к XIV в. Сколь интенсивно торговал Херсонес в последний век своего существования, сказать пока трудно⁵¹.

После катастрофы конца XIV в. он живет какое-то короткое время и где-то в середине XV в.⁵² уже навсегда уходит с исторической арены.

⁴⁵ Л. Г. Колесникова. Юго-восточный район. . . , стр. 138—141, альбом, рис. 206.

⁴⁶ Инв. № 31829. Архив ХМ, д. 106, л. 50; инв. № 3359, д. 109, л. 37.

⁴⁷ Восточного стекла в Херсонесе найдено больше, чем использовано в статье. Учтены только те фрагменты, которые хранятся в Херсонесском музее, и те, на которых сохранилась краска. Множество фрагментов с утраченной росписью, несомненно, осталось вне внимания исследователей. Кроме того, из архивных данных нам известно, что в императорскую археологическую комиссию была отправлена лишь часть херсонесской коллекции расписного стекла.

⁴⁸ Помимо стекла, имеются изделия XII—XIV вв. из металла: ступки, подсвечники и т. д. малоазийского производства.

⁴⁹ Л. Г. Колесникова. Раскопки. . . , стр. 99—100.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ XIV веком датируются только две восточные вещи — бронзовая чаша и бронзовый пенал с арабской надписью (хранятся в Эрмитаже).

⁵² Л. Г. Колесникова. Позднесредневековый храм-усыпальница в портовой части Херсонеса. — «7-я Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси 13—18 декабря 1965 г. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 94.

Я. Н. ЩАПОВ

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ
В СОБРАНИЯХ ВАРШАВЫ И КРАКОВА

В библиотеках, музеях и архивах Польской Народной Республики хранится большое число греческих рукописей, представляющих значительный научный интерес. Это сочинения греческих и византийских писателей, историков, философов и медиков и переведенные на греческий язык памятники. Большинство рукописей входит в состав коллекций, созданных в XVII—XIX вв. польскими меценатами-коллекционерами и университетскими библиотеками. Хотя на юго-восточных и восточных землях современной Польши в свое время было распространено восточное православие, греческие литургические книги, книги для чтения и богословские сочинения византийских авторов, которые бытовали на этих территориях, практически неизвестны. Рукописи произведений, связанных с православным культом, насколько удастся установить, или были привезены в XIX в. с Балкан, или, как произведения высокого книжного искусства, были приобретены на Западе.

Во время работы в хранилищах рукописных книг Польши в 1970 г., занимаясь изучением древнерусского рукописного наследия, я ознакомился и с греческими рукописями. Задача настоящей статьи — кратко рассказать о некоторых коллекциях греческих рукописей в Польше.

Греческие рукописи хранятся небольшими группами или отдельными книгами в нескольких городах и хранилищах Польши. Краткий обзор послевоенного состояния собраний Польши, содержащих греческие и латинские рукописи, был сделан в результате поездки в Польшу в 1955 г. немецким экзегетом К. Аландом и издан Академией наук ГДР¹.

Наиболее крупным собранием греческих рукописей обладает библиотека Вроцлавского университета². Здесь таких рукописей насчитывается более тридцати. Во время недолгой работы в библиотеке университета я не смотрел этих рукописей, однако, судя по микрофильмам некоторых из них, находящимся в Варшаве³, там есть такие ценные, как «Илиада» и «Одиссея» Гомера (первая — палимпсест XIII—XIV вв., вторая относится к XV в.), поучения Григория Назианзина (XI в.), речи Демосфена и Исократа (XV в.), сочинения в списках XV в. Аппиана, Дионисия Галикарнасского, сборник XV в. с географическими сочинениями Дионисия Периегета, Аполлония Родосского, с «Аргонавтикой», акты Второго Никейского собора 787 г. (XIV—XV вв.) и др.

¹ К. Aland. Die Handschriftenbestände der polnischen Bibliotheken. Berlin, 1956.

² Существуют печатные описания отдельных частей собрания библиотеки: Catalogus codicum Graecorum qui in bibliotheca urbana Vratislaviensi adservantur. Vratislaviae, 1889; Die Handschriften der Staats- und Universitätsbibliothek Breslau, Bd. 1. Leipzig, 1938 (Verzeichnis der Handschriften im Deutschen Reich. T. I).

³ Biblioteka Narodowa. Katalog mikrofilmów, rok. 4. Warszawa, 1955.

Следующее по значению собрание из девяти рукописей принадлежит воссозданной после гибели во время гитлеровской оккупации Национальной библиотеке в Варшаве. Основу этой коллекции составляет Библиотека майората Замойских, рукописи которой собирались членами рода Замойских, игравшими в истории и культуре Польши XVI—XVII вв. большую роль, часто служившими за границей, откуда они привозили и получали ценные книги для своих коллекций. Краткий обзор части рукописей коллекции был опубликован в 1898 г.⁴, инвентарь всей библиотеки Замойской издан на ротапринте⁵.

При личном знакомстве с рукописями оказалось, что только некоторые из них изучены и введены в науку, даты ряда рукописей определены условно и неверно, содержание многих из них не раскрыто.

Один из наиболее интересных сборников первой четверти XIV в. (125) содержит речи и письма Ливания, пословицы Диогениана, послания императора Юлиана и Синесия Киренского, алфавитное собрание моностихов Менаандра, а также сочинения византийских писателей XIII — начала XIV в., т. е. времени, близкого к созданию самого сборника. Это басни и стихи Мануила Филы, комментарии к Гесиоду Иоанна Протоспафария и сочинение о музах Иоанна Педиасима. Сборник был изучен в конце XIX в. Р. Фёрстером⁶. Другую рукопись XIV в. (132), содержащую речи греческого оратора Элия Аристиды, подробно описал польский филолог А. Турын в 1920-х годах⁷. Она интересна тем, что содержит дарственную запись константинопольского патриаршего протонотария Феодосия Зигомалы польскому послу в Турции в 70-х годах XVI в. Анджею Тарановскому.

Известно, что Феодосий Зигомала был тесно связан с европейскими, в частности немецкими, эллинистами и издателями.

Две рукописи коллекции принадлежали львовскому эллинисту, поэту и переводчику Симону Симонидису или Симоновичу (1557—1629), бывшему профессором Академии Замойской. Они имеют его записи. Текст одной рукописи (142) — комментарий к «Метафизике» Аристотеля, приписанные Эреннию, — Симонидис издал в Замостье в 1604 г. с латинским переводом. Эта рукопись относится к концу XVI в. и содержит, кроме комментариев⁸, сочинения Оригена, Евстафия Антиохийского, Григория Нисского и эдикт «Henoticon» императора Зинона (V в.). Вторая рукопись Симонидиса — сборник последней четверти XVI в. (58)⁹ со схолиями Олимпиодора Младшего к «Диалогам» Платона.

Для истории греческой письменности на Западе во второй половине XV в., после падения Византии, интересен список «Илиады» Гомера (57), переписанный на Крите известным греческим филологом и переписчиком рукописей Михаилом Апостолисом. Рукопись может быть датирована временем до 1477 г., так как имеет дарственную запись этого года. В книге целый ряд владельческих записей XVI в., в том числе иеромонаха Акакия, архиепископа Иоасафа, некоего Георгия Птоха (т. е. Нищего). В известных мне статьях и описаниях рукопись ошибочно датируется

⁴ R. Foerster. Zur Handschriftenkunde und Geschichte der Philologie. — «Rheinisches Museum für Philologie». Frankfurt am Main, Bd. 53, 1898.

⁵ Inwentarz rękopisów biblioteki Ordynacji Zamojskiej, opracowały B. Kocówna i K. Muszyńska. Warszawa, 1967.

⁶ R. Foerster. Op. cit., S. 547—570.

⁷ A. Turyn. De Aelii Aristidis codice Varsoviensi atque de Andrea Taranowski et Theodosio Zigomala. Cracoviae, 1929 («Polska Akademia Umiejętności. Archiwum filologiczne», N 9).

⁸ К. Крумбахер считает, что это компиляция, приписанная Эреннию, но принадлежащая, очевидно, Андрею Дармарию (K. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 431).

⁹ В нескольких опубликованных инвентарных описях ошибочно указана дата XV в.

XVI в., хотя Апостолис умер около 1480 г. В списке книг, вышедших из-под пера Апостолиса, составленном И. Нуаре, этой рукописи нет, но в 1959 г. о ней уже было сообщение в журнале «ΕΛΛΗΝΙΚΑ».

В Польской Народной Республике есть еще две рукописи Михаила Апостолиса. Это кодексы Вроцлавского университета, один из которых — «Одиссея» Гомера — уже упоминался выше. На тождество почерков двух вроцлавских рукописей собрания Редигера (27 и 28) и этого варшавского списка указал еще в конце XIX в. Р. Фёрстер.

Библиотеке Замойских принадлежит также медицинская рукопись, содержащая сочинения придворного медика императора Андроника III Палеолога Иоанна Актуария и труды Галена (155)¹⁰⁻¹¹. Эта рукопись содержит целый ряд работ Актуария и датируется третьей четвертью XIV в., т. е. довольно близко ко времени его жизни. Третьей четвертью XIV в. датируется и историко-юридический сборник (157). Он включает краткий алфавитный синопсис Василия и вписанное позже окружное послание патриарха Геннадия II против унии 1454 г.

В собрании Замойских находится также поздний список 1569 г. повести о Стефаните и Ихнилате, изученный Шёбергом. Этот список переплетен вместе с несколькими другими рукописями XVI в., среди которых повести об иконе афонского Иверского монастыря и апокрифические повести о Христе. Рукопись принадлежала профессору Академии Замойской Альберту Бодзенцкому.

Вне библиотеки майората Замойских в отделе рукописей Национальной библиотеки удалось обнаружить только одну греческую рукопись. Это сочинения Прокла в списке середины XVI в. с владельческими записями 1613 г. Матфея Беренгера и библиотеки Dasypodianaе.

Кроме Национальной библиотеки в Варшаве, единичные греческие рукописи находятся в библиотеке Университета и в Архиве древних актов. Университетская рукопись — список XVIII в. сочинений одного из наиболее поздних комментаторов и пропагандистов Аристотеля, профессора патриаршей школы в Константинополе в первой половине XVII в. Феофила Коридалевса, который был одно время Навпактским митрополитом в Эпире. Рукопись содержит Введение в философию и Физику. Представляет интерес указание на место написания рукописи: писец ее, некий Димитрий, работал в 1750 г. в Янине. Город Янина в Эпире находился на территории той самой митрополии Навпакта и Арты, куда Коридалевс был поставлен митрополитом и где он жил в 1641—1642 гг.¹² Является ли это случайностью? Ответить на вопрос можно, очевидно, только после изучения варшавского списка и сравнения с другими. Внимание к неизвестным спискам сочинений Коридалевса особенно важно сейчас, когда Румынский национальный комитет Международной ассоциации изучения Юго-Восточной Европы предпринял издание его сочинений.

В Польше есть и другой список трудов того же автора, находящийся в Ягеллонской библиотеке в Кракове (940). Это его комментарии к сочинениям Аристотеля и Прокла. Рукопись конца XVII в. была привезена в XIX в. из Македонии, т. е. опять-таки связана с Балканским полуостровом.

Единственная греческая рукописная книга, которая, как мне сказали, имеется в Варшавском Главном архиве древних актов, — лечебник, составленный по сочинениям Галена, Гипократа и Мелетия. Эта маленькая рукопись 60 — 70-х годов XVI в. хранилась в XVIII в. в Вилла-

¹⁰⁻¹¹ У Фёрстера (op. cit., S. 571) и Хана (V. Hahn. Griechische und lateinische Handschriften der gräflichen Zamoyskischen Bibliothek in Warschau. — «Wochenschrift für Klassische Philologie», T. 17, 1900, col. 1324) рукопись датирована: «saec. XIII (?)».

¹² Cf. Tsourkas. La vie et l'oeuvre de Corydalée. — In: Théophile Corydalée. Oeuvres philosophiques, t. 1. Bucarest, 1970, p. XXIII.

нове, в варшавском дворце графов Потоцких, а в 1595 г. она была в Праге, где на ней сделали запись.

В Кракове греческие рукописи содержатся в двух больших хранилищах: в Ягеллонской библиотеке, т. е. библиотеке Краковского университета (4 рукописи), и в библиотеке имени Чарторыйских (3 пергаменные рукописи). Все это — отдельные поступления из различных источников, в основном в XIX, а некоторые — в XX в.

В 1863 г. Ягеллонская библиотека приобрела шесть южнославянских рукописей у доктора медицины Р. Гутовского, который привез их из Прилепа в Македонии, где они хранились в монастыре св. Димитрия. Одна из них — требник XV в. (932) — является палимпсестом; при его изготовлении использованы листы со смытым греческим текстом. Это какой-то литургический текст, просматриваемый с большим трудом. Один из славянских писцов XV в., Мелетий, оставил на рукописи свою запись.

Другая рукопись, недавно поступившая в Ягеллонскую библиотеку, — сборник XVI в. (Акс. 33/64) — имеет запись писца с датой 1589 г. Судя по позднейшим пометкам, рукопись в XVII в. находилась в Эпире. Здесь были сделаны краткие хронографические записи за 1684—1686 гг. о местных событиях. По своему содержанию это собрание поучений и выписок о вере, троице, постах, но имеется описание двух путешествий, в Иерусалим и на Синай, а также апокрифы об Иисусе, медицинские и другие сочинения.

В Ягеллонской библиотеке было обнаружено два списка послания Константинопольского патриарха Дионисия на Русь (1467 г.) в связи с конфликтом между церковными организациями Русского государства и Литовского великого княжества. В послании содержится требование признать Григория митрополитом всея Руси, дается односторонняя оценка церковно-политического положения на Руси, приводятся сведения о митрополите Григории. Списки содержат украинский перевод послания, а греческий его текст мне не известен.

Греческие рукописи библиотеки им. Чарторыйских представляют большой интерес. Выделяется прежде всего роскошный список евангелия — тетр XII—XIII вв. (1870) с сохранившимися тремя миниатюрами. В орнаменте рамок — изображения птиц, обезьян, шакалов. Часть текста рукописи писана серебром и золотом на пурпурном пергамене. Занимавшаяся изучением орнаментики этой рукописи в предвоенные годы и выступавшая с сообщением о ней на V Международном византиноведческом конгрессе в Риме Ц. Осечковская нашла, что в миниатюрах и орнаменте есть сирийские или персидские черты. Это позволило ей предположить палестинское происхождение рукописи¹³. Однако краткое сообщение Осечковской не исчерпывает содержания и оформления рукописи. Интерес представляет и ее переплет.

Вторая рукопись — итальянский по своему происхождению список XIV в. «Изречений царей», т. е. «Апофтегмата» Плутарха (2853). Сравнение с печатным изданием сочинений Плутарха 1620 г. показало, что текст списка не имеет значительных отклонений от канонического. Однако список интересен своим оформлением: он имеет красочные инициалы и две миниатюры, одна из которых изображает гербовый щит, по которому может быть определено происхождение этого заказного списка. На рукописи есть ранняя итальянская запись о рождении в Неаполе графини Николаи.

Наконец, к XIV же веку относится сборник, содержащий житие Константина и Елены и слова Иоанна Златоуста. В рукопись вклеены листы пергамена со смытым, более ранним греческим и латинским текстом.

¹³ C. Osieczkowska. Notes sur la décoration de manuscrit grec Czartoryski 1801 et sur l'ornement byzantin. — «Studi bizantini e neoellenici», vol. 6 («Atti del V Congresso internazionale di studi Bizantini», t. II). Roma, 1940, p. 334—339.

О двух последних рукописях было рассказано в «Сообщениях Австрийской академии наук» в начале нашего века Э. Голлобом¹⁴.

Источники поступления рукописей библиотеки Чарторыйских неизвестны, но большая часть коллекций их музея и библиотеки была собрана в Париже в первой половине XIX в.

Кроме Вроцлава, Варшавы и Кракова, по сообщению К. Аланда, отдельные греческие рукописи есть в Библиотеке Польской академии наук в Курнике, около Познани, и в городской библиотеке в Торунь. Я их не видел.

В Польше нет сводного каталога греческих рукописей польских хранилищ, который бы раскрывал содержание и обоснованно указывал даты рукописей. Это затрудняет знакомство с греческим рукописным наследием. Вместе с тем проводимая Национальной библиотекой в Варшаве работа по изготовлению и собиранию микрофильмов с наиболее ценных памятников письменности значительно облегчает их использование. В этой библиотеке уже собраны микрофильмы многих греческих рукописей Вроцлавского университета и всех рукописей библиотеки майората Замойских. Каталоги микрофильмированных рукописей, издаваемые Национальной библиотекой отдельными выпусками, позволяют заказывать копии и микрофильмы прямо в Варшаве.

Комиссия по классической филологии Польской академии наук в Кракове готовит к изданию каталог рукописей сочинений античных авторов, хранящихся в этом городе (Codices Classici Cracovienses), куда войдут описания всех краковских рукописей на греческом языке.

¹⁴ E. Gollob. Verzeichnis der griechischen Handschriften in Österreich außerhalb Wiens. — «Sitzungsberichte der Kaiserliche Akademie der Wissenschaften in Wien», philos.-hist. Klasse, Bd. 146, № 7, 1903, S. 27—29.

В. В. КРОПОТКИН

ВИЗАНТИЙСКИЙ ЭКЗАГИЙ ИЗ КЕРЧИ

В 1947 г. при археологических раскопках В. Д. Блаватского на горе Митридат в Керчи обнаружен византийский экзагий из синего ирризованного непрозрачного стекла¹. Сохранность экзагия хорошая, на лицевой стороне внутри высокого выпуклого ободка находятся рельефные изображения — бюст императора прямо, по сторонам — два небольших креста, внизу — монограмма, которую можно расшифровать как греческое имя Παππος. Аналогичные монограммы известны не только на византийских стеклянных экзагиях, но и на клеймах или пробирных знаках, которые часто встречаются на византийских серебряных изделиях

IV—VIII вв. Монограмма на керченском экзагии очень близка к монограммам на клеймах, относящихся ко времени правления императора Маврикия (582—602)².

Как известно, стеклянные экзагии служили гирьками — эталонами для проверки веса византийских золотых монет. По данным Г. Шлюмберже находки стеклянных экзагиев известны не только в Константинополе, но и в византийских провинциях, в том числе в Египте, Сирии, на Кипре и Крите³. В Северном Причерноморье находки византийских экзагиев встречаются сравнительно редко, преимущественно в Херсонесе⁴. Два стеклянных экзагия из Крыма были изданы в 1867 г. акад. Л. Стефани⁵.

Рис. 1. Византийский экзагий. Керчь. Митридат, 1947 г. ГМИИ, М-356

¹ Экзагий найден на Эспланадном раскопе на северном склоне горы Митридат при разборке попа 38 (полевая опись № 2614). Диаметр экзагия — 26 мм, наибольшая толщина — 4 мм, вес — 4, 178 г. Хранится в фондах ГМИИ, инв. № М-356.

² E. Cruikshank Dodd. Byzantine Silver Stamps. Washington, 1961, tabl. I, 30—32.

³ G. Schlumberger. Poids de verre étalons monétiformes d'origine byzantine. — REG, VIII, 1895.

⁴ Херсонесские экзагии поступили в собрание Гос. Эрмитажа и частично в Гос. Исторический музей в Москве.

⁵ Экзагии, опубликованные Л. Стефани, по всей вероятности, происходят также из Херсонеса. См. ОАК за 1867 г., стр. 44, прим. 2.

По сообщению Н. А. Онайко, византийский стеклянный экзагий найден случайно на поселении Широкая Балка в окрестностях Новороссийска, но, к сожалению, в нашем распоряжении нет ни описания, ни фотографии этой интересной находки⁶.

Известны находки византийских экзагиев и на западном побережье Черного моря. Так, например, экзагий из желто-зеленого стекла с монограммой обнаружен в 1958 г. на о. Пэкуйлул луй Соаре, в 20 км западнее Силистры, на Нижнем Дунае⁷. По мнению П. Дякону, монограмму на экзагии можно предположительно расшифровать как греческое имя Πάππος.

•

⁶ Материал не опубликован, хранился в фондах Новороссийского краеведческого музея (до 1941 г.).

⁷ P. Diaconu. Un pond din epoca romano-bizantină, descoperit la Păcuiul lui Soare (r. Adamclisi). — SCIV, XII, N 2, 1961, p. 403—405, рис. 1.

Г. Е. ЛЕБЕДЕВА

К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А. П. РУДАКОВА

Научная судьба Александра Петровича Рудакова своеобразна. Он вошел в историю византистики как автор одной книги: помимо «Очерков византийской культуры по данным греческой агиографии»¹, после Рудакова не осталось ничего, кроме названий студенческих работ (самые работы в архивах отсутствуют, хотя и числятся в описях) и программ университетских курсов. Однако вклад этой примечательной книги в наше постижение сложной, а во времена ее создания почти совсем не познанной области средневековой культуры трудно переоценить. Мало кто не использует «Очерков» и не опирается на их богатейшие материалы и в наши дни. 50 лет спустя после выхода в свет «Очерки» до такой степени не утратили научного значения, что во Франции, по инициативе П. Лемерля, готовился их французский перевод, а в Англии в 1970 г. «Очерки» вышли с предисловием Д. Оболенского².

По словам самого Рудакова, в 1917 г. был опубликован лишь сокращенный вариант «Очерков». Собранные им агиографические данные, характеризующие семью, образование, религию и нравственность Византии, должны были послужить материалом для другого исследования, которое автор начал готовить к печати³. К сожалению, не удалось установить, какова дальнейшая судьба этой работы.

Имя А. П. Рудакова в настоящее время пользуется заслуженной известностью в зарубежной византистике. Однако в историографии значение его «Очерков» до сих пор еще в полной мере не оценено. Обычно авторы, использующие в своих исследованиях «Очерки», отмечают лишь негативные стороны труда А. П. Рудакова⁴, известную статичность изображения византийской жизни, критикуют его взгляды, согласно которым на протяжении всей истории Византии «ее общественный строй не претерпевал никаких изменений, и византийское общество представляло собой образец застоя и косности»⁵.

Позитивные же стороны труда А. П. Рудакова, то, что и сегодня побуждает обращаться к его работе, пока не суммированы. Начать с того, что «Очерки» дают мастерски исполненную и, главное, многогранную в своих внутренних связях, живую и широкую картину жизни византийских городов. Начитанность автора позволила ему по крупице собрать огром-

¹ А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

² А. Р. Rudaakov. Ocherki vizantiyskoy kul'tury po dannym grecheskoy agiografii. London, Variorum Reprints, 1970.

³ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 2.

⁴ См., например, Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город. Л., 1962, стр. 4; И. П. Медведев. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн.: «В. И. Ленин и проблемы истории». М., 1970, стр. 391—393.

⁵ А. П. Каждан. А. П. Рудаков. — СИЭ, т. 12.

ный историко-культурный материал, знакомящий с комплексом самых разнообразных вопросов и реалий византийской жизни. В «Очерках» освещены городской быт, деревня и поместье, условия жизни различных классов и групп населения, ремесло и торговля, быт столицы и провинции, техника ремесленного производства и т. д. Много внимания уделено, в отличие от господствующего в начале века *usus'a*, судьбе непосредственных производителей, благодаря чему книга А. П. Рудакова и «заняла видное место среди исследований по социально-экономической истории Византии»⁶.

А. П. Рудаков одним из первых в русской науке обратился к изучению проблем, связанных с городом. Он пытался использовать для общей характеристики жизни византийских городов свыше 200 агнографических памятников IV—XII вв. Обширный агнографический материал, содержащий сведения о жизни Константинополя и провинциальных городов (причем Рудаков отметил специфику социальной жизни византийской провинции и провинциальных городов), был систематизирован и самым тщательным образом проанализирован автором. Все это сделало, по мнению Д. Оболенского, книгу А. П. Рудакова «по характеру уникальной»⁷.

Но, помимо богатейшего фактического материала, «Очерки» имеют и то важное преимущество, что автор их еще в 1917 г. обратился к изучению тех проблем, актуальность которых была в полной мере практически осознана лишь в последующее время. Мы имеем в виду социальную жизнь города, вопросы социальной психологии и демографии, исследование терминов, характеризующих социальные отношения. Этим, однако, не исчерпывается значение книги А. П. Рудакова: оно далеко выходит за рамки ее названия, и потому исследователи, с какой бы точки зрения они ни подходили к агнографии, неизбежно должны будут обратиться к этой работе. Особый интерес представляет обширное «Введение», в котором наряду с критической оценкой агнографии как культурно-исторического источника, содержится и ряд отдельных очень важных замечаний о характере византийской литературы⁸ и литературных особенностях памятников агнографического жанра. Большую практическую ценность книге придает «Приложение», в котором автор дает «перечень и краткий критический обзор тех изданных в подлинниках, переводах или изложениях житий, легенд, собраний чудес»⁹, которые им использованы.

Почти ничего не известно о творческом пути А. П. Рудакова. В нашей научной литературе этому посвящено лишь несколько строк¹⁰, а в зарубежной, даже в солидных научных изданиях, биография А. П. Рудакова излагается недостаточно точно. Так, Д. Оболенский в аннотации к английскому изданию «Очерков» пишет, что А. П. Рудаков «исчез в смятии Октябрьской революции»¹¹, что весьма далеко от действительности, поскольку он умер 15 декабря 1940 г. в Туле, будучи профессором Тульского пединститута. Это и побудило нас собрать более подробные сведения о биографии и научном пути А. П. Рудакова. Розыски в архивах Москвы, Ленинграда, Тулы, встречи с вдовой ученого, его сослуживцами и друзьями позволяют восстановить основную канву творческой биографии исследователя и его судьбу после выхода «Очерков».

Рудаков родился в Туле 21 января 1886 г. в семье ремесленника-оружейника¹². Может быть, этим и определялся его особый интерес к исто-

⁶ З. В. Удальцова. Очерки истории и исторической науки в СССР, т. 3. М., 1963, стр. 532—533.

⁷ См. Ocherki. . . , р. 1.

⁸ А. П. Рудаков. Указ. соч., стр. 6 сл.

⁹ Там же, стр. 11, 225—262.

¹⁰ См. А. П. Раждан. Указ. соч., Краткую характеристику «Очерков» дает и З. В. Удальцова (Указ. соч., стр. 532—533).

¹¹ См. Ocherki. . . , р. 1.

¹² Московский исторический архив, ф. 418, оп. 318, ед. хр. 1024.

рии ремесленного производства города, который так ярко проявился в «Очерках». С 17 лет он жил уроками и репетиторством, в 1904 г. поступил в Московский университет, в котором учился на кафедре всеобщей истории. Можно говорить о двух формирующихся направлениях его интересов — русская история XVI—XIX вв. и история восточных провинций Римской империи. В 1907 г. А. П. Рудаков получил премию Исакова за сочинение по русской истории «Боярство и самодержавие в XVI в.»¹³, в 1908 г. — золотую медаль за работу на тему «Аграрный вопрос в политике и литературе последних десятилетий римской республики»¹⁴. В 1909 г. он окончил Московский университет с дипломом первой степени и в том же году опубликовал в журнале «Гермес» (№ 8—10) интересную исследовательскую статью «Defensor civitatis в римском императорском законодательстве».

Статья привлекает не только критическим разбором важнейших появившихся к тому времени исследований, раскрывавших характер рассматриваемого института, но и стремлением рассмотреть его как «важный элемент в истории социальной политики поздней империи»¹⁵, более четко определить социальную значимость явления в жизни позднеримского общества. В этой работе только что оставившего студенческую скамью молодого ученого намечается новый в русской науке подход к изучению эволюции городских учреждений с опорой на законодательный материал. Рудаков попытался очертить картину эволюции социальной жизни города и обнаружил в институте дефензоров не только проявления «общественной самостоятельности», но связал его развитие с важными изменениями в социальных отношениях¹⁶.

Прослушанные Рудаковым в университете курсы свидетельствуют о большом его интересе к истории литературы, социальных и политических учений, проблемам права, быта и культуры. Одним из его учителей был Павел Гаврилович Виноградов, написавший два ходатайства об оставлении А. П. Рудакова в Московском университете для подготовки к получению профессорского звания по кафедре всеобщей истории. В ходатайстве А. Г. Виноградова мы читаем: «А. П. Рудаков обладает необыкновенной начитанностью, огромным трудолюбием и жадностью знания. В своих письменных работах и при обсуждении рефератов он обнаружил незаурядную наблюдательность и способность обращения с историческими фактами»¹⁷. В сохранившихся отчетах за эти годы в заседаниях Основного отдела комитета Министерства народного просвещения учителя А. П. Рудакова дают самую высокую оценку его научным занятиям¹⁸. В отчетах же самого Рудакова за 1911—1912 гг. обращает на себя внимание оригинальная по тем временам проблематика исследуемых вопросов: финансовая организация греко-римского Египта, государственное право принцепата, греко-римский эмфитевсис, религиозный синкретизм в Римской империи, эволюция муниципального строя, крестьянские движения в Византии¹⁹. Среди его пробных публичных лекций следует отметить «Роль восточных культов в религиозном движении II и III вв. в Римской империи»²⁰.

В 1913 г. А. П. Рудаков сдавал при Петербургском университете магистерский экзамен. Темой его клаузурного сочинения был «Первый афин-

¹³ Московский исторический архив, ф. 418, оп. 87, ед. хр. 313.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. П. Рудаков. Defensor civitatis в римском императорском законодательстве. — «Гермес», 1909, № 10, стр. 364.

¹⁶ Там же, № 8, стр. 305.

¹⁷ Московский исторический архив, ф. 418, оп. 87, ед. хр. 313.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

ский морской союз»²¹. В удостоверении, выданном Петербургским университетом, сообщалось, что «Александр Петрович Рудаков выдержал в заседаниях факультета в 1913 г. установленные испытания на степень магистра всеобщей истории, но не предоставил еще диссертации»²². В 1914 г. А. П. Рудаков был утвержден приват-доцентом Московского университета²³. В 1917 г. вышли «Очерки». Вероятно, они и представляли собой подготавливавшуюся им к защите магистерскую диссертацию.

С 1918 г. А. П. Рудаков стал профессором Московского университета и одновременно профессором Тульского учительского института. Знания Александра Петровича, его талант высоко ценили крупнейшие наши византилисты. Ф. И. Успенский в 20-е годы привлекает А. П. Рудакова, «как знатока византийской литературы», к работе византийско-русской Словарной комиссии, о чем сохранились соответствующие данные в фонде комиссии²⁴. Однако мы не располагаем, к сожалению, сведениями о реальном участии Рудакова в работе комиссии.

В 20-е годы, как сообщает профессор Тульского пединститута В. Н. Ашурков, «передовые тульские педагоги — приват-доцент Московского университета А. П. Рудаков. . . и другие — на основе ленинских декретов провели огромную работу по спасению и концентрации архивных материалов, выявлению и учету памятников искусства»²⁵.

Вдова ученого, В. Н. Рудакова, вспоминает, что «с начала революции началась новая большая работа»: А. П. Рудаков был привлечен к организации народного образования, преподаванию в Тульском пединституте и на рабфаке, работе в газете, на учительских курсах и т. д. Эта разносторонняя деятельность надолго поглотила время Рудакова, хотя его никогда не оставляла мечта вновь вернуться к истории Византии. Она частично реализовалась в его многочисленных лекциях в пединституте и в различных курсах (лекции по истории Рима, Византии, истории религии и культуры). По воспоминаниям его младших коллег, лекции А. П. Рудакова пользовались огромной популярностью, слушать его приходили студенты из самых различных учебных заведений города.

Глубокий интерес к литературе как источнику сведений о жизни и культуре, столь явственно отразившийся в «Очерках», вел А. П. Рудакова дальше — от агиографии к памятникам поэтического творчества. В 30-е годы он много занимается переводами.

Но в его преподавательской и исследовательской работе в силу условий и потребностей того времени возобладали иная линия, связанная с его интересами к прошлому России. Сюда тянется нить еще от его первых студенческих исследований. В 1916 г., еще до появления «Очерков», вышла брошюра Рудакова «Тульский кремль», в 1923 г. — «Очерки из истории Тулы и тульского края», в которых рассматривалась история этих мест с доисторических времен до 60-х годов XIX в. Книга стала одной из первых марксистских работ по истории Тульского края и приобрела популярность именно потому, что в ней А. П. Рудаков продемонстрировал свои лучшие исследовательские черты. На основании тонкого и разностороннего анализа данных писцовых книг и других источников он сумел показать, как развивались материальная жизнь и духовная культура, быт и нравы.

Очень велик вклад А. П. Рудакова в изучение и охрану памятников культуры Тулы и Тульской области²⁶, и не случайно в Тульском музее под его портретом рядом с «Очерками византийской культуры» находятся «Очерки из истории Тулы и Тульского края».

²¹ Ленинградский исторический архив, ф. 14, оп. 3, ед. хр. 165.

²² Там же.

²³ Московский исторический архив, ф. 418, оп. 87, ед. хр. 313.

²⁴ Архив АН СССР, ф. 126, оп. 2, протоколы № 1 и № 2.

²⁵ В. Н. Ашурков. Говорит прошлое. — «Коммунар». Тула, 1970, июнь.

²⁶ См. там же.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

**А. Л. Якобсон. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКИ.—МИА, № 168, 1970**

Новую книгу А. Л. Якобсона нельзя рассматривать в отрыве от его хорошо известных монографий, посвященных средневековому Херсону. С их страниц вставали яркие картины долгой, сложной и противоречивой истории крупнейшего средневекового города в Северном Причерноморье, оплота византийской политики и византийской культуры в Таврике. Новая книга А. Л. Якобсона выводит читателя за пределы городских стен Херсона и знакомит с его окружением. В центре внимания автора — жизнь рядового поселения, сельской общины. С тем же увлечением, с каким А. Л. Якобсон вел читателя из квартала в квартал по улицам Херсона, теперь он проводит его по долинам и ущельям Юго-западного нагорья Таврики. Деревни, сельские монастыри и убежища, ремесло, жилища, хозяйство и утварь обитателей края, их этно-культурные и политические связи — таковы новые объекты изучения. Но если до работ А. Л. Якобсона, посвященных Херсону, общие контуры его политической, экономической и культурной истории уже были знакомы благодаря раскопкам К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лепера, К. Э. Гриневича, Г. Д. Белова, работам А. Л. Бертье-Делагарда и С. П. Шестакова, то, вступая на землю сельской Таврики, А. Л. Якобсон в полном смысле вступил в «страну неизвестную» и принял на себя труд первооткрывателя.

В основу новой монографии А. Л. Якобсона положены материалы, добытые автором в течение одиннадцати лет (1956—1966) раскопок и разведок в Бельбекской, Варнутской, Байдарской и Качинской долинах. Описание и анализ этого материала составляют центральный раздел книги (гл. III. Результаты раскопок поселений, стр. 59—148). Ему предшествуют две вводные главы, первая из которых содержит обзор археологических памятников Крыма, датируемых автором эпохой раннего средневековья (Археологическая карта раннесредневековой Таврики, стр. 10—29), а вторая — обоснование хронологии и описание керамики, являющейся основным источником для датировки изучаемых памятников (Керамический комплекс и хронология поселений, стр. 30—58). В четвертой главе (Хозяйственная жизнь и социальный строй поселений, стр. 149—181) А. Л. Якобсон анализирует материалы, дающие представление об экономике и социальной структуре края. В заключительной пятой главе (Материальная культура поселений и их этническая принадлежность, стр. 181—193) рассматривается проблема этноса и содержится очерк политической истории.

Такая структура работы позволяет читателю вслед за исследователем пройти все этапы изучения фактического материала — от первого ознакомления с объектами исследования до детального разбора его отдельных элементов. Этот путь постараемся повторить и мы в нашем обзоре, попытавшись таким образом вскрыть документальную основу тех выводов, к которым пришел в ходе своей работы автор.

Первая глава по существу представляет собой развернутую легенду к археологической карте раннесредневековой Таврики. При ее составлении перед автором вставали три проблемы: 1) периодизация (хронология) собранного материала; 2) определение социальной характеристики памятников; 3) пространственная группировка материала (районирование). Эти три проблемы решены следующим образом. А. Л. Якобсон выделяет три периода: V—VII, VIII — первая половина IX в. и вторая половина IX—X в. (см. рис. 1). Все памятники автор разделяет по их социальной и бытовой принадлежности на города, сельские поселения, крепости и могильники. В географическом аспекте А. Л. Якобсон объединяет памятники в три группы — памятники Западного равнинного Крыма, памятники Юго-западного нагорного Крыма и памятники Восточного Крыма. По замыслу автора, археологическая карта должна дать «предварительную картину распространения памятников в пространстве и времени» (стр. 8) и тем самым помочь исследователю и читателю сориентироваться в накопленном материале.

Хронологическая классификация памятников в этом разделе, разумеется, выглядит априорно, ее обоснование дается в следующем разделе, и мы не вправе, рассматривая данный раздел, обсуждать вопрос о периодизации материала. Точно так же до разбора III главы мы не вправе рассматривать социальную классификацию памятников. Остановимся здесь на принципах географического районирования, принятых автором. Хотя А. Л. Якобсон и оговаривается, что выводы первой главы имеют предварительный характер, они должны быть отмечены, так как полностью соответствуют исторической концепции автора, развитой в следующих главах и уже сказавшейся в предыдущих работах.

В основу пространственной организации материала А. Л. Якобсон положил формально-географический принцип, отчасти сирецировав на средневековый Крым встречаемое в современной литературе членение полуострова на западную, юго-западную и восточную области. Материал юго-западной области А. Л. Якобсон попытался связать с системами рек Качи, Альмы, Бельбека, Черной и особо выделил подрайон Южного берега. На территории, относимой автором к Восточной Таврике, он выделил северное предгорье, южное побережье и Керченский полуостров. Западная равнинная область выделена в особый район. В результате такого районирования особенности культуры Херсона остались неотмеченными: Херсон рассматривается наряду с прочими памятниками нагорья. Специфика единой культуры VIII—IX вв. на Керченском полуострове и в степных предгорьях оказалась смазана, а вопрос о культуре прибрежных памятников восточной части нагорья заранее предreshен включением их в одну область с памятниками предгорий и Керченского полуострова.

Отсюда такие спорные заключения, как тезисы о том, что население Юго-западного Крыма стремилось поселиться ближе к Херсону (стр. 25), что поселения Восточного Крыма тяготели к Боспору, «как к своему экономическому, а затем и политическому центру» (стр. 29) и др.

Нам представляется, что было бы рациональнее при составлении легенды к археологической карте раннесредневековой Таврики учитывать не только формальное положение памятников, но также их принадлежность к определенной культурной области, их культурную ориентацию. Достаточно взглянуть на составленную А. Л. Якобсоном карту (рис. 1), чтобы убедиться, что все отмеченные им памятники объединяются в несколько микрорайонов, отличных друг от друга по природным условиям, по своей экономике, исторической традиции и политической ориентации. Таких микрорайонов шесть: 1) Херсон с его ближайшей округой (Герacleйский полуостров) и 2) Южный берег (от Балаклавы до Судака), ориентированные на малоазиатские провинции Византии; 3) область степных предгорий Центрального Крыма и Керченский полуостров (от р. Салгира до Боспора), тесно связанная с северопрichernоморской степью и Приазовьем; 4) замкнутое юго-западное нагорье, густо населенное, имеющее самостоятельную культурную традицию, восходящую к таврскому периоду, превратившееся к XIII в. в автономное политическое образование; 5) восточное нагорье — глухая, малонаселенная (и еще мало изученная в археологическом отношении) область, находящаяся на стыке степного и югобережного культурных микрорайонов, в политическом и экономическом отношении всегда тяготевшая к Судаку и Кафе; наконец, 6) западнокрымская степь — район, спорадические следы средневековья (X в.) в котором были нащупаны только в последнее десятилетие, и их культурная атрибутика еще весьма проблематична. Эти микрорайоны сложились исторически на основе различных природных ресурсов и хозяйственной специфики занимавших их групп населения и сохраняли эту специфику вплоть до XIX в.

Вторая глава монографии несет на себе двойную нагрузку. Во-первых, она обосновывает хронологию памятников, описанных в первой главе, и, таким образом, является в некоторой степени вводной частью работы. Во-вторых, она содержит описание и анализ керамического комплекса изучаемых памятников, и, следовательно, в ней сосредоточен основной фактический материал для суждений о характере материальной культуры, об этносе, об уровне хозяйственного развития и экономических связях обитателей раннесредневековой Юго-Западной Таврики. Глава подразделена на две части и завершается заключением, подводящим итог фактологическому обзору. Первая часть содержит обзор материалов, относящихся к V—VII вв., вторая — к VIII—X вв.

Керамический комплекс раннесредневековой Таврики весьма своеобразен. Он состоит из двух видов керамической продукции, возможности которых, как исторического источника, неравнозначны. Первый вид керамической продукции — амфоры, пифосы, черепицы — представляет развитое гончарное производство, уходящее корнями в античную эпоху. Эта продукция, встречаемая в Северном Причерноморье, либо является импортом, либо — продукцией местных северопрichernоморских гончарных центров, в развитии которых, однако, отразились закономерности общего развития керамического производства раннесредневекового Средиземноморья. И в том и в другом случае они характеризуют экономические и, возможно, политические связи обитателей раннесредневековой Таврики с отдельными районами Византии. Второй вид керамической продукции представляет местное домашнее производство. Только этот вид керамики содержит информацию об этнических связях. Для определения хронологии памятников этот вид керамической продукции менее важен, чем первый, так как менее распространен и значительно менее изучен.

А. Л. Якобсон основное внимание обращает на керамику первого вида, причем для периода V—VII вв. он вообще отказывается определить формы массовой домашней керамики, ограничиваясь лишь характеристикой амфор, пифосов и черепиц. При этом он ссылается на разрозненность и малочисленность материала V—VII вв., полученного при исследовании юго-западного нагорья. Отсутствие характеристики домашней керамики V—VII вв. подрывает основы этногенетической концепции А. Л. Якобсона, сложившейся в ходе изучения более позднего материала — VIII—X вв. А. Л. Якобсон почему-то не обратился в данном случае к тому методу, которым он пользуется, выделяя из разрозненного и малочисленного материала типы амфор, пифосов и черепиц, к методу датированных аналогий. А такие аналогии в Крыму есть. Это керамика могильников Суук-Су, Скалистинского, Чуфут-Кале, серия сосудов из д. Мангуш (теперь с. Партизаны), хранящаяся в Симферопольском краеведческом музее с 1913 г. (без шифра, ср.: ИТУАК, вып. 49, 1913, протоколы, стр. 271—272) и др. Привлечение материала синхронных поселениям могильников, где найдены целые сосуды, как и сопоставление его с материалом более ранних памятников (могильники Чернореченский, Инкерманский, «Совхоз-10» и др.), позволило бы А. Л. Якобсону поставить вопрос об этнических процессах V—VII вв. в юго-западном нагорье и, по нашему мнению, привело бы его к другим выводам относительно этноса, населявшего горную Таврику в VIII—X вв.

Анализу керамики VIII—X вв. А. Л. Якобсон уделяет несравненно больше внимания, чем анализу керамики V—VII вв. Это понятно: ведь исследование посвящено главным образом VIII—X вв.

Начинается анализ с обзора амфор. А. Л. Якобсон отмечает две группы сосудов, бытовавших в Таврике в этот период: бороздчатые амфоры с овоидно-продолговатым туловом и гладкостенные с овоидно-сферическим туловом, орнаментированные по плечикам зонами мелкого частого рифления. А. Л. Якобсон называет эти амфоры «причерноморскими». Но такое наименование нельзя признать удачным, так же как и название «салтовские», под которым они вошли в литературу. Несмотря на внешнюю кажущуюся однородность, амфоры этого периода весьма разнообразны. Две отмеченные А. Л. Якобсоном группы характеризуют лишь две тенденции в развитии амфорных форм, причем хронология отдельных видов внутри этих групп остается до сих пор невыясненной. Амфорная тара VIII—X вв., распространенная в городах Северного Причерноморья, в юго-западном нагорье и в областях салтово-маяцкой культуры, нуждается в специальном исследовании, подкрепленном анализом форм, технологии изготовления и состава глин, который базировался бы на спектральном и петрографическом методах. Такой анализ, несомненно, приведет к выделению подтипов амфор VIII—X вв., уточнению их хронологии, выявлению центров их производства и экспорта. В настоящее время приходится принимать ту широкую дату, которая закрепилась за этими амфорами, и на этом основании датировать поселения VIII—X вв. Эту широкую дату подтверждает также разбор других видов керамики (пифосы, черепицы, кувшины с плоскими ручками, спорадически встречающиеся на поселениях салтовские рифленые горшки).

А. Л. Якобсон не совсем последовательно определяет верхний рубеж существования исследуемых памятников. Иногда он говорит о VIII—IX вв. как времени существования поселений, иногда о VIII—рубеже IX—X вв. Недостаточно ясным остается и вопрос о преемственности между поселениями V—VII вв. и VIII—X вв. А. Л. Якобсон отмечает, что под слоями VIII—X вв. на всех исследованных памятниках проступали более или менее явные следы обитания в V—VII вв. Но был ли между ними hiatus, или поселения V—VII вв. переросли в поселения VIII—X вв., остается неясным.

Определение нижнего и верхнего рубежей существования поселений имеет первостепенное значение для установления населявшего их этноса и для выяснения политической истории края. Но мы вынуждены констатировать, что на основании того керамического материала, который был получен автором, на современном методическом уровне большего, чем сделал он, сделать нельзя.

В то же время следует отметить, что для установления верхней границы существования поселений автор в недостаточной степени использовал такой показательный материал, как стеклянные браслеты, неоднократно отмеченные при описании раскопок. На поселениях встречались обломки плоских в сечении браслетов из темно-синего прозрачного стекла, квадратных в сечении из темно-синего стекла с орнаментацией в виде белых кружков, обломки круглых и витых браслетов. Наличие такого широкого ассортимента стеклянных браслетов говорит о том, что поселения не только существовали в начале X в., но, может быть, даже дотянули до его конца. Такое предположение подтверждается находками на поселениях фрагментов белоглиняной поливной посуды. Представленные на всех поселениях фрагменты амфор с зонами мелкого рифления также говорят и о том, что в конце IX в. поселения не погибли, а продолжали существовать еще в X в., — поскольку эти амфоры не вполне синхронны бороздчатым амфорам и, как показывает материал Саркела и Херсона, продолжали бытовать вместе с импортными мелкобороздчатыми грушевидными амфорами, датруемыми X — началом XI в.

Таким образом, приведенный во второй главе материал помогает установить два периода в раннесредневековой истории Юго-западной Таврики. Первый период — V—VII вв., второй период — VIII—X вв. Первый период характеризуется, по наблюде-

нию автора, сравнительно слабой интенсивностью жизни в нагорье, а второй, напротив, — бурным развитием края.

Как видим, вывод второй главы не совпадает с той периодизацией, которая дана А. Л. Якобсоном в первой главе монографии (карта, рис. 1). Там период наиболее интенсивного развития определен рамками VIII — первой половины IX в., здесь же А. Л. Якобсон четко говорит, что верхняя хронологическая грань жизни поселений — рубеж IX и X вв. или начало X в. (стр. 56). Мы же полагаем, что эта грань могла бы быть поднята до конца X в., хотя, возможно, и не на всех поселениях.

Широкое распространение в быту обитателей горной Таврики VIII—X вв. высококачественной керамики (тара — амфоры, кувшины, пифосы; строительная керамика — черепицы), изготовленной профессионалами-гончарами, сочеталось с использованием лепной посуды весьма архаических форм, выделанной из грубой, плохо обработанной глины, обожженной в домашних условиях на слабом огне. А. Л. Якобсон совершенно справедливо отмечает, что эта керамика в быту обитателей края превалировала. Обломки так называемых салтовских рифленых горшков при раскопках «встречались несравненно реже» (стр. 53), чем обломки лепных сосудов. Некоторые лепные сосуды имеют следы подражания хорошо выделанным салтовским горшкам.

При анализе этой керамики А. Л. Якобсон, так же как и при анализе керамики предшествующего периода, не учел материала могильников Горного Крыма, дающих целые сосуды, и, таким образом, лишился аналогий в том самом районе, которым он непосредственно занимается. Это привело А. Л. Якобсона к ошибочному заключению, что реконструируемые им лепные сосуды «не являются узлокальной особенностью сельских поселений Юго-западной Таврики» (стр. 54). В поисках аналогий А. Л. Якобсон обратился к материалу Саркела IX — начала X в. Однако принять ссылку на материал Саркела нельзя, поскольку ничем, кроме одного сосуда, произвольно взятого из многообразного и сложного керамического комплекса Саркела и, кстати, не похожего на типичные формы Горного Крыма (стр. 54, рис. 21), А. Л. Якобсон подкрепить свою мысль не может. Апелляция А. Л. Якобсона к устаревшей работе М. И. Артамонова¹ (стр. 54, прим. 75) также не может быть принята, поскольку классификация саркельской керамики, данная на основании подъемного материала М. И. Артамоновым, давно пересмотрена И. И. Ляпушкиным² и С. А. Плетневой³.

Лепная керамика Юго-западного Крыма не похожа на лепную кочевническую керамику Подонья — Приазовья, как пытается доказать А. Л. Якобсон. Керамика кочевнических стоянок, обследованных С. А. Плетневой, представлена сосудами яйцевидной формы со слабо отогнутым наружу венчиком, поверхность их обычно имеет следы заглаживания пучком травы, тесто рыхлое, часто с примесью рубленой травы и соломы⁴. Сосуды (горшки) горной Таврики имеют, как правило, шаровидное тулово и относительно высокую шейку без выделенного венчика, которая завершается обычно уплощенным срезом. Поверхность их тщательно затерта, часто залощена, тесто грубое с крупными включениями толченого щебня, черепок твердый, но легко крошащийся. Эта керамика имеет прототипы в керамике могильника «Совхоз-10», т. е. в местной, горнокрымской этнокультурной среде. А. Л. Якобсон совершенно справедливо сам указывает на близость этих сосудов к позднеантичной лепной керамике поселений у с. Заячье и с. Заветное (стр. 55). Возможно, он прав, усматривая некоторую близость и в формах лепной керамики позднеантичного Боспора (хотя не со всеми его аналогиями можно согласиться). На эту близость неоднократно указывалось в литературе. Однако следует признать, что тема преемственности между культурой средневековой и позднеантичной горной Таврики осталась в работе неразвитой. Утверждая близость лепных форм VIII—X вв. к позднеантичным формам и одновременно стремясь доказать их подобие сосудам тюркоязычных кочевников Приазовья, А. Л. Якобсон явно впадает в противоречие.

В заключение обзора керамики А. Л. Якобсон совершенно справедливо акцентирует внимание на двух специфических явлениях в культуре Юго-западной Таврики VIII—X вв. Первое — синтез в быту населения примитивной архаической лепной и высококачественной гончарной керамики. Второе — несоответствие между керамическим комплексом Восточной Таврики VIII—X вв., Херсона и юго-западного нагорья. На основании последнего А. Л. Якобсон даже ставит вопрос о различии в этнической среде, которое скрывается за этим различием в формах материальной культуры (стр. 58). С этим заключением автора нельзя не согласиться. Однако дальнейший разбор работы покажет, что верные заключения автор не всегда реализует при трактовке этногенетической проблемы.

В третьей главе А. Л. Якобсон продолжает тему «материальная культура Юго-западного Крыма». Теперь в центре его внимания — поселения, жилища, храмы и некрополи. Источником для исследования в данной главе служат непосредственно памятники, обследованные и частично раскопанные автором. Поэтому ценность главы

¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935.

² И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, № 6, 1941.

³ С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959.

⁴ См. С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 103—105, рис. 25.

состоит не только в тех выводах, какие автор делает на основании изученного материала, но и в самом материале, ибо он представляет первую полную публикацию результатов одиннадцатилетних раскопок в Юго-западной Таврике и чрезвычайно важен не только по своему содержанию, но и как первый пример изучения весьма специфических археологических объектов — сельских средневековых поселений.

Рассмотрим приведенные А. Л. Якобсоном данные с точки зрения их соответствия тем выводам, которые он из них сделал.

Первый вывод, с которым мы можем полностью согласиться, — тезис об оторванности юго-западного нагорья от Херсона в VIII—X вв. Именно исходя из этого тезиса, мы выше отмечали неправомерность объединения Херсона и юго-западного нагорья в рамках одного культурно-исторического региона. Юго-западная Таврика представляла самостоятельный культурно-этнический микрорайон. Это доказываются справедливо отмеченными А. Л. Якобсоном различиями в традициях монументальной архитектуры, в фактах отсутствия экономического общения между Херсоном и юго-западным нагорьем, в формах бытовой керамики и даже амфорной тары. Однако, следует отметить, не все сравнения между Херсоном и поселениями нагорья правомерны. Так, сравнивая тип жилого строительства, А. Л. Якобсон почему-то не принимает во внимание естественного географических различий между Херсоном и долинами нагорья и социального различия; он сравнивает несопоставимые явления — бытовую архитектуру крупного города и маленькой заштатной деревни. Непоследовательность А. Л. Якобсона, к сожалению, проявляется и здесь. Так, на стр. 120 он пишет: «В Юго-западной Таврике также сильно проявлялось влияние городской, притом византизированной, культуры соседнего Херсона — сравнительно крупного по тогдашним масштабам города, влияние не только в сфере жилого строительства, но и в области ремесленного производства, прежде всего гончарного». А на стр. 147 он делает следующий вывод: «Вместе с тем наши раскопки с бесспорностью показали отсутствие осязаемых и реальных связей с ближайшим экономическим и культурным центром Таврики Херсоном. . . Это сказывается в резком контрасте всей материальной культуры. О резком различии в массовой керамике говорилось выше. . . Не менее ясно ощущается контраст в жилом строительстве. . . (?!)».

Второй вывод А. Л. Якобсона касается проблемы этнокультурных связей Юго-западного нагорья. На основании анализа жилого строительства в Юго-западной Таврике А. Л. Якобсон утверждает «наличие общности с культурой поселений Восточной Таврики» (стр. 146), население юго-западного нагорья он называет «сородичами» обитателей восточной половины края. Вместе с этим он говорит о «местной, античной» традиции в культуре Юго-западной Таврики. Эти заключения основываются на утверждении, что открытые автором на поселениях Юго-западного нагорья жилища настолько подобны, что можно говорить об одном общем типе жилой постройки, распространенном в VIII—X вв. во всей Юго-западной Таврике. Тот же тип жилой постройки — турлунный или саманный дом на каменном основании, состоящий из двух помещений, в одном из которых находился открытый очаг, как полагает А. Л. Якобсон, был распространен также на одновременных поселениях Восточной Таврики. По мнению А. Л. Якобсона, этот тип дома имеет аналогии на Тамани и в Северном Приазовье, где представляет локальный вариант строительной культуры обитателей салтовомаяцких поселений. Вместе с тем, по мысли А. Л. Якобсона, этот тип дома восходит к позднеантичной строительной традиции Керченского полуострова.

Как показало изучение Восточной Таврики (Керченский и Таманский полуострова), поселения этого края были неоднородны по своей социальной сущности (сельские поселения, большие урбанизирующиеся поселки и города) и жилые постройки в них тоже были различны⁵. Здесь на сельских поселениях выявлено постепенное освоение каменного строительства оседающими кочевниками, которые от углубленной в землю полужемлянки перешли к двухкамерному наземному жилищу, представляющему, как убедительно показала С. А. Плетнева, ссылаясь на большой этнографический материал, обычный тип жилища на полукочевнических зимниках. О влиянии античной традиции на формирование строительных навыков у населения Южного Приазовья в VIII—IX вв. можно говорить только с очень большими оговорками, так как отмеченный тип дома представляет собой генетически конечный, а не начальный этап развития строительной техники — во-первых, и нет прямых аналогий между античным и средневековым строительством в Восточной Таврике, за исключением городов Боспора и Фанагории, — во-вторых.

Что же касается построек, открытых А. Л. Якобсоном в Юго-западной Таврике, то следует отметить прежде всего фрагментарность материала и вследствие этого нередко проблематичность определения формы строения, а кроме того, — несомненное отличие типов жилищ на разных памятниках, исследованных А. Л. Якобсоном. Т. е., так же, как и в Восточной Таврике, нет единства, нет одного типа постройки; но если там прослежен генезис формы, то здесь этого выявить не удалось.

Различна и топография поселений. Так, поселок у д. Бобровки (Байдарская долина) был размещен на склоне и имел очень сложную структуру: весь склон перерезан под-

⁵ А. В. Гадло. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. — «Вестник ЛГУ», № 14, 1968, стр. 56—65.

порными стенками и крепидами. Поселок у д. Поляны (Бельбекская долина) лежал в низине на плоскости. Дома в обоих поселках были различны: прилепленные к подпорным стенам, как в современных селениях горного Кавказа, каменные постройки у д. Бобровки и просторно раскинувшиеся действительно двухкамерные с турлучными стенами мазанки у д. Поляны. Один этот пример показывает, насколько индивидуально подходила каждая община к выбору места для поселения и к устройству жилищ. Остается неясным, почему жители первого поселения не спустились к подножию и вели строительство на склоне, теря всяческие неудобства, а жители второго — спокойно расположились в долине.

За этим могут стоять и этнические и хронологические различия. Так, в дальних закрытых долинах (Байдарской и Варпугской), возможно, сохранялся более древний, более статичный облик этноса (ср. обряд погребения), а в открытую к западу Бельбекскую долину, может быть, просачивалось какое-то население из степи (тип поселения у с. Поляны и в самом деле напоминает селища Восточной Таврики). Не вдаваясь в детальный разбор каждого поселения и каждой постройки в отдельности (принадлежность всех описанных А. Л. Якобсоном построек к разряду жилищ проблематична), мы отметим главное: из того материала (14 построек), который приведен автором, вовсе не следует, что в Юго-западном Крыму в VIII—X вв. был распространен один стабильный тип поселения и один тип жилого дома, поселения и дома были различны, следовательно, вывод о тождественности строительной культуры Восточной и Юго-западной Таврики не соответствует действительности.

Содержащийся в четвертой главе очерк экономики и социальной организации обитателей Юго-западной Таврики строится не только на археологическом материале, но и на письменных источниках. А. Л. Якобсон весьма удачно сопоставляет сведения о горнокрымском джемаате XV—XVIII вв. с данными «Земледельческого закона» (VIII—X вв.) и убедительно доказывает архаизм сельской общины юго-западного нагорья.

Край, как полагает А. Л. Якобсон, населяли слабо связанные с соседними территориями общины, основой хозяйства которых являлось земледелие. К сожалению, добытый раскопками материал, позволяющий характеризовать хозяйство, очень невелик, поэтому автор вынужден ограничиться только краткой фиксацией основных явлений (земледелие, скотоводство, виноделие).

Более детально А. Л. Якобсон рассматривает вопрос о развитии ремесла в Юго-западной Таврике. Он отмечает два вида ремесел — кузнечное и гончарное. Установленное А. Л. Якобсоном наличие в Юго-западной Таврике высокоспециализированного производства строительной керамики (черепица) дополняет уже неоднократно приводившиеся в литературе материалы о специализированных гончарных районах в окрестностях с. Морского (Чобан-Куле), около Мисхора и в других местах горной Таврики. А. Л. Якобсон полагает, что в Юго-западной Таврике в VIII—IX вв. активно шел процесс отделения ремесла от земледелия (стр. 164).

Последний тезис нуждается в основательной коррекции. Широкое производство строительной керамики было вызвано не внутренними потребностями сельской общины, а развитием храмового строительства, на что справедливо указывает автор, и безусловно являлось не следствием развития собственного гончарного производства земледельцев горной области, которые в быту использовали примитивную лепную посуду, а было привнесено извне. Это связано с греческой монашеской иммиграцией, на что недвусмысленно указывают проанализированные А. Л. Якобсоном знаки мастеров на черепицах. То же, по-видимому, следует сказать и об изготовлении тарной керамики, которая ни по технологии производства, ни по конструкции печей, ни по формам продукции не может рассматриваться как местная, крымская. Более вероятно выделение в сельских поселениях своих кузнецов, однако был ли процесс плавки железа освоен обитателями горных долин, — пока неясно. Находки железных полуфабрикатов еще не свидетельствуют о том, что выплавка из руды производилась на месте. Не исключено, что полуфабрикаты завозились извне (возможно, они были крымского происхождения), а в поселениях нагорья подвергались только горячей проковке. Таким образом, на наш взгляд, было бы правильнее констатировать сложность явления. Материал Юго-западной Таврики фиксирует экономическую неразвитость собственного производства обитателей края и вторжение в их жизнь высококвалифицированного специализированного ремесла, продукция которого начинает широко внедряться в быт, что расплывало, по-видимому, как обычно рыночная продукция, косность и замкнутость общин.

Одним из наиболее интересных явлений в социальной жизни Таврики VIII—X вв., отмеченных А. Л. Якобсоном, следует считать появление небольших крепостей, к которым тяготели открытые поселения. Они зафиксированы в Байдарской долине, в долине Бельбека и Качи. А. Л. Якобсон полагает, что это были общинные крепостицы-убежища, и справедливо усматривает аналогию этому явлению в возникновении в тот же период укрепленных мысовых поселений в Верхнем Подонье, на Северском Донце, на Осколе. Однако напрасно, на наш взгляд, А. Л. Якобсон оспаривает тезис С. А. Плетневой о том, что появление укреплений, окруженных селищами, свидетельствует о начале феодализации. Совершенно верно указывая на значение монашеской иммиграции в Таврику в конце VIII в. как феодализующего момента в социально-экономическом развитии края, А. Л. Якобсон в то же время несколько недооценивает значение поли-

тической обстановки в Таврике VIII в. Возникновение крепостей-убежищ — это, несомненно, реакция на осложнение общей политической ситуации, когда горная Таврика оказалась на стыке интересов Византии и Хазарии. В то же время это признак возрастания роли в жизни общин их военной организации, а следовательно, и признак начала феодализации, совпадающей с очевидным ростом общественного производства, что выразилось главным образом в интенсивном строительстве и увеличении числа поселений.

К сожалению, материал, приведенный А. Л. Якобсоном, невелик. Им не предприняты сплошные обследования долин, которые позволили бы более четко представить связь укрепленных и неукрепленных поселений, не выявлена топография тех и других, не показано взаимоотношение «крепостей-убежищ» и неукрепленных поселков с так называемыми «византийскими крепостями» (Мангуц, Инкерман, Сюрень, Эски-Кермен, Бакла и др.). Без такого сплошного обследования и установления хронологии и социальной значимости каждого объекта и их взаимосвязи вопрос о степени феодализации Юго-западной Таврики в VIII—X вв. не может получить удовлетворительного разрешения. Ограниченность материала (отсутствие топографии отдельных поселений, неясность планировки жилых и хозяйственных комплексов, усадеб) не позволяет глубоко проникнуть и в сущность явлений, происходивших внутри общин.

Таким образом, в IV главе автор знакомит читателя с исключительно интересным материалом, который позволяет поставить проблему и сделать первые — подчеркиваем, только первые — шаги в сторону ее разрешения.

В пятой, заключительной главе рассматриваются три вопроса: 1) причины интенсивного оживления поселений Юго-Западной Таврики в VIII—IX вв., 2) этническая характеристика этих поселений, 3) их археологическая культура. Все три вопроса глубоко взаимосвязаны, и в значительной степени решение первых двух зависит от решения третьего.

Глава начинается с утверждения о тождестве материальной культуры сельских поселений (по крайней мере основных ее проявлений) на территории всей Таврики и степного Приазовья в VIII—X вв. (стр. 182). Основными проявлениями материальной культуры автор считает следующие элементы: состав керамического комплекса, форму жилища и обряд погребения. В данной главе он по существу лишь суммирует выводы, сделанные им при разборе конкретного материала в предыдущих главах. Суммируем и мы наши расхождения с А. Л. Якобсоном в трактовке приведенного им материала.

Выше мы отмечали, что комплекс керамики, бытовавшей в VIII—X вв. в юго-западном нагорье, сложен. В его основе лежат местные лепные формы, восходящие, по-видимому, к формам керамики позднеантичных могильников того же района, которые А. Л. Якобсон в своей работе игнорирует. Только эти лепные формы (горшки, миски, кувшины) содержат информацию об этносе, ибо другие бытовые формы (в том числе и гончарные горшки с рифлением) были здесь привозными, т. е., так же как тара и строительная керамика, связаны с другой этнокультурной средой. А. Л. Якобсон в данной главе, начав с утверждения тождества, затем справедливо указывает на различие между салтовским керамическим комплексом и комплексом бытовой керамики юго-западного нагорья (стр. 182—184). Таким образом, остается неясным, на чем же зиждется утверждение, что комплекс Юго-западного Крыма наиболее близок к керамическому комплексу поселения Приазовья.

Далее — форма жилища. Автор сетует на небольшой сравнительный материал Приазовья. Но ведь материалы Тмучорокапи, Тепсея, пос. у д. Героевки, у д. Пташкино и др. хорошо известны А. Л. Якобсону. Мы уже говорили, что вывод о существовании в Юго-Западной Таврике одного типа жилищ неверен. Не было одного типа жилищ и в Восточной Таврике. Следовательно, нет оснований для спора, так как послышки автора неточны.

Наконец — тип погребения. А. Л. Якобсон совершенно справедливо очерчивает территорию, на которой в VIII—X вв. был распространен тот же обряд погребения, какой он обнаружил в юго-западном нагорье, — труположение в плитовой гробнице с ориентацией погребенного головой на запад. Указанная территория охватывает юго-западное нагорье, Южный берег, Восточную Таврику, частично Северный Кавказ. Это области, где в изучаемое время господствовало или утверждалось христианство и устанавливался характерный христианский обряд захоронения и устройства могилы. Плитовые могилы не являются эллическим признаком, и их также надо сбросить со счета.

Однако было бы неверно не заметить, что в одном из некрополей, исследованных А. Л. Якобсоном (у с. Родниковое), имелись могилы другого типа, а именно — ямные захоронения с остатками гробовища (или деревянной обкладки). А. Л. Якобсон непременно хочет найти аналогию этим погребениям в областях салтово-маяцкой культуры. Сделать это можно, но такая аналогия будет далеко не бесспорна, поскольку значительно ближе к Баидарской долине, на Южном берегу, в VI—VII вв. был распространен подобный тип погребения (нижний слой Суук-Су). В могильнике у с. Родникового — следы незавершенной христианизации, о чем свидетельствует неустойчивый обряд погребения, сохраняющий реликты языческих верований.

Вывод А. Л. Якобсона о тождестве культуры Юго-западной горной Таврики, Восточной степной Таврики и всего Подонья — Приазовья приводит к утверждению, что

эти районы были в VIII—X вв. населены одним этносом. И поскольку известно, что до начала хазарской экспансии Приазовье было заселено болгарами (праболгарами), А. Л. Яковсон полагает, что в VIII в. под давлением хазар болгары Приазовья продвинулись в Крым, захватив не только степь, но и горную область. Продвижение болгар в Таврику А. Л. Яковсон объясняет политической стабилизацией в южнорусской степи и относительной политической независимостью Таврики в VIII—начале IX в. и от Византии, и от Хазарии. Автор полагает, что Таврику заселяла та группа болгар, которая в X в. была известна под именем «черных болгар».

Несогласие с авторской трактовкой археологических источников не позволяет нам признать справедливой его историческую концепцию. А. Л. Яковсон прав, когда говорит о тождестве культуры Восточной и Центральной степной Таврики с культурой Тамани и степного Приазовья. Это был один этнокультурный регион, населенный одним этносом — потомками гуно-болгарских родов, подчинившихся в конце VII в. хазарам. Распространять же степную культуру на юго-западное нагорье мы не вправе — данных для этого нет. Отдельные элементы степной культуры — более высокой, чем культура замкнутого в горных долинах населения, разумеется, проникали в нагорье. Туда попадали формы салтовской керамики (гончарные рифленые горшки, лощеные сосуды), с которыми не могла конкурировать архаическая местная посуда; туда проникали приемы строительства (кладка «в елку»), заимствованные на развитых поселениях степного района; там могли появляться и группы степняков, так как шедший на границах степи в предгорьях процесс оседания мог загнать в горную область отдельные роды и семьи. Но в целом культура Юго-западной Таврики была особой, автохтонной, восходящей к культуре предшествующего времени.

Распространение этнонима «черные болгары» на юго-западное нагорье, как, впрочем, и на Восточную Таврику, не соответствует тексту источников, что мы стремились показать в специальной работе, которую А. Л. Яковсон обходит молчанием⁶. Это мы можем расценить как своего рода пассивное сопротивление, поскольку автор не в силах опровергнуть наш вывод о том, что этноним «черные болгары» относится к населению междуречья Днепра и Прута и не имеет ничего общего с населением средневековой Таврики. А. Л. Яковсон, безусловно, знает, что горная область в Крыму была известна в Византии под двумя названиями — Готия и Климаты, а позднее в русских источниках получила наименование Корсунской страны, *в которую* (подчеркиваем, кстати), а не *из которой* приходили «воевать и пакостить» черные болгары в середине X в. (договор Игоря).

Наконец, последний вопрос. В чем причина возрождения поселений Юго-западной Таврики и того экономического подъема, который проявился в бурном расцвете высокоспециализированного гончарного производства, резко контрастировавшего с архаической культурой края? Он объясняется, как верно отмечает А. Л. Яковсон, прежде всего стабилизацией политической обстановки в Северном Причерноморье, наступившей вслед за образованием огромной Хазарской державы, в сферу прямого политического влияния которой попал весь Крым, включая Херсон. А. Л. Яковсон верно отмечает независимость края от Византии, но согласиться с ним в том, что Юго-западная Таврика не зависела и от Хазарии, нельзя. А. Л. Яковсон пишет, что «господство хазар в Таврике в VIII в. не могло не ослабеть вследствие напряженной борьбы Хазарского государства с арабами» (стр. 191). Это верно, но он забывает о том, что, как только господство хазар в Таврике, и именно в Готии, ослабевало, хазары энергично напоминали о нем и не отказывались от борьбы за Таврику вплоть до 40-х годов X в., когда сама Хазария была уже на пороге гибели⁷. Тезис А. Л. Яковсона о том, что политический вакуум в Таврике привел ее к бурному экономическому расцвету, не соответствует конкретной исторической обстановке VIII—IX вв. Прав А. Л. Яковсон лишь в том, что Юго-западная Таврика, оторвавшаяся от Херсона и иконоборческой Византии и оказавшаяся во власти реакционного монашества, стремилась к независимости и от Византии, и от Хазарии. По существу в нагорье возникло в VIII в. буферное политическое объединение, от которого формально не отказывалась Византия и которое в то же время считала своим Хазария.

Впрочем, независимость края, на которой настаивает А. Л. Яковсон, сама по себе еще не могла определить бурного экономического возрождения. В чем же действительно причина этого подъема? На наш взгляд, она не в независимости, а, напротив, в зависимости Таврики — и зависимости именно от Хазарии. Как бы ни относился автор к роли Хазарии в истории Восточной Европы, вряд ли он сможет отрицать простую следственную связь — распространение в Северном Причерноморье хазарского влияния и появление оседлости на границах степи и в речных долинах. Это бесспорно. Появление оседлости, сопровождавшееся бурным ростом земледельческого хозяйства, интенсифицировало всю экономическую жизнь. Вновь расцветает Боспор, подымается Фанагория, появляется новый город Тмудорокань (Таматарха), превращается в город-

⁶ А. В. Гадло. О черных и внутренних болгарах (Одна из спорных проблем исторической этногеографии южнорусской степи). — «ГО СССР. Доклады по этнографии», вып. 6. Л., 1968.

⁷ Д. Л. Талис. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики в литературе последних лет. — ВВ, XIX, 1960, стр. 255—259.

ское поселение Тепсень. Огромный рынок сбыта открылся перед ремесленниками захиревших византийских провинций, началась не только монашеская, но и ремесленная иммиграция в Таврику. В юго-западном нагорье, ближе к коренной области, появляются отдельные ремесленные центры, не связанные прямо с местным населением, но обслуживающие и его. Производством вина на экспорт в Хазарию, черепиц и керамической тары, возможно, начали заниматься и монастыри. Общая стабилизация и подъем привели к бурному строительству, а втягивание в экономические связи — к интенсификации земледельческого хозяйства и возрождению поселений в юго-западном нагорье. Таким представляется нам процесс, зафиксированный А. Л. Яковсоном в горной Таврике VII—IX вв.

В заключительном разделе V главы А. Л. Яковсон вновь ставит вопрос об этносе, населявшем Юго-западный Крым в VIII—X вв. Но теперь главной посылкой является следующее заключение: «Продвинувшиеся в Юго-западную Таврику праболгары оседали отнюдь не на опустошенных землях. Они застали поселки, по преимуществу греческого и сармато-аланского населения, задолго до того слившегося с аборигенами края — потомками тавроскифов» (стр. 193). Мы привели эту цитату не только потому, что она снимает высказанное А. Л. Яковсоном выше и оспоренное нами заключение о тождестве культур Приазовья и Юго-западного Крыма, но и потому, что под этим заключением мы готовы подписаться обеими руками. Разбирая книгу А. Л. Яковсона, мы все время пытались показать, что Юго-западный Крым — это особая область, где в течение всего средневековья оставался древний этнос, пополнявшийся время от времени новыми вливаниями из степи. Указывая на необходимость привлечь к исследованию материал позднеантичных памятников и могильников V—VII вв., мы обращали внимание именно на этот автохтонный этнос. Заключение же А. Л. Яковсона контрастирует со всей книгой, но это, на наш взгляд, единственно верное решение этногенетической проблемы. Теперь спорить не о чем.

Итак, Юго-западный Крым в VIII—IX вв. населяли потомки древних аборигенов, слившиеся в первые века н. э. с сармато-аланами, в эпоху Великого переселения смешавшиеся с готами (напомним о готах-земледельцах страны Дори Прокопия), в период иконоборческих гонений (конец VIII—IX в.) подвергшиеся некоторой грецизации и, наконец, в период оседания по границам Хазарского каганата потомков древних гупно-болгар (праболгар — носителей салтово-маяцкой культуры) испытавшие воздействие последних. «Население этого края, в сущности говоря, нельзя назвать ни греческим, ни готским, ни аланским. Нельзя назвать его и праболгарским», — пишет А. Л. Яковсон (стр. 194). Совершенно справедливое заключение. Отметим только, что население Восточной Таврики и Приазовья праболгарами назвать можно.

Такова новая монография А. Л. Яковсона. Это несомненно нужная и полезная работа. В ней впервые представлен новый вид источников по истории средневековой Таврики — материал, добытый при раскопках рядовых сельских поселений. Трактовка этого материала вызвала наши возражения, она спорна, но это не умаляет ценности книги, ибо затронутый автором широкий круг проблем намечает пути дальнейшего развития работ по изучению истории не только Таврики, но и всего Причерноморья в целом. У книги есть только один существенный недостаток — она не имела научного редактора, который мог бы указать автору на досадные промахи и противоречия, помог бы отточить формулировки и придать большую целостность и определенность общей исторической концепции, избавил бы от ненужных повторений и алогизмов.

К работе А. Л. Яковсона приложена статья Ю. Д. Беневоленской «Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-западного Крыма» (стр. 198—223). Отметим некоторые выводы этой статьи.

Сравнение трех серий черепов, добытых раскопками А. Л. Яковсона у с. Родникового, у с. Гончарного и на плато Пампук-Кая, с сериями из могильников Эски-Кермена, Мангупа и Херсона показало относительную антропологическую пестроту населения Крыма в средневековье (рассматривается материал VIII—XIX вв.), но в основном это европейское население, отличавшееся от населения Восточного Крыма (Керчь, Судак, Планерское).

Сравнение материалов Юго-западного Крыма с материалами из ливкинского могильника, Саркела и могильника Нови Пазар привело автора (вслед за Г. Ф. Дебецем и В. В. Гинзбургом) к мысли об их некотором антропологическом сходстве. Автор совершенно справедливо обращает внимание на то, что «европеоидная основа тех и других близка к сарматскому типу» (стр. 207), но в крымской серии почти полностью отсутствуют монголоидные элементы, и она более брахикранна.

В заключение Ю. Д. Беневоленская осторожно высказывает мысль о возможности «предполагать в Юго-западном Крыму наличие примеси брахикранного населения из приазовских степей VII—IX вв.» (стр. 207). Этот вывод возник, несомненно, вследствие наложения антропологического материала, очень разнородного и сравнительно малочисленного, на археологическую схему А. Л. Яковсона, представленную во II и III главах рецензируемой монографии (см. стр. 206, прим. 39).

А. В. Гадло

Страшимир Н. Лишев.
БЪЛГАРСКИЯТ СРЕДНЕВЕКОВЕН ГРАД.
БЪЛГАРСКАТ АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ.
София, 1970, 224 стр.

Среди богатой литературы о балканском городе периода генезиса и расцвета феодализма монография С. Лишева занимает особое место. Это — всестороннее исследование становления и развития болгарского города. Оно основано на материалах нарративно-исторических, агнографических, юридических и в особенности археологических (приложен богатый альбом фотоснимков орудий производства), кроме того, учтена вся болгарская и советская литература.

Автор начинает с проблемы континуитета. Он отмечает глубокий упадок, подчас даже полное исчезновение древних городов. Болгарские же города, считает он, возникли самостоятельно. Континуитет античности в дальнейшем ощущается только через влияние византийского города. Город в Болгарии, по мнению автора, представлял собой хозяйственное и политическое единство крепости (кастро) и предградья; крепость — гарантия прочности собственности населения предградья — выполняла роль убежища. Город изображается автором как центр производственный, политический и идеологически-культурный. Лишев выступает против точки зрения Н. В. Пигулевской, разделявшей хозяйство на товарное городское и на натуральное деревенское. По его мнению натуральное хозяйство являлось основным как для деревни, так и для города (стр. 45). Преобладала натуральная оплата чиновникам, натуральные налоги. Наличие крупных кладов свидетельствовало о превращении дохода в сокровище. Автор затрудняется говорить о торговых как специальной группе населения города — торговали все прослойки. Это приводит нас к выводу, что если товарное производство и было мало развито, то товарное обращение (которое предшествует и составляет одно из условий товарного производства) в Болгарии было уже распространено широко. Однако посредническое купечество было представлено относительно слабо, особенно во внешней торговле, где торговыми посредниками между Болгарией и зарубежными странами выступали в основном (в XIII—XIV вв.) итальянцы. Это имело особое значение для Болгарии, так как при иностранных посредниках не могло развиваться в городах местное купечество, что ослабляло роль бюргерского элемента в стране.

Города в Первом Болгарском царстве находились в руках царских агентов — чиновников, бояр как должностных лиц. Во Втором Болгарском царстве города оказались в полном политическом и хозяйственном подчинении у боярства — феодальных крупных землевладельцев. Никакого самоуправления, по мнению автора, в болгарских городах никогда не было. Лишев категорически опровергает возможность капиталистических элементов в поздней Болгарии — феодальный строй периода раздробленности господствовал всюду. Опираясь на археологические данные, автор рисует картину развитого ремесленного производства в городе. Особенно подробно останавливается он на горном деле и металлообработке, указывая, в частности, что название рудокопов «саси», т. е. саксы, стало названием не народности, а профессии: «сасями» могли называться не только переселенцы из Саксонии, но и местные рудокопы-болгары.

Все городское население автор делит на 4 класса: 1) крупные землевладельцы — феодалы светские и духовные; 2) зависимые от них лица разных профессий, ремесленники, арендаторы, торговые агенты; 3) независимые мелкие собственники, ремесленники; 4) неимущая беднота. Наемный труд признается автором только в том случае, если налицо 1) свободное юридическое состояние, 2) свобода от собственности. Наемный труд и расценивался низко — более ответственным считался зависимый работник. Согласно положению автора, наемный труд в то время являлся первоначальной стадией для дальнейшего перехода в зависимое состояние. Мне кажется такое утверждение слишком прямолинейным. В отдельных профессиях наемный труд всегда преобладал, например в квалифицированном строительстве.

Очень обстоятельно обрисован болгарский город как центр развития болгарской культуры, особенно в X и в XIV вв. (так называемое «Болгарское Возрождение»). Автор возражает против такого термина, хотя и признает существенный сдвиг в развитии болгарской культуры. Однако он отмечает, что прогрессивные деятели Варлаам и особенно Акиндин — не могли добиться успеха среди болгарского населения.

Говоря о народных движениях, Лишев выделяет антифеодальные элементы, особенно в деятельности богомилов, которые, однако, со временем превратились в секту мистического типа и начали сближаться с монархией.

Книга написана ярко и аргументированно. Следует, правда, указать и на некоторые недостатки. Не везде выделено то, что связано с самобытным развитием и внешним воздействием. Вряд ли правильно стремление автора ограничить понятие «наемный работник» только теми, кто полностью лишен собственности. В то время при примитивности орудий производства всякий бедняк мог обладать ими и решающим обстоятельством являлось наличие собственности на материалы для приложения труда, а не на орудия производства. Свобода от собственности является скорее причиной, по которой человек отдает себя в наем, чем постоянно присущий наемному труду признак. Если полностью связывать понятие «пролетарий» со свободой от собственности, то

как же тогда применить его, например, к уральским рабочим, которые в дооктябрьское время являлись в массе своей собственниками домика, огорода и т. д.?! Главный же недостаток работы Лишева — в том, что господствующий класс феодалов представлен слишком монолитным. Что же касается византийского влияния, то автор, хотя и признает его, все же в том, что касается городского быта и идеологии, показывает его недостаточно. При всем том исследование Лишева следует признать крупным достижением в новейшей литературе по истории средневекового болгарского города.

**Н. Г. Бек. GESCHICHTE DER BYZANTINISCHEN VOLKSLITERATUR.
München, 1971, S. XXII + 233**

Книга Ханса Георга Бека, руководителя Мюнхенского византиноведческого семинара и редактора журнала «Бюцантинише Цайтшифт», — по сути дела, первый общий очерк истории византийской народной литературы. Еще в конце прошлого столетия К. Крумбахер в сотрудничестве с А. Эрхардом и Х. Гельцером выпустил «Историю византийской литературы», включавшую и раздел о народной литературе¹. Сыгравшая в свое время колоссальную роль, книга Крумбахера ныне уже не отвечает уровню современного византиноведения и подлежит замене серией справочных изданий, написанных крупнейшими специалистами². В этой серии вышла и рецензируемая работа.

Книга Бека — солидное справочное пособие. Рассматривая каждый памятник, Бек излагает его содержание, разбирает — если это возможно — проблему авторства и датировки, сообщает сведения о рукописной традиции, приводит список изданий и исследовательских статей. С удовлетворением следует отметить, что работы русских дореволюционных и советских ученых (А. Я. Сыркин, В. Д. Кузьмина, В. С. Шандровская, Р. М. Бартияян, И. В. Абуладзе, Я. Н. Любарский, О. В. Творогов, Т. А. Сумникова и ряд других) постоянно учитываются в библиографии.

Поскольку датировка памятников народной литературы часто весьма затруднительна, автор расценивает свой предмет на основе двуединого принципа, в котором хронологический критерий сочетается с предметным. Так, во II разделе он выделяет памятники XII—XIII вв., в III — поздневизантийской роман, а в V — басенную литературу. Естественно, что в главах, построенных по «предметному» принципу, хронологическая последовательность не соблюдается. Так, Бек допускает возможность отнесения «Пориколога» к началу XIII в. (стр. 178), однако помещает его не во II разделе, а в V. Он не исключает, далее, что сатира «Рассуждения винного отца Петра Зифомуста» могла возникнуть в XIII (или в XIV) в. (стр. 194), но рассматривает ее среди сатирических памятников XV столетия.

В I разделе Бек описывает народную литературу ранне- и средневизантийского периода.

От ранневизантийского периода памятники народной литературы практически не сохранились, если не считать следов насмешливых песенок (стр. 25—28). В данной связи возникает вопрос, не вправе ли мы причислить к этому типу памятников и «Застолья» Ария — ведь, по словам Филосторгия, Арий сочинял песенки для моряков, мельников и странников³. Напротив, представляется крайне спорным отнесение к византийской народной литературе «Жизнеописания Эзоп»⁴, древнейшая версия которого возникла еще во II в. н. э., вторая — вскоре после того, а третья, принадлежавшая известному филологу Максиму Плануду (около 1300 г.) (стр. 29), во всяком случае, лежит за рамками средневизантийского периода.

Далее Бек характеризует соотношения разных изводов «Александрии» (стр. 31 и сл.)⁵ и «Физиолога» (стр. 33—35) — памятников, занимавших важное место и в средне-

¹ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2. Aufl. München, 1897, S. 787—910.

² Сюда относятся: G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. 3. Aufl. München, 1963; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, а также две книги, не имеющие соответствия в главах Крумбахера: F. Dolger, J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München, 1968; E. Schilbach. Byzantinische Metrologie. München, 1970.

³ См. O. Bardenheuer. Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. III. Freiburg im B., 1912, S. 41 f. О шуточных песенках времен Алексея I (стр. 27) см. также: С. Панадимитриу. Две народные песни у Анны Комниной. — «Летопись Историко-филол. общества Новороссийского университета», II, 1, 1892.

⁴ См. о нем: В. К. Ериштедт «Речения Эзоп» в Москве и в Дрездене. Пг., 1916. Бек (стр. 31) указывает только более ранние и неполные публикации Ериштедта на эту тему.

⁵ Среди изданий «Александрии» отсутствует: L. Bergson. Der griechische Alexanderroman. Rezension B. Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1965. Следовало также отметить, что извод А был переиздан в 1958 г. (Historia Alexandri Magni, vol. I: Recensio vetusta. Berolini, 1958).

вековой славянской литературе. Если Бек отмечает наличие славянских и румынской версии «Физиолога» (стр. 34)⁶, то о славянской «Александрии» не идет речь ни здесь, ни в III разделе, где рассматриваются собственно византийские романы об Александре — поэтический и прозаический (стр. 133—135). Как известно, А. И. Соболевский даже высказывал мысль, что роман об Александре сложился у южных славян и затем был переведен на греческий, с чем полемизировал В. М. Истрин⁷.

Авторство «Повести о Варлааме и Иоасафе» было в последнее время предметом острых дискуссий. Ряд исследователей считал греческого Варлаама переведенным в XI в. с грузинского⁸. Бек решительно выступает против этой точки зрения, полагая, что создателем византийской повести был Иоанн Дамаскин (стр. 35—41).

Далее рассматриваются две правоучительные повести восточного происхождения, перевод которых на греческий относится к царствованию Алексея I (1081—1118): «Стефанит и Ихнилат», переведенный и на славянский язык, и «Книга Синтипы, философа», т. е. Синдбада, проникающая к славянским народам, согласно Беку, не из Византии, а через западноевропейские переработки (стр. 45—48).

Датировка византийских эпических песен (стр. 48—63) значительно более сложна. Они сохранились лишь в поздних рукописях либо же в новогреческой традиции, и соотнесение их с конкретными фактами византийской истории затруднительно. Бек проявляет в этом вопросе необходимую осторожность и отводит многие смелые идентификации А. Грегуара: так, он считает попытку Грегуара связать «Песнь об Армуре» с падением византийской крепости Аморий в 838 г. проблематичной (стр. 56); он напоминает далее, что цикл песен, посвященный сыну Андроника, известен не ранее XVII в. и крайне смутно отражает историческую реальность (стр. 59 и сл.). Но если это все так, в какой мере основательно помещать эпические песни в I разделе, раньше главы о «Дигенисе Акрите»?

Подробная глава о «Дигенисе» (стр. 63—97) — одна из лучших частей рецензируемой книги⁹. Бек четко выделяет два составных элемента поэмы: «песнь» об эмире и «роман» о Дигенисе. Оба эти произведения связаны лишь внешней канвой (Дигенис — сын эмира Мусура), по существу же они разнородны. «Роман» изобилует морализирующими намеками, от которых «песнь» свободна; «роману» присуща экфраз, тогда как автор «песни» сдержан в описании одежды и оружия своих героев (стр. 79). Наконец, если «песнь» отражает многие конкретные черты исторической действительности, сложившейся на евфратской границе в IX—X вв. (стр. 75), то «роман» лишен исторического фундамента и его герой, Дигенис, не является отображением исторического персонажа (стр. 85), хотя, разумеется, кое-какие намеки на реальных лиц могут быть усмотрены и в «романе». В соответствии с этим Бек допускает, что «повесть» об эмире в первоначальном виде создавалась незадолго до 944 г. (стр. 78), а «роман» о Дигенисе не содержит датированного материала (стр. 87); возможно, что он сложился в XI—XII вв. (стр. 96).

Что касается дискуссионного вопроса о социальной природе поэмы¹⁰, то Бек находит в ней отражение умонастроения, свойственного «могущественным семьям восточных районов империи» (стр. 93).

С XII в., полагает Бек, ведет начало византийская народная литература, которую отличает либо автобиографичность, либо критическая направленность и которая является собой «типичный продукт» деятельности городского общества (Бек выражается даже точнее: общества больших городов), начинающего выражать себя (стр. 101). Сюда он относит так называемые птохопродромовские стихотворения (стр. 101—105), «Спанае» (стр. 105—108) и «Тюремные стихи» Михаила Глики (стр. 105—109). Атрибуция двух первых памятников спорна. Бек допускает, что автором птохопродромовских стихотворений мог быть Феодор Продром и в таком случае их сюжеты не автобиографичны, однако более вероятным кажется ему предположение, что стихи принадлежат подражателю или нескольким подражателям Продрома (стр. 104). Мне, напротив, этот тезис не представляется убедительным: в самом деле, о каком подражании или

⁶ Помимо указанной Беким литературы о славянском «Физиологе», см. *M. D. Grmek. Les sciences dans les manuscrits slaves orientaux du Moyen Age. Paris., 1959, p. 28—30.*

⁷ См. об этом: *Я. С. Лурье. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. — В кн.: «Александрия». М.—Л., 1965, стр. 148 и сл.* Там и литература о славянской «Александрии». См. еще: *Р. Маринкович. Српска Александрида. Историја основног текста. Београд, 1969 г.*

⁸ Помимо указанной Беким литературы, см. *Ш. И. Нуцубидзе. К происхождению греческого романа «Варлаам и Иоасаф». — ВВ, XVII, 1960. Возможности заимствования греческого текста из грузинского по лексическим соображениям отвергает эстонский филолог У. Масинг (U. Masing. Zur Erklärung der Entstehungsgeschichte der Legende von Barlaam und Joasaph. — «Груды по востоковедению», I. Тарту, 1968).*

⁹ Одновременно с книгой Бека вышло новое издание «Дигениса» — синоптическое: *E. Trapp. Digenes Akrites. Wien, 1971.*

¹⁰ См. обзор литературы: *Г. М. Бартикан. Византийский эпос о Дигенисе Акрите и его значение для арменоведения. Ереван, 1970, стр. 17—21.* К сожалению, Бек не останавливается на этой дискуссии и не выражает своего отношения к высказанным в ходе спора точкам зрения.

пародии может идти речь, если птохопродромовские стихотворения по всему отличны от остального наследия Продрома? Чтобы отвергнуть авторство, опирающееся на рукописную традицию [в Paris. 396 (конец XIII—начало XIV в.) стихи прямо приписаны Феодору Продрому, а в тексте, как и в ряде более поздних рукописей, автор именуется Птохопродромом], надо иметь более веские основания¹¹.

Вопрос об авторстве «Спанеа» еще более запутан. Бек справедливо отвергает старую гипотезу Дж. Шмитта, считавшего автором Алексея Комнина, сына Иоанна II, а адресатом поэмы — сына кесаря Иоанна Рогерия, и отказывается от попыток решить эту проблему (стр. 107)¹².

В том же разделе Бек характеризует и некоторые «трагудии», в том числе песни о Генрихе Фландрском и стихотворный рассказ о Феодоре, жене Юстиниана, помещенный в рукописи Bodl. Vaross. 48 как добавление к хронике Манасси (стр. 110 и сл.). Поскольку Бодлеянская рукопись датируется XIII в., а вместе с тем рассказ о Феодоре был написан позднее хроники Манасси, его отнесение к XIII столетию вполне вероятно; что же касается песен о Генрихе Фландрском, то они не старше начала XIII в., когда жил Генрих, но нет никаких оснований думать, что они не могут быть моложе. При этом трагудии, о которых говорит здесь Бек, ни в коей мере не подходят под его определение пародийной литературы XII—XIII вв. и никак не могут рассматриваться как самовыражение «общества больших городов» империи.

Подобно главе о «Дигенисе», раздел о поздневизантийском романе — один из интереснейших. Бек различает три типа романов: сказочно-приключенческий, сложившийся на византийской почве; рыцарский, созданный по западному образцу; и, наконец, псевдороман, или, как говорит сам Бек, «аллегория и морализация в облике романа». К первой группе он относит «Каллимаха и Хрисорою»¹³, «Бельтандра и Хрисанцу» и «Ливистра и Родамну», полемизируя с Ш. Жиделем, видевшим и в этих произведениях также плоды «франкского» влияния (стр. 125 и сл.).

Три указанных произведения, согласно автору, продолжают традицию позднеантичного романа и византийского романа XII в., хотя, как остроумно отмечает Бек (стр. 127 и сл.), принципиальная деконкретизация реалий, свойственная роману XII в., отнюдь не составляет характерной черты «Каллимаха» и родственных произведений, несмотря на то, что поздневизантийский роман — сказочный, а не реалистический, являющийся «бегством из своего времени» и только в этом (негативном) смысле — отражением своего времени¹⁴.

Из трех этих романов наиболее «сказочный» и наиболее оригинальный — «Каллимах и Хрисорою». Его создателем был Андроник Палеолог, племянник императора Михаила VIII (1259—1282); таким образом, роман был написан на рубеже XIII и XIV вв. Два других возникли несколько позже, но, во всяком случае, роман о Ливистре был известен Феодору Мелитиниоту, жившему в конце XIV столетия (стр. 124 и сл.).

Несколько особняком стоит византийский роман об Ахилле (стр. 129—132), который не имеет ничего общего, кроме имени, с античным мифом. Он опирается не на позднеантичный роман или роман XII в., но скорее на «Дигениса» или «Александрию».

«Западнический» (рыцарский) роман представлен «Повестью об Аполлонии Тирском» (стр. 135—138), «Флорием и Платцафлорой» (стр. 140—143), «Имберием и Мариароной» (стр. 143—147) и еще несколькими произведениями, восходящими к циклу Круглого стола или Троянской войны¹⁵. Романы этого рода — переработка известных западных сюжетов, и их действие обычно привязывается или к крестоносным государствам Палестины (повесть об Аполлонии), или к Западному Средиземноморью — Испании (роман о Флории) и Провансу (роман об Имберии).

¹¹ Литература о биографии Продрома может быть расширена. См., например: *M. Kyriakis. Théodore Prodrome et le milieu intellectuel à Constantinople au XII-e siècle.* Paris, 1952; *P. S. Codellas. The Case of Small-Pox of Theodorus Prodromus.* — «Bull. of the History of Medicine», 20, 1946, № 2.

¹² Критич. гипотезы Шмитта была дана уже в работе С. Д. Пападимитриу, которую Бек цитирует в другой связи (стр. 108, прим. 1). Русский перевод «Спанеа» см. *П. И. Бракенгеймер. Alexiu Komneni Poema parainetikon* в сравнении с русским Домостроем. Одесса, 1893.

¹³ О языке этого романа см. также: *А. А. Белецкий. Наблюдения над языковыми особенностями византийского стихотворного романа о Каллимахе и Хрисорое.* — «VII Всесоюзная конференция византинистов в Тбилиси. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 121 и сл.

¹⁴ В этой связи Бек особенно подчеркивает отсутствие христианских мотивов в романе (стр. 128). Однако сами византийцы видели в любовном романе как раз отражение христианской идеи. См. об этом: *С. В. Полякова. Из истории греческого романа в Византии.* — ВВ, 31, 1971, стр. 244. Именно так понимал «Каллимаха» Магуил Фил, и напрасно Бек столь решительно опровергает его толкование (стр. 124).

¹⁵ О средневековых романах о Троянской войне и их распространении на Руси см. теперь: «Троянские сказания». Л., 1972 (подготовка текста О. В. Творогова, комментарии М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова).

Среди псевдороманов особое внимание привлекает «Песнь о Велисарии» (стр. 150—153), которая, по мнению Бека, занимавшегося ею специально¹⁶, отражает умонастроение в Византии начала XIV в. Прототипом Велисария Бек считает Алексея Филантропина, полководца при Андронике II (1282—1328). Специфическая особенность «Велисария» — отчетливо выраженная социальная направленность, враждебность анонимного писателя к Палеологам и другим знатым родам, как Кантакузины, Ралли, Асаны, Ласкари и Дуки. В докладе на Бухарестском конгрессе Бек еще решительнее, чем в книге, подчеркнул демократический характер «Велисария», назвав его памятником самосознания третьего сословия¹⁷.

Теперь, когда появилась специальная работа Э. Фольери о «Велисарии»¹⁸, надо надеяться, этот памятник привлечет внимание и советских ученых.

IV раздел («Хроники и исторические песни») включает прежде всего греческие хроники, возникшие на занятой крестоносцами территории: «Морейскую хронику» и «Хронику дома Токка», а также «Повесть о сладкой земле Кипр» Леонтия Махеры (стр. 157—161). Кроме того, сюда отнесены плачи, в том числе «Плач о Тамерлане» (стр. 161 и сл.) и плачи о Константинополе (стр. 163—166). Почему-то в этом же разделе рассмотрена и византийская переработка «Илиады», выполненная в XIV в. Константином Эрмониаксом (стр. 168 и сл.).

Переходя к басенному творчеству, Бек ставит интересный вопрос о природе сатиры в византийских баснях: было ли поведение птиц и тому подобных существ только отражением человеческих пороков и странностей, или же наблюдение за жизнью животных как таковое давало материал для шутки? Другой вопрос, также поднятый Беком, касается социальной природы басен: хотя они обнажают социальные противоречия, но далеко не всегда это обнажение сопровождается социальной критикой, и жизненный стандарт господствующего класса подчас выступает как единственная ценность (стр. 173). «Пулолог» («Птичья книга») Бек датирует XIV в., допуская даже возможность более ранней даты (стр. 174); «Повесть о четвероногих» относит к XIV в. (стр. 175). Для «Пориколога» («Книга плодов») он допускает даже возможность более ранней даты — начало XIII в., тогда как «Опсаролог» («Рыбья книга») появился после «Пориколога» (стр. 178)¹⁹.

Особняком стоит «Синаксарь почтенного осла» — произведение более позднее (конец XV в.?), где антицерковная сатира выражена особенно остро (стр. 176 и сл.).

Последний раздел, озаглавленный «Переход к новому времени», объединяет поэзию (стр. 183—186) преимущественно послевизантийского периода; религиозную поэзию (стр. 186—192); сатирические произведения, как уже упомянутые «Рассуждения винного отца Петра Зифомуста» или же «Чинопоследование нечестивого козлорожденного скопца» (буквально: «безбородого») — памятник XV в. (стр. 195 и сл.). В этот раздел вошли и крестные поэмы: Леонардо дела Порта (конец XIV в.) (стр. 199 и сл.); Марино Фальери (XV в.) (стр. 197—199) — оба выходцы из венецианских фамилий, писавшие по-гречески, и Стефан Сахликис, автор поэтического рассказа о своей жизни, провизанного ренессансным жизнеутверждением; он работал, скорее всего, уже во второй половине XV в. (стр. 200—202).

Почему «Синаксарь почтенного осла» рассматривается не в этом разделе, где ему следовало быть и по хронологическому принципу, и по идейной близости к «Чинопоследованию скопца», — мне неясно. Кстати сказать, раскованная игра с богословскими нормами и литургической практикой, распространенная в византийской литературе (в том числе и в так называемой «ученой»), не кажется мне — в отличие от Бека (стр. 195) — совсем свободной от пародирования церковных норм и лексических стереотипов.

В заключение (стр. 203—207) автор затрагивает сонники²⁰ и гадательные книги²¹, оракулы²², эсхатологические пророчества (в том числе столь важные для славянских

¹⁶ См. H. G. Beck. Belisarios und die Mauern Konstantinopels. — «Die Welt der Slaven», 5, 1960, H. 3—4; *idem*. Belisar-Philanthropenus. Das Belisar-Lied der Palaiologenzzeit. — «Serta Monacensia». Leiden, 1952.

¹⁷ H. G. Beck. Die griechische Volksliteratur des 14. Jhs. — «XIV-e Congrès Intern. des études byzantines. Rapports», I. Bucarest, 1971, p. 77.

¹⁸ E. Follieri. Il poema bizantina del Belisario. — «La poesia epica e la sua formazione. Accademia Naz. dei Lincei», a. 367, 1970, № 139. Э. Фольери сомневается в обоснованности гипотезы Бека, связывающего этот памятник с XIV столетием.

¹⁹ Русский перевод «Опсаролога» см. И. А. Шляпкин. Сказка об Ерше Ершовиче сыне Щетинникове. — ЖМНП, ч. 354, 1904, август. Шляпкин считает сомнительным возведение русской сказки о Ерше к византийскому «Опсарологу», несмотря на наличие некоторых сходных элементов.

²⁰ См. также: S. G. Mercati. Onirocritico lunare secondo i codici Vaticano greco 342 e Berolinese greco 168. — BZ, 32, 1932.

²¹ См. еще: М. Сперанский. Из истории отреченных книг, 1—3. СПб., 1899—1900.

²² О так называемых пророчествах Льва VI см. еще: Ю. А. Яворский. Византийские сказания о Льве Премудром в русских списках XVII—XVIII веков. СПб., 1909.

литератур «Откровение» Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила), поговорки и пословицы²³.

Таково богатое содержание этой книги. Нам остается теперь, опираясь на собранный Бекон материал, выяснить, что, собственно говоря, понимается под византийской народной литературой и в какой мере оправдано вычленение ее из общего круга византийской литературы.

Прежде всего, мне кажется, что Бек понимает свою тему несколько шире, чем следует: в предметном, хронологическом и территориальном отношении. В самом деле, можно ли относить к литературе, т. е. к художественному творчеству, руководства по гаданию на Библии, иатрософические сочинения (стр. 205) или сонники? Конечно, грань между литературой и нелитературными памятниками в средние века проходила иначе, чем ныне: письмо и эпитафия были, бесспорно, литературным жанром; какая-то часть научной прозы тоже могла быть отнесена к литературе. И все-таки эта грань существовала. Существовали и должны быть найдены критерии, позволяющие ее прочертить.

Кстати сказать, не должны ли быть причислены к литературным памятникам некоторые деловые документы? Так, в грамоте второй половины XIII в., подписанной Георгием Скутариотом, рассказывается подлинная новелла о парике Кутуле, у которого сильный человек отнял землю, после чего Кутул бежал к жившим по соседству половцам и с их помощью увел у обидчика пахотную упряжку, заставив его принести вино и пойти на примирение²⁴.

Стихотворения знаменитого персидского поэта-мистика Джелал ад-дина Руми (1207—1273) и его сына, составленные на трех языках, в том числе и по-гречески (стр. 111 и сл.), конечно, никак не могут быть отнесены к византийской литературе. Спорно, на мой взгляд, и причисление к византийским таким памятникам, как «Морейская хроника». Бек и сам признает, что она не представляет византийскую литературу «в узком смысле слова», хотя и отражает «культурно-политическую действительность Греции той эпохи» (стр. 158). Это столь же невизантийский памятник, как и возведенные крестоносцами крепости, — ведь и они тоже отражают культурно-политическую ситуацию во «Франкской Элладе».

Наконец, широкое включение греческих памятников второй половины XV и даже XVI в.²⁵ может, как мне кажется, привести к смещению наших представлений о характере византийской литературы, ибо в греческую литературу этой поры проникали новые тенденции — частично определявшиеся итальянским влиянием. В самом деле, случайно ли, что среди басен именно поздний «Синаксарь почтенного осла» содержит наиболее резкие антицерковные высказывания, и правомерно ли, скажем, видеть в Сахликисе византийского поэта? Ведь даже при самом расширительном понимании византийской живописи кто решился бы включить в нее Эль Греко?

Византийская литература — не совокупность написанного по-гречески в средние века, но словесное художественное творчество населения Византийской империи. Если мы допускаем, что Византия представляла собой не одно политическое имя но и определенную социо-культурную общность, если мы признаем, что ей были присущи собственные социальные, политические, философские проблемы, то, естественно, следует ожидать, что художественное решение этих проблем отмечалось здесь своеобразными чертами. Я хочу сказать, что при определении византийской литературы не языковой критерий представляется наиболее существенным, но критерий принадлежности к территориально и хронологически строго ограниченной сфере.

К. Крумбахер разделил византийскую литературу на три части — богословскую на «чистом» языке, светскую на «чистом» языке и «народную». Эта классификация была не только удержана его преемниками, но и усугублена, поскольку тот материал, который у Крумбахера объединялся в рамках одной книги, теперь распадается на три особых тома: два из них уже написаны Бекон, третий подготавливается австрийским византинистом Г. Хунгером. Что же в таком случае понимается под византийской народной литературой?

Прежде всего ясно (и Бек неоднократно это подчеркивает), что народная литература — не есть демократическая или оппозиционная литература, не литература византийских «низов». Достаточно напомнить, что среди авторов поздневизантийского романа был императорский племянник и что происхождение «Спанеа» связывается с царствующим домом.

Бек выделяет два критерия, отличающие, по его мнению, народную литературу от так называемой «ученой», или «чистой»: отрыв от антикizziрующей традиции (стр. VIII) и языковое своеобразие (стр. 1, 9). Оба критерия, однако, условны. Сам

²³ См. об этом: А. И. Пападопуло-Керамеес. Demodeis byzantinai paroimiai. — ЖМНП, ч. 334, 1901, апрель (под тем же названием — в сб.: «Commentationes Niki-tianae». СПб., 1901), а также: И. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототи-пы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897.

²⁴ ММ, IV, р. 167—169.

²⁵ Попутно встает вопрос о полноте охвата памятников XVI в. в рецензируемой книге. Чем объясняется, в частности, отсутствие упоминания о «Жертвоприношении Авраама», для которого иногда даже допускают византийский прообраз?

Бек обращает внимание на то, что один и тот же автор мог писать на «чистом» и на «народном» языке, например Михаил Глика (стр. VII). Далее, никак нельзя считать «народным» язык «Стефанита и Ихнилата», «Варлаама и Иоасафа», первой (гротта-ферратской) версии «Дегениса», Исторической палеи²⁶ и т. п. В других сочинениях мы встречаем смешение «чистой» лексики с «народными» выражениями: это относится не только к поздневизантийскому роману (см. стр. 128, а также указанную выше работу А. А. Белецкого), но и к не включенным в книгу Бека «Историям» Дуки²⁷ или Сфрандзи (см. стр. 6).

Еще более сложен вопрос об отношении к античной традиции. Бек допускает воздействие на «народную» литературу эзоповской традиции, Псевдо-Каллисфена, античного романа, однако, по его мнению, эти позднеантичные памятники должны быть строго отделены от классических. Само разграничение такого рода кажется спорным, к тому же некоторые авторы, причисленные к «народным», базируются на классических текстах: так, «Спанеа», использующий Псевдо-Исократову речь к Демонику (стр. 106), куда ближе к античной традиции, нежели другой автор наставительного сочинения — Какавмен; в творчестве Константина Эрмониака (стр. 168) никак нельзя отрицать влияния Гомера — пусть даже не непосредственного.

Суть дела, однако, не в этом. Мы должны задуматься, насколько существенным и определяющим было подражание классическим образцам в «чистой» византийской литературе. Сохраняли ли византийские авторы, используя определенную классическую лексику и стереотипы, античное мировоззрение и античные эстетические принципы? Далее, существует широкий круг памятников «чистой» литературы — от агиографии до хроник Феофана или Никифора, — подвергшихся весьма незначительной антиквизации.

Бек отмечает любопытное явление: рукописная традиция классических памятников была скованной, менее свободной, чем традиция позднеантичных произведений, включенных в сферу «народной» литературы (стр. 28). Однако меньшая скованность рукописной традиции, свободное творчество писцов проявляет себя и в таких памятниках, как хроники (например сочинения Георгия Монаха или «Симеона Логофета»), не отнесенных к «народной» литературе. Кстати сказать, эти памятники отнюдь не порабощены античной художественной традицией.

В озорном и остроумном введении Бек, защищая крумбахеровское разделение византийской литературы, говорит, что всякое разделение, сколько бы оно ни было практичным и необходимым, остается произвольным (стр. VIII). Думаю, что в этой фразе больше полемической запальчивости, чем истины. Во всяком случае, разделение не должно препятствовать постижению целого, тогда как обособление народной литературы, по моему, объединяет наши представления о процессе развития византийской литературы. Позволю себе привести один пример. В соответствии с принципами Крумбахера «Советы и рассказы» Кекавмена оказываются оторванными от книги Синтипы и от «Стефанита и Ихнилата» — вопреки хронологической близости, рукописной традиции и, самое главное, идейной направленности. В самом деле, приглядишься к идейному развитию византийского XI в.: у его порога стоит Симеон Богослов, последовательно отвергающий земные ценности; за ним следует Кекавмен, во многих отношениях родственник Симеону, но отличающийся от него коренным образом уже потому, что ставит вопрос о принципах достойного поведения «в миру», — вопрос, бывший для Симеона бессмысленным. С конца XI в. проблема достойного поведения светского человека заявляет о себе в полный голос — и ответа ищут как в восточной, так и в античной мудрости. При этом решение подчас полностью расходится с мистическим ригоризмом Симеона: напомню хотя бы начало «Стефанита и Ихнилата», где богатство, разумно управляемое, объявляется необходимым условием человеческого счастья²⁸.

Если мы рассматриваем эти памятники вместе, — перед нами картина напряженной идейной жизни. Если мы отнесем Симеона в книгу о богословской литературе, Кекавмена — в книгу о светской «чистоязычной», а Синтипу, «Стефанита и Ихнилата» и «Спанеа» — к народной, то единство процесса искусственно рассредоточится и исчезнет.

Народная литература — вопреки Крумбахеру и Беку — не есть самостоятельная часть византийской литературы, но появление памятников на «народном» (разговорном) языке — важный факт в истории византийской литературы, нуждающийся в объяснении.

Бек специально останавливается на этом процессе. Он очень хорошо показывает двусторонность движения: с одной стороны, имело место упрощение высокого стиля и в соответствии с этим составление парафраз таких памятников, как исторические сочинения Анны Комниной и Никиты Хониата, с другой — проникновение разговорного языка в «ученую» литературу. Бек высказывает интересную мысль о том, что про-

²⁶ См. о ней также: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960.

²⁷ См. Gy. Moravcsik. Byzantinoturcica. Bd. I. Berlin, 1958, S. 248.

²⁸ L. O. Sjöberg. Stephanites und Ichnelates. Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1962, S. 151 f.

цесс этот начался в Константинополе (стр. 8). Но в чем же заключались причины, открывшие разговорному языку путь в письменность?

Бек усматривает эти причины прежде всего в спонтанном языковом развитии, в окостенении литературного языка, который, естественно, должен смениться «новым» языком (стр. 4), — хотя и не отрицает известного влияния социальных сдвигов на этот процесс. Однако при такой постановке вопроса случайностью оказывается то обстоятельство, что именно в XII в. разговорный язык пробивает себе дорогу в официальную литературу.

Господство мертвого языка в литературе — феномен, типичный не только для Византии. В Западной Европе, в частности, языком раннесредневековой литературы была латынь. И примерно с XII в. начинается здесь процесс проникновения в литературу «национальных», или «разговорных», языков. Процесс этот на Западе протекал интенсивней, чем в Византии, спору нет, — но уже самое хронологическое совпадение обоих движений заставляет задуматься, не сыграл ли социально-культурный фактор большую роль, чем это кажется Беку. Иначе говоря, тенденция к изменению языка литературы, не была ли она не только модой, угодной Мануилу I (стр. 109), но одним из элементов тех культурных сдвигов, которые совершались в XI—XII вв.? Кстати сказать, появление настоящего интереса к античности как раз совпадает с принятием разговорного языка в литературу, а не противостоит ему.

И последнее замечание. При изучении византийской литературы вообще и «народной» в частности мы, как правило, концентрируем наше внимание на формальной стороне, на внешней характеристике памятников. Художественная специфика и идейное содержание их — изучение этих факторов остается задачей на будущее. Но ведь без них никакая книга о византийской литературе, даже самая добротная, не превратится в историю литературы. Создание истории византийской литературы предполагает, мне кажется, не только расширение и уточнение собранного Крумбахером фактического материала (эта задача прекрасно выполнена Бекон), но и серьезного пересмотра крумбаховских традиций.

А. Каждан

А Н Н О Т А Ц И И

I. E. Karayannopoulos

ΠΗΓΑΙ ΤΗΣ ΒΥΖΑΝΤΙΝΗΣ ΙΣΤΟΡΙΑΣ

Thessaloniki, 1970, 495 p.

Книга салоникинского ученого И. Караяннопулоса задумана очень интересно — как опыт сводной характеристики и классификации источников по византийской истории, расположенных в хронологическом порядке. Автор разделяет источники на три большие неравноценные группы. Первая из них называется *γεγονότα* или *συμβαίντα*, т. е. события, факты («данность»), и Караяннопулос относит сюда язык (включая диалекты, топонимику и ономастику) и музыку. Вторая — памятники изобразительного искусства (архитектуры, живописи, ювелирного дела и т. п.). Третьи — памятники письменности, разделяемые на рукописи и надписи; к последним причисляются монеты и вислые печати. Наиболее обширный разряд — рукописные тексты — распадается в свою очередь на четыре семьи: нарративные (в том числе исторические, богословские, житийные и литературные), документальные (государственные, церковные и частно-правовые), тексты делового содержания (правовые, медицинские, математические, биологические и пр., а также трактаты по военному делу) и папирусы (стр. 22—25). Караяннопулос включает в сводку не только греческие, но и иноязычные: латинские, старофранцузские, славянские, восточные и т. п. сочинения.

Уже эта классификация заслуживает внимания как первый опыт подобного рода в византиноведении, — однако она не представляется безупречной. Почему музыка включается в один разряд с языком, мне неясно. Музыка — один из видов искусства, творимый человеческим гением, и византийская музыка дошла до нас в особых потных рукописях. Приемы ее исследования и ее место в жизни общества — иные, чем у языка. Выделяя памятники изобразительного искусства, Караяннопулос оставляет в стороне памятники материальной культуры в широком смысле слова (одежда, орудия, оружие и т. п.). Занесение монет и печатей в разряд письменных памятников односторонне: в самом деле, монета или печать не сводятся к тексту, к легенде — они изучаются и иконографически, и как предметы быта (исследование веса монет и состава их металла). Рукописные памятники классифицируются по разным принципам: папирусы выделены по характеру материала, остальные семьи — по содержанию. Включение богословских сочинений в семью нарративных памятников вряд ли может быть обосновано. Правовые тексты по своему функциональному характеру резко отличаются от медицинских и математических — включение их в одну семью нецелесообразно. Напротив, правовые тексты во многом близки к документам. Замечаний такого рода можно было бы высказать еще немало — во всяком случае, было бы желательно широко обсудить принципы классификации источников по истории Византии.

Хронологический принцип, положенный в основу книги Караяннопулоса, — наиболее удобен. Вопрос, однако, состоит в том, что разумнее: механически делить по столетиям (как сделано в рецензируемой работе) или построить периодизацию по определенным этапам. Так, отнесение Никифора Вриенния и Анны Комниной к разным разрядам (то же касается Киннама и Никиты Хониата) вряд ли может быть оправдано.

Каждая статья книги состоит из краткой характеристики автора (или анонимного сочинения), сопровождающейся указанием на издание (одно, а иногда — несколько). Переводы отмечаются лишь изредка. В некоторых случаях оговорено значение памятника и его источники. Литература не приводится, что дает колоссальную экономию бумаги, но резко снижает научное значение книги.

Сводка Караяннопулоса — выборочная. Многих авторов нет вовсе. Почти совсем не учтены западные историки I и II крестового похода, в том числе Одо Дейльский, детально описавший Константинополь. Отсутствует и Гийом Тирский. Нет и ряда византийских писателей, например Михаила Италика и Иоанна Цеца. Указано Житие Симеона Богослова, но его произведения не названы. Сочинения ведущих византийских авторов перечислены не полностью — например, опущены речи и письма Никиты Хониата. Большие трудности порождает включение в сводку нумизматических, сигиллографических, эпиграфических данных и документов. Караяннопулос указывает

их суммарно, без достаточно четкого хронологического расчленения, со ссылками лишь на выборочную литературу.

Характеристики памятников не всегда бесспорны. Так называемая «Записка готского топарха» безоговорочно датируется концом XI—началом XII в. (стр. 290); из двух Георгиев Торников XII в. назван один, живший при Исааке II, но ему атрибуированы изданные Ж. Даррузесом сочинения одноименного митрополита Эфесского, другого лица (стр. 310).

Имеются пропуски и погрешности в библиографии. Так, новелла Константина IX, приписанная Иоанну Мавроподу (стр. 269) (об авторстве ее, кстати сказать, идет спор), издана А. Салачом, что не учтено Караяннопулосом. «Книга епарха» не была издана М. Я. Сюзюмовым в Свердловске в 1949 г. (стр. 251).

При всех недочетах и спорных положениях книга Караяннопулоса не только дает обзорную сводку разнообразных источников по истории Византии — ее значение еще и в том, что она ставит задачу создания действительно полного пособия по византийскому источниковедению, которое могло бы вытеснить из употребления работу Крумбахера, сыгравшую огромную роль, но теперь уже устаревшую.

А. К.

Syméon le Nouveau Théologien. HYMNES

Introduction, texte critique et notes par J. Koder, traduction par J. Paramelle et L. Nayrand, t. I—II. Paris, 1969—1971, 301 p., 499 p.

Издательство Серф выпустило за последние годы в серии Sources chretiennes важнейшие сочинения Симеона Богослова: «Главы», «Огласительные беседы» и так называемые «Богословские и этические трактаты», к которым теперь можно присоединить и «Гимны»; греческий текст гимнов критически издан молодым австрийским ученым И. Кодером, а французский перевод подготовлен Ж. Парамеллем (т. I), известным в качестве переводчика «Огласительных бесед», и Л. Нейраном (т. II). Перевод сопровождается пояснительными комментариями. В первом томе гимнам предпослано обширное введение. (Т. III вышел, когда эта аннотация была уже написана.)

Во введении Кодер прежде всего устанавливает наличие трех редакций гимнов¹. Первая представлена Patm. 427 (начало XIV в.), его копией — Vat. 1782 (а. 1584) и рядом других; вторая — Paris. Suppl. 103 (XIV в.)² и несколькими более поздними манускриптами; третья — прежде всего Marcian. 494 (XIII в.). Эта рукопись, на первый взгляд, производит хорошее впечатление, но она содержит, по мнению Кодера (стр. 44), ряд привнесенных писцом искажений и не может служить опорой для издания. Сложность, однако, состоит в том, что в ряде случаев Марциана дает метрически правильный текст там, где рукописи I и II редакций искажают стихотворную метрику. Предполагать, что автор систематически нарушал ритм и что его в дальнейшем «исправил» переписчик, означало бы, на мой взгляд, строить слишком сложную гипотезу.

Помимо метрической корректности, Марциана дает в некоторых случаях более осмысленное чтение. Так, в гимне XXV, 122 издатель принимает чтение τῶν ἡδονῶν ἐραστῆς, а не ἐργάτης, как стоит в Марциане, хотя термин ἐργάτης в аналогичном контексте характерен для Симеона: например ἐργάτης ... παρανομίας (гимн I.51; ср. XX, 112). Более сложен пассаж в гимне XXVII.96—102, где Кодер читает γεγονότες и παρακύψαντες, а не -τας, как в Марциане, в результате чего получается, что заключенные, выйдя из тюрьмы (τῆς φυλακῆς ἔξωθεν γεγονότες), не могут видеть солнца; не естественнее ли принять, что они не видят тех, кто находится вне тюрьмы (τῆς φυλακῆς ἔξωθεν γεγονότας)? Далекий от того, чтобы считать Марциану лучшей рукописью, я все-таки полагаю, что Кодеру не удалось доказать превосходство первых редакций перед нею.

Особое место в рукописной традиции «Гимнов» занимает 504. Ватиканский манускрипт много старше других — он датируется 1105 г. по приписке монаха Иоанна Халда (?) (стр. 32 и сл.). Правда, он содержит только XXI гимн с серьезными разночтениями (стр. 47 и сл.). Эти разночтения служат Кодеру основанием для построения смелой гипотезы, согласно которой Ватиканский манускрипт донес до нас оригинальный текст гимна, а остальные рукописи — переработку Никиты Стифата (стр. 48 и сл.). К сожалению, подтвердить эту гипотезу невозможно. Кодер характеризует также предисловие Стифата к «Гимнам» и схолии, известные преимущественно по Марциане; что касается самих «Гимнов», то издатель останавливается главным образом на вопросах языка и метрики. В этой связи, в частности, заслуживает внимания замечание Кодера о том, что к Псевдо-Дионисию Ареопагиту был ближе Стифат, чем сам Симеон (стр. 79).

Из общего ряда гимнов выпадает XIX. Его отличают прежде всего не характерные для Симеона ссылки на отцов церкви (стк. 79—81, 108). И по существу гимн XIX

¹ См. об этом подробно: J. Koder. Die Hymnen Symeons, des Neuen Theologen. — JÖBG, 15, 1966, S.175—179.

² См. специально: A. Kambylis. Eine Handschrift des Mystikers Symeon. — «Scriptorium», 22, 1968, S. 20—34.

отходит от симеоновского мировоззрения: он прославляет не мистическое слияние с богом, а священство; отход от мира отождествляется со священством, и земной рай опять-таки понимается как священство. Напрашивается вопрос об аутентичности гимна XIX, хотя рукописная традиция и не дает для этого оснований.

Тема мистического просветления — разумеется, основное содержание «Гимнов». Причем любопытно, что в эту традиционную тему вплетаются личные моменты, позволяющие иногда лучше представить образ Симеона. В XII гимне Симеон говорит о том, что до своего просветления он считал себя выше других, святым и мудрым богословом, заслуженно почитаемым людьми; что он негодовал, если кто-нибудь не взирал на него с почитанием, преследовал этого человека своей ненавистью, пока не добивался, чтобы он стал покорным (стк. 89—101). Очень выразительная самохарактеристика, подтверждающая в каком-то смысле то, что мы знаем о деятельности Симеона в роли игумена монастыря св. Маманта³. Интересные данные о молодости Симеона содержатся в гимне XX.

В образной системе «Гимнов» социальная тематика относительно редка. Излюбленные Симеоном образы из сферы царского обихода: царский венец (VII, 21), царский пурпур и десница самодержца (I, 17—18) — попадают время от времени, как и упоминание роскошных одеяний чиновных лиц (I, 154—155). Человек уподобляется рабу, слуге, работнику: мы встречаем здесь работника (ἐργάτης, ὑπουργός) беззакония (I, 51), верных рабов господа (XII, 125, 130), служащих (глаголы ἐκδουλεύσαι, θεράπεύσαι) господу (II, 73) и прислужников (δουλωθέντες) Сатаны (II, 124). Очень выразителен термин προσκοιῶμενοι (II, 127), которым обозначаются в некоторых текстах византийские «вассалы» — члены этерий. Среди этих абстрактно-деконкретизированных образов и терминов выделяется «рассказ» гимна XXXII (стк. 50—60) о паденных людях, потешающихся над другими, но ничтожных в своем безумии, ибо они, если кто-нибудь бросит им орех, кинутся за ним и будут его хватать, а если у их ног щелкнут бичом, — повалятся, задрав ноги, и всех насмешат. Нет ли здесь намек на какое-то конкретное событие?

Среди образов Симеона проходят также ремесленники, ткачи, ювелиры и медники (XXXIII, 85—86), домостроитель (XXI, 334), плотник (XXXV, 96), а также ярмарка (XXI, 188) и купец, покупающий бисер (XVII, 547—557), рыболовы, которые сами делают сети (XXIII, 205), и мистий (XVII, 721, 849—850).

В мистике Симеона много традиционных мотивов, особенно в характеристике монашеской «практики»: нестяжание, разрыв с родными, подчинение духовному отцу. Существеннее некоторые лирические мотивы, свидетельствующие о «прорыве» традиционного монашеского аскетизма. Таков гимн X, пронизанный скорбью об умершем друге. Симеон восклицает там: горе тому, кто привязывается к преходящему, словно это устойчиво, — так было и со мной, несчастным (стк. 10—12); душа тверже камня, подобная адаманту, не уступающая огню и железу, становится мягкой, как свинец и воск (стк. 2—5). Таков и гимн XV, где Симеон, между прочим, настойчиво отводит возможные обвинения в богоульстве (стк. 147), — и эти его опасения не лишены основания: он не только широко пользуется сексуально-эротической терминологией (стк. 168—171, 220—223), но и объявляет, что все наши члены — и палец, и детородный орган — несут в себе Христа и потому наделены божественной красотой и славой (стк. 150—162); следовательно, стыдиться наготы не нужно (стк. 207—209).

«Гимны» аккуратно изданы и хорошо переведены. Отмечу опечатки в нескольких стихах: XVII, 800; XVIII, 108; XXVIII, 53; XXXIX, 333; XXXV, 96. Кое-где перевод не бесспорен. В переводе титула гимна XXV опущены слова: καὶ ὅπως τὸ θεῖον φῶς αὐ κατὰλαμβάνεται ὑπὸ σκότους. В гимне XVII, 140 κατ'ἡφείας переведено de honte («стыд», «позор»), хотя скорее речь идет о мрачности, унынии. Τοῦτο ἀποκρυπτόμενον παιδεύει ταπεινοῦσαι (XVIII, 23) значит не elle enseigne à se cacher et à s'humilier — «[божественный свет] учит скрываться и быть смиренным», но «когда он скрывается, он учит...» (ср. стк. 25: πάλιν φαίνεται — «когда вновь появляется»).

А. К.

Ioannis Tzetzae HISTORIAE

recensuit P. A. M. Leone. Napoli, 1968, CVI+727 p.

«Истории» Иоанна Цеца, известные в литературе под условным названием «Хиляды», представляют собой стихотворный комментарий к посланиям (частично подлинным, а часто, видимо, фиктивным) самого Цеца. «Истории» были изданы впервые Н. Гербелем еще в 1546 г., а до последнего времени использовались в издании Т. Кислинга, выпущенном в свет в 1826 г. и фотомеханически воспроизведенном в 1963 г. Публикация итальянского филолога П. А. Леоне дает в руки исследователя критически выверенный текст, основанный на изучении обширной рукописной традиции и снаб-

³ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона — BS, 28, 1967, стр. 7 и сл.

женный удобными указателями. Публикации предшествовал ряд статей Леоне, излагавших результаты его наблюдений¹.

Книга открывается обширным введением, написанным на латинском языке, где Леоне рассматривает и классифицирует рукописи «Историй». На стр. XCIX его анализ суммирован в виде стеммы, из которой следует, что «Истории» сохранились в двух редакциях. Первая из них представлена Vatic. 1369, которую Леоне склонен датировать XIII—XIV или даже второй половиной XIII в. (стр. 10), Paris. 2644, XIV в., и несколькими более поздними манускриптами. Вторая редакция известна в ряде списков, из которых старейший — Paris. 1250, XIV в. Обе редакции отличаются расположением материала и до некоторой степени составом, что Леоне объясняет авторской правкой (стр. XVIII и сл.).

Промежуточную позицию занимают две рукописи: Monac. 564 и Ottob. 324 — обе XIV в. Леоне не только проследживает текстологическое различие двух редакций (стр. 34—38), но и отмечает отличия манускриптов Monac. 564 и Ottob. 324 от остальных списков (стр. XLVI—LV). Последние отличия Леоне не считает возможным отнести к какой-либо (третьей) редакции — это либо искажения, либо «истолкования» писцов (стр. LV).

Среди рукописей I редакции Vatic. 1369 — не только древнейшая, но и дающая лучшее чтение: ее расхождение с другими манускриптами этой группы нередко подкрепляется чтением II редакции (стр. LVI—LX). Напротив, во второй редакции старейшая рукопись (Paris. 2750) не может служить основой, поскольку другие рукописи часто дают согласующееся между собой чтение, восходящее к потерянной списку, равноценному, видимо, Paris. 2750 (стр. LXIII—LXV).

В издании текста Леоне стремится держаться возможно ближе к рукописной традиции и избегать конъектур. Эта «консервативная» тенденция, широко распространенная в византиноведении XX в., не бесспорна, и примеры, приведенные уже Г. Хунгером в рецензии на публикацию Леоне (BZ, 63, 1970, S. 80 f.), свидетельствуют, насколько желательным было бы в некоторых случаях исправление текста. Чрезмерная верность рукописной традиции, подчеркивает с полным основанием Хунгер, ведет к созданию ложного представления о Цеце, ибо приписывает ему ошибки, которых он (как можно судить по другим его сочинениям) не делал. Так, *τοὺς χάρτας τοὺς μεμβράνας* (XII, 343), вопреки рукописной традиции, следовало исправить на *μεμβράνας*.

Издание Леоне — чисто филологическое. В нем нет ни характеристики автора, ни реального комментария (кроме нескольких коротких примечаний). Может быть, такой путь и оправдан: филолог вправе ограничить свою задачу, особенно когда перед ним столь «классифицирующий» текст, как «Истории», где речь идет по преимуществу об античной мифологии, истории и культуре. К тому же книга по объему и так приближается к тысяче страниц.

Несмотря на свою классифицирующую тенденцию, книга Цеца — не только свидетельство того, как образованные византийцы XII в. использовали античное наследие. Она содержит некоторые реальные сведения, касающиеся, в частности, нашей отечественной истории.

К ним относится прежде всего гл. 17 V книги «Историй», озаглавленная: «О том, что Цец по матери был родом ивиры, а по отцу — чисто греческого происхождения»². Здесь Цец сообщает, что ивиры, авасги и аланы — одно племя (*ἑνός*), в котором ивиры первенствуют, авасги занимают второе место, а аланы — третье (V, 589—590). Прабабка Цеца, родом «авасгиня», прибыла в Константинополь вместе с госпожой Мариами, авасгиней, которую многие по неведению считают аланкой (стк. 591—594). Речь идет, разумеется, о Марии-Марте, дочери грузинского царя Баграта IV, которую греки-современники и в самом деле единодушно именовали аланкой. Все это очень показательное для византийского безразличия к этнонимам.

Прабабка Цеца была кровной родственницей Мариами, а не служанкой, как утверждают клеветники (стк. 594—596). Она вышла замуж за Константина, севаста и великого друнгарию, отца славного логофета, их дочерью была бабка Цеца (стк. 597—601). На ней женился податной сборщик Георгий, их дочь Евдокия (замужем за Михаилом) стала матерью Цеца (стк. 609—616).

Этот важный пассаж не комментируется Леоне — за исключением стк. 598, упоминающий великого друнгарию Константина. Примечание Леоне кратко: он отсылает к Никифору Вриеннию, III, 2, где упомянут друнгарию Константин, племянник Михаила Кирулария. Идентификация хотя и не бесспорная, но интересная. Она влечет за собой цепь вопросов, и, в частности, о том, кто был логофет, внучатый племянник патриарха. Все это остается вне сферы интересов Леоне.

¹ Помимо указанных им самим работ (стр. CIV), см. еще: P. Leone. Prolegomena ad J. Tzetzae Historias. — BZ, 54, 1961.

² Эта глава переиздана по Кислингу в кн.: С. Г. Каухчишвили. Георгика. Сведения византийских писателей о Грузии. Тбилиси, 1967, стр. 22—25 (с грузинским переводом). Счет строк у Кислинга и Каухчишвили несколько отличен от издания Леоне. См. об этом: P. Gautier. La curieuse ascendance de Jean Tzetza. — REB, 28, 1970, p. 207—220.

Другой интересный для нашей истории пассаж — гл. 224 в кн. VIII, посвященная маэтидским и кавказским скифам, где, в частности, Цец сообщает скифское название Маэтиды — Каралук — и его этимологию — «город рыб» (VIII, 766—769). В примечании Леоне приводит старую литературу, к которой нужно добавить: Gy. Györfly. *Karalók*. — «Acta antiqua Acad. sc. Hungaricae», 10, 1962.

Нашему читателю, разумеется, важно упоминание русских (Ῥῶς) в «Историях». В одном случае Цец отождествляет их со скифским племенем тавров (XI, 873—874), что должно было бы напомнить традиционное у византийцев наименование русских тавроскифами; в другом он говорит, что авасги, аланы, саки, даки, русские, савроматы и всякое племя, живущее на севере («близ дыхания Борея»), называются скифами (XII, 896—900). В заглавии главы 396, посвященной Мисии, которая отождествляется с Венгрией (XI, 886, 977), русские противопоставлены «мисийцам».

Отмечу, наконец, отождествление в схолии VIII, 711 в (стр. 588) Ивернии (т. е. Ирландии) с Вараггией.

А. К.

Ioannis Tzetzae EPISTULAE

recensuit P. A. M. Leone. — «Bibliotheca Teubneriana».

Leipzig, 1972, XXII+218 p.

Письма Иоанна Цеца в рукописной традиции тесно связаны с его «Историями»; последние, по всей видимости, были задуманы как поэтический комментарий к сборнику посланий. Но если «Истории» — антиклизированное сочинение, где автор живет в мире древних сюжетов и образов, то письма при всей их эпистолографической риторичности касаются реальной действительности середины XII в. Мы оставляем сейчас в стороне вопрос о том, что часть писем Цеца может быть фиктивной, написанной специально для сборника, — в том виде, в каком они дошли до нас, 107 посланий являются источником и для восстановления жизни Цеца, и для византийской просопографии XII в. Мы встречаем в них имена десятков вельмож, чиновников, духовных лиц, деятелей культуры. Одни из адресатов Цеца хорошо известны, как, например, император Мануил I (№ 46, 97) или кесариса Анна (№ 55) — известная писательница Анна Комнина. Другие принадлежали к громким фамилиям: Каматиров (№ 86, 89, 90, 101), Вурдов (№ 3), Таронитов (№ 4), Алопов (№ 44), Пантехни (№ 93) и т. п. С третьими, наконец, знакомит нас только переписка Цеца.

Послания могут служить источником и для изучения византийского быта. Так, в письме к мистiku Никифору Сервлии (№ 18) Цец описывает свое жилище, нуждающееся в ремонте: это — трехэтажный дом, причем над головой Цеца обитал священник, обремененный многочисленным потомством; мало того, он держал еще и свиней, и от них текли на Цеца потоки грязи (р. 33).

Некоторые события политической истории нашли отражение в письмах: так, в послании митрополиту Доростола (№ 66) идет речь о набеге на Византию «придунайских волков», варварского племени (р. 94). О связях с Русью тоже есть сведения у Цеца. В другом письме митрополиту Доростола (№ 80) упоминается отрок по имени Всеволод, получивший новое имя Феодор, а также чернильница из рыбьей кости, т. е. из моржового клыка; Цец называет эту вещь изделием «тавроской или, если хочешь, русской резьбы» (р. 119).

Письма Цеца дошли в двух авторских версиях с незначительными вариантами. П. Леоне положил в основу своего издания вторую, более позднюю, пересмотренную Цецом версию. Текст издан критически, с указанием рукописных вариантов, причем Леоне воздерживается от соблазнительных конъектур и держится возможно ближе к рукописям.

Две маленькие поправки к тексту.

В письме Мануилу Гавриилакиту (№ 13) Цец замечает, что адресат находится в горных областях Фессалии (р. 21.15—16), где он наслаждается обществом муз (ибо недалеко от Фессалии Геликон) и где полузверь (кентавр) Хирон увлек его к себе в пещеру. После чего Цец пишет: *πάνυ δὲ πλησίον ὁ πλαταμών καὶ τὸ Πήλιον* (р. 22.5—6). Пелион — гора в Фессалии; почему взморье (*πλαταμών*) близко к Пелиону, остается непонятным. Однако надо читать *Πλαταμών* — так назывался небольшой городок близ Солуни, где, видимо, служил Гавриилакит. Следует учесть, что византийцы часто называли Фессалией именно Солунь.

Γένος ἑκατόνδον Σχλάβων καὶ βάρβαρων читает Леоне в упомянутом уже письме митрополиту Доростола (р. 94.6—7), понимая фразу, следовательно, как «племя вероломное, славянское и варварское». Однако речь идет о набегах половцев в 1148 г. (Леоне на стр. XIX неточно датирует письмо 1147 г.), поэтому слово *σχλάβων* надо понимать в апеллятивном значении («рабское») и писать со строчной буквы.

Издание снабжено кратким введением, где Леоне характеризует рукописную традицию, принципы издания и труды своих предшественников; там же указаны — на основе более ранних работ — те письма Цеца, которые поддаются датировке (от 1138 до 1148 г.). Можно было бы попытаться расширить этот список. Так, в письме Иоанну

Василаки (№ 73) Цец сообщает, что получил от своего корреспондента письмо в четверг 6 июля (р. 106.21); сочетание это имело место в 1149, 1155, 1160, 1166, 1177 гг. Учитывая, что Цец соблюдает известную хронологическую последовательность в расположении писем, мы должны остановиться на первых двух датах. В следующем письме (№ 74) Цец говорит о сицилийском весеннем посольстве (р. 109.12—13). Как известно, отношения с сицилийскими норманнами стали улучшаться лишь после смерти Рожера II в феврале 1154 г. По сообщению Киннама (ed. Bonn., р. 119.2), новый сицилийский король Гийом I послал послов в Константинополь. Посольство могло прибыть туда весной 1154 г., и этим временем датируется 74-е письмо. 73-е письмо, может быть, нужно отнести к июлю 1155 г., допуская некоторые нарушения хронологии.

Издание Леоне чисто филологическое, реальный комментарий отсутствует. Зато оно снабжено удобным индексом.

Два маленьких замечания к именному указателю. На стр. 182 Леоне разделяет Алексея, племянника протовестиария, и Алексея, *ὁ τοῦ πρωτοβεστιαρίου*, не учитывая, что в византийском словоупотреблении *ὁ τοῦ* X обычно означает племянника. Оба Алексея — одно лицо. На стр. 190 издатель включает в индекс протовестиария *Ψόλλης*. Письмо Цеца № 28 адресовано «племяннику протовестиария *τοῦ Ψόλλου*» (р. 43.17—18). Патроним Псилл известен также Анне Комниной («Алексиада», XIII, 1.7, ed. Leib, III, р. 89.21), где он тоже поставлен в родительном падеже. Однако Б. Лейб в отличие от Леоне восстанавливает его по второму склонению *Ψόλλος*, что и мне представляется более естественным (ср. топоним *Ψόλλος*. — Там же, XIII, 1.4, р. 88.18).

Издав вслед за «Историями» письма Цеца, Леоне дал в распоряжение ученых публикации двух важнейших сочинений византийского эрудита.

А. К.

Georges et Démétrios Tornikès. LETTRES ET DISCOURS.

Introduction, texte, analyse, traduction et notes par J. Darrouzès.
Paris, 1970, 381 p.

Фигуры Георгия и Димитрия Торников, византийских писателей XII в., интересны по ряду причин. Они принадлежали к известной армяно-грузинской семье Торникэ-Торникянов, игравшей важную роль в византийской истории начиная с рубежа X и XI вв.¹ Георгия, который в середине XII в. занимал митрополичью кафедру в Эфесе, нередко смешивали с его омонимом, оратором конца XII в., что приводило к хронологическим смещениям². Димитрий был логофетом дрома на рубеже XII и XIII вв.

В предисловии к изданию Ж. Даррузес восстанавливает жизненный путь Георгия и Димитрия, считая их братьями. Он предполагает, что их мать приходилась племянницей Феофилакту Болгарскому (стр. 25 и сл.) и что Димитрий начинал свою службу под руководством Андроника Комнина, дуки Браничева, в 1153—1154 гг. (стр. 27). Дальнейшая карьера Димитрия прослеживается с 1183 г., когда он был судьей вила, до 1199 г. (стр. 33 и сл.). Его смерть Даррузес относит к 1201 г. (стр. 39). Не следует, впрочем, забывать, что многое в этих построениях проблематично, и в частности отождествление Димитрия, которого Георгий прямо называет братом (в надписании послания 4 — стр. 108), с выступающим 30 лет спустя его омонимом, дожившим до 1201 г.

Даррузес останавливается и на судьбе родственников Димитрия Торника³, в том числе его сына и преемника на посту логофета — Константина. Большую трудность представляло упоминание Константина Торника, логофета дрома (MM, VI, р. 123.16—17) в судебном постановлении, которое издатели датировали 1188 г. Г. Штадтмюллер в рецензии на работу Ш. Дили (BZ, 34, 1934, S. 375, A.3) предположил, что этот

¹ См. о них: N. Adontz. *Études arméno-byzantines*. Lisbonne, 1965, p. 263. О их судьбе в XIII—XIV вв. см. G. Schmalzbauer. *Die Tornikioi in der Palaiologenzeit*. — JÖB 18, 1969, S. 115—135.

² См. об этом, в частности: А. П. Каждан. «Когда Евдокия вышла замуж за Стефана Неманича?» — В кн.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 216 и сл. И. Дуйчев в заметке об этой статье (BZ, 61, 1968, S. 181) в энергичных выражениях, но без какой-либо аргументации отводит мою хронологию. Думаю, однако, что после работы Р. Браунинга (R. Browning. *The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century*. — Byz., 33, 1963, p. 34—40) и Ж. Даррузеса (J. Darrouzès. *Notes sur Euthyme Tornikès, Euthyme Malakès et Georges Tornikès*. — REB, 23, 1965, p. 163—167) сомневаться в наличии двух Георгиев Торников не приходится, хотя И. Дуйчев и характеризует наблюдения Даррузеса как «поверхностные».

³ О Димитрии см. также: А. П. Каждан. Григорий Антиох. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 87 и сл. В отличие от Даррузеса (стр. 33), предполагающего, что письма Антиоха к Димитрию относятся ко времени до 1183 г., я датировал одно из них, содержащееся в Escor. Y-II-40, началом 90-х годов. Даррузес не учитывает моей аргументации.

Константин отличается от своего омонима, ставшего логофетом около 1201 г. Даррузес (не учитывая точки зрения Штадтмюллера) предлагает другое решение (стр. 34): он датирует судебное постановление не 1188, а 1203 г.

Вместе с тем сочинения (братьев?) Торников служат источником по истории Византии.

Среди произведений Георгия выделяется слово на смерть порфирородной Анны-кесарисы, т. е. Анны Комниной (стр. 220—323), фрагменты которого были изданы Р. Браунигом⁴. Эта обширная речь, полная риторической учености и скудная фактическими свидетельствами, — по сути дела единственное свидетельство современника об Анне, передающее и внешний облик принцессы-писательницы, и содержащее восторженное восхваление ее всесторонней образованности, причем Торник настойчиво подчеркивает ту роль, которую сыграл Никифор Вриенний в умственном развитии Анны.

Письма Георгия были известны и раньше по описанию лемм⁵. Они существенны для изучения византийской просопографии, поскольку там упоминаются видные представители элиты: Каматирь, Пантехи, Алексей Кондостефан, Аристий, Гифард и др. В введении Даррузес тщательно идентифицирует адресатов Георгия и собирает сведения об их жизни. Здесь особенно важно его замечание об Иоанне Каматире (стр. 45 и сл.), которого он отделяет (вопреки традиционным представлениям) от Иоанна Дуки.

Среди писем Георгия особо выделено одно из посланий митрополиту Афинскому, которым С. Ламброс считал Михаила Хониата, но которым, по мнению Даррузеса, был Георгий Вурца; его епископат издатель датирует 1153—1160 гг. (стр. 113, прим. 1). Для нашего читателя интересно упоминание в письме митрополита России (текст в этом месте испорчен, но Даррузес предлагает убедительную конъектуру), который был противником Георгия и которого писатель наделяет нелестной характеристикой (стр. 215.11—14). Впрочем, Даррузес предполагает, что характеристика Георгия относится не к русскому митрополиту, а к Сотириху Пантевгену (стр. 215, прим. 23). Упомянутый Торником митрополит — скорее всего, Климент Смолятич.

Три послания, составленные Димитрием (они обращены к папе и к епископу Эстергома) (стр. 189—204, 326—353), существенны для изучения взаимоотношений Византии с Западом в конце XII в.⁶

Тексты изданы главным образом по рукописи Vindob. phil. gr. 321 (Георгий), которая охарактеризована Даррузесом во введении⁷. Поскольку манускрипт содержит тексты XIII в., издатель допускает, что он возник на территории Никейской империи (стр. 64). Более кратко заметки о других привлеченных рукописях, в том числе Paris. 2830 и Halki Panagias 33, сохранивших послания Димитрия.

Тексты изданы прекрасно — с филологическим и реальным комментарием, сопровождаются либо переводом (как слово на смерть Анны), либо кратким изложением содержания. Что касается состава книги, то мне представляется малопелесообразным объединение разнородных и разновременных авторов на основании одного лишь гипотетического предположения, что они были братьями.

А. К.

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АГИОГРАФИЧЕСКИХ И ГОМИЛЕТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ИЗ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИТАЛИИ

В последние годы значительно оживилось издание текстов, возникших в греко-язычной среде Южной Италии. Отнюдь не ставя своей целью исчерпывающее их рассмотрение, укажем на несколько публикаций разного характера и разного достоинства.

Дж. Джованелли выпустил итальянский перевод жития св. Нила Нового (Россанского), южноитальянского святого X в.¹ Этот памятник, весьма существенный для изучения византийской администрации в Италии, давно уже введен в научный оборот и не нуждается в специальной рекомендации. Перевод Джованелли, снабженный небольшим введением, реальными примечаниями (стр. 119—245), хронологической таблицей (стр. 247—255) и индексом, рассчитан не только на широкого читателя (как

⁴ R. Browning. An Unpublished Funeral Oration on Anna Comnena. — «Proceedings of the Cambridge Philological Society», 188, 1962, p. 1—12 (не *Philosophical Society*, как ссылается Даррузес, стр. 20, прим. 25).

⁵ R. Browning. The Speeches and Letters of Georgios Tornikes, Metropolitan of Ephesos (XIIth Century). — «Actes du XII-e Congrès International d'études byzantines». II. Beograd, 1964, p. 421—427.

⁶ Даррузес отсылает по этому поводу к работе: V. Laurent. La lettre d'Isaac Ange au primat de Hongrie. — EO. 39, 1940, p. 59—77.

⁷ Он отсылает к новому каталогу: H. Hunger. Katalog der griechischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek. Wien, 1961, S. 409—418.

¹ G. Giovanelli. S. Nilo di Rossano fondatore e patrono di Grottaferrata. Badia di Grottaferrata, 1966. Первый итальянский перевод (А. Рокки) вышел в 1904 г. Об этом житии см. еще: A. Garzya. Note sulla lingua della vita di san Nilo da Rossano. — «Le Parole e le Idee», 10, 1968.

можно было бы судить по подбору иллюстраций, представляющих собой в большинстве поздние композиции, но и на специалиста. Однако в некоторых случаях переводчик и комментатор отсылает лишь к общим трудам и общеизвестным фактам. Так, комментируя упоминание в «Житии» (§ 62, стр. 78) эксактора Григория Малеина, Джованелли сообщает о византийской семье Малеинов (стр. 178—180). Он опирается на книги Л. Брейе и Г. Шомберже, но византист не найдет у него того, что нужно было бы ждать от итальяниста, — сведений об итальянской ветви Малеинов. На стр. 180 и сл., комментируя упоминание евнуха-китонита (§ 64, стр. 80), Джованелли отсылает к общей работе Л. Брейе, а не к специальным исследованиям Р. Гийана, и, высказав общие слова о роли скопцов в Византии, почему-то приводит примеры из IV—VII вв. На стр. 185—188 в обширном примечании излагаются элементарные сведения по истории Византии от правления Романа I до малолетства Василия II, причем сообщается, что Роман I низложил Константина VII и что после смерти Романа I Константин VII вновь овладел престолом. То и другое несколько неточно.

Житие св. Никодима до недавнего времени оставалось неизданным. Его впервые опубликовал В. Салетта², а вслед за ним — М. А. Магри³. Текст издан по единственной рукописи Messan. 30, датированной 1307 г. Оба издания снабжены переводом.

По мнению Магри, Никодим родился около 950/5 г. и умер около 1020 г. (стр. 46 и сл.), тогда как Салетта дает иные даты: около 920—около 1010 гг. (стр. 55 и сл.). Житие написано, как значится в надписании, монахом — видимо, тем же самым, который был автором «Жития св. Фантина Младшего», изданного пока еще только в латинском переводе; одна рукопись этого жития, кстати сказать, хранится в Москве (ГИМ 478/136)⁴. Сопоставление житий Никодима и Фантина Младшего приводит Магри к выводу (стр. 35), что Нил родился немногим позднее 1040 г. и что «Житие Никодима» было создано около 1060/5 г.

Житие стереотипно, посвящено преимущественно состязанию святого с демонами и не содержит каких-либо существенных данных по истории Южной Италии. Попутно упоминается об уводе агарянами пленных из города Виссиниана-Бизиньяно в Сицилию (§ 19), что Магри относит, в соответствии с Лупом Протоспафарием, к 1020 г. О другом набеге агарян говорится в § 6. Названо несколько южноитальянских топонимов: Келларана (§ 6), Сикрос *ἐν Σαλίνας* (§ 4), Вунит (§ 9), Пилий (§ 19), локализации которых Магри посвящает специальные экскурсы (стр. 49—52, 63—72)⁵.

Житие св. Варфоломея (Бартоломео) и некоторые гимны, а также панегирик XIII в. в честь святого были изданы Дж. Джованелли с итальянским переводом⁶. Тексты эти не имеют существенного исторического значения. Василий-Варфоломей родился около 981 г. и умер в 1055 г. Он был третьим игуменом Гроттаферратского монастыря. Согласно житию (другие источники молчат об этом), он дважды вмешивался в политическую жизнь страны: один раз вел переговоры с князем Салерно Гаймаром IV, другой раз — с папой Бенедиктом IX.

После длительной предварительной работы Дж. Росси Таибби приступил к изданию греко-итальянского сборника гомилий, автором которых рукописная традиция называет Филиппа Керамита (т. е. родом из Керамиды), постригшегося в Россано и в монастыре именовавшегося Филагафом Философом⁷ (долгое время его считали Феофаном или Григорием Керамевсом, архиепископом Таормины), который, по-видимому, родился в конце XI в. и был современником Рожера II (1130—1154). Посвященные евангельским и агиографическим сюжетам, гомилии Филагафа лишь изредка содержат намеки на современные им события, но они интересны как памятник византийской литературной традиции на южноитальянской почве.

² V. Saletta. Vita inedita di S. Nicodemo di Calabria dal cod. Messan, XXX. Roma, 1964. Издание Салетты вызвало критический отзыв Д. Стирпона (REB, 25, 1967, p. 310—312). Ему принадлежит также издание «Жития св. Фантина Исповедника»: V. Saletta. Vita S. Phantini Confessoris ex codice Vaticano graeco N. 1989. Roma, 1963.

³ M. A. Magri. Vita di S. Nicodemo di Kellarana. Roma — Atene, 1969.

⁴ См. E. Follieri. La vita inedita di S. Fantino il Giovane nel codice Mosquensis 478. — «IV Congresso storico calabrese. Atti». Napoli, 1969. Св. Фантина Младшего, умершего в конце X в. в Солуни, следует отличать от св. Фантина Исповедника, житие которого составлено епископом Петром. См. E. Follieri. Un canone di Giuseppe Inno-grafo per S. Fantino «ib vecchio» di Taureana. — REB, 19, 1961.

⁵ См. A. Guillou. Saint-Nicodème de Kellarana (1023/1024—1232). Vaticano, 1968. Во введении Гийу касается локализации топонимов, названных в житии.

⁶ P. G. Giovannelli. S. Bartolomeo Juniore confondatore di Grottaferrata (studio introduttivo e testi). Badia greca di Grottaferrata (1962). Критическая оценка книги дана в рецензии А. Гийу (BS, 26, 1965, p. 132—134).

⁷ G. Rossi Taibbi. Sulla tradizione manoscritta dell'omiliario di Filagato da Cerami. Palermo, 1965; *Filagato da Cerami*. Omelie per i vangeli domenicali e le feste di tutto l'anno, a cura di G. Rossi Taibbi, vol. 1. Palermo, 1969.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЗНАТИ

G. Weiss. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969, 174 S.

F. Velázquez-Gaztelu. Evolución de la Nobleza en la Cristiandad Oriental. — «Hidalguia», XVI, 1968, № 86.

«Всестороннего исследования, посвященного византийской знати, [еще] нет», — такими словами открывается 1-я глава книги молодого западногерманского византиста Гюнтера Вайса (стр. 5), и эти слова справедливы. Наши суждения о византийской аристократии опираются скорее на общие соображения, нередко предвзятые, нежели на действительное изучение фактического материала. Большая статья испанского ученого Ф. Веласкеса-Гастелу, вышедшая чуть раньше книги Вайса, как раз и характерна как выражение традиционных суждений о византийской знати.

По мысли Веласкеса-Гастелу, на всем протяжении византийской истории существовала, наряду с чиновничеством, настоящая наследственная аристократия, установившая в провинциях сеньориальные порядки, которые обычно называют феодальными (стр. 98). Во времена Комнинов «аристократия крови» сохранялась еще во всех провинциях и в самом Константинополе; в константинопольском сенате (синклите) господствовали семьи, знатные по «крови», которые строго охраняли свою чистоту и под угрозой суровых наказаний не могли вступать в брак с «плебейками» (стр. 111). Македонская династия вела борьбу против знати, но Комнины и Ангелы покровительствовали аристократии, и с этого времени феодализм распространяется по всей империи (стр. 122).

Веласкес-Гастелу, по всей видимости, не византинист. К тому же испанское византиноведение не может похвастаться своими традициями. Нет ничего удивительного, что статья испанского ученого полна фактических погрешностей: Симеон Задатца назван отцом Феофано (стр. 111); Стефан Айохристофорит выступает как аристократ, пытавшийся жениться на плебейке (стр. 111), — на самом деле он был выходцем из низов, домогавшимся руки знатной женщины; Комнины названы династией, происшедшей из Адрианополя (!) и правившей в Константинополе с 1057 до 1283 г. (стр. 115); Гагик II, оказывается, уступил свое царство Василию II в 1042 г. (стр. 125). Дело, однако, не в этих погрешностях: суждения Веласкеса-Гастелу основаны на случайных примерах, на произвольно выбранных фактах.

Остановимся на очень важном тезисе — о том, что в Византии всегда существовала провинциальная наследственная аристократия феодального типа. В доказательство испанский ученый ссылается на пример египетских Апионов (стр. 103 и сл.), но далее, переходя к Юстиниану I, и его преемникам, Веласкес-Гастелу выделяет в соответствии с тактиконами только два разряда в составе господствующего класса: обладателей титулов и обладателей должностей (стр. 104—109). Провинциальная знать в эти столетия не прослеживается, что, казалось бы, должно было поставить под сомнение тезис о ее извечности. Дальнейшая судьба ее трактуется также противоречиво: то ли она лишь сохранялась при Комнинах, то ли, наоборот, усиливается в это время и распространяется повсеместно.

Традиционные суждения, таким образом, тесно связаны со старой (и устаревшей) системой аргументации, когда исследователь опирается на изолированные факты, не ставя перед собой вопроса о степени их достоверности и экстраполируя частные выводы на всю территорию империи и на все время ее существования.

Книга Вайса — исследование совсем иного типа.

Вайс — ученик Х. Г. Бека, западногерманского византиниста, отличающегося как раз интересом к социальной истории империи. Ученик Бека В. Тифтиксоглу, как и другой монхеспекский историк, А. Хольвег, специально занимался некоторыми проблемами истории господствующего класса¹. Работа Вайса, таким образом, не случайна — она продукт определенной школы, определенного направления.

Вместе с тем Вайс — ученик К. Босля, специалиста по раннесредневековой истории. Под несомненным влиянием учителя Вайс прилагает к византийскому материалу те принципы и методы, которые были разработаны медиевистами-западниками, давно уже изучающими судьбы господствующего класса феодального общества². Правда, можно заметить, что Вайс ориентируется преимущественно на труды своего учителя

¹ См. наши рецензии на работы Бека, Тифтиксоглу и Хольвега: ВИ, 1967, № 9, стр. 204—206; ВВ, XXVIII, 1968, 293—295; ВИ, 1971, № 2, стр. 194—196; ВВ, 30, 1969, стр. 257—259.

² См. обзоры: Ю. Л. Бессмертный. Некоторые проблемы социально-политической истории периода Каролингов в современной западноевропейской медиевистике. — СВ, 26, 1964, стр. 104—116; М. А. Барг. Буржуазная историография о социальной структуре средневекового общества. — ВИ, 1966, № 12, стр. 82—99; G. Duby. Une enquête à poursuivre: La noblesse dans la France médiévale. — «Revue historique», 226, 1961, p. 1—22; L. Gênicot. La noblesse dans la société médiévale. — «Le Moyen âge», 71, 1965, № 3—4, p. 539—560.

и близких к нему исследователей, оставляя вне поля зрения другие направления и школы, — однако даже столь ограниченное привлечение достижений современной медиевистики не могло не сказаться на византиноведческой работе, поскольку византиноведение, к сожалению, по своей методике отстает от медиевистики.

Работа Вайса — исследование «Истории» Иоанна Кантакузина³ как памятника общественной мысли. Автор задается вопросом, как отразилось в «Истории» отношение Кантакузина к различным слоям общества — к знати и «народу» прежде всего. Он ставит эти суждения в связь с мыслями других писателей — как XIV, так и более ранних столетий (Пселл, Кекавмен, Евстафий Солунский, Никита Хониат и др.); последние, впрочем, привлекаются лишь эпизодически. Вайс стремится, иными словами, понять, как сами византийцы представляли себе социальную структуру своего общества. На основании совокупности собранных данных Вайс конструирует картину социальных традиций византийского общества XIV в., и прежде всего — структуру византийской знати. При этом он отчетливо сознает и неоднократно признает гипотетичность своих заключений, обусловленную скудостью сохранившихся источников.

Каким же предстает византийское общество XIV в. в изображении Вайса?

«Народ», *ὁ λαός*, представлял собою в XIV в. политически влиятельную и организованную социальную группу. Народные собрания были одним из нормальных политических учреждений. Противоречия между «народом» и знатью вызывались не только нищетою широких масс, но и притязаниями «народа» на политические права (стр. 74—78; ср. стр. 86—90).

Грань между «народом» и «средними» (*μέσοι*) не проступает в источниках сколько-нибудь определенно (стр. 71 и сл.). По мнению Вайса, Кантакузин придавал понятию *μέσοι* особое значение: он хотел показать, что враждебный ему «народ» не охватывал все слои населения (см. особенно: Cantac., II, p. 179.5—6; 235.4—8; 334.7—11).

Особое внимание Вайс уделяет аристократии. Он прежде всего подчеркивает, как сложно в византийской действительности выделить эту социальную категорию. Коль скоро под аристократией понимается строго «закрытое» сословие, охватывавшее четко ограниченный ряд фамилий, обладавших определенными привилегиями, то в таком случае Византия не знала аристократии (тем самым Вайс резко расходится с Веласкесом-Гастелу, признававшим извечное существование *pobleza de sangre*). Однако если понимать под аристократией «слой элиты», господствующую верхушку общества, тогда мы обнаружим в империи и знать, и понятие знатности (стр. 5). Сложность выделения знати объясняется, с одной стороны, размытостью социальной терминологии в Византии, неопределенностью того, что принималось здесь за «знатное» и что за «низкое» (стр. 54 и сл.), а с другой — наличием в Византии социальной мобильности (стр. 54—60). Принадлежность к знати в Византии, формулирует Вайс, зависит в конечном счете от «общественного мнения» (стр. 7), принимающего в расчет и происхождение, и чиновность, и богатство; совокупность этих факторов и создавала то, что можно назвать социальным весом, социальным престижем.

В составе знати Вайс различает две группы, но это не те две группы: *noblesse de race* и *noblesse de titres*, которые выделял Р. Гийан⁴ и которые, как мы видели, выделяет Веласкес-Гастелу. Вайс говорит о *Dienstadel*, служилой знати (к которой он причисляет и Кантакузинов), и о землевладельческой знати, не исполнявшей императорской службы. Вопрос о последней категории византийской аристократии заслуживает особого внимания.

Мы уже говорили, что Веласкес-Гастелу столкнулся с трудностями при разыскании провинциальной знати при преемниках Юстиниана I. Переходя к более позднему времени, он, однако, выделил ряд провинциальных аристократических родов. Так, в состав малоазийской знати он включает Фок, Склиров, Ватацов «из Дидимитики» (!) (в самом деле Дидимотика — фракийский город и Ватацы — семья фрако-македонского происхождения), Лакацинов, Ангелов и Комнинов; целонопонесская знать представлена у него Мелисинами, Вранами, Кантакузинами и Сгурами (стр. 114 и сл.). Критерий отбора Веласкес-Гастелу не обсуждает: по-видимому, самый факт пребывания в провинции и, тем более, наличия земельных владений кажется ему достаточным для отнесения той или иной семьи к категории провинциальной знати.

Напротив, Вайсу ясна вся сложность проблемы. Он понимает прежде всего, что понятие *Dienstadel* не совпадает с *noblesse de titres* Гийана, с *funcionarios* Веласкес-Гастелу. Служилая знать, в его представлении, и родовита, и обладает поместьями. Поэтому необходимость критерия для разграничения обоих понятий (служилая и провинциальная знать) для него естественна.

Провинциальная знать, по Вайсу, — те аристократические фамилии, которые не искали императорской службы. Для первой половины XIV в. он называет Нестонгов и Вранов, для более раннего времени — Фок и Склиров. Кекавмен, «вольнлюбиво

³ См. об Иоанне Кантакузине также: D. M. Nicol. The Byzantine Family of Kantakuzenos (Cantacuzenus), ca. 1100—1460. Washington, 1968, p. 35—103 (только биографические сведения). Эта книга вышла уже после завершения работы Вайса.

⁴ R. Guiland. Recherches sur les institutions byzantines, I. Berlin—Amsterdam, 1967, p. 17.

мыслящий аристократ на армянской границе», кажется ему выразителем интересов этого слоя (стр. 14).

Проблема, впрочем, не решается так легко. Не будем говорить о странной характеристике Кекавмена, который отнюдь не жил на армянской границе и не был вольнолюбивым аристократом. Вайс привлекает для доказательства своей мысли две главы «Советов и рассказов» в отрыве от всего контекста книги, пронизанной ярчайшим люлялизмом византийского образца. Но и выбранные им примеры провинциальных родов недостаточно убедительны: и Фоки, и Склиры в X—XI вв. находились на видных военно-административных постах и вполне могут быть отнесены к *Dienstadel*. Нестонг при Ласкарях и первых Палеологах занимали высокие должности. Нестонг Дука еще в начале XIV в. был примыкирием двора и затем великим этериархом.

Иными словами, еще остается если не доказать принципиальную возможность существования провинциальной знати, не связанной с императорской службой (в принципе это могло иметь место), то, во всяком случае, определить, сколь значительным был ее вес. При этом в разные эпохи ее роль должна была быть различной, и можно допустить, что в XIV в. провинциальная аристократия обладала большим весом, нежели в XII или X столетиях. Однако выяснение этого предполагает широкое просопографическое исследование со статистическим обобщением.

Один из интереснейших моментов в исследовании Вайса — вопрос о становлении в Византии «сословного мышления», которое играло столь важную роль в средневековой идеологии на Западе (стр. 73 и сл.). Исследователь, в частности, показывает, как начинает разлагаться в этой связи общее понятие «народ», внутри которого выделяются разные социальные прослойки, различия, добавил бы я, своими общественными функциями. Сословное мышление формирует и стереотип аристократа, идеальный образ византийского знатного мужа.

Его первое качество — военное искусство, предполагающее телесное совершенство, физические доблести; образованность отходит в сравнении с этим на задний план. Сознавая себя «лучшим» (*ἄριστος*), византийский аристократ не мыслит для себя служения (*δοῦλεια*) равному лицу и, напротив, считает своим правом участие в управлении империей (стр. 14—18). Подобные качества присущи и западному идеалу аристократа, что объясняется, по Вайсу, не общностью античных традиций, а однородностью общественного положения знати в различных цивилизациях (стр. 17 и сл.).

Некоторые свойства византийского идеала аристократа особенно примечательны. Помимо отрицательного отношения к вассальной службе (*ἐθελόδουλεια*), которой противопоставлялась истинная свобода (Cantac., II, p. 116.18—19), — идея, очень частая в литературе XII в.⁵ — Вайс отмечает, что аристократ мыслился здесь как образец для толпы (Cantac., I, p. 213.12—14). По всей видимости, мы имеем здесь дело с традиционным византийским политическим воззрением, еще не омраченным «сословным мышлением» и допускающим вертикальную мобильность, ибо для западного писателя феодал не мог служить образцом поведения виллану или бюргеру. Любопытно также, что *constantia*, характерная черта западного стереотипа аристократа, сравнительно слабо проступает в энкомиях Иоанну Кантакузину (стр. 19).

Общественное лицо византийского аристократа XIV в. в очень большой степени определялось наличием у него *Gefolgschaft*, дружины (стр. 149). Вайс прослеживает структуру византийской дружины (стр. 138 и сл.), которая разделялась на «узкую» (стр. 143) и «политическую», или «широкую», свиты (стр. 140). Члены дружины именовались «ближними», слугами а также друзьями, *φίλοι* (стр. 140, 143) — этот термин, кстати сказать, должен был бы вызвать к жизни обсуждение важной проблемы *φιλία*, дружбы, оценка которой была в Византии неоднозначной и, более того, — социально обусловленной⁶. Вайс подчеркивает, что принадлежность к частной дружине составляла почву для социального подъема (стр. 58—60). Размеры дружин некоторых аристократов он исчисляет примерно в сто человек (стр. 27). Но что здесь особенно важно — это оценка связей между дружинником и господином, которые представляются Вайсу рыхлыми и непрочными (стр. 148 и сл.).

Острый вопрос о феодальном характере византийской дружины Вайс трактует с большой осторожностью. Он допускает не только подобие феодального пехуса в структуре дружины, но даже элементы «ленной пирамиды» (стр. 141—143), т. е. феодальной иерархии. Он подчеркивает, что «узкая» дружина более всех⁷ византийских социальных институтов приближалась к учреждениям аристократического Запада (стр. 157). Но вместе с тем он обнаруживает в этом институте больше сходства с римской *amicitia*, нежели со средневековым вассалитетом (стр. 143, 150).

Византийский аристократ XIV в., обладавший большими земельными богатствами (владения Кантакузина Вайс ориентировочно исчисляет в 100 кв. км с населением при-

⁵ См. А. П. Каждан. Один неточно истолкованный пассаж в «Истории» Иоанна Киннама. — «Revue des études Sud-Est Européennes», VII, 1969, № 3, p. 469—473.

⁶ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, 28, 1967, № 1, p. 20 sq.

⁷ Слова: «am stärksten unter allen gesellschaftlichen Erscheinungen», — впрочем, довольно рискованны. Почему дружина оказывается более близкой к западным учреждениям, чем, скажем, византийская «сеньория» и рентная система?

мерно в 1900 работников — см. стр. 21 и сл.) и опиравшийся на вооруженную дружину, являлся и мыслил себя (в категориях «сословного мышления») самостоятельным государем (стр. 19 и сл.), тогда как император был лишь первым среди равных (стр. 156).

В книге Вайса мы найдем немало иных существенных моментов: описание политической борьбы в первой половине XIV в., в частности восстания зилотов, и попытку вскрыть расстановку социальных сил в этой борьбе; его откровенное присоединение к «современным восточным историкам» в оценке результатов победы аристократической реакции над городским движением 40-х годов XIV в. (стр. 85); анализ политической роли антипаламитского движения и его связи с «народом» (стр. 137) и многое другое. Но главное в книге, на мой взгляд, — анализ социальной структуры византийского общества и особенно его господствующего класса. Сравнение с работой Веласкеса-Гастелу наглядно свидетельствует, какой большой шаг вперед сделан Вайсом. Несмотря на всю сдержанность (я даже сказал бы, терминологическую робость), Вайс ярче, чем кто бы то ни было до него, показал социальное и функциональное родство господствующего класса Византии с западноевропейской средневековой аристократией. Вместе с тем он намечил (хотя и не сформулировал с желательной четкостью) то, что составляло византийскую специфику: рыхлость социальных связей, нечеткость общественных граней, неопределенность и размытость сословных (или парасословных) групп. Дело не только в отсутствии четкой терминологии знатности и незнатности — вертикальная мобильность была в Византии не просто фактом, но и принципом.

Исследование Вайса хронологически ограничено. Ему не свойственны генерализирующие формулировки, отличающие статью Веласкеса-Гастелу («всегда было»). Попытки выйти за рамки XIV столетия — обычно не очень удачны и лишь изредка раскрывают специфику исторического движения. Вопреки Вайсу, я не склонен, например, распространять на средние и ранневизантийский период его наблюдение об ограниченности императорской власти (стр. 156). Но этот недостаток трудно поставить в вину молодому ученому: со временем монографическое изучение разных эпох позволит нам лучше понять их специфические отличия.

И последнее замечание. При изучении истории аристократии просопографические исследования позволяют выразить ряд наблюдений в статистической форме. Вайс не избегает просопографического анализа (см., например, на стр. 130 изучение состава антипаламитской группировки), но статистической обработки просопографических данных у него нет. По-видимому, когда-нибудь это предубеждение филологов против статистики будет преодолено, и византилисты получат новый инструмент для изучения истории аристократии.

А. К.

J. Darrouzès. RECHERCHES SUR LES ὈΦΦΙΚΙΑ DE L'ÉGLISE BYZANTINE.

«Archives de l'Orient chrétien», II, Paris, 1970, 618 p.

Ж. Даррузес известен прежде всего как издатель византийских памятников, относящихся главным образом к церковной истории X—XII вв. В рецензируемой работе новые тексты занимают сравнительно малое место — они даже помещены в приложения (стр. 527—575). Это по преимуществу списки церковных должностей, среди которых один публикуется по рукописи ГИМ, 53/149 (см. стр. 204)¹, а другой — по ГИМ, 475/329 (см. стр. 223 и сл.). Даррузес детально анализирует рукописную традицию и содержание списков, классифицирует и датирует их: в частности, он устанавливает, что списки типа *O*, представленные Paris. 1409 и некоторыми более поздними манускриптами, зависят от списков типа *G*, к которым принадлежит и рукопись ГИМ, 53/149, (стр. 275).

Однако работа не сводится к публикации и анализу списков церковных должностей. Даррузес стремится обрисовать структуру и развитие церковной администрации в Византии с V по XV в. Он привлекает для этого как изданные, так и рукописные источники, в том числе известный риторический сборник — Экскурсиальский манускрипт Y-II-10.

Церковной администрации посвящены в книге два больших раздела, которые, по сути дела, содержат один и тот же материал, но различаются между собой двумя моментами: во-первых, один раздел (стр. 11—168) строится без использования публикуемых списков должностей, другой (стр. 296—525) — с привлечением их; во-вторых, в первом разделе материал располагается в исторической последовательности и расчленяется на три периода — с V по X в., XI—XII вв., XIII—XV вв., тогда как во втором рассматривается структура церковной администрации, характеризуются основные патриаршие чины: эконома², сакеларий, скевофилак, начальник сакелы, протекдик и —

¹ Даррузес публикует лишь отрывок из этого текста. Полное издание см. И. С. Чичуров. Новые рукописные сведения о византийском образовании. — ВВ, 31, 1971, стр. 238—242.

² Говоря об аппарате эконома, Даррузес упоминает нумодота (стр. 305), который должен был раздавать клирикам и беднякам деньги, полученные ἐξ ἀέρος καὶ κέρδους

особенно детально — хартофилак и аппарат его канцелярии. Подобное дублирование материала, неминуемо объединяющее исторический экскурс, проистекает из источниковедческой сущности труда Даррузеса: собственно говоря, исторический раздел книги задуман как вспомогательный, как своего рода средство для датирования списков должностей. Именно поэтому он непосредственно предшествует анализу этих списков, и автор сознательно избегает в нем пользоваться их данными. И в «структурном» разделе источниковед явно господствует над историком: значительная часть этого раздела посвящена классификации актов патриаршей канцелярии (стр. 389—525). Кстати сказать, если дипломатика императорских грамот детально разработана П. А. Яковенко, Ф. Дэльгером и рядом других исследователей, то дипломатика патриаршей канцелярии исследуется по сути дела впервые. Даррузес анализирует терминологию патриарших грамот (ипомениа, сигиллы, симпома и др.), их содержание и эволюцию, сборники патриарших документов, а также характер синодальных актов.

Однако значение рецензируемой книги не ограничивается только источниковедческим анализом, только дипломатическим разбором. Несмотря на то, что исторический экскурс был задуман как вспомогательное средство, логика материала выдвигает именно его на передний план. На самом деле, конечно, не история институтов есть средство для датировки списков должностей, но списки должностей должны служить источником для восстановления истории институтов. И. Даррузес высказывает в этой связи некоторые принципиальные соображения.

Прежде всего, в книге неоднократно подчеркивается, казалось бы, довольно известное положение — о противоречивости (дуализме) византийской церковной иерархии: с одной стороны, она зиждилась на принципе духовного ранга (епископы, священники, диаконы, низшие клирики), с другой — административные функции могли создавать основание для прорыва чисто «духовной» иерархии. Не только диаконы, управлявшие патриаршими ведомствами, стали со временем занимать место выше священников (см., например, стр. 66), но и диакон-хартофилак имел тенденцию превратиться во второе лицо в церкви после патриарха. Правда, Даррузес стремится показать, что канонисты преувеличивали действительное значение хартофилака (стр. 344, 349), однако наличие подобной тенденции не приходится отрицать.

Этот дуализм церковной иерархии — был ли он изолированным феноменом, свойственным в Византии только церкви, или он отвечал вообще структуре византийского общества с его дуализмом архаичного и нового, неизменного и подвижного, традиционного и нарушающего устои? Подобный вопрос выходит за рамки исследования Даррузеса, но он естествен для тех, кто интересуется социальной историей империи.

Даррузес неоднократно подчеркивает подвижность, изменчивость византийской церковной администрации (стр. 28, 72, 79 и др.). Еще в IX в. патриаршие архонты не составляли единой группы, которая формируется позднее, под воздействием не императорского законодательства, а церковного обычая (стр. 93). Длительное внутреннее развитие находит свое завершение в престоле Алексея I от 1094 г., появление которой Даррузес ставит в связь с сопротивлением митрополитов императорской власти (стр. 53 и сл.). В своей борьбе против митрополитов Алексей I опирался на административный корпус патриарших архонтов³. Даррузес рассматривает и другой указ Алексея I — новеллу 1107 г., которая оформила создание системы церковных диаскалов (стр. 75), игравших столь большую роль в политической и культурной жизни XII в. Даррузес прослеживает, как в XIV в. введение эказархов, осуществлявших дисциплинарный контроль над клиром, способствовало усилению власти патриарха за счет архонтов (стр. 129 и сл.). Таким образом, церковная администрация при всем ее консерватизме не оставалась в Византии неизменной, но непрерывно видоизменялась и перестраивалась. И опять-таки эта мысль заставляет поднимать вопрос о соотношении церковного развития и общей социальной эволюции Византии.

Традиционные представления о строгой четкости византийской администрации не выдерживают проверки на собранном в книге материале. Так, в частности, пост эконома, предполагавшийся для священника, в X и XI вв. могли занимать миряне (стр. 303 и сл.). Одним из мирян-экономов был будущий император Роман Аргир (стр. 39, 52, 61)⁴. Еще более показательно наблюдение Даррузеса (стр. 63) за организацией церковных финансов: отмечая отсутствие единой патриаршей казны, он показывает сложность и многозначность как понятия сакеллы (казна, монастырь, тюрьма), так и должности начальника сакеллы (стр. 318—322). Даррузес противопоставляет

(стр. 549.16). Даррузес не задается вопросом, что означает здесь *ἀγρ*, *ῥι* не включает этот термин в индекс, — но видимо, речь идет об известной повинности — *агре* или *азриконе*.

³ Одновременно с Даррузесом вопрос о противоречиях между митрополитами и архонтами-диаконами в XI—XII вв. был поднят и В. Тифтиксоглу: *V. Tiftikoglou. Gruppenbildungen innerhalb des konstantinopolitanischen Klerus während der Komnenenzeit.* — BZ, 62, 1969, S. 25—72. Ср. мою рецензию: ВИ, 1971 № 2, стр. 194—196.

⁴ Даррузес ссылается на заметку Зонары, издаваемую им по Vindob. hist. 70 (см. стр. 547). Яхья Антиохийский также называл Романа патрикием, эпархом и экономом храма св. Софии (В. Розен. Император Василий Балгаробойца. СПб., 1883, стр. 71).

церковный порядок организации государственных финансов, которая представляется ему строго централизованной (стр. 63). Императорскую сакелу он называет *banque centrale d'Etat*, ссылаясь на Ф. Дэльгера, который, впрочем, был несколько более осторожным в своей формулировке и признавал сакелу *Staatsbank*⁵, т. е. просто «государственным банком», без эпитета «центральный». Однако, надо думать, и государственная администрация в Византии не была столь упорядоченной, как это представлялась Дэльгеру. Церковная администрация скорее соответствовала, чем противостояла общей имперской структуре.

А. К.

ВИЗАНТИЙСКАЯ МЕТРОЛОГИЯ

E. Schilbach. *Byzantinische metrologische Quellen.*
Düsseldorf, 1970, S. XXIII+204.

E. Schilbach. *Byzantinische Metrologie.* München, 1970, S. XXIX+291.

Византийской метрологии как особой вспомогательной дисциплины до работ Э. Шильбаха практически не существовало — теперь она есть. Первая из его работ — изданная ротационным способом сравнительно небольшая книга — содержит выборку византийских источников по метрологии с комментарием и удобным указателем. Часть текстов публикуется впервые. Правда, объем книги не позволил включить в нее наиболее обширные сочинения, вроде «Геодезии» Иоанна Педиасима (XIII—XIV вв.), но и в таком виде сводка Шильбаха дает в руки византиниста большой и легко обозримый материал.

Вторая книга — общая характеристика византийских мер и весов. Автор ограничивает себя преимущественно средне- и поздневизантийским периодом и соответственно территорией Малой Азии, Греции, Македонии и островов, включая Кипр. В книге рассматриваются как официальные, так и локальные меры длины и поверхности, меры жидкости и сыпучих тел, меры веса. В приложении даны три экскурса: о классификации земель по принципу качества, о приемах измерения земельных участков¹ и о поземельном обложении. Автор сознательно воздерживается от рассмотрения проблемы измерения времени в Византии, поскольку она принадлежит хронологии. Возможно, было бы целесообразно включить в книгу, хотя бы в виде приложения, сводку данных о византийских ценах (частично автор обращается к ним в связи с измерением и обложением земли).

Автором привлечен, помимо специально метрологических источников, широкий круг памятников, как греческих, так и иноземных, — от хроник до деловых документов, включая счетные книги. Используются и памятники материальной культуры: здания, монеты, гири-эксагии и т. п. Характеристика источников дана на нескольких страницах (стр. 6—9) и носит, по сути дела, внешне-дескриптивный характер. Внутренняя критика источника отсутствует. Например, материал известной книги Пеголотти безоговорочно отнесен к первой половине XIV в., тогда как, возможно, он отражает обстановку, существовавшую в Византии в конце XIII столетия². Более общий характер имеет вопрос о степени достоверности метрологических сведений. Некоторые стороны этого вопроса, в частности проблема терминологии, удачно разбираются в самом тексте, однако мне представляется плодотворным целостное его рассмотрение. В самом деле, существует ряд византийских источников, как, например, задачники, метрологические данные которых явно произвольны. В других случаях (например, в хрониках или житиях) произвольность этих данных может быть допущена априори, но насколько основателен разговор о произвольности цифр в трактатах землемеров и тем более в деловых документах?

В основе византийских мер длины лежит «стопа» (фут), которую Шильбах принимает равной 31, 23 см, что, по его мнению, отличает византийскую систему от римской, изжившейся на фите в 29, 6 см, и сближает с греческой, где фут равнялся 31,5 см (стр. 16). Шильбах характеризует ряд линейных мер («локоть», «оргия», «схиний» и др.) и останавливается мимоходом на длине дневного перехода (стр. 36). Это понятие играло важную роль в системе византийских измерений, оно упоминается не у одного только Кантакузина, как можно было бы заключить из текста Шильбаха, но у многих византийских авторов (часто у Константина Багрянородного), равно как и у восточных и латинских писателей. Полная сводка таких данных могла бы представлять большой интерес.

⁵ F. Dölger. *Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung.* Darmstadt, 1960, S. 14. Дэльгер противопоставляет сакелле вестиярий как казну для натуральных поступлений, что не соответствует действительности, ибо в вестиярий поступали и денежные суммы. О сакеле см. также: *ibid.*, S. 24—27.

¹ См. об этом также: Г. Г. Лутаевин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, X, 1956, стр. 101—103.

² Ph. Grierson. *The Coin List of Pegolotti.* — «Studi in onore di A. Saporio». Milano, 1957.

Центральная мера площади в Византии — модий. Очень остроумно Шильбах показал (стр. 63—66), что термином *στρέμμα* обозначалась, по-видимому, площадь, соответствовавшая 1 модию (а не меньшая, как думали до сих пор). Модий, по Шильбаху, исчислялся тройко (если не считать особых случаев): в 888,73, в 939,18 и в 1279,78 кв. м (стр. 66). Другая важная мера — зевгарь. Шильбах отмечает, что она варьировала от 8 до 20 га и составляла площадь, которую пара волов могла вспахать за год (стр. 69).

Меры сыпучих тел Шильбах разделяет на две группы: одни применялись в фискальных целях и для исчисления посева, другие — в торговле (стр. 94). Так как они носили одинаковые названия (модий и его производные), разграничить обе группы не всегда просто. Автор рассматривает разные виды модия (как меры объема) и, в частности, показывает, что антикизирующий термин «медимн» обычно соответствовал модию (стр. 56—98). Так называемый морской модий Шильбах исчисляет в 17,084 литра (стр. 96), афонный — в 11,389 м (стр. 99), тогда как модий, употреблявшийся при торговых операциях, колебался между 316,78 и 333,24 литра (стр. 104).

Единицей веса была литра, которая составляла:

- в IV—VI вв. — ок. 324 г.
- в VI—VII вв. — ок. 322 г.
- в VII—IX вв. — ок. 320 г.
- в IX—начале XIII в. — ок. 319 г.
- в XIII—XV вв. — не более 319 г. (стр. 166).

Собранный и исследованный Шильбахом материал важен прежде всего как справочный. Однако его значение этим не исчерпывается. Он позволяет если не понять, то, во всяком случае, задуматься над некоторыми особенностями византийской системы мер и весов.

Как и повсюду в средние века, в Византии в основе измерения пространства и объема лежали конкретные, по большей части антропологические, понятия. Мерами длины были стопа, локоть, расстояние между большим пальцем и мизинцем; поверхность измерялась количеством засеваемого зерна или трудом воловьей-упряжки. Строго метрической системы мер здесь не было.

Корни византийской системы мер Шильбах ищет в античности: по его мнению, линейные меры восходят по преимуществу к древнегреческим (стр. 16), квадратные — к римским (стр. 74—79). Мне кажется сомнительной самая возможность происхождения линейных мер из одного культурного круга, а квадратных из другого. При решении этого вопроса не следует сбрасывать со счетов осознанный традиционализм византийского общества — тем более интересны наблюдения Шильбаха, отмечающего в ряде случаев отличия византийских мер от более ранних (например, стр. 33 и сл.).

Очень показателен «полисемантизм» византийских мер. Термин «модий» в этом отношении весьма любопытен: мы уже видели, что за ним скрывались самые разные понятия. Локальные особенности таких мер, как локоть или калам (тростник), были весьма значительны. Византийская централизация не распространялась, по всей видимости, на меры длины, поверхности, сыпучих тел и жидкостей.

В отличие от этого система веса предстает перед нами более унифицированной. Шильбах отмечает, что в средневизантийский период локальных мер веса в Византии не было — они складываются только с XIII в. (стр. 186 и сл.). Что это — случайность или закономерное явление? Автор не ставит такого вопроса. Для социально-экономической истории Византии особенно интересен экскурс Шильбаха в сферу податной системы. Здесь было бы чрезвычайно существенно рассмотреть вопрос о факторах, определявших как размер податей, так и цену земли³. Если Шильбах справедливо отмечает, что размер площади определялся далеко не одними только метрическими критериями (стр. 56—58), то в еще большей степени эти особенности средневекового мышления обнаруживались в конституировании поземельной ренты или налога. К сожалению, стремление получить усредненные цифры ведет Шильбаха в данном случае к искажению перспективы и к потере «внеэкономического» фактора.

И последнее замечание. Шильбах приводит (стр. 57, прим. 6) интересную таблицу урожайности (от 1,6 : 1 до 5 : 1). В какой мере, однако, эти данные (для одного района в конце XIV в.) распространяемы на всю территорию и всю историю империи? В конце XII в. Евстафий Солунский гордился урожаем почти в сам-20!

А. К.

³ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 155 и сл.; К. В. Хвостова. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.). М., 1968, стр. 115—135.

Наша рецензия каталога новозаветных греческих рукописей советских хранилищ появляется с большим опозданием — с момента выхода книги прошло уже 7 лет. Мы решаемся, однако, ее опубликовать, потому что на русском языке еще не было напечатано специальных отзывов на эту работу. Между тем каталог К. Троя, содержащий подробное описание почти $\frac{1}{10}$ части всех греческих рукописей хранилищ СССР, безусловно, заслуживает такого специального отзыва. В течение всего этого времени нам приходилось неоднократно пользоваться каталогом, и мы в состоянии теперь оценить его достоинства гораздо лучше, чем если бы писали рецензию сразу же вслед за выходом книги из печати.

К. Трой работал в советских хранилищах над описанием новозаветных рукописей с 8 апреля по 22 мая 1957 г. и с 9 по 30 апреля 1958 г. В результате этой работы и последующих уточнений и исследования материала по микрофильмам и появился рецензируемый каталог.

В каталоге описаны 204 рукописи (полные рукописи и фрагменты), содержащие текст Нового завета и находящиеся в 13 хранилищах шести городов: Ленинграда, Москвы, Киева, Одессы, Тбилиси и Еревана. В работу вошли лишь так называемые Texthandschriften, включая списки новозаветного текста с толкованиями; Lektionarhandschriften, т. е. рукописи, текст которых расположен в порядке литургического употребления, во внимание не принимаются.

Каждая рукопись описана по детально разработанной схеме, включающей в себя 22 элемента описания и учитывающей как кодикологические приметы рукописи, так и подробное описание ее содержания, определение редакции текста, его различных особенностей, а также основную библиографию рукописи. Что касается кодикологического аспекта описания, то здесь мы бы отметили четыре недостатка: 1) для пергаменных рукописей, написанных минускулом, отсутствует указание системы разлиновки по альбомам К. и С. Лэйк; 2) для рукописей, написанных на бумаге западного происхождения, нет определения филиграней по альбомам (хотя сами филигрань описаны); 3) в большинстве случаев отсутствует — пусть приблизительная — датировка владельческих и иных поздних записей и помет; 4) нет датировки некоторых переплетов. Правда, первые два недостатка для той части каталога, которая заключает рукописи Ленинграда, смягчаются наличием данных о разлиновке и филигранях в «Каталоге греческих рукописей ленинградских хранилищ» Е. Э. Гранстрем, а для некоторых рукописей Москвы — наличием сведений о разлиновке в VI т. альбома Лэйк.

Одним из самых важных достоинств каталога К. Троя являются многочисленные отождествления фрагментов рукописей советских хранилищ с частями тех же рукописей, находящихся как в других советских собраниях, так и за рубежом. Часть этих отождествлений мы найдем уже в каталоге Е. Э. Гранстрем (например, ГПБ, греч. 33, 54, 275 и др.), однако большинство их — заслуга составителя рецензируемой работы.

Каталог К. Троя содержит кратко, но насыщенные сведениями очерки о фондах греческих рукописей обследованных им хранилищ СССР — некоторые приводимые в каталоге данные являются более точными, чем в имевшейся к моменту выхода книги в свет специальной литературе¹.

Некоторые наши рукописи никогда прежде не изучались и впервые подробно описаны в данном каталоге: ГИМ, Муз. 3644, 3646, ОГНБ, № 567, фрагменты Матенадарана. Многие манускрипты, хотя и бывшие уже предметом исследования и каталогизации, описаны теперь запово, иногда со значительными поправками и дополнениями. В работе постоянно встречаются расхождения в датировке рукописей между предшествующими исследователями и составителем рецензируемого каталога. Большинство новых датировок, как правило, не вызывает возражений (колебания в отнесении рукописей — особенно унциальных — к тому или иному времени разными специалистами бывают подчас значительными) и, насколько можно судить, выглядят достаточно обоснованным; имеются, однако, случаи, которые без рассмотрения самих рукописей мы не можем сейчас объяснить: 1. ГПБ, греч. 118 — Е. Э. Гранстрем и В. Д. Лихачева датируют рукопись XII в.², а К. Трой (стр. 71) — XV в.; 2. ГПБ, греч. 302 —

¹ Более полные сведения о количестве греческих рукописей в основных советских хранилищах см. теперь: Б. Л. Фонкич. Греческие рукописи советских хранилищ (в печати).

² Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 4. Рукописи XII в. — ВВ, 23, 1963, стр. 187 (в дальнейшем при ссылках на эту работу ее название опускается и приводится лишь указание на номер тома ВВ); ее же. Рукописи из библиотек византийских императоров в Ленинграде (Материалы для истории библиотек в Византии. II). — «Палестинский сборник», вып. 23 (86), 1974, стр. 24; В. Д. Лихачева. Судьба одной византийской книги (Рукопись Государственной

Е. Э. Гранстрем относит рукопись к XII в. (ВВ, 23, 1963, стр. 191), К. Трой (стр. 130) — к XIV.

Рецензируемый каталог содержит значительное количество поправок и дополнений к существующим описаниям тех хранилищ, новозаветные рукописи которых изучались К. Троем, — Н. И. Петрова, архим. Владимира, М. Н. Сперанского, Е. Э. Гранстрем и др. Особенно многочисленны поправки к описаниям ленинградских рукописей, и это понятно — ведь из 204 вошедших в каталог рукописей 134 находятся в Ленинграде. Приведем несколько примеров.

1. В каталоге Е. Э. Гранстрем отсутствует указание на принадлежность фрагментов ГПБ, греч. 17 и греч. 49 к одной рукописи, К. Трой устанавливает этот факт (стр. 35—36); то же самое нужно сказать относительно взаимосвязи ГПБ, греч. 295 и БАН, собр. А. А. Дмитриевского 29 (стр. 126—127), фрагмента Пушкинского Дома и «кодекса Левитского» в Киеве (стр. 341—343).

2. К. Трой впервые описал ГПБ, греч. 403, XIV в. (стр. 157), не вошедший в каталог Е. Э. Гранстрем.

3. При описании ленинградских фрагментов «кодекса Н» Е. Э. Гранстрем (ВВ, XVI, 1959, стр. 224) указывает на то, что до второй мировой войны в Киеве также хранился отрывок из этой рукописи, судьба которого теперь неизвестна. К. Трой делает поправку к этому замечанию и подробно описывает киевский фрагмент (стр. 31—34).

После выхода в свет каталога греческих новозаветных рукописей хранилищ СССР завершилась публикация каталога Е. Э. Гранстрем и был напечатан ряд работ, посвященных описанным К. Троем рукописям и содержащих иногда поправки и добавления к его сведениям. Найдены и новые, не известные Троею списки Нового завета, а также вновь обнаружены знакомые Троею лишь по литературе некоторые фрагменты. Все исправления и дополнения как фактического, так и библиографического характера приводим ниже.

Ленинград

ГПБ, греч. 14. Дополнительные сведения о киевском фрагменте рукописи и упоминание всех остальных частей «кодекса Н» см.: Б. Л. Фонкич. Киевский список греческой версии «Варлаама и Иоасафа». — «Мацне», 1973, № 3; В. L. Fonkić. Un «Barlaam et Joasaph» grec daté de 1021. — Anal. Boll., t. 91, 1973.

греч. 53, 105, 118, 275, 537, 801. Е. Э. Гранстрем. Рукописи из библиотеки византийских императоров в Ленинграде (Материалы для истории библиотек в Византии. II). — «Палестинский сборник», вып. 23 (86), 1971, стр. 22—25.

греч. 72. В. Г. Пуцко. К вопросу о происхождении Четвероевангелия 1061 года (ГПБ, греч. 72). — RESEB, X, 1972, № 1, стр. 33—41. Часть листов рукописи (см. особенно л. 4—4 об.) писана, по нашему мнению, тем же почерком, что и вся рукопись ГИМ, Синод. (126 (18) «Шестоднев» Василия Великого).

греч. 101. И. П. Мокрецова. Новые данные о миниатюрах евангелия греч. 101 Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. — ВВ, 33, 1972, стр. 203—215.

греч. 118. В. Д. Лихачева. Судьба одной византийской книги (Рукопись Государственной публичной библиотеки греч. № 118). — «Книга. Исследования и материалы», сб. XVIII. М., 1969, стр. 201—209.

греч. 210. Т. А. Измайлова. К вопросу об иллюстрациях рукописи греч. 210 Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. — ВВ, 30, 1969, стр. 190—194; ВВ, 32, 1971, № 625.

греч. 222, 291. K. Treu. Byzantinische Kaiser in den Schreibernotizen griechischer Handschriften. — BZ, 65, 1972, S. 17, 14.

греч. 225. ВВ, 27, 1967, № 514.

греч. 235. Там же, № 529.

греч. 279. +2 лл. См.: И. Н. Лебедева. Неизвестные фрагменты греческого евангелия в собрании Библиотеки АН СССР. — «Палестинский сборник», вып. 15 (78), 1966, стр. 117—129.

греч. 314. ВВ, 27, 1967, № 516.

греч. 315. Там же, № 523.

греч. 316. ВВ, 28, 1968, № 575.

греч. 322. ВВ, 27, 1967, № 517.

греч. 398. Там же, № 542.

греч. 400. ВВ, 31, 1971, № 607.

греч. 407. ВВ, 27, 1967, № 526.

греч. 517. ВВ, 28, 1968, № 570.

греч. 537. Α. Παλίδης. Τό νέο ἀποκτῆμα τοῦ μουσεῖου Θεσσαλονίκης. "Ἐνα φύλλο ἀπό τόν Πορφύρο Κώδικα τῆς Πετροπολῆως. — «Τό Βῆμα», 29.5.1966; idem. "Ἐνα φύλλο τοῦ Πορφύρο Κώδικα Πετροπολῆως. — «Ἑλληνικά», 20, 1967, σ. 451—452.

публичной библиотеки греч. № 118). — «Книга. Исследования и материалы», сб. XVIII. М., 1969, стр. 202.

греч. 540. ВВ, 32, 1971, № 634.

греч. 543. ВВ, 28, 1968, № 571.

К.—Б. 120/125. Б. Л. Фонкич. Новый автограф Максима Грека. — BS, 1969, № 1, стр. 77—82.

БАН, греч. 86. ВВ, 28, 1968, № 572.

Научная библиотека ЛГУ. Четвероевангелие XIII в. См.: М. Ф. Тонберг. Греческие рукописи Библиотеки им. М. Горького Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова. — ВВ, 31, 1971, стр. 128—129.

Москва

ГИМ., Синод. 18 (277). См. статью К. Троя, указанную к ГПБ, греч. 222, стр. 20.

Синод. 93(97). В 1956 г. А. Диллер пришел к выводу, что эта рукопись является автографом писца Порфирьевского Четвероевангелия 835 г. (ГПБ, греч. 219) Николая Студита³. Недавно был определен по почерку еще один автограф Николая — Vat. gr. 2079⁴. Рецензируя каталог К. Троя, мы рассмотрели весь доступный нам материал студийского книгописания — рукописи Исторического музея и факсимильные воспроизведения остальных кодексов — и пришли к следующему заключению.

В рукописи ГИМ, 93 наблюдаются две системы разлиновки: 1) лл. 1—92, тип II, 4b + двойная горизонтальная линия на верхнем поле, над текстом; 2) лл. 93—288, разлиновка совпадает по типу с разлиновкой предыдущих листов, но для текста даны лишь две направляющие горизонтальные линии — для первой и последней строк на странице (ср. с разлиновкой Порфирьевского Четвероевангелия). Рукопись ГИМ, 93 писана двумя писцами: 1) лл. 1—89 об., 2) лл. 90—288 об. Строки текста первого писца находятся на линии разлиновки; второй писец, используя на лл. 90—92 об. разлиновку первого писца, часто располагает строки текста под линией разлиновки, иногда же эта линия пронизывает буквы.

Рукопись ГИМ, 93 — бесспорно, студийского происхождения. Об этом свидетельствуют сигнатуры рукописи (маленькие крестики на верхнем поле первого листа тетради, стоящие на вертикальных линиях разлиновки и сопровождавшиеся номером тетради в верхнем правом углу: сейчас эти номера почти везде обрезаны, но на лл. 179 и 187 полностью сохранились κ' и $\lambda\alpha'$); описанная система сигнатур находится в той части кодекса, которая написана вторым писцом, разлиновка лл. 93—288, а также почерки обоих переписчиков. Однако тщательное сличение почерков рукописи ГИМ, 93 с почерком Николая Студита в ГПБ, греч. 219 выявило немало расхождений как в унциальных, так и в минускульных частях письма (сейчас мы не имеем возможности более детально, с иллюстрациями обосновать свое мнение и ограничиваемся лишь этой констатацией), которые не позволяют признать ни один из почерков ГИМ, 93 тождественным почерку Николая Студита.

Научная библиотека МГУ. Б. Л. Фонкич. Греческие рукописи Библиотеки Московского университета. — ВДИ, 1967, № 4, стр. 95—103; В. Г. Пуцко. Миниатюра 'Ο παρθένος в греческом Апостоле 1072 года из собрания библиотеки Московского университета (2280). — BS, 1968, № 2. См. также статью К. Троя, указанную к ГПБ, греч. 222, стр. 15.

Гос. Третьяковская галерея. Принадлежавший прежде Троице-Сергиевой лавре фрагмент Евангелия XI в., описанный К. Троем (стр. 360—361) лишь по литературе, находится в настоящее время в Третьяковской галерее (№ 2580).

Гос. Оружейная палата (Музей Московского Кремля). Здесь хранится не учтенный К. Троем список Четвероевангелия 1272 г. (инв. № 11968).

Киев

Два фрагмента греческого Евангелия X в. (№ 160 [4]) и XI в. (=Петров № 18), принадлежавшие раньше Церковно-археологическому музею при Киевской духовной академии, хранятся в настоящее время в Гос. заповеднике-музее «Киево-Печерская лавра».

Папирусные фрагменты из собрания Антонина Капустина, которые К. Трой не смог изучить de visu в 1958 г. (стр. 361—362), находятся на месте своего постоянного хранения — в Центральной научной библиотеке АН УССР.

Тбилиси

К библиографии работ о Коридетском евангелии нужно добавить: Г. Ф. Церетели. Коридетская рукопись и ее греческие приписки. Тбилиси, 1937.

Ереван

Э. Бихэн. Греческие рукописи Матенадарана им. Маштоца. — «Историко-филологический журнал», 1972, № 1, стр. 267—268 (на армянском языке); E. Bihain. Les manuscrits grecs du Maténadaran d'Erévan. — Byz., XLII, 1, 1972, p. 254—256.

Б. Ф.

³ A. Diller. A Companion to the Uspenski Gospels. — BZ, 49, 1956, p. 332—335.

⁴ F. J. Leroy. L'homilétique de Proclus de Constantinople (Studi e Testi, 247). Città del Vaticano, 1967.

ХРОНИКА

**ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В УРАЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ЗА 10 ЛЕТ
(1961—1971)**

В Уральском государственном университете на кафедре истории древнего мира и средних веков в конце 50-х годов стала складываться уральская школа византиноведения¹. Образованию нового центра предшествовала большая научная работа заведующего кафедрой М. Я. Сюзюмова, которым начиная с 1916 г. издано множество разнообразных трудов, посвященных различным аспектам византийской истории. С другой стороны, проблемы византиноведения заняли заметное место в работе кафедры благодаря ее тесной связи с сектором византиноведения Института истории АН СССР.

Основные проблемы, которые разрабатывали сотрудники кафедры, связаны с социально-экономической и политической историей Византии. М. Я. Сюзюмов опубликовал ряд статей об аграрном строе Византии², об иконоборчестве³.

В основном вопросы социально-экономического и политического развития Византии рассматривались на примере города. Впервые проблема городов-эмпориев, а позднее и пригородов была поставлена М. Я. Сюзюмовым, и он ранее других ученых-византистов приступил к ее исследованию⁴. Им был сделан и ряд переводов греческих источников — трактат архитектора Юлиана Аскаланита⁵, второе издание вместе с греческим текстом и комментариями «Книги Эпарха»⁶, Морского закона⁷.

В процессе исследований по истории византийского города были сделаны интересные выводы. В частности, ранневизантийский город расценен как еще город эллинистический, сыгравший прогрессивную роль в формировании феодализма не только в Византии, но и во всей Европе. С концепцией континуитета в истории византийского города выступил М. Я. Сюзюмов. По его мнению, византийский город являлся преемником античного города⁸. Эта точка зрения вызвала широкую дискуссию в среде историков-византиноведов. С М. Я. Сюзюмовым полемизировали А. П. Каждан⁹, З. В. Удальцова¹⁰, А. Л. Якобсон¹¹, отстаивавшие теорию исчезновения большинства городов в VI—VIII вв.

В более поздних работах М. Я. Сюзюмов, по-прежнему отстаивая теорию континуитета, обогащает ее новыми наблюдениями¹²; влияние античности он переносит на все сферы городской жизни, быт, культуру и идеологию¹³.

После появления различных исследований по истории византийского города оказался возможным переход к широким и аргументированным выводам. Город стал определяться как общественный институт, центр экономики и культуры.

¹ М. Я. Сюзюмов. Всеобщая история в Свердловске перед юбилейным годом. — В кн.: «Историческая наука на Урале за 50 лет». Свердловск, 1968, стр. 8.

² М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. — УЗ Свердловского ГПИ, 1955, стр. 165—192.

³ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. — УЗ Свердловского ГПИ, вып. IV, 1948.

⁴ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 96.

⁵ М. Я. Сюзюмов. О трактате Юлиана Аскаланита. — АДСВ, вып. 1. Свердловск, 1960, стр. 3—34.

⁶ «Византийская Книга эпарха». М., 1962.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Морской закон. — АДСВ, вып. 6. Свердловск, 1969.

⁸ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 99, 201.

⁹ З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1958, № 10, стр. 79—96.

¹⁰ З. В. Удальцова. Италия и Византия в VI в. М., 1959.

¹¹ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, № 63, 1959.

¹² М. Я. Сюзюмов. О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе. — АДСВ, вып. 3. Свердловск, 1965, стр. 5—16.

¹³ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 202.

Ученики М. Я. Сюзюмова на основании источников пришли к некоторым довольно своеобразным выводам, касающимся социально-экономической, политической и военной истории Византии.

М. А. Поляковская изучала специфику экономического развития поздневизантийского города. На основе многочисленного актового материала двух крупных городов византийской Македонии — Фессалоники и Серр — она исследовала состав и объем городских и пригородных монастырских владений, источники и темпы роста собственности монастырей. М. А. Поляковская выявила основную особенность экономики поздневизантийского города, которая заключается в увеличении размеров городской собственности крупных духовных феодалов Византии эпохи Палеологов¹⁴. Тенденция роста монастырских владений распространялась и на пригороды, которые экономически были очень тесно связаны с городом¹⁵. В росте городской и пригородной собственности большую роль сыграли маленькие монастыри-метехи, находившиеся в зависимости от более могущественных монастырей¹⁶. В результате М. А. Поляковская пришла к интересному выводу: увеличение размеров городской монастырской собственности не способствовало дальнейшей эволюции поздневизантийского города в сторону развития капиталистических отношений, так как усиление экономического и политического влияния феодалов в византийском городе палеологовского времени отличало пути его развития от путей развития западноевропейского города¹⁷. Таким образом, XIII—XIV вв. явились временем усиленного проникновения крупных провинциальных монастырей в городскую экономику. Это приводило к дальнейшему укреплению не только экономического могущества, но и политического влияния монастырей¹⁸.

В последние годы, после защиты кандидатской диссертации¹⁹, М. А. Поляковская уделяет пристальное внимание именно росту политического влияния монастырей²⁰. Она переходит к рассмотрению такого вопроса, как взаимоотношения государства с церковью, место монашества в общественной жизни Византии. На основании источников по истории столичных монастырей в XIV в. — типиков, документов, исходящих из императорской канцелярии, патриарших грамот, свидетельств историков XIV в. Никифора Григоры, Иоанна Кантакузина автор делает следующие выводы: византийское монашество принимало живейшее участие в политической жизни империи, так как основная борьба велась между патриархами и императорами, становившимися то врагами, то союзниками. Позднее, после прекращения многолетней междоусобной войны, перед угрозой турецкого нашествия императоры стали меньше думать о патриархах. В период сложной междоусобной борьбы в империи монастыри, особенно провинциальные, были сторонниками слабой центральной власти. Таким образом, сильное в экономическом и идеологическом отношении провинциальное монашество определяло политическое настроение части монастырей столицы. Так даже в последние века существования Византии монашество являлось элементом господствующего класса²¹.

Наиболее ярко характеризуют слабость Византийской империи в XIII—XIV вв., раздираемой противоречиями, междоусобицами, постоянной борьбой за власть, публицистские произведения таких видных представителей византийского общества, как Никифор Григора, Николай Кавасила²². Экономии и особенно памфлеты Николая Кавасилы в силу специфических особенностей этого жанра литературы наиболее ярко свидетельствуют о высоком накале идейной борьбы в Византии XIV в.²³

Проблема категорий крестьянства в истории Византии выделилась из обширной темы экономического и политико-юридического положения сельских трудящихся.

¹⁴ М. А. Поляковская. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии. — ВВ, XXIV, стр. 15—17.

¹⁵ М. А. Поляковская. Тенденция роста пригородных монастырских владений в XIV в. (на примере пригородов Фессалоники и Серр). — «VII Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 303.

¹⁶ М. А. Поляковская. Метехи в городском и пригородном хозяйстве поздней Византии (по данным монастырских актов). — УЗ ПГУ, № 143, 1966, стр. 93—97.

¹⁷ М. А. Поляковская. Некоторые проблемы античности и средневековья в работах аспирантов Уральского университета. — В сб.: «Историческая наука на Урале за 50 лет», стр. 62.

¹⁸ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 194.

¹⁹ М. А. Поляковская. Рост монастырских владений в Фессалониках и Серрах в XIV в. как проявление своеобразия византийского города. — Автореферат канд. дисс. Свердловск, 1966.

²⁰ М. А. Поляковская. Участие византийских монастырей в политической жизни империи середины XIV в. — АДСВ, вып. 6, 1969, стр. 55—78.

²¹ Там же.

²² М. А. Поляковская. О памфлете Николая Кавасилы. — АДСВ, вып. 7. Свердловск, 1971, стр. 149—159.

²³ С докладами об экономах Н. Кавасилы как историческом источнике М. А. Поляковская выступила на IX Всесоюзной конференции византистов в Ереване (май 1971 г.) и на XIV Международном конгрессе византиноведов в Бухаресте (сентябрь 1971 г.).

Категории крестьянства стали предметом исследования В. А. Сметанина²⁴. По мнению ученого, сельские производители подразделялись на большие группы (крестьянство, ремесленники, наемные работники, деклассированная прослойка, возможно, рабы). Крестьянство в свою очередь, в зависимости от различного правового и экономического положения, также делилось на категории, которые В. А. Сметанин не рассматривает как единое целое. Например, наемные работники византийской деревни по юридическому статусу разделялись на свободных и зависимых. Особое положение занимала деклассированная прослойка, существовавшая как в городе, так и в деревне²⁵. Это — обезземеленные крестьяне, которые вели бродячую жизнь. Состав этих так называемых «неизвестных казне лиц» постоянно пополнялся за счет выброшенных из общины крестьян, часть которых могла превратиться в зависимых крестьян²⁶.

Изучая документы и юридические источники²⁷, В. А. Сметанин приходит к выводу о сложном, глубоко дифференцированном социальном составе сельских производителей Византии XIII—XV вв. Исследуя социальный статут различных категорий византийского крестьянства, В. А. Сметанин проделал большую терминологическую работу²⁸. Он использовал сравнительно мало изученный и интересный по своему значению эпистолярный материал, относящийся к поздней Византии²⁹.

Вопросам торговых связей городов Далматии Трогира и Котора посвящено исследование Э. И. Чудиновских. Источниками для ее работы послужили портуланы — «портовые книги»³⁰, материалы нотариальных актов³¹, переписка частных лиц. Изучая эти материалы, Э. И. Чудиновских отмечает, что социальный состав лиц, вовлеченных в торговлю, не был однородным³². Для усиления торговли далматинские города создали сеть опорных пунктов в Центральном и Восточном Средиземноморье³³. По мнению автора, наличие компании определяло интенсивный рост торговой деятельности далматинских городов в XII—XIV вв.³⁴

Вопросам военной истории на основе малоизученного источника — официального военного руководства, «Тактики Льва» — посвящено исследование В. В. Кучмы. Он перевел источник, сравнил «Тактику Льва» с другими военными трактатами VI—X вв.³⁵, в частности с так называемым «Стратегиконом» Псевдо-Маврикия. При этом В. В. Кучма, отметив близкое сходство двух источников, причину которого он усматривает в идентичности социально-экономических условий, определявших материальную и социальную базу византийской военной организации, а именно — существование фемного строя, в то же время подчеркнул их различие. «Стратегикон» — это начало существования фемного строя, а «Тактика Льва» — высшая точка в развитии фемного строя.

Опираясь на данные «Тактики Льва», В. В. Кучма рассматривает вопросы дисциплины, анализирует построение византийской армии, раскрывает характерные черты византийского военного искусства³⁶. Теоретические выводы В. В. Кучмы находят подтверждение в памятниках материальной культуры — фортификационных сооружениях Херсонеса³⁷. Характер военной доктрины того времени В. В. Кучма определяет

²⁴ В. А. Сметанин. К вопросу о свободном крестьянстве в поздней Византии. — АДСВ, вып. 3, 1965.

²⁵ В. А. Сметанин. Деклассированная прослойка в поздневизантийской деревне. — АДСВ, вып. 4, 1966, стр. 94—135.

²⁶ В. А. Сметанин. «Неизвестные казне» лица в Византии XIII—XV вв. — «Седьмая Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 32—33.

²⁷ В. А. Сметанин. Византийское законодательство XIV в. о крестьянстве (по Арменопулу) и отражение его в актах. — УЗ ПГУ, 143, 1966, стр. 98—102.

²⁸ В. А. Сметанин. Византийское крестьянство в терминологии греческих актов XIII—XV вв. — АДСВ, вып. 2, 1964, стр. 24—59.

²⁹ В. А. Сметанин. Перечень изданий поздневизантийских писем АДСВ, вып. 6, 1969, стр. 176—203.

³⁰ Э. И. Чудиновских. Греческие портуланы как источник по истории торговых путей Центрального и Восточного Средиземноморья. XII—XV вв. — АДСВ, вып. 3, 1965, стр. 61—85.

³¹ Э. И. Чудиновских. Торговые компании Трогира и Котора в конце XIII—XIV вв. по данным нотариальных актов. — В сб.: «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966, стр. 71—81.

³² Э. И. Чудиновских. Торговая деятельность населения далматинских городов в XIII—XIV вв. — АДСВ, вып. 3, 1965, стр. 85—100.

³³ Э. И. Чудиновских. Развитие торговых связей далматинских городов в XIII—XIV вв. УЗ ПГУ, 143, 1966, стр. 118—123.

³⁴ Э. И. Чудиновских. Торговые компании Трогира и Котора. . . , стр. 71—81.

³⁵ В. В. Кучма. Византийские военные трактаты VI—X вв. как источники по истории военного искусства Византийской империи. — АДСВ, вып. 4, 1966, стр. 31—56.

³⁶ В. В. Кучма. Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва». — АДСВ, вып. 3, 1965, стр. 148—167.

³⁷ В. В. Кучма. Оборонительные сооружения Херсонеса в свете установок «Тактики Льва». — АДСВ, вып. 3, 1965, стр. 148—167.

как оборонительный³⁸ и причину этого видит в кризисе военной византийской организации, слишком отставшей от феодальной западноевропейской армии³⁹.

Обращение В. В. Кучмы к памятникам Херсонеса было не случайным, так как на протяжении уже более десяти лет сотрудниками кафедры и студентами факультета проводятся раскопки этого замечательного города, который является как бы соединительным звеном между историей античной, средневековой и ранней истории СССР. Большую работу в изучении Херсонеса проделал Е. Г. Суров. Он опубликовал ряд статей⁴⁰ и выпустил монографию⁴¹.

Раскопки последних лет, проводимые в портовом районе города под руководством ассистента кафедры А. И. Романчук, дают новые и интересные по своему значению результаты. Исследования в данном районе проводятся в связи с изучением истории византийского города — основной темы кафедры. В портовой части города, насыщенной богатыми культурными слоями, обнаружены материалы VII—VIII вв.⁴² Таким образом, если вывод А. И. Романчук и в дальнейшем подтвердится археологическим материалом, то опровергается вывод А. Л. Якобсона, который считает, что VII—VIII вв. — время упадка Херсонеса⁴³.

Крымская археологическая экспедиция Уральского университета проводит раскопки не только в самом городе, но и в округе его⁴⁴; начаты также исследования одного из интереснейших памятников средневековья в Крыму — княжества Феодоро с центром в Мангупе, в истории которого еще очень много неизученного и неизвестного⁴⁵.

На кафедре истории древнего мира и средних веков за последние 10 лет защищено свыше 100 дипломных работ по истории Византии, большая часть которых посвящена социально-экономическим проблемам развития Византийской империи.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что кафедра истории древнего мира и средних веков Уральского университета работает по поставленной проблеме генезиса византийского города в различных аспектах, привлекая разнообразный материал. Генезис византийского города рассматривается также в студенческих курсовых и дипломных работах, порой выполненных на высоком научном уровне.

Н. И. Бармина

³⁸ В. В. Кучма. Материальная и моральная подготовка армии к войне по «Тактике Льва». — «VII Всесоюзная конференция византистов в Тбилиси. Тезисы докладов». Тбилиси, 1965, стр. 15—17.

³⁹ М. А. Поляковская. Некоторые проблемы античности и средневековья в работах аспирантов Уральского университета.

⁴⁰ Е. Г. Суров. Раскопки в с.-з. районе городища. — «Сообщения Херсонесского музея». Симферополь, 1961 и др.

⁴¹ Е. Г. Суров. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.

⁴² В. Н. Даниленко, В. И. Кадеев, А. И. Романчук. Раскопки в портовом районе Херсонеса. — «Археологические открытия 1969 г.». М., 1970, стр. 282—283; В. Н. Даниленко, А. И. Романчук. Раскопки в портовом районе Херсонеса. — «Археологические открытия 1970 г.». М., 1971, стр. 262—263; И. А. Антонова, В. Н. Даниленко, Л. П. Ивашута, В. И. Кадеев, А. И. Романчук. Средневековые амфоры Херсонеса. — АДСВ, вып. 7, 1971, стр. 102—118; А. И. Романчук. Гончарная мастерская XI—XII вв. в Херсонесе. — АДСВ, вып. 7, 1971, стр. 119—121.

⁴³ А. Л. Якобсон. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, № 63, 1959.

⁴⁴ Л. А. Клягман, А. И. Романчук, О. Я. Савеля. Археологические исследования в окрестностях Севастополя. — «Археологические открытия 1969 г.». М., 1970, стр. 283.

⁴⁵ В. Н. Даниленко, А. И. Романчук. Поливная керамика Мангула. — АДСВ, вып. 6, 1969, стр. 116—138; Н. И. Бармина. Мангуп. — «Вопросы истории», 1969, № 12, стр. 205—207; Е. Г. Суров. К истории дворца кн. Алексея. — КСИА, 129 (в печати).

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА БРУНОВА

В ноябре 1971 г. умер Николай Иванович Брунов. Не стало человека, к работам и суждениям которого на протяжении почти половины столетия с вниманием, уважением, а часто и с подлинным восхищением относились исследователи архитектуры Византии и Древней Руси.

Н. И. Брунов получил среднее образование в Петропавловской гимназии. Затем он поступил в Московский университет на незадолго до этого открывшееся Отделение истории искусств. По окончании университета его зачисляют сотрудником Института археологии и искусствоведения. Вскоре он начинает педагогическую деятельность в университете и Вхутенне, позднее в Архитектурном институте. Академия архитектуры избирает его своим членом-корреспондентом, Академия строительства и архитектуры — действительным членом.

Большую роль в формировании Н. И. Брунова как ученого сыграли его поездки в 1925 г. в Стамбул и Малую Азию, где он изучал архитектуру, поездки по старым русским городам, а также пребывание в Германии, Франции и Италии в 1930 г. Все, что им было написано по истории архитектуры, основано на тщательном изучении памятников, на их обмерах, фотографировании, детальном архитектурном анализе.

Н. И. Брунов прекрасно знал специальную литературу по истории архитектуры едва ли не на всех европейских языках. Но главным источником общих идей, касающихся архитектуры, всегда служили его собственные наблюдения, размышления, его способность видеть архитектуру и расшифровывать ее художественный язык.

В трудах Николая Ивановича история архитектуры рассматривалась в связи с общим развитием культуры. Еще в гимназические годы на него неизгладимое впечатление произвели уроки А. В. Бакушинского, научившего его глубоко воспринимать и понимать искусство. Профессионализм в исследовании древнерусских памятников привил ему в университетские годы А. И. Некрасов. Высокий уровень русской визан-

тинистики помог ему изучить типологическую эволюцию византийской архитектуры. Очень многое дало Н. И. Брунову личное общение с Д. В. Айшаловым, знакомство с исследованиями О. Вульфа, И. Стриговского, Г. Мийе и др.

В статьях 1924—1934 гг. Н. И. Брунов сумел поднять вопросы, во многом расширившие и углубившие прежние представления об истории византийского зодчества. Поразительная наблюдательность и зоркость позволили ему внести ряд существенных поправок и уточнений в вопросы о формах и конструкциях памятников константинопольского круга, многие из них были им по-новому реконструированы. И если отдельные его выводы подверглись критике в 1950—1960-х гг., то лишь потому, что обнаружались новые археологические материалы. Общий же комплекс поставленных Н. И. Бруновым проблем и в наши дни сохраняет свою актуальность.

Исследовав отдельные архитектурные памятники Византии, Н. И. Брунов выработал ряд искусствоведческих понятий, пригодных для анализа византийского зодчества. Наблюдения над эволюцией интерьеров византийских храмов и композицией их наружных форм позволили ему расширить определение художественных принципов этого искусства. Острота его восприятия архитектуры ярко проявилась в монографическом очерке о константинопольской Софии, до сих пор сохраняющем свое научное значение.

Смелость поисков и глубина интерпретации памятников сочетались у Н. И. Брунова со стремлением связать их стилистические признаки с особенностями исторических эпох. Это позволило ему впервые объяснить процесс зарождения древнерусской архитектуры и характер ее развития в X—XIII вв. В его трудах русская архитектура предстала во всем богатстве ее исторических связей и во всем своеобразием ее художественных устремлений. Н. И. Брунов был настолько провидцем, что смог реконструировать утраченные элементы Софии Киевской еще до того, как было произведено ее археологическое исследование.

Работы Н. И. Брунова по византийской архитектуре широко известны не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Меньше известны его изыскания по русской архитектуре XII—XVII вв., хотя они занимают большое место в его наследии. Изучение Н. И. Бруновым Спасского собора в Полоцке открыло новую страницу в истории древнерусской архитектуры. По-новому было им истолковано развитие московской архитектуры XIV—XVII вв. и освещен вопрос о своеобразии древнерусской архитектуры и ее месте в истории мировой культуры. Литературное наследство Н. И. Брунова обширно. Лишь с его опубликованием можно будет в полной мере оценить тот вклад, который он внес в изучение архитектуры, в частности — византийской и древнерусской.

У Николая Ивановича была еще одна сфера деятельности, которой он отдавал много сил и внимания. В течение 45 лет он читал лекции по истории архитектуры в Московском архитектурном институте. Его популярность среди студентов была огромна, любовь к нему — всеобща. Множество советских архитекторов, большинство нынешних преподавателей института учились у него. Из лекций родились его «Очерки по истории архитектуры» и книги по истории архитектуры античности и нового времени, которые до сих пор остаются лучшими работами, раскрывающими широкому читателю красоту архитектуры разных стран и веков.

Память о Николае Ивановиче Брунове будет сохранена всеми знавшими его лично. То, что им сделано, продолжает жить в работах исследователей в Советском Союзе и во многих других странах.

А. Комеч

СПИСОК РАБОТ Н. И. БРУНОВА

1924

[Вместе с М. Алпатовым]. Nachrichten aus Moskau. — BZ, 24, 1924, S. 490—495.

1925

Probleme der byzantinischen und russischen Kunstgeschichte. Forschungen in Russland 1914—1924. — «Belvedere», 6, 1925, Forum, S. 49—57.

Un nouveau type d'église dans la Russie du Nord-Ouest au XIIe siècle. — «Arsbok». Lund, 1925, p. 5—34.

[Вместе с М. Алпатовым]. Die altrussische Kunst in der wissenschaftlichen Forschung seit 1914. — «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. II, Hft. 3/4, 1925, S. 474—505.

[Вместе с М. Алпатовым]. Une nouvelle église de l'époque de Paléologues à Constantinople. — «Echos d'Orient», XXIV, 1925, p. 14—25.

1926

Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года. М., 1926.

- К вопросу о так называемом «русском барокко». — Сб. «Барокко в России». М., 1926, стр. 43—55.
- Модель Иерусалимского храма, привезенная в XVII веке в Россию. — «Сообщения Российского Палестинского общества», XXIX, 1926, стр. 139—148.
- [Вместе с М. Алпатовым]. Краткий отчет о поездке на Восток. — ВВ, XXIV, 1926, стр. 57—62.
- Собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода. — «Труды Этнографо-Археологического музея I МГУ». М., 1926, стр. 16—23.
- Die Odalar-Djami von Konstantinopel. — ВЗ, 26, 1926, S. 352—372.
- Due cattedrali del Kremlino costruite da italiani. — «Architettura e arti decorative», VI, 1926, p. 97—100.
- Ein Denkmal der Hofbaukunst von Konstantinopel. — «Belvedere», 51—52, 1926, S. 217—236.
- Rapport sur un voyage à Constantinople. — REG, XXXIX, № 179, 1926, p. 1—30.
- [Вместе с М. Алпатовым]. Neue Entdeckungen und Forschungen in Konstantinopel. — ВЗ, 26, 1926, S. 248—250.
- [Вместе с М. Алпатовым]. Neuere Forschungen in Russland aus dem Gebiete der byzantinischen und russischen Kunstgeschichte. — «Jahrbuch für Kunstwissenschaft», 1926, 1, S. 59—64.

1927

- К вопросу о болгарских двухэтажных церквах-гробницах. — «Известия на Българския археологически институт», IV, 1926/27, стр. 135—144.
- К вопросу о первоначальном виде древнейшей части Киевской Софии. — ИГАИМК, V, 1927, стр. 135—138.
- К вопросу о связях древнерусского зодчества с Херсонесом. — «Известия Таврического общества археологии, истории и этнографии», 1 (58), 1927, стр. 26—27.
- Памятник ранневизантийской архитектуры в Керчи. — ВВ, XXV, 1927, стр. 87—105.
- Die fünfschiffige Kreuzkuppelkirche in der byzantinischen Baukunst. — ВЗ, 27, 1927, S. 63—98.
- L'église à croix inscrite à cinq neufs dans l'architecture byzantine. — «Echos d'Orient», XXVI, 1927, p. 3—32.
- Über den Breitraum in der christlich-orientalischen und der altrussischen Baukunst. «Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst», N. F., IV, 1, 1927, S. 35—58.
- Une église monastique aux environs de Chalcédoine. — «Echos d'Orient», XXVI, 1927, p. 33—56.

1928

- Беларуская архітэктура XI—XII стагоддзя. — «Інстытут Беларускае культуры. Зборнік артыкулаў». Мінск, 1928, стр. 267—307.
- К вопросу о раннемосковском зодчестве. — «Труды Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН», т. IV. М., 1928, стр. 93—105.
- О некоторых памятниках допетровского зодчества Казани. «Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР», II. Казань, 1928, стр. 32—39.
- О хорах в древнерусском зодчестве. — «Труды Секции теории и методологии (социологической) Института археологии и искусствознания РАНИОН», II. М., 1928, стр. 93—97.
- Памятник русского зодчества XVI века. — «Труды Секции искусствознания Института археологии и искусствознания РАНИОН», вып. II. М., 1928, стр. 123—132.
- Die frühmoskovitische Baukunst. — «Zeitschrift für Geschichte der Architektur», Jahrgang VIII, 3, 1928, S. 169—174.
- Die Panagia-Kirche auf der Insel Chalki in der Umgebung von Konstantinopel. — BNJb, 6, 1927/28, S. 509—520.
- La Sainte-Sophie de Trébizonde. — Byz., IV, 1927—1928, p. 393—405.
- [Вместе с М. Алпатовым]. Eine Reise nach Konstantinopel, Nicaea und Trapezunt. — «Repertorium für Kunstwissenschaft», XLIX, 1928, S. 51—75.
- Рецензия на книгу: А. Orlandos. Μοναστηριακή Ἀρχιτεκτονική. — BNJb, 6, 1927/28, S. 586—589.
- Рецензия на книгу: G. Sotiriou. Ὁ ναός Ἰωάννου τοῦ Θεολόγου ἐν Ἐφεσῶν. — BNJb, 6, 1927/28, S. 562—571.
- Рецензия на книгу: H. Spanner und S. Guyer. Rusafa (Die Wallfahrtsstadt des Heiligen Sergios). — BNJb, 6, 1927/28, S. 216—222.

1929

- К вопросу об архитектурном стиле эпохи Палеологов в Константинополе. — «Известия на Българския археологически институт», V, 1928/29, стр. 187—224.
- Über den Stil der altrussischen Baukunst. — «Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte», 1929, S. 7—26.

Zur Frage des Ursprungs der Sophienkathedrale in Kiev. — BZ, 29, 1929, S. 248—259.
Рецензия на книгу: *K. Wulzinger*. Byzantinische Baudenkmäler zu Konstantinopel. Hannover, 1925. — «Kritische Berichte zur kunstgeschichtlichen Literatur», 1928—1929, Hft. 1, S. 132—144.

1930

К вопросу о восточных элементах византийского зодчества. — «Труды Секции истории искусства Института археологии и искусствознания РАНИОН», т. IV. М., 1930, стр. 21—29.
Die Gül-Djami von Konstantinopel. — BZ, 30, 1929/30, S. 554—560.
Une église byzantine à Chersonèse. — «L'art byzantin chez les Slaves», 3-me partie. Paris, 1930, p. 25—34.

1931

Die Sophienkathedrale von Konstantinopel. — «Kunstwissenschaftliche Forschungen», I, 1931, S. 33—94. (под псевдонимом G. A. Andreades).
Рецензия на книгу: *W. R. Zalusky*. Gotische und barocke Holzkirchen in den Karpathenländern. Wien, 1926. — «Kritische Berichte zur kunstgeschichtlichen Literatur», 1930/31, Hft. 3, S. 88—92.

1932

Zur Erforschung der byzantinischen Baudenkmäler von Konstantinopel. — BZ, 32, 1932, S. 49—62.
[Вместе с М. Алпатовым]. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932.
Рецензия на статью: *S. Guyer*. Vom Wesen der byzantinischen Kunst («Münchener Jahrbuch der bildenden Kunst», VIII/2, 1931) — «Kritische Berichte zur kunstgeschichtlichen Literatur», 1931/32, Hft. 3, S. 193—200.

1934

Über zwei byzantinische Baudenkmäler von Konstantinopel aus dem XI. J. — BNJb, IX, 1932/34, S. 129—144.
Рецензия на книгу: *F. Halle*. Die Bauplastik von Wladimir—Ssusal. Russische Romanik. Berlin—Wien—Zürich, 1929. — BNJb, IX, 1932/34, S. 189—195.
Рецензия на книгу: *G. Strzygowski*. Asiens bildende Kunst in Stichproben, ihr Wesen und ihre Entwicklung. Augsburg, 1930. — BNJb, IX, 1932/34, S. 182—183.
Рецензия на книгу: *G. Strzygowski*. Die altslawische Kunst. Augsburg, 1929. — BNJb, IX, 1932/34, S. 184—189.

1935

Греция (Архаика, классика, IV век). М., 1935.
Очерки по истории архитектуры, т. II. М.—Л., 1935.
Пропорции в античной и средневековой архитектуре. М., 1935.
[Вместе с Д. Аркиным]. Памятники архитектуры. М., 1935.

1937

Альбом архитектурных стилей. М., 1937.
Очерки по истории архитектуры, т. I. М., 1937.
Рим. Архитектура эпохи барокко. М., 1937.

1938

Дворцы Франции XVII—XVIII веков. М., 1938.
Эрехтейон. М., 1938.

1940

К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X—XII вв. — Сб. «Русская архитектура». М., 1940, стр. 106—126.

1944

К вопросу об истоках русского зодчества. — «Вестник Академии наук СССР», 1944, № 6, стр. 44—67.

1946

О последних исследованиях архитектуры собора Софии в Новгороде. М., 1946.
[Вместе с Д. Аркиным]. О работах по истории русской архитектуры. М., 1946.

1947

[Вместе с Н. Травиным]. Архитектура Софийского собора в Новгороде. — «Сообщения Института истории и теории архитектуры», вып. 7. М., 1947.

1948

Московский Кремль. М., 1948.

1949

Архитектура Константинополя IX—XII вв. — ВВ, II, 1949, стр. 150—214.

1950

Киевская София — древнейший памятник русской архитектуры. — ВВ, III, 1950, стр. 154—200.

1952

К вопросу о некоторых связях русской архитектуры с зодчеством южных славян. — «Архитектурное наследство», II, 1952, стр. 2—42.

1953

Мастера древнерусского зодчества. М., 1953.

Рецензия на книгу: М. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. — ВВ, VII, 1953, стр. 296—306.

Рецензия на книгу: М. Rimpler-Schlachter. Le triomphe de la coupole dans l'architecture byzantine. Strasbourg, 1947. — ВВ, VII, 1953, стр. 378—384.

1954

Архитектура эпохи Древнерусского государства и периода феодальной раздробленности Руси (до середины XV в.). — «История русской архитектуры». М., 1954; второе, дополненное издание вышло в 1956 г., страницы по второму изданию — 11—85.

1966

Архитектура Византии. В кн.: «Всеобщая история архитектуры», т. III. Л.—М., 1966, стр. 16—160.

1967

Zum Problem des Kreuzkuppelsystems. — JÖBG, XVI, 1967, S. 245—261.

1968

К вопросу о средневековой архитектуре Константинополя. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 159—191.

1972

Entwicklungsetappen der Architektur. Dresden, 1972.

1973

Памятники Афинского Акрополя. Парфенон, Эрехтейон. М., 1973.

Остались в рукописи

Итальянская архитектура Ренессанса и барокко (третий том «Очерков по истории архитектуры»), 30 л.

Место древнерусской архитектуры в истории мирового искусства, 20 л.

Основные понятия истории мировой архитектуры, 40 л.

Храм Василия Блаженного, 25 л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века	РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры
БАН	— Библиотека Академии наук СССР	РИБ	— Русская историческая библиотека
ВВ	— Византийский вестник	РФВ	— Русский филологический вестник
ВДИ	— Вестник древней истории	СА	— Советская археология
ВИ	— Вопросы истории	САН	— Список академиков наук
ВИА	— Всеобщая история архитектуры	СВ	— Средние века
ГБЛ	— Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина	СИЭ	— Советская историческая энциклопедия
ГИМ	— Гос. исторический музей	ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ГМИИ	— Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина	УЗ	— Ученые записки
ГО	— Географическое общество	ХТП	— «Херсонес таврический». Путеводитель, Симферополь, 1969
ГПБ	— Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина	ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских
ГПИ	— Гос. педагогический институт	АЕ	— L'année épigraphique
ГРМ	— Гос. Русский музей	AJA	— American Journal of Archaeology
ГЭ	— Гос. Эрмитаж	Anal. Boll.	— Analecta Bollandiana
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения	BCH	— Bulletin de Correspondence Hellénique
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества	BS	— Byzantinoslavica
ЗРВИ	— Сборник Радова. Византологический институт	Byz.	— Byzantion
ИГАИМК	— Известия Гос. академии истории материальной культуры	BZ	— Byzantinische Zeitschrift
ИИИ	— Известия на Института за история	CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе	Cod. Just.	— Codex Justinianus
ИТУАК	— Известия Таврической ученой архивной комиссии	Dig.	— Digestae
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР	DOP	— Dumbarton Oaks Papers
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры	ЕЕВЗ	— 'Επετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР	ЕО	— Echos d'Orient
ОГНБ	— Одесская Гос. научная библиотека им. А. М. Горького	JÖB	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik
ОЛДП	— Общество любителей духовного просвещения	JÖBG	— Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности	MGN, AA	— Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi
ПС	— Палестинский сборник	ММ	— F. Miklosich — J. Muller. Acta et diplomata Graeca medii aevi, vol. 1—6. Vindobonae, 1870—1890.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей	PG	— Patrologiae cursus completus. Series graeca
		REB	— Revue des études byzantines
		REG	— Revue des études grecques
		RESEE	— Revue des études sud-est européennes
		SK	— Seminarium Kondakovianum

ИЛЛЮСТРАЦИИ

К статье КОМЕЧА А. И. рис. 1—4

К статье БАНКА А. В. рис. 1—5

К статье ЛИХАЧЕВОЙ В. Д. рис. 1—2

К статье МУРЬЯНОВА М. Ф. рис. 1—5

К статье ВЗДОРНОВА Г. И. рис. 1—22

К статье БЕЛОБРОВОЙ О. А. рис. 1—6

Рис. 1. Софийский собор в Константинополе. Интерьер, общий вид

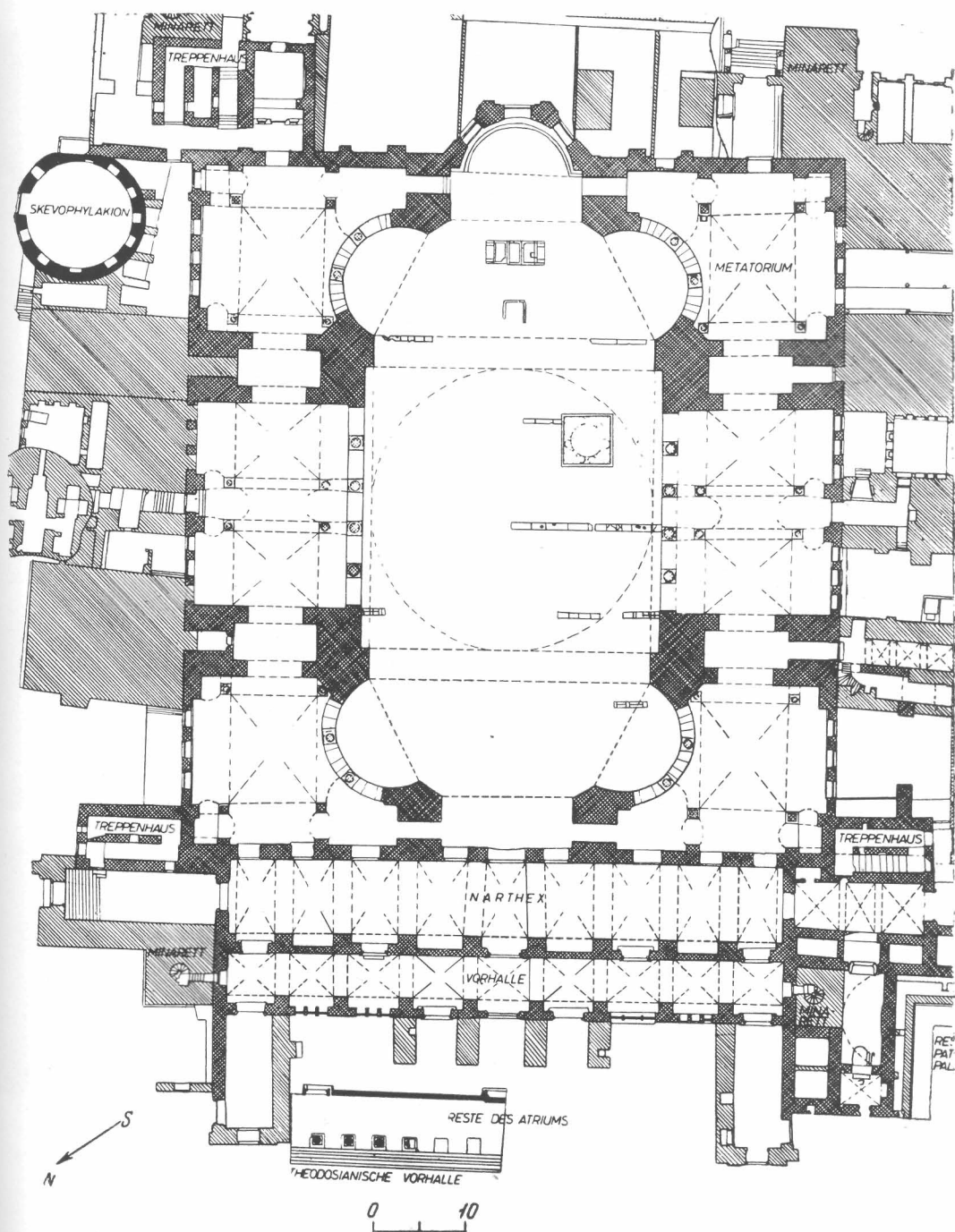

Рис. 2. План Софийского собора в Константинополе

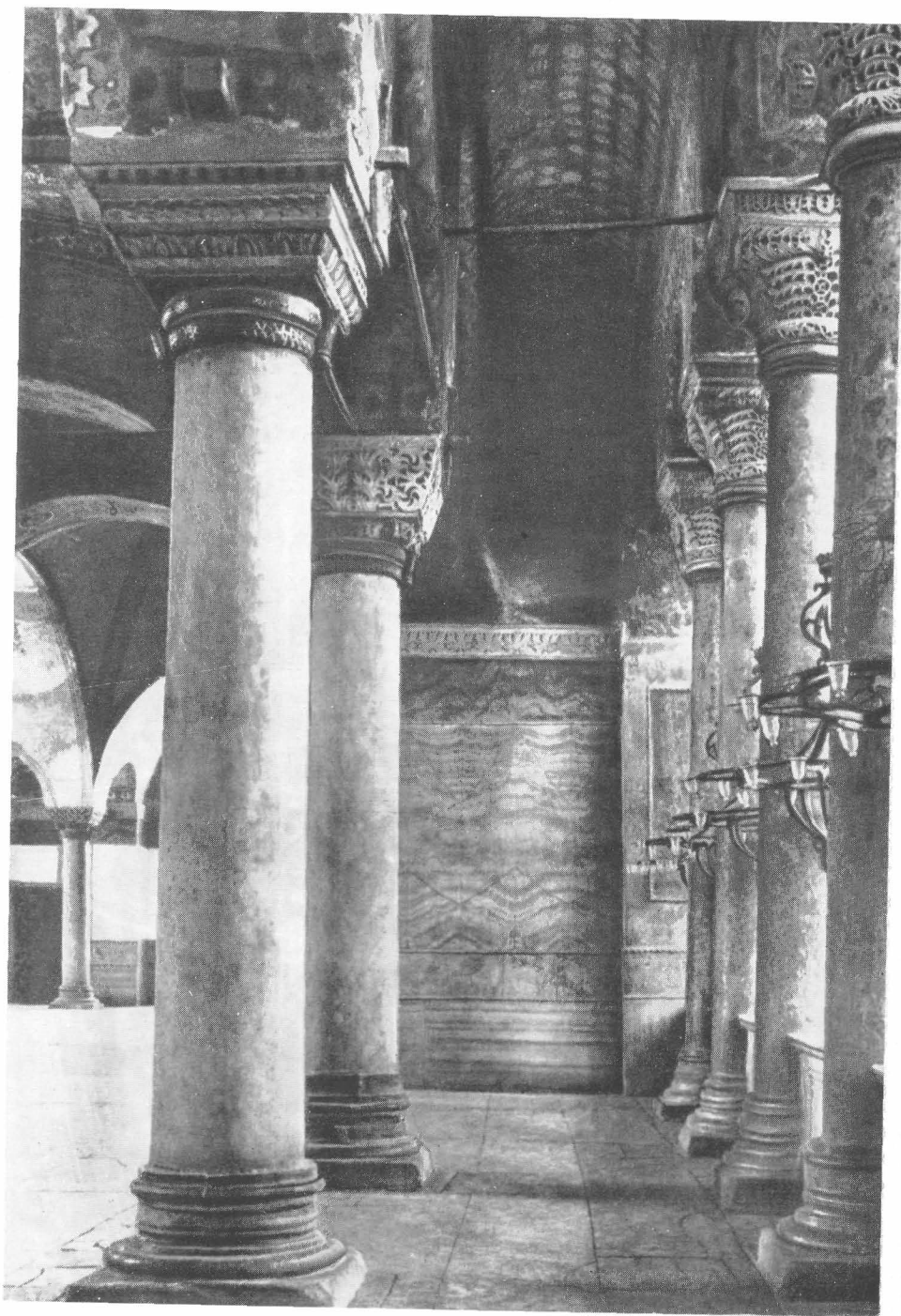

Рис. 3. Софийский собор, колоннада на хорах

Рис. 4. То же, вид северо-западной экседры из бокового нефа

Рис. 1. Икона Богоматерь Одигитрия. Византия.
Музей искусств Грузинской ССР

Рис. 2. Икона Богоматерь Одигитрия. Грузия. Музей искусств
Грузинской ССР

Рис. 3. Икона Богоматерь Одигитрия. Историко-художественный музей в Кутаиси

Рис. 4. Костяная створка триптиха, найденная в Волковыске. Лицевая сторона

Рис. 5. Костяная створка триптиха, найденная в Волковыске. Обратная сторона

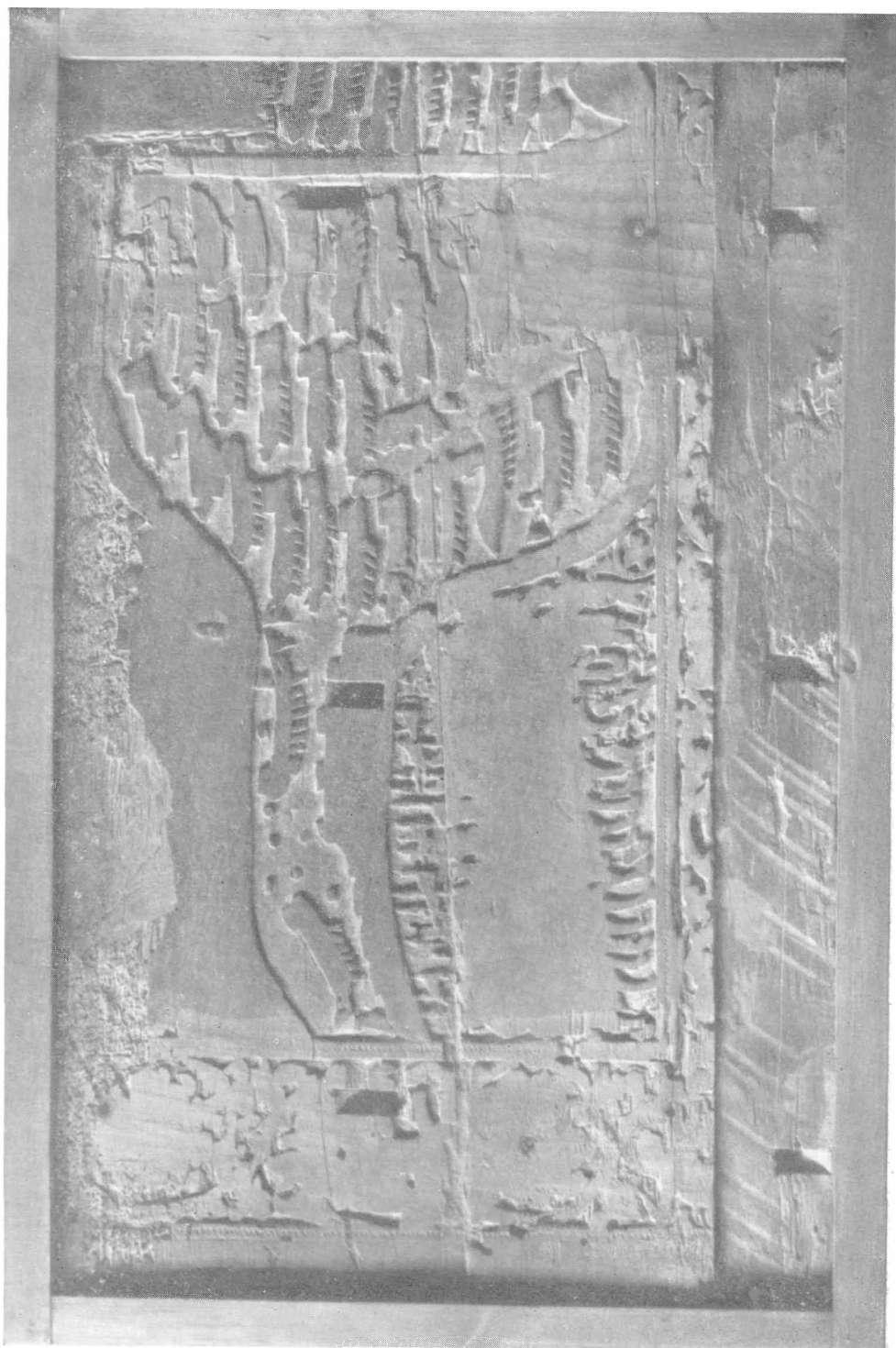

Рис. 1. Резное изображение осады Константинополя на обороте иконы «Сопещение святого Духа на апостолов»

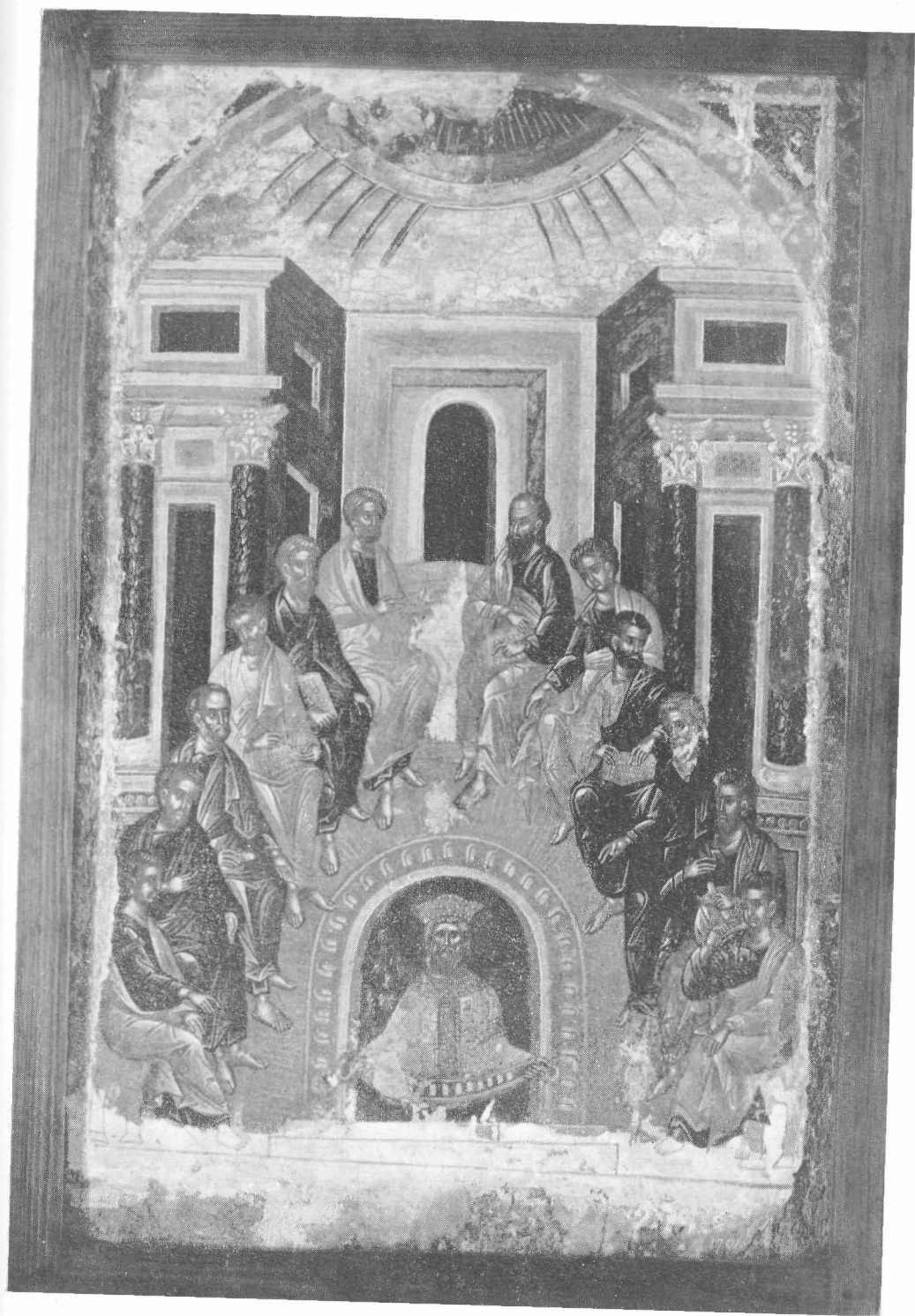

Рис. 2. Икона Эрмитажа «Сшествие святого Духа на апостолов»

Рис. 1. Михаил-архангел с весами правосудия. Фреска церкви Спаса в Нередицах, 1199 г.

Рис. 2. Страшный суд. Миниатюра Четвероевангелия. Свод. 74. Парижская Национальная библиотека. Середина XI в.

Рис. 3. Символы ада. Фреска церкви Спаса в Нередицах, 1199 г.

Рис. 4. Символы ада. Мозаика собора на острове Торчелло. Вторая половина XII в.

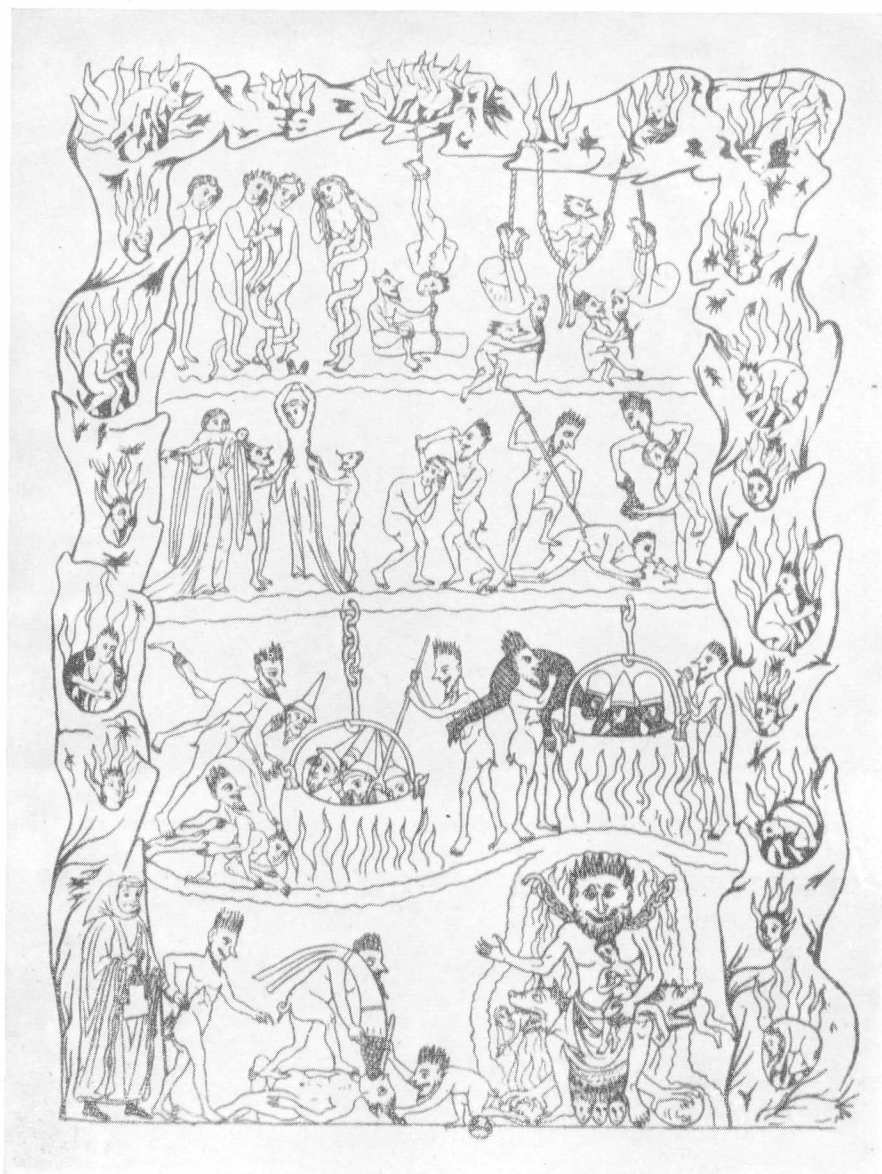

Рис. 5. Ад. Копия миниатюры «Сада радостей» Геррады Ландсбергской, 1185 г.
Оригинал сгорел в 1870 г. в Страсбургской библиотеке

Рис. 1. Лист с заставкой из сербского Евангелия Иакова Серрского. 1354 г. Британский музей, Add. 39629, л. 229

Рис. 2. Лист с заставкой из болгарского Евангелия Иоанна-Александра. 1336 г.
 Британский музей, Add. 39627, л. 213

КА АІ РАЗУАСАФΟΥ ОЗ

Ъ НЕМАЕ ТЕЛО ДІЕМО Н
ЗАКОНЫ МОИ. ПРИКЛОНИ
ТЕОУ ХОВАШЕ ВЪ ГЛЫ ОУ
СТЫ МОИХЪ. ѠВРЪЗЖ

Рис. 3. Лист с заставкой из болгарской Псалтири Томича. 60-е годы XIV в. ГИМ, Муз. 2754, л. 4

БЖВНААСХУБАГЕЖДЕ

ЩЕННАА ВШЫШОУТЕРВОУВЪЕТЫ

ОЛТАРЬ РЕОКАЛЫКШОУСЕ, СЛК.

БЛКЕНОЦРТВОЩАНСНАИСТГО:

ТАБЛВНДШЕМО: ТЕРЕНЖЕМОЛН:

НЩЕДРЫННЛАТНИКЫН.

ДЛГОТРЫПЖАНВЕНДНОГО

ЛАТНИКЕ ВНОУШНМОЛН

ТВОУНАШОУНВЪПЪДНГЛА

МОЛЕННАНАШЕГО СЪТВОРН

СНАМНЗНАМЕННШЕВЪБЛАГО.

Рис. 4. Лист с заставкой из сербского Служебника. Вторая половина XIV в. Афон.
ГПБ, Погод. 37, л. 74

Рис. 5. Лист с заставкой из сербской Псалтири. Вторая половина XIV в. Афон (?).
 ГБЛ, ф. 270, Севаст., № 1434, л. 4

Рис. 6. Заставка Киевской Псалтири. 1397 г. ГПБ, ОЛДП F° 6, л. 2

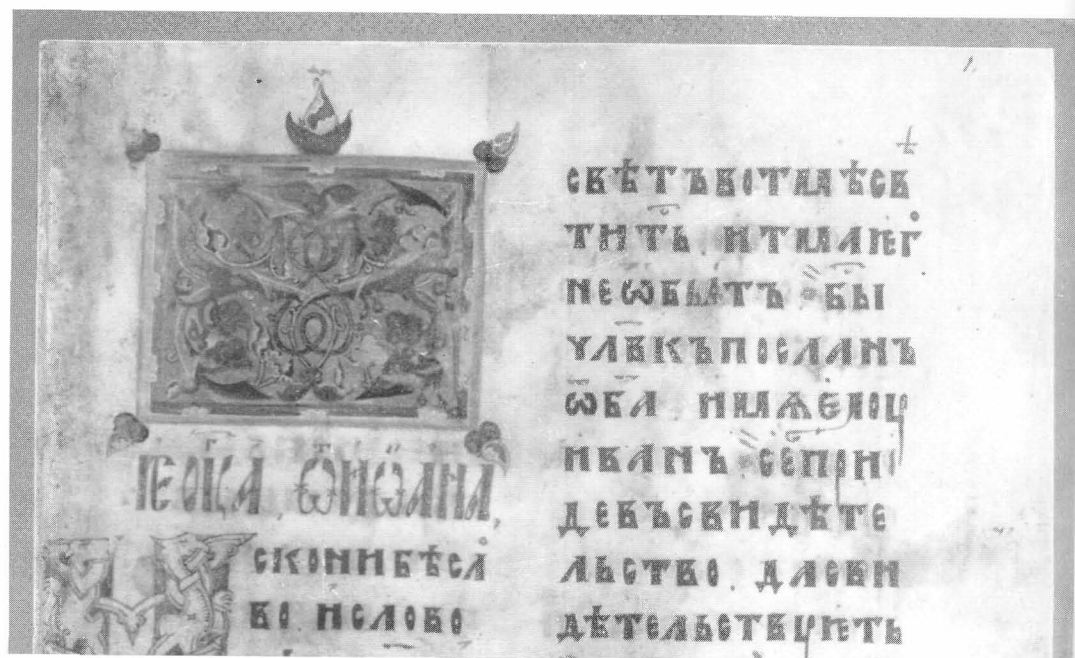
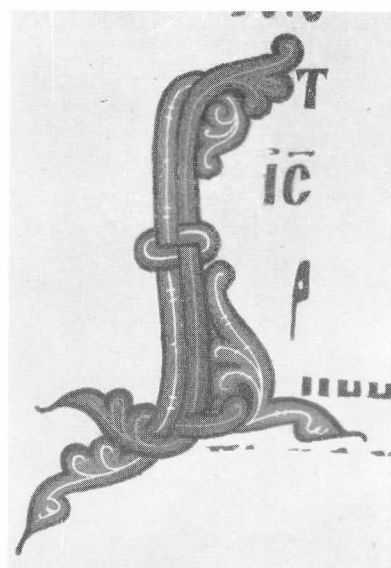

Рис. 7. Заставка из Евангелия конца XIV в. ГИМ, Воскр. 2, л. 1

а

б

в

г

Рис. 8, а—г. Инициалы из Евангелия Кошки. Начало XV в. ГБЛ, ф. 304, М. 8654, лл. 148, 120 об., 287 об.

Рис. 10. Лист с заставкой из Евангелия Успенского собора Московского Кремля. Начало XV в. Оружейная палата, инв. № 11056, л. 132

a

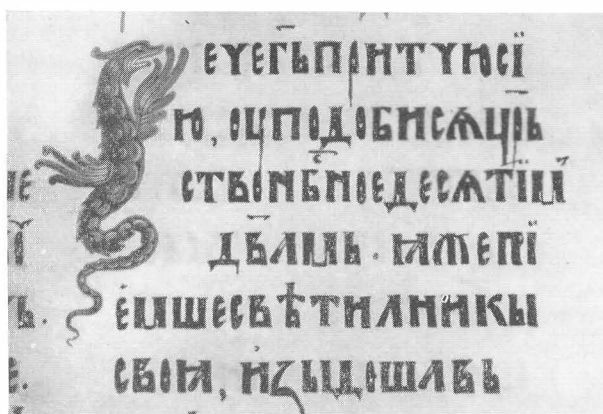

б

Рис. 11, а—б. Инициалы из Евангелия Хитрово. Около 1408 г.
ГБЛ, ф. 304, М. 8657, л. 74 об.

a

б

Рис. 12, а—б. Инициалы из Евангелия Успенского собора Московского Кремля. Начало XV в. Оружейная палата, инв. № 11056, лл. 116 и 126

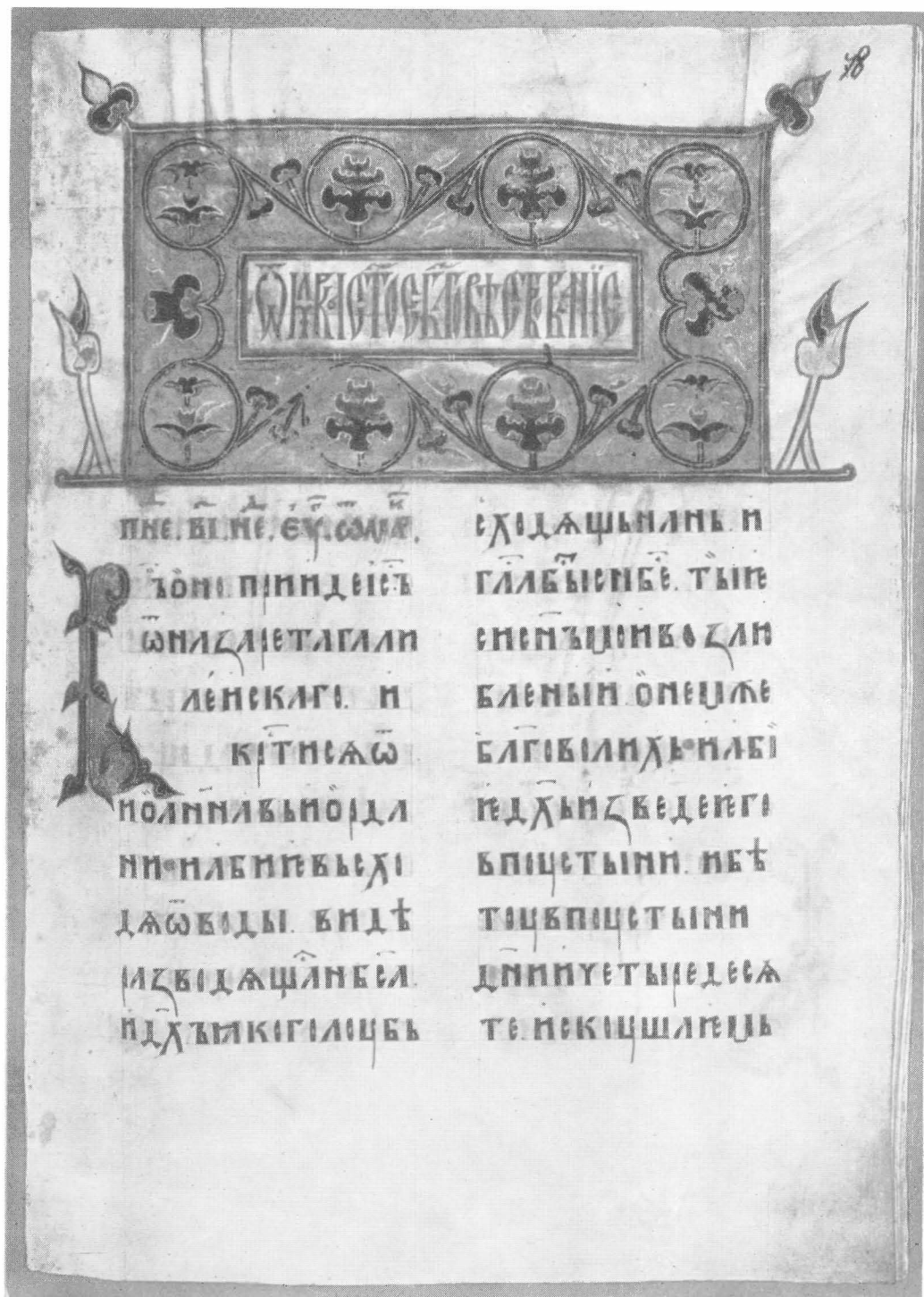

Рис. 13. Лист с заставкой из Климентьевского Евангелия. 10-е годы XV в. ГБЛ, ф. 304, М. 8656, л. 78

Рис. 14. Лист с заставкой из Евангелия Спасо-Андроникова монастыря. 10-е годы XV в.
 ГИМ, Епарх. 436, л. 2

ѢЖЕ ѿ ѿМАСТЕ БАГѢСВОМІЕ
ВѢДАЕ БѢСЛОВО . И СЛОВО БѢКЪ БУ .
И БѢСЛОВО ѿ СЕБѢ НИКОПИ КЪ БУ . ВЪ
САТѢМЪ БЫША . И БѢЗ ПЕРГОПИ ТѢ
БЫ . ЕСТЬ БЫ ѿ ВЪТОМЪ МНѢ БѢ .
И ПНѢ БѢСВѢТЪ УЛКЪ МЪ ѿ НИКѢТЪ
ВЪТМѢСВѢТНІА . И ТЪ МА ЕГО ПЕОБЪ
ІАТЪ ѿ БЫУЛКЪ ПОСЛА ПЪ ѿ БА . И МА ЕМ
І ѿ АПНЪ ѿ ЕН ПРІНДЕ ВЪСВѢТЕЛЪСТВО .
ДА СВѢТЕЛЪСТВОУЕ ѿ СВѢТѢ . ДА ВЪСНІѢ
РОУ И МОУТЪ ИМЪ ѿ ПЕБѢ ТОНІЕ БѢ . ПОДА
СВѢТЕЛЪСТВОУЕ ѿ СВѢТѢ ѿ БѢСВѢТЪ
И ТН ПЫН . И ТЕ ПРѢСВѢЩАЕ ВЪСЯКОГО
УЛКА РАДОУША А ГОВМРЪ ѿ ВЪМНРѢБЪ
ИМНРЪ ТѢМЪ БЫ . ИМНРЪ ЕГО НЕ ПОЗНА
ВЪСВОА ПРІНДЕ . И ВО Н ЕГО НЕ ПРИНІША

ЕУ . ВЪСВОУЮ ВОЛНІСОУЮ НѢ ПАХУ

31
а

ПАЛНР.

Рис. 15. Часть листа с заставкой из Евангелия конца 10-х годов XV в. ГБЛ, ф. 304, М. 8655, л. 180

131.
паро сѣтѣ іѡаннѣ прѣчаи крѣпкѣ.

Ѣже ѡлоустое блѣство
ваніе. глава. ѿ.

Нонеже оубѡ мнѡзи нача
ша чинити подвѣтъ. ѡн
звѣстованы въ нѣкѣхъ.
ѿкоже предаша на мѣ.
нже неспрѣваса мѡвидци
н слоугы кы вше слоуки.
нзволнса и мѣ. по сѣ крѣпо
ва вшоу выше въ крѣпкѣ.

Наліторгѣн.

Рис. 17. Лист с заставкой из Евангелия первой трети XV в., принадлежавшего Кирилло-Белозерскому монастырю. ГРМ, Др. гр. 9, л. 3

СТРАПАЛѢ АПСАНІЕ КЪ НМ

ПАВЕЛЪ РАКЪ ІУХВЪ. ЗВАНЪ АПЛЬ. ИЗЪ БРАНА
 ВЪ БЛАГОУТІЕ БЖІЕ, БЖЕ ПРѢЖЕ ОБѢЩА
 ПРѢКЪСКОУДИ. ВЪ ПИСАНІИ ТХЪ ОУНѢ БЖЕ
 ЕСТЬ. БЫВШІА МѢШТЕ МЕНЕ ДВА ПОПЛЬТИ.
 НА РЕЧЕНАГО СНА БЖІА ВЪНІАТЪ. ПОДХОУ
 СТЫНА. ИЗЪ АВЪ КРЪШЕНІА МРЪТВЫХЪ.
 ІУХА ГАНАШЕГО. И АЖЕ ПРІАЖХЪ БЛГТЪ
 И ПОСЛАНИЕ ВЪ ПОСЛОУШАНИЕ ВЪ ТРІА ВЪ ВЪСѢ
 ЖЪ РЪЦѢ ОУНѢ МЕНЕГО. ВЪ НИХЪ ЖЕ СТЕНЫ
 ЗВАНІИ ІУХОУ, ВЪ СЪМЪ ЖЩІИ ДЪ ВЪ РІДѢ.
 ВЪ СЪЛЮБЛЕНІИ ДЪ БЖЕ ЗВАНІИ ДЪ МЪ ТЫДЪ.
 АГТАВА ДЪ ИМІРЪ ШЕА ОЦА НАШЕГО. И
 ІА ІУХА. ПРѢ ВЪ ТОН. ПРЪАВОГО ОУБЕ, БЛГО
 ДАРА БЖА МОЕГО ІУХО ДЪ ВЪ ВЪСѢ ХАВА. И КО
 ВЪ ТОВАША, ВЪ СЪВѢЩАЕТЕ СЪ ВЪ ВЪСѢ ДЪ МІРЪ.

СЖ а попенѣности. БРАЕ, БЛГТАВА ДЪ

Рис. 18. Лист с заставкой из Апостола первой трети XV в., принадлежавшего Кирилло-Белозерскому монастырю. ГРМ, Др. гр. 20, л. 98

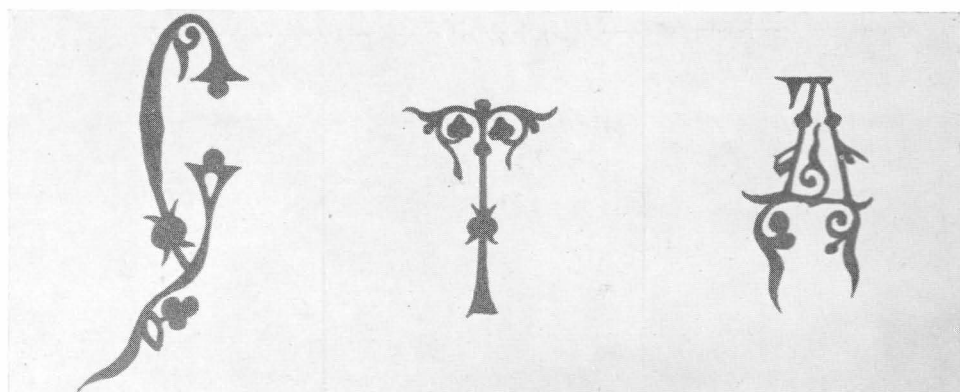

Рис. 19. Инициалы из греческого литургического свитка XII—XIII вв. (выполнены золотом). ГПБ, ОЛДП 55 А

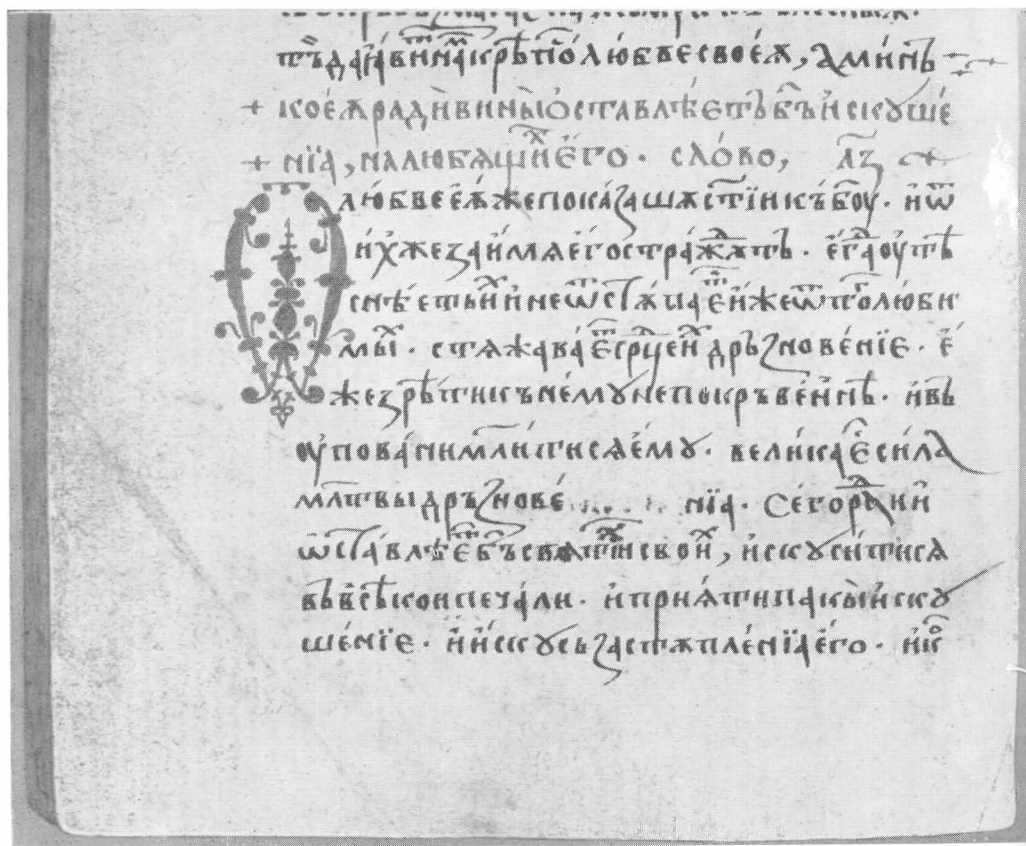

Рис. 20. Киноварный пинициал из сербской рукописи Слов Исаака Сирина. 1381 г. ГБЛ, ф. 304, № 172, л. 139 об.

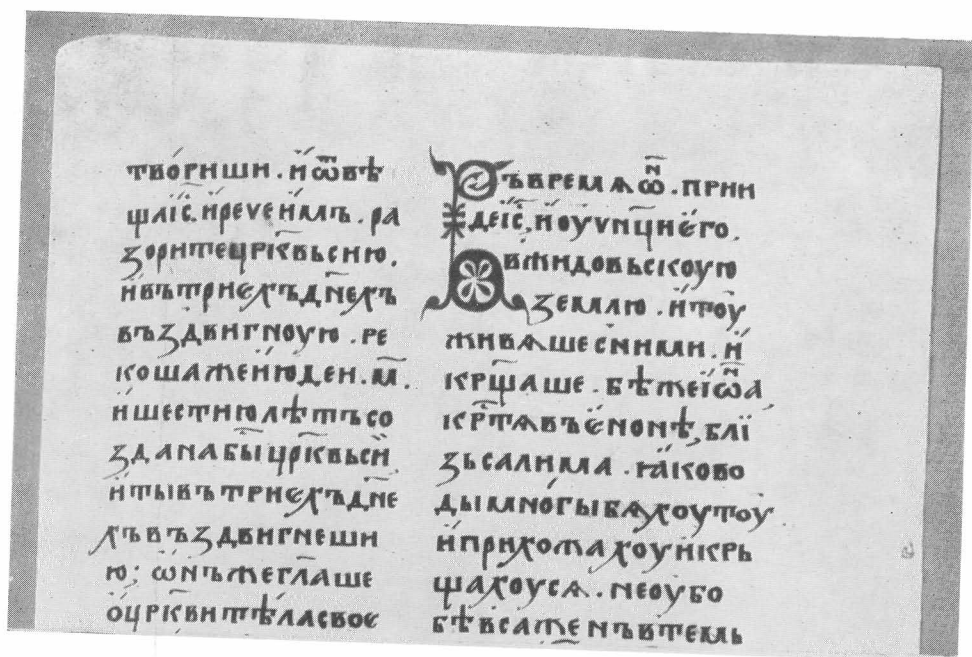

Рис. 21. Инициал из Христофорова Евангелия. 1416—1417 гг. Кирилло-Белозерский монастырь. ГРМ, БК № 3268, л. 7

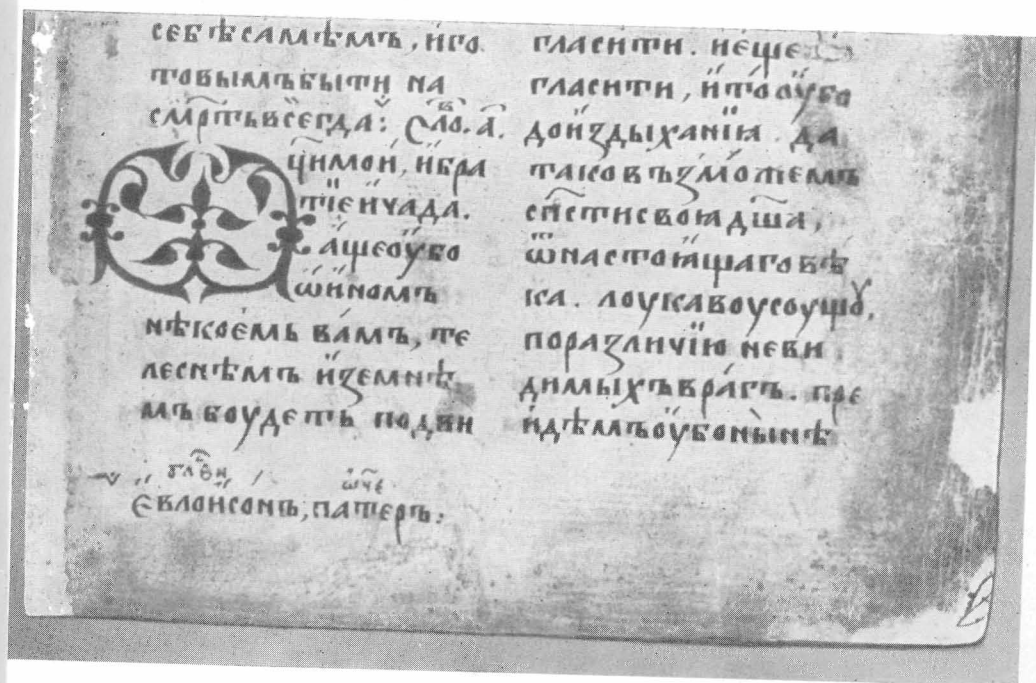

Рис. 22. Инициал из Огласительных слов Феодора Студита. 1417 г. Кирилло-Белозерский монастырь. ГБЛ, ф. 178, Муз. № 8460, л. 2

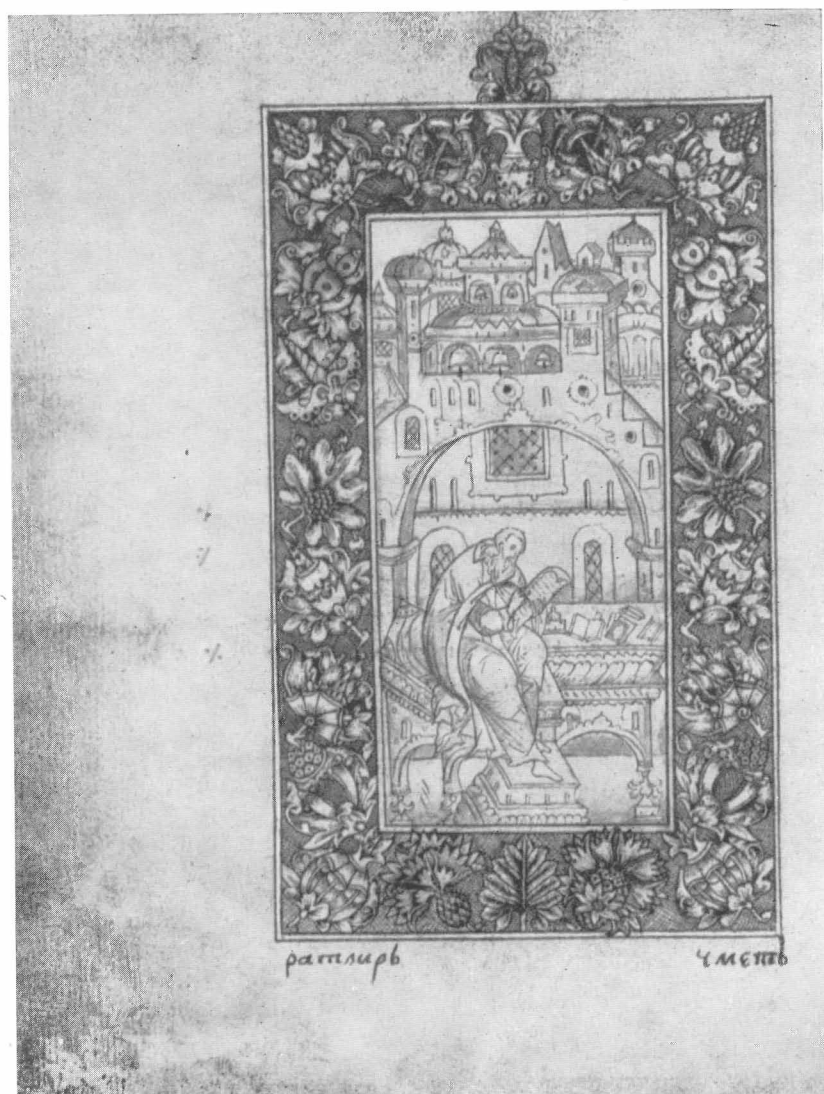

Рис. 1. Миниатюра (рисунок пером) с изображением Максима Грека в Азбуковнике 1613 г., в 4-ку. ГПБ, Q. XVI. 21, л. 21 об.

Рис. 2. Миниатюра (рисунок пером) с изображением Максима Грека в сборнике его сочинений середины XVII в., в 4-ку. БАН, Архангельское собр., № 1044 (М. Б., № 15), л. 10 об.

Рис. 3. Прорись с изображением Максима Грека из Сийского иконописного подлинника конца XVII в., в лист. ГПБ, ОЛДЦ, Г. 88, л. 493 об.

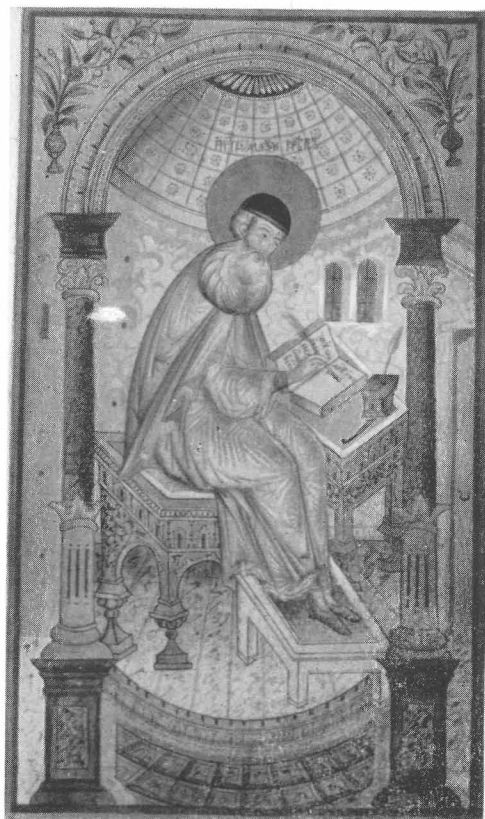

Рис. 4. Миниатюра (в красках) с изображением царя Давида в Толковой псалтири конца XVIII в., в лист. Ярославский гос. историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, № 982 (301), л. 1 об.

Рис. 5. Миниатюра (в красках) с изображением Максима Грека в Толковой псалтири конца XVIII в., в лист. Ярославский гос. историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, № 982 (301), л. 8

Рис. 6. Миниатюра (рисунок пером) с изображением Максима Грека в сборнике его сочинений XVII в., в 4-ку. ГБЛ, ф. 199 (собр. П. Н. Никифорова), № 79, л. 3 об.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Штаерман Е. М.</i> (Москва). Эволюция античной формы собственности и античного города	3
<i>Чекалова А. А.</i> (Москва). Константинопольские аргиропраты в эпоху Юстиниана	15
<i>Наумов Е. П.</i> (Москва). К истории византийской и сербской пронии	22
<i>Каждан А. П., Фонкич Б. Л.</i> (Москва). Новое издание актов Лавры и его значение для византиноведения	32
<i>Гийан Р.</i> (Париж). Очерки просопографии Византийской империи. Патрикии	55
<i>Любарский Я. Н.</i> (Ленинград). Песелл в отношениях с современниками	72
<i>Медведев И. П.</i> (Ленинград). Политическая экономия Георгия Гемиста Плифона	88
<i>Красавина С. К.</i> (Краснодар). Мировоззрение и социально-политические взгляды византийского историка Дуки	97
<i>Иванов А. И.</i> (Ленинград). Максим Грек и итальянское Возрождение (продолжение)	112
<i>Попова Т. В.</i> (Москва). Художественные особенности сочинения Евсевия Кесарийского <i>Vita Constantini</i>	122
<i>Полякова С. В.</i> (Ленинград). Фольклорный сюжет о счастливом глупце в некоторых памятниках агиографии VIII в.	130
<i>Поляковская М. А.</i> (Свердловск). Толкование повести «Лукий, или Осел» Алексеем Макремволитом	137
<i>Копыленко М. М.</i> (Алма-Ата). Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности	141
<i>Бычков В. В.</i> (Москва). Образ как категория византийской эстетики	151
<i>Лекинадзе В. А.</i> (Тбилиси). О постройках Юстиниана в Западной Грузии	169
<i>Комеч А. И.</i> (Москва). Особенности пространственной композиции Софийского собора в Константинополе	187
<i>Банк А. В.</i> (Ленинград). Константинопольские образцы и местные копии (по материалам прикладного искусства X—XII вв.)	190
<i>Залеская В. Н.</i> (Ленинград). Об одном украшении византийской мебели	196
<i>Лихачева В. Д.</i> (Ленинград). Резное изображение осады Константинополя в собрании Эрмитажа	200
<i>Мурьянов М. Ф.</i> (Ленинград). Этюды к нередицким фрескам	204
<i>Вздорнов Г. И.</i> (Москва). Невизантийский орнамент в южнославянских и русских рукописных книгах до начала XV в	214
<i>Белоброва О. А.</i> (Ленинград). К иконографии Максима Грека	244
<i>Колесникова Л. Г.</i> (Севастополь). Восточное стекло из собрания Херсонесского музея	249
<i>Щапов Я. Н.</i> (Москва). Греческие рукописи в собраниях Варшавы и Кракова	257
<i>Кропоткин В. В.</i> (Москва). Византийский экзагий из Керчи	262
<i>Лебедева Г. Е.</i> (Ленинград). К творческой биографии А. П. Рудакова	264

Критика и библиография

Р е ц е н з и и

<i>Гадло А. В.</i> (Ленинград). А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения Юго-западной Таврики. — МИА, № 168, 1970	268
<i>Свяжиков М. Я.</i> (Свердловск). Страшимир Н. Лишев. Българският средновековен град. София, 1970	277
<i>Каждан А. П.</i> (Москва). Н. G. Beck. <i>Geschichte der byzantinischen Volksliteratur</i> . München, 1971	278

ΑΝΝΟΤΑЦИИ

I. E. Karayannopoulos. Πῦλαι τῆς Βοζαντινῆς ιστορίας. Thessaloniki, 1970 . .	285
Syméon le Nouveau Théologien. Hymnes. Introduction, texte critique et notes par J. Koder, t. I—II. Paris, 1969—1971	286
Joannis Tzetzae Historiae, recensuit P. A. M. Leone. Napoli, 1968 . . .	287
Joannis Tzetzae Epistulae, recensuit P. A. M. Leone. — «Bibliotheca Teubneriana». Leipzig, 1972	289
Georges et Démétrios Tornikès. Lettres et discours. Introduction, texte, analyse, traduction et notes par J. Darrouzès. Paris, 1970	290
Некоторые новые издания агиографических и гомилетических текстов из византийской Италии	291
Изучение истории византийской знати. G. Weiss. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. — Wiesbaden, 1969; F. Velázquez-Gaztelu. Evolución de la Nobleza en la Cristiandad Oriental — «Hidalguía», XVI, 1968, № 86	293
Darrouzès. Recherches sur les ΟΦΦΙΚΙΑ de l'église byzantine. — «Archives de l'Orient chrétien», II. Paris, 1970	296
Византийская метрология. E. Schilbach. Byzantinische metrologische Quellen. Düsseldorf, 1970; E. Schilbach. Byzantinische Metrologie. München, 1970	298
K. Treu. Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments in der UdSSR. Berlin, 1966	300

Хроника

Бармина И. И. (Свердловск). Византиноведческие исследования в Уральском университете за 10 лет (1961—1971)	303
Комеч А. И. (Москва). Памяти Николая Ивановича Брунова	307
Список сокращений	312

Византийский временник, том 34

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории АН СССР

Редактор издательства Ф. Н. Арский
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы Ф. М. Хенох и Н. Н. Плохова

Сдано в набор 12/III 1973. Подписано к печати 30/VII 1973.
Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 30,8. Уч.-изд. л. 33,6. Бумага № 1.
Тираж 1850 экз. Т-11723. Тип. зак. 152
Цена 2 р. 21 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, 9-я линия, дом 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строфа</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
19	25 сн.	Он	Они
303	20 св.	Аскаланига	Аскалонита
303	13 сн.	Аскаланита	Аскалонига
Шмүцтитул	3 св.	Банка А. В.	Банк А. В.

Византийский временник, вып. 34